

**Московский государственный
университет имени М. В. Ломоносова**

Факультет политологии

SCHOLA-2010

Сборник научных статей

Под редакцией А. Ю. Шутова и А. А. Ширинянца

Издательский дом «Политическая мысль»

Москва
2010

УДК 32-027.21(082)
ББК 60.0
S53

Печатается по решению Ученого совета факультета
политологии Московского государственного университета
имени М. В. Ломоносова

S53 SCHOLA-2010: Сборник научных статей факультета политологии Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова / Под общ. ред. А. Ю. Шутова и А. А. Ширинянца; сост. А. И. Волошин, Э. А. Козьменко. — М.: Издательский дом «Политическая мысль», 2010. — 443 с.

ISBN 978-5-4267-0003-1

В одиннадцатый выпуск сборника «SCHOLA» вошли статьи по широкому кругу проблем истории и теории политики, истории социально-политических учений, российской политики, социологии и психологии политики, мировой политики и международных отношений, а также других направлений современной политической науки.

Для политологов, философов, историков, всех, кто интересуется политологией.

УДК 32-027.21(082)
ББК 60.0

ISBN 978-5-4267-0003-1

© Коллектив авторов, 2010

Выпуская в свет сборник «SCHOLA – 2010» факультет политологии Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова поддерживает многолетнюю университетскую традицию содействия интеграции научного сообщества, частью которой стала публикация работ учащихся и преподавателей университета, а также наших коллег и партнеров из других ВУЗов. Однако ничто не стоит на месте: и новая, одиннадцатая по счету книга не только продолжает уже сложившийся интеллектуальный обычай, но также становится площадкой для испытания инновационных форматов. Также, как и в 2009 году прием работ велся через систему электронной регистрации Научного портала факультета политологии МГУ (<http://schola.su>), что позволило серьезно расширить круг и географию авторов издания. Количество разделов сборника возросло до тринадцати (в 2009 их было 11), эти разделы, охватывающие практически все предметное поле политологии, включают 91 статью, авторы которых работают и учатся не только в Московском государственном университете, но и в университетах Барнаула, Екатеринбурга, Иркутска, Перми, Ростова-на-Дону, Санкт-Петербурга, Саратова, Тулы, Ульяновска, а также – Киева, Кокшетау, Кракова, Лодзи, Познани, Софии, Харькова. По сравнению с изданиями прошлых лет, серьезно возросло представительство исследователей, обладающих научными степенями: книга содержит 9 статей докторов и 14 — кандидатов наук. В их числе крупные ученые Московского университета, Московского государственного института международных отношений (Университета) МИД РФ, Санкт-Петербургского государственного университета, Ягеллонского университета в Кракове, Лодзинского университета, Киевского национального университета имени Тараса Шевченко и др. Показательно, что две трети статей сборника принадлежат перу начинающих ученых – студентов, аспирантов, соискателей и стажеров. Надеемся, что для них публикация в нашем сборнике станет «знаковой» и откроет путь в «большую» науку.

Не можем не выразить благодарность Волошину Андрею Игоревичу и Козьменко Эвелине Алексеевне, которые провели огромную работу по подготовке поступивших в редакцию материалов к публикации.

Доктор исторических наук, профессор Шутов А. Ю.

Доктор политических наук, профессор Шириняц А. А.

История и теория политики

Артём Владимирович Богданов

Аспирант кафедры политических наук юридического факультета Саратовского государственного университета им. Н. Г. Чернышевского¹

Рене Генон — классик традиционализма

Аннотация

В статье проводится анализ концепции традиционализма Рене Генона. Изучение работ Р. Генона, позволяет автору статьи рассмотреть традицию, традиционализм, традиционалистскую цивилизацию, абсолют и «вселенскую возможность» в понимании французского мыслителя.

Ключевые слова: традиционализм, традиция, традиционалистская цивилизация, интегральный традиционализм.

Рене Генон (1886–1951 гг.) выдающийся французский метафизик, культуролог, религиовед и мусульманский богослов, остающийся влиятельной фигурой в области метафизики. Автор трудов, тематика которых варьируется от метафизики и исследований традиции до символизма и инициации.

Ученый и философ, сумевший обобщить опыт познания традиции и, заложивший основы новой концепции и целого учения, по словам Александра Дугина, «целого мировоззрения и нового метаязыка традиционализма».

Актуальность рассмотрения творчества Рене Генона видется научно обоснованной. Его труды помогают понять не только теоретические концепции и гипотезы ученых, изучающих традиционализм, но и более детально и полноценно понять политические процессы, происходящие в современной России, которые, в свою очередь, связаны с взаимодействием традиции и модерна, традиционализма и модернизации.

Проблеме традиции, как одному из способов социальной преемственности, посвящено немало исследований в самых различных областях социально-гуманитарного знания. Эти работы восходят своими корнями к философской классике — трудам Бэкона, Гоббса, Дидро, Гельвеция, Гердера, Гегеля, Маркса, к более поздним изысканиям, в области теории и социологии культуры, Т. Куна, Р. К. Мертон, П. Сорокина, С. Тулмина и др. К отечественным исследователям, внёшим заметный вклад в изучение различных аспектов традиционности, необходимо отнести С. С. Аверинцева, А. Н. Антонова, Э. А. Баллера, И. А. Барсегиана, В. Б. Власову, В. Е. Давидовича, О. И. Джиоева, Б. С. Ерасова, Э. С. Маркаряна и др. Они заложили основы целого направления, связанного с исследованием традиций, — традициеведения.

---

¹ Научный руководитель: доктор политических наук, заведующий кафедрой политических наук Саратовского государственного университета имени Н. Г. Чернышевского, профессор **Александр Алексеевич Вилков**.

Классиками традиционалистской доктрины, на ряду с Р. Геноном, были, по мнению многих российских авторов (А. Дугина, С. Ю. Ключникова, Ю. Н. Стефанова, Т. М. Фадеевой, М. М. Федоровой и др.) Э. Берк, Ж. де Местр, Л. де Бональд, П. С. Балланш, Ф. Р. де Шатобриан, Ф. Р. де Ламенне, Ш. Моррас, Мёллер ван ден Брук, Ю. Эвола.

Переходя к рассмотрению концепции традиционализма Рене Генона, на наш взгляд, следует отметить влияние, оказанное на него школой романтизма. А именно то, что романтики, несмотря на декларирование безусловной ценности традиции, объективно способствовали её десакрализации: коль скоро традиций много, возникает ситуация выбора лучшей и, соответственно, критики остальных. В этом смысле рефлексивный традиционализм романтиков — характернейший продукт разрушения традиционной культуры.

Указанное обстоятельство не осталось незамеченным Рене Геноном, вдохновив его на поиски фундаментальных основ некоей подлинной, единой для всего человечества Традиции, обеспечивающей непрерывность определенного состояния культуры. Противопоставление прошлого настоящему он основывал на радикальном неприятии самой идеологии историзма, чему способствовали и социально-исторические условия.

Французский философ видит в основании всей человеческой цивилизации Универсальную Традицию. Термин «традиция» трактуется им как передача высших, метафизических знаний и принципов. В идее «передачи» он различает два аспекта. Первый из них характеризует передачу «горизонтальную» или «историческую», включающую пространственно-временное измерение. Второй — передачу «вертикальную», происходящую вне времени и пространства на трансцендентальном уровне, которое превосходит всякое пространство-время, превосходит даже вечность, поскольку вечность есть тоже некая временная константа. «Горизонтальная» передача есть связь с Абсолютом, осуществляемая от поколения к поколению, от учителя к ученику, как устно, так и письменно, в процессе всей человеческой истории, от ее начала до завершения кармического исторического цикла. «Вертикальная» связь с Высшей Реальностью происходит и может происходить в любой момент и в любом месте. Она исключает в качестве посредника всякий человеческий элемент и означает сверхчеловеческий, религиозно-метафизический прорыв личности и даже целой группы людей к Предвечному. «Вертикаль» традиции постоянно корректирует в Духе и Истине ее «горизонталь» и удерживает последнюю на верном пути, чтоб не сбилась с курса, не подпала бы под влияние ложных учителей и пророков с их ложными истинами. Здесь идет ежечасная проверка земного Небесным.

Важно подчеркнуть, что Генон вовсе не считал себя открывателем каких-то истин или создателем собственного учения. Более того, он всегда утверждал, что в метафизике, то есть в познании принципов универсального порядка, «абсолютно невозможны открытия; ведь поскольку речь идет о способе познания, не прибегающем ни к какому специальному и внешнему средству исследования, то все, что поддается познанию, могло быть в равной сте-

пени познано определенными людьми во все эпохи». Цель и значение своей деятельности он видел совсем в ином: «Насколько нам известно, никто, кроме нас, не излагал на Западе подлинных восточных учений; мы же делаем это так, как сделал бы на нашем месте любой житель Востока, приведи его к тому те или иные обстоятельства, то есть не в целях какой бы то ни было «пропаганды» или «популяризации» и единственно ради тех, кто способен усвоить эти учения такими, какие они есть, не пытаясь исказить их в угоду общедоступности».

Интересно понимание традиционной цивилизации Рене Геноном, заключающееся в том, что главным принципом такой цивилизации является «духовный порядок», от которого зависит как наука, так и общественные институты, являющиеся, по сути преходящими, второстепенными приложениями «чисто духовных идей».

В соответствии с общим ходом вселенского проявления, которое ведет от Единого к множественному, Первозданная Традиция распалась на ряд отдельных традиционных форм, каждая со своей системой второстепенных традиционных наук: алхимией, астрологией, нумерологией и т. д. Все эти науки носят символический характер, «ибо учение, касающееся невыразимого, может быть преподано лишь с помощью соответствующих символов, служащих подспорьем для созерцания».

Генон утверждал, что «бытие есть только проявление небытия и содержится в нем в потенциальном виде». При этом бесконечность тождественна «вселенской возможности». Эта «вселенская возможность» для Генона и является Абсолютом.

«Вселенская возможность» ничего не воспроизводит, а лишь последовательно проявляется в своих двух аспектах — бытии и небытии. Полный цикл такого проявления Генон именовал санскритским термином «кальпа». Этот цикл подразделялся на подциклы, носящие в индуистской традиции название «манвантар» — «юг». Каждый подцикл повторяет в миниатюре схему проявления, заложенную в кальпе. Внутри каждого подцикла действуют две противоборствующие тенденции — нисходящая и восходящая. Общий ход проявления, или манифестации, состоит, таким образом, в последовательном движении от «чистой духовности», отождествляемой с «чистым бытием» к окончательному «низвержению в материю».

Следует сказать, что Генон оказал огромное влияние на современное понимание традиционализма, а именно интегрального. Интегральный традиционализм — безальтернативно-сакральное философско-религиозное учение, критикующее современный мир и выявляющее во всех культурах и религиях логику единой интегральной «Традиции», некогда существовавшей, но утраченной.

Таким образом, изучая работы Рене Генона, следует учитывать цикличность «вселенской возможности», его понимание Традиции и Абсолюта, традиционной цивилизации, что в дальнейшем поможет глубже понять традиционалистские концепции и учения последующих философов, огромное

влияние на которых оказал французский философ Генон. Среди них, такие как Гвидо Де Джорджио, Юлиус Эвола, Мирча Элиаде, Андре Жид, Фритьоф Шуон, Титус Буркхардт, Александр Дугин, Гейдар Джемаль, Авигдор Эскин.

Работы Рене Генона отличаются фундаментальной критикой современного мира и призывом к интеллектуальной реформации. Он по-новому оценивает метафизику, традиционные науки, символизм и пути духовной реализации. Можно сказать, что на Западе исследования Традиции делятся на два этапа — до Генона и после Генона. Известный эзотерик и суфий Мишель Вальзан сказал однажды: «Явление Рене Генона — самое большое интеллектуальное чудо со времен Средневековья».

Библиография

1. *Дугин А.* Философия традиции. — М., Арктогея-Центр, 2002. — С. 35.
2. *Дугин А.* Пророк Золотого Века. [Электронный ресурс] // Социально-гуманитарное и политологическое образование [сайт]. [2002]. URL: <http://www.humanities.edu.ru/db/msg/6604> (дата обращения: 16.09.2010).
3. *Ильин В.* Рене Генон и Православие. [Электронный ресурс]// Пермский консерватор [сайт]. [2009]. URL: <http://geostrateg3.blogrus.ru/post/1505/9595> (дата обращения: 09.09.2010).
4. *Макаров А. И.* Традиция против истории в философии современного европейского традиционализма // Диалог со временем. Альманах интеллектуальной истории. — 2001. — Вып. 6. — С. 276.
5. *Полонская И. Н.* Традиция: от сакральных оснований к современности. — Ростов н\Д.: Издательство РГУ, 2006. — С. 40.
6. Политология: Энциклопедический словарь. / Общ. ред. и сост.: Ю. И. Аверьянов. — М.: Изд-во Московского коммерческого университета, 2003. — С.52–54.
7. *Генон Р.* Кризис современного мира. [Электронный ресурс]// Философский портал [сайт]. [1927]. URL: <http://www.philosophy.ru/library/guenon/01/index.html> (дата обращения: 09.09.2010).
8. *Генон Р.* Символы священной науки. [Электронный ресурс]// Куб — электронная библиотека [сайт]. [1962]. URL: http://www.koob.ru/genon/simvoli_svyash_nauki (дата обращения: 09.09.2010).
9. *Генон Р.* Царство количества и знамения времени. [Электронный ресурс]// Куб — электронная библиотека [сайт]. [1995]. URL: http://www.koob.ru/genon/tsarstvo_kolichestva (дата обращения: 09.09.2010).
10. *Генон Р.* Человек и его осуществление согласно Веданте [Электронный ресурс]// Куб — электронная библиотека [сайт]. [1925]. URL: http://koob.ru/genon/chel_i_ego_osush (дата обращения: 09.09.2010).
11. *Грицанов А., Филиппович А.* Рене Генон. — М.: Книжный дом, 2010. — С. 15–26;45; 80–120 .
12. *Стефнов Ю.* Рене Генон и философия традиционализма // Вопросы философии. — 1991. — №4. — С. 20–24.

Павел Владимирович Бутаков

Студент кафедры российской политики факультета политологии Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова¹

Юрий Крижанич как первый мыслитель на Руси, осознавший необходимость применения промышленной политики

Аннотация

В статье описываются советы мыслителя-энциклопедиста XVII в. Юрия Крижанича государю Алексею Михайловичу, по увеличению политического могущества Руси путем достижения хозяйственной независимости, написанные в политической ссылке в Тобольске. Крижанич формулирует идеи о принципах деятельности государства по изменению структуры производства. Это даёт право в известной степени назвать его первым мыслителем на Руси в области промышленной политики. Выявлена актуальность рекомендаций этого политического мыслителя для современной России, когда поставлена задача преодоления сырьевой модели экономики.

Ключевые слова: промышленная политика, национальный интерес, панславизм, экономический суверенитет, протекционизм.

Первым мыслителем на Руси, теоретически обосновывавшим необходимость применения активной промышленной политики, был выдающийся энциклопедист XVII в. Юрий Крижанич (1618–1683 гг.).

Серб по национальности, получивший образование в Вене и Болонье, он был проникнут идеей экономического, политического и культурного объединения всех славян под властью Москвы. Одержимый этой идеей, Крижанич приезжает на Русь. Вследствие придворных интриг попадает в опалу и отправляется в почетную ссылку в Тобольск. Оттуда пишет письмо царю Алексею Михайловичу, в котором даёт советы по государственному обустройству Руси. Этот факт биографии, а так же общий характер воззрений дают право сравнивать его с другим интеллектуалом, флорентийцем Никколо Макиавелли.

Согласно Юрию Крижаничу, **из всех мирских наук самая благородная наука и всем госпожа — это политика.** Началом и основанием политической мудрости являются следующие два его выражения: «Познай самого себя» и «не верь чужестранцам».

---

¹ Научный руководитель: доктор философских наук, заведующий кафедрой российской политики факультета политологии МГУ, профессор **Валерий Иванович Коваленко.**

Первая помеха общему благу — незнание самого себя: когда люди слишком любят самих себя и считают себя сильными и богатыми, не будучи таковыми. Политическая мудрость состоит в том, чтобы познать самих себя, т.е. природу, и нрав, состояние народа и страны: чем земля обильна, чем бедна и что могла бы ещё уродить; знать, как пользоваться своим добром, которое от природы дано народу и земле, и уметь сохранить его. **То есть направлять умы и руки подданных ко всему тому, что может быть полезным для народного блага.** А землю возделывать так, чтобы взять у неё все плоды, какие она только может уродить.

Переходя к обоснованию второй политической мудрости — «не верь чужестранцам», Крижанич заявляет, что государю надобно уметь различать разные советы. Ибо некоторые советы, полезные какому-либо иному народу, «могли бы и нам быть полезны». **А иные советы «полезны для других народов, а для нас были бы вредны».**

Обладая политической мудростью можно умножить богатства страны. Но не всякие промыслы ведут к этому. К ложным промыслам, которые ведут не к обогащению, а к обнищанию, Крижанич относит алхимию, чеканку «негодной» монеты и **засилие чужеземной торговли.** Согласно Крижаничу, самое худшее зло и разорение для страны, это чужеземная торговля, то есть позволение чужеземным торговцам пребывать или жить в своей державе, склады и лавки держать и торговать по всей стране. Они «разрушают наши порядки и насаждают в нашем народе свои растленные губительные обычаи. А пользы от них нет никакой, кроме некоторых подарков, кои они дают царю и боярам. Но эти подарки нечего считать, ибо чужестранцы вывозят из нашей страны в десять тысяч раз больше богатств, нежели сами нам дарят»¹.

Крижанич в своём послании пишет Алексею Михайловичу: «О, славный государь, ни за что не верь волку, если он захочет откормить твоих ягнят и во веки вечные не верь, что чужеземный торговец принесет тебе какую-либо пользу». Он советовал стеснять привоз иностранных фабрикатов всеми доступными способами с целью создания своих производств. По его мнению, надобно помышлять, чтобы из других стран привозились в Россию сырой материал, и чтоб здешние ремесленники обрабатывали его, и **запретить накрепко, под страхом смертной казни, вывозить за границу сырьё.** На оригинальном языке Крижанича, который должен быть понятен всем славянам это совет выглядит афористически: *«Крепко заповедовать, и преступающих казнить бы треба: дабы никакая материя вон за рубеж не изважала сыра».*² В противном случае случится то, что Крижанич называет «чужебесием». *«Греки много нашего добра за непотребно и ложно камене и за стекло от нас изно-*

---

¹ Крижанич Ю. Политика / Под ред. М. Н. Тихомирова. — М.: Наука 1965.

² Крижанич Ю. Русское государство в половине XVII века / Под ред. П. Бессонова. — М.: Типография А. Семина, 1859. — С. 33

*сят. А немецкии торговцы и полковники все остальное наше благо и имание до чиста выгребают, зьедают, от нас относят».*¹

Мысли Крижанича, проникнутые идеями меркантилизма, имели тогда известное распространение тогдашней русского политического класса и возбуждали в нем большой интерес. Однако Алексей Михайлович не прислушался к советам опального серба. В то время правительство не смотрело на таможенные пошлины и на постановления о внешней торговле как на средство поощрять и развивать внутреннюю производительность народа путем наложения высоких пошлин на привозные товары, или запрещение их привоза, или же стеснения вывоза сырых материалов для производства.

А между тем, нельзя сказать, что правительство Алексея Михайловича не прилагало забот к развитию промышленности в России. Напротив, не было почти отрасли народного труда, которая бы не получила в его царствование поощрения в том или другом направлении, некоторые же промыслы получили начало и развитие в России именно благодаря поощрительным мерам Кремля, так например виноделие, разведение молочных пород скота и пр.² Иностранцы, бывшие в то время в России, утверждали, что обрабатывающая промышленность настолько распространена была в то время в России, что, при желании, русские могли бы обойтись без привоза заграничных изделий. Шведский дипломат Кильбургер озаглавил один из отделов своего исследования о России «О товарах, которые русские могли бы вырабатывать у себя, однако же покупают у иностранцев».³

На практике идеи «просвещённого серба» осуществил Пётр Великий. Тогда государство столкнулось перед необходимостью догоняющего развития.

В условиях современной России советы, данные ещё 400 лет назад, приобрели ещё большую актуальность. Идеи Крижанича представляют огромный научный интерес. Задача перехода от сырьевой модели экономики к высокотехнологическому диверсифицированному производству может быть решена только при условии воссоздания обрабатывающей промышленности, высокотехнологического многоотраслевого комплекса народного хозяйства.

Крижанич считал, что национальным интересам соответствует хозяйственная независимость от иностранных государств. И исходя из этого необходимо создание своего собственного производства. Поскольку здесь идет речь о целенаправленном воздействии государства на промышленное развитие, мы можем назвать Юрия Крижанича первым мыслителем на Руси, заговорившем о промышленной политике.

---

¹ Там же. — С. 155

² Лодыженский К. Н. История русского таможенного тарифа. — СПб. 1886.

³ Куриц Б. Г. Сочинение Кильбургера о русской торговле в царствование Алексея Михайловича. — Киев: Типография И. И. Чоколова, 1915.

Библиография

1. Витчевский В. Торговая, таможенная и промышленная политика России со времен Петра Великого до наших дней / Под ред. Ю. Д. Филипова — СПб: Издание Д. А. Казицына и Ю. Д. Филипова, 1909.
  2. Крижаника / Под ред. Акулич Е. М. — Тюмень: Вектор Бук, 2007.
  3. Крижанич Ю. Политика / Под ред. Тихомирова М. Н. — М.: Наука 1965.
  4. Крижанич Ю. Русское государство в половине XVII века / Под ред. П. Бессонова. — М., 1859.
  5. Курц Б. Г. Сочинение Кильбургера о русской торговле в царствование Алексея Михайловича. — Киев: Типография И. И. Чоколова, 1915.
  6. Лодыженский К. Н. История русского таможенного тарифа. — СПб., 1886.
-

Балташ Нурмухамбетович Карипов

Докторант кафедры социологии и политологии Института переподготовки и повышения квалификации преподавателей гуманитарных и социальных наук МГУ имени М. В. Ломоносова, доцент кафедры философии Кокшетауского государственного университета имени Ш. Ш. Уалиханова (Республика Казахстан)

Политико-идеологические процессы России во второй половине XIX — начале XX веков

Аннотация

Исходя из общих методологических установок, в основание исследования выдвигается принцип интеграции исторического знания и системного метода, как особо актуальный для современной политической теории. Именно объединение исторического и системного подходов позволяют по-новому подойти к анализу природы политических изменений. Идеологический фактор оказывает прямое воздействие на характер политических изменений в стране, иными словами, — на политический процесс. «Политический процесс» представляет собой одну из фундаментальных категорий современного политологического знания.

Ключевые слова: интеграции исторического знания и системного метода, политический процесс.

Политико-идеологические процессы второй половины XIX — начала XX веков выдвигают на первый план и ставят под вопрос судьбу российской государственности. Социокультурный и идеологический контекст этой проблематики напрямую связан с проблемой модернизации российской политической системы. Исходные мотивации и окончательные установки участников политического процесса, концептуализация и содержательная эволюция об-

ественного сознания формировались в русле самых влиятельных идеологий раннеиндустриального общества — консерватизма, либерализма и социализма, основные ценности которых вырабатывались в специфических условиях исторического развития России. При всех особенностях консервативных, либеральных и радикальных ценностей, каждая из этих идеологий была нацелена на решение *собственного* главного вопроса: а) как в условиях реформирования общества и власти избежать социальной хаоса? б) как защитить свободу и автономию человеческой личности? в) как установить общественный порядок, основанный на социальной справедливости? Именно эти вопросы определили содержание российской политической мысли второй половины XIX — начала XX века, породили многообразие плодотворных идей, концепций и учений, во многом обусловили ее содержание и структурное построение.

Поскольку все представленные здесь вопросы непосредственно связаны с историей русской политической мысли, нам потребуется выяснить, каким образом взаимодействуют между собой история политической мысли и собственно политическая наука. Подобно большинству современных исследователей, мы рассматриваем политологию как единую, *интегративную* науку о политике, ключевым звеном которой выступает власть как система (совокупность институтов, отношений, норм и идей). В такой интерпретации политология представляет собой универсальное зеркало политической жизни, которое отражает сложные взаимодействия личности и общества в их нормативном толковании. При этом политическая жизнь (совокупность политико-идеологических процессов) является не чем иным, как результатом реального исторического процесса.

Что же касается истории политической мысли, то она, помимо естественного многообразия парадигмально-идеологических и методологических принципов — мировоззренческих установок, теоретических подходов, политических идей, теорий, идеологий и т. д., *имплицитно* включает в себя также и *историю становления политического знания* — то есть историю той самой политологии, которая в современном виде представляет собой научную дисциплину, чье объектно-предметное поле функционирует в условиях реальной дифференциации современного общественнознания. Такой интегративный подход к взаимодействию политического знания и истории политической мысли позволяет рассматривать историю *российской* политической мысли как прямую реакцию на вызовы политической жизни того или иного периода истории страны. Результаты мыслительной деятельности всегда выступают в качестве активного элемента той среды, в которой функционирует политическое сознание, порождающее конкретные идеи. Обозначенный методологический подход представляется нам продуктивным для анализа российской политической мысли особенно в силу ее внутренней социальной ангажированности и постоянной включенности в социально-политическую практику.

Основной теоретической задачей является проблема моделирования политических процессов, и, в частности, проблема моделирования политиче-

ских изменений в определенный период истории России. В последующих своих работах мы намереваемся реконструировать конкретные теоретические модели линейного развития политики — идентифицировать политическую системы пореформенной России при помощи известных идеологических парадигм — либерализма, консерватизма, социализма, обладающих строго очерченной системой критериев. Их использование позволит показать качественную трансформацию политической системы страны, которая происходила «за счет изменений, осуществляющихся по мере эволюции (или революционных трансформаций) свойств строго определенного типа»¹.

Прежде чем приступить к анализу этих конкретных моделей, охарактеризуем основные эпистемологические аспекты практики социально-политического моделирования. В своем формальном определении модель — это искусственно созданный объект, который в определенных условиях заменяет оригинал, при этом воспроизводя его важнейшие свойства и характеристики. Воспроизведение оригинала может осуществляться как в предметной, так и в символически-знаковой формах. Последний вариант предполагает два способа конструирования модели. В первом случае основой для моделирования становятся эмпирически выявленные свойства и зависимости объекта; во втором — исходной точкой является до опытное воссоздание объекта в модели². Эти способы, могут применяться как в теоретико-эмпирических исследованиях, так и при построении конкретных политических моделей в современной политической науке.

Политическое знание, использующее практику моделирования, сталкивается с проблемой соответствия теоретической модели общественной реальности. Политология, как и другие общественные науки в целом, отличаются от естествознания тем, что экспериментальное моделирование в точном значении этого слова здесь осуществить достаточно сложно. По мнению В. М. Сергеева, такой эксперимент является не просто реальностью, а «специально приготовленной реальностью», в которой «контролируются все параметры, считающиеся заданными (и существенными) в теоретической модели»³. Уместно сделать предварительный вывод, что теоретические модели в политических исследованиях должны не просто соответствовать общественной реальности, но и особым образом прояснять ее. Иными словами, решение проблемы соответствия модели оригиналу необходимо увязывать с правилами построения модели и ее интерпретационными возможностями.

Формальные условия построения модели в научном изыскании становятся, таким образом, основой для содержательной интерпретации объекта —

---

¹ Соловьев А. И. Политология: политическая теория, политические технологии. М., 2000. С. 294.

² См.: Кондаков Н. И. Логический словарь. — М., 1971. — С. 312–313; а также: Социология. Энциклопедия. — Мн., 2003. — С. 582–583.

³ Сергеев В. М. Как возможны социальные изменения? // Полис. — 2001. — № 6. — С. 30.

оригинала. При этом особенного внимания заслуживает вопрос «полноты» модели, поскольку модель всегда отражает бесконечную реальность в *ограниченном* и *конечном* наборе постоянных и переменных констант. Отсюда вытекает необходимость обращения к понятию «системная модель». Системная модель является порождением структурно-функционального подхода к пониманию политической системы и политического процесса¹. Суть ее заключается в том, что тот или иной предмет исследования рассматривается как определенный набор элементов и связей, образующих в своем взаимодействии органическое целое. В таком взаимозависимом комплексе фактическое или предполагаемое изменение одного из элементов приводит или может привести к изменению других элементов и всей системы в целом. Помимо описания структуры и функций, системная модель предполагает выяснение механизмов, обеспечивающих социального целого переход к более устойчивому равновесию и динамическому развитию², что предполагает осмысления циклической взаимосвязи элементов и их генезиса (истории).

Как известно структурно-функциональный метод к изучению политики впервые был применен в середине XX столетия Т. Парсонсом и Д. Истоном. Опираясь на методологию А. А. Богданова, Л. Берталанти, Н. Винера, американские ученые, равно как и их последователи, стремились описывать политическую жизнь общества с помощью конкретного набора постоянных и переменных констант. В современной российской политологии, с учетом ее собственной специфики, также преобладает схожий с вышеописанным системный подход и соответствующая ему практика системного моделирования³. Действительно, без использования таких моделей в теоретико-эмпирических исследованиях, а также и при анализе общественно-политической реальности невозможно продуктивно строить политические прогнозы или оказывать влияние на принятие решений. Однако мнение о том, что анализ *прошлых* состояний политической системы является «малозначимым» для современной политической теории⁴, не может служить руководством для современного исследования Историко-политологическое знание выступает необходимым компонентом современной теории политики, с точки зрения ее полноценности и результативности. В этом аспекте мы разделяем позицию В. В. Ильина, который характеризует историю науки как важнейший внутренний органический компонент самой науки, подчеркивая при этом, что «именно реальная история науки содержит развернутую панораму динамики знания», кроме то-

---

¹ Подробнее см.: Политическая наука: новые направления. — М., 1999. — С. 701, 704; а также: *Добренков В. И., Кравченко А. И.* Фундаментальная социология: В 15 т. Т. 1. Теория и методология. — М., 2003. — С. 578–580.

² См.: *Штомпка М.* Социология социальных изменений. — М., 1996. — С. 20–44; а также: Социологическая энциклопедия. — Мн., 2003. — С. 295–296.

³ См.: *Хрусталева М.* Теория политики и политический анализ. М., 1992. С. 89; *Сморгунов Л. В.* Сравнительная политология. — СПб. 2002. — С. 44–48.

⁴ См.: *Симонов К. В.* Политический анализ. — М., 2002. — С. 31.

го, «она способствует постижению внутринаучных перспектив и возможностей», «аккумулирует информацию о субъективном элементе в знании, о формах и способах данности объекта исследователю, поставляет сведения о реализованных процедурах в научном поиске, о средствах адекватной познавательной реконструкции изучаемого предмета»¹. Исходя из этих общих методологических установок, мы выдвигаем в основание нашего исследования принцип *интеграции исторического знания и системного метода*, как особо актуальный для современной политической теории.

Именно объединение исторического и системного подходов позволяют нам по-новому подойти к анализу природы политических изменений. Идеологический фактор оказывает прямое воздействие на характер политических изменений в стране, иными словами, — на политический процесс. «Политический процесс» представляет собой одну из фундаментальных категорий современного политологического знания. Постоянно используемое политической наукой, это понятие, тем не менее, и по сей день не получило однозначной интерпретации. Авторитетные западные исследователи — адепты т. н. «процессуального подхода» — считают, что по своим масштабам политический процесс совпадает со всей политической сферой. В силу этого они либо отождествляют его с политикой в целом (Р. Доуз), либо — со всей совокупностью поведенческих акций субъектов власти, изменениями их статусов и влияний (Ч. Мэрриам). В свою очередь, сторонники прямо противоположного «институционального подхода» привязывают политический процесс к функционированию и трансформации институтов власти (С. Хантингтон); понимают его как совокупность реакций политической системы на вызовы окружающей среды (Д. Истон); делают акцент на динамике соперничества групп за статусы и ресурсы власти (Р. Дарендорф); и наконец, трактуют его как сложный комплекс событий, обуславливающий характер деятельности государственных институтов и их влияние на общество (Дж. Мангейм и Р. Рич)². В современной российской политологии также представлены различные ответы на вопрос о содержании категории «политический процесс». В частности, М. В. Ильин интерпретирует политический процесс как синхронно-диахронный срез политики³; А. И. Соловьев связывает его с динамикой политических явлений⁴; авторы коллективного сборника «Политический процесс: основные аспекты и способы анализа» делают упор на политической деятель-

---

¹ Ильин В. В. Философия. В 2 т. Т. 1. — М., 2006. — С. 434.

² См.: Политическая наука: новые направления. — М., 1999. — С. 210–219.

³ Ильин М. В. Ритмы и масштабы перемен // Полис. — 1993. — № 2. — С. 57.

⁴ Соловьев А. И. Политология: политическая теория, политические технологии. — М., 2000. — С. 289.

ности¹; И. И. Кравченко отталкивается от пространственно-временной локализации политических изменений² и т. д.

Очевидно, что и западные, и российские исследователи подходят к анализу политического процесса с различных сторон. Общим началом является то, что в этих характеристиках раскрывается постоянная *изменчивость* многообразных политических явлений. Все определения категории «политический процесс» фиксируют и содержательно раскрывают эту реальную основу состояний политических объектов, которая складывается как под воздействием сознательных намерений субъектов, так и в результате многообразных стихийных влияний. Такое толкование политического процесса, делая акцент на практической видоизменяемости явлений, исключает какую бы то ни было телеологичность или предопределенность в развитии событий. В содержательной характеристике политического процесса раскрываются различные аспекты движения, динамики, эволюции политических явлений, конкретные изменения их состояний в определенном хронотопе — то есть в конкретном времени и конкретном пространстве.

Конкретизация времени и пространства позволяет разделить реальную политическую действительность (пусть и с известной долей условности) на ряд следующих друг за другом фрагментов. Каждый такой взятый в своей отдельности и обособленности политический фрагмент может быть осмыслен благодаря анализу своей структуры. Таким же способом могут быть установлены и соответствия между структурно-функциональными элементами и связями различных временных срезов политической реальности. Возможность осмысления дискретных состояний политической системы обусловлена тем, что внутри политического процесса — во времени и пространстве — происходят постоянное воспроизводство и смена состояний политической системы. Конкретное состояние политической системы зависит от самых разнообразных процессов, циклично разбиваемых на дни, месяцы, годы, десятилетия и так далее. Учитывая такой природный фактор, социум выстраивает свой политический ритм. Безусловно, в подобных природно-социальных фазах отражается лишь часть политических элементов и связей. В своем полном содержании политический процесс предстает лишь после осуществления всех потенций данной фазы.

Библиография

1. Соловьев А. И. Политология: политическая теория, политические технологии. — М., 2000. — С. 294.
2. Кондаков Н. И. Логический словарь. — М., 1971. — С. 312–313.

---

¹ Политический процесс: основные аспекты и способы анализа. — М., 2001. — С. 5–6.

² Кравченко И. И. Политический процесс // Новая философская энциклопедия. В 4-х т. Т. 3. — М., 2001. — С. 380; *Он же*. Введение в исследование политики (философский аспект). — М., 1999. — С. 88–95.

3. Социология. Энциклопедия. — Мн., 2003. — С. 582–583.
4. *Сергеев В. М.* Как возможны социальные изменения? // Полис. — 2001. — № 6. — С. 30.
5. Политическая наука: новые направления. М., 1999. — С. 701, 704.
6. *Добреньков В. И., Кравченко А. И.* Фундаментальная социология: В 15 т. Т. 1. Теория и методология. — М., 2003. — С. 578–580.
7. *Штомпка М.* Социология социальных изменений. — М., 1996.
8. Социологическая энциклопедия. — Мн., 2003. — С. 295–296.
9. *Хрусталев М.* Теория политики и политический анализ. — М., 1992.
10. *Сморгунов Л. В.* Сравнительная политология. — СПб. 2002. — С. 44–48.
11. См.: *Симонов К. В.* Политический анализ. — М., 2002. — С. 31.
12. *Ильин В. В.* Философия. В 2 т. Т. 1. — М., 2006. — С. 434.
13. Политическая наука: новые направления. — М., 1999. — С. 210–219.
14. *Ильин М. В.* Ритмы и масштабы перемен // Политические исследования. — 1993. — № 2. — С. 57.
15. *Соловьев А. И.* Политология: политическая теория, политические технологии. — М., 2000. — С. 289.
16. Политический процесс: основные аспекты и способы анализа. — М., 2001. — С. 5–6.
17. *Кравченко И. И.* Политический процесс // Новая философская энциклопедия. В 4-х т. Т. 3. — М., 2001. — С. 380; *Он же.* Введение в исследование политики (философский аспект). — М., 1999. — С. 88–95.

Андрей Николаевич Линде

Студент кафедры истории социально-политических учений факультета политологии Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова¹

Политические аспекты национального становления Шотландии

Аннотация

Становление наций в составе многонациональных государств является одной из ключевых проблем в современной политологии. Подобный процесс рассматривается на примере Шотландии — одного из наиболее ярких образцов подобного развития. Анализируется историческое развитие Шотландии с точки зрения его влияния на дальнейшее становление нации, особое внимание уделяя его политическим аспектам.

Ключевые слова: Шотландия, нация, национальное становление.

---

¹ Научный руководитель: кандидат исторических наук, доцент кафедры истории социально-политических учений факультета политологии МГУ **Кирилл Михайлович Андерсон**.

Становление отдельных наций в составе многонациональных государств является актуальной проблемой современной политологии.

Обычно, обычно, под нацией понимается крупная социально-экономическая, культурно-политическая и духовная этническая общность индустриальной эпохи¹. Особенный интерес представляет изучение наций, становление которых происходило не в рамках развития собственной государственности, а, напротив, потери суверенитета, слияния с другим, более могущественным, государством. Ярким примером данного процесса является Шотландия.

Формирование шотландской нации происходило, когда страна, лишившись суверенного положения, уже вошла в состав Великобритании, после заключения в 1707 г. унии с Англией об объединении в единое государство.

Задолго до вторжения римлян в Британию (55 г. до н.э.), территория Шотландии была заселена двумя племенами — скоттами и пиктами, обитавшими в северной части острова Великобритания. Скотты вели своё происхождение от кельтов, пикты, по распространённому мнению, принадлежали к племени иберов. Местом обитания для племён служили равнинная часть — Лоуленд, расположенная в центре и юге, и горная — Хайленд, на севере и западе. Это оказало влияние на дальнейшее разобщение между населением горных и равнинных земель Шотландии.

Одной из важнейших черт шотландской истории является то, что в отличие от Англии, население которой покорялось римлянам, затем англосаксам, нормандцам, Шотландия, вплоть до XVIII века, сохраняла свой суверенитет. Римлянам, завоевавшим бриттов уже в первой половине I века н.э., так и не удалось захватить будущие шотландские территории. Им удалось лишь незначительно проникнуть на равнинные территории, безуспешны были их попытки распространить своё влияние в нагорье. Отчасти это может быть объяснено тем, что горные территории Британии представлялись римлянам бесплодными и завоевание их, с точки зрения экономических выгод было нецелесообразным. Фактор экономической неразвитости, неплодородности этих земель оказал влияние и на характер реформирования горных земель во второй половине XVIII — начале XIX вв. Тот факт, что владычество Рима не распространилось на шотландские земли, имел крайне важное значение для скоттов и пиктов — с одной стороны, сохранялась их прежняя военная мощь, самостоятельное развитие, но, с другой, ни культура, ни наука Рима не проникли в Шотландию, что достаточно негативно сказалось её дальнейшим развитии.

Исключениями в суверенном историческом развитии Шотландии являются лишь два коротких периода — в последней четверти XII в., и в конце XIII — начале XIV вв., когда Шотландия находилась под властью англичан. Однако, возможно, важнее то, что в результате этого противостояния шот-

---

¹ Нации и национальные отношения в современном мире: Словарь-справочник; СПб; 1990; с. 124;

ландцы защитили свой суверенитет — это укрепило свободолюбивый дух народа. Эта черта шотландцев отмечалась многими.¹

Шотландское королевство образовалось лишь в 843 г., при объединении скоттов и пиктов королём Кеннетом Макальпином. Однако, пикты вскоре были ассимилированы скоттами, ставшими, на тот момент, единственным этносом Шотландии.

Следующим историческим событием, повлиявшим на национальное развитие Шотландии, была битва при Гастингсе 1066 г., в результате которой англичане были разгромлены силами нормандцев, вскоре захвативших всю Англию. Потерпев поражение, многие англосаксы переселялись в Шотландию, преследуемые деспотической властью Вильгельма Завоевателя. Также и нормандские рыцари, не получившие личных наделов в Англии, переселялись на территорию Шотландии, чему способствовала политика Шотландского короля Малькольма Канмора, благоприятная по отношению к иностранцам. Это, с одной стороны, способствовало росту культуры Шотландии, перенявшей элементы более развитой англосаксонской и нормандской культуры, с другой стороны, политика Малькольма II, предоставлявшего надельные участки на службу нормандским рыцарям, привела к тому, что большинство знати Шотландии имело нормандское происхождение, что отразилось на дальнейшем формировании шотландской нации.

Причиной притязаний англичан на шотландские земли послужила потеря земель при Вильгельме Льве в 1174 г., лишь в 1189 г. они, при выплате большой контрибуции, были возвращены Ричардом Львиное Сердце. Нарушался шотландский суверенитет и в конце XIII — начале XIV столетия. В 1296 году власть в Шотландии была захвачена английским королём Эдуардом I. Суверенитет был восстановлен лишь в результате освободительной борьбы, после победы над англичанами в битве при Бэннокберне 25 марта 1306 г. Восстание, борьба за собственную независимость имели большое значение для дальнейшего становления шотландской нации, её самосознания.

Вплоть до XVIII века шотландцам удалось сохранить свой суверенитет. Тем не менее, в самой Шотландии, между Лоулендом и Хайлендом обозначились заметные различия: равнинная часть была более близка к Англии, в ней был распространён англо-шотландский язык, само население смешалось с англичанами и нормандцами, в то время, как в горной части страны сохранялся гаэльский язык, само горное население, образовавшиеся горные шотландские кланы в гораздо большей степени сохранили идентичность исконному шотландскому народу.

---

¹Так, британский публицист Оливер Голдсмит в «Гражданине мира...», отмечая о «характере и нравах... обитателей» различных стран, в качестве главнейшей черты Шотландии называл национальное самолюбие; см. *Голдсмит О.* Гражданин мира, или письма китайского философа, проживающего в Лондоне, своим друзьям на Востоке. — М.: Наука, 1974. — С. 58.

Значительное влияние на шотландское национальное становление оказала Реформация, возглавляемая в Шотландии Джоном Ноксом, а затем Эндрю Мелвиллом, в результате которой в Шотландии в 1592 г. в качестве официальной религии утвердилось пресвитерианство. Томас Генри Бокль, великий британский историк, отмечал, что шотландский народ «либеральный в политике, ... не был либерален в религии», что он предоставлял «своему духовенству огромную власть» и подчинял «свои действия, так же как и совесть, его авторитету».¹

С другой стороны, именно пресвитериане, воспротивились власти шотландских монархов, порицали власть Якова VI и аристократии, тем самым утверждая в Шотландии более свободолобивый дух.²

Постепенное объединение Шотландии и Англии началось после становления шотландского короля Якова VI королём английским — Яковом I, коронованным на английский престол, когда прервалась династия Бурбонов. Само государство, однако, сохранило суверенитет, заключив с Англией только Личную Унию.

Вновь отношения между Англией и Шотландией обострились во время правления Карла I. Восстановление в Шотландии епископства, введение англиканского молитвенника в 1637 г. привело к массовому недовольству среди шотландцев, перенёсшемуся в вооружённое восстание. После побед шотландской армии в сражениях с Карлом I в 1638 и 1639 гг., шотландцам удалось отстоять собственную, пресвитерианскую веру, что также имело значение для национального самосознания Шотландии.

Окончательное объединение двух государств произошло только в 1707 г. Акт об Унии привёл к образованию единого государства — Великобритании. Национальный парламент Шотландии был упразднён, шотландцы получили представительство лишь в общем парламенте, организованном в Лондоне. Однако Шотландия сохранила прежнюю судебную, административную системы, а также независимость пресвитерианской церкви.

После объединения с Англией Шотландия, экономически отсталая, переживает резкий экономический подъём³. Торговля и промышленность Шот-

---

¹ Бокль Г. Т. История цивилизации в Англии. — М.: Мысль, 2002. — С. 71.

² Так, Бокль утверждал, что «протестантские проповедники были хранителями шотландской свободы», «своими проповедями, своей деятельностью... расшевеливали умы людей, развивали в них привычку к исследованию и возбуждали тот пылкий демократический дух, который составляет единственную надёжную гарантию для народа против тирании поставленных над ним личностей»; см. Бокль Г. Т. История цивилизации в Англии. Т. 1–2: Т. 2. — М.; 2002. — С. 102.

³ В своём знаменитейшем «Исследовании о природе и причинах богатства народов» шотландский экономист Адам Смит писал, что, «Не более ста лет тому назад во многих местах Горной Шотландии мясо было столь же дешево или еще дешевле, чем даже хлеб из овсяной муки. Объединение с Англией открыло скоту Горной Шотландии рынок Англии. Его обычная цена в настоящее время в три раза превышает цену, существовавшую в начале столетия, а рента многих поместий

ландии получают значительное развитие, что способствовало, также, совершенствованию образования, науки и культуры Шотландии.

Однако, несмотря на бурное развитие, в ранее непокорённой стране продолжают своё существование национальные движения. Их ярким выражением стали якобитские восстания 1715 и 1745 гг., основой которых являлась большая часть горных кланов Шотландии, выступавших за реставрацию династии Стюартов и восстановление своего суверенитета. Восстания были жестоко подавлены. За этим последовало один из наиболее поворотных процессов для шотландского народа — преобразование нагорной Шотландии.

В ходе этого преобразования было ликвидировано устоявшееся шотландское клановое устройство. Земельные владельцы Лоуланда, в ходе реформы, стали вести своё хозяйство на английский манер. Иным было реформирование горной части Шотландии. В целях устранения угрозы, исходящей от более воинственных, свободолюбивых горцев, также, ввиду отсутствия выгод, могущих быть извлечёнными из неплодоносной нагорной территории Шотландии, было принято решение выселить всё население Хайленда на берега моря, либо в дальние колонии. Переселение это носило достаточно мирный характер: переселявшимся жителям гор предоставлялись значительные льготы, кроме того, им была дана возможность образовать собственные родовые полки, содержание которых английское правительство брало на себя. Тем не менее, в итоге этого переселения, завершившегося лишь в 20-х гг. XIX в.¹, была существенно преобразована шотландская горная клановая система, значительная как для общественного строя, так и военной мощи Шотландии.

Центр шотландского сопротивления, казалось, был окончательно утрачен в ходе реформы, однако, национальные идеи не прекратили своего существования. Это связано с активным развитием в XVIII–XIX вв. шотландского Просвещения и зарождавшегося кельтского Возрождения. Если в рамках кельтского Возрождения возрос интерес к кельтской культуре, истории вообще, то шотландское Просвещение, возникло, возможно, именно ввиду потери суверенитета, отсутствия иного пути утверждения превосходства над Англией, кроме культурного, научного пути, который привёл к дальнейшему развитию, формированию национальных идей Шотландии, способствовал её национальному становлению.

Так, современные исследователи процесса национального становления, Эрик Гелнер и Энтони Смит, отмечают, что ведущую роль в формировании наций играет творческая, научная элита того или иного государства. Также влияние элиты Шотландии на становление её нации было велико. Именно с шотландским Просвещением, и, отчасти, кельтским Возрождением связан процесс формирования элиты Шотландии того времени. Так, в рамках Шот-

---

Горной Шотландии за это время возросла втрое или вчетверо»; см. *Смит А.* Исследование о природе и причинах богатства народов. — М., 2007. — С. 192.

¹ *Жеребцов Н.* Хозяйственные заметки об Англии и Шотландии. — СПб: Типография Н. Маркова, 1862. — С. 19.

ландского Просвещения, ещё в XVIII веке происходит становление философской школы Шотландии, одной из важнейших в прогрессивный период в британской мысли, сравнённый Давидом Юмом с «развитием древнегреческой мысли от Фалеса до Сократа»¹.

Среди представителей философской школы одним из наиболее знаменитых являлся Давид Юм, автор «Истории Великобритании». Он выдвигал идею международного права, писал о том, что нации нуждаются во взаимопомощи, и лишь их «эгоизм и честолюбие являются вечным источником войн и раздоров»². Другим известным шотландским философом был Адам Фергюсон, автор трактата «Опыт истории гражданского общества», в котором он затронул проблемы национального развития, возможного даже упадка, замечая, в духе Просвещения, что «свобода есть в некотором смысле удел исключительно просвещённой нации...»³, «свобода есть право, которое каждый человек должен быть готов отстоять для самого себя, каждый же, кто желает даровать её другим как некую милость, тем самым в действительности отрицает её...»⁴.

Однако наиболее ярко национальный дух Шотландии выразился в её литературных произведениях. Одним из значительнейших шотландских писателей того времени был Вальтер Скотт. Несмотря на его положительное отношение к союзу двух государств, (он полагал, что Шотландия и Англия искони стремились к объединению, и что обе нации занимают равноправное положение в составе Великобритании), — именно Скотт в своём творчестве использовал многочисленные сюжеты шотландской истории, изображал исконный шотландский быт. Им был составлен сборник шотландского фольклора «Песни шотландского пограничья», явившийся одним из первых фольклорных сборников вообще, послуживший образцом многим позднейшим, европейским сборникам подобного характера.⁵

Сильное влияние оказала и шотландская поэзия XVIII–XIX в.в. Она развивалась усилиями многих талантливых авторов, таких, как Джеймс Макферсон, обрабатывавший кельтские легенды, Роберт Фергюсон, писавший, кроме английского, также на шотландском диалекте, Томас Кэмпбелл, в своих балладах также рассмотревший темы из шотландской истории, Роберт Льюис Стивенсон и Хью-Мак Диармид, лидер движения «Шотландское литературное возрождение», многие стихи которого посвящены Шотландии, её буду-

---

¹ Фергюсон А. Опыт истории развития гражданского общества. — М.: Российская политическая энциклопедия, 2000. — С. 6.

² Юм Д. Собрание сочинений; Т. 2. — М.: Мысль, 1996. — С. 344.

³ Фергюсон А. Опыт истории развития гражданского общества. — М.: Российская политическая энциклопедия, 2000. — С. 124.

⁴ Там же. — С. 145.

⁵ Лазарева Т. Г. История Средневековой Шотландии в песнях. Вальтер Скотт «Песни Шотландского Пограничья»: монография. — СПб., 2008. — С. 7.

шей судьбе¹. Особое место среди шотландских поэтов занимает Роберт Бёрнс. Именно в его поэзии сильнее всего воплотился шотландский национальный дух, многие свои произведения он написал на шотландском диалекте, что говорит о его близости к шотландскому народу, отстаивании им шотландской идентичности, шотландского образа жизни и его идеалов.

Дальнейшее развитие Шотландии, в XIX–XX вв., как экономическое, так и культурное, научное также имело достаточно прогрессивный характер. Кажется бы, это могло привести к совершенному прекращению каких-либо национальных движений внутри страны, однако, современный исторический этап указывает на обратное.

Так, в ходе децентрализации власти в Великобритании, в 1999 г. был восстановлен парламент Шотландии. на выборах в который в 2007 г. победила Шотландская национальная партия. Более того, её лидером, Алексом Андерсоном Салмондом было предложено провести в 2010 г. референдум о независимости Шотландского королевства.

Таким образом, несмотря на сильную экономическую интеграцию с Англией, реформирование равнинного и нагорного земельного устройства Шотландии, наконец, самого объединения в единое государство — Великобританию, в свобододлюбивой, непокорённой Шотландии сохраняются национальные движения, её дух и самобытность, а также стремления к национальному становлению, формирования собственной национальной идентичности.

Возможно, именно благодаря этим, сохранявшимся и после потери суверенитета, национальным движениям стала, со временем, стала возможна как и постепенная автономизация, так и современная политическая ситуация в Шотландии в целом, истоками которой эти национальные движения являются. Возможно, именно теперь, при сохранённом национальном духе, самобытности Шотландии, не перестающих её национальных движениях, после окончательного национального становления, бурного экономического и научного развития в XIX веке, теперь будет возможно дальнейшее изменение её статуса, усиление автономности, равно как и, предположительно, национальное самоопределение.

Библиография

1. *Бёрнс Р.* Стихотворения, поэмы, эпиграммы. — М., 2008.
2. *Бокль Г. Т.* История цивилизации в Англии. — Т. 1–2; Т. 2. — М.; 2002.
3. *Брандт М. Ю.* Шотландия в европейской системе государств: (Вторая половина XVI в.). — М., 1993.
4. *Голдсмит О.* Гражданин мира, или письма китайского философа, проживающего в Лондоне, своим друзьям на Востоке. — М., 1974.
5. *Жеребцов Н.* Хозяйственные заметки об Англии и Шотландии. — СПб. 1862.

---

¹ Шотландская поэзия. — М.; 2003. — С. 310.

6. *Лазарева Т. Г.* История Средневековой Шотландии в песнях. Вальтер Скотт «Песни Шотландского Пограничья»: монография. — СПб., 2008.
7. Нации и национальные отношения в современном мире: Словарь-справочник. — СПб., 1990;
8. *Пирсон Х.* Вальтер Скотт. — М., 1992.
9. *Смит А.* Исследование о природе и причинах богатства народов; М., 2007.
10. *Фергюсон А.* Опыт истории гражданского общества. — М., 2000.
11. Шотландская поэзия. — М., 2003.
12. *Юм Д.* Англия под властью дома Стюартов. Т. 1–2. — СПб., 2001.
13. *Юм Д.* Собрание сочинений. Т. 1–2: Т. 2. — М., 1996.

Дмитрий Алексеевич Рой

Студент кафедры политологии философского факультета
Киевского национального университета имени Тараса Шевченко¹

Революционна ли «О революции» Ханны Арендт?

Аннотация

Перед автором статьи ставилось две основных задачи. Первая — в рамках истории и теории политических учений определить интеллектуальный труд Ханны Арендт «О Революции»: либо как теорию, либо как концепцию. Вторая задача — ответить на вопрос, имеет ли работа автора социальную «революционную потенцию», а также внесла ли Арендт какой-нибудь «элемент новизны» в общую теорию революции.

Ключевые слова: Ханна Арендт, революция, теория, прaxis, концепция.

Удивительно, насколько Ханна Арендт не обременяла себя «приводить в порядок» свои собственные мысли. Ее труды — это зачастую диалог с камерной аудиторией с «сигаретой в зубах», чем опубликованный результат научного исследования. При этом не до конца понятно, к кому она обращается, а точнее с кем разговаривает в своих книгах: со студентами или с умами минувших столетий?

Создается впечатление, что она подобно своему вдохновителю и главному герою «Апологии Сократа», чистосердечно и с улыбкой признает, что все, чего бы она хотела от будущей жизни, не содержит ничего необычного: никаких островов блаженных, никакой жизни бессмертной души, а всего лишь встречи у Аида своих друзей, прославленных людей прошлого: Маркса и Аристотеля, Августина и «братства просветителей», с которыми не было воз-

---

¹ Научный руководитель: доктор философских наук, профессор кафедры политологии философского факультета Киевского национального университета имени Тараса Шевченко **Федор Михайлович Кирилюк**.

возможности свидеться на земле, и с которыми она хотела бы вести нескончаемые беседы, мастером которых была при жизни. Только вот результат такого общения — это нагроможденные знаками препинания десятистрочные предложения, которые, благодаря автору, предстают вереницей загадок и недомолвок перед исследователями теории и истории политической мысли.

Во время своих предыдущих исследований работ Арендт (в частности ее труда «О революции»), благодаря помощи своего интеллектуального друга и коллеги, передо мною вырисовалась проблема или загадка определения сути написанного автором. Чем есть трактат «О революции»: теорией или концепцией? А также, имеем ли мы право, или же нет, определить данный интеллектуальный труд Арендт, как революционную теорию?

То есть наша задача состоит в том, что бы определение цель, которую автор ставила перед собой и ответить на вопрос, чем она видела свой опубликованный труд.

Почти все ее интеллектуальное наследство — это работа, проделанная в прямом и переносном смысле на Новой земле, так как, приехав в Америку, она абсолютно не владела английским, да и это общество это она знала лишь понаслышке, но уже после «Истоков тоталитаризма» она стала очень популярной и читаемой писательницей. Но дело в том, что если первый ее основательный труд был более или менее созвучен с мыслями американского и мирового общества, то ее последующие труды, пронизанные «критическим духом», массово импортированного из Европы, будоражили пуританские и консервативные устои мышления американского, буржуазного государства. Не зря Арендт считала себя (наряду с Шеллингом, Кафкой итд.) «парием» — возмутителем общественного спокойствия.

Как преподаватель Арендт стала довольно успешной и революционной персоной. Она не только читала лекции в ряде университетов «Лиги плюща», она стала первой женщиной допущенной к преподаванию в Принстонском университете. «О революции», как и «Положение человека» по своему происхождению относятся к серии лекций «Соединенные штаты и революционный дух», прочитанных Арендт весной 1959 года именно в Принстонском университете.

Интерес Арендт к феномену революции был особо подогретый Венгерской революцией 1956 года и пиком кризиса отношений между двумя «революционными по происхождению» государствами — Соединенными штатами Америки и Советским Союзом. Но также существовала и другого рода причина этого интереса — это непосредственное участие второго мужа Арендт (Генриха Блюхера) в Ноябрьской революции в Германии 1918 года, где он был активным членом Союза Спартака и Солдатских Советов, участник забастовок и уличных боев.

Находясь в поисках «революционности» ее творения, следовало бы начать с рассмотрения книги «О революции», как интеллектуальной теории. Тем более что сама Ханна Арендт предпочитала именовать себя теоретиком

политики. Поэтому, это будет нашей отправной точкой в поисках «методологической сути» труда «О революции».

Как понятие «теория» (буквально с греч. «глядя на шоу») впервые использовалось древними греками, например у Платона, как что то относящейся к спекуляциям и созерцанию, и всегда было чем то сторонним от практики (праксиса), особенно этому расстоянию между «действием» и «наблюдением» способствовали любимый для Арендт Аристотель и Пифагор.

Первый, как известно, придал «теории» смысл действий совершенных для самих себя. А второй — Пифагор, вместе с близким по идеям орфизмом, по мнению Френсиса Конфорда в книге «От религии к философии», использовали понятие «теория» как «страстную симпатию созерцания» (*passionate sympathetic contemplation*). Пифагор подчеркнул, что для «парения в области теории» важно убить в себе эмоций, возжеления тела, освободить ум, чем он придал специфический смысл понимания теории как чего-то стороннего и нейтрального. И именно такое понимание «теории» в философии и науки сохранилось на ближайшие два тысячелетия, пока Маркс основательно не произвел своим «одинадцатым тезисом» окончательный и бесповоротный «практический переворот», где отныне была введено онтологическое тождество единство мысли и действия. В политической теории этот «практический поворот» затронул больше всего социальный вопрос, который отныне и благодаря Марксу стал чисто политическим, где бедность уже не воспринималась, как естественный ход событий. И отныне теории было суждено, какой силой исторической необходимости, словами Альтюссера, стать «одной практикой среди других». Так она обрела доселе еще не осознанную в полной мере свою функцию — критики.

Книга Арендт «О революции» представляла собой широкомасштабный поиск причин поражения революций (особенно на примере Американской и Французской), так как для нее не было победителей в этом деле. Свойственно теории она создала систему умозаключений, имеющую свой категорийный аппарат, обеспечила ее концептуальными структурами. Сам исследовательский метод Арендт ориентирован на то, чтобы проследить истоки исследуемого явления с тем, чтобы определить его суть.

Для Арендт характерно заимствовать категории от мыслителей, с которыми она ведет диалог, многие слова так и остаются непереуведенными, как например греческое слово «праксис», хотя нередко она начинает вкладывать в эти слова новые значения.

Вообще, за Арендт можно заметить некоторую авторскую характерную черту — эклектичность. Она подобно архитектору строит современное здание, используя при этом традиционные мотивы, приукрашая и доделывая мысли предыдущих мыслителей: в «век панельных высоток» она возводит «ново-старый Парфенон». Заметно насколько «Положение человека» перекликается с «Никомаховой этикой» Аристотеля, а «О революции» с «Старым порядком и революцией» де Токвиля, с которым они в этой книге схожи даже по методу обработки истории и мыслей. Но не стоит ее обвинять в плагиате,

для нее труды Аристотеля, Макиавелли, де Токвиля, Руссо, Монтескье, Гегеля, Маркса — лишь повод для общения и дискуссии.

Структура ее книги, выглядела подобным образом: в предисловии Арндт лишней раз высказала мысль о насильственности революции, чем переняла идеи марксистского толка и макиавелизма. Именно идея, что *«начало должно быть сопряжено с насилием [...] Каин убил Авеля, Ромул убил Рема [...] будто никакое начало не может обойтись без насилия, преступления [...] любое братство вырастает из братоубийства, в начале любого политического порядка лежит преступление»* [] начинала и характеризировала теорию о революции.

В первой главе «Предыстория термина» Арндт очертила, для исследователей, громадный кругозор своих интеллектуальных истоков, где уже изначально прослеживалась попытка объединения двух основных традиций в политической мысли — марксизма и либерального демократизма. Также дала ретроспективу понимания политических изменений, революции, дала характеристику основным понятиям определяющее революцию, как: свобода, основание нового, равенство.

Суммируя, понятие «революции» у Арндт можно было бы определить как руководимое насилием и движимое исторической необходимостью концентрированное выражение сути политики (основания свободы). Революция состоит из двух этапов: насильственного (борьбы за свободу) и конституционного (установление свободы), каждый из этих этапов в любом случае призван отстоять и закрепить революционный дух общества, обратное, то есть утихание и исчезновение сути Революционного духа — «страсти к политической свободе» воспринимается как неудача.

Со второй главы («Социальный вопрос») начинается уже анализ причин поражения и удач революций, вводятся качественные понятия, определяющие суть революции, как «освобождение», «стремление к счастью», «социальный вопрос», «установление нового порядка». Общим у двоих революционных «по происхождению обществ» было утрата «наследие революции». Американская революция, в истории почти не заметная и не повлиявшая на последующие, была наиболее удачливой, но не реализованной. Она, по сути своей лишенная (из-за отсутствия бедности) «социального вопроса», утратила свою революционность непосредственно в момент основания свободы. Именно тогда, завоевав свободу, граждане дистанцировались от свободы

Поиск в этом труде характеристик «концепции», на первый взгляд может завести нас в тупик. Не зря российский исследователь и переводчик российской версии «О революции» Игорь Косич, заслуженно утверждает, что «чем эта книга, конечно, не может служить (и едва ли задумывалась как таковая), так это неким учебным пособием по совершению революций в будущем». Но истинная проблема поиска «концепции» в книге «О революции» состоит не в отсутствии такового, а в том, что нету точного перевода с русского на английский этого слова.

И так является ли ее теория и концепции Ханы Арендт в книге «О революции» революционными?

Безусловно теория, как интеллектуальная деятельность, продуцирует не так «объекты» или результаты, как «эффекты», и этот эффект несет в себе самое что не есть практичную, революционную суть. Фуко в разговоре с Делезом, как то продекларировал, что «теория — это система такой борьбы [за подрыв и захват власти] на местах». Делез продолжая мысль Мишеля припомнил слова Пруста: «Пользуйтесь моей книгой как очками, направленными на внешний мир, и если одни вам не подойдут, то берите другие, сами найдите себе инструмент, который неизбежно станет инструментом». Как по мне теория всегда выступает для человека неким кристаллом, который мы вертим в своих руках и смотрим в него на мир, словно дети, прищурив один глаз. Этот перелив света нас вдохновляет, забавляет и дает именно тот «эффект», а в социальной и политической теории именно политический и социальный эффект на массы, которые как нуждались и нуждаются в интеллектуалах.

«О революции» Арендт — это одно из немногих качественных, инновационных и глубоких исследований прошедшего века, «что сохранит свое значение и в нынешнем». Может быть именно нынешнему столетию суждено играть в этом «феномене Нового времени» решающую определяющую роль. Ведь за два с порядком столетия, имея опыт не одного десятков революций, общество целостно его так и не проанализировало и не реализовало. Были попытки историко-натуралистического, социально-психологического, социологическо-политологического исследований, но все они ограничивались то ли точечными попытками анализа, и видели в революции лишь насильственную стадию. Или как Сорокин в «Социологии революции» не смог создать для поля своего изучения стойкой или (какой либо) теории, способной создать границы своего анализа. Таким образом, революция ему мерещилась и в древнем Египте, и в Греции, и в Риме, хотя и создал добротный фактический, статистический комплекс материалов. Он так и не смог отличить простые «политические изменения», известные и анализируемые от Платона начиная, от создания в политическом акте чего-то совершенно нового.

Арендт же не только создала целостную картину революционного процесса, она сотворила непосредственно теорию — совокупность умозаключений, отражающая объективно существующие отношения и связи между явлениями объективной реальности, сделав ее истинно интеллектуальным отражение реальности. И как следствие ее теория революции дала возможность прогнозировать ход и проблемы будущих революций и «революционных по происхождению обществ». Но ее теория революции касалось и современных проблем общества, и в этом проявилось ее истинная близость к континентальной философии, особенно к Марбургской школе. Подобно Маркузе, Адорно, Хоркхаймеру, и любящему с ней дискуссировать Хабермасу она жестко выводила следующие критические заключения: (1) Во-первых, о полном тотальном упадке и деградации по всему миру современной политической системы и представительской демократии в целом; (2) Во-вторых, недоволь-

ствовалась олигархизацией современных демократий, где развился высокий уровень коррупции, а главное — произошла полная утрата авторитета власти; (3) В-третьих, вторила об опасности разрастания общества для различных сфер бытия человека (индивидуального и политического); (4) Также утверждала победу «человека над гражданином», пожертвования политических прав — гражданским.

В самой революционной теории она впервые коснулась и детально изучила сам момент основания нового в виде «конституционного этапа» революции, а не ограничивалась лишь, подобно всем, описанием драмы насилия, чем уже оказала революционное влияние на политическую теорию.

В итоге книга Арндт «О революции» получилась не просто теорией — вон теми вот «прустовскими очками», на которые можно смотреть на мир. А эти очки, несмотря на свою «эклектичность», создают абсолютно новую картину исторического и политического процесса. Но главной ее задачей в этой книге являлось, как и во всех остальных, — отвоевать политическую суть человека, поглощенной его «одномерностью», возродить революционную традицию, способную, наконец-то, основать качественно новое пространство, обладающее всеобщей коммуникативной силой и способное реализовать главную суть политики — свободу. Также ее труду свойственны «доктринальные лейтмотивы», что свойственны понятию «концепции», которые в основном нацелены непосредственно на «практичные применение».

Никита Романович Сетов

Кандидат политических наук, ассистент кафедры истории социально-политических учений факультета политологии Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова

«Прагматический аргумент» Джона Райдера (рецензия на будущую книгу «Вещи на небесах и на земле: эссе о прагматическом натурализме»)

Аннотация

Рецензируемая книга посвящена анализу современного состояния американской научной мысли и проблеме формирования новой познавательной концепции — прагматического натурализма. «Прагматический аргумент» Джона Райдера кажется довольно весомым не только в рамках американской традиции, но и в общемировом контексте

Ключевые слова: рецензия, Джон Райдер, прагматический аргумент.

Рецензируемая книга посвящена анализу современного состояния американской научной мысли и проблеме формирования новой познавательной концепции — прагматического натурализма. Безусловно, даже одно название

работы Дж. Райдера вызывает живой интерес, но перед тем, как мы постараемся кратко изложить сущность идей американского теоретика, нам необходимо сказать несколько слов о нем самом.

Итак, Джон Райдер (John Ryder) — профессор философии Университета штата Нью-Йорк, США. Райдер работает в СУНИ уже на протяжении 30 лет и занимал самые разные посты в рамках академической структуры, а в настоящее время он является директором отдела международных программ и отвечает, в частности, за взаимодействие СУНИ и МГУ имени М. В. Ломоносова. Помимо этого, Джон Райдер является автором и куратором многих академических международных проектов, целью которых является интеграция молодежного научного сообщества.

В чем же заключается «прагматический аргумент» Джона Райдера?

В рамках своей работы американский исследователь предлагает нам обширный критический анализ американской философии XX века, а также делает наброски новой теоретической концепции — прагматического натурализма.

Критикуя методологию исследования реальности прошлых лет, Райдер отмечает, что на протяжении двух тысячелетий научное сообщество было занято абсолютно бесполезным делом: мы пытались понять, что существует, а что нет? По мнению ученого, вопросы о существовании сознания, Бога, универсалий и т.п. бессмысленны, ведь целью научного познания действительности является именно понимание. На основании этого тезиса Райдер предлагает нам идею о том, что на самом деле нам следовало бы задавать вопросы иного плана: *как мы можем понять то или иное явление?*

Ознакомившись с этим, безусловно, смелым суждением, читатель наверняка спросит у автора: что должно явиться основанием для нашего понимания? Дж. Райдер незамедлительно дает нам ответ на этот вопрос — опыт. Именно человеческий опыт должен стать основой нашего понимания различных вещей и явлений. Эта идея Райдера является одним из столпов его оригинальной концепции.

Развивая свою мысль о значимости опыта в научном познании, Райдер приступает к решению еще одной насущной проблемы — проблемы выбора теории. По его мнению, нам следует открыто синтезировать различные положения тех или иных теорий, беря на вооружение их наиболее позитивные элементы. По мнению ученого, в настоящее время мы наблюдаем противостояние двух основных методологических подходов — модернизма и постмодернизма. С точки зрения американского исследователя, нет никакой необходимости поддерживать ту или иную позицию в этом споре. Райдер применяет гегельянский метод синтеза, совмещая модернизм и постмодернизм. Иными словами, модернизм в данном случае выступает в роли тезиса, постмодернизм — в роли антитезиса, синтезом же является прагматический натурализм. Помимо принятия на вооружение модернизма и постмодернизма, Дж. Райдер не оставляет без внимания наследие прагматизма прошлых лет, уделяя особое внимание концепции Джона Дьюи.

Синтезируя в рамках прагматического натурализма различные теории, Райдер дает обоснование плюрализма новой теории. Сам ученый говорит о том, что его теория предполагает открытость и готова принять в свое лоно позитивные элементы других концепций. В то же время американский теоретик обращает наше внимание на то, что не все теории одинаково полезны, и нам следует внимательно выбирать из них те, которые основаны на прагматических началах.

Все обозначенные выше проблемы — лишь первая часть работы Джона Райдера, которая посвящена именно теоретическим изысканиям. Но, как известно, теория без практики мертва или бесплодна. Поэтому американский исследователь старается показать нам применение прагматического натурализма на практике.

В рамках исследования вещей «на небесах и на земле» американский ученый раскрывает сущность и значение прагматического натурализма, рассматривает онтологическое и эпистемологическое измерения своей теории, фокусируя ее познавательный потенциал на проблемах, касающихся бытия и знания, мироздания, Бога и судьбы, искусства и знания. В завершающей части своей работы Дж. Райдер обращается к исследованию политологических проблем, связанных с демократией, международными отношениями и внешней политикой, космополитизмом и гуманизмом.

В этом ряду, на наш взгляд, наиболее важными представляются вопросы, касающиеся прагматического натурализма и демократии. Джон Райдер считает, что прагматический натурализм можно и нужно использовать для построения демократии в современном мире и предлагает нам теоретический алгоритм этого процесса. Американский исследователь указывает на три необходимых условия, при выполнении которых применение нового методологического подхода на практике даст позитивные результаты. Во-первых, нам следует признать, что ценность идей состоит в возможности их использования для достижения желаемого результата. Иными словами, нам следует брать на вооружение только те идеи, которые можно реализовать на практике с положительным эффектом. Во-вторых, следует признать высшую ценность демократии как формы жизни и социальной организации. Дж. Райдер постулирует, что прагматический натурализм можно использовать только в условиях демократического устройства государства. И, наконец, в-третьих, необходимо отвести главную роль образованию, которое должно стать источником развития демократического мышления и поведения граждан.

Конечно же, американский ученый не предлагает нам сиюминутно приступить к практическому использованию этих теоретических положений. Напротив, Дж. Райдер отмечает необходимость осторожного введения этих принципов в политический процесс государства.

Несмотря на столь широкую схему анализа, представленную в работе, автор неоднократно обращает внимание читателя на то, что ни один человек не может знать всего о вещах на небесах и на земле. Именно поэтому американский исследователь старается представить нам не «разговор обо всем», а

артикуляцию методологического подхода, с помощью которого мы можем анализировать опыт и мысль.

Подводя итог нашей краткой рецензии, можно сказать, что «прагматический аргумент» Джона Райдера кажется довольно весомым не только в рамках американской традиции, но и в общемировом контексте. Задачи, которые ставит перед собой исследователь, безусловно, трудны, но выполнимы. Возможно, что сейчас мы наблюдаем рождение новой теории — прагматического натурализма, который позволит нам рассматривать вещи на небесах и на земле не через их сущность, но через наш опыт.

Кирилл Олегович Телин

Аспирант кафедры истории и теории политики факультета политологии Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова¹

Политический средний класс

Аннотация

В статье исследуется возможность операционализации понятия «средний класс» в политическом ключе, противоположном традиционной экономической интерпретации. На основе теории элит, в частности, трудов Г. Моски, и конкретных закономерностей развития современного политического процесса предлагается включение «среднего класса» в орбиту развития и самоорганизации такого более фундаментального политического субъекта, как «политический класс», понимаемого в качестве стабильной системы постоянных участников политического процесса.

Ключевые слова: дискурс, теория элит, политический класс, политический процесс.

Известный итальянский мыслитель Гаэтано Моска, известный в России, в основном, как один из создателей политической теории элит, в своей работе «*Elementi di scienza politica*» (1896), на другие языки переведенной как «Правящий класс» (The Ruling Class, 1939; Die herrschende Klasse, 1950; Правящий класс, 1997), вывел новое для социальных наук понятие «политического класса». В понимании Моски «*политический класс*» («*classe politica*»), изначально синонимичный термину «*правящий класс*» («*classe dirigente*»), является «менее многочисленным [классом общества — прим.]», выполняет все политиче-

---

¹ Научный руководитель: доктор исторических наук, декан факультета политологии Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова, профессор Андрей Юрьевич Шутов.

ские функции и осуществляет управление общественными делами»¹, представляя собой, таким образом, некоторую совокупность людей, полностью реализующих, в силу тех или иных обстоятельств, свои возможности к участию в процессе государственного и политического управления.

В современной России формирование эффективного действующего «политического класса», то есть некоторой стабильной системы постоянных участников политического процесса — как индивидуальных, так и коллективных (институционализированных и неформальных), связано с известными трудностями. Так, один из ведущих исследователей государственного управления, профессор ФГУ МГУ имени М. В. Ломоносова А. И. Соловьев указывает, что заинтересованный в политическом участии субъект с большой вероятностью столкнется с затрудненным доступом к присутствию в информационном пространстве, без которого социальная активность в современной России немыслима, а также с тем, что *«персональная политическая активность является персоной non grata»*².

Тренд к формированию принципиально статичной, своего рода «номенклатурной» системы приводит к тому, что страна сталкивается не с демократизацией политического процесса, а с имитацией демократизации, поддерживаемой информационными технологиями формирования искусственной «повестки дня» (agenda).

Означенная негативная тенденция, способствующая формированию более закрытой и авторитарной политической системы, подкрепляется также ориентацией некоторых политиков и специалистов на популистские заявления о пагубности генезиса в России какого-то специфического «политического класса».

Часть экспертного сообщества, переоценивая символическое значение использования ряда устоявшихся терминов и понятий, отмечает, что *«такого класса, если пользоваться научным определением этого понятия, не бывает и быть не должно, ибо всякая монополизация политической деятельности опасна и чревата образованием замкнутых структур»*³.

Стоит отметить, впрочем, что и сам Г. Моска, равно как и другие представители теории элит, довольно часто старался избегать употребления термина «элита» в смысле, созвучном с разрабатываемым им понятием «политического класса». Итальянский мыслитель указывал на то, что, в отличие от «элиты», такого типа «класс» — понятие также и глубоко функциональное, связанное с исполнением определенных социальных обязанностей, а не только с наличием политических прав и возможностью произвола, а значит, и

---

¹ Моска Г. *Правящий класс* / Моска Газтано // Антология мировой политической мысли. — М., 1997. — Т. II.

² Материалы международной конференции «Универсальное и национальное в политическом процессе» (Звенигород, 3–5 сентября 2010 г.)

³ Пономарев И. В. «Бизнес не пригоден для политического служения», «Русский журнал», 26.03.2009

операционализация такого термина в лоне общественных наук требует принципиально иных ценностных воззрений.

Вместе с этим особый интерес в контексте трансформации политического пространства и существующих внутри него алгоритмов и механизмов политического участия представляет феномен «среднего класса».

Чаще всего этот термин встречается в текстах экономической направленности и трактуется именно как экономическая категория, выделяемая по ряду основных признаков: уровню дохода, уровню образования, стандартам потребления и пр.

Вместе с тем даже сами исследователи отмечают, что «средний класс» представляет собой «наиболее многочисленную категорию населения»; одно это обстоятельство должно было бы вызвать серьезные методологические трудности: очевидно, что ввиду диспропорциональности развития современных государств и обществ трудно предложить некие общие условия, которые бы удовлетворяли двум упомянутым ограничениям, то есть, с одной стороны, выводили на первый план определенные количественные критерии и характеристики, а с другой, формировали бы наиболее многочисленный социальный слой как в развитых, так и в развивающихся странах.

Куда более валидным в условиях современного дискурса представляется именно политическое понимание «среднего класса».

Представляя собой в данном случае действительно наиболее многочисленную социальную группу, «*политический средний класс*» характеризуется, во-первых, достаточно инертными убеждениями и ценностями, в политическом спектре близкими центру, а не крайне правым или левым позициям, а во-вторых, при всей своей реактивности, наибольшим политическим потенциалом.

Последний складывается, в свою очередь, также из двух элементов: значительных возможностей коллективного участия в социальных процессах (в силу отсутствия у властных органов легального и легитимного способа ограничить доступ к политическому процессу абстрактно взятым широким слоям населения) и полноценного доступа к национальному и мировому информационному пространству.

В случае подобной трактовки находят свое объяснение многие спорные позиции, ранее усматривавшиеся в экономическом понимании «среднего класса». Так, в развивающихся странах относительная неразвитость этого феномена может быть обоснована как условиями времени, близкими к дюркгеймовскому понятию «*аномии*» (примером являются РФ и страны Восточной Европы), так и не до конца сложившимся информационным пространством (репрезентативной иллюстрацией может служить КНДР).

Однако же в рамках современной отечественной практики можно наблюдать многие явления, способствующие развитию и полноценному становлению в стране «среднего класса». К числу таковых относится общее развитие информационных технологий и повышение их доступности, а также преодоление некоторой части политических противоречий ввиду смещения

многих акцентов публичной политики и общественной дискуссии.

В становлении весьма специфического «информационного общества», характеризующегося в российских условиях существенным акцентом политического процесса именно на дискурсивный уровень¹, наблюдается также и положительное влияние современных средств коммуникации на процесс сглаживания и формирования коллективных ценностей — все более значительные слои населения (в настоящий момент, главным образом, крупных городов) вовлекается в политический процесс благодаря большей включенности в медийное пространство и текущую «повестку дня», влияние на которую сегодня может оказывать каждый субъект упомянутого поля. Все это рисует достаточно четкие перспективы формирования в России принципиально новой для нее политической практики с большим удельным весом именно «политического среднего класса».

Александр Арсеньевич Чанышев

Кандидат философских наук, профессор кафедры политической теории Московского государственного института международных отношений Министерства иностранных дел России

«История» и «современность»

Аннотация

«Методика» определения водораздела между «классикой» («историей») и «современностью» с момента «фихтеанского переворота» в определенном смысле не изменилась: каждый раз действует «парадигма кризиса», который ставит под угрозу центральный пункт «Проекта модерна», а именно — личную автономию, свободу. Граница между «историей» и «современностью» подвижна и постоянно перемещается в рамках «модернизации», то есть в границах осуществления Проекта модерна, задачи, которая отнюдь не исчерпала себя и по настоящий момент. «Современное» прочтение историей политических учений того, что сказано «классикой», — еще впереди

Ключевые слова: история, история политических учений, традиция, современность, «Проект модерна».

Мне хотелось бы остановиться на вопросе о том, когда кончается «история» и начинается «современность»? Он связан с проблемой вычленения предметного поля «истории» (того, что было) — относительно «современности», что представляет собой весьма сложную проблему. Древние, тракто-

---

¹ Vercic D. Public Relations and Communication Management in Europe. — Mouton Reader, 2004

вавшие историю в качестве «нарратива» (история как «летопись», то есть письменно зафиксированный *рассказ* о событиях по годам) были в данном отношении в более простой ситуации. Римская традиция в лице Цицерона («Об ораторском искусстве») трактует историю как повествование о деяниях *выдающихся лиц и великих народов*, и требует от исторического повествования быть точным, ничего не искажать (не осуждать и не радоваться) и одновременно помнить, что история — связь настоящего с великим прошлым и гарантия величия в будущем; последнее вынуждает нас соблюдать подобающую по отношению к значимости происходящего возвышенную интонацию. В таком понимании «история», «минувшее» — это не только хронология событий прошлого, но и то, что всегда имеет «современное», и даже своего рода «постсовременное» измерение, ибо, как акт коммуникации (нарратив), она четко адресована настоящему и будущему.

Иными словами, поле исторических действий представляет собой своего рода *поучительное зрелище*, содержащее в себе *урок и задание* для ныне живущих.

Полибий (создатель «Всеобщей истории») добавляет к этим целям задачу понимания смысла (цели и назначения) происходящего.

В рамках «Политической истории» (гл. VI — я его труда), согласно Полибию, речь идет об истории «прагматической», выявляющей универсальную связь событий, происходящих одновременно и на Западе и на Востоке. Связующей и направляющей силой выступает Рим, силою своих превосходящих все существующие образцы политических начал и установлений привносящий в мир «новый всеобщий порядок безопасности и свободы». Иными словами, Полибий полагает, что в *современном* ему мире действует объединяющее начало, центральная сила, выполняющая исторически-перспективную, прогрессивную миссию.

Сообразно христианской мировоззренческой схеме, всякий текущий момент в личной истории и истории социальной подлежит двойному осмыслению, двойной привязке к вечности: во-первых, он непосредственно связан с творцом, так как последний в любой момент может призвать человека и человеческое множество (общество) к себе; во-вторых, человек через свое действие определяет время как то, что работает на вечность (на спасение) или не работает на нее.

Синтез догматов предопределения (не путать с необходимостью, вынужденностью-принуждением) и свободы воли дает у Августина историческую *перспективу*, в которой может быть развернуто творческое сотрудничество человека с богом и в которой все возможно: человек как центральное, «осевое» существо тварного мира спасителен для мира и сообщества (общества) в целом. (У Августина данная позиция выражена двумя парадоксами: *Бог цель, человек — путь и цель всемирной истории — спасение каждого человека*). Так или иначе здесь мы получаем полностью последовательную телеологически-кумулятивную схему понимания истории, прогресс в которой трактуется *нелинейно*.

Именно поэтому апокалипсические видения, связанные с закатом Западной империи, Рима — отнюдь не свидетельствуют для Августина о конце света (хотя и гибнет цивилизация). Однако сама гибель эта оправдана (Рим никогда на самом деле не был Республикой, то есть справедливым строем) и в этом смысле неизбежна; но она одновременно возвещает о возможности нового мира, нового человека, новой истории.

Именно здесь же, в рамках данной кумулятивистской схемы получаем критерий разделения старого и нового, ветхой истории и устремленной в будущее перспективы настоящего: очистительный кризис; получаем и модус связности между прошлым и будущим: римская гражданская культура предшествует культуре нарождающейся, христианской, доходящая до самопожертвования любовь к земной отчизне приуготовляет любовь к Отчизне небесной, Граду Божьему. Прошлое, таким образом, предстает как приуготовительная ступень будущего, как его своеобразная модель, смысловая матрица, которая в этом прошлом вызревает (в этом отношении «прошлое толкует нас»).

В известном смысле чаемое Августином «новое время» наступило, как мы знаем, с известной «задержкой» более чем на десять веков. (Средние века термину *modernus* придавали отрицательный смысл: с течением времени все увядает и портится, все образцы искажаются). Приход «нового времени» ознаменован тяжелейшим кризисом, революционной неустроенностью эпохи раннего модерна, гражданской войной, религиозной смутой. Поэтому ориентир стремления к модернизации («современность») приобретает бифокальное смысловое наполнение.

Это и рационально сконструированная и в этом смысле совершенно искусственная, «внеисторичная» (не опирающаяся на авторитет традиционных связей, но конвенциональная) конструкция общественно-политической коммуникации в благоустроенном «политическом государстве», или «гражданском обществе»; это и автономная («свободная») личность как «своеправный» владелец «всего своего» (способностей, умений, сил).

Позднее данная модель была усовершенствована Просвещением, придавшим «политическому государству» форму *государства правового*. Кантовская философия права подытоживает линию развития классической традиции, исходя из того, что неотчуждаемость нравственной и гражданской автономии личности есть критерий такого государства. Соответственно у Канта историческая *перспектива* представляется как возможность поглощения и вытеснения политики (как инструментальной практики отношения к человеку) моралью; это — перспектива нравственной (смысловой, «априорной») необходимости всемирного республиканского строя, предназначение которого заключается в «вечном мире».

Преодоление смысловой (парадигмальной) границы, или рубежа «классики», обозначенного Кантом, мы впервые встречаем, пожалуй, у Фихте. Последний исходит из факта крушения данного просветительского проекта, объявляя оба его центральных пункта (правовое демократическое государство и принцип

неотчуждаемости личной автономии) неосуществленными, проваленными и концентрирует внимание на *объективных* экономических, социальных и политических причинах такого результата.

Центром тяжести политико-правовой концепции Фихте остается *проблема свободы*, как это и было в политической мысли Просвещения и у Канта; вместе с тем, Фихте не ограничивается анализом одних только формально-правовых оснований свободы и политических условий ее реализации — в их корреляции с моральной автономией индивида; он «открывает» социальное и экономическое измерение свободы и, по сути, ставит проблему ее укорененности не только в личном произволении отдельного человека, но и в intersубъективных порядках взаимодействия людей.

В этой связи он обосновывает установку на использование государственно-политического инструментария для овладения объективными структурами социального бытия, контроля над ними и их коррекции — и тем самым подвергает представление о политической коммуникации решительной деперсонализации (личность, согласно Фихте, должна быть растворена в «органическом целом»).

Исходным моментом фихтеанского преодоления классической парадигмы, однако, была констатация кризисной фрагментации социокультурной коммуникации в целом и деградации личности.

Подытоживая, можно сказать следующее.

Во-первых, «методика» определения водораздела между «классикой» («историей») и «современностью» с момента «фихтеанского переворота» в определенном смысле не изменилась: каждый раз действует «парадигма кризиса», который ставит под угрозу центральный пункт «Проекта модерна», а именно — личную автономию, свободу. Именно так, например, воспринимал определенные тенденции в интеллектуальном и политическом развитии XX в. К. Мангейм, оценивавший отказ от утопии (мечты) в качестве «конца истории».

Равным образом, та же самая схема реализуется в постмодернистском представлении о политической «реальности» как о продукте тотальной «симуляции», трактуемой им как «порождение гиперреального» при помощи моделей реального, не имеющих собственных истоков и реальности, «симулякров»: «замена реального знаками реального» (Бодрийяр).

Во-вторых, если это наше предположение верно, то граница между «историей» и «современностью» подвижна и постоянно перемещается в рамках «модернизации», то есть в границах осуществления Проекта модерна, задачи, которая отнюдь не исчерпала себя и по настоящий момент (Ю. Хабермас). В этом смысле «современное» прочтение историей политических учений того, что сказано «классикой», — еще впереди

Екатерина Давидовна Чкоидзе

Аспирант кафедры истории социально-политических учений
факультета политологии Московского государственного университета
им. М. В. Ломоносова¹

Феномен русофобии: исторический генезис, типы, виды, структура и функции

Аннотация

В конце XVIII — первой половине XIX века происходит формирование русофобии как системы, освещающей враждебную политику той или иной из держав по отношению к России. Данная статья посвящена системному рассмотрению феномена русофобии на примере его типов, видов, структуры и функций. Уделено особое внимание историческому генезису явления, а также рассмотрены предпосылки появления «русофобии», те причины, на основе которых она приобрела присущие ей черты — нетерпимость и неприязненное отношение Европы к России.

Ключевые слова: феномен русофобии, типы и виды, структура и функции, предпосылки, «внешняя» и «внутренняя русофобия».

Русофобия XIX века — это ненависть и страх перед могуществом Российской империи, как реакция на ее возрастающую материальную силу, а также культурную и цивилизационную обособленность от Запада. Именно об этом писал Ф. И. Тютчев — родоначальник термина и основоположник типологии феномена.

Причины русофобии и исторический генезис феномена. Нельзя однозначно утверждать, что причины возникновения и распространения русофобии коренятся в политических процессах второй половины XIX века. Как и любой другой исторический феномен, она имеет гораздо более сложную структуру, а соответственно и более продолжительную историю возникновения. Рассмотрим причины и предпосылки появления феномена русофобии.

1. *Культурно-исторические предпосылки.* Менталитет российской элиты изменился во время правления Петра I. Ориентация на Запад породила новые общественно-политические движения. Насажение западной культуры в России стало одним из факторов возникновения полемики между западниками и славянофилами и стремления отринуть все западное, европейское в пользу русского, национального.

---

¹ Научный руководитель: доктор политических наук, заведующий кафедрой истории социально-политических учений факультета политологии МГУ, профессор Александр Андреевич Шириняц.

2. *Культурно-бытовые предпосылки.* Европейцы имели представление о русских как о «варварах» со слабо развитой материальной культурой, а также лишенных культурных и моральных принципов. Русские болезненно относились к тому, что Европа, в лице как модных немецких философов и французских литераторов, так и мешан-обывателей, смотрела на них свысока и считала лишь «получивилизованным» народом¹.
3. *Внешилолитические предпосылки.* Благодаря успешным войнам XVIII века Россия стала великой державой. Между 1688 и 1815 годами Британия и Франция были непримиримыми врагами и не могли объединиться против России. Традиционные соперники России в Восточной Европе — османы, шведы и поляки — пребывали в стадии упадка.
4. *Мощь России, растущая со времени вступления на престол Петра I,* вселяла страх западным государствам, граничащим с империей. Этот страх усилился, когда на территории Российской империи была разбита Великая наполеоновская армия, а некоторое время спустя, российские войска закончили свой европейский поход в Париже.
5. *Внутриполитические предпосылки.* Внутри России в XIX веке с новой силой проявилось влияние так называемой «немецкой партии» при дворе², которая, всячески поддерживая остзейских немцев, да и вообще иностранцев, в карьерных и имущественных делах, тем самым, по мнению многих, в том числе Тютчева, пренебрегала государственными интересами России.
6. *Геополитические причины.* Российская империя занимала огромную территорию, она была отдельной самобытной цивилизацией, отличной от Западной и Восточной цивилизаций того времени.
7. *Религиозные предпосылки.* Православие радикально отличало Россию от католической Европы.

Используя структурно-функциональный и системный подходы, и опираясь на выделенные предпосылки, необходимо рассмотреть типологию исследуемого явления.

---

¹ См. об этом: Ливен Д. Российская империя и её враги с XVI века до наших дней. — М.: Европа, 2007. — С.354.

² Об этой партии еще в 1848 году многозначительно писали К. Маркс и Ф. Энгельс: «вся русская политика и дипломатия осуществляется, за немногими исключениями, руками немцев или русских немцев... Тут на первом месте граф Нессельроде — немецкий еврей; затем барон фон Мейендорф, посланник в Берлине, из Эстляндии... В Австрии работает граф Медем, курляндец, с несколькими помощниками, в их числе некий г-н фон Фотон, — все немцы. Барон фон Бруннов, русский посланник в Лондоне, тоже курляндец... Наконец, во Франкфурте в качестве русского поверенного в делах действует барон фон Будберг, лифляндец. Это лишь немногие примеры. Мы могли бы привести еще несколько дюжин таких примеров...» (Маркс К., Энгельс Ф. Новый «Священный союз» // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 6. — С. 156).

Типы и виды русофобии. Наиболее известной типологией русофобии является ее разделение на внутреннюю и внешнюю, на что впервые указывает Ф. И. Тютчев.

1. «Внешняя русофобия» — русофобия западноевропейского общества, которая проявляется в чувстве ненависти к Российской империи, инстинктивном страхе перед ней и испытываемом чувстве аве.

В качестве разновидностей внешней русофобии можно выделить следующие:

А) по территориальному признаку:

- Русофобия в Восточной Европе. Неприязнь ко всему русскому в Австрии, Венгрии, Польше, Финляндии и Прибалтике. Данные страны непосредственно влияли на формирование мнений о России в Центральной Европе, так как располагались между Западом и Востоком, и являлись своеобразным проводником мнений, слухов и прочей информации.
- Русофобия в Центральной Европе. После победы России в войне с Наполеоном Англия, Австрия и Франция были напуганы усилением России. Могущество Российской империи вызывали страх и трепет у великих держав, угрожая их самобытности.

Б) по способу формирования русофобских настроений:

- «Врожденная» — или инстинктивный страх и ненависть ко всему русскому. Например, либералы-западники — составляющая части внутренней «русифобии», западное общество, испытывающие благоговейный страх по отношению к России.
- «Привитая» — или негативное отношение к России, формируемое под воздействием средств массовой информации и политикой правительств. Также можно выделить «осознанную» и «неосознанную» русофобию, «открытую» и «скрытую».

II. «Внутренняя русофобия» — проявления внешней «русифобии» в самой России, в кругу либералов, нигилистов-революционеров, «польской оппозиции», остзейского юнкерства, так и в самом управлении Империей, где разрушающе действовала «антирусская клика» — «все элементы, или нерусские по происхождению, или антирусские по направлению». Эта «коалиция всех антирусских в России направлений есть факт очевидный, осязательный... в состав этой коалиции вошли, вопреки своей разнородности, и польская шляхта, и остзейские бароны, и петербургские нигилисты, штатные и заштатные. Их связывает одно — отрицательное начало, т. е. врожденная или привитая враждебность ко всему русскому...»¹.

Тютчев подробно описывает носителей «внутренней русифобии». Это:

---

¹ Тютчев Ф. И. Письма к московским публицистам. А. И. Георгиевскому 1864–1866. 5. Ницца. 2/14 января 1865 // Литературное наследство. Т. 97. Федор Иванович Тютчев. Кн. первая. — М., 1988. — С. 387.

А) Либералы-западники, люди, у которых отсутствует «национальное чувство» и чья «руссофобия», как считает Тютчев — инстинктивна, беспринципна, не имеет никакой логики и вообще иррациональна.

Б) «Нигилисты» и «польский элемент». «Нигилисты», как считал Тютчев в начале 1860-х годов, — «заблудшие овцы», «скот, взбрыкивающий время от времени».

В) «Антирусская клика» в правительстве, усилиями которой внешняя и внутренняя политика приобретала антинациональный характер. Говоря об «антирусской клике», Тютчев, прежде всего, имел в виду конкретных лиц в правительстве и управлении империей, которых противопоставлял царствующим самодержцам, находящимся при жизни вне всякой критики¹.

Структура руссофобии и ее функции. Историк А. И. Фурсов считает, что необходимо различать ситуационную неприязнь к русским и «руссофобию» как разработанную идеологическую систему. Отдельные документальные примеры «руссофобии» можно найти в литературе начала XVI века. Тем не менее, именно в конце XVIII — первой половине XIX века происходит формирование руссофобии как системы, освещающей враждебную политику той или иной из держав по отношению к России. Фурсов характеризует такую «системную» руссофобию как «психоисторическое оружие», цель которого доказать, в том числе и самим русским, что их развитие не в полной мере соответствует западному типу.

Рассматривая феномен руссофобии как системное явление, следует выделить два ее главных элемента — это страх и боязнь всего русского, с одной стороны, и ненависть к России, с другой. Главным инструментом формирования негативного общественного мнения о России в XIX веке, как и сейчас, является пресса.

Однако, как и любое другое явление, руссофобия выполняла определенные функции, важные для Российской империи XIX века. Это:

- консолидирующая функция или объединение российского народа перед лицом возможного общего врага в лице других великих держав.
- идеологическая функция или развитие в обществе национальных идей и утверждение самобытности нации на основании обособления ее от всех остальных.
- легитимирующая функция или интерпретация неудач и провалов внешней политики государства как проявления особой неприязни других стран к России.

Таким образом, руссофобия — явление многогранное, о чем свидетельствует многообразие видов и типов, функций, а также предпосылок появления феномена.

---

¹ См.: Тютчев Ф. И. Письма к московским публицистам. И. С. и А. Ф. Аксаковым. 1861–1872. 44. А. Ф. Аксаковой. Петербург. 20 февраля [1868] // Литературное наследство. Т. 97. Федор Иванович Тютчев. Кн. первая. — М., 1988. — С. 330.

История социально- политических учений

Бекхан Вахаевич Агаев

Аспирант кафедры истории социально-политических учений факультета политологии Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова¹

Генезис концепции «правового социализма» С.И.Гессена

Аннотация

Теоретик социального либерализма, автор концепции «правового социализма» Сергей Иосифович Гессен (1887–1950) наметил контуры важнейшей теоретико-политической проблемы, которую впоследствии назвал «проблемой правового социализма». В работе рассматриваются процесс её генезиса.

Ключевые слова: правовой социализм, абсолютизм, либерализм, демократический либерализм, социализм.

Теоретик социального либерализма, автор концепции «правового социализма» Сергей Иосифович Гессен (1887–1950) наметил контуры важнейшей теоретико-политической проблемы, которую впоследствии назвал «проблемой правового социализма»² в своей брошюре 1917 года «Политическая свобода и социализм». Эта проблема включала в себя «размежевание с марксизмом, развитие и обоснование концепции демократического социализма как четвертого этапа в развитии современного правового государства: 1) абсолютизм, 2) либерализм, 3) новый или демократический либерализм, 4) социализм, реализующего во всей полноте идею прав человека и его свободу»³.

Самый большой раздел брошюры Гессена посвящен характеристике учения социализма, восполнившего идею личности идеей равенства и братства⁴.

Критики социализма (либералы и анархисты) утверждали, что требование уничтожения частной собственности, ее обобществление (т.е. превращение в собственность государства) с неизбежностью нивелирует все либеральные свободы личности и приведет к ее полной зависимости от государства.

---

¹ Научный руководитель: доктор политических наук, заведующий кафедрой истории социально-политических учений факультета политологии МГУ, профессор **Александр Андреевич Шириняц**.

² Разработку оригинальной концепции генезиса и развития идей современного правового государства Гессен продолжил в цикле статей «Правовое государство и социализм», опубликованных в журнале «Современные записки» (1924–1929), выходявшем в Париже.

³ *Гессен С. И.* Мое жизнеописание // Гессен С. И. Избранные сочинения. — М., 1999. — С. 743.

⁴ *Гессен С. И.* Политическая свобода и социализм // Гессен С. И. Избранные труды. — М., 2009. — С. 550.

Отвечая этим критикам, Гессен указывает на то, что социализм — это не историческая практика, историческая действительность, а различные социалистические учения, которые можно разделить на утопический и научный социализм. К первому — утопическому Гессен относит коммунистический социализм Платона, Т. Мора и их современных эпигонов, рисующих «картины будущего строя, изображающие социализм в виде громадной казармы, где личность отдельного человека порабощена государством»¹. Ко второму — научному учение «современного социализма», которое в противоположность утопическому, «не только не требует уничтожения свободы личности, но даже не имеет в виду полного упразднения частной собственности. Он требует лишь такого общественного строя, при котором свобода владения собственностью не превращалась бы в орудие для порабощения других личностей»². Поэтому социалистическое требование уничтожения частной собственности на орудия производства (безграничной свободы собственности), а также требование уничтожения эксплуатации человека человеком (безграничной свободы труда), по существу является требованием прекратить произвол и злоупотребление собственностью и свободой труда, т.е. ввести свободу собственности и труда в их законные пределы, обеспечивающие всем членам общества равноправие.

Таким образом, современный социализм в своих требованиях осуществления свободы более последователен, чем либерализм, который «понимая свободу как порядок и право в одной области свобод ... узаконяет в другой области свобод очевидный произвол и анархию»³, и коренным образом отличается от казарменного коммунизма, исходящего из «государственно-нравственных соображений» в ущерб интересам отдельной личности⁴.

Это, по существу социал-демократическое учение, основывающееся на экономических предпосылках, по мнению Гессена, и является единственно научным, теоретически верным и полным воплощением идеи свободной личности. Успех реализации такого социализма зависит от его связанности идеями свободы и права: «Социализм или будет возвратом к абсолютизму государства, и тогда — он обречен на неуспех; или он действительно реальная программа будущего, и тогда он должен быть пронизан идеями свободы и права, дальнейшее развитие которых он, как нам кажется, на самом деле и представляет»⁵. Социализм должен быть правовым строем, он «сможет стать действительностью лишь на почве правового государства, в основе которого лежит идея свободной в своем самоопределении человеческой личности»⁶.

---

¹ Там же. — С. 558.

² Там же. — С. 553.

³ Гессен С. И. Политическая свобода и социализм // Гессен С. И. Избранные труды. — М., 2009. — С. 555.

⁴ Там же. — С. 557.

⁵ Там же. — С. 558.

⁶ Там же. — С. 559.

Еще одна проблема, которую Гессен рассматривает в контексте поиска определения сущности демократического, правового социализма, касается взаимоотношения свободы и народоправства, правового строя и демократии и всех вместе — с социализмом.

Вслед за французским теоретиком либерализма Б. Констаном, цитируя его лекцию «О свободе у древних в ее сравнении со свободой у современных людей»¹, Гессен указывает на противоречия в исторической реализации демократии: если в древности «отдельный человек, полномочный во всех общественных делах, был рабом в своей частной жизни ... У современных народов, напротив, отдельный человек, независимый в своей частной жизни, участвует в верховной власти, даже в самых свободных государствах, лишь по видимости»². К этому можно прибавить известный страх перед массой, которая, по выражению того же Констана, «может стать деспотом». Однако все эти негативные стороны демократии, отнюдь не отрицают необходимость народоправства в современном обществе, так как вполне преодолеваемы при социалистическом строе. Гессен ставит два вопроса: «Мыслима ли при современных условиях личная свобода без широкого участия народа в государственной власти? Возможна ли ныне настоящая демократия без прочного правового строя, основанного на личной свободе?»³ Отвечая на них, он доказывает необходимость народоправства, участия граждан в управлении государством для реализации личной свободы и показывает, что, в свою очередь, народоправство невозможно без личной свободы, свободы от деспотизма государства⁴.

Гессен убежден, что только демократический строй способен обеспечить свободу личности, а подлинная сущность социализма обнаруживается в его демократическом характере. Ход его рассуждений следующий: «В противоположность коммунизму Платона и всему позднему утопическому социализму, современный социализм считает, что он может быть осуществлен не путем насилия и принуждения, но лишь путем свободного волеизъявления всего народа. И в данном случае он исходит не просто из практического соображения, что насильно навязанный народу социализм будет по необходимости непрочным. Нет, демократический характер современного социализма вытекает из самой его правовой природы, которой он и отличается от утопического коммунизма. Повторяем: или социализм останется навсегда только «музыкой будущего», или он осуществится в формах правового государ-

---

¹ См.: Констан Б. О свободе у древних в ее сравнении со свободой у современных людей http://polisportal.ru/files/File/publication/Starie_publicacii_Polisa/K/19_93-2-Konstan-O_svobode_u_drevnix.pdf

² Гессен С. И. Политическая свобода и социализм // Гессен С. И. Избранные труды. — М., 2009. — С. 559.

³ Там же. — С. 559–560.

⁴ Там же. — С. 561–562.

ства»¹. Исходя из учения Платона и Руссо о том, что общая воля и воля отдельного человека в глубочайшем своем существе совпадают, Гессен указывает: «Если демократия есть организованная воля всего народа, а не только одной его наиболее решительной части, если она есть равнодействующая сознательных волей отдельных граждан, голосующих согласно своему свободно принятому убеждению, а не под влиянием душевного или даже телесного насилия, то демократия осуществима только в формах правового государства, т. е. при признании запретной для государственного вмешательства области личной свободы»². Общий вывод Гессена гласит: «Индивидуальная свобода есть необходимая предпосылка участия народа в государственной власти. Народоуправство есть необходимое предположение личной свободы. Одно держит другую. Без второго падает первая. Оба эти вида свободы не безразличны друг другу, но находятся между собой в тесной органической связи»³.

В заключение работы, утверждая, что «Осуществление свободы есть дело неустанного и последовательного труда многих и многих поколений, труда, требующего неослабного напряжения воли и знания всего народа», Гессен предостерегает своих читателей от эйфории, в России, замечает он, свобода только провозглашена, но не утверждена: «у нас нет еще самых необходимых условий для проведения этой провозглашенной свободы в жизнь: у нас нет еще независимого и авторитетного суда, нет правильно работающего народного представительства, нет даже еще организованной воли всего народа»⁴. Публицистический запал Гессена, призывающего читателей брошюры к «великой ответственности» ввиду опасности «вырождения свободы в произвол» («Долг каждого русского гражданина поэтому оберегать завоеванную со столь тяжелыми жертвами свободу») был стимулирован вполне обоснованным страхом перед возможными послереволюционными «злоупотреблениями свободой». Не случайно наблюдения кровавых событий революции и гражданской войны заставили Гессена позже убедиться в том, что русский народ, в силу реальных условий «крайней отсталости русской жизни» далек от идеала правового социализма. Как отмечал Гессен, русский народ «не только сам был еще совершенно не тронут правовой культурой, но даже в лице своей интеллигенции («славянофилы», «почвенники», «народники») вменял себе в заслугу это пренебрежение к началам права», а «советское правительство, пренебрегающее западничеством наследием правового государства», является «плотью от плоти русского народа»⁵.

---

¹ Там же. — С. 562.

² Там же. — С. 563.

³ Гессен С. И. Политическая свобода и социализм // Гессен С. И. Избранные труды. — М., 2009. — С. 563.

⁴ Там же. — С. 564.

⁵ Гессен С. И. Мое жизнеописание // Гессен С. И. Избранные сочинения. — М., 1999. — С. 791.

Дарья Алексеевна Акулова

Студентка кафедры истории социально-политических учений
факультета политологии Московского государственного университета
им. М. В. Ломоносова¹

Политическая мифология Данте Алигьери

Аннотация

В статье характеризуются взгляды Данте Алигьери на политическое устройство Италии, соотношение светской и духовной власти, рассмотренные через призму некоторых мифов и символов «Божественной Комедии».

Ключевые слова: Данте Алигьери, «Божественная Комедия», политическая мифология, Италия, Римский Папа, император.

Имя Данте сегодня известно практически каждому, как и основное его произведение «Божественная Комедия». Поэма Данте включает в себя множество символов и аллегорий, а также мифы. Мы будем анализировать политические идеи Данте через его политическую мифологию. Она в «Божественной Комедии» выступает своего рода стержнем, на который нанизываются все события поэмы.

Поэма состоит из трех частей: Ад, Чистилище и Рай. Нас в большей степени будут интересовать две первых части, так как именно в них автор критикует современный ему политический строй, при этом выражая собственное отношение через символы и мифы.

Главным героем поэмы является сам Данте, который выступает проводником читателя в потусторонний мир. Поэт участвует в каждом придуманном им мифе, дополняя его, делая красочным, приближая придуманные истории к реальности, создавая иллюзию включенности читателя в описанные в произведении события.

В «Божественной Комедии» присутствуют два очень ярких образа, две любви Данте: красавица Беатриче² и, конечно, Италия, которая предстает перед нами уже в первых строках «Божественной Комедии». Первая песнь поэмы начинается с описания дремучего леса, в котором заблудился автор: «Путь жизненный пройдя до половины, я очутился в сумрачном лесу...»³. И что же сумрачный лес олицетворяет собой? Ответ очень прост — Италию. Да, таким представляется Данте современное состояние его любимой Родины. И мы видим Италию, растерзанную, мучимую противоречиями, разди-

---

¹ Научный руководитель: старший преподаватель кафедры истории социально-политических учений факультета политологии МГУ **Алексей Александрович Зоткин**.

² *Беатриче Портинари* — возлюбленная Данте Алигьери.

³ *Алигьери Данте*. Божественная Комедия. — М., 1967. — С. 13.

раемую феодальной раздробленностью, дошедшей практически до стадии анархии, где постоянная политическая борьба стала нормой жизни. И сам автор заблудился, он не знает, как найти выход из сложившейся ситуации, но при этом искренне прилагает все свои силы для того, чтобы найти его любой ценой. Как отмечает один из исследователей творчества Данте: «Этот дикий, дремучий, неприступный лес — есть верная картина не только смущения, в котором находилась душа поэта, но гражданской и политической смуты, царившей в его отечестве»¹. И из этого леса поэт попадает в Ад.

Данте изображает Ад как подземную воронкообразную пропасть, которая, сужаясь, достигает центра земного шара. Ее склоны опоясаны концентрическими уступами, "кругами" Ада. Таких кругов девять. Причем, ближе всего к поверхности располагается первый, тогда как девятый — в самой глубине, на нем люди, которые совершили самые страшные грехи из всех возможных, для Данте таковыми являются предательство родных и Родины. И именно из-за этого многих политических деятелей автор размещает в аду, показывая тем самым, что они не выполнили своего предназначения, не заботились о народе и врученном им государстве, но наоборот, действовали в своих личных интересах, сеяли распри и раздоры. Такое критическое отношение Данте к власти было обусловлено плачевным состоянием Италии. Вот как сам автор его оценивает:

«Италия, раба, скорбей очаг,
В великой буре судно без кормила,
Не госпожа народов, а кабак!
А у тебя не могут без войны
Твои живые, и они грызутся,
Одной стеной и рвом окружены.
Тебе, несчастной, стоит оглянуться.
На берега твои и города:
Где мирные обитатели найдутся?»²

Из этих слов Данте можно понять, что историческая действительность оказала большое значение на политические идеи Данте. Во всех его произведениях красной нитью проходит мысль о том, что государство должно быть единым. Политическая раздробленность Италии — это главная проблема государства, которую необходимо решить, так как она касается всех людей, населяющих страну.

Не случайно на восьмой ступени Ада находятся еретики. То есть те, кто сеял всевозможные религиозные конфликты. Но и здесь же располагаются

---

¹ *Симондс Джон Аддингтон*. Данте, его время, его произведения, его гений. — СПб., 1985. — С. 43. Джон Аддингтон Симондс — английский поэт и историк культуры, живший в XIX веке.

² *Алигьери Данте*. Божественная Комедия. — М., 1967. — С. 286.

виновники политических распрей. На самом деле, по мысли Данте, эти две категории людей действуют в одном направлении: разрушают существующее политическое единство в угоду своим личным интересам. Они приложили все усилия для того, чтобы раздробить на огромное количество частей родное государство. И теперь демоны рвут на части тела тех, кто сеял всевозможные распри, также как они разорвали целостность врученного им государства.

«И все, кто здесь, и рядом, и вдали,
Виновны были в распрах и раздорах.
Среди живых, и вот их рассекли»¹.

Таким образом, главным для Данте является политическое единство, на которое никто и ни под каким предлогом не должен покушаться. Причем не так важно, какие политические взгляды пропагандирует правитель, к какой политической партии он принадлежит. Главное — чтобы он сохранил целостность государства, которым правит.

Еще одной очень важной проблемой, поднимаемой в «Божественной комедии», является соотношение религиозной и светской власти и критика папства. Данте критикует стяжательство Римских Пап и их национальную политику.

Неслучайно первый обитатель Ада — Римский Папа Целестин V², который, к слову сказать, отрекся от своего престола, так как не справился со наделенными полномочиями. Он находится в Аду. И данный персонаж — не единственный представитель Церкви, который находится в Аду. Данте высказывается о Римских Папах следующим образом:

«Сребро и золото — ныне Бог для вас;
И даже те, кто молится кумиру,
Чтят одного, — вы чтите сто зараз»³.

И, безусловно, такое описание Римских Пап вызвало серьезную критику «Божественной Комедии» со стороны Церкви. Неприятие Поэмы Церковью обусловлено тем, что Данте располагает в Аду людей, которые олицетворяют собой Церковь, которые несут в своем образе некий идеал святости. Ведь в Аду должны находиться грешники, но никак не те люди, которые являются представителями Бога на земле. Но при этом Данте критикует институт Церкви и людей, которые забыли о своем предназначении, о тех моральных устоях, которыми они должны быть связаны, но никак не на религию.

---

¹ *Алигьери Данте*. Божественная Комедия. — М., 1967. — С. 112.

² *Целестин V* — Папа Римский с 5 июля по 13 декабря 1924 года.

³ *Алигьери Данте*. Божественная Комедия. — М., 1967. — С. 154.

Но при всей критике, четко звучит мысль о том, что если Церковь перестанет претендовать на политическую власть и займется сугубо церковными делами, то все изменится — она возродится и будет помогать людям в осуществлении духовного идеала. Но при этом Данте Алигьери понимает, что с управлением государством не справится ни один глава Церкви. Причем приходит автор к этому выводу, отталкиваясь от исторической действительности Флоренции. В Италии времен Данте светская и духовная власти постоянно конфликтовали, пытаясь установить свое господство. На основании этого конфликта там появились две основные политические партии: гвельфы и гиббеллины. Первые поддерживали Римского Папу, вторые же — императора.

Данте считал деньги главным источником зла, основной причиной падения нравственности в итальянском обществе, поэтому он порицал жадность и сребролюбие не только Римских Пап и служителей церкви, но и алчность и жадность буржуазии итальянских коммун, и особенно — флорентийцев.

Но, несмотря на сложности в политическом устройстве его родного государства, Данте все же питает надежды на лучшее будущее. И не случайно по жанру поэма является комедией. Начинается она с критики различных пороков в Аду, а заканчивается описанием идеального государства в Раю. По Данте, таким идеалом является Римская республика периода правления Юлия Цезаря, а затем Октавиана Августа. Это идеал справедливого государства, в котором нет раздробленности и политических распрей, нет еретиков, нет жадности и алчности. Есть абсолютное народное единство, жизнь основана на праве, законах нравственности и справедливости. В связи с идеальным государством Данте напрашивается аналогия с мифом о «золотом веке» Платона. По крайней мере, их объединяет то, что оба политических мыслителя находят свой идеал в прошлом и желают его осуществления в будущем.

Данте идеализирует Римскую республику, создавая миф о справедливом, праведном, счастливом, как сказали бы сейчас «социальном» государстве. К сожалению, реальная республика не смогла долго удержать такой идеальный строй. Но в то же время она явилась хорошим примером для Италии, которая, как считает Данте, должна использовать этот пример при установлении нового политического режима. Расширяя границы своей утопии, Данте заявляет также о некоей миссии Италии — начать объединение во всемирную монархию, осуществить царство Божие на земле. Но это уже тема другой статьи.

Библиография

1. *Боккаччо Дж.* Жизнь Данте. Малые произведения. — М., 1975
2. *Голенищев-Кутузов И. Н.* Творчество Данте и мировая культура. — М., 1971
3. *Данте Алигьери.* Божественная Комедия. — М., 1967.
4. *Дживегелов А. К.* Данте Алигьери. — М., 1990
5. *Добрехотов А. Л.* Данте Алигьери. — М., 1990.

Давид Евгеньевич Алексеев

Студент кафедры истории социально-политических учений факультета политологии Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова¹

Неоконченный спор между Платоном и Аристотелем

Аннотация

Краткий анализ полемики двух древнегреческих философов, их представления об идеальном государстве. Насколько важен институт частной собственности в государстве? Насколько единым оно должно быть? Критика Аристотелем модели идеального государства Платона и недочеты его критики.

Ключевые слова: частная собственность, коммунизм, Единство, всеобщее равенство, справедливость.

Платон выделял два основных условия Идеального Государства: Единство и материальное равенство. «Чем более Едино государство, тем более оно идеальное».

Каким же образом он предлагал этого добиться?

Всех мужчин дети называют «отцами», а всех женщин «матерями», дабы они не знают, кто их настоящие родители.

Платон разделял всех граждан на три сословия, класса: стражи (философы-правители), воины (защитники государства) и обычные люди (ремесленники, земледельцы и пр.). У стражей не должно быть никакой частной собственности, кроме самого необходимого (дом, одежда). Стражи обязательно должны есть в общих столовых и только обычную пищу. В таком государстве не должно быть ни золота, ни серебра, дабы деньги порождают зависть и вражду среди граждан. Платон: «И богатство, и бедность вредны!»

С таким государством выгодно быть союзником — ему не нужны деньги, следовательно, с ним не нужно делиться добычей.

«Город справедлив, когда купец, наёмник и страж — каждый выполняет свою собственную работу, не вмешиваясь в работу других классов». Платон предлагает один из самых эффективных способов ведения экономических дел — каждый занимается своим делом (врачи лечат земледельцев, земледельцы кормят врачей).

---

¹ Научный руководитель: старший преподаватель кафедры истории социально-политических учений факультета политологии МГУ **Алексей Александрович Зоткин**.

Аристотель задаёт Платону вполне справедливый вопрос — кто будет определять, что должно быть общим, а что нет? «Лучше для всякого государства, чтобы оно было как можно более едино». Вряд ли этому поспособствует общность жён. А как же чувства, любовь, семья? Платон говорит, что люди не должны в данном случае слушать свои чувства, поскольку они служат на благо государства и должны делать для него всё. Но чувства у людей всё-таки есть, их нельзя просто удалить из человека.

А стоит ли государству быть как можно более Единым? Здесь Аристотель указывает на определённые уровни Единства. При постоянном усилении единства, государство перестанет быть государством. Становясь всё более единым, оно вскоре превратится в семью, а потом и вовсе в человека. Но ведь все люди обладают разными свойствами и качествами, разными способностями к развитию, возможно ли, чтобы все люди были одинаковыми? Но как же они тогда будут делиться на сословия? Аристотель считал, что «В войнах главное — количество людей, воинов». Разве сможет один человек защитить государство от целой армии людей?

Хотя люди по своей природе изначально равны, они не могут одновременно быть правителями в одном и том же государстве. Нужно, чтобы у власти стоял правитель или правители, которые по окончании срока своего правления сменяются другими гражданами. Абсолютное единство не может быть благом, дабы такое благо — есть разрушение. Без определённой справедливости в государстве может вспыхнуть восстание или же его просто захватит другое государство.

Невозможно, чтобы вещи принадлежали всем людям и каждому из них по отдельности одновременно. Как известно, обо всём, что является общим, никто никогда не заботится так, как о своём собственном. Люди любят передавать ответственность за что-то другим.

Итак, у всех одинаковое количество детей и родителей. Но так как каждый сын будет считаться в равной степени сыном любого, то все одинаково будут пренебрегать отцами. Ведь всегда найдётся «хороший» папа и «плохой» папа. Такое положение дел никак не влияет положительно на отношения внутри государства.

Как сделать частную собственность общей? Ведь все земледельцы трудятся по-разному и каждый из них пожинает разное количество плодов. Есть люди, не работающие на земле, но они тоже едят и пьют, хотя просто берут продукты, добытые для них земледельцами. Как должно быть? Земля будет принадлежать кому-то одному, а пользование плодами пусть будет общим. Или же наоборот, земля будет общей, а плоды будут распределены частным лицам. Самое лучшее для любого государства, если собственность будет частной, а пользование ею общим.

Однако, критикуя Платона, Аристотель допустил несколько ошибок. Возможно, просто не понял Платона.

«Чем более Едино государство, тем более оно идеально» — Платон не имел в виду «абсолютное» единство, скорее «абсолютный» патриотизм.

Он считал, что любящие друг друга люди будут биться за своё государство и за своих родных до последнего.

«Хотя люди по своей природе изначально равны, они не могут одновременно быть правителями в одном и том же государстве» — Платон предлагает весьма эффективную систему социальной мобильности. В его Идеальном Государстве люди могут переходить из класса в класс, проявив себя в той или иной степени в какой-либо сфере деятельности.

«Как известно, обо всём, что является общим, никто никогда не заботиться так, как о своём собственном. Люди любят передавать ответственность за что-то другим» — Платон пишет, что люди, считающие всех остальных своими братьями, сёстрами, детьми и родителями, будут заботиться о вещах общего пользования, держа в голове мысль о том, что после них этими вещами будут пользоваться их родные. Также, граждане в государстве Платона безо всякой корысти уважают старших и всех окружающих.

Аристотель: «У друзей всё общее» — Платон: «Государство влюблённых — непобедимо».

Мария Николаевна Архипова

Студентка кафедры истории социально-политических учений факультета политологии Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова¹

Туманный Альбион, коварный Альбион (политическая жизнь Великобритании конца XVIII века глазами русского путешественника)

Аннотация

На примере изложенного Н. М. Карамзиным в «Записках русского путешественника» описания политического устройства Великобритании, можно сделать определенные выводы, о том как точно будущий великий историк смог выявить особенности Англии того исторического периода.

Ключевые слова: Великобритания конца XVIII века, Карамзин.

Летом 1790 года в Дувр, морские ворота Великобритании, вошел пакет-бот, на борту которого прибыл молодой отставной поручик Николай Михайлович Карамзин. Через несколько лет впечатления, переживания и наблюдения от этой поездки по Европе и Англии, воплотятся в путевые заметки под

---

¹ Научный руководитель: доктор политических наук, заведующий кафедрой истории социально-политических учений факультета политологии МГУ, профессор Александр Андреевич Шириняц.

названием «Письма русского путешественника». Это произведение вызвало огромный интерес у современников на родине автора и за ее границами.

Карамзину удалось запечатлеть Англию конца XVIII века во всем ее многообразии: роскошь загородных поместий и бедность городских трущоб, тишину парков и шум биржи. Создавая полноценный образ Великобритании в своей работе, автор не мог не описать политической жизни Туманного Альбиона.

Внутренняя и внешняя политика империи, «над которой никогда не заходило солнце», эхом отражалась на действиях других стран, поэтому недооценивать роль Соединенного Королевства в мировой политике того времени не представлялось возможным никому, даже молодому русскому дворянину.

Карамзин прибывает в Лондон из революционного Парижа и попадает в тишину британской политической системы, где уже ни одно столетие уживается Корона и двухпалатный представительный орган. Автору «Писем русского путешественника» удалось разглядеть за те месяцы, которые он провел в Лондоне, насколько тесно была переплетена внутренняя и внешняя политика Империи.

Безусловно, важнейшую роль тогда и сейчас в Великобритании играл Парламент, в котором Палата Общин был избираемым органом. Карамзину посчастливилось видеть выборы в Вестминстере. На страницах книги можно найти подробное описание «предвыборных кампаний» кандидатов, ход самих выборов, поведение избирателей, но автор не дает никаких оценочных характеристик, хотя сама ситуация выборов двух номинантов на два места в Парламент кажется несколько абсурдной.

Исходя из этого, можно предположить, что роль своеобразного «резонера» в данном письме играет кандидат — самовыдвиженец, который в речи перед избирателями раскрывает нелепость этих выборов. «Вам говорят, что нынешний день есть торжество гражданских прав ваших, но пользуетесь ли вы ими, когда вам предлагают из двух кандидатов выбрать двух членов? — вопрошает Горн Тук. — Они уже выбраны! Министры с противниками согласились, и над вами шутят»¹.

С другой стороны, Карамзин не раз сообщает, что англичане гордятся своим Парламентом и верят, да и на практике могут влиять на принятие в нем решений. Если те решения не вредят благополучию империи, но и не являются излишне и бессмысленно расточительными, так как «англичанин царствует в парламенте и на бирже; в первом дает он законы самому себе, а во втором — целому торговому миру»², а привычка не тратить денег попусту, однажды перекочевала из лондонской биржи в главное светское здание Вестминстера.

---

¹ Карамзин Н. М. Письма русского путешественника. — М.: Советская Россия, 1983. — С. 447.

² Карамзин Н. М. Письма русского путешественника. — М.: Советская Россия, 1983. — С. 430.

Такой является Великобритания на страницах прозы Карамзина, но истинную важность имеет тот факт, что описания и выводы, сделанные автором, дают читателям не только прекрасный образ Туманного Альбиона, но и возможность, сделав выводы из прочитанного, оценить реальную политику Коварного Альбиона.

Подтверждением выводов, сделанных Карамзиным о состоянии дел в современной ему Англии, может служить исторический факт, случившийся годом позже. Русский посол Семен Романович Воронцов смог, используя силу общественного мнения, вынудить Парламент не давать денег на флот, который Питт — младший хотел отправить к берегам Российской империи, дабы не допустить усиления ее влияния в Средиземноморье.

Единственное, что мог сделать Воронцов в тот момент — попытаться воздействовать на парламент при помощи общественного мнения. Накануне речи Питта, граф встретился с лидерами парламентской оппозиции Фоксом и Бёрком и другими членами обеих палат, дабы убедить их в невыгодности и незаконности планирующейся британской военной акции. Речи посла благотворно подействовали на депутатов, так что 29 марта 1791 года, когда Питт выступал перед Парламентом, оппозиция его идеям была более сплоченной, чем прежде, хотя он и смог получить большинство «за».

Проиграв первое сражение, Воронцов не опускал руки. С его помощью были выпущены и распространены брошюры, выступающие против войны, по стране прокатились митинги, писались петиции против решения парламента, в представительном органе шли дебаты, виги пытались осудить внешнюю политику правительства Питта, используя недовольство людей как главный козырь.

В итоге этой оперативной акции Воронцова и под давлением общественного мнения, 10 апреля 1791 года Парламент отказывается выдавать кредит на военные нужды. Позднее, Питт будет считать весну 1791 года своим единственным провалом и главным унижением в жизни, причем единственным виновником всего этого он будет называть именно графа Воронцова.

Анализируя этот эпизод, мы можем наглядно убедиться в том, что в Англии того времени существовала реальная связь между внутренней и внешней политикой, что некоторые социальные изменения могут повлиять на принятия политических решений, вплоть до вопросов войны и мира.

Поэтому работа Карамзина, которая на первый взгляд кажется всего лишь увлекательным описанием культурным и архитектурных красот Великобритании, является прекрасным источником информации, позволяющим выявить ту самую связь между пластом социального, политического и внешнеполитического в истории Соединенного Королевства.

И взгляд Карамзин, пусть выраженный в путевых заметках с элементами сентиментализма, дает реальную характеристику Великобритании конца XVIII века.

Вера Александровна Вархотова

Кандидат политических наук, старший научный сотрудник кафедры истории социально-политических учений факультета политологии Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова

Историко-политологический подход к изучению идеи вечного мира в политической мысли Европы XVI–XIX веков

Аннотация

На протяжении столетий гуманисты призывали политиков прекратить кровопролития, предлагая свои проекты по установлению всеобщего вечного мира. Их творчество привело к появлению в истории социально-политической мысли своеобразной «мирной традиции». Использование историко-политологического подхода позволяет выделить ряд этапов в развитии идеи мира в истории социально-политической мысли и выявить, что идея мира, пройдя многовековое развитие, из сферы духовной культуры преломилась в область общественной деятельности и политической практики.

Ключевые слова: история политических учений, мировая политика, «вечный мир», И. Кант, А. Сен-Симон, Ш. Фурье, Т. Гоббс и Дж. Локк.

Проблема прекращения войн и поиска основ мира была и остается одной из актуальнейших проблем человечества. На протяжении столетий гуманисты призывали политиков прекратить кровопролития, предлагая свои проекты по установлению всеобщего вечного мира.

Их творчество привело к появлению в истории социально-политической мысли своеобразной «мирной традиции». За много веков своего существования идея мира в трудах мыслителей разных эпох эволюционировала, приобретая новые черты и содержание, отражающие культурные, исторические, политические особенности того или иного периода. Создание каждой концепции обуславливалось внешними и внутренними факторами.

К первым относятся прежде всего напряженная во все времена международная обстановка, исторический контекст той или иной эпохи.

Ко вторым — оригинальность и новизна содержания каждого отдельно взятого проекта, благодаря которым такой проект выделяется из потока подобных. Возникавшие в разное время проекты мира вбирали в себя разработки предшествующих поколений гуманистов и оказывали воздействие на последующее развитие идеи мира, изучение которого проясняет и общую эволюцию культуры общества.

Использование историко-политологического подхода позволяет выделить ряд этапов в развитии идеи мира в истории социально-политической мысли.

Зарождение идеи всеобщего вечного мира произошло в политических учениях эпохи Возрождения, чему способствовал ряд факторов: с одной стороны, территориальные переделы и масштабные кровопролития, сопровождавшие процесс образования централизованных государств и формирования международной политической системы, с другой — становление новой гуманистической философии, для которой были характерны обращение от общих проблем бытия и познания к человеку как таковому, его внутреннему миру, утверждение ценности и уникальности человеческой жизни.

Необходимо отметить, что гуманисты, выступая с требованиями всеобщего мира, в основном связывали возможности его установления с доброй моральной природой человека, но не предлагали практических механизмов прекращения войн.

По мере того как более светским и рационалистическим становилось сознание европейцев, место религии занимала наука, оформлялась международная политическая система, идея мира в XVII в. изменяла свое содержание и приобретала новые характерные черты. Теперь установление мира между людьми заключалось не только в моральной природе последних, а сводилось к разработке конкретных инструментов — договора между государствами и организации арбитражного суда для политического, а не силового решения конфликтов.

В XVIII в. дальнейшая эволюция идеи мира была связана с детальной разработкой механизмов установления последнего, уже обозначенных мыслителями предыдущего столетия. Европейские просветители обращались к разуму, логике, экономической выгоде, обосновывая необходимость и возможность установления мира. Особое место в ряду проектов мира этого периода времени занимает трактат «К вечному миру» И. Канта. Немецкий мыслитель разработал целостную систему аргументов, условий и гарантов установления мира, предложил оригинальную идею международной федерации народов (в отличие от некой надгосударственной структуры, как то предлагалось ранее), а его «прелиминарные статьи вечного мира между государствами» оказали влияние на формирование современных международных политических отношений.

В целом, проекты мыслителей эпохи Просвещения составили рационально-правовую концепцию мира, поскольку возможность последнего связывали с урегулированием международных отношений на основе подчинения государств нормам права, вырабатываемым международным судом, а в обоснование его необходимости приводили доводы рационального, а не морального порядка.

Идея мира в политических учениях XIX в. отразила специфику эпохи промышленной революции и ее реалий. Можно говорить о формировании «экономической» концепции мира, сторонники которой (А. Сен-Симон, Ш. Фурье) связывали необходимость прекращения войн с тем, что только мир является оптимальным условием для развития промышленности, торговли и экономики всех стран, для материального и духовного развития че-

ловека, для социального прогресса. Основу всеобщего мира социалисты-утописты находили в организации производства и распределения в интересах всего общества, а не отдельных индивидов и групп, во всеобщем сотрудничестве. Таким образом, в развитии идеи мира сформировалась новая тенденция, поскольку мыслители «уходили» от разработки инструментов мира и обращались к разработке принципов преобразования социально-экономических отношений как основе всеобщего мира.

Наконец, во второй половине XIX в. многочисленные концепции мира, разработанные гуманистами многих поколений, нашли свое отражение и реализацию в программных документах общественных движений за мир. Сформированием пацифистского движения идея мира вышла за рамки умозрительных теорий и стала частью политической жизни общества, завершив свое развитие по пути приобретения все более практического содержания. И хотя общественные организации и движения за мир не имели полномочий принимать решения об образовании «международного суда», создании «Соединенных Штатов Европы» и т.п., тем не менее, они оказали влияние на создание таких политических организаций, как Лига Наций, ООН, определив дальнейший — практический — вектор развития идеи мира.

Таким образом, использование историко-политологического подхода при изучении идеи мира позволяет, во-первых, выделить ряд этапов ее эволюции, особенности каждого из которых обусловлены социально-политическим и культурным контекстами эпохи. Во-вторых, анализируя трактаты о мире, создаваемые в разные периоды истории, можно выявить определенную преемственность «мирной традиции».

Так, идея договора как способа решения спорных вопросов, впервые высказанная английскими мыслителями Т. Гоббсом и Дж. Локком, до логического завершения была доведена И. Кантом в его концепции о всемирной федерации народов, основанной на добровольном разумном естественном заключении договора между государствами. Идея о том, что для установления межгосударственного мира необходима демократизация внутри каждого государства была впервые высказана Ж.Ж. Руссо, а переосмыслена в XIX в. участниками общественной Лиги за мир и свободу.

Наконец, можно выделить определенный вектор эволюции идеи мира в истории политической мысли Европы XVI-XIX вв., зафиксировать нарастание ее практической значимости на протяжении нескольких столетий: от гуманистических призывов к миру до политических проектов, от философских трактатов до программных документов международных миротворческих организаций, от разработки механизмов реализации мира до разработки принципов изменения социально-экономических отношений.

Таким образом, идея мира, пройдя многовековое развитие, из сферы духовной культуры преломилась в область общественной деятельности и политической практики.

Андрей Анатольевич Горохов

Аспирант кафедры истории социально-политических учений факультета политологии Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова¹

Славянофилы о сущности консерватизма

Аннотация

В России в XIX веке, как и сегодня, не было однозначного и общепризнанного подхода к консерватизму. И именно славянофилы впервые отметили многогранность таящихся за этим термином смыслов, обосновали культурологические основы природы консерватизма.

Ключевые слова: славянофилы, консерватизм, истинный консерватизм, народная культура, охранительство.

XIX век — это время формирования политологического и культурфилософского лексикона в России. Многие категории заимствовались из европейской культуры, в том числе и понятие консерватизм. В 1862 году публицист, славянофил И. С. Аксаков заметил: «Прогресс, прогрессивность, консерватизм, прогрессивные и охранительные начала. Все эти понятия, заимствованные целиком из области условной политической деятельности Запада и без толку применяемые к нашей общественной жизни...»². Безусловно, консерватизм как термин для отечественной политической мысли является заимствованным, но его содержание является результатом творчества русских консервативных мыслителей. Заслуга славянофилов заключается в том, что они заложили идейную основу для разработки содержания понятия «консерватизм» в рамках русской культуры. Поэтому идеи славянофилов можно рассматривать как культурологическое направление понимания сущности консерватизма.

Один из основоположников славянофильства А. С. Хомяков интересовался деятельностью партий «тори» и «вигов» в Англии. В одной из своих статей в 1848 году он приводит цитату, которая отражает распространенное и не совсем точное мнение в отношении английских партий в России: «Виг — либерал, друг человечества, свободы и успеха, враг всех монополий; тори — консерватор, враг всякого движения вперед, всякой свободы, всякого усовершенствования, защитник всякой стеснительной привилегии и всех нало-

---

¹ Научный руководитель: доктор политических наук, заведующий кафедрой истории социально-политических учений факультета политологии МГУ, профессор **Александр Андреевич Шириняни**.

² *Аксаков И. С. Народ, государство, общество // Аксаков И. С. Наше зная — русская народность. — М.: Институт русской цивилизации, 2008. — С. 94.*

гов возможных, падающих на большинство народа»¹. В том числе и под влиянием такого понимания английских «тори» в России формировались представления о консерватизме, как политической идеологии. К примеру, в 1862 году публицист, редактор газеты «Московские ведомости» М. Н. Катков так поиронизирует над распространенным представлением того времени о консерваторах в России: «Консерватор — это обскурант, крепостник, ненавистник человеческого рода, враг меньших братьев, подлец и собачий сын. Прогрессист — это друг человечества, готовый на великие подвиги, на всяческие жертвы в интересе просвещения, свободы, благоденствия всех и каждого»². Как мы видим, консерватор в России представлялся как английский «тори», а прогрессист как представитель «вигов». Но уже А. С. Хомяков развенчивал это плоское и упрощенное представление обывателей о «тори» и «виггах». Он пишет: «Такие понятия просты, удовлетворительны, дают право понимать газеты, говорить об Англии... Жаль только, что они не дают несколько возможности понимать дела и жизнь Англии и совсем непохожи на действительность... А между тем усовершенствования в законах, в учреждениях, в устройстве общественном произошли столько же от ториев, сколько от виггов»³. Более того, Хомяков замечал, что тори больше своих оппонентов, защищают нравственность и правду, а также выступают против английского насилия в Афганистане и Китае. Тем самым Алексей Степанович закладывает один из важных принципов понимания русского консерватизма: консерватизм не является препятствием для развития. Впоследствии Хомяков в письме философу и славянофилу Ю. Ф. Самарину напишет: «Вы бодро стоите за общее наше дело в одной из его частных, но, конечно, самых важных форм. Это дело есть дело прогресса истинного, который по тому самому есть и истинный консерватизм»⁴. Но заслуга Хомякова не ограничивается констатацией, что консерватизм в своей сущности не противоречит развитию. Он предпринимает попытку выявить особенности консерватизма в России — «истинного консерватизма» по собственному выражению, с учетом своеобразия русской культуры. И, как следствие, славянофилы начинают выработать оригинальное идейное содержание консерватизма. Это явственно прослеживается у И. С. Аксакова, который отождествляет консервативное и народное: «Консервативно только то, что народно, то есть что действительно живет и способно к жизни; и только то, что народно (и потому консерва-

---

¹ Хомяков А. С. Англия // Хомяков А. С. Всемирная задача России. — М.: Институт русской цивилизации, 2008. — С. 629.

² Катков М. Н. К какой принадлежим мы партии? // Катков М. Н. Идеология охранительства. — М.: Институт русской цивилизации, 2009. — С. 102.

³ Хомяков А. С. Англия // Хомяков А. С. Всемирная задача России. — М.: Институт русской цивилизации, 2008. — С. 629–630.

⁴ Хомяков А. С. О современных явлениях в области философии. Письмо к Ю. Ф. Самарину // Хомяков А. С. Всемирная задача России. — М.: Институт русской цивилизации, 2008. — С. 453.

тивно), только то и прогрессивно. Следовательно, вопрос не в том, что принадлежит к ведомству охранительному, что к прогрессивному, а в том, что народно и что не народно»¹. Тем самым, славянофилы напрямую связывают консерватизм с народной культурой. Но такое содержание консерватизма возможно, если именно народ рассматривать в качестве носителя культуры. Если же относиться к культуре как сфере исключительно общечеловеческой и универсальной, то и содержание консерватизма неизбежно будет приобретать абстрактно универсальный характер, не отражающий уникальности культурно-исторического развития народов.

Под действием европоцентристской идеи об универсальности культурного развития сформировалось еще одно понимание консерватизма, которое по сути, было противоположно «народному» пониманию консерватизма. Это подметил Ю. Ф. Самарин: «Предполагалось, что в Русской земле, как и в Западной Европе, борются два начала: революционное, наступающее, стремящееся к ниспровержению законного порядка, и обороняющееся, консервативное»². По мнению славянофилов, именно под влиянием такой модели у некоторых государственных деятелей в России сформировалось представление, что консерватизм — это консервация существующего положения вещей, без возможности позитивного развития социума. «Консервативное начало, как понимают его наши государственные мужи, — писал тот же Ю. Ф. Самарин, — объемлет и освещает все, существующее под фирмой внешней законности... Словом, что есть, то свято; чего еще нет и чего добиваются — преступно»³. Безусловно, такой охранительный консерватизм славянофилы не разделяли и, поэтому, вполне закономерно в этой связи заявление Самарина о том, что «политика России должна быть не консервативная и не революционная, а русская. Иными словами: она должна служить не отвлеченному политическому началу, а историческому призванию России как земли православной и славянской, поставленной Провидением во главе славяно-православного мира»⁴.

Мы видим, что славянофилы обосновывали в рамках консерватизма приоритет культурных задач над узкополитическими, а также доминанту развития народной культуры перед политической целью — сохранения статус-кво. Тем самым славянофилы одни из первых в общественной мысли России отделили истинный — народный, культурный консерватизм от узко политического.

---

¹ Аксаков И. С. Народ, государство, общество // Аксаков И. С. Наше знамя — русская народность. — М.: Институт русской цивилизации, 2008. — С. 96.

² Самарин Ю. Ф. Чему должны мы научиться? // Самарин Ю. Ф. Православие и народность. — М.: Институт русской цивилизации, 2008. — С. 295.

³ Там же. — С. 289.

⁴ Там же. — С. 310.

Библиография

1. *Аксаков И. С.* Народ, государство, общество // Аксаков И. С. Наше знамя — русская народность. — М.: Институт русской цивилизации, 2008. — С. 67–100.
2. *Катков М. Н.* К какой принадлежим мы партии? // Катков М. Н. Идеология охранительства. — М.: Институт русской цивилизации, 2009. — С. 100–112.
3. *Самарин Ю. Ф.* Чему должны мы научиться? // Самарин Ю. Ф. Православие и народность. — М.: Институт русской цивилизации, 2008. — С. 286–313.
4. *Хомяков А. С.* Англия // Хомяков А. С. Всемирная задача России / Составление и комментарии М. М. Панфилова / Отв. ред. О. Платонов. — М.: Институт русской цивилизации, 2008. — С. 612–646.
5. *Хомяков А. С.* О современных явлениях в области философии. Письмо к Ю. Ф. Самарину // Хомяков А. С. Всемирная задача России / Составление и комментарии М. М. Панфилова / Отв. ред. О. Платонов. — М.: Институт русской цивилизации, 2008. — С. 424–454.

Иоахим Ежи Дец (Joachim Diec)

Доктор наук (doktor habilitowany), адъюнкт Института России и Восточной Европы Ягеллонского университета (adiunkt w Instytucie Rosji i Europy Wschodniej Uniwersytetu Jagiellońskiego), Краков (Kraków), Республика Польша (Rzeczpospolita Polska).

О некоторых базовых аспектах предметного поля истории общественно-политических учений

Аннотация

Рассматриваются эпистемологический аспект «предметного поля» политических наук, предмет и объект истории общественно-политических учений как онтологический аспект политических исследований, диапазон предметного поля социально-политической мысли, анатомия и физиология истории социально-политических учений, вопрос периодизации в истории политических учений, соотношение научности и идеологии в истории общественно-политических учений, проблема нейтральности.

Ключевые слова: эпистемологический аспект «предметного поля» политических наук, предмет (объект) истории общественно-политических учений, диапазон предметного поля социально-политической мысли, анатомия и физиология истории социально-политических учений, периодизация, проблема нейтральности, научность и идеология в истории общественно-политических учений.

В процессе определения предметного поля истории политических учений уже в начале появляется проблема разделения истории мысли и истории учений.

Согласно дильтеевской дихотомии между *объяснением (Erklärung)* и *пониманием (Verstehen)*¹, в общественных науках, в отличие от эмпирических исследований, нельзя точно отделять предмет, объект изучения от самого процесса исследования. Таким образом, может ли учение само по себе стать политической мыслью? Самая развитая форма общественно-политической мысли — политическая доктрина включает в состав своего предметного поля по крайней мере три элемента: идейный корень, общественную или иную научную теорию и практический аспект — программу. Даже если мы устраним из поля науки идеи и политические программы, все-таки остается еще теоретическая структура, которая по своей природе никогда не лишена научного характера.

Политические теории, пользующиеся большой степенью индивидуальности, все-таки принадлежат к миру научных концепций, и нельзя игнорировать роль этих теорий в процессе формирования общественной мысли. Как бы там ни было, в случае общественно-политической мысли с одной стороны и политических учений с другой, невозможно провести точную границу между интересом или проблематикой самой мысли и предметным полем учений, для которых общественно-политическая жизнь является главным объектом исследований.

*Предмет (объект) истории общественно-политических учений
(онтологический аспект политических исследований). Диапазон
предметного поля социально-политической мысли*

Предметом истории теоретических и описательных политических исследований является не материальная реальность или сфера психического состояния, а так называемый *третий мир бытий*. В XIV веке в парижской школе это чисто теоретическое явление считалось *интенциональным* бытием. Хотя Оккам серьезно боролся против мультипликации бытий, факт существования теоретического, являющегося собственностью не индивидов, а интерсубъективной общности не подвергается сомнению — ведь принадлежат к этой сфере не только математические формулы и понятия, но и все, что возникло внутри общей сокровищницы человечества (используя термин Н. Я. Данилевского)².

---

¹ См. его: *Einleitung in die Geisteswissenschaften. Versuch einer Grundlegung für das Studium der Gesellschaft und Geschichte.* — Göttingen 2006

² См.: *Данилевский Н. Я.* Россия и Европа. Взгляд на культурные и политические отношения славянского мира к германо-романскому. — СПб., 1995. — С. 74.

С точки зрения онтологического статуса предмет истории общественно-политических учений не отличается от объектов иных общественных наук, где исследователь не может быть отстранен от предмета его исследований. Суть различий — именно в ширине предметного поля: диапазоны истории правовых учений, истории философии, истории теоретической социологии не одинаковы или, точнее говоря, они отрезают различные части социального торта. В некоторых случаях, конечно, один кусок становится предметом аппетита нескольких наук. Возьмем хотя бы концепцию *bellum omnia contra omnes* и рационального контракта как начала становления государства в доктрине Хоббса, которая становится объектом изучения истории политических наук, истории философии и, несомненно, социологии политики.

Однако, история политической мысли не интересуется онтологией или эпистемологией как философия, а для философии не так уж важны различия между парламентарно-кабинетной и президентской демократией, особенно с точки зрения эффективности управления. Социология, а в результате и ее история, интересуется властью, но с позиций науки о социальных группах, не интерпретируя её как автотелический предмет знаний.

Что касается юристов, они уже с древних времен подчеркивают автономию законодательства как науки. Такого рода взгляд свойственен особенно сторонникам независимости законодательства, которые, в отличие от континентальных позитивистов, в том числе Иеринга, считают законодательство только одним из видов орудий? государства.

В России среди теоретиков «государственной» школы особенно ярко Борис Чичерин выступал в защиту права, как отдельного типа человеческой интеллектуальной деятельности, которая не должна быть связана ни с нравственными системами, ни с религиозными учениями, ни с определенными целями государства.

Диапазон предметного поля истории общественно-политических учений можно свести ко всем формам социально-политической мысли, т.е. к совокупности рассуждений и исследований, элементарной частью которых являются политические идеи. Политическая идея понимается как самая маленькая частица интеллектуальной деятельности, относящаяся к процессам приобретения власти и ее сохранения.

Однако, как читаем у Игоря Кривогуза: «Такое определение политики, которое сводит ее содержание к проблемам власти не может считаться удовлетворительным. Власть представляет собой важнейший объект политики не столько сама по себе, сколько как инструмент решения политических проблем. (...)

В действительности, объектами политики являются самые разнородные политические проблемы, т.е. все те общественные проблемы, которых не в состоянии решить ни нравственность, ни административно-правовая система, из любых сфер общественного развития — экономики, отношений общества

с природой, межличностных и этно-классово-конфессиональных отношений (...) и самой сферы управления обществом»¹.

Поскольку трудно не согласиться с тем, что предметное поле политической мысли, и, в результате, также истории общественно-политических учений, охватывает чрезвычайно широкий круг проблем, мы можем, вслед за Кривогузом, принять тезис о невозможности точного определения этого диапазона. Однако, с другой стороны следует принять интересное замечание, что существует ряд проблем, которые принадлежат к общественным вопросам, но их невозможно решить пользуясь только категориями нравственности или экономических процессов и где аспект власти не исчерпывая богатства проблематики, все-таки оказывается неотъемлемым в процессе ее выяснения.

Анатомия и физиология истории социально-политических учений

История социально-политических наук даже в случае самой искренней декларации объективизма искажена бациллой арбитральности, индивидуализма в процессе подбора данных и, что еще важнее, их систематики и интерпретации.

Однако, без всяких сомнений, методология истории социально-политических учений должна иметь в какой-то мере идеографический, описательный характер, так как исследователь прежде всего представляет чужие достижения, что-то уже укорененное в интеллектуальном и культурном планах. Поэтому в течение курса истории мысли нельзя игнорировать аспект хронологической последовательности, даже если он не становится основой классификации.

Такая постановка вытекает из того, что определенная форма и содержание политической мысли в какой-то мере зависят от предыдущих достижений, а в многочисленных случаях просто принимает участие в построенном по принципу последовательности диалоге концепций.

История социально-политической мысли чаще всего имеет национальный характер, не полностью отвечая требованию абсолютной культурной отвлеченности. На эту закономерность влияет несколько факторов:

1. Отечественная наука вытекает из тех же корней и вопросов, из которых выросла и сама политическая мысль или иные социальные учения.
2. Наука в данной стране самостоятельно вырабатывает свои категории и методы исследований.
3. История социально-политических учений культурно обусловлена.
4. В некоторых случаях она выполняет определенную политическую роль, необязательно связанную с линией правящего лагеря, становясь своего рода институтом влияния.

---

¹ Кривогуз И. О предмете политологии // Общественная наука и современность. — 1994. — № 3. — С. 92, 94.

В связи с фактом, что государственная парадигма не всегда совпадает с национальной, в некоторых случаях мы имеем дело с разделением этих традиций.

Нельзя считать труды А. И. Солженицына или И. Р. Шафаревича частью „советской” политической мысли, но без сомнений это *русская* общественно-политическая мысль. Аналогично, в наши дни С. Кара-Мурза восстанавливает советскую мысль или строит что-то вроде российской историческо-имперской концепции, но вряд ли можно его книги считать достижениями *русской* политической мысли.

В случае России и русской мысли ситуация кажется еще сложнее чем напр. в Великобритании, где можно (хотя с некоторым трудом) разделять английскую или шотландскую мысль или в Испании, где существуют независимые каталонские концепции. Дело в том, что в мировых многонациональных державах прошлого (монгольские ханаты, Византия, Хазария, Речь Посполита, Австро-Венгрия) и подобных странах нашего времени (Китай, Россия, Индия, Соединенные Штаты) ситуация не одинакова. Во-первых, в некоторых случаях политическая мысль вообще не возникла (ханаты, Хазария) или возникла относительно поздно (Индия и идея Хиндутвы Саваркаара).

Во-вторых, в одних державах существует что-то в роде государственной нации (татары в Золотой Орде, поляки в Речи Посполитой, немецкоязычные австрийцы в монархии Габсбургов, русские в Российской Империи), а в некоторых странах возникает какое-то иное сверхнациональное общество, которое становится субъектом общественно-политической мысли (Соединенные Штаты).

Надо при этом учитывать существенные различия между разными концепциями национальности, которые, кстати, отражаются на содержании и формах политической мысли.

Первый тип национальности опирается на расовый, племенной принцип: нация считается совокупностью людей происходящих от общих предков. На основании такого принципа возникло сначала понимание нации в немецкой романтической традиции, а потом, в крайне вульгарной форме в идеологии национального шовинизма (Х. С. Чемберлен)¹ и нацизма.

Вторая концепция нации связана с государством: все граждане Франции, которые соблюдают государственные законы и говорят на государственном языке считаются французами. В таком случае сочинения де Местра, на самом деле сабаудского мыслителя следует считать классикой французской политической мысли.

Наконец, третий тип национального самосознания связан прежде всего с культурой, с общественными, нравственными и политическими ценностями. В таком случае польский еврей — Людвик Гумплович с его известной насильственной концепцией возникновения государства (теорией нашествия)

---

¹ Chamberlain H. S., Die Grundlagen des Neunzehnten Jahrhunderts. — München, 1899.

может считаться австрийским общественным мыслителем, а Александр Гильфердинг не только *российским*, но и совершенно *русским*.

Таким образом мы получаем очень сложную картину национальной самобытности общественно-политической мысли.

Существует частично оправданная тенденция замечать в некоторых случаях различие между мыслью *в данной стране* (среде) и *мыслью данной среды*. Таким образом возникает *русская политическая мысль и политическая мысль в России*. Представители первого направления участвуют в спорах связанных со всеми „проклятыми вопросами” русской и российской общественно-государственной судьбы. Речь идет о дихотомии между западничеством (Кавелин и др.) и славянофильством (Самарин и др.), между интеллектуальным (Чаадаев) и спонтанным началом (Киреевский), между автократией (Погодин) и демократией (Северный Союз, кадеты), между Европой (Белинский) и Азией (паназиатизм Эспера Ухтомского и евразийство Трубецкого, Савицкого, ныне — Дугина), православным эксклюзивизмом (Хомяков, К. Аксаков) и общехристианским универсализмом (В. Соловьев), между религиозностью (славянофилы) и атеизмом (Чернышевский, марксисты).

Общественно-политическая мысль *в данной стране* интересуется вопросами, выходящими из тесного ряда таких проблем, и приобретает «общезивилизационный» характер. Таковы феномены раннего российского либерализма (Десницкий), анархизма (Бакунин, Кропоткин) или троцкизма. Мысль такого типа обычно легче завоевывает иностранный интеллектуальный рынок, что подтверждается общемировой популярностью напр. идеи кропоткинской взаимопомощи или троцкистской мировой и перманентной революции.

В феноменах общественно-политической мысли в России отражаются все названные типологические проблемы:

- вопрос понимания нации — племенной (панслависты), культурно-религиозный (славянофилы и почвенники) или государственный (А.Радищев),
- вопрос государственной нации (И. Р. Шафаревич),
- русский (А.И.Солженицын, идеологи ННП) или российский (В.Сурков) характер мысли,
- вопрос *русской* политической мысли (П. Ковалевский, В.Розанов) или политической *мысли в России* (П. Кропоткин).

Вопрос периодизации

История политических учений также в области периодизации подвергается искушению «историчности». Поскольку мысль отвечает на вызовы времени, история мысли хочет отражать историю ответа на вызов. Таким образом, история общественно-политических учений посредственно становится участником политического диалога.

Поэтому очень часто периодизация мысли просто отражает исторические периоды, понимаемые как расстояние во времени между самыми важными событиями (революция 1917 года, развал СССР и т.п.) Крайний пример такого подхода это «чистая хронология», которая пренебрегает даже значимостью событий и общественными гевристическими схемами.¹

Однако, в некоторых случаях периодизация основана на ином принципе, связываясь скорее с внутренним фактором, чем с периодизацией политической истории. Такой случай возможен в истории российской политической мысли XIX столетия, когда в 70-е годы без политических потрясений началась эрупция социалистических концепций, особенно народнических. Это позволяет сделать обобщение, что периодизация истории общественно-политической мысли может вытекать из внешних или внутренних факторов и приобретать эндо- или экзогенный характер.

Чаще всего, однако, мы замечаем что учебники политической мысли не пользуются только одним ключом, базируясь на принципе реальных влияний и процессов в развитии мысли. Иначе говоря, политическая мысль развивалась внутри самой себя, но с другой стороны она прежде всего отвечала и отвечает на вызов своего главного предмета и инициатора — реальной политики.

В данном случае одной из самых существенных проблем является вопрос о необходимости периодизации. Кто нуждается в периодическом порядке? Исследователи? Несомненно, для них полезен какой-то логос в реке мыслей, но где этот логос укоренен? В умах систематиков или в самой природе вещей, в природе вещей или в природе "предмета" — происходящего от самого исследователя заместителя вещей?

Может быть, логос истории общественно-политической мысли, и в результате ее периодизации, находится в самой мысли? Однако, в таком случае мы должны ограничить образ периодизации к эндогенным факторам или верить в мистический смысл политической истории. Все-таки не подлежит сомнению факт, что даже если логос периодизации не объективен, порядок развития мысли существует в интересубъективном плане.

Он возникает из педагогической практики в академической среде и традиции в исследованиях политической мысли, особенно отечественной. Преодоление этих схем обычно связано с серьезной затратой энергии — аналогом теплоты плавления.

Проблема нейтральности. Научность и идеология в истории общественно-политических учений

Проблема идеологии, а точнее говоря, нейтральности или безыдейности учений об идеях чрезвычайно сложна. Уже некоторое время назад существо-

---

¹ См. крупный учебник: История политических и правовых учений / Под ред. Нерсесянца В. С. — М., 2004.

вала тенденция считать нашу эпоху временем конца идеологий (Д. Белл)¹. Сторонники такого тезиса были уверены, что испытание тоталитаризмом повлияет (и даже должно повлиять) на теоретиков и поведет их в сторону чистой утилитарности и общечеловеческого гуманизаризма. Такое искушение мы отчетливо ощущаем в работах Р. Арона², Х. Аренд³ или у автора концепции «открытого общества» — К. Поппера⁴.

В конце XX века Ф. Фукуяма объявляет эпоху «конца истории» и «последнего человека», не замечая, что вера в конец всякой идейности общественной мысли, а также в окончательность идейности общества сама по себе идейно обусловлена. На самом деле уже К. Мангейм замечал не только различия между идеологией и утопией, но и факт, что всякий дискурс об идеологии имеет идеологический характер и таким образом его эпистемологический статус подвергается существенным сомнениям.⁵

Предметное поле истории социально-политических учений, объемлющее политические доктрины с одной стороны и научные схемы с другой, само находится в орбите иного поля, эманация которого, как правильно подчеркивал Мангейм, становится предметом социологии знания. Однако, важно то, что существуют элементарные условия научности истории общественно-политических учений.

Во-первых, она должна регистрировать, если это возможно, все явления политической мысли, которые выходят из рамок частных, индивидуальных размышлений.

Во-вторых, она должна стать честным свидетелем общественного и научного влияния конкретных систем, включая в свои исследования вопрос о натуральной и искусственной акселерации этого влияния.

Современный аппарат общественных наук, особенно в области изучения общественного мнения и статистической обработки данных позволяет понимать реальное влияние политической мысли в обществе и влияние конкретных концепций или эмпирических достижений истории общественно-политических исследований в международной и отечественной научной среде.

К сожалению, индивидуальные взгляды исследователей могут исказить объективный образ влияний, что ведет к совершенно ненаучным результатам и, в конце концов, к дезинформации тех, кто в окончательном счете становится клиентом поставщика знаний.

---

¹ Bell D., *The End of Ideology*. — N.-Y., 1965.

² См. его Великий спор (*Le Grand Débat*) (1963), Этапы социологической мысли (*Les Étapes de la pensée sociologique*) (1967).

³ См. ее Истоки тоталитаризма (*The Origins of Totalitarianism*) (1951).

⁴ См. его Открытое общество и его враги (*The open society and its enemies*) (1966).

⁵ См. Идеология и утопия (*Ideologie und Utopie*) (1929)

Лидия Эдуардовна Захватова

Студентка кафедры истории социально-политических учений
факультета политологии Московского государственного университета
им. М. В. Ломоносова¹

Идейно-политические аспекты кубинской революции (1953–1959 гг.)

Аннотация

По мнению многих западных политологов, государственная система Кубы после революции середины XX века строилась под непосредственным контролем и руководством СССР, по его образу и подобию. Эта точка зрения кажется недостаточно оправданной, поскольку и революция, и сложившееся после нее государственное устройство качественно отличались от советского опыта. Автор обосновывает позицию об иных идейных основах кубинской революции. Особенностью её было формирование революционной идеологии в ходе восстания. В свою очередь лидеры движения опирались как на западноевропейских мыслителей, так и на латиноамериканских революционеров прошлых лет (Х. Марти, А. Масео). Марксистские идеи появились в революционной идеологии уже после победы восставших в 1959 году.

Ключевые слова: «Движение 26 июля», повстанческая армия.

Идейное обоснование кубинской революции (1953–1959 гг.) формировалось стихийно, в ходе революционных действий. Для политического сознания этого периода, как и для всей латиноамериканской мысли, характерен уклон в сторону практики, ориентация на реальность и современность. Все это порождает еще одну особенность политической мысли этого времени: отсутствие фундаментальных работ, посвященных теоретическим вопросам. Можно даже утверждать, что в случае с кубинской социально-политической мыслью 1950-х гг., ее можно скорее отнести к революционной идеологии, а не к политической теории.

Действительно, как правило, идеи революционных лидеров высказывались в посланиях, обращениях к нации, выступлениях, газетных или журнальных статьях, в которых решались текущие проблемы. Таким образом, мы не найдем некоего трактата, в котором бы содержался комплексный взгляд на революционную ситуацию и на будущее развитие Кубы. Такой комплекс идей нам, как исследователям, необходимо воссоздавать и конструировать

---

¹ Научный руководитель: доктор политических наук, заведующий кафедрой истории социально-политических учений факультета политологии МГУ, профессор **Александр Андреевич Ширинянц**.

фактически «по кусочкам», восстанавливать из писем и выступлений революционных деятелей.

В рамках данной статьи мы рассмотрим комплекс идей, разработанных Ф. Кастро и Э. Че Геварой, которые в ходе революции 1953–1959 гг. создали так называемое «Движение 26 июля»¹, и рассматриваемые ниже документы, фактически являлись для него программными.

Прежде всего, обратимся к судебной речи Ф. Кастро «История меня оправдает» (21 сентября 1953 г.), поскольку из нее мы можем получить информацию об истоках его революционной идеологии. Прежде всего, Ф. Кастро очерчивает круг людей, ради которых действуют революционеры. Он обозначает их словом «народ»: «Под народом мы понимаем огромную угнетенную массу, которой все обещают и которую все обманывают и предают, но которая жаждет иметь лучшую, более справедливую и более достойную родину»². Определение, конечно, не лишено образности и красоты, однако, в содержательном плане не очень продуктивно, поскольку сущность понятия «народ» весьма расплывчата. Но далее Ф. Кастро выделяет пять основных революционных законов, которые должны были быть приняты после прихода революционеров к власти. Эти пять законов имеют двойственную природу: с одной стороны, фокусируются на коренных, по мнению революционеров, проблемах кубинской действительности, а с другой, содержат ту программу, которую предлагали восставшие. Каково же содержание этих пяти законов? Во-первых, провозглашение конституции 1940 года верховным законом³, во-вторых, передача земли всем арендатором (но с последующим возмещением ее стоимости государством). Третий революционный закон предлагал предоставлять рабочим 30 % прибыли предприятий, на которых они трудятся. Таким образом, можно увидеть, что программа революционеров затрагивала, прежде всего, социальные вопросы, а также отчасти экономические. Но сама операциональная составляющая, то есть то, каким образом, через какие механизмы и за счет каких ресурсов будут воплощаться эти законы, остается не проясненной. Данное обстоятельство свидетельствует о том, что у Ф. Кастро в этот момент ясного представления о будущем политическом устройстве не было.

На наш взгляд, интересным является тот факт, что Ф. Кастро строит свою аргументацию своей речи, опираясь на идеи мыслителей, которые традиционно считаются в мире отцами-основателями либерализма: Дж. Локка,

---

¹ Свое название движение получило после атаки на армейские казармы «Монкада», которое состоялось 26 июля 1953 года. Эту дату историки считают началом революции на Кубе.

² *Кастро Ф.* История меня оправдает // Избранные произведения. — М., 1986. — С. 24.

³ В 1940 году на Кубе была принята конституция, которая провозглашала демократические принципы (свободные равные всеобщие выборы, защиту прав человека), но фактически эта Конституция никогда не соблюдалась

Т. Пейна, Ж.-Ж. Руссо, Дж. Мильтона. Он цитирует их, для того, чтобы подтвердить: народ имеет право на восстание, если власть притесняет права и ограничивает свободы¹. А в качестве теоретиков кубинской революции Кастро называет вполне определенных людей: К. Сеспедеса, И. Аграмонте, А. Масео, Х. Марти. Исходя из чего, можно сделать вывод о том, что в своих истоках кубинская революция 1953–1955 гг., если и имела определенные теоретические основания, то черпала их из наследия кубинских революционеров-теоретиков прошлых лет, перерабатывая их с учетом конкретных исторических условий и сложившихся проблем. Помимо этого, в некоторой степени использовались идеи либеральных европейских и американских мыслителей. Возможно, это были те концепции, с которыми Ф. Кастро был знаком к 1953 г. и которые казались ему наиболее верными.

Представление о некоторых ранних революционных идеях будущего кубинского лидера можно почерпнуть также из «Писем из тюрьмы на острове Пинос». Эти краткие письма написаны Ф. Кастро в период с 1953 по 1955 г. В них содержатся в основном бытовые описания, но, тем не менее, есть и теоретические положения. По этим письмам можно проследить идейную эволюцию Ф. Кастро, поскольку он рассказывает о том, какие читает книги и какие из них, по его мнению, наиболее ценны.

Что касается революционной теории, Ф. Кастро прежде всего концентрируется на методах ведения революционной борьбы. Он выделяет три важнейших составляющих, на которые стоит обратить внимание его соратникам: пропагандистская деятельность, координация революционных сил внутри страны и за ее пределами, а также мера, которую он называет «мягкие перчатки и улыбки для всех»². Под этим последним подразумевается продолжение революционной деятельности, но без острых конфликтов с властью, защита своей точки зрения, но без нарушения действующего законодательства.

Обратимся к другому революционному идеологу — Э. Че Геваре. Если рассматривать его статьи и выступления раннего периода революции, то они мало что проясняют в теоретическом обосновании революции. В основном, в них содержится фактический материал о ходе боевых действий и революционных событий. Наиболее интересный с точки зрения нашей проблематики документ — «Социальная программа Повстанческой армии» был написан Че Геварой уже после победы революции (27 января 1959 г.). В связи с тем, что Повстанческая армия являлась одним из главных политических и революционных инструментов кубинских революционеров, этот документ является крайне важным для характеристики их идей.

Прежде всего, Че Гевара обращает особое внимание на то, что в начале революции восставшие имели смутное представление относительно того, что

---

¹ *Кастро Ф.* История меня оправдает // Кастро Ф. Избранные произведения. — М., 1986. — С. 57.

² *Кастро Ф.* Письма из тюрьмы на острове Пинос. 17 апреля 1954 // Кастро Ф. Избранные произведения. — М., 1986. — С. 64.

они хотят построить. Была основная цель — захватить власть. По требованию времени и обстоятельств появлялись те или иные революционные идеи. Но однозначным было одно: «Революция не принадлежала к той или иной конкретной группе, а должна была стать делом всего кубинского народа»¹. То есть революция должна была иметь всеобъемлющий характер и проникнуть во все слои кубинского общества. Постепенно, отмечает Че Гевара: «Мы перешли от экспериментального этапа к конструктивному, от метода проб и ошибок к продуманным действиям»². Идеи и концепция революции конструировались на протяжении некоторого времени в тесной опоре на политическую практику, которая во многих случаях опережала теорию.

Собственно программные тезисы, сводились к постановке ряда конкретных задач. Среди них: аграрная реформа (перераспределение земли и передача ее в руки крестьян), обеспечение справедливости, индустриализация, возвращение контроля над национальными природными ресурсами и национализация электроэнергии. Обеспечить решение всех этих задач должна была Повстанческая армия. В этом собственно и заключается социальная роль Повстанческой армии. Помимо этого Повстанческая армия должна была стать источником для формирования политического руководства страны. Но, как и в случае с ранними трудами Ф. Кастро, о неких практических механизмах воплощения этих целей и задач в работе Че Гевары ничего не сказано. Неясным остается и вопрос о том, как Че Гевара понимает справедливость, и в чем сущность обеспечения справедливости.

Наряду с задачами Повстанческой армии, Че Гевара выделяет два урока, которые можно вынести из кубинской революции: 1) небольшая группа решительных людей, поддерживаемая народом, не боящихся умереть, если придется, способна одержать верх над регулярной дисциплинированной армией и окончательно ее разгромить; 2) необходимо осуществлять аграрную революцию, вести борьбу в деревне, в горах и уже оттуда нести революцию в города, а не стремиться совершить ее в городах, не заботясь о ее целостном социальном содержании³. Это те уроки, которые должны учесть другие латиноамериканские государства, для того, чтобы успешно повторить кубинский опыт.

Таким образом, очевидно, что в ранних выступлениях и письмах главных кубинских революционных идеологов отсутствует обращение к марксистскому учению и марксистской теории коммунистической революции. В большей степени, выдвигая те или иные программные положения, они бази-

---

¹ Гевара Э. Социальная программа Повстанческой Армии // Э. Че Гевара. Статьи. Выступления. Письма. — М., 2006. — С. 46.

² Там же. — С. 46.

³ Там же. — С. 53. В связи с тем, что Куба была страной аграрной, большинство ее населения составляли крестьяне. В городах работали также бывшие крестьяне, заручившись их поддержкой, революционеры обрели широкую социальную опору.

ругаются на наследии предыдущего поколения кубинских революционеров, а иногда обращаются даже к традиционным либеральным мыслителям. Все это говорит о том, что первоначально у кубинских лидеров не было ясного понимания того, что будет построено по итогам революции. А также подтверждает, что теория построения социалистического государства, заимствованная у К. Маркса, В. Ленина была принята только после революции, когда Кубе необходимо было искать союзников в мире для снижения риска иностранного вторжения и контрреволюционных движений. В то время, когда в мире существовала биполярная система, таким союзником могли стать либо США, либо СССР. Но одной из главных целей революции было именно освобождение от экономической и политической зависимости от США. Следовательно, оставалось налаживать отношения с Советским Союзом, что предполагало принятие социалистических идей и перспектив развития.

Юрий Александрович Зеленин

Кандидат исторических наук, ассистент кафедры политической истории факультета политических наук Алтайского государственного университета

Ценностный подход к политической идеологии народничества

Аннотация

В советской гуманитарной науке единственно научным считался классовый подход к народнической идеологии. Формально классовый подход перестал быть господствующим в начале 1990-х гг. Фактически же его главные стереотипы в отношении народничества по-прежнему живы. Поэтому большое значение для изучения народнической идеологии имеет детальная разработка и использование ценностного подхода.

Ключевые слова: народничество, идеология, классовый подход, ценностный подход, народникофобия.

В СССР классовый подход считался единственно верным и научным, а все остальные признавались идеалистическими, т.е. ненаучными подходами.

Классовый подход ярко представлен в ленинской концепции народничества. В народнической идеологии В. И. Ленин различал его объективно-демократическое содержание и субъективно-социалистическое облачение. Основными характерными признаками «русского социализма» согласно В. И. Ленину были его «утопичность», «мелкобуржуазность» а, следовательно (в период появления так называемого пролетарского социализма) еще и «реакционность»¹. По его оценке, именно эта идеология господствовала в

---

¹ См.: Ленин В. И. Что такое «друзья народа» и как они воюют против социал-демократов? // Полн. собр. соч.: В 55 т. Т. 1. 5-е изд. — М.: Политиздат, 1967. —

русском освободительном движении на так называемом разночинском этапе, то есть с начала 1860-х до середины 1890-х гг. Эволюцию народничества он рассматривал как последовательное вытеснение революционного направления либеральным.

Одной из проблем, препятствующих плодотворному современному исследованию народничества, является недостаточное использование альтернативных подходов к исследованию данного феномена.

Формально с распадом СССР классовый подход к народнической идеологии перестал быть господствующим. Но в реальности его главные стереотипы в отношении народничества продолжают существовать в сознании многих исследователей. Прежде всего, это эмоционально негативное отношение к данной идеологии как деструктивной и утопической. Из этого негативного отношения вытекает традиционное для советской историографии, с одной стороны, отнесение к народнической идеологии экстремистских революционных течений и его отдельных представителей (русский бланкизм, П. Н. Ткачев).

Ценностный подход к классическим идеологиям в дополнение к классовому только начинает возрождаться в современной отечественной гуманитарной науке. Так, Т. И. Ойзерман считает, что либерализм и марксизм не только суть идеологии исторически определенных классов буржуазии и пролетариата, но также мировоззрения, провозглашающие и теоретически обосновывающие общечеловеческие демократические и гуманистические ценности. Несомненно, что и народничество шире узкоклассовых «мелкобуржуазных» рамок и тоже является носителем ценностей не только общенародного, но и общечеловеческого характера.

В досоветской и ранней советской историографии (до 1930-х гг.) этот подход отчетливо прослеживается не только у представителей народнического направления, но и как ни странно в большей степени у отдельных представителей либерального и даже марксистского направлений.

Среди либеральных исследователей можно выделить А. А. Корнилова и В. Я. Богучарского. Они считали главной ценностной установкой народнического движения принцип «освобождение народа посредством самого народа». Именно, отрицание этого принципа П. Н. Ткачевым и народовольцами послужило основанием для этих историков не причислять их к народникам¹.

В народнической историографии ценностный подход четко прослеживается в трудах М. В. Вишняка. Характерным признаком народнической идео-

---

С. 295–298.; Ленин В. И. Экономическое содержание народничества и критика его в книге г. Струве. // Полн. собр. соч.: В 55 т. Т. 1. 5-е изд. — М.: Политиздат, 1967. — С. 369.

¹ *Богучарский В.* Активное народничество семидесятых годов. — М.: Издательство М. и С. Сабашниковых, 1912. — С. 3–5.; Корнилов А. А. Общественное движение при Александре II (1855–1881): Исторические очерки. — М.: Товарищество типографии А. И. Мамонтова, 1909. — С. 231–234.

логии он называет плюрализм, то есть народничество не сводимо к какой-либо одной ценности.

Он считает неверным относить к главному признаку народнической идеологии, например, вопрос об особых путях развития России, или аполитизм, или так называемый мелкобуржуазный социализм. «Если говорить о главном или главнейшем признаке в идеологии народничества, — подчеркивал этот видный идеолог правого крыла партии социалистов-революционеров — на протяжении всей истории народничества он выражается в признании народа определяющим агентом русской истории, ее правообразующим фактором — в меньшей степени в прошлом, в возрастающей степени в будущем»¹. Но он дальше оговаривается, кроме народа (как триединство трудящихся: крестьяне, рабочие, интеллигенция), не меньшими ценностями народнической идеологии являются права и свободы человека, а также правда-справедливость. Все они выражаются в таких базовых компонентах народничества как демократизм, гуманизм, антиэтатизм, федерализм, социализм, приоритет ненасильственных способов преобразования общества над насильственными². Также следует отметить, что хотя М. В. Вишняк и относит народолюбцев и П. Н. Ткачева, то с большими оговорками. У П. Н. Ткачева, по его мнению, было больше общего с марксизмом, чем с народничеством³.

В ранней советской историографии ценностного подхода придерживался историк-марксист Н. А. Рожков. Он тоже выделяет только два течения революционного народничества: лавризм и бакунизм. Русский бланкизм (П. Г. Заичневский, П. Н. Ткачев) и «нетовщина» (С. Г. Нечаев, Д. И. Писарев), по его мнению, являются только разновидностями русского революционного движения, но не народничества. К характерным признакам русский бланкизма, как ненароднического течения он относил якобинскую тактику, основанную на насилии и заговорах; неверие в народ как активного субъекта освобождения; централизм и этатизм⁴.

Среди современных исследователей сторонниками ценностного подхода к народничеству можно отнести К. Н. Морозова и Е. В. Поликарпову. К. Н. Морозов по данному вопросу во многом разделяет взгляды М. В. Вишняка⁵.

---

¹ Вишняк В. М. Оправдание народничества // Новый журнал — Кн. XXX. — 1952. — С. 232.

² Там же. — С. 232–236.

³ Вишняк В. М. Идеиные корни большевизма // Новый журнал — Кн. XXVII. — 1951. — С. 289–291.

⁴ Рожков Н. А. Русская история в сравнительно-историческом освещении. Л.: М., 1925. Т. 11. С. 122, 147–148, 153.

⁵ Морозов К. Н. Партия социалистов-революционеров в 1907–1914 гг. — М.: РОССПЭН, 1998. — С. 8–10.

Е. В. Поликарпова в своих взглядах более радикальна. По ее мнению «сбережение народа, т.е. его благосостояние, образование и здоровье было главным и неизменным приоритетом народничества»¹.

Исходя из этого принципа, основоположники народничества — Н. Г. Чернышевский, А. И. Герцен и Н. П. Огарев — создали свою социально-политическую программу, направленную на последовательное решение аграрного и конституционного вопроса, как ближайшие практические цели, а также социализм, который является задачей отдаленного будущего. Отступление от решения этих проблем в данном порядке приводил, как считает исследователь, к отходу от народнической идеологии.

Первым отступлением Е. В. Поликарпова считает отказ от решения в первую очередь аграрного вопроса и применение террористических методов. Поэтому «Народная Воля» изначально не была, по мнению автора, народнической организацией². Вторым отступлением от народнической идеологии, по ее мнению, была попытка реализовать участниками «хождения в народ» 1870-х гг. в первую очередь социализм. Народниками в полной мере Е. В. Поликарпова считает «либеральных» народников 1880–1890-х гг. и неонародников, представленных представителями центрального и правого крыла партии социалистов-революционеров, партии народных социалистов³.

Е. В. Поликарпова абсолютизирует ценность приоритетности мирного преобразования общества. Народничество для Е. В. Поликарповой — это преимущественно реформистская идеология⁴. Во многом по этой причине она исключает из числа народников не только П. Н. Ткачева и народовольцев, но и частично М. А. Бакунина. Он «был народником в ряде вопросов, прежде всего аграрном. Но его «бунтарство» и анархизм не характерны для народничества»⁵. Е. В. Поликарпова также подчеркивает, что народничество — это «яркий и поучительный пример творческой «комбинации» либеральных, демократических, социально-демократических и социалистических идей»⁶.

---

¹ Поликарпова Е. В. Программа реформ в политико-правовой идеологии раннего народничества: автореферат дис. ... доктора юридических наук: 12.00.01. — Москва: 2010. — С. 3.

² Поликарпова Е. В. Идеология народничества в России. — М.: Профобразование, 2001. — С. 6.

³ Там же. — С. 6–7.

⁴ Поликарпова Е. В. Программа реформ в политико-правовой идеологии раннего народничества: автореферат дис. ... доктора юридических наук : 12.00.01. — Москва: 2010. — С. 19.

⁵ Поликарпова Е. В. Идеология народничества в России. — М.: Профобразование, 2001. — С. 16.

⁶ Поликарпова Е. В. Программа реформ в политико-правовой идеологии раннего народничества : автореферат дис. ... доктора юридических наук: 12.00.01. — Москва: 2010. — С. 21.

Как видно из краткого обзора последователей ценностного подхода к народнической идеологии они в силу разных причин серьезно расходятся как в определении ее базовых ценностей, так и в идентификации отдельных персоналий в качестве народников.

Общим же можно назвать отсутствие подчеркнутого негативизма к данной идеологии¹, хотя многие из данных исследователей придерживались других идейных позиций.

Важным также является общее для В. М. Вишняка, Н. К. Морозова и Е. В. Поликарповой понимание народничества как плюралистичной (интегральной) идеологии, несводимой к какой-либо одной черте или ценности. Поэтому важное значение для дальнейшего изучения народнической идеологии имеет детальная разработка и использование ценностного подхода.

Библиография

1. *Богучарский В.* Активное народничество семидесятых годов. — М.: Издательство М. и С. Сабашниковых, 1912. — 384 с.
2. *Вишняк В. М.* Идейные корни большевизма. — Новый журнал — Кн. XXVII. — 1951. — С. 286–303.
3. *Вишняк В. М.* Оправдание народничества. — Новый журнал — Кн. XXX. — 1952. — С. 225–242.
4. *Корнилов А. А.* Общественное движение при Александре II. (1855–1881): Исторические очерки. — М.: Товарищество типографии А. И. Мамонтова, 1909. — 263 с.
5. *Ленин В. И.* Что такое «друзья народа» и как они воюют против социал-демократов? // Полн. собр. соч.: В 55 т. Т. 1. 5-е изд. — М.: Политиздат, 1967. — С. 125–346.
6. *Ленин В. И.* Экономическое содержание народничества и критика его в книге г. Струве. // Полн. собр. соч.: В 55 т. Т. 1. 5-е изд. — М.: Политиздат, 1967. — С. 347–534.
7. *Морозов К. Н.* Партия социалистов-революционеров в 1907–1914 гг. — М.: РОССПЭН, 1998. — 624 с.
8. *Ойзерман Т. И.* Является ли либерализм только идеологией? // Социальные исследования. — 2003. — № 3. — С. 3–8.
9. *Поликарпова Е. В.* Программа реформ в политико-правовой идеологии раннего народничества : автореферат дис. ... доктора юридических наук : 12.00.01. — Москва: 2010. — 50 с.
10. *Поликарпова Е. В.* Идеология народничества в России. — М.: Профобразование, 2001. — 368 с.
11. *Рожков Н. А.* Русская история в сравнительно-историческом освещении: В 12 т. Т. 11. — Л.; М.: Книга, 1925. — 406 с.

---

¹ Н. А. Троицкий характеризует это явление термином «народникофобия».

Алексей Александрович Зоткин

Старший преподаватель кафедры истории социально-политических учений факультета политологии Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова

Карл фон Клаузевиц о проблеме войны и мира

Аннотация

Исследование вклада Карла фон Клаузевица в разработку проблемы войны и мира в соотнесенности с достижениями его современников представляется перспективным. Целью политики, по мысли немецкого мыслителя, является мир на выгодных для политика условиях. Согласно Клаузевицу, «война — это акт насилия, имеющий целью заставить противника выполнить нашу волю». «Абсолютная война» является ни чем иным как абсолютной готовностью к войне: и может быть понята как перманентное состояние мира (столь желанного Иммануилом Кантом), но сопровождаемого столь же перманентно реальной готовностью каждого гражданина умереть за высшие интересы (прежде всего, суверенитет) своего государства.

Ключевые слова: Карл фон Клаузевиц, «О войне», война, мир, проблема абсолютной войны, проблема вечного мира, философия И. Канта, философия Г. В. Ф. Гегеля

В истории политической мысли генерал Карл фон Клаузевиц (1780–1831), — военный историк и теоретик, наставник прусского кронпринца (будущего Фридриха-Вильгельма IV) и участник Бородинского сражения, — известен, прежде всего, как автор так называемой «формулы Клаузевица», классически трактующей соотношение войны и политики: «война есть оружие политики»¹.

Целью же политики, по мысли прусского теоретика, является мир² на выгодных для политика условиях. Война призвана способствовать лишь созданию подобных условий — либо принуждением противника к миру, либо полным его уничтожением.

Таким образом, по Клаузевицу, война — средство политики, а политика, в свою очередь, — средство достижения мира.

Казалось бы, приведенная мысль не нова; нечто схожее сам Клаузевиц встречал у Н. Макиавелли, труды которого скрупулезно штудировал. Более того, разработка проблемы войны и мира является отнюдь не основной в произведениях Клаузевица, оставаясь по сути своей проблемой политической

¹ Клаузевиц К. О войне. — М., 1937. — Т. 2. — С. 383.

² См.: Стрэтчен Х. Карл фон Клаузевиц. «О войне». — М., 2009. — С. 133.

(и в определенном смысле философской), но в своей общей форме периферийной для военного теоретика. И все же то относительно небольшое, сказанное Клаузевицем по этому поводу, выводит его, на наш взгляд, на один уровень с современными ему великими соотечественниками, столпами немецкой классической философии — И. Кантом и Г. В. Ф. Гегелем, посвятившими проблеме войны и мира специальные философско-политологические исследования.

Уже в самом названии своей знаменитой работы «К вечному миру» Кант резко очертил предельно жесткую альтернативу, вставшую перед человечеством в эпоху Великой Французской революции и наполеоновских войн с их массовым террором и вовлечением в военные действия всего населения воюющих стран: «либо прекращение войн путем международного договора, либо вечный мир «на гигантском кладбище человечества» после истребительной войны»¹.

Немногом позже глубокие мысли Канта о войне и мире подверг основательной критике в своей «Философии права» Гегель; суверенитет государства, провозгласил он, выше любого международного договора, заключенного правительством, и потому каждое государство вправе его нарушить.

«Продолжением того, что уже высказывалось в «Феноменологии духа», явилось философское обоснование Гегелем *права государства вести войны, невзирая ни на какие заключенные им договоры и ни на какие принципы, получающие отражение в международном праве...*»². В обоих названных произведениях Гегель говорит и о высоком нравственном значении войны, способствующей, по его мнению, сохранению «нравственного здоровья народов».

На фоне этих, казалось бы, прямо противоположных друг другу точек зрения Клаузевицу, на наш взгляд, удалось наметить третий вариант разрешения проблемы войны и мира, не сводимый к двум упомянутым; вариант, как бы «снимающий» оба в своем единстве, — во вводимом им понятии «абсолютной войны». «Когда политика, — пишет Клаузевиц, — становится более грандиозной и мощной, то таковой становится и война; и этот рост может дойти до такой высоты, что *война приобретает свой абсолютный облик*»³.

Согласно Клаузевицу, «*война — это акт насилия, имеющий целью заставить противника выполнить нашу волю*»⁴. Война, продолжает он, подразумевает в своем действии три тесно взаимосвязанных фактора, от которых

---

¹ Гулыга А. В. Кант. 3-е изд. — М., 1994. — С. 237. А. В. Гулыга обращает внимание на двусмысленность названия работы И. Канта: немецкое словосочетание “ewigen Frieden” допускает оба перевода-толкования — и «вечный мир», и «вечный покой».

² Кузнецов В. Н. Немецкая классическая философия второй половины XVIII — начала XIX века. — М., 1989. — С. 374.

³ Клаузевиц К. О войне. — М., 1937. — Т. 2. — С. 377.

⁴ Клаузевиц К. О войне. — М., 1937. — Т. 1. — С. 41.

зависит ее успех: армию во главе с полководцем, правительство и народ, влекомые, соответственно, «свободной душевной деятельностью», «слепым природным инстинктом» и «простым рассудком»¹. Описанная Клаузевицем «странная троица» (и названная так им же) есть не что иное как «истинный дух войны»². В состоянии «абсолютной войны», полагает Клаузевиц, государство находится тогда, когда объединенная «истинным духом войны» воля народа, армии и правительства достигает степени «грандиозности и мощи».

«Абсолютная война», другими словами и в первую очередь, является ни чем иным как абсолютной готовностью к войне, — абсолютной готовностью к войне государства в лице правительства, армии и народа, пронизанных «истинным духом войны», и как таковая (готовность) не предполагает обязательных военных действий. «Абсолютная война» Карла фон Клаузевица вполне может быть понята как перманентное (непрерывное, длящееся, вечное) состояние мира (столь желанного Иммануилом Кантом), но сопровождаемого столь же перманентно реальной готовностью каждого гражданина умереть (только чувствуемое как никогда остро во время войны «дыхание смерти» отрезвляет человека, делает его поистине живым, полагал Георг Вильгельм Фридрих Гегель), умереть за высшие интересы (прежде всего, суверенитет) своего государства.

В заключение надо признать, что книга «О войне» К. Клаузевица, труд всей его жизни, остался во многом незавершенным³, а разрабатываемое в нем понятие «абсолютной войны» — многозначным и допускающим различные интерпретации. Дальнейшее же исследование вклада немецкого мыслителя в разработку проблемы войны и мира в соотнесенности с достижениями его современников представляется нам весьма перспективным.

Библиография

1. *Гулыга А. В.* Кант. 3-е изд. — М., 1994.
2. *Клаузевиц К.* О войне. — М., 1937. — Т. 1–2.
3. *Кузнецов В. Н.* Немецкая классическая философия второй половины XVIII — начала XIX века. — М., 1989.
4. *Стрэтчен Х.* Карл фон Клаузевиц. «О войне». — М., 2009.

---

¹ *Клаузевиц К.* О войне. — М., 1937. — Т. 1. — С. 57–58.

² В своих рассуждениях об «истинном духе войны» Клаузевиц прямо ссылается на книгу Ш. Л. Монтестье «О духе законов», полемизирует в то же самое время со статьей Фихте, посвященной Макиавелли и затрагивающей схожее понятие, а также, несомненно, имеет в виду сказанное Гегелем о Духе (Geist) в его «Феноменологии».

³ В незавершенности книги можно усмотреть и ее определенное достоинство: «ее ценность заключается в том, что она не дает ответа на все сформулированные в ней вопросы». См.: *Стрэтчен Х.* Карл фон Клаузевиц. «О войне». — М., 2009. — С. 153. Ведь в ней есть главное: «Жизнеспособность работы „О войне“ основана на ее духе исследования».

Марат Умербаевич Ибраев

Соискатель кафедры истории социально-политических учений факультета политологии Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова

Н. Н. Алексеев об особенностях российской политико-правовой культуры

Аннотация

Алексеев видел свою задачу в том, чтобы построить органическую систему права, базирующуюся на исконных представлениях российского народа о правде и справедливости. Для русского правосознания характерно свободное «субъективное право», основанное на интуитивно-православном судебском усмотрении. Изучение западной юридической мысли привело Алексеева к выводу, что понятие права в том виде, в котором его чаще всего употребляют, связано с механицистской доктриной «социального атомизма». Она выражает лишь одну из линий социального развития, всецело принадлежит Западу с его индивидуализмом, естественна лишь для данного типа цивилизации и совершенно чужда Востоку. Для евразийцев есть только одно абсолютное право человека — «право на внутреннее духовное развитие». В конце 1930-х годов Алексеев свое идеальное государство как гаранта автохтонных форм национального правосознания начал именовать «гарантийным».

Ключевые слова: Н. Н. Алексеев, евразийство, «социальный атомизм» «гарантийное государство».

Своеобразный итог многолетним спорам западников и славянофилов по поводу особенностей российской политико-правовой культуры подвел крупнейший политический мыслитель, теоретик права, философ и социолог Николай Николаевич Алексеев (1879–1964), принадлежавший к числу идейных лидеров евразийства.

Алексеев видел свою задачу в том, чтобы построить органическую систему права, базирующуюся на исконных представлениях российского народа о правде и справедливости. Он указывал на абсолютную ложность мнения либералов о том, что русский народ жил в отсутствии правосознания — напротив, «он жил в состоянии правосознания развитого, но отличного от правосознания народов западной культуры»¹. Однако в петербургский, имперский период нашей истории, считает Алексеев, произошел трагический разрыв между правом писаным и народным, что, в конечном счете, и послужило одной из причин революции.

¹ Алексеев Н. Н. Русский народ и государство. — М., 1998. — С. 78.

Для русского правосознания, по его мнению, всегда было характерно свободное «субъективное право», не только чреватое произволом, но основанное на глубоко нравственном, интуитивно-православном судебском усмотрении, на совести и на Боге. Если крестьянин глубоко чтит обязательства перед своим же братом крестьянином, то обмануть помещика он за большой грех не считал. Дифференцированным было и отношение к собственности. Если к продукции, произведенной чужим трудом, отношение было проникнуто почти религиозным уважением (так, кража скошенного сена считалась несмываемым позором), то правом абсолютной собственности на землю-кормилицу не мог, по этим представлениям, пользоваться ни человек, ни община. Земля — божья. Право собственности может возникнуть лишь там, где приложен труд. Поэтому идея национализации земли — глубоко традиционная и народная. По мнению Алексева, советская власть была признана массами в том числе и потому, что многие ее черты имели архетипические основания в глубинных традициях народной политико-правовой культуры.

Русское и западноевропейское правосознание совершенно по-разному понимают и такие основополагающие категории как право и обязанности. В романо-германском обществе «...обязанность признается только уступая давлению. Так идейно было построено западное государство. Люди договариваются о власти, учреждают государство как торговую компанию. Безусловная обязанность здесь одна: не тронь меня, остальные все — условные»¹. Социально-политическая жизнь Запада породила собственнический эгоизм, вещьпоклонство и формализм в представлении об обязанностях. Государство на Западе только ограждает от грабежа, являясь пресловутым «ночным сторожем».

Евразийский же взгляд на государство отвергает либерально-демократический релятивизм и, с точки зрения Алексева, ставит государству положительные задания народоводительства. «Наша государственность строилась на преобладании отношений обязанности над началом права»². В России не было представления даже об абсолютном праве на власть монарха; оно было сопряжено с сознанием нравственных обязанностей, лежащих на нем. По мнению Алексева, в Московском царстве существовали, конечно, разные позиции, но наиболее последовательно отстаивали традиционный взгляд, что правообязаны и подданные и сам царь, Нил Сорский и заволжские старцы. Тенденции к ограничению царской власти на базе народных традиций права хорошо просматриваются даже у Иосифа Волоцкого, считавшегося беззаветным идеологом и панегиристом самодержавия. Игумен Волоцкий утверждал, что православный не обязан признавать правительство, которое перестало стоять на стороне истинной веры. Именно это было в традиционной Руси критерием оценки властителя.

---

¹ *Алексеев Н. Н.* Русский народ и государство. — М., 1998. — С. 73.

² *Там же.* — С. 215.

С точки зрения евразийцев, Русь изначально строилась как государство восточного типа, в котором вместо общественного договора утверждался принцип органической целостности, своего рода семейственности с Царем-батюшкой во главе. Еще раньше такая форма сложилась в Византийской империи, откуда и пришла на Русь. Православие и его политико-правовая традиция — это и есть евразийское христианство. Однако в ней есть существенные отличия от восточной деспотии. Царство понимается в византизме как религиозное служение, как аспект церковного домостроительства. Император, по византийской идее, не отбирает у патриарха религиозные полномочия, а сакрализует с его помощью свою светскую власть. Духовный же владыка помещается еще выше как нравственный авторитет (по сравнению с западным папоцезаризмом), но в светской жизни его полномочия сокращаются. Таким образом, в интерпретации Н. Н. Алексеева, византийская модель государства есть в принципе отличный от Запада и Востока тип политико-правовой культуры, потенциально содержащий в себе идеальный, сбалансированный социально-политический порядок.

Как видим, Алексеев стремился выработать юридическую теорию, которая, с одной стороны, непосредственно выростала бы из органического социального развития русского народа, а с другой — имела бы вполне современное звучание. Для осуществления этой задачи необходимо было подвергнуть критическому анализу все существующие и существовавшие в России правовые концепции — от трудов дореволюционных авторов до советских юридических теорий и конституционных документов. Кроме того, необходимо было пересмотреть и адекватно оценить наиболее авторитетные юридические идеи Запада. Эта грандиозная задача была в значительной степени им решена.

Изучение западной юридической мысли привело Алексеева к выводу, что понятие права в том виде, в котором его чаще всего употребляют, изначально связано с механицистской доктриной «социального атомизма». Право описывает специфическую сферу отношений индивидуума к иным реальностям — другим людям, собственности, природным и культурным средам, социальным институтам. Право, как справедливо замечал Алексеев, исходит из предпосылки «суверенности» автономного индивидуума, который выступает в своей самодостаточности перед лицом иных форм бытия. Задолго до эпохи Просвещения, сформулировавшей концепцию «естественного права» и договорного происхождения государства, в феодальной Европе и в какой-то мере в античном мире Алексеев усматривает зарождение тенденций к автономизации человека и фиксацию этого в социальных кодексах. Хотя в те времена понятие «права» применялось сначала к избранным категориям — к императору, патрициям, сеньорам, представителям клира и т. п. В дальнейшем это множество неуклонно расширялось и привело, в конце концов, к созданию либеральной теории права, наиболее полно изложенной, по мнению русского евразийца, в трудах австрийского юриста Г. Кельсена. В рассуждениях последнего содержится то «заблуждение, — считал Алексеев, — которое Кельсен разделяет со многими представителями современной науки о государстве, то есть что вся-

кий «нормативный» порядок, всякий «регулирующий агент», всякая социальная организация совпадают с правопорядком или системой правовых норм, и государство в силу этого «всцело попадает а ту же сферу, что и право»¹.

Алексеев показывает, что подобное направление юридической мысли и эволюции правовых институтов выражают лишь одну из возможных линий социального развития, что она всецело принадлежит Западу с его индивидуализмом, что она естественна лишь для данного типа цивилизации и совершенно чужда Востоку. Алексеев замечает, что при этом западные юристы претендуют на универсальность, абсолютно пренебрегая всякими культурно-историческими различиями. Для них нет разницы между общей теорией и общей теорией западного права. Альтернативные формы социальной регуляции, иные типы права и правосознания, распространенные среди абсолютного большинства человечества и лежащие в основании самой древней западноевропейской культуры, ими просто игнорируются.

Теория права, которая отвергает онтологическое превосходство части над целым, имеет дело не с индивидуумами, но с личностями, которые являются отражением единого — общины, народа, государства, которые порождены иной цивилизацией, воспитаны в иных ценностях. Они выполняют «тягловую функцию», осуществляют социальное служение, заданное целым, всеобщим, так называемым «тягловым государством». Причем, в таком государстве, отмечает Алексеев, даже верховный правитель (царь, василевс) не является исключением. И на него распространяется принцип преимущества обязанностей над правом. Более того: царь несет наибольшую степень ответственности, чем все его подданные. Ибо он обязан обеспечить жизнедеятельность всего общества. Бог, совесть, высший нравственный закон — вот то, чему обязан беспрекословно подчиняться правитель в обществах традиционного типа. Если в «обязательном» или «гарантийном» государстве и пользуются категорией права и соблюдают писанные законы, то только в прикладном и подчиненном смысле. Однако эта техническая необходимость обращения к «правам» вовсе не означает их причастности к общественной онтологии и к базовым ценностям социальной жизни. В предельных формах евразийская юриспруденция трактует лишь об обязанностях, а не о правах.

Все это далеко не случайно. Алексеев утверждал, что для евразийцев есть только одно абсолютное право человека, рядом с которым все прочие оказываются относительными и неважными, — это «право на внутреннее духовное развитие». В пределе своем самое естественное и органическое право человека — это право на сверхъестественное, которое в эпоху европейского Просвещения подменяется системой юридических прав. Отрицая это высшее право, в человеке уничтожают его сущность и делают нормальное (не-европейское) развитие государства невозможным.

«Мы думаем, — замечает Алексеев, — что нет более интенсивного и принципиального противоречия в жизнеощущениях, составляющих послед-

---

¹ Алексеев Н. Н. Русский народ и государство. — М., 1998. — С. 493.

ний двигательный мотив всякого культурного творчества, чем противоречие между стремлением к посюстороннему и стремлением к потустороннему. Диалектическим отношением этих двух понятий в конце концов определяется противопоставление между Западом и Востоком. Запад, в пределах обозреваемой нами исторической его жизни «большого стиля», всегда был более посюсторонен, чем Восток. Это совершенно неоспоримо по отношению к идеалам новейшей западной культуры, основная задача которой сводится к тому, чтобы «отречься от неба и покорить землю». Но тому, кто стал бы отрицать наш тезис по отношению к старому религиозному Западу, можно указать на несомненную посюсторонность католического идеала земной теократии, исповедание которого кладет резкую грань между христианским Востоком и христианским Западом»¹.

Праведное, высшее и наиболее совершенное государство призвано создать такие условия, при которых человеку дана была бы возможность на полное духовное совершенствование. Все остальные свободы и права есть суррогаты высшего права, его жалкие заменители, часто дезориентирующие человека. Свобода печати, совести, неприкосновенность частной собственности и т. д. Ценны не сами по себе, а только в той степени, в какой они служат делу интенсификации духовной жизни. Праведное государство должно решительно бороться с теми социальными условиями, в силу которых человек объективно попадает в обстановку, лишаящую его всякой возможности духовного развития.

На Западе право есть норма или совокупность норм. Как пишет Алексеев, «права, следовательно, являются несущественным придатком норм, и правовая система ничего не теряет от того, что в ней полностью отсутствует идея правомочия»². Гипертрофия лишь одного, и не самого лучшего, вида социальной регуляции, упорное стремление к безбрежной регламентации социальной жизни путем установления принудительных норм характеризует романо-германский мир и весь Запад в целом. В евразийском же государстве, построенном на базе подлинно национального права, ведущий слой (элита) проникнута мыслью, что власть это обязанность, а если управляемые являются носителями не только обязанностей, но и привилегий, прав и свобод, то эти последние понимаются не как свобода договора, но как свобода органической принадлежности к целому.

Алексеев полагал, что в современном мире резко сократились возможности отшельнической жизни. Человеку некуда уйти от государства. Он рождается «объектом хозяйства по преимуществу, за которым едва-едва признаются лишь некоторые «права духа». По существу теоретик евразийства констатирует наличие в современном мире худшего из доселе известных видов неравенства и эксплуатации. При капитализме происходит экспроприация духовного мира у пролетария.

---

¹ Алексеев Н. Н. Русский народ и государство. — М., 1998. — С. 149.

² Там же. — С. 117.

В отличие от социалистического государства, государство праведное пытается более эффективно преодолеть указанный вид неравенства и реализовать истинное право человека. Это право реализуется во всем. Так, например, на решение проблемы нищеты оно смотрит не как на самоцель, но лишь как на средство. «Царство всеобщего достатка, — пишет Алексеев, — даже богатства может быть по существу своему просто большой свинарней, в которой жрут и валяются в грязи»¹. Для того, чтобы преодолеть дух «социалистической буржуазности» и избежать самой возможности возрождения противоестественного строя капитализма, необходимо помнить, что и экономические, и юридико-политические пути Евразии принципиально иные, нежели у Запада. Идея духовного служения должна пронизывать все государственные структуры снизу доверху. Ибо качество государства зависит не от внешних форм или названий, но от внутреннего отношения правящих к управляемым. Государство должно управляться только на началах социального служения и жертвенности. Только новая партия (своего рода духовный орден, или союз лиц, готовых служить евразийской идее-правительнице) способна стать основой государственной власти в России. Партию должны объединять чисто корпоративные идеи чести, честности, ответственности, самопожертвования и солидарности. Все это отнюдь не значит, что она будет осуществлять партийную диктатуру.

Партия всего лишь «дает людей, которые могут править». Реально же управлять должны государственные органы, которые по конституции облечены властью. С точки зрения евразийской доктрины, в целом демократический образ правления предпочтительней монархического, так как создает условия для объективной оценки деятельности власти. Однако демократия западного образца абсолютно неприемлема для Евразии: «Если привить у нас систему прямых выборов, ясно, что она должна обратиться в голосование за того, кто всего более пообещает»².

В конце 1930-х годов Алексеев свое идеальное государство как гаранта автохтонных форм национального правосознания начал именовать «гарантийным». Он особо акцентирует внимание на том обстоятельстве, что данное государство не является доктринальным и не стремится внушить насильно некое единое мировоззрение своим гражданам. Оно лишь обеспечивает проведение в жизнь некоторых «позитивных» социальных принципов и социально-политических программ, которые могут рассчитывать на широкую поддержку со стороны людей самых разных взглядов. В отличие от доктринального, гарантийное государство построено на общественном признании, а не на исповедании.

---

¹ Алексеев Н. Н. Русский народ и государство. — М., 1998. — С. 43.

² Там же. — С. 239.

Марина Константиновна Кирюшина

Студентка кафедры истории социально-политических учений факультета политологии Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова¹

Геополитические идеи И. И. Дусинского (1879–1919)

Аннотация

В статье рассматриваются геополитические идеи малоизвестного для широкой публики писателя и публициста начала XX века — И. И. Дусинского (1879–1919), который является одним из талантливых продолжателей геополитических идей Данилевского и Ламанского. В статье дана краткая биография, место, которое идеи Дусинского занимают в истории социально-политических учений России. Анализируется предложенная Дусинским модель всеславянского государства.

Ключевые слова: российская геополитика, панславизм, неославизм, союзное славянское государство, федерализм, внешняя политика Российской Империи.

В этом году исполняется 100 лет с момента публикации главной работы И. И. Дусинского «Основные вопросы внешней политики России в связи с программой нашей военно-морской политики».

Михаил Смолин, открывший для широкой публики творчество И. И. Дусинского и переиздавший в 2003 году его основную работу называет его «геополитическим изгоем», потому что о его биографии известно очень немного — лишь отрывочные, фрагментарные сведения.

И. И. Дусинский (1879–1919) — родился в Харькове в 1879 году. Окончил Каменец-Подольскую гимназию, жил в Одессе, окончил Новороссийский университет, куда поступил в августе 1899 года на историко-филологический факультет. Состоял членом Одесского Общества востоковедения, которое возглавлял профессор П. Е. Казанский. Он был любителем древнегреческой мысли, писал «О занятиях Сократа поэзией» (Одесса, 1905). В 1910-е годы он числился помощником библиотекаря Императорского Новороссийского университета, сотрудничал в правой одесской газете «Русская речь», где под псевдонимом «Арктур» в 1908–1910 годах и печаталась его капитальная работа «Основные вопросы внешней политики России в связи с программой нашей военно-морской политики». Отдельным изданием эта книга вышла в 1910 году. Во время Первой Мировой войны известно его обраще-

---

¹ Научный руководитель: кандидат политических наук, доцент кафедры истории социально-политических учений факультета политологии МГУ Анна Валерьевна Мыркова.

ние к «Славянам» (1915), где он говорил о важности панславистской идеи. Свою жизнь И. И. Дусинский окончил в Одессе, после революции, во время Гражданской войны, где умер или был убит в 1919 году.¹

Если попытаться классифицировать творчество И. И. Дусинского и определить его место в российской традиции социально-политической мысли, то здесь можно выделить 2 линии:

1. Панславистская традиция: И. И. Дусинский является продолжателем идей славянофилов К. Аксакова, А. Хомякова, Киреевских, а также М. Погодина, и на рубеже веков — Н. Данилевского, В. Ламанского. Как отмечает М. Смолин, «сочинение И. И. Дусинского является талантливым и наиболее удачным продолжением в XX столетии, политических тем поднятых Н. Я. Данилевским, в книге «Россия и Европа»². Впрочем, теорию Дусинского можно отнести скорее к неославизму. Об этом он сам пишет в своей книге: «Из всего сказанного выше следует, что в вопросе о национальных правах славянских народов мы вполне стали на точку зрения так называемого неославизма, хотя и внесли в него некоторые весьма существенные изменения, признав необходимость политического панславизма. Таким образом, нисколько не отказавшись от славных заветов и идеалов старого славянофильства, мы признали необходимым претворить эти заветы и идеалы согласно современным условиям и указаниям практики и обосновать все славянофильское движение заново».³

2. Общая традиция геополитических исследований. Однако, как отмечает Матвеева, отличие российской геополитики от западной является принципиальным. Первая мировая война и ее идеологическое обоснование — классическая западная геополитика — являются порождениями прежде всего империалистической эпохи. Отечественная же геополитическая традиция — явление качественно другого порядка. В России геополитическая мысль зародилась на полвека раньше, вне связи с империализмом. Матвеева в рамках отечественной геополитики выделяет два научных направления — военно-стратегическое (А. Е. Снесарев, А. Е. Вандам, А. Н. Куропаткин и др.) и экономико-географическое (Д. И. Менделеев, В. П. Семенов-Тянь-Шанский, П. Н. Савицкий и др.).

Существуют и другие классификации геополитических отечественных школ: философская школа «русского космизма» (Н. Ф. Федоров, Н. А. Умов, В. И. Вернадский, А. Л. Чижевский, П. А. Флоренский, Н. А. Бердяев и др.); направление русской исторической и историософской мысли (Б. Н. Чичерин, С. М. Соловьев, В. О. Ключевский, Н. Я. Данилевский и др.); русская географическая школа (К. М. Бэр, Л. И. Мечников, В. П. Семенов-Тянь-Шан-

---

¹ Смолин М. Б., Энциклопедия имперской традиции русской мысли. — М.: Имперская традиция, 2005. — С. 111.

² Там же. — С. 111.

³ Дусинский И. И., Геополитика России. — М.: «Москва» (Пути русского имперского сознания), 2003. — С. 75.

ский, Д. А. Милютин, Н. Ф. Гончаров, А. Е. Снесарев), «евразийство» (П. Н. Савицкий, Н. С. Трубецкой, Л. П. Карсавин, Г. В. Вернадский, А. В. Карташов, Г. В. Флоровский), теория этногенеза (Л. Н. Гумилев). Тут нужно отметить, что сам термин геополитика впервые применяется лишь применительно к «евразийству».

Вообще же задача классификации разрозненных отечественных геополитических направлений и ответ на вопрос, существовала ли единая российская геополитическая школа, так, как существовала немецкая, французская, британская или американская геополитическая школа, — предмет отдельного исследования. Здесь лишь уместно сказать, что и Дусинский развивал свои идеи в рамках геополитической проблематики, интерес к которой колоссально вырос после русско-японской войны и в преддверии Первой мировой войны (например, работы Карцова Ю. С. «В чем заключаются внешние задачи России (Теория внешней политики вообще и в применении к России)», 1908 г., «Внешняя политика как стимул народного хозяйства», 1905 г.; Вандама А. Е. «Величайшее из искусств. Обзор современного международного положения при свете высшей стратегии», 1913 г., «Наше положение», 1912 г.; Трубецкого Г. Н., «Россия как великая держава», 1910 г.; Семенова Тянь-Шанского В. П., «О могущественном территориальном владении применительно к России. Очерк по политической географии», 1915 г.)

Геополитические идеи И. И. Дусинского нашли наибольшее выражение в его фундаментальной работе «Основные вопросы внешней политики России в связи с программой нашей военно-морской политики», вышедшей в 1910 году, переизданной в 2003 году. В рамках статьи хотелось бы дать обзорную характеристику работы и хотя бы тезисно обозначить логику геополитического исследования Дусинского.

Целью своего исследования Дусинский ставит разработку внешней политики Российской Империи — «разобрать ее желательные основания и руководящие принципы, наметить ее цели и программу», причем намерение это небезосновательно видится автору актуальным: «таково наше намерение, вытекающее из глубокого убеждения в полезности и настоятельной необходимости подобной работы именно теперь, когда наш русский богатырь после всего пережитого за последние годы стоит на перепутье и раздумывает над выбором дальнейшего пути.

В такую историческую минуту особенное значение имеет всякая попытка добросовестно разобраться в положении и по мере сил уяснить его себе и осветить другим¹. Предметом же политики вообще он называет учение о целях государства и способах их достижения, причем здесь необходимо различать теоретическую и практическую сторону дела — политику как науку и как искусство.

---

¹ Дусинский И. И., Геополитика России. — М.: «Москва» (Пути русского имперского сознания), 2003. — С. 25.

Первоначальная аксиома, исходный пункт теории Дусинского заключается в необходимости территориального роста России: «Русский государственный организм еще не достиг своего полноценного физического развития: его внешний рост еще совершается и должен совершаться, так как прекращение его раньше времени было бы явлением болезненным и вместо ожидаемого в итоге развития красавца-богатыря дало бы миру просто очень большого уroda». Стремление государств к территориальному расширению Дусинский классифицирует, выделяя пять типов:

1. «Бесцельное» увеличение территорий — следствие чисто завоевательных устремлений. Пример — колониальные приобретения. Близок к стихийному захвату пустынных и слабозаселенных территорий.
2. Ради предупреждения захвата другими народами, так называемый «предупредительный» захват.
3. Ради национальных целей — объединить в один государственный организм части народа, оказавшегося вне границ национального государства.
4. Ради специальных целей: ректификация границ, достижение естественных границ, достижение выхода к морям
5. Ради обеспечения рынков сбыта. В основном — в колониях

Относительно российской действительности, увеличение территорий ни в коем случае не должно быть беспорядочным и неосмотрительным (первый тип). Главный аргумент против этого — привнесение излишнего инородческого элемента и как следствие — потеря национального характера государства.

При этом, Дусинский говорит об интересном факте, который условно можно назвать «законом предела ассимиляции»: «с распространением культуры среди инородческих племен, даже более мелких и захудалых, наблюдается несомненный рост их национального сознания, сильно затрудняющий естественный ход обрусения, некогда подвигавшегося гораздо успешнее и быстрее... Затем возникает чрезвычайно важный и существенный вопрос о законах, каким подвержен антропологический и биологический процесс ассимиляции... По всей вероятности, эти законы точно устанавливают пределы ассимиляции, подобно тому, как в химии точно установлены законы насыщения одного вещества другим... Не надо также забывать, что уже теперь русский народный организм сильно насыщен инородческими элементами и быть может возможный предел безвредной ассимиляции уже близок».¹ Эти размышления о пределах ассимиляционных возможностей народа кажутся актуальными в современном глобализующемся мире.

Против пятого типа расширения территории Дусинский тоже выдвигает аргумент: при промышленной отсталости и огромном внутреннем рынке по-

---

¹ Дусинский И. И., Геополитика России, М.: «Москва» (Пути русского имперского сознания), 2003., С. 47.

требность в поиске дополнительных рынков сбыта за счет новых территорий просто отпадает.

Таким образом, оправданным и целесообразным является 2, 3, 4 типы территориальных завоеваний. И здесь Дусинский вводит основной тезис всей своей работы: внешняя политика России должна постоянно носить двойственный характер — национальный (русский) и племенной (славянский).

Что касается племенной славянской политики Российской Империи, Дусинский выдвигает интереснейший проект построения панславянской державы, осуществление перехода «от русского государства национального к славянскому государству племенному», построение союзного всеславянского государства. По мнению автора такого рода «славянская» внешняя политика будет полезной и взаимовыгодной и для России, и для других славянских племен, это положение автор подтверждает несколькими тезисами.

1. Русско-славянские отношения носят родственный характер — это отношения племенного братства, основанные на сходстве языка и культуры. Это естественное осознание братства еще более усиливается при наличии опасностей, угрожающих извне, исходящих от других племен.
2. Сближение племен должно оформиться в политическом объединении, «под сенью крыльев русского державного орла», ибо только политическое объединение будет гарантией культурного и экономического сближения.
3. Построение панславянской державы, политика «всеславянского империализма», по мнению Дусинского, является «веянием современности» и «может быть поставлена рядом с однородными стремлениями всех великих мировых держав — британским империализмом, панисламизмом, панамериканизмом, панмонголизмом».
4. Выгоды для России: Первое — ввиду поднимающихся угроз на южных и восточных границах Империи, объединенное вокруг России славянство вместе с союзной Францией станет надежным заслоном, щитом на Западе, который уравновесит силу германского народа и даст возможность направить силы национальной политики на обеспечение безопасности на Востоке и Юге. Второе — славянская политика — подпитка духовного идеализма русского народа, осознающего свои обязанности в отношении угнетаемых братьев — славян. То есть, славянская политика станет источником нравственных сил и идеологического подъема России.
5. Выгоды для славянских племен: политическое объединение вокруг России, не требуя национального самопожертвования, явится гарантией свободного национального развития и даст возможность участвовать в мировой жизни и не смотреть на своих иноплеменных соседей как смотрит лилипут на великана. Вместо того чтобы находиться под угрозой удара, славяне будут спокойно жить и знать, что за каж-

дым из них стоит огромная сила всеславянской державы. + некоторые преимущества экономического и культурного порядка.

Модель всесоюзного славянского государства. Чтобы ответить на вопрос, в какой политической форме должно свершиться славянское объединение, Дусинский проводит интересный обзор современного ему опыта федерального государственного строительства.

Последовательно рассмотрев примеры Германии, Австро-Венгрии, Швейцарии, США и некоторых колоний Великобритании, он приходит к выводу, что хотя в целом федеративные государства менее устойчивы и долговечны, чем государства национальные, однако и они могут быть целесообразны, если в федерации будет доминировать одно национальное ядро, вокруг которого сгруппируется все культурное разнообразие других национальных единиц.

Что касается идеальной модели для панславянского государства, то она должна приближаться «к такому типу в рамки которого удобно укладывается все разнообразие национальных разновидностей и политических форм. Этот тип может быть образован путем органического соединения особенностей швейцарской республики и германской империи»¹.

Формула всеславянского государства такова: за всяким славянским народом признается одинаковое право на самобытное развитие и национальное существование в пределах гарантированной ему территории, на которой он являлся бы полноправным хозяином.

Всеславянская держава должна состоять из ряда автономных национальных областей: русской, болгарской, сербской, хорватской, словенской, словацкой, чешской и польской. Что касается неславянских народностей: румыны, греки, албанцы, мадьяры, австрийские немцы, их возможно принять в состав союзного славянского государства на равных правах со славянами.

Общеславянские федеральные объединительные начала: культурные и экономические связи, единство военной и морской организации, объединение направляющих органов внешней политики, таможенная уния, приведение к единой норме денежных знаков и единиц меры и веса. Но главной связующей силой наряду с единством происхождения должен стать единый общеславянский язык.

Национальное направление внешней политики. Славянская племенная политика Российской Империи — лишь одно из направлений внешней политики, которое является лишь дополнением национальной политики: «Славянство — щит России на Западе. Но кроме Запада у нас есть еще Север, Юг и Восток, являющиеся исключительно сферой нашей политики национальной...»².

---

¹ Дусинский И. И., Геополитика России, М.: «Москва» (Пути русского имперского сознания), 2003., С. 66.

² Дусинский И. И., Геополитика России, М.: «Москва» (Пути русского имперского сознания), 2003., С. 121.

В национальной русской внешней политике Дусинский выделяет пять принципиальных задач:

1. Подобрать свободные и полусвободные территории, лежащие у наших азиатских границ — предупредив в этом направлении активные действия Китая.
2. Предоставление русскому государству возможно более удобных естественных границ.
3. Сохранить и использовать надлежащим образом имеющиеся у нас непосредственные выходы в океан и занять прочное оборонительное положение на глубоко врезающихся в наш материк внутренних морях — посредством ли приобретения входа в них (на Черном море) или надежного обеспечения нашей береговой линии (Балтийское море). Оборонительное положение России на море объясняется ее сугубо континентальным характером.
4. В отношении к соседним государствам, исходя из верной и обоснованной оценки их положения и стремлений, либо привязать их к России узами полного доверия и устойчивой дружбы, либо обезвредить путем дипломатического или военного воздействия.
5. Возможно более быстрое и полное приближение к экономической автаркии в смысле освобождения русского хозяйства от чужеземной эксплуатации и к экономическому подчинению России бассейна Черного моря с одновременным созданием всеславянского таможенного союза. Основные средства: интенсивное развитие всех производственных сил, стремление к национализации призываемых из-за границы капиталов, активное и созидательное покровительство отечественному производству с одновременным всесторонним (количественным и качественным) его усилением, создание достаточного национального торгового флота, соответствующего потребностям постоянного русского экспорта.

Исследование геополитических идей И. И. Дусинского представляет не только исторический или сугубо теоретический интерес. Некоторые его положения — исследования о пределах ассимиляции, поиски наиболее устойчивой модели федерализма — актуальны и на сегодняшний день. А его модель союзного государства, славянской конфедерации — если и не воплотима на сегодняшний день, то хотя бы частично, некоторые идейные элементы пригодны, например, как основа построения Союзного государства России и Беларуси.

Библиография

1. Дусинский И. И. Геополитика России, М.: «Москва» (Пути русского имперского сознания), 2003. — 320 с.
2. Смолин М. Б. Энциклопедия имперской традиции русской мысли. — М.: Имперская традиция, 2005. — 432 с.

Иван Андреевич Козиков

Доктор философских наук, профессор кафедры истории социально-политических учений факультета политологии Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова.

Идеи М. В. Ломоносова как теоретические основы формирования ноосферных представлений

Аннотация

В статье рассматриваются некоторые подходы М. В. Ломоносова к анализу исторического процесса, составляющие теоретические основы ряда аспектов в представлениях о ноосфере.

Ключевые слова: ноосфера, народонаселение, природные богатства, материальные основы, наука, производительные силы, просвещение, централизм.

В общественном сознании современного человечества все больше и больше актуализируются ноосферные представления о цивилизации, об устройстве общества. В общественном сознании нашего Отечества эти представления имеют глубокие корни. Их теоретические основы закладывались в трудах многих отечественных ученых, в том числе и представителей русского космизма. Эти корни имеются в трудах гениального русского ученого М. В. Ломоносова.

Важнейшей чертой ноосферизации общества, согласно этих представлений, является создание его материально-технических основ, которые изменяют среду обитания человечества — биосферу. М. В. Ломоносов, призывая к преодолению отсталости России, со всей глубинной и обоснованностью поставил вопрос о необходимости освоения природных богатств России для развития её производительных сил. Он убеждал россиян, что страна обладает огромными богатствами, которые необходимо активно изучать и использовать для своего развития. Он доказывал, что «в пространственном Российском государстве коль велико множество должно быть разных минералов, легко понять можно», что «кроме открытия в земных недрах богатства, хвалится и благодарит всевышнего Россия за избыточествующее плодов земных изобилие» (1.5.351, 1.5.331). «Не должно сомневаться о довольстве всяких минералов в российских областях, но только употреблять доброе прилежание с требуемым знанием, коим ныне предводительствуемы» (1.5.621). Большое значение М. В. Ломоносов придавал изучению и использованию богатств Сибири и Севера, Северного ледовитого океана. «Российское могущество, — утверждал он, — прирастать будет Сибирью и Северным океаном и достигнет до главных поселений европейских в Азии и Америке» (1.2.16). «По многим доказательствам заключаю, что в северных земных недрах пространно и богато царит натура» (1.5.620).

В развитии производительных сил страны М. В. Ломоносов большое значение придавал использованию морей и океанов. Он высоко ценил усилия Петра Великого по избавлению России от изоляции от морей и океанов. Благодаря этим усилиям «пространная Российская держава, — отмечал он, — на подобие

целого света едва не отовсюду великими морями окружается и оные себе в пределы поставляет» (1.8.597). В выходе России к морям и океанам ученый видел не только большую экономическую выгоду, состоящую в появлении больших возможностей осуществлять более масштабно и интенсивно торговлю с другими странами, что усиливает взаимосвязь между народами, но и военную безопасность страны, и чтобы, «не токомо с другими морскими державами сравниться, но и превзойти».

М. В. Ломоносов настойчиво добивался развития всего народного хозяйства страны. Исследование природных богатств, убеждал он, необходимо для создания материальных предпосылок развития производительных сил страны, промышленности: заводов, фабрик и мануфактур, ремесел, торговли, военного дела и т. д. Всячески поддерживал технический прогресс, развитие страны.

Сам М. В. Ломоносов был крупнейшим организатором изучения производительных сил России, создавал новые предпосылки для их развития, предложил несколько проектов освоения новых территорий страны, целый ряд экономических мероприятий, намечал программу преобразования земледелия (предлагал создать научное учреждение, которое вырабатывало бы рекомендации по развитию сельского хозяйства, внедрению в него научных методов земледелия.), развития военного дела, торговли с другими странами и др. Весьма важные для страны рекомендации М. В. Ломоносова по использованию богатств страны почти дословно повторил другой наш великий ученый В. И. Вернадский в 1915 году в своих предложениях по созданию в стране Комиссии по изучению естественных производительных сил России (КЕПС).

Призывая к активному исследованию природных ресурсов своей страны, М. В. Ломоносов выступал за *национальное* их использование. Он отмечал, что «нельзя, чтобы открытия достались в чужие руки» (1.6.483).

Важной чертой ноосферизации общества является *рост сферы труда*, при помощи которого человечество превращает биосферу в ноосферу, что непосредственно связано с ростом народонаселения. М. В. Ломоносов, борясь за прогрессивное развитие России, учитывая её обширность и слабую её заселенность, впервые в стране поставил как глобальную проблему роста народонаселения России. Глубоко и разносторонне рассматривая эту проблему, он вскрыл многие, в том числе и социальные факторы, которые мешали росту народонаселения, и стремился найти средства для устранения всех зол и препятствий для этого роста. В специальном трактате «О сохранении и размножении российского народа» (1761 г.), он писал: «Началом сего полагаю самым главным делом: сохранение и размножение российского народа, в чем состоит величество, могущество и богатство всего государства, а не в обширности, тщетной без обитателей» (1.6.383–384). Выступая за «спасение целого народа», в трактате он предложил 13 способов сохранения и приращения «подданных её императорского величества», что будет служить «безопасности и успокоению всенародному».(1.6.402). В росте народонаселения М. В. Ломоносов видел важнейший фактор развития сферы труда, прогрессивного развития страны.

М. В. Ломоносов внес существенный вклад в понимание возрастания роли науки в обществе, что является важным аспектом ноосферных представлений, рассматривающих развивающуюся науку как решающий фактор, превращающий при помощи труда биосферу Земли в ноосферу. Ученый глубоко осознал и высоко ценил роль науки в истории человечества, в его прогрессе, видел в науке ключевой фактор его развития, благополучия «всего человеческого рода», которое «от новых изобретений происходит и по всему свету распространяется»(1.10.14). «Науки, — писал он, — сами все дела человеческие приводят на верх совершенства, что их благороднее, что полезнее, что увеселительнее и что бесспорнее в делах человеческих быть может»(1.2.181). Он настойчиво призывал к развитию наук в России. «Мы, — писал он, — всею возможностью по нашему лучшему разумению и совести об одной только истинной пользе наук в России заботимся, как бы оные скорее распространились к умножению благополучия верных подданных е. и. в. и чтобы отвратить все прежние неудобности бывшие в тягость наукам» (1.10.590). Он мечтал «златой здешним наукам век поставить и от презренья избавить возлюбленный российский род» и направить приращение наук «к истинной пользе и славе Отечества»(1.10.561, 1.10.508).

М. В. Ломоносов внес существенный вклад в развитие науки. Его открытия и обобщения составили новую эпоху в её развитии. Ни один вопрос науки, её роли в обществе не ускользнул от его внимания. Он много сделал в развитии конкретных наук: химии, физики, механики, астрономии, минералогии, геологических наук, металлургии, рудного дела, почвоведения, географии, ботаники, лесоведения, палеобиологии, картографирования, приборостроения, мозаичного дела, оптики, философии, педагогики, литературы, истории, демографии, языкознания и др. Он ставил вопрос о необходимости изучения законов природы, «все что есть и происходит в телах, обуславливается сущностью и природой их» (1.1.179). Рассматривал мир как единство всех материальных объектов и связей между ними. Открыл закон сохранения вещества и движения. Его выводы шли в направлении понимания единства и тесной взаимосвязи общества, человека и биосферы, что составляет одну из основ ноосферных представлений.

Характерной чертой М. В. Ломоносова как ученого было то, что он сочетал в своих представлениях о роли науки в обществе и в своей научной деятельности теоретические и прикладные подходы, стремился, чтобы достижения науки внедрялись в практику. Как писал В. И. Вернадский, Ломоносова наряду с философскими обобщениями «все время привлекало прикладное естествознание. Не чуждаясь широких обобщений, он неуклонно имел в виду возможную их пользу... все время стоял за применение науки к жизни», «искал в науке сил для улучшения положения человечества» (2.257). Его научные достижения служили весомым вкладом в становление науки как геологической силы в биосфере.

М. В. Ломоносов придавал большое значение подготовке научных кадров, способных развивать науку, обеспечивать прогресс в различных областях общества, доказывал, что ученые россияне нужны во всех сферах жизни страны (1.10.15), настаивал на том, чтобы открыть в науку «вход благополучно дарованиям природным» (1.8.686), выступал за демократизацию всей системы обра-

зования. В тоже время М. В. Ломоносов призывал молодежь смело вступать на научное поприще, желал ввести её «в великолепный Храм сего человеческого благополучия» (1.2.351). Новые научные кадры в ходе развития России составляли то научное сообщество, которое обеспечивало прогресс науки, внося свой существенный вклад в мировую науку, во «взрыв научного творчества», её превращение в силу планетарного характера, как это отметил В. И. Вернадский.

М. В. Ломоносов активно боролся за просвещение народа, распространение науки в массах. «Где мало грамотных, — считал он, — весьма мало пользы будет» (1.6.412). Он полагал, что при помощи просвещения, развития образования, можно превратить Россию в передовую страну, преодолеть отсталость, избавиться от социальных и нравственных пороков, поднять русское самосознание, делать доступными науку и искусство для широких народных масс, укреплять государство, повышать благосостояние народа, развивать культуру и искусство. Он выступал за демократизацию школы. Он ставил задачу ликвидации неграмотности народа, выступал за создания повсеместно начальных школ. Большую заботу проявлял о создании в стране средней и высшей школы. С огромным упорством он добивался решения этой проблемы. Велика его заслуга в открытии Московского университета и при нем двух гимназий.

Важнейшим средством просвещения для М. В. Ломоносова был русский язык. Он приложил огромные усилия по развитию русского языка, его защите, распространению и сохранению его чистоты. Как истинный россиянин он поднял свой могучий голос в защиту родного языка, назвал его великим и богатым языком и в своей практической деятельности это доказывал. Здесь важно отметить, что он считал язык важнейшим средством взаимосвязи и объединения народов. «Собраться рассеянными народами в общежитие, создавать грады, строить храмы и корабли, ополчаться против неприятеля и другие нужные, союзных сил требующие дела производить, — писал он, — как бы возможно было, если бы они способа не имели сообщать мысли друг другу» (1.7.61). Объединение народов составляет важнейшую черту становления ноосферы.

М. В. Ломоносов был убежденным государственным деятелем. Для него были важными и актуальными вопросы укрепления и развития российского государства. Важной стороной укрепления государства является его управляемость. Совершенствование управления в обществе составляет важную сторону аспекта ноосферизации общества. М. В. Ломоносов высказывал ряд важнейших положений об организации в государстве управления. Он считал, что хозяйственная деятельность в рамках государства должна управляться и регулироваться государством. В связи с этим большую роль он отводил централизму. Централизм для него был естественно-исторической формой государственного устройства. Он отмечал, что централизм спасал народы от потери самостоятельности, от гибели и разрушений, что многие государства пришли в упадок из-за отсутствия обеспечивающего централизмом единства. «Благополучны многочисленные народы, — отмечал он, — которым державно в свое время управляемым и защищенным быть щедрая судьба определила» (1.7.92). Благодаря централизму российский народ, пройдя великие испытания, отразив внешние натиски и пре-

одолев внутренние распри «не токомо не расточился но и в высочайшие степени величества, могущества и славы достигнул». И поэтому «благонадежное имеем уверение о благосостоянии нашего Отечества, видя в единоначальном владении залог нашего блаженства, доказанного толь многими и толь великими примерами». Россия «самодержавством как сначала усилилась, так и после несчастливых времен умножилась, укрепилась, прославилась примерами» (1.6.171).

Выступая за централизацию государственного управления, М. В. Ломоносов при этом показал, что в российской государственности имеют место и демократические традиции. Он представлял Россию как миролюбивую страну, а внутри многонационального российского государства эти традиции он видел в равноправии проживающих в нем всех народов. Единство и равенство всех людей планеты составляет важнейшую черту становления ноосферы.

М. В. Ломоносов выдвинул ряд положений и подходов, которые характеризуют развитие общества. Они в последствие развивались и в той или иной мере входили в основы формирования ноосферных представлений.

Библиография

1. Ломоносов М. В. Полн. собр. соч. в 11 томах. — М.-Л.: 1952–1958.
2. Запросы жизни. — 1911. — № 1.

Ольга Алексеевна Кононова

Соискатель кафедры истории социально-политических учений факультета политологии Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова¹

От «социального государства» к «полицейскому социализму»: о влиянии В. А. Гольцева на политическое мировоззрение С. В. Зубатова

Аннотация

В 1886 году С. Зубатов начинает общаться с известным в то время ученым, публицистом, оратором, «рыцарем конституционной идеи в России», В. А. Гольцевым. По-видимому, благодаря Гольцеву, он начал задумываться над рабочим вопросом в России и способах его решения, которые были напрямую связаны с идеей надклассовой роли государства.

Ключевые слова: социальное государство, полицейский социализм, рабочий вопрос, политическая свобода, надклассовая роль государства.

---

¹ Научный руководитель: доктор политических наук, заведующий кафедрой истории социально-политических учений факультета политологии МГУ, профессор Александр Андреевич Шириняц.

Система взглядов и ценностей человека формируется не одномоментно. Этот процесс происходит постепенно, под влиянием самых различных факторов: принадлежности к тому или иному поколению, культурной среды обитания, семейных традиций, образования, ярких событий, встреч и случайных знакомств.

Влияние человека «эпохи реформ» на человека, чья молодость при- шла на «эпоху реакции», вылилось в сомнительную по своим морально-этическим принципам концепцию полицейского социализма.

В 1886 году С. Зубатов начинает общаться с известным в то время ученым, публицистом, оратором, «рыцарем конституционной идеи в России»¹, В. А. Гольцевым.

Характер этого общения сложно определить однозначно. Сам Гольцев пишет, что Зубатов заходил к нему за книгами по поручению студентов Петровской академии. Он забирал литературу и оставлял ее в библиотеке своей невесты А. Н. Михиной. Речь шла и о запрещенных изданиях в том числе. Из воспоминаний Гольцева: «Явился ко мне г. Зубатов и произвел приятное впечатление.

Он брал книги, возвращал их, получал другие. Иногда он оставался на короткое время и высказывал печальные мысли о современном положении вещей. Я утешал его...»².

Зная общительность Гольцева и зубатовскую способность располагать к себе собеседника, кажется вполне вероятным, что между ними происходили достаточно откровенные продолжительные беседы.

Здесь следует вкратце обрисовать политические взгляды Гольцева, чтобы предположить, что влияние с его стороны на Зубатова и его дальнейшее развитие имело место быть.

В. А. Гольцев родился в 1850 году. В 1868 окончил тульскую гимназию, поступил в Московский Университет на юридический факультет, который успешно закончил в 1872.

Несмотря на периодическое участие в различных студенческих сходках, он никогда не был народником. В 1875 году Гольцев женится и уезжает за границу. Там он знакомится с сочинениями немецких экономистов, теоретиков Государственного социализма. Речь идет о Лоренце фон Штейне, родоначальнике понятия «социальное государство», и катедер-социалисте Адольфе Вагнере, стороннике государственно-христианской версии социалистического учения. Оба автора отстаивали позицию взаимозависимости всех членов общества, всех его социальных страт.

Из чего следовало, что насильственные методы не применимы для развития, т. к. насилие над одним повлечет неизбежный ущерб для другого. Политическая и социальная революции оказываются неприемлемыми. Государ-

---

¹ Памяти В. А. Гольцева (статьи, воспоминания, письма). — М., 1910.

² Русская мысль. — 1906. — №11.

ство и только оно должно осуществлять экономический и общественный прогресс.

В таком случае оно будет именоваться социальным. Вагнер писал о том, что рабочий класс должен быть полностью интегрирован в государство.

Гольцев прямо называет себя учеником Лоренца фон Штейна. Он «ценил в нем теоретика социальной роли государства, как имеющего целью восстановить социальные справедливости по отношению к слабым и бедным». Кроме того, как опять же утверждает биограф Гольцева, «не менее отвечали настроениям В. А. (Гольцева) и социально-правовые воззрения Вагнера, с тенденциями государственного социализма»¹.

Очевидно, Гольцев и познакомил Зубатова с идеей надклассовой роли государства. Будущее сотрудничество начальника Московского охранного отделения с Л. А. Тихомировым, который попытался реформировать эту теорию под русское самодержавие, лишней раз указывает на близость Зубатову этой концепции.

Как приверженец идеи «социального государства», Гольцев категорический противник насильственных способов.

Он выступает за организации широких кругов общественного мнения, но не для того, чтобы «спускать пар», а в интересах осуществления конституции. В 1881 году в «Русской мысли» он пишет: «Создать условия для развития общества может только правительство»². Но, говоря о роли власти, Гольцев считает, что в полной мере исполнить свое предназначение, она сможет лишь, находясь в союзе с обществом. При чем в этот союз должен быть «не в мистической форме, не на пустословии основанный, а крепкий, честный и открытый»³.

Для Гольцева идея социального государства была неразрывно связана с политической свободой внутри него, которая являлась не просто желательной, но необходимой для реализации этой идеи. Как мы увидим, Зубатов эту важную мысль не воспринял. Он ошибочно не замечал, как и очень многие его современники, политического аспекта проблемы с рабочими в России. Ведь западный опыт накапливался и срабатывал совершенно в других политических условиях.

Одновременно с публицистической деятельностью, Гольцев активно участвует в деятельности различных общественных организаций.

В нашем контексте, следует отметить его участие в комиссии, учрежденной в конце 1870-х гг. московским генерал-губернатором кн. Долгоруким, созданной для осмотра фабрик и заводов в Москве, с последующей выработкой фабричного устава. (Кстати, там же вместе с Гольцевым работал И. И. Янжул — в будущем он поспособствует зубатовской кампании по объединению рабочих в контролируемые общества). Комиссия разработала про-

---

¹ Памяти В. А. Гольцева (статьи, воспоминания, письма) . — М., 1910.

² Русская мысль. — № 5. — 1881.

³ Голос. — 1881. — № 114.

грамму исследования фабричного быта, которое и было произведено в апреле 1881 года. Эта была первая работа подобного рода, проведенная в России. Гольцев занимался переводом извлечений из фабричных законодательств западных стран.

Кроме работы в вышеозначенной комиссии, Гольцев «с особой охотой» читал лекции для рабочих с пречистенских курсов, «до конца своих дней уделяя внимание этой организации»¹.

Итак, Зубатов был очень хорошо знаком с актуальной запрещенной литературой своего времени. Идеи социальной справедливости не были ему чужды.

Как замечает В. И. Гурко, «в сущности, идеалом Зубатова являлось осуществление многих вожеланий социализма (между прочим, восьмичасового рабочего дня) и, следовательно, постепенное изменение социального уклада государства при сохранении старых форм его административного строения»². По-видимому, благодаря Гольцеву, он начал задумываться над рабочим вопросом в России и способах его решения.

Многочисленные сохранившиеся служебные записки Зубатова свидетельствуют о том, что он честно старался добиться удовлетворения некоторых требований рабочих, с которыми ему приходилось сталкиваться по ходу своей деятельности³.

И было бы неверным видеть в этом только происки царского режима. Тем более, что царский режим как раз не был инициатором такой политики. Скорее наоборот.

С другой стороны, размышления о развитии человеческой личности, таких понятиях как «нравственность», «мораль», отчасти спровоцированные юношеским увлечением Писаревым, породили в голове Зубатова сомнительную теорию о допустимости поступков против совести.

Возможно, это как-то связано с писаревской идеей о пользе, разумности, практической оправданности любого действия, которая таким образом была понята Зубатовым.

Библиография

1. Гурко В. И. Черты и силуэты прошлого: правительство и общественность в царствование Николая II в изображении современника. — М., 2000.
2. Перегудова З. И. Политический сыск России (1880-1917 гг.). — М., 2000.
3. Памяти В. А. Гольцева (статьи, воспоминания, письма). — М., 1910.
4. Российский либерализм: идеи и люди. — М., 2007.
5. Голос. — 1881. — № 114.
6. Русская мысль. — № 5. — 1881

---

¹ Памяти В. А. Гольцева (статьи, воспоминания, письма). — М., 1910.

² Гурко В. И. Черты и силуэты прошлого: правительство и общественность в царствование Николая II в изображении современника. — М., 2000.

³ ГАРФ. ДП ОО. 1901.

Виктор Кузьмич Кудрявцев

Аспирант кафедры истории социально-политических учений факультета политологии Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова¹

Молодежь, интеллигенция и власть в пореформенной России XIX века

Аннотация

Как показывают современные исследования, сущностной чертой российской интеллигенции была ее в разной степени выражаемая оппозиционность власти. При этом верноподданнические чувства, лежащие в основе политического умонастроения чиновной интеллигенции, резко контрастировали с умонастроениями других групп российских интеллектуалов. Желание Великой России, стремление ей служить — политико-культурный принцип, разделяемый всеми российскими интеллигентами, по-своему понимался и осознавался консервативным крылом российской интеллигенции.

Ключевые слова: интеллигенция, XIX века, пореформенная Россия.

Как показывают современные исследования, сущностной чертой российской интеллигенции была ее в разной степени выражаемая оппозиционность власти². Исповедуя ценности «хранительной» культуры³, включив в свои задачи содействие органическому развитию политической системы страны, русские консерваторы, с одной стороны, не могли и не хотели претендовать на звание «интеллигентов», с другой — именно они составили интеллектуальный круг людей — духовную элиту русского общества, сформулировавшую конструктивное видение исторической судьбы России, внесших огромный вклад, не оцененный по достоинству ни тогда, ни теперь, в формирование национального самосознания русского народа. Тогда как русская интеллигенция, ее радикально-революционная часть, в полной мере оправдала тезис о своей оппозиционности, сформировав особую политическую

---

¹ Научный руководитель: доктор политических наук, заведующий кафедрой истории социально-политических учений факультета политологии МГУ, профессор **Александр Андреевич Шириняц**.

² См.: *Шириняц А. А.* Вне власти и народа. Политическая культура интеллигенции России XIX — начала XX века. — М., 2002.

³ См.: *Шириняц А. А.* Хранительство как основание консервативной политической культуры интеллигенции (концепт русской монархии) // Вестник Московского университета. Серия 12 Политические науки, 2006. — № 4. *Он же.* Хранительство как основание консервативной политической культуры интеллигенции (опыт пореформенной России XIX в.) // Вестник Московского университета. Серия 12 Политические науки. — 2006. — № 2.

субкультуру нигилистического разрушения и нетерпимости, самоуверенности и нетерпения, доведя эту оппозиционность до логического завершения, в 1917 году разрушив как «базовый миф», так и политическую структуру православно-самодержавной России, русские «консерваторы» разделяли ценности монархического общественного строя. Все они желали его сохранения и укрепления. При этом явно или неявно, смутно или прямо в их работах выражались идеи об обновлении самодержавия, особое звучание приобретшие в период потрясений начала XX века. К этому времени консервативное крыло российской интеллигенции составляли в основном правительственные чиновники, духовенство, высшие офицеры российской армии. Конечно, среди них по своим политическим воззрениям были разные люди: от ярко выраженных «охранителей» типа князя В. П. Мещерского или К. П. Победоносцева до крайне умеренных монархистов, разделявших некоторые идеи конституционных демократов. Вполне понятно, что не всех их можно было с полным основанием отнести собственно к интеллигенции. Монархисты, или правительственный лагерь — это особая суть интеллигенции, которая была связана тесными узами с правящим классом. Это люди типа С. Ю. Витте, В. К. Плеве, П. Д. Святополк-Мирского, В. Н. Коковцева, П. А. Столыпина, которые, отнюдь не порывая связей с именитыми родственниками и влиятельной чиновнично-бюрократической средой, сознательно ратовали за проведение буржуазной трансформации страны во «всесловную монархию». При этом, естественно, при всех различиях в подходах к модернизации общества, все они стояли за сохранение основ самодержавия. Желание во что бы то ни стало спасти монархию побуждало эту часть интеллигенции требовать проведения хотя бы «косметического ремонта» ее фасада. Так, в предложениях П. Д. Мирского, направленных царю¹, на первое место ставилось укрепление законности, которая постоянно нарушается самой администрацией. Мирский считал, что надо преобразовать Сенат так, чтобы все «изъятия» из закона проводились только по его санкции, а не по воле отдельных бюрократов-сановников. Он считал, что необходимо создать объединенный Совет министров, который не только бы координировал, но и контролировал деятельность всех министров и правительственных учреждений. Мирский предлагал смягчить законы о печати, ослабить законы, связанные с административными высылками, обысками, увольнениями и т. п. В целях спокойствия в стране и укрепления власти самодержавного царя, он предлагал в состав Государственного совета и его департаментов ввести выборных от губерний, представляющих «коренную Русь».

Но даже эти явно верноподданнические предложения не могли повлиять на царя и его окружение. Царь был не в состоянии понять ни остроты соци-

---

¹ В ноябре 1904 г. П. Д. Святополк-Мирский представил Николаю II доклад, в котором предлагал провести ряд реформ либерального толка. Центральным пунктом этой программы было предложение допустить выборных представителей к участию в законосовещательной деятельности.

ально-экономического и политического кризиса в стране, ни осознать необходимость перемен и обновления абсолютистской системы. Царь и его окружение видели лишь один путь — это только укрепление и только усиление (без послабления) самодержавия, которое по их убеждению полностью соответствовало требованиям и помыслам русского народа и всецело, якобы, им поддерживалось. Только с нарастанием революции царь вынужден был пойти на некоторые, в общем-то микроскопические, уступки. Была введена законодательная Дума, однако правительство должно было по-прежнему быть ответственным только перед царем, назначаться и смещаться только им. Дума могла сколько угодно «печь» законы, но реальная власть оставалась у самодержавия, поскольку эти законы утверждались сначала Государственным советом, а затем царем. Были провозглашены царским Манифестом политические свободы, но осуществлялись они в усеченном виде. Поэтому не было полного прекращения репрессий, не было амнистии всем политическим заключенным, а все свелось лишь к некоторым ограничениям насильственных мер против действий, которые явно не угрожали ни обществу, ни государству. Будораживший Россию аграрный вопрос, его решение в ходе столыпинских реформ по сути свелось к безусловному сохранению помещичьего землевладения. Реформа Столыпина способствовала переселению «излишков» крестьянского населения на свободные земли Сибири и Алтая и т.д., тем самым способствуя слову общин — с одной стороны и возвышению «сильного» мужика — опоры самодержавия — с другой. Эта реформа несомненно несла социальный мир в деревню, поскольку уравнивала помещичье землевладение и крепкое индивидуальное крестьянское хозяйство. Она как бы давала шанс крестьянам (естественно, всем тем, у кого имелись возможности) стать собственниками земли, но на свободных территориях. Тем самым реформа способствовала устранению потенциальной безземельной силы, готовой в любой момент сокрушить и помещиков, и их более удачливых сообщников-сельчан. Тактика лавирования царизма, свидетельством чему являются столыпинские реформы, отнюдь не смогла приостановить размах революционного движения, ибо самодержавие не решило ни одной из кардинальнейших проблем страны. Более того, эти проблемы, наслаиваясь одна на другую, все более и более вели к тому, что правительственная власть становилась бессильной. Новая революция была неизбежна.

В этой связи и интеллигенция, группировавшаяся вокруг правительства, царя и его окружения, разделила их судьбу. Очень немногие, как например, А. С. Суворин — влиятельный журналист и издатель, могли все же понять, что самодержавие стало давно фикцией. Характерна запись в его дневнике: «Государь сам находится во власти других, во власти бюрократии и не может из нее вырваться. Если семья гнетет иногда своего бессильного главу, то глава империи, в которой произволу столько, и по давню находится под этим гнетом. Бедовое у нас дело»¹. Показательна политическая психология этих

---

¹ Суворин А. Дневник. — М., 1992. — С. 380.

людей. Даже признавая, что самодержавие стало фикцией, они до конца своих дней защищали его «олицетворение» — царя. Суворин пишет в своем дневнике: «Можно спросить: есть ли у правительства друзья? И ответить совершенно уверенно: нет. Какие же могут быть друзья у дураков и олухов, у грабителей и воров»¹. В. Н. Коковцев, будучи председателем Совета министров и делая все возможное на своем посту, чтобы защитить монархию, обвинял во всех бедах Думу, называя её зловещим «революционным скопищем», использующим любой повод для дискредитации царя и правительства².

Таким образом, верноподданные чувства, лежащие в основе политического унастроения чиновной интеллигенции, резко контрастировали с унастроениями других групп российских интеллектуалов. Верноподданные чувства — это определенная линия политического поведения и сознания этих людей. Она могла быть выражена словами, сказанными П. А. Столыпиным в одном из своих выступлений перед Думой: «Вам нужны великие потрясения. Нам же нужна Великая Россия». Великая же Россия для этих людей была немыслима без ее великой истории, без ее традиций, в том числе и такой, освященной историей традиции, как самодержавное политическое устройство. Именно желание Великой России, стремление ей служить — политико-культурный принцип, разделяемый всеми российскими интеллигентами, но, как видим, по-своему понимаемый и осознаваемый консервативным крылом российской интеллигенции.

Алина Фёдоровна Кулясова

Студентка кафедры истории социально-политических учений факультета политологии Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова³

В поисках утраченной души: литературная утопия индустриальной эпохи

Аннотация

В статье автор рассматривает на конкретном примере — романе Уильяма Морриса «Вести ниоткуда» — литературную утопию как один из жанров в области социально-политической мысли девятнадцатого века, нехарактерный для общей тенденции той эпохи.

Ключевые слова: литературная утопия, Уильям Моррис, Эдвард Беллами.

---

¹ Там же. — С. 392.

² См.: Коковцев В. Н. Из моего прошлого. — М., 1991.

³ Научный руководитель: кандидат исторических наук, доцент кафедры истории социально-политических учений факультета политологии МГУ Кирилл Михайлович Андерсон.

Прежде чем отправиться на поиски утраченной души XIX века, а если выражаться не так поэтично — поговорить о литературной утопии индустриальной эпохи, я попрошу читателя обратиться к своей фантазии и представить XIX век в виде... слоеного пирога.

Разрежем же этот пирог.

Экономический слой показывает нам, что в ведущих странах мира идёт бурное развитие промышленности. В производство внедряются различные технологии. Повышается производительность труда. Рынок контролируют монополии, за которыми стоит малая горстка буржуазии.

Социальный слой показывает нам, что жизнь становится преимущественно городской и значительную роль в ней начинают играть машины. Основная часть населения — рабочие, положение которых крайне тяжелое и они вынуждены вести борьбу за собственное существование.

Научный слой показывает нам, что в эту эпоху господствует позитивизм — теория, согласно которой подлинным знанием может считаться только эмпирическое знание. Происходит ряд важнейших открытий: электричество, закон сохранения и превращения энергии; появляются эволюционная теория Ч. Дарвина, клеточная теория М. Шлейдена, теория относительности А. Эйнштейна и квантовая теория М. Планка. Материальный мир возвышается до небес.

И, наконец, слой социально-политической мысли показывает нам следующее: господство рациональных, прагматических учений, которые постепенно приобретают научную форму. В начале девятнадцатого столетия это социалистические идеи Р. Оуэна, Ш. Фурье, Сен-Симона, которые выражены в форме проектов. К середине XIX века это материалистическое учение К. Маркса и Ф. Энгельса, говорящее на языке фактов и использующее научные методы в социально-политической мысли.

И вдруг среди всего этого научного материалистического представления на сцену снова выходит литературная утопия. Она обращается скорее к сердцу, нежели к разуму. Она более эмоциональная, нежели логичная. Можно сказать, она как голос души в *материальном* теле девятнадцатого века.

Почему так произошло? Почему в области социально-политической мысли активизируется литературный жанр, не соответствующий тенденциям эпохи, рисующий образ совершенного человеческого общества и идеального будущего?

Давайте попробуем понять это на конкретном примере — утопии Уильяма Морриса «*Вести ниоткуда*»¹.

Роман был издан в Англии в 1891 году в ответ на утопию американца Эдварда Беллами «*Оглядываясь назад*».

Сюжет «*Оглядываясь назад*» весьма прост: молодой человек по имени Юлиан Вест, состоятельный житель Бостона конца XIX века впадает однаж-

---

¹ Morris W. Selected writings and designs. — Suffolk, 1962. — P. 183–301. Моррис У. Вести ниоткуда. Утопия. — М., URSS, 2009.

ды в летаргический сон и пробуждается только в 2000 году. За сто лет мир успеваеt измениться кардинально, все проблемы XIX века решены: в новом обществе царит справедливость и равенство, каждый участвует в производстве общественных благ, и каждый получает одинаковую долю за свой труд. Общество превращается в единый промышленный синдикат, мощную машину, принадлежащую всей нации и приводимую в действие всей нацией. В целом, идеальный мир Беллами — это, в первую очередь, комфортный мир. Отлаженное производство, отлаженный механизм городской асфальтированной жизни, отлаженный быт — телефон, радио, доставка продуктов в каждый дом. И все счастливы. Одним словом, материя определяет сознание. Не случайно Беллами называют домарксистским марксистом в Америке.

Утопия «Оглядываясь назад» имела колоссальный успех. Однако, на одного из читателей роман оказал особое воздействие, и он просто не мог промолчать — настолько взгляды автора на идеальное будущее расходились с его собственными! Этим читателем был Уильям Моррис.

Нет, Моррис не отрицает значение материальных условий, в которых живет человек. Он, в отличие от Беллами, читал труды Маркса и сам себя называл ярким коммунистом. Однако путь к освобождению человека, к достижению всеобщего счастья ему представляется совершенно иным, нежели Беллами. Как, впрочем, и само счастье.

Ответить американцу журнальной статьей было бы недостаточно, поэтому Моррис пишет ответную утопию.

Главный герой «Вести ниоткуда» — житель Лондона, и ему, как и Моррису в момент написания книги, 56 лет. Однажды, вернувшись домой после очередного собрания Социалистической Лиги (членом которой Моррис был в реальной жизни) и устав от бесконечных жарких споров о грядущем, он засыпает тревожным сном и просыпается уже в незнакомом прекрасном мире. В течение нескольких дней героя ждёт путешествие по удивительно красивой и благоухающей Англии и знакомство с ее жителями.

Как и любая утопия, «Вести ниоткуда» отзеркаливает проблемы создавшей её эпохи. Всё более усиливающееся материальное неравенство и социальная несправедливость — вот с чем, как и Беллами, борется Моррис. Жители его новой Англии освобождены из-под тяжелого экономического гнета, в обществе царят достаток и изобилие.

Однако для достижения подлинного счастья одного этого недостаточно. Необходима перемена в самой человеческой природе. В романе Морриса такое изменение происходит за счет изменения отношения человека к труду — отныне он воспринимается как высшая форма наслаждения. И здесь следует выделить такую важную функцию утопии, как прогностическая. Моррис предупреждает, что недостаточно обеспечить каждого работой и равной долей получаемых благ, как поступает Беллами. Недостаточно просто избавиться от страхов и бед, сковывающих человека сегодня. Он сам должен стать другим, чтобы быть действительно счастливым. Другого пути достичь гармонии и стабильности в обществе не существует.

Путь же капитализма ведет человечество в тупик, общество впало в бесконечный круг производства и потребления: «Ни достижения науки, ни гигантская система фабрик и рынков не способны породить настоящее благосостояние... Лучше не станет, будет лишь больше траты. Траты материала, траты труда. Траты, одним словом, Жизни»¹. Моррис призывает вернуться к средневековым идеалам, считает, что именно там осталась душа и счастье человека. А счастье человека в том, что он — Творец, а его жизнь становится искусством.

Машины, без которых нельзя представить 19 век, лишают человека Творчества. Моррис предчувствует угрозу стандартизации человека. Он превращается в безликий винтик машины. Счастья при таком раскладе быть просто не может. Поэтому в идеальном обществе Морриса распространен ручной труд. Каждый, будучи ремесленником, технологом, конструктором и художником в одном лице, возвышается до уровня Творца.

Если возвращаться к Беллами, то в его будущем обществе человек счастлив, потому что не испытывает материальной нужды, получает такой же как и все кредит и волен покупать на него все желаемые предметы. По сути, он простой потребитель материальных благ и выражает себя через материальные же блага.

Но не превратится ли всё это в конце концов в общество людей со стандартными мечтами? Поэтому Моррис призывает к творчеству в жизни, как главному ее смыслу. Поэтому будущая Англия Морриса — это цветущий сад. Поэтому люди в новом обществе Морриса — соседи и друзья, а не граждане государства. Поэтому искусство у Морриса не опускается до уровня функции. У Беллами если человек хочет послушать концерт, он просто нажимает на кнопку и комната наполняется музыкой. У Морриса же люди собираются вместе и поют. Он возвращает душу в машину, в систему.

Утопия Морриса играет роль музыки, вдохновляет людей, дает им идеал, — то есть несет мощную **мобилизационную** силу. Маркс и Энгельс разработали учение о коммунистическом обществе, указали направление движения. Моррис же нарисовал яркую картину желанного будущего. Вместе с романом «Вести ниоткуда» читатель проникается духом коммунизма и начинает понимать, что именно есть свобода, равенство и братство.

На мой взгляд, в этом и заключается главная миссия литературной утопии — давать человеку идеал, мечту. Мечту, которая поселится в его душе. Именно этого стало не хватать индустриальной эпохе, которая имела дела с фактами и материей.

В заключении хотелось бы сказать несколько слов о самом Уильяме Моррисе. Автор «Вестей ниоткуда» был одним из величайших фигур Викторианского века, который с его грязью и социальной несправедливостью он совершенно ненавидел и еще в юном возрасте объявил ему войну. Поэт, писатель, политический мыслитель и публицист, архитектор, дизайнер и ус-

---

¹ *Morris W. Selected writings and designs. — Suffolk, 1962. — P. 305–306*

пешный бизнесмен. Это не семь разных людей, это всё — одна, действительно уникальная личность Уильяма Морриса. Бернард Шоу в свое время написал так: «Он (Моррис) возвышается высоко и высоко на горизонтом и над всеми теми его современниками, которые были широко разрекламированы, но в итоге канули в лету»¹

Екатерина Леонидовна Лукиенко

Аспирант кафедры истории социально-политических учений факультета политологии Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова²

П. И. Новгородцев как представитель «нового либерализма» в России

Аннотация

Статья посвящена анализу творчества одного из ведущих представителей «нового» либерализма в России П. И. Новгородцева. Рассматриваются сущность, основные идеи и принципы теории неолиберализма в работах мыслителя.

Ключевые слова: П. И. Новгородцев, «новый либерализм», неолиберализм, право на «достойное человеческое существование», правовое государство.

Сегодня вновь стали актуальны дискуссии об оптимальной степени государственного участия в экономической и политической жизни страны. Несомненный интерес в данном отношении представляет анализ российской социально-политической теории «нового» либерализма, ярко представленной в творчестве Павла Ивановича Новгородцева (1866–1924 гг.).

Выдающийся правовед, активный участник политической и общественной жизни (один из основателей и лидеров Конституционно-демократической партии, член I Государственной Думы) Новгородцев входит в число ведущих представителей российского «нового» либерализма.

«Новый» либерализм, представляющий синтез идей классического либерализма и социализма, сформировался в России в начале XX в. К числу наиболее заметных теоретиков «нового» либерализма относят С. И. Гессена, Б. А. Кистяковского, М. М. Ковалевского, Н. И. Кареева, Л. А. Петражицкого, С. А. Котляревского.

По свидетельству Новгородцева, либерализм начала XX в. уходил от классической модели и все в большей мере включал тезисы социалистиче-

---

¹ Arnot R. P. William Morris the man and the myth. — London, 1964. — P. 7.

² Научный руководитель: кандидат политических наук, доцент кафедры истории социально-политических учений факультета политологии МГУ **Дмитрий Васильевич Ермашов**.

ской программы: развитие социальной ответственности государства, социальной поддержки граждан. Мыслитель утверждает, что к началу века «в практике современного государства границы либерализма и социализма стираются... в осуществлении очередных жизненных задач их пути сближаются, как бы далеко не расходились они в исходных основаниях и конечных идеалах»¹.

Новгородцев отмечает, что направления политической мысли сблизились, претерпев значительные изменения. Так, социализм, по его утверждению, «отрекся» от марксизма², либерализм отказался от узкого и отвлеченно-формального понимания свободы. На пересечении двух направлений сформировался «новый» либерализм. Он не ограничивался формальной декларацией прав личности, утверждал необходимость государственного обеспечения возможности их реализации, посредством социальных реформ.

Неолиберализм, по Новгородцеву, разделял основной принцип правового государства — ограничение власти, признание за личностью неотъемлемых, ненарушаемых прав. Однако он привнес в теорию правового государства идею социальной ответственности, обосновывающую более активное государственное вмешательство в жизнь общества.

В связи с очевидным влиянием социализма на теорию «нового» либерализма большинство противников направления упрекали его в эклектичности, в смешении идей классического либерализма с требованиями его критиков. Стоит отметить, однако, что в социально-политическом учении П. И. Новгородцева (и в «новом» либерализма в целом) социализация государства представлена в качестве расширения прав человека.

Значительное влияние на теорию «нового» либерализма П. И. Новгородцева оказали идеи Вл. Соловьева. Он первым в отечественной мысли сформулировал тезис о «праве человека на достойное существование». Новгородцев развил и дополнил идеи Соловьева, сделав право на «достойное человеческое существование» одним из основополагающих тезисов теории «нового либерализма».

Под правом «на достойное существование» Новгородцев подразумевает обязанность государства по созданию необходимых условий для полноценной жизни человека, «отрицание тех условий, которые совершенно исключают возможность достойной человеческой жизни»³.

Утверждая необходимость законодательного оформления принципа социальной ответственности государства, мыслитель вступает в полемику с представителями школы классического либерализма, в частности, Чичериным. Новгородцев критически характеризует положения либерализма о формальной охране свободы. Для реализации права, по его мнению, недос-

---

¹ Новгородцев П. И. Об общественном идеале. — М., 1991. — С. 514–515.

² Там же. — С. 514.

³ Новгородцев П. И. Право на достойное человеческое существование // Общественные науки и современность. — 1993. — № 5. — С. 127.

таточно лишь формального закрепления, необходимо соблюдение материальных условий свободы, «без этого свобода некоторых может остаться пустым звуком, недостижимым благом, закрепленным за ними юридически и отнятым фактически».¹ Осуществление материальных условий для реализации законодательно закрепленных за гражданами прав и свобод, по утверждению Новгородцева, должно входить в сферу ответственности государства.

Отличительной чертой «нового» либерализма, проявившейся и в социально-политической теории П. И. Новгородцева, было пристальное внимание к праву. Общим для представителей «нового» либерализма является приоритет права над государством. Согласно их позиции, право должно быть автономной сферой, независимой от государственной власти и проводимой государственной политики. По мнению А. Валицкого, представители «нового» либерализма были едины в своем противостоянии всем формам правового позитивизма.² Правовой позитивизм, выводящий власть за рамки закона, по их предположению, открывал путь тирании. В противовес позитивистскому представлению о праве как об инструменте, неолибералы рассматривали метафизические и аксиологические аспекты закона.

Согласимся с утверждением А. Валицкого, согласно которому, принципы «нового» социального либерализма, не являлись уступкой политике государственного вмешательства, благодаря верховенству закона.³ Новгородцев отстаивал модель общества, связанного правом, в противоположность обществу, связанному властными отношениями и подчиненному целям политической власти.

Положения социально-политической теории «нового» либерализма П. И. Новгородцева о необходимости защиты объективных социальных прав личности, обеспечении «права на достойное существование», приоритете правозаконности над политической властью по-прежнему актуальны и представляют высокий интерес для современной политической практики.

Библиография

1. *Валицкий А.* Интеллектуальная традиция дореволюционной России // Общественные науки и современность. — 1991. — № 1.
2. *Валицкий А.* Нравственность и право в теориях русских либералов конца XIX — начала XX века // Вопросы философии. — 1991. — № 8.
3. *Новгородцев П. И.* Об общественном идеале. — М., 1991.
4. *Новгородцев П. И.* Кризис правового сознания. — М., 1909.
5. *Новгородцев П. И.* Идея права в философии Вл. Соловьева. — М., 1901.

---

¹ *Новгородцев П. И.* Право на достойное человеческое существование // Общественные науки и современность. — 1993. — № 5. — С. 127.

² *Валицкий А.* Интеллектуальная традиция дореволюционной России // Общественные науки и современность. — 1991. — №1. — С. 157.

³ *Валицкий А.* Нравственность и право в теориях русских либералов конца XIX — начала XX века // Вопросы философии. — 1991. — № 8. — С. 30.

Николай Петрович Мартыненко

Доктор философских наук, профессор кафедры истории социально-политических учений факультета политологии Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова

Социальная функция знаков

Аннотация

Рассматривается проблема знака в контексте его социальной функции.

Ключевые слова: знаки, социальная функция знаков.

Историческое развитие цивилизаций трудно представить без фиксации, сохранения, преумножения и передачи из поколения в поколение информации, составляющей основу существования человеческого общества. Важнейшее значение при этом играли системы письма. Они появлялись во многих ранних городах-государствах — крупных поселениях, становившихся центрами развития ремесел, торговых отношений, социальных институтов власти (религиозной, военной, административной).

Изучение истории формирования систем письменности по мере новых археологических открытий указывает на существование в древности большого количества самобытных систем фиксации и трансляции информации, возникавших в разных географически удаленных регионах. На Ближнем и Дальнем Востоке, в Южной Азии, на Африканском и Американском континентах. Все эти цивилизации породили оригинальные системы письменности — одно из наиболее значимых человеческих изобретений с точки зрения трансляции культурных достижений. Множественность ранних систем письма дает основание рассматривать их появление как закономерный итог развития человеческого общества на определенной стадии исторического развития — формирования древнейших цивилизаций.¹

Будучи объективирован, выведен наружу, процесс символического мышления с созданием системы знаков и символов дал новые возможности для осмысления мира, выработки форм поведения. Развитие принципов символической фиксации информации привело к возникновению обобщенных

---

¹ *Мартыненко Н. П.* Культура как превращение знаков — вэньхуа. Том первый: Культурогенез. — М.: Социально-политическая мысль. 2006. — С. 423–466. *Мартыненко Н. П.* Эволюция знакового кода: от пиктографии к системе иероглифического письма // Личность, Общество, Культура. — Т. VIII. Вып. 2 (30). — М., 2006. — С. 274–282.

знаковых моделей действительности. Так возникали «резервуары коллективной памяти», воплощающиеся в системах представления информации: в предметном письме и скульптуре, рисунках, иероглифах и знаках фонетического письма; в жестах и поведении: в ритуалах и обрядах; в звуке: в мифах и музыке. Знаки функционируют в синкретическом контексте, объединяются в сложные комплексы знаково-символической деятельности, возникшие в процессе обобщения жизненного опыта индивидуумов. Жизненный опыт фиксировался, транслировался из поколения в поколение, становился достоянием многих людей. Так развивались формы символического поведения, ставшие способами трансляции информации и объединения людей.

Как писал Ю. М. Лотман, до появления письменности в памяти народов сохранялось лишь то, что проходило цензуру «коллективной памяти» и включалось в традицию. Возможность письменной фиксации мысли изменила статус отдельной личности и открыла двери перед индивидуальным творчеством. Следствием этого стало открытие эры индивидуального творчества, обусловившее радикальные изменения самого типа культуры. С появлением письменности изобретение становится повседневным фактом, что резко сказывается на увеличении скорости исторического процесса.¹ Древнейшие государства стали колыбелью многих достижений человеческого разума. Появление систем знаков письма способствовало также развитию аппарата управления, сделав осуществимыми грандиозные предприятия по строительству храмов, возведению городских стен и других масштабных сооружений. Факт синхронного появления древнейших цивилизаций и систем знаков письма может служить указанием на определенную закономерность в развитии человеческих популяций, тесно связанную, помимо прочего, и с развитием знаковых систем. Поэтому достижения человечества в общественной жизни можно увязать и с формированием систем письменных знаков. Выработанные в течение тысячелетий формы поведения людей не исчезают бесследно, а продолжают существовать в качестве своеобразного культурного кода, наподобие того, как генетический код людей продолжает сохранять характеристики его биологических предшественников. Таким образом, культурный код, воплощающий в себе историю развития народов, можно сравнить с кодом генетическим, который несет в себе историю эволюции вида. В свою очередь, знаковый код выступает средством интеграции и регуляции человеческих популяций и, в определенном смысле, является новым принципом биологической эволюции. Культура, выражаемая в знаках, это новый тип фиксации и передачи адаптивной информации, а также система ее отбора и развития, функционально предназначенная для выживания человеческих популяций. Следовательно, культуру можно рассматривать как сверхорганизм и (или) как форму, обслуживающую адаптивные потребности человеческих популяций. Количество всевозможных знаков в культуре (куль-

---

¹ Лотман Ю. М. Технический прогресс как культурологическая проблема. // Семиосфера. — СПб: «Искусство — СПб», 2004. — С. 623–624.

турах) как системе знаков сопоставимо с количеством «знаков» в бинарной пепочке ДНК.

Аналогично эволюции биологических систем, в человеческой культуре наблюдается постепенное увеличение знаков и их развитие от простого к сложному. Примером может послужить история развития монетарного обращения. Уже древнейшие бусины из скорлупы яиц и раковин моллюсков функционально использовались в системе социального взаимодействия. Таким образом, первоисточки монетарной системы обращения восходят к самым ранним этапам развития человечества, не теряя, а только увеличивая свое значение сегодня. Там, где есть значение, можно говорить о знаке. В данном случае о знаке всеобщего товарного эквивалента. В настоящее время эти знаки получают разные формы: круглых монет и бумажных банкнот, в новейшую эпоху информационных технологий появились и их электронные эквиваленты. Эти знаки вовлекают человечество во все более глобальные сети социального взаимодействия, которые проделали колоссальный путь развития. Отсчет их развития можно вести от бушменской сети дарообмена и ее прообраза, объективированного артефактами, найденными в культурных слоях, датирующихся периодом свыше ста тысяч лет. Данные системы взаимодействия, неотъемлемым элементом которого являются и знаки определенного типа, с самого раннего периода истории стали важнейшим принципом стратегий выживания человеческих популяций и социального развития общин¹. Длительная история формирования средств монетарного обращения является яркой иллюстрацией непрерывности и всеохватности истории развития знаковых средств в процессе интеграции человеческих популяций.

Наилучшим примером уровня развития и сложности современных знаковых систем является глобальная сеть коммуникации — Интернет. Фундаментальный уровень данной знаковой системы сводится к простому двоичному коду, но на выходе люди получают все менее ограниченное разнообразие возможностей сохранения и трансляции информации. Достижения современного прогресса приводят к футуристическим прогнозам вероятности дальнейшего самостоятельного развития знаковых систем на базе электронно-вычислительных технологий при отсутствии принципиальной необходимости дальнейшего участия человека в данном процессе. Дальнейшее развитие человека современного анатомического типа проявляется скорее в изменении его культурно-обусловленных — знаковых форм поведения, а не в био- физиологическом плане. Данное обстоятельство актуализирует интересный вопрос — собственно говоря, что при этом эволюционирует — человек (человечество) или только сопутствующее его жизнедеятельности увеличение количества и функций знаков?

---

¹ Мартыненко Н. П. Культура как превращение знаков — вэньхуа. Том первый: Культурогенез. — М., 2006. С. 230–246; 255–260.

Томаш Матленгевич (Tomasz Matłęgiewicz)

Старший преподаватель кафедры истории русского языка и диалектологии факультета филологии и журналистики Поморского государственного университета им. М. В. Ломоносова (Архангельск), магистр юридического и исторического факультетов Университета им. Адама Мицкевича (Uniwersytet im. Adama Mickiewicza), Познань (Poznań), Республика Польша (Rzeczpospolita Polska)

Славянская идея в Царстве Польском. Политическая мысль Станислава Стащица

Аннотация

После Венского Конгресса возникло Царство Польское объединено с Россией на основе личной унии. Польские элиты должны были переосмыслить отношения с Петербургом. Важную роль в культурной и политической жизни Царства Польского играл Станислав Стащиц, председатель Общества Друзей Наук в Варшаве. Он создал идею, которая должна была способствовать сближению поляков и русских, а в будущем всех славян. Это был своего рода панславизм, направленный на создание польско-русского (а в перспективе славянского) государства, подобного греко-римской империи.

Ключевые слова: Славянская идея, политическая программа, Станислав Стащиц, Царство Польское.

Королевство (Царство) Польское, возникшее в 1815 году в результате решений Венского Конгресса, было объединено с Россией на основе личной унии. Польским королём стал царь Александр I. Эта новая политическая ситуация требовала от польской элиты переосмысления отношений с Россией. Главнейшие её представители были членами Общества Друзей Науки в Варшаве, которого председатель Станислав Стащиц, являлся выдающимся философом и политиком того времени.

Он считал звеном, которое может связать поляков и русских, распространение славянских идей, что было связано с поиском элементов объединяющих славянские народы и славянского наследия в их истории. Эти идеи появлялись в польской литературе и науке уже в XVIII веке в связи с развитием славяноведения.

Поляки, лишённые в итоге разделов Речи Посполитой, собственного государства, хотели таким способом сыграть большую роль в славянском мире, подготавливая его объединение. Отсутствие собственного государства способствовало большому интересу к ближайшим народам. Политическая мысль Стащица опирающаяся на достижения эпохи Просвещения, не идеализировала прошлого и была лишена мистицизма.

Она была обращена к будущему, являясь цельной рациональной политической программой, в которой проявлялись элементы, которые можно назвать панславистскими. Свое политическое мышление Сташиц выразил, в работах: *Мысли о политическом равновесии в Европе* (1815), политическом завещании *Последние мои слова к соотечественникам* (1816) и историософской поэме *Человеческий род* (1796–1819).

Сташиц отрицал существование в Европе политического равновесия. Основой для такого мнения послужили для него события, произошедшие в течении XVIII века — падение Речи Посполитой и появление новых держав: России и Пруссии. Отсюда он сделал вывод, что государства — это временные, недолговечные политические явления, которые не играют большой роли в историческом процессе. Подобная временность касается также народов, которые Сташиц определил как общины, как политического, так и этнического характера.

Действительными субъектами истории Сташиц считал общины высшего ранга, которые называл «племенами», являющиеся группами народов. По его мнению, в Европе существовали три такие группы — народы латинские, германские и славянские.

Вопрос России Сташиц решал однозначно — как славянская страна (включая даже зауральские территории), принадлежавшая одному из конституирующих Европу «племён», она является частью Европы.

Не придавая народам особого значения, Сташиц на много больше занимался проблематикой этих больших общин. Они, как создания Натуры (силы, которая, по его мнению, ведёт исторический процесс), представляли собой постоянные, неизменяемые целостности. Из них появлялись на время народы и государства и в них же потом исчезали. Существенный для историософии вопрос соотношений между народом и «племенем» Сташиц решал в пользу высшей общины. Тогда что связь с «племенем» более важна, чем связь с конкретным народом. Такой вывод лёг у основ общеславянской политической программы.

Сташиц думал, что согласно приказам Натуры все «племена» стремятся к объединению. Даже разделение их на отдельные народы (нормальное, по сути, историческое явление) поддерживает это процесс.

Взаимная конкуренция разных стран ускоряет цивилизационный прогресс.

Возникновение многих народов служит выделению среди них того, который возглавит процесс объединения данного «племени». Создание постоянного соединения не удалось до сих пор ни латинским, ни германским народам.

Сташиц считал, что руководить этим процессом должны славяне. Способствовать этому могут: черты славянского характера, сходство языков, похожий уровень цивилизации и религия — православие, которое соединило тогда духовную и мирную власть в одно целое. Политическая гегемония в общеславянском государстве принадлежала бы России.

В её пользу Натура решила долгую польско-русскую борьбу за первенство в славянском мире и оба этих народа уже могут жить в мире. Польша сохранила бы своё большое значение, но преимущественно в области культуры, благодаря её расцвету в эпохе Просвещения. Между Польшей и Россией нет исторического противостояния, наоборот — они дополняют друг друга. От сближения поляков и русских должно начаться объединение всех славян, причём путём не завоевания, а мирного соединения. Каждый народ должен сохранять максимально широкую автономию в области собственных прав, законов, систему образования и обычаев. В результате этого процесса появилась бы своего рода славянская федерация с внутренним строем конституционной монархии. Она стала бы гарантом постоянного мира в измученной войнами Европе.

Началом славянского федерализма была, по мнению Сташица, уния, соединяющая Королевство (Царство) Польское и Россию. Он подчёркивал, что это уния должно послужить примером мирного развития и сотрудничества обоих народов, предупреждая русских словами: «поляки не способны быть вашими рабами, но готовы стать вашими братьями»¹.

Этому процессу могла способствовать также политика, которую вёл Александр I по отношению к новым подданным, выступая как законный король, а не завоеватель. Особенно позитивным фактором Сташиц считал развитие образования, усматривая в нём возможности сближения обоих народов, к которым обращался с призывом «Соединяйтесь и просвещайтесь!»².

Он считал, что Россия будет дальше вести славянскую политику (так, как он это представлял), а заодно реформироваться в конституционном духе. Сташиц надеялся, что возможно гармоничное существование польско-русского государства, как Греко-Римской Империи в античные времена. Смерть царя Александра I в декабре 1825 года и скоро Станислава Сташица (январь 1826) сокрушили эти мечты.

Следующие годы принесли рост национализма у обоих народов, восстания и репрессии, которые в итоге полностью изменили их взаимоотношения.

Библиография

1. *Первольф И. И.* Император Александр I и славяне // Древняя и Новая Россия. — 1877. — № 12.
2. *Францев В. А.* Польское славяноведение конца XVIII и первой четверти XIX ст. — Прага Чешская, 1906.
3. *Klarnerowna Z.* Slowianofilstwo w literaturze polskiej lat 1800 do 1848. — Warszawa, 1926.
4. *Staszic St.* Dzieła: В 9 т. — Warszawa, 1815–1820. Т. 4.

---

¹ *Staszic St.* Ostatnie moje do spółrodaków słowa // Dzieła. Tom 4. — Warszawa, 1816. — С. 15.

² Там же. С. 16.

Анна Валериевна Мыркова

Кандидат политических наук, доцент кафедры истории социально-политических учений факультета политологии Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова

Печать и власть: Ф. И. Тютчев о свободе слова

Аннотация

В статье дается краткая характеристика отношения Ф. И. Тютчева к свободе слова и печати в 60-е годы XIX века.

Ключевые слова: Ф. И. Тютчев, печать, цензура, свобода слова, свобода мысли.

Не повторяя пути, пройденного в предшествующих исследованиях творчества Ф. И. Тютчева, остановимся лишь на одном аспекте темы «печать и власть» — тютчевской характеристике «свободы слова».

В своей защите свободы слова он исходил из того, что общественное мнение, которое выражает и одновременно формирует периодическая печать и книгоиздание, не должно испытывать цензурного гнета, власть не должна вмешиваться в дела печати. Принципиальным убеждением Тютчева в его представлениях о взаимоотношении власти и печати было не раз высказываемое им положение о том, что «правительственные люди — не только у нас, но везде — только к тем идеям имеют уважение, которые без их разрешения, без их фирмы гуляют себе по белому свету... Только со *Свободным* словом обращаются они, как взрослый с взрослым, как равный с равным»¹.

1 сентября 1865 года вступил в действие закон о печати, утвержденный 6 апреля. Тогда же начал действовать новый Совет Главного управления по делам печати, в состав которого входил Тютчев. Закон 6 апреля предусматривал для периодических изданий отмену предварительной цензуры с заменой ее последующей цензурой карательной: министр внутренних дел получал право объявлять «предостережение» тем изданиям, в которых Совет по делам печати усматривал «вредное направление»; третье предостережение служило основанием для приостановки издания на срок до шести месяцев или для ходатайства перед Сенатом о его прекращении. Так называемая система предостережений (т. е. карательная цензура) по отношению к периодическим изданиям, введенная законом от 6 апреля 1865 года, была заимствована из французского законодательства о печати, принятого в 1852 году (в 1865 году во Франции эта система фактически перестала применяться, а в 1867 году была упразднена юридически).

---

¹ Тютчев Ф. И. Письма к московским публицистам. М. П. Погодину. 1854–1872. 3. С.-Петербург. 13 октября 1857 // Литературное наследство. Т. 97. Федор Иванович Тютчев. Кн. первая. — М., 1988. — С. 423.

Тютчев как принципиальный сторонник «свободы мысли и слова» и противник правительственного произвола в делах печати протестовал против введения французской системы предостережений еще в сентябре 1858 года, когда эта идея была высказана впервые,¹ очень резко оценивал этот «плагиат» русских властей, называя «французским водевилем».

В письме М. Н. Каткову 13 октября 1865 года Тютчев писал: «Вы знаете, я вовсе не сторонник нашего нового устава о печати. Все эти заимствования иностр [анных] учреждений, все эти законодательные французские водевили, переложенные на русские нравы, мне в душе противны — все это часто выходит неловко и даже уродливо».² Здесь же Тютчев пытается объяснить Каткову, но прежде всего самому себе, целесообразность этого шага правительства, рассчитывая собственным «разумным» и «искренним» словом расположить Совет «в пользу разумного, добросовестного образа действий», тем самым «одолеть и преобразить букву», полицейский характер нового закона о печати: «Заняв у современной, наполеоновской Франции главные основы нашего устава о печати, нам предстоит для его применения две дороги — два совершенно противоположных образа действия — или применять его в смысле французской же практики — в смысле полицейско-враждебном к свободе мысли и слова, или ... смотреть на нынешний устав как на нечто *переходное* — временное, — имеющее своею настоящею целью вести русскую печать от ее прежней бесправности — к полноправию закона, со всеми его необходимыми гарантиями — и с этой-то точки зрения и отправления относиться к той огромной силе произвола, которая нами усвоена правом предостережения».³

Однако очень скоро иллюзии его в отношении возможности воздействовать на Совет развеялись. Тютчев убедился, что применение закона 6 апреля приобрело именно «полицейские» тенденции: в течение первых трех месяцев его действия было объявлено пять предостережений изданиям самых разных направлений. Уже в декабре Тютчев доказывал министру внутренних дел П. А. Валуеву, что «репрессивная система, принятая им, ни к чему хорошему не приведет», и «с негодованием рассказывал ... о Совете, от участия в делах которого он решительно отказался».⁴

В письме к И. С. Аксакову 8 декабря 1865 года Тютчев, критикуя «нравственные чудовищности и вопиющие нелепости», абсурдность «бестолковой подражательности» пересадки на русскую почву французской системы предостережений, которая «присвоила себе безграничную юрисдикцию по всем

---

¹ См.: *Никитенко А. В.* Дневник. — В 3 т. — Т. 2. — М., 1955. — С. 37.

² *Тютчев Ф. И.* Письма к московским публицистам. М. Н. Каткову. 1863–1867. 5. — С.-Петербург. 13 октября 1865 // *Литературное наследство.* — Т. 97. Федор Иванович Тютчев. Кн. первая. — М., 1988. — С. 418.

³ *Тютчев Ф. И.* Письма к московским публицистам. М. Н. Каткову. 1863–1867. 5. С.-Петербург. 13 октября 1865 // *Литературное наследство.* — Т. 97. Федор Иванович Тютчев. Кн. первая. — М., 1988. — С. 418.

⁴ См.: *Никитенко А. В.* Дневник. В 3 т. — Т. 2. М., 1955. — С. 554–555.

вопросам — и решает, как ей угодно, все *познаваемое* и изглаженное», формулирует принципиальное положение о взаимоотношениях Власти и Печати, о пределах действий правительства по отношению к общественному мнению, о последствиях чисто полицейских мер в области формирования общественного мнения, главным инструментом которого является печать: «всякое вмешательство Власти в дело мысли не разрешает, а затягивает узел». Тютчев подмечает следующую закономерность: «будто бы пораженное ею (Властью — *ред.*) ложное учение — тотчас же, под ее ударами, изменяет, т [ак] с [казать], свою сущность и вместо своего специфического содержания приобретает вес, силу и достоинство угнетенной мысли». ¹

Эту идею Тютчев развивает в письме к А. И. Георгиевскому, написанном спустя десять дней после выстрела Дмитрия Каракозова в Александра II 6 апреля 1866 года. Вне зависимости от того, что неудавшееся покушение — «факт студента-мономана» или же обширного заговора, Тютчев считает опасным последствием его — «попасть нечаянно в колею николаевских реакций». «Главная трудность в том, — указывает он, — как и где провести черту между словом и делом — между стихийною силою мысли и мнения и уже зародившимся положительным политическим фактом, — и в особенности избежать поползновений за неимением факта, — обратить полицейские репрессивные меры против неуловимой стихии мысли». И далее — «Насильственным подавлением мысли — даже и в области нигилистических учений — мы только раздражим и усилим зло...» ²

Через год, в письме к дочери, Тютчев возвращается к этому вопросу и указывает на «антагонизм принципов» творческой и бюрократической мысли, на то, что бюрократический склад ума требует вялой и расплывчатой фразеологии, маскирующей принципиальное существо дела, что «любая попытка выразить свои мысли точно и ясно неизбежно вызывает недовольство властей». ³ Закон о печати, формально отменяющий предварительную цензуру, как считает Тютчев, «сводится к беспорядочно действующей цензуре». Именно в это время система предостережений во Франции была отменена. «И в этом, — пишет Тютчев, — снова проявляется дурацкий плагиат, который составляет основу нашей законодательной науки, и по вполне заслуженной иронии судьбы оказывается, что модель, столь рабски нами воспроизведенная, на наших глазах разрушается рукой, ее создавшей... Любопытно посмотреть, как долго будем мы носить этот законодательный кринолин после того, как его

---

¹ Тютчев Ф. И. Письма к московским публицистам. И. С. и А. Ф. Аксаковым. 1861–1872. 4. И. С. Аксакову. С.-Петербург. 8 декабря 1865 // Литературное наследство. Т. 97. Федор Иванович Тютчев. Кн. первая. М., 1988. С. 264–265.

² Тютчев Ф. И. Письма к московским публицистам. А. И. Георгиевскому 1864–1866. 16. Петерб[ург]. 16 апреля 1866 // Литературное наследство. Т. 97. Федор Иванович Тютчев. Кн. первая. М., 1988. С. 403.

³ Тютчев Ф. И. Письма к московским публицистам. И. С. и А. Ф. Аксаковым. 1861–1872. 4. А. Ф. Аксаковой. Петербург. Воскресенье, 22 января 1867 // Литературное наследство. Т. 97. Федор Иванович Тютчев. Кн. первая. М., 1988. С. 284.

перестанут носить в Париже. Все это было бы смешно, если бы не вызывало отвращения...»¹

Подобные случаи, которыми была наполнена российская жизнь, подвели Тютчева к многозначительному и сейчас актуальному выводу: «могут ли люди, хотя и влиятельные, хотя и высоко поставленные, но которых мнения явным образом противуречат не только всякому национальному чувству, всякому национальному стремлению, но и положительному направлению всей правительственной системы, — могут ли эти люди, кто бы они ни были, претендовать на *правительственный* авторитет и на те права и привилегии, которыми закон оградил неприкосновенность правительственной власти? — и противодействовать *этим* людям значит ли подрывать доверие к правительству?»²

Оксана Олеговна Пертель

Аспирант кафедры истории социально-политических учений факультета политологии Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова³

Концепция совещательной республики Х. Арендт

Аннотация

В статье рассматривается концепция совещательной республики Х. Арендт, представленная в ее работе «О революции». Речь идет о политическом проекте «система советов», который бы гарантировал сохранение политической свободы, власти и действия в руках политически активного населения.

Ключевые слова: Ханна Арендт, совещательная республика, система советов, революция, политическое действие, свобода, власть.

Нормативный идеал политики Ханны Арендт получил свое практическое воплощение в одном историческом событии Нового времени — в американской революции 1775–1783 гг. Анализ этого события в сравнении с не-

---

¹ Тютчев Ф. И. Письма к московским публицистам. И. С. и А. Ф. Аксаковым. 1861–1872. 4. А. Ф. Аксаковой. Петербург. Воскресенье, 22 января 1867 // Литературное наследство. Т. 97. Федор Иванович Тютчев. Кн. первая. М., 1988. С. 284–285.

² Тютчев Ф. И. Письма к московским публицистам. А. И. Георгиевскому 1864–1866. 15. Петерб[ург]. 4 апреля 1866 // Литературное наследство. Т. 97. Федор Иванович Тютчев. Кн. первая. М., 1988. С. 402.

³ Научный руководитель: доктор политических наук, профессор кафедры философии политики и права философского факультета МГУ **Ольга Юрьевна Бойцова**.

удачным опытом французской революции является темой работы философа «О революции». По ее мнению, в американской революции удалось реализовать то, к чему стремился народ во всех современных революциях — конституировать пространство публичной свободы. Важное отличие американской от французской и последовавших за ней революций состоит в том, что свобода была реализована не только в «негативном» понимании, т.е. как гарантированные конституцией основные и гражданские права, но в особенности в «позитивном» как создание федералистской системы политических институтов, в которых важную роль играли органы местного самоуправления. На примере американской революции Арндт развивает свою модель совещательной республики в качестве политической альтернативы в отношении традиционных либерально-демократических, социально-демократических и марксистских концепций государства, не говоря уже о консервативных и авторитарных представлениях о политике.

Ключевым звеном федералистской системы, в том виде, в каком она была представлена в период основания США, являлись органы местного самоуправления — townships, городские и сельские общины. Собственно противопоставление Арндт представительной демократии и совещательной республики построено на выделении уровня «гражданских политических организмов», т.е. организаций самоуправления, включенных в политическую систему государства. По мнению Арндт, именно эти институты воплощают пространство политической свободы, «публичное счастье», заключающееся в реальном участии в публичных делах общества и осуществлении власти: «политическая свобода либо означает право «быть участником в управлении, или не означает ничего».

Когда Арндт говорит о том, что ключевое значение советов как политических сообществ состояло «в формировании политического пространства, в котором была возможна власть и требование прав без притязания на суверенность», она исходит из своего понимания власти как политического феномена, основанного «на взаимных обещаниях и обязательствах». Такое понимание власти отрицает разделение на управляемых и управляющих, предполагая неиерархичный способ формирования власти в условиях политического равенства.

Кроме того, что советы представляют собой пространство для реализации власти народа, они также являются организациями прямого действия. Это значит, что побудительным мотивом для возникновения советов является потребность человека действовать: «не покой, а действия доставляют нам удовольствие». Речь идет о действии в определенном толковании Арндт как о способности человека претворять в жизнь новое, дотоле неизвестное. Применительно к революциям Арндт называет эту сторону действия «революционным духом», который в свою очередь порождает дилемму революции, состоящую в вопросе о том, как в политических институтах можно сочетать дух новизны, выражающийся в основании новой формы правления, со стабильностью и долговечностью новой структуры. Согласно Арндт советы

являются политическим воплощением первой части дилеммы революции. Они возникают из потребности людей действовать.

Вторая часть дилеммы революции касается учреждения политических институтов, которые бы обеспечивали стабильность нового политического порядка. В случае американской революции Арендт говорит об удачном основании правительств, организованных по федеральному принципу, а также двухпалатном парламенте, т.е. «установлении системы правления, в которой разделение властей посредством «сдержек — противовесов» осуществляли контроль друг за другом». Особое внимание Арендт уделяет анализу законодательной власти, которая выполняет важнейшую функцию в политическом организме государства — фильтрацию множественности интересов и разнообразия мнений. Отличительным признаком республики от демократии философ считает наличие в первой разнообразия мнений, который по своей сути не могут быть общественным мнением, поскольку мнение принадлежит исключительно конкретным лицам. Однако Арендт не отрицает того, что это разнообразие мнений нуждается в очищении. Институт Сенат был задуман для того, «чтобы служить «медиумом» через который должны были проходить все публичные взгляды, для того чтобы доказать свою пригодность. Что касается нижней палаты парламента, то она должна была представлять фильтр для «множественности интересов». Как мы видим, Арендт признает необходимость существования представительских институтов, в ее политической концепции они являются консервативными элементами политической системы, придающие ей стабильность и выполняющие рационализирующую функцию в отношении суждений и мнений. Однако одновременно репрезентативная политическая система в качестве единственно возможной формы осуществления политики является объектом жесткой критики и принципиального неприятия со стороны философа.

Важно отметить, что «позитивное» правление, основанное на реализации публичной свободы, так и не стало политической реальностью ни в одном государстве в период Нового времени. Акцентируя внимание на политическом устройстве североамериканских колоний, а также ходе американской революции Арендт показывает только приближение к модели совещательной республики, поскольку американская революция, в конечном счете, закончилась учреждением представительной республики, в которой постепенно были забыты институциональные «очаги» публичной свободы — совещательные органы самоуправления. Снижение изначальной роли политических объединений на местах произошло потому, что они не были институционально укоренены в новую государственную форму.

В своей работе «О революции» Арендт стремится показать, что ее нормативный идеал политики отличается от либеральных представлений, и что решающим пунктом этого отличия является идея политической свободы. Примеры проявления стремления к политической свободе она видит во всех революциях: «Не что иное, как именно эта надежда на преобразование государства, на новую форму правления, которая позволила бы каждому члену

современного эгалитарного общества стать «участником» в ведении публичных дел, оказалась похороненной в катастрофах революций 20-го века». Для разъяснения этой мысли Арндт показывает самостоятельную роль советов в американской (1775–1783), французской (1871 г.), русской (1905, 1917 гг.), немецкой (1918, 1919 гг.) и венгерской революциях (1956 г.). Вкус свободы и опыт свободы — решающий пункт Арндт — питается из разностороннего участия в общественных делах, которое принимает организационную форму, обладающую остаточной автономией для противостояния ограничениям и нападениям извне.

Борис Александрович Прокудин

Кандидат политических наук, старший преподаватель кафедры истории социально-политических учений факультета политологии Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова

К вопросу об органичности исторического развития в историософской концепции К. Д. Кавелина

Аннотация

В статье речь идет о важном методологическом принципе органичности и преемственности исторического развития, сформулированном К. Д. Кавелиным. Автор предпринимает попытку трактовки роли личности В. И. Ленина на основе презумпций государственной школы.

Ключевые слова: К. Д. Кавелин, государственная школа, В. И. Ленин, Октябрьская революция, история российской государственности.

Константин Дмитриевич Кавелин (1818–1885) был неординарным социально-политическим мыслителем. Он был либералом, ради стабильности категорически отрицавшим все тогдашние либеральные сценарии модернизации России. Он считал, что радикальное применение буржуазного принципа «священной частной собственности» не стоило страданий обезземеленных крестьян и разрушения общины, а представительство и конституция в тех условиях привели бы к созданию дворянской олигархии. Его предложения по отмене крепостного права были последовательны и консервативно сдержанны. Кавелин возлагал свои надежды на прогрессивные движения в русском обществе, опирающиеся на сильную самодержавную власть.

Важным историософским достижением Кавелина было создание так называемой «государственной школы» в русской исторической науке. Теоретические основания государственной школы он изложил в работе «Взгляд на юридический быт древней России» (1847 г.). Считается, что именно в этой статье Кавелин теоретически «примирил» славянофильский и западнический

взгляды на историю. И сделал это, анализируя роль ключевого персонажа русского исторического дискурса, Петра I.

Что об истории думали славянофилы? Они полагали, что допетровская Россия была глубоко православной страной, преемницей Византии, она шла своим естественным путем развития, следовала иной траектории, нежели европейские государства, была по-своему демократична и независима. Петр I своей железной волей свернул Россию с национального пути, навязал чуждые ценности, привел общество к глубочайшему расколу и деспотии.

Западники же полагали, что еще совсем недавно Россия упрямо двигалась в какой-то азиатско-деспотический тупик, ходила в армяках, жила суевериями и знать не знала о прогрессе, пока не появился Петр. Он своей железной рукой свернул Россию в сторону Запада, модернизировал, и надо продолжать движение в этом направлении, потому что других дорог к будущему нет.

Таким образом, и те и другие не сомневались, что Петр — это радикальный поворот нашего исторического развития, явление, возникшее извне, не укорененное в почве. Только одни воспринимали это как национальную катастрофу, а другие как величайшее благо.

Принципиальное новшество Кавелина было в том, что он выступил против общего для непримиримых лагерей теоретиков тезиса. Кавелин заявил, что Петровские реформы — это абсолютно естественный этап нашей истории, этап развития «юридического быта» (государственности), который начался еще при Иване Грозном. До Грозного, в период феодальной раздробленности, правители, князья, были движимы лишь родовыми, семейными интересами. Князья делили Русь между собой, брат ходил войной на брата, порой привлекая на свою сторону ханские войска. Главенствовали эгоистические вотчинные интересы. Таких слов как «государственный интерес» просто не было в политическом словаре Древней Руси.

Со времени Грозного государственность России вышла на новый этап. Процесс формирования юридического быта начался еще при Иване III, но Грозный, как известно, особенно преуспел на этом поприще. Теперь политический, государственный, интерес становится выше кровнородственного. Как пишет Кавелин, при Грозном появляется личность, которая ставит себя выше семьи и рода. И этот процесс выстраивания государственного быта венчался петровскими преобразованиями. То есть Петр никакой не «новый путь» России, хотя по всему кажется, что это так. Он лишь последнее звено многовекового процесса развития российской государственности.

В приведенном размышлении о Петре I Кавелин высказывает очень важную историческую мысль о том, что история не развивается абы как, и нет исторических событий, которые появляются ниоткуда. Соответствующий методологический принцип государственный школы формулируется им так: «Она (история России. — *Б. П.*) — стройное, органическое, разумное развитие нашей жизни, всегда единой, как всякая жизнь, всегда самостоя-

тельной»¹. То есть, история органична, и события, происходившие на протяжении веков, закономерны и обусловлены внутренней логикой развития.

Сложно сказать, что такое понимание истории экзотично. Более того, прочитанная на свежую голову, мысль Кавелина кажется исторической банальностью, но почему-то в политической мысли и политической публицистике она очень часто забывается. И этому есть, по крайней мере, два объяснения.

Первое объяснение теоретическое. Оно состоит в том, что не бывает не ангажированной политической мысли, а для идеолога модель «разорванного прошлого» является очень продуктивной, она легко задает векторы политической мобилизации и ярко выраженные ценностные ориентации.

Второе объяснение психологическое. Дело в том, что история интересна, прежде всего, яркими личностями, бросающими вызов привычной действительности. Наблюдая таких героев, мы становимся жертвами их обаяния. Чингисханы, Наполеоны, Карлы Великие, Петры Первые как будто перетягивают одеяло истории на себя, и вот нам уже кажется, что это демоны или посланники небес, которые умеют в одиночку менять эпохи.

Трактовка роли Петра I, в контексте спора славянофилов и западников, была в XIX веке наиболее актуальной эвристической задачей, решением которой занимались интеллектуалы. Сегодня кажется, что тогда ни один уважающий себя русский мыслитель не обошел эту тему молчанием.

Рискнем утверждать, что нашему поколению досталась не менее актуальная эвристическая задача. Состоит она в трактовке личности В. И. Ленина, в контексте спора о царской России и Советском Союзе, преимуществах и недостатках этих как будто бы разных государств.

И здесь нам на помощь приходит презумпция исторической школы, пользуясь которой кавелинскую трактовку личности Петра можно распространить и на личность Ленина.

Сегодня все, кто испытывает неприязнь к личности Ленина, то есть либералы и тоскующие по царской России консерваторы, равно как коммунисты и все ностальгирующие по советской России, не сомневаются в революционности преобразований под руководством Ленина и в том, что он, как когда-то Петр, «свернул» Россию с ее тысячелетнего исторического пути. Русская революция, как когда-то петровские реформы, сегодня воспринимается либо как национальная катастрофа, либо как великое благо.

Но вернемся к Кавелину. Кавелин нам подсказывает, что победа большевиков в Октябрьской революции, победа Ленина, была органичным результатом развития русской истории, ее юридического быта. Если угодно, коммунизм был обусловлен внутренней логикой государственного становления, начиная от Святой Руси. Тезис о случайности русской революции не

---

¹ *Кавелин К. Д.* Взгляд на юридический быт древней России // *Кавелин К. Д.* Наш умственный строй. Статьи по философии русской истории и культуры. — М., Издательство «Правда», 1989. — С. 66.

выдерживает критики. В 1917 году русское освободительное движение вполне могло праздновать столетие своей напряженной истории. Мы берем за точку отсчета даже не возникновение первого декабристского тайного общества, а знаковое декабристское собрание 1817 года (получившее название «Московского заговора»), когда Александр Муравьев впервые высказал мысль о царубийстве и вооруженном восстании с целью свержения власти.

Методологический принцип государственной школы, гласящий об органичности и преемственности исторического развития, дает нам возможность посмотреть на историю непредвзято, глазами человека, еще не скоординированного какой-либо идеологией. Этот принцип помогает удерживать многовековую историю России в лоне научности. Но, не смотря на логичные аргументы, не смотря на здравый смысл, которым казалось бы вооружен Кавелин, в своих исторических построениях он был и останется одиночкой.

Анастасия Михайловна Репёва

Студентка кафедры истории социально-политических учений факультета политологии Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова¹

Образ «нового человека» в русской социально-политической мысли 1860-х гг.

Аннотация

В данной статье рассматривается становление и раскрытие понятия «нового человека», т. е. идеального типа людей будущего, совершенного общества в творчестве Д. И. Писарева.

Ключевые слова: социально-политическая мысль, «новый тип», антропологическая утопия, социалистический идеал.

Одно из главных мест в русской социально-политической мысли 1860-х годов занимали вопросы о справедливом социально-политическом устройстве, о реорганизации общественной жизни. В контексте решения этих вопросов неизбежно возникала и связанная с ними проблема личности, или как еще ее обозначали — проблема «нового человека», который должен был составить основную массу усовершенствованного строя. Из всего многообразия работ, посвященных данной проблеме, выделяется статья Д. И. Писарева «Новый тип», представляющая собой антропологическую утопию — мечту о совершенном и счастливом человеке, которая находит у писателя логичное продолжение в утопии социальной, в мечтах о «целесообразной организации

---

¹ Научный руководитель: доктор политических наук, заведующий кафедрой истории социально-политических учений факультета политологии МГУ, профессор Александр Андреевич Шириняц.

труда», которая «может и должна привести за собою счастье человечества». В ней наиболее ясно проявились социалистические идеалы Писарева. Автор дает совершенно четкую характеристику черт, которыми должен обладать новый человек, и общественных условий, необходимых для их проявления. «Новые люди, — утверждает Писарев, — считают труд абсолютно необходимым условием человеческой жизни, и этот взгляд на труд составляет чуть ли не самое существенное различие между старыми и новыми людьми». Главной чертой такого отношения становится слияния для нового человека понятий «труд» и «наслаждение». Считая, что основными пороками общества являются бедность и праздность, новые люди приходят к выводу новой формулы жизни: больше труда и меньше отвлеченных развлечений. Как считает Писарев, при соблюдении условий развития умственного и физического труда, любой индивид в состоянии будет «прокормиться и одеться, приобрести себе образование и воспитать своих детей». Кроме всего прочего, труд не должен быть обузой новому человеку, наоборот, выбор работы должен быть ему по нраву; только так будет достигнута максимальная польза для общества. Личные интересы людей не должны противоречить действительным интересам общества. Это положение достигается путем адекватного распределения социальных ролей, что не позволяет появляться любым формам эксплуатации. В состоянии потребности к труду, новые люди стремятся расширить границы возможностей для этого труда, тем самым охватывая все большее количество единомышленников. Страстное желание трудиться соединяется у них с необыкновенным человеколюбием, которое позволяет не становиться эгоистом, творящим только для собственного удовольствия. По Писареву, человеколюбие нового человека формируется в несколько этапов: «сначала новые люди приносят пользу и делают добро бессознательно, но потом самый процесс приношения пользы и делания добра кладет начало нравственной связи между тем, кто приносит и делает, и теми, кому приносятся и для кого делается». Как было отмечено выше, человеколюбие избавляет от мелочного повседневного эгоизма. Но проблема нового человека в том, что стремясь к абсолютизации труда, он жертвует естественными личными интересами (семья и т. д.), в награду же получает безграничное уважение к себе самому, рождая эгоизм личный: «Новый человек знает очень хорошо, как он неумолим и безжалостен к самому себе; новый человек боится самого себя больше, чем кого бы то ни было; он сила — и горе ему, если когда-нибудь его сила обратится против него самого». Помимо этого, отличительной чертой новых людей является и полная гармония чувств и ума, что позволяет новому человеку подняться на новую ступень морального поведения. Исходя из этой схемы, Писарев предлагает читателю готовый образец для подражания. Им стал один из героев романа Н. Г. Чернышевского «Что делать?» — Рахметов, студент, который своим образом жизни и мыслей разрушил представления «людей старых» о нормах поведения тогдашней молодежи, доказав тем самым самым право на существование принципиально иных моделей общественной жизни. Однако при этом Писарев порицает аскезу Рах-

метова, говоря, что любое излишество, какую бы цель оно не преследовало, является явлением ненужным, а в некоторых случаях и вовсе вредным. Нужно также отметить, что в своей статье Писарев обращается и к роману И. С. Тургенева «Рудин». Но в тургеневском Рудине он находит не идеальный образ нового человека, а скорее неудавшийся опыт его создания, не вызывающий живого интереса. Нарисованный Писаревым портрет «нового человека» — образованный молодой человек, преданный своему делу (и не важно умственный это труд или физический); готовый к принятию новых идей, если они соотносятся с его мыслями и представлениями; нравственно воспитанный, чуть эгоистичный, но, при этом, обладающий стремлением быть полезным обществу (часто забывая о собственных личных интересах) — прочно вошел в сознание «идейной» молодежи и интеллигенции 1860-х гг. и оказал значительное влияние на формирование многих социально-политических концепций как 1860-х гг., так и более позднего времени.

Библиография

1. *Писарев Д. И.* Новый тип. По поводу романа Чернышевского «Что делать?» // Писарев Д. И. Полное собр. соч. и писем в 12 томах. Том 8. Статьи 1865 (сентябрь–декабрь) — 1866 (январь–март). — М.: Наука, 2004.

Никита Романович Сетов

Кандидат политических наук, ассистент кафедры истории социально-политических учений факультета политологии Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова

Понятие государства в политической теории Б. Бьюзена

Аннотация

В статье рассматривается понятие государства и его роль в политической теории Б. Бьюзена. Особое внимание уделяется работе “People, States & Fear”.

Ключевые слова: государство, структурный реализм, английская школа теории международных отношений.

Барри Бьюзен¹ (Barry Buzan) — авторитетный ученый, один из последователей структурного реализма К. Уолца, профессор международных отношений Лондонской Школы Экономики.

Итак, Бьюзен начинает анализировать государство с различных типов его рассмотрения в трех политологических концепциях, каждая из которых обладает своей спецификой.

---

¹ Существуют различные варианты транслитерации фамилии данного ученого: Бузан, Бюзен, Бьюзен.

Первая концепция оперирует терминами с позиций политической теории Макса Вебера, в рамках которой общество и государство рассматриваются как отдельные феномены, а последнее определяется с помощью политико-институциональных терминов: «В этой концепции «государство» означает примерно то же самое, что и «центральное правительство»¹. Исходя из этого определения, можно сказать, что в характеризующей ученым концепции государство отождествляется с понятием «политический институт» как основной формой существования государственной власти в стране, воплощенной в органах управления.

Второй концепцией ученый называет классическое понимание государства в теории международных отношений, в рамках которой, по его мнению, государство есть не что иное как «политико-территориальный бильярдный шар»². Б. Бьюзен не дает пояснений к этому определению, но, если вспомнить его принадлежность к традиции политического реализма, можно сказать, что мировая политика в этом определении видится как бильярдный стол, где государства — шары и каждый стремится выбить соседа за пределы игрового поля.

На третье место в ряду анализируемых концепций Бьюзен ставит системный подход, с позиций которого государство можно рассматривать как реально существующее и территориально определенное социально-политическое образование³. В рамках системного подхода в понятие «государство», с точки зрения ученого, включаются «человеческие коллективы, в которых управляющие институты и социумы переплетаются внутри ограниченной территории»⁴.

Барри Бьюзен не отдает явного предпочтения тому или иному из вышперечисленных подходов, но если обратиться к перечню основных проблем, которые исследуются в работах ученого, можно сказать, что наиболее приемлемым он считает системный подход. Это связано с тем, что одной из проблем исследования является проблема безопасности, а «анализ безопасности требует рассматривать государство и систему во взаимном конститутивном отношении»⁵. Такая методологическая установка анализа международных отношений очень хорошо отражает принадлежность Бьюзена к тра-

---

¹ *Buzan B. People, States & Fear: An Agenda for International Security Studies in the Post-Cold War Era.* Dorchester: Pearson-Longman, 1991. — P. 59.

² *Buzan B. People, States & Fear: An Agenda for International Security Studies in the Post-Cold War Era.* Dorchester: Pearson-Longman, 1991. — P. 60.

³ Очень важно обратить внимание на то, что в данном случае государство понимается именно как социально-политическое, а не только политическое образование. Обращение к сообществам является следствием принадлежности Бьюзена к английской школе международных отношений.

⁴ *Buzan B. People, States and Fear: an agenda for international security studies in the post-cold war era.* Dorchester: Pearson-Longman, 1991. — P. 60.

⁵ *Buzan B. People, States & Fear: An Agenda for International Security Studies in the Post-Cold War Era.* Dorchester: Pearson-Longman, 1991. — P. 61.

диции структурного реализма в понимании Кеннета Уолца, в рамках которой основными категориями исследования мировой политики являются «государство» и «система».

Однако, несмотря на эти ремарки относительно системного подхода и структурного реализма, нельзя забывать о том, что Бьюзен является автором специфической концепции понимания государства. Ученый обращается к процедуре синтеза вышеуказанных концепций. На основе этого синтеза он предлагает новое понимание государства, которое наиболее разумно изобразить в виде схемы¹:

По мнению Бьюзена, эти три компонента присутствуют в любом государстве и неотделимы друг от друга, а их взаимосвязь определяется следующим образом: любое государство должно обладать физической базой своего существования — населением и территорией; из этого тезиса следует, что государству необходимы институты для управления и контролирования физической базы. Говоря о последнем компоненте системы государства, Бьюзен отмечает: «Идея государства — наиболее абстрактный компонент в модели, но также и наиболее важный»². Абстрактность этого компонента заключается в том, что он не обладает каким-либо материально оформленным выражением; важность же его обусловлена тем, что именно идея государства фиксирует принятие (“legitimacy”) власти в сознании людей. Необходимо отметить, что важность идеи государства также связана с тем, что с ее по-

---

¹ Следует отметить, что такая схема анализа государства характерна для современных реалистов, которые при этом совсем не обязательно относятся к английской школе международных отношений. В частности, Калеви Холсти в своей концепции использует абсолютно идентичную схему, дополняя ее понятиями горизонтальной и вертикальной легитимности, каждая из которых складывается под действием определенных факторов. Подробнее о теории Холсти см.: *Holsti K.J. The State, War, and the State of War. Cambridge, 1995.*

² *Buzan B. People, States and Fear: an agenda for international security studies in the post-cold war era. Dorchester: Pearson-Longman, 1991. — P. 69.*

мощью нация находит свое выражение, которое формируется в политике национальной безопасности.

Подводя итог нашего краткого анализа, необходимо отметить, что вышеуказанные идеи английского ученого оказывают серьезное влияние на современную науку международных отношений и ее развитие.

Библиография:

1. *Buzan B.* From International System to International Society: Structural Realism and Regime Theory Meet the English School // International Organization. — 1993. — Vol. 47. — №. 3.
2. *Buzan B.* From International System to International Society: Structural Realism and Regime Theory Meet the English School // International Organization. — 1993. — Vol. 47. — №. 3.
3. *Buzan B.* People, States and Fear: an agenda for international security studies in the post-cold war era. Dorchester: Pearson-Longman, 1991.
4. *Buzan B., Herring E.* The Arms Dynamic in World Politics. Boulder, CO: Lynne Rienner, 1998.
5. *Buzan B., Little R.* International Systems in World History: remaking the study of international relations. N.Y.: Oxford University Press, 2000.
6. *Buzan B., Waever O.* Regions and Powers: The Structure of International Security. Cambridge: Cambridge University Press, 2003.

Ольга Евгеньевна Сорокопудова

Аспирант кафедры истории социально-политических учений факультета политологии Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова¹

Политическая публицистика как источник истории социально-политических учений

Аннотация

В статье рассматриваются особенности и специфика политической публицистики как источника истории социально-политических учений. Показывается роль и важность такого рода произведений для исследования социально-политической мысли и составления целостного портрета интересующей нас эпохи.

Ключевые слова: политическая публицистика, история, источник, история социально-политической мысли.

---

¹ Научный руководитель: кандидат политических наук, доцент кафедры истории социально-политических учений факультета политологии МГУ **Дмитрий Васильевич Ермашов**.

История социально-политических учений как научная дисциплина с необходимостью предполагает наличие источника, информационного материала, первичных данных, которые изучаются и анализируются.

И вопрос выбора этого источника, его определения не всегда является простым и однозначным. Очевидно, что от того, какой перед нами материал, зависит не только результат нашего исследования, но и использование тех или иных методов его изучения. Соответственно, для того, чтобы правильно это сделать, необходимо иметь четкое представление, с чем предстоит работать. Специфические черты и особенности можно выделить у любого источника истории социально-политической мысли, но особенно много вопросов встает, когда речь идет о политической публицистике. И для того, чтобы попытаться охарактеризовать этот вид источника, нужно, прежде всего, посмотреть, что принято понимать под самим понятием публицистики.

Традиционно публицистику рассматривают как одну из областей литературы, выделяя ее специфические черты, обусловленные особой тематикой и функциями. В самом общем смысле публицистика (от лат. *publicus* — общественный, публичный) — это род произведений, посвященных актуальным проблемам и явлениям текущей жизни общества. Публицистическими жанрами являются статья, фельетон, заметка, обращение, воззвание, прокламация, политическое письмо, лозунг. Особое место в публицистике занимают такие жанры, как воспоминания, письма, дневники.

По своей сути из самого определения публицистики можно выявить ее имплицитную политическую сущность. Это исследователи заметили уже давно. Так, М. С. Черепанов писал, что «любая тема, проблема — философская, морально-этическая, экономическая — получает в публицистике политическое осмысление»¹. То есть, в самом общем смысле, любая публицистика в той или иной степени может считаться политической.

Тем не менее, приведенное и традиционно встречающееся определение² общо и требует выявления конкретных специфических черт, присущих именно публицистическим произведениям, в том числе как источнику политической мысли.

Самое главное свойство публицистики — содержащееся даже в этом определении — ориентированность на актуальность проблематики, ее важность для общественной жизни, остроту насущных проблем реальной современной жизни. Это не означает, что в такого рода произведениях нет исторических параллелей и фактов, темпорального контекста в целом, или предположений и прогнозов будущего развития. Все это присутствует, однако в

---

¹ Черепанов М. С. Проблемы теории публицистики. — М.: Мысль, 1973. — С. 35–50.

² См., например: Литературная энциклопедия / Ред. коллегия: Лебедев-Полянский П. И., Маца И. Л., Нусинов И. М., Фриче В. М.; гл. ред. Луначарский А. В.; ученый секретарь Михайлова Е. Н. — М.: ОГИЗ РСФСР, Гос. ин-т. «Сов. Энциклопедия», 1935. — Т. 9. — С. 355.

первую очередь служит раскрытию «сегодняшнего» состояния дел. Такое свойство публицистической литературы особенно важно для истории социально-политической мысли. Ведь одну из главных сложностей при изучении идейного наследия прошлого представляет составление целостного портрета интересующего исследователей периода истории с его взаимосвязями и тенденциями.

Вторым свойством публицистики является нацеленность на относительно широкую аудиторию, как по своей проблематике, так и по ориентированности на будущего или возможного читателя.

При этом, не смотря на то, что публицистика всегда «современна», то есть пишется на актуальные для своего времени темы, она представляет большой интерес и для специалистов в области истории социально-политических учений, поскольку содержит в себе определенный срез настроений и идей общества, и часто дает анализ таких вопросов и проблем, которые не теряют своей остроты и в последующем.

Отличительной чертой публицистической литературы является ее характер. Это всегда яркое, красочное, богатое образами произведение. Жанр публицистики постоянно балансирует на рубеже науки и художественной литературы. Она опирается на конкретные факты и использует при этом образные выразительные средства для их подачи, не уменьшая при этом их объективного характера, но придавая им глубину и красочность.

Особенностью публицистики является высокая степень «личности», активности авторской позиции, практически всегда субъективным отношением к проблематике. Автор, высказывая какую-то точку зрения, стоит на конкретных аксиологических позициях и дает свою оценку общеизвестным нейтральным фактам.¹

Такой характер публицистики объясняется наличием цели воздействия на адресата, формирования позиции и определенного мнения по тому или иному вопросу, побуждения к действию, сообщение новой информации, в которой всегда есть оценка, призыв, конкретная точка зрения по рассматриваемому вопросу.

И в целом, газеты, журналы, любые сообщения в СМИ так или иначе воспринимаемые адресатами — это сильное средство общественного воспитания, которое зависит от качества этого источника, что еще раз доказывает важность и необходимость акцентирования исследовательского внимания к жанру политической публицистики.

Некоторые исследователи считают публицистику особым видом творческой деятельности, который характеризуется определенным уровнем развития, как автора-публициста, так и его читателя. Поэтому часто публицистика воспринимается как синоним «толкования», «рассуждения», а не просто передачи фактов. Ю. Суровцев отмечает, что публицистика «не столько

---

¹ См.: *Стюфляева М. И.* Образные ресурсы публицистики. — М.: Мысль, 1982. — С. 11.

информация, сколько анализ проблем, возникающих «внутри» узнанных, предьявляемых жизнью фактов»¹. Эта особенность публицистики также важна для исторических исследований.

Понятно, что такой богатый источник повседневной интеллектуальной жизни общества содержит в себе огромный документальный, идейный материал и должен быть по достоинству ценим следующими поколениями. Произведения политической публицистики представляют собой летопись жизни страны — общественно-политической борьбы, настроений, развития науки, искусства, образования и т. д. В современной истории социально-политической мысли этот источник используется. Многие яркие публицистические произведения широко известны. Например, знаменитая переписка Ивана IV с князем А. Курбским, «Путешествие из Петербурга в Москву» А. Н. Радищева, «Философические письма» П. Я. Чаадаева, публицистические работы В. Г. Белинского, многочисленные журналы и газеты, существовавшие в России в XIX в. — «Колокол» А. И. Герцена и Н. П. Огарева, «Современник», «Русское слово», «Новое время» и т. д.

Однако большой пласт публицистического наследия остается совершенно непознанным и неисследованным. Многие имена выдающихся мыслителей больше известны в первую очередь как писателей, и только потом как талантливые публицисты. А многие имена так и остались в тени прошлого, не будучи освещены громкими трудами, но кропотливой ежедневной работой мысли в газетах и журналах, как например, яркие публицисты конца XIX — начала XX вв. В. В. Розанов, В. П. Буренин, М. О. Меньшиков, П. И. Ковалевский и другие прекрасные мастера печатного слова, неравнодушные к судьбе и проблемам своей страны.

Подводя итоги сказанному, можно отметить, что в современной истории политической науки необходимо рассмотрение роли публицистики в истории отечественной политической мысли как одного из важных самостоятельных и полноценных источников, как идейного индикатора и своеобразного социально-политического барометра состояния общества.

Библиография

1. Литературная энциклопедия / Ред. коллегия: Лебедев-Полянский П. И., Маца И. Л., Нусинов И. М., Фриче В. М.; Гл. ред. Луначарский А. В.; ученый секретарь Михайлова Е. Н. — М.: ОГИЗ РСФСР, Гос. ин-т. «Сов. Энциклопедия», 1935. — Т. 9.
2. *Стюфляева М. И.* Образные ресурсы публицистики. — М.: Мысль, 1982.
3. *Суровцев Ю.* О публицистике и публицистичности // Знамя. — 1986. — № 4.
4. *Черепанов М. С.* Проблемы теории публицистики. — М.: Мысль, 1973.

---

¹ *Суровцев Ю.* О публицистике и публицистичности // Знамя. — 1986. — № 4. — С. 210.

Юлия Юрьевна Хансвярова

Студентка кафедры истории социально-политических учений
факультета политологии Московского государственного университета
им. М. В. Ломоносова

Жан Бодрийяр и современная политическая теория.

Аннотация

В статье проводится аналитическая реконструкция политической составляющей теории Жана Бодрийяра, рассматриваются возможности применения теории символического обмена и понятия «тирания кода» в исследованиях современной политической системы общества.

Ключевые слова: Жан Бодрийяр, постмодернизм, символический обмен, тирания кода, симулякр.

Жана Бодрийяра часто называют философом-постмодернистом, однако сам он подчеркивал свою независимость от каких-либо направлений современной политической мысли. Собственной политической теории этот мыслитель не создал, также нельзя с уверенностью утверждать, что он разработал собственную методологию. Однако его использование достижений семиотики и структурной антропологии в критике классических традиций политической мысли несомненно является оригинальным. И поскольку политическая теория не является изолированной дисциплиной, она должна в рамках своего предмета решать те общетеоретические проблемы, которые ставит Бодрийяр. С этой точки зрения интересной представляется попытка проанализировать возможности применения методологии Бодрийяра в изучении современной политической системы общества.

Прежде всего, французский мыслитель конструирует собственную систему понятий, по-своему решая вопросы о природе политической власти в обществе, источниках ее легитимности и механизмах политических изменений. Как марксистская политическая мысль, так и позитивная политическая наука, признавали параллелизм в отношениях политической науки и политической реальности. Политическая система, таким образом, становилась зависимой от экономической или социальной системы общества. В своих книгах «Символический обмен и смерть» и «В тени молчаливого большинства» Бодрийяр приходит к выводу о том, что политическая сфера начинает носить сугубо знаковый характер, и знаки эти не имеют больше референта в действительности. Однако, это только негативное решение поставленных вопросов. Необходимо найти позитивные законы, описывающие функционирование этой оторванной от реальности системы политических знаков. После нахождения таких законов станет ясной и природа власти в такой знаковой системе.

Для описания механизмов функционирования современного общества, в том числе и его политической системы, Бодрийяр создает теорию символического обмена, переосмысливая теоретические построения предшественников: Фердинанда де Соссюра, Марселя Мосса, Клода Леви-Стросса и Ролана Барта. Бодрийяр рассматривает общество как одну знаковую систему, где политическая мысль — «означающее», а реальность — «означаемое». И отправной точкой его рассуждений является утверждение об утрате «означаемого» современной политической мыслью. Из структурной антропологии Мосса и Леви-Стросса Бодрийяр заимствует понятие символического обмена (обмена дарами), как механизма функционирования политической системы первобытных обществ. И интерпретирует политические отношения в современном обществе также в категориях теории символического обмена.

Политическая власть, согласно Бодрийяру, основана на даре настолько неравноценном, что обратный дар (обращение обменов) становится невозможным: «Когда эта обратимость нарушается (именно в силу возможности одностороннего одаривания, каковая предполагает возможность накопления и одностороннего перемещения ценностей), то собственно символическое отношение гибнет и возникает власть; в дальнейшем она лишь разворачивается в экономическом механизме договора»¹. Политическая система дает человеку гарантию безопасности, и не одну. Эта система борется с преступностью и защищает человека от угрозы насильственной смерти. Системы здравоохранения, социального страхования и пенсионного обеспечения защищают человека от возможной смерти от болезни, голода или необеспеченной старости. Это и есть тот дар, вернуть который человек не в состоянии, поэтому жизнь человека принадлежит системе и его современное состояние — «послежитие». Это основа политической власти в современном обществе. Та же ситуация прослеживается и на уровне мировой политики, в отношениях между государствами и цивилизациями: «...ненависть всего остального мира к Западу...

Это не ненависть тех, у кого взяли все и не вернули ничего, скорее ненависть тех, кому все дали так, чтобы они не смогли вернуть. Значит, это не ненависть эксплуатируемых или лишенных собственности, это злоба униженных»².

Источник легитимности политической власти, согласно Бодрийяру, в «тирании кода». Тирания кода возникает одновременно с утратой знаками политического референции.

Политическая система становится замкнутой не только для обмена с реальностью, но и для развития в новые формы. Поскольку знаки обмениваются только на знаки той же системы, появление новых знаков невозможно —

---

¹ Жан Бодрийяр. Символический обмен и смерть. 3-е изд., М.: Добросвет, Книжный дом «Университет». 2009. С. 96.

² Жан Бодрийяр. Насилие глобализации //Логос.—2003.— №1—С. 20–23

это и есть тирания кода. Легитимность этой власти именно в том, что старые политические категории не исчезают, а превращаются в модель, в симулякр: «Именно принцип симуляции правит нами сегодня вместо прежнего принципа реальности. Целевые установки исчезли, теперь нас порождают модели. Больше нет идеологии, остались одни симулякры ... политическая экономия обретает вторую вечность в рамках строя, где она уже ничего не детерминирует, но сохраняет действительность в качестве симулятивной референции»¹. Люди не имеют иного выхода, кроме как мыслить о политике в старых категориях классово-борьбы, будущей революции или электоральных циклов представительских систем.

Однако продолжая мыслить таким образом, они не могут изменить политическую систему общества, поскольку партии уже никого не представляют, а революции ничего не изменяют. Бодрийяр цитирует Энтони Уилдена, его книгу «Система и структура»: «Каждый элемент, оспаривающий или подрывающий систему, должен принадлежать к более высокому логическому типу»

Каким тогда должен быть механизм политических изменений, к которому должны прибегнуть те, кого существующий политический код не устраивает? Бодрийяр предлагает радикальное решение данной проблемы: «на более высоком уровне, чем код ... оказывается одна лишь смерть, обратимость смерти.

Один лишь беспорядок символического способен прорваться в код»². Так, например, известные террористические акты 11 сентября Бодрийяр рассматривал как закономерный символический ответ тирании западного политического кода, чем и вызвал всплеск интереса к теории символического обмена. Итак, Бодрийяр предлагает альтернативную интерпретацию политической системы общества, как системы, основанной на неравном и отложенном во времени акте символического обмена, который порождает отношения господства-подчинения, и на последующей тирании кода, которая легитимизирует существующую политическую систему, делая невозможными реальные изменения в ней. Трактовка природы политической власти у Бодрийяра сближается с пониманием этой природы исследователями Франкфуртской школы — Маркузе и Адорно.

Однако, как отмечает Дьяков, «от „франкфуртцев“ его отличает понимание власти не как внешнего принуждения по отношению к человеку, но как технологического режима функционирования, в котором исчезает субъектно-объектная оппозиция, а по сути, сам индивид как субъект социальных отношений»³. То есть, Маркузе и Бодрийяра объединяют утверждения о замыкании универсума представления, об исчезновении трансцендентности

¹ Бодрийяр Ж. *Насилие глобализации* // Логос. — 2003. — № 1. — С. 20–23.

² Бодрийяр Ж. *Символический обмен и смерть*. 3-е изд. — М.: Добросвет, Книжный дом «Университет», 2009. — С. 47.

³ Дьяков А. В. *Жан Бодрийяр собственной персоной* // Хора. — 2009. — №2(8) — С. 5–28

мыкании универсума представления, об исчезновении трансцендентности в сфере политики: «Возникает модель одномерного мышления и поведения, в которой идеи, побуждения и цели, трансцендирующие по своему содержанию утвердившийся универсум дискурса и поступка, либо отторгаются, либо приводятся в соответствие с терминами этого универсума»¹. Однако, Маркузе считает, что человек становится объектом господства через механизмы интроекции и мимезиса², а Бодрийяр — что само господство растворяется в системе симуляции, что отношения господства-подчинения как таковые становятся сложно выявить.

Так же сложно оценить вклад Бодрийяра и в общее методологическое наследие политической мысли, то есть оценить перспективы какого-либо синтеза его подхода с другими подходами. Тем не менее, можно предположить, что главный вклад Бодрийяра в развитие политической теории состоит в актуализации ее классических проблем. Бодрийяр подвергает сомнению самые основы методологических подходов, используемых главными традициями политической мысли современности. Его критика этих методологических основ должна быть преодолена дальнейшим развитием методологии политической науки.

Библиография

1. *Бодрийяр Ж.* Символический обмен и смерть. 3-е изд. — М.: Добросвет, Книжный дом «Университет», 2009. — 387 с.
2. *Бодрийяр Ж.* Общество потребления. Его мифы и структуры. — М.: Культурная революция, Республика, 2006. — 269 с.
3. *Бодрийяр Ж.* В тени молчаливого большинства, или конец социального. — Е.: Издательство Уральского университета, 2000. — 95 с.
4. *Бодрийяр Ж.* Америка. — СПб.: Владимир Даль, 2000. — 206 с.
5. *Дьяков А. В.* Жан Бодрийяр собственной персоной // Хора. — 2009. — № 2 — С.5–28.
6. *Дьяков А. В.* Жан Бодрийяр: стратегии «радикального мышления». — СПб.: СПбГУ, 2008. — 357 с.
7. *Ильин И. П.* Постмодернизм от истоков до конца столетия: эволюция научного мифа. — М.: Интрада, 1998. — 255 с.
8. *Култер Дж.* Маркс Бодрийяра // Хора. — 2009. — № 2. — С. 84–88.
9. *Леви-Стросс К.* Первобытное мышление. — М.: Республика, 1994. — 384 с.
10. *Маркузе Г.* Одномерный человек. — М.: REFL-book, 1994. — 368 с.
11. *Мосс М.* Общества. Обмен. Личность: Труды по социальной антропологии. — М.: Восточная литература, РАН, Ин-т этнологии и антропологии им. Н. Н. Миклухо-Маклая, 1996. — 314 с.

---

¹ *Маркузе Г.* Одномерный человек. — М.: REFL-book, 1994. — С. 16.

² *Там же.* — С. 17.

Алексей Станиславович Исмаилов

Выпускник факультета политологии Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова¹

Вопрос идеологии в творчестве Г. П. Федотова

Аннотация

В статье рассматриваются сущностные особенности социально-политической концепции Г. П. Федотова, в частности вопрос роли идеи и идеологии в развитии России.

Ключевые слова: Г. П. Федотов, идея, идеология, Россия, развитие.

Георгий Петрович Федотов (1886–1951) — выдающийся русский историк, философ, литературовед, публицист — родился 1 (13) октября 1886 года в Саратове в небогатой дворянской семье. Будучи учеником гимназии, увлекся учением Маркса.

В 1912 году окончил историко-филологический факультет Петербургского университета. В 1904–1910 гг. участвовал в социал-демократическом движении, подвергался арестам, ссылке. В 1925 году вынужден был эмигрировать.

В 1910-е годы Федотов отходит от революционной деятельности и окончательно определяет круг своих интересов — средневековая история. В 1917–1924 гг. преподает средневековую историю в Саратовском университете, работает в частных издательствах Петрограда, участвует в деятельности религиозно-философского кружка.

В 1925 году покидает Россию и едет сперва в Берлин, а затем в Париж. С 1926 по 1940 гг. Федотов — профессор Православного богословского института в Париже.

С 1931 по 1939 гг. — редактор журнала «Новый Град». Эта статья посвящена роли общественного сознания в творчестве мыслителя.

В XX веке в отечественной политической мысли на первый план выходит материалистическая концепция, согласно которой духовная сфера общественной жизни является лишь «надстройкой» над «базисом» экономических процессов.

Г.П. Федотов, напротив, отводил идеологии довольно важное место в своих работах. С характерной для него умеренностью, Федотов не возводил идеологию в абсолют, однако выступал решительно против экономического, географического или любого другого редукционизма, отводившего идеологии второстепенную, подчиненную роль.

---

¹ Научный руководитель: кандидат исторических наук, доцент кафедры истории социально-политических учений факультета политологии МГУ Кирилл Михайлович Андерсон.

«Идея — огромная сила в истории»¹, — писал Федотов. Идеология имеет непосредственное отношение к политическому целеполаганию, так как определяет систему ценностей и идеалов.

Как и политика, идеология не является чем-то косным и неизменным. В идеологической сфере, как и в политике, постоянно идет противостояние эпох и поколений — между старым и новым, между различными мировоззренческими системами и так далее.

Г. Федотов считал, что одной из самых сложных задач мыслящей части общества является освобождение от старых, изживших себя представлений и создание новых, отвечающих потребностям эпохи. По мнению философа, первое в его время пошло гораздо дальше второго: «Наше время лучше находит себя в отрицании старых, чем в утверждении новых ценностей. В борьбе со старым объединяются чуть ли не все; в поисках нового начинается разброд»².

Примечательно, что в эмигрантской среде Федотов выделял три магистральных идеологических течения — «военное», «политическое» и «культурное». Первые — солдаты и офицера разгромленных армий Деникина и Врангеля. Их чаяния были связаны с новой мировой войной, которая позволит пойти военным походом на СССР. Второй тип также мечтал взять у большевиков реванш, но мирным путем.

К нему относилось множество «потенциальных лидеров», готовых «обустроить Россию» после падения коммунистического режима. Третий тип — «пореволюционные» движения, к которым так или иначе относилась та часть эмиграции, которая пыталась по-новому осмыслить происходящее в России после Октябрьской революции.

Здесь необходимо заметить, что Г.П. Федотов всегда отличался умеренностью, поэтому не примыкал ни к одному из описанных выше течений. Однако в силу стойкого неприятия радикализма третий тип был ему куда ближе, нежели первый два.

«Военные» и «политики», по мнению мыслителя, шли по «тупиковому» пути. Продолжение борьбы он считал «безумием», уделом тех, кто так ничему и не научился, и привести он может лишь к окончательному разобщению эмиграции со своим народом.

Ведь сама Революция как свершившийся факт — не столько военное поражение белых, сколько политический, социальный и, не в последнюю очередь, идеологический крах старого режима. Поэтому Федотов связывал возрождение своей родины с третьей группой, готовой иметь дело с Россией как исторической данностью.

---

¹ Федотов Г. П. Социальный вопрос и свобода // Судьба и грехи России – Санкт-Петербург, София, 1991. — Т.1. — С. 299

² Федотов Г. П. Ессе homo. О некоторых гонимых «изма» // Феномен человека. Антология. — М., 1993. — С. 78

При этом Федотов никогда не был записным «сменовеховцем». Он предостерегал от примирения с советской действительностью и жестко критиковал «возвращенцев», которые, как полагал мыслитель, «соблазнились мощью врага» и, ведомые ностальгическими чувствами и безрассудным оптимизмом, возвращались в «тюрьму». Идеал Федотова — «просветленная непримиримость», без ненависти жажды мести, но и без слепого поражения.

Путь к будущему России Федотов видел в дальнейшем развитии «русского национального сознания»¹. В этом сознании по замыслу Федотова должна быть восстановлена общепризнанная иерархия ценностей. Примечательно, что несмотря на повальное увлечение национализмом в эмигрантских кругах, Федотов рассматривал эту идеологию как препятствие восстановлению. «Она торжествует, — писал Федотов, — там, где есть диктатура, и превращается в «нового кумира», требующего человеческих жертв»². Мыслитель называл национализм одним из «самых ярких выражений сатанинских сил, господствующих в мире»³.

Не принимал Федотов и весьма популярную в определенный период идеологию евразийства, хотя поддерживал деловые отношения с его видными представителями и публиковался в их периодике.

Хотя некоторые элементы этой концепции были Федотову близки (прежде всего, это идея русского духовного ренессанса), у него вызывали стойкое недоверие неопределенность позитивной программы, идеологическая аморфность и аномальные претензии на пронизывающее влияние в сферах экономики, культуры, права. Федотов указывал на «культурное убожество этого феномена»⁴. Как и Ивана Ильина, Федотова возмущал мессианский провиденциализм. Не мог «русский европеец» Федотов смириться и с идеализацией Азии, и с примеренческим отношением к большевикам.

Критикуя большевизм, Федотов, в принципе, не был оригинален. Однако в отличие от многих других философов-эмигрантов, он сосредоточился не на теории марксизма, а на практике — сталинском СССР.

По мнению Федотова, в нем отсутствовало все положительное, что есть в социалистической идее, но есть ужасающий тоталитаризм и традиционный русский деспотизм, прикрытый революционной демагогией. А свобода и уважение к личности — ключевые ценности для Федотова.

Хотя Г.П. Федотова можно отнести к русским либералам, это отнюдь не значит, что его идеалом были западные демократии. Федотов, критикуя буржуазный эгоизм, приходит к выводу, что «экономический строй капита-

---

¹ Федотов Г. П. Проблемы будущей России // Судьба и грехи России – Санкт-Петербург, София, 1991. — Т.1. — С. 254

² Федотов Г. П. Новый идол // Судьба и грехи России – Санкт-Петербург, София, 1991. — Т. 2. — С. 54

³ Там же. — С. 53

⁴ Федотов Г. П. Судьба и грехи России – Санкт-Петербург, София, 1991. — Т. 1. — С. 224

листического общества уничтожает реальную свободу масс, свободу их духовной жизни, даже свободу их труда ради проблематической свободы многих»¹.

Отвергая все господствующие идеологии своего времени, Г.П. Федотов видел наиболее подходящей для возрождения России идеологию «христианского социализма». В ней нет антизападничества, свойственного евразийцам, нет и религиозного обскурантизма.

Федотовский вариант этой концепции (присутствовавший в том или ином виде и у его единомышленников) оформился в 30-е годы, когда Федотов работал в редакции журнала «Новый Град». Именно на его страницах философ изложил свое видение «нового пореволюционного сознания».

В нем Федотов стремился совместить социалистический гуманизм и идеал справедливости, либеральное уважение к свободе личности и христианство, с которым неразрывно связана судьба России и Европы.

Идея «Нового Града» — проект общества с христианской культурой и политикой, преодолевшего «хозяйственный хаос», классовую борьбу и притеснения. Федотов дает детальную расшифровку понятия «новый град» в статье «Социальный вопрос и свобода» (1931 г.). В этой работе мыслитель объявляет духовно и социально несостоятельными обе социально-политические системы — одну под «черно-красным знаменем социальной революции», другую — «под бледно-розовым флагом социального порядка и свободы»².

Он не видит существенной разницы между советским коммунизмом и итальянским фашизмом, потому пишет о едином «черно-красном» флаге вместо красного и черного³.

Г.П. Федотов делает вывод о необходимости построения конкретного социально-политического плана «Нового Града», основанного на идеале социальной справедливости: «Жизнь требует не маленьких жертв, не фискальных и полицейских ограничений, а широкого и смелого плана социальной реформы».

В качестве одного из краеугольных камней проекта философ предлагает заложить «неприкосновенность духовной свободы личности»⁴. Именно это исключает такое развитие событий, при котором «новый град» выродился бы в одну из разновидностей ленинского коммунизма. Укреплять неприкосновенность духовной свободы должна «сфера духа» — культура. И если командная экономика имеет право на существование, то саму мысль о построении культурной сферы аналогичным образом Федотов называет «преступной». Между тем, философ готов согласиться, что политическая свобода не имеет той же ценности, что и культурная: «Зависимость гражданина от

---

¹ Федотов Г. П. Проблемы будущей России // Судьба и грехи России – Санкт-Петербург, София, 1991. — Т. I. — С. 296-297

² Там же. — С. 296.

³ Там же. — С. 295-296.

⁴ Там же. — С. 297.

государства колеблется в зависимости от разных исторических потребностей»¹. Эта фраза также иллюстрирует идею Федотова о «демократической диктатуре» в рамках перехода от СССР к «Новой России». В силу конкретно-исторической необходимости политический строй может быть в известной степени жестким. «Права гражданина, — пишет Федотов, — не подлежат столь точному и принципиальному определению, как права человека»².

«Новый град» — не буржуазное общество, но трудовое, поэтому Федотов признает необходимость вмешательства государства в руководство экономикой.

В то же время государство не может быть единственным субъектом хозяйства. «Истинный социализм», по мнению Федотова, представляет собой «еще неизвестное, искомое сочетание личных и общественных сил»³.

Философ четко определяет назначение «Нового града» — «градуация свободы в хозяйственной жизни, градуация ее во всей культуре, в соответствии с подлинной иерархией ценностей — таково задание нового града, но не новой утопии, а насущнейшего, практического дела современности»⁴.

Социальное христианство, которое по замыслу Федотова должно стать общественно-политическим строем «Нового града», мыслитель противопоставлял и коммунизму, и фашизму, и капитализму (у новгородцев этот строй носил разные названия — «трудовой строй», «трудовое государство», «христианский социализм» и другие).

В нём, по мнению Федотова, воплотились три главные европейские идеи того времени — христианская трактовка истины, гуманистически-просвещенческая идея свободы и социалистические представления о справедливости. Аналогично принципу разделения властей они дополняют и уравновешивают друг друга.

Стоит отметить, что Федотов не провозглашал свой проект единственным верным и возможным. Однако он твердо был убежден, что спасение человечества именно в христианстве: «Человечество всегда может погибнуть.

И погибнуть на разных путях: в коммунизме, фашизме или буржуазном разложении. Но спастись оно может только в христианстве»⁵.

Таким образом, можно констатировать, что Г.П. Федотов, отводя идеологии одно из важнейших мест в своем творчестве, критиковал любые элементы антидемократизма, тоталитаризма, попрания свобод и унижения личности в существующих в то время идеологических доктринах, и видел наиболее правильный вариант в некоем «срединном» пути, который смог бы синтезировать все лучшее, что было привнесено Великими идеями. Этот подход нашел отражение в концепции «христианского социализма».

---

¹ Там же.

² Там же.

³ Там же. — С. 298-299.

⁴ Там же. — С. 299.

⁵ Там же.

Дмитрий Андреевич Хворов

Студент кафедры истории социально-политических учений факультета политологии Московского государственного университета им.

М. В. Ломоносова¹

Идеология этноконфессионального противостояния: движение объединенных ирландцев

Аннотация

В статье представлен краткий обзор идеологии этноконфессионального конфликта в Ирландии: анализ его истоков, предпосылок и участников за период с конца XVII по конец XVIII веков. Приводится конкретный исторический пример борьбы с идеологией этноконфессионального противостояния в виде движения «Объединенных ирландцев», возникшем в последнее десятилетие XVIII века

Ключевые слова: этноконфессиональный конфликт, «Объединенные ирландцы», Уолф Тон, Лимерикский договор, Генри Граттан.

Маленький остров, затерянный на краю Европы и непримечательный, пожалуй, ничем кроме соседства с Британией. Этим по большей части ограничиваются знания большинства обывателей об Ирландии, стране, чья многовековая история борьбы за независимость, а порой и просто за существование так сильно контрастирует со спокойной и величественной жизнью Европейских монархий. Угодно ли так было Богу или банальная жадность сыграла свою злую роль, но факт остается фактом: в конце XII в. Эйре подверглась англо-нормандскому нашествию, в корне, изменившему историю острова. Последующие столетия завоеватели методично вгрызались вглубь Ирландии, рассматривая местное население лишь как расходный материал и помеху в достижении главной цели — полному овладению островом. Серьезно укрепил позиции колонистов Оливер Кромвель. Движимый пуританской добродетелью, он, в середине XVII в, залил Ирландию реками крови и законодательно установил верховенство протестантов на острове. Окончательно же все точки над и были расставлены воинством венценосного Вильгельма Оранского, полностью освободившего ирландцев-католиков от бремени прав и вольностей и похоронившем всякие надежды коренного населения на подобие паритета в правах с завоевателями. Таким образом, дискриминация коренного населения острова, ирландцев-католиков, основанная на эскалации этноконфессионального конфликта достигла своего апогея.

---

¹ Научный руководитель: кандидат исторических наук, доцент кафедры истории социально-политических учений факультета политологии МГУ Кирилл Михайлович Андерсон.

Ключевой датой, которая во многом определила дальнейшее развитие Ирландии и суть многовекового религиозного противостояния, является 12 июля 1691 г. Это особый день для любого жителя острова: и католика, и протестанта. Именно тогда произошла победа воинов-протестантов, возглавляемых принцем Вильгельмом Оранским, над армией католического короля Якова II. Именно тогда сложилась траектория исторического развития Ирландии, которая была определяющей вплоть до начала XX века. И именно тогда католическое население мятежного острова на долгое время было отодвинуто на обочину политической жизни.

Лимерикский договор, заключенный 13 октября 1691 г, окончательно закрепил итоги третьего, самого успешного для протестантов завоевательного похода в Ирландию. Он был призван отразить некий новый баланс сил сложившихся на острове. Тем не менее, первоначальные условия капитуляции ирландских солдат предполагали, что они могут поступить на службу к французскому королю либо вернуться к себе домой и, присягнув на верность Вильгельму, пользоваться не меньшей терпимостью, чем до восшествия Якова на престол. Однако дублинский парламент, хотя и действовавший от имени Ирландии, но на деле представлявший собой узкую прослойку протестантской буржуазии, наотрез отказался ратифицировать договор без специальной серии «карательных законов», содержание которых не было обременено нормами морали, что, впрочем, не помешало им быть безупречными с юридической точки зрения.

Таким образом, серия дополнительных законов была призвана продемонстрировать католикам, что они являются людьми второго сорта. «Так к 1697 г., католики лишались активного и пассивного избирательного права, им запрещалось заниматься учеными профессиями (за исключением медицины, да и то по причине острой нехватки врачей), ни один католик не имел права преподавать в школах или владеть оружием. Католические поместья не могли переходить в наследство одному лицу, а срок аренды земли не мог превышать 33 лет».¹ Часть «карательных законов», апеллировавших к самым низменным чувствам, была направлена именно на то, чтобы разжечь вражду между самими ирландцами. Так, например, «признав авторитет протестантской церкви, сын католика мог сделать своего отца простым пожизненным арендатором его собственного имения, которое сын наследовал целиком, а жена, вступив в протестантскую церковь, приобретала право жить отдельно от своего мужа и заставить его оказывать ей материальную поддержку»². Кроме всего прочего браки между католиками и протестантами преследовались по закону.

Многие исследователи сходятся во мнении, что одной из главных особенностей английского владычества в Ирландии было его постоянное стрем-

---

¹ *Джексон Т. А.* Борьба Ирландии за независимость. — М.: Издательство иностранной литературы, 1949. — С. 89

² *Там же.* — С. 90

ление прикрыться маской религиозного рвения. Именно под предлогом установления «правильной» веры проводились карательные экспедиции и захватнические походы. Коренное население острова в таких случаях воспринималось как варварское, а английским колонизаторам приписывалась чуть ли не цивилизаторская миссия. «Стоит признать, что в Англии антипапская традиция, выросшая в процессе национальной борьбы против чужеземной церкви, сначала имела мощный прогрессивный потенциал. Однако впоследствии революционный лозунг «Долой папизм!» выродился в реакционный, фактически ставивший крест на возможности существования любой другой церкви кроме как англиканской»¹.

Таким образом, вся ненависть к католицизму, которая скопилась в Англии в процессе религиозных противостояний, естественным образом выливалась на население Ирландии, которое никогда не понимало сути теологических споров, ведь для них католическая вера была частью культуры. Отказаться от веры означало предать все то, во что верили сотни лет предки и как результат безвозвратно потерять уникальную культуру. Поэтому для подавляющего большинства населения Ирландии религия всегда была больше, чем просто религией. Католическая церковь была тем ядром, вокруг которого группировались все, кто стремился свергнуть ненавистное господство Англичан, она придавала силы и подвигала на подвиги.

Исходя из этого, можно сделать вывод, что протестантский национализм, искусственно деливший всех жителей Ирландии на две нации: католиков и не католиков, являлся основой этноконфессионального противостояния, продолжавшегося на острове в течение всего XVIII века. Этот национализм являлся прямым следствием боязни английских лендлордов потерять свои владения на острове. Путем столь реакционной политики в религиозном вопросе они пытались задушить фактически единственный организованный источник сопротивления иноземному господству — католическую церковь. Однако время покажет, что, несмотря на все запреты и угрозы, снизить влияние религии на жителей острова англичанам еще долгое время не удастся.

Преграды для эмансипации католического населения Ирландии созданные «карательными законами» надежно консервировали религиозные и социальные конфликты, длившиеся на острове веками. Но время не стоит на месте и конец XVIII века принес Ирландии помимо паровых машин значительные политические перемены.

Ввиду этого факта движение «Объединенных ирландцев» заслуживает особого внимания. Ведь оно представляет собой феномен, равного которому не было в политическом развитии Эйре ни до, ни после. Объединение католиков и протестантов под едиными лозунгами вещь практически не мыслимая для жителей острова, а потому движение «Объединенных ирландцев» —

---

¹ *Джексон Т. А.* Борьба Ирландии за независимость. — М.: Издательство иностранной литературы, 1949. — С. 91

это уникальный случай единения людей. Причем он интересен не только с исторической точки зрения, но и с политической. Ведь это, кроме всего прочего, еще и прекрасный пример умения находить компромиссы со своими оппонентами, не прибегая к силе оружия и власти денег, хотя две последние вещи зачастую и ускоряют процесс взаимопонимания.

Очевидно, что феномен возникновения движения «Объединенных ирландцев» в разобщенной с конфессиональной и социальной точек зрения колонии Англии уникален. Католики и протестанты веками люто ненавидели друг друга, а колоссальные различия в уровне материального обеспечения между ними придавали конфликту ярко выраженную социальную окраску. «Карательные законы» в значительной степени ограничивали экономическую активность католической части жителей острова вплоть до конца XVIII века. Случаи, когда у католика в собственности мог находиться достаточно большой участок земли, были крайне редки. Большая часть земельного фонда была сосредоточена в руках протестантских лендлордов. Именно они диктовали те кабальные условия, на которых католикам приходилось арендовать крохотные участки земли. Их не хватало даже для того, чтобы люди не голодали, не говоря уже о получении какой-либо прибыли. За лучшей долей люди шли в города, где постепенно начинала развиваться промышленность. Стоит отметить, что и любым значимым производством владели почти поголовно протестанты. Католиков зачастую не брали даже на самую низкооплачиваемую работу. Однако общий рост производства, наблюдаемый в Ирландии во второй половине XVIII, вынуждал владельцев предприятий привлекать на работу все новую и новую рабочую силу, не брезгуя даже католиками, тем более что труд их стоил гораздо дешевле.

Для понимания смысла глубинных преобразований, происходящих в Эйре в конце XVIII века необходимо принять во внимание следующий факт. «По сути дела, в Ирландии этого времени существовали не только две нации — католики и некаатолики, — но каждая из них в свою очередь была разделена на богатых и бедных. Развитие промышленности отрывало от земли не только католиков, но и большое количество бедняков-протестантов, а ограничение промышленности в интересах английских предпринимателей оставило этих безземельных бедняков без работы. Такое положение изводило наемных рабочих в городе и в деревне до положения крепостных»¹.

Таким образом, экономическое развитие в значительной степени разрушило перегородки, созданные «карательными законами». Протестанты и католики, работая бок о бок в городе, постепенно переставали испытывать взаимный страх и недоверие друг к другу. Их начинал объединять общий интерес борьбы с социальным гнетом, установленным промышленником. Религиозные предрассудки на какое-то время уступили пальму первенства классовым интересам. Об этом свидетельствуют частые случаи объединения ка-

---

¹ Коннолли Дж. Рабочий класс в истории Ирландии. — М.: Прогресс, 1969. — С. 103.

толиков с протестантами в борьбе за реформы. «Есть факты, говорящие о том, что даже мюнстерские «Белые ребята» находили себе руководителей среди протестантов»¹.

«По мере того как французская революция приближалась и вести о происходивших событиях распространялись все шире, в ирландском обществе быстро нарастал подъем национального самосознания. Однако еще большими темпами росли страхи и озлобленность аристократической верхушки. Таким образом, в короткое время французская революция стала тем индикатором, который определял политические убеждения всех и каждого, и вся нация разделилась на две большие партии: аристократов и демократов».

Именно в таких условиях в 1791 г и возникло движение «Объединенных ирландцев». Его идейным вдохновителем стал Теобальд Уолф Тон — прекрасный дублинский адвокат, который предпочел беззаветное и искреннее служение ирландскому народу спокойному и сытому существованию почтенного джентльмена. В приличном обществе не принято задавать неудобных вопросов, однако Тон, обладая гибким пером и твердым характером, поднимал на всеобщее обсуждение самые насущные проблемы Эйре. То, о чем немногие шептались в пол голоса, основатель Объединенных не боялся произнести публично перед своими политическими оппонентами. Идейную базу движения составила резолюция, написанная в начале 1791 г Уолфом Тоном по просьбе его друга, армейского офицера из Белфаста Томаса Русселя в честь второй годовщины взятия Бастилии. «Резолюция включала в себя три основных пункта: 1) английское влияние в Ирландии является наибольшим злом для страны, 2) самым реальным способом борьбы с ним является реформа, проведенная парламентом, 3) ни одна реформа не будет достаточно справедливой и успешной, если католики будут из нее исключены»².

Ярко выраженный демократизм Уолфа Тона поначалу насторожил многих протестантов, однако будучи умелым политиком и неплохим оратором Тон сумел в достаточно короткий срок убедить своих оппонентов в том, что слабость Ирландии заключается в многовековой вражде между католиками и протестантами. Он смог донести до жителей острова очень важную мысль, которая гласила, что все они являются, прежде всего, ирландцами и уже потом принадлежат к той или иной церкви.

Осознание этого факта и послужило мощнейшим толчком к созданию общества «Объединенных ирландцев». Его первое отделение начало свою работу в октябре 1791 г. в Белфасте, городе который издавна был неформальной столицей протестантской части острова и где были особенно сильны антикатолические настроения. Сразу же были налажены связи с остатками движения волонтеров. Это движение на рубеже 70–80-х гг XVIII в.

---

¹ *Джексон Т. А.* Борьба Ирландии за независимость. — М.: Издательство иностранной литературы, 1949. — С. 113.

² *Там же.* — С. 113.

оказало неоценимую поддержку Генри Граттану в осуществлении его парламентских преобразований, в ходе которых Ирландия получила некоторые поблажки от Британии в области законодательства. Однако новое общество стремилось выйти за рамки движения волонтеров и создать полноценную партию. «В своей легальной и особенно нелегальной пропаганде общество подвело колеблющихся людей, еще веривших в возможность мирного достижения реформы, к пониманию необходимости вооруженной борьбы. Последовательность и действенность этой пропаганды отчасти уменьшались тем, что значительная часть самого общества еще не окончательно потеряла надежду на мирный исход борьбы, а некоторые круги его, как показал последующий опыт, питали внутренний страх перед перспективой перехода от нелегальной, но мирной пропаганды и организации к открытой вооруженной борьбе»¹. Поначалу жесткой делемы, каким образом добиваться своих программных целей у руководителей Объединенных не стояло, во многом из-за того, что движение существовало на легальных основаниях. «Руководители организации пропагандировали свои взгляды так, как это было принято в XVIII столетии, т.е. во время общественных дискуссий или на специально созданных собраниях, где обсуждались обращения и резолюции по жгучим вопросам. Основные связи они устанавливали с лицами свободных профессий, торговцами, мануфактуристами и кое-где — с представителями более прогрессивного поместного дворянства, но вместе с тем они с самого начала пользовались большим влиянием среди зажиточных фермеров, самостоятельных ремесленников и у обыкновенных рабочих»². Таким образом, социальная база движения была крайне обширна от прогрессивной аристократии до рабочих предприятий.

Примерно в это же время Уолф Тон получает приглашение от Католического комитета в Дублине занять пост оплачиваемого представителя этого органа. Нужно сразу пояснить, что представлял из себя Католический комитет. Это был некий законодательный орган, куда имела доступ только узкая прослойка крупной католической буржуазии. Однако его специфика заключалась в том, что члены этого комитета не имели права прямой законодательной инициативы; они могли лишь выступать с ходатайствами к дублинскому или британскому парламентам и надеяться, что их унижительные прошения будут каким-то образом учитываться при принятии окончательных решений. Однако тот факт, что на место председателя этого органа был назначен протестантский демократ, неоднократно выступавший за свержение Британского господства на острове имел крайне важное значение, поскольку свидетельствовал о глубоких изменениях в политической атмосфере Католического комитета. До тех пор политика комитета сводилась к тому, что он

---

¹ Черняк Е. Б. Массовое движение в Англии и Ирландии в конце XVIII — начале XIX в. — М.: АН СССР, 1962. — С. 495.

² Джексон Т. А. Борьба Ирландии за независимость. — М.: Издательство иностранной литературы, 1949. — С. 116.

стремился снискать милости короны через вице-короля, надеясь таким путем добиться покровительства и защиты от фанатической злобы правящей олигархии в парламенте и вне его. Приглашение, адресованное Тону, доказывало, что комитет совершенно отказался от этой позиции. Прежде он запрашивал милости для религиозной группы, теперь он готовился требовать прав для граждан.

Таким образом, у идеологов «Объединенных ирландцев» хватило духу и аргументов убедить жителей своей страны в том, что все они, вне зависимости от религиозной принадлежности, являются гражданами Ирландии и живут под гнетом чуждой им страны, который необходимо свергнуть как можно скорее. В этом, пожалуй, и кроется главный секрет успеха движения «Объединенных ирландцев». Развитие промышленности Эйре конца XVIII века явно играло им на руку. Однако было бы значительным упрощением сводить все лишь к экономическим факторам, ведь в противном случае они должны были бы поставить крест на всех религиозных противостояниях на острове и положить начало эре согласия и примирения. Как известно этого не произошло.

И тут уместно вспомнить про общую политическую ситуацию в мире в конце XVIII века. Весь XVIII век господствующей идеологией в Европе оставалась идеология Просвещения. Она определяла направления исканий лучших умов того времени, на нее же ссылались заливая улицы Парижа реками крови. Естественно эти идеи не обошли стороной и Ирландию, однако здесь эффект их был многократно усилен конкретными примерами их применения на практике. «И если американская революция была тем живым источником, из которого черпали свои силы Граттан и волонтеры, то французская революция была таким же источником для общества «Объединенных ирландцев», руководимого Теобальдом Уолфом Тоном»¹. Если выделять те источники, которые оказали основное влияние на умы идеологов движения «Объединенные ирландцы», то их по существу окажется три.

Первый источник — это идеи просветителей, многие из которых лидер Объединенных Уолф Тон заимствовал, когда писал свои политические памфлеты. По существу они составляли идейную и мировоззренческую базу будущих преобразований, давали тот ориентир, к которому нужно стремиться. Вторым источником, на который следует обратить внимание, является опыт вооруженной борьбы за независимость в американских колониях. Тут следует подчеркнуть важную деталь: если на волонтеров эта борьба оказала скорее идейное воздействие и подтолкнула их к активным политическим действиям, то Объединенные пытались вынести из нее уже сугубо практическую пользу, пытаясь перенять конкретные методы и способы вооруженной борьбы. Третьим источником, оказавшим влияние на движение Объединенных была Французская революция и опыт французской республики. Именно

---

¹ *Джексон Т. А.* Борьба Ирландии за независимость. — М.: Издательство иностранной литературы, 1949. — С. 112.

отсюда идеологи «Объединенных ирландцев» черпали знания относительно того, как нужно совершать революционный переворот и организовывать последующую систему управления обществом. Эти три идеологических источника (каждый из которых был важен по своему) в купе с экономическими преобразованиями и составили те уникальные условия, в которых стало возможным возникновение движения «Объединенных ирландцев», — соединение дотоле враждующих между собой этнических групп. Пример, который не утратил своей актуальности и по сей день.

Наталья Александровна Чамаева

Аспирант факультета политологии Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова¹

Понятие игры в политической теории Майкла Оукшотта

Аннотация

Работа посвящена анализу понятия игры в политической теории британского политического философа Майкла Оукшотта (1901–1990). Данное понятие является одним из основных для мыслителя и встречается в трудах Оукшотта на протяжении всего его творческого пути. Анализ содержания и контекстов употребления понятия игры в различных работах Оукшотта позволяет понять, как в его концепции из локальных частных практик складывается общество и государство, в чем состоит фундаментальное различие двух моделей политического устройства общества («ассоциации предпринимателей» и «гражданской ассоциации»), как свобода возникает и функционирует внутри «игрового» пространства человеческой деятельности, а также ответить на ряд других актуальных для оукшоттоведения вопросов.

Ключевые слова: Оукшотт, политическая теория, игра, легитимность, свобода, закон, норма, мораль.

Майкл Джозеф Оукшотт (1901–1990) — известный в мировой политической науке философ и политолог, профессор кафедры политических наук Лондонской школы экономики и политической науки, наследие которого получает всё большее освещение в работах современных российских историков философии и социально-политических учений. Среди наиболее часто цитируемых в мире общефилософских трудов Оукшотта следует назвать

---

¹ Научный руководитель: доктор политических наук, профессор кафедры философии политики и права философского факультета МГУ **Ольга Юрьевна Бойцова**.

«Опыт и его виды», «О человеческом поведении», «Политика веры и политика скептицизма»¹. Отечественные исследователи, как правило, лучше ознакомлены с политико-философским наследием мыслителя и чаще всего ссылаются на такие доступные на русском языке работы мыслителя, как «Рационализм в политике и другие статьи», включая работы «Что значит быть консерватором», «Политическая экономия свободы», «Рациональное поведение», и «Голос поэзии в беседе человечества», а также на небольшой фрагмент книги «Массы в представительной демократии»². В последнее время появляется всё больше исследований, посвященных различным аспектам политической теории Майкла Оукшотта³. Тем не менее, множество интересных и перспективных направлений анализа его наследия по-прежнему остаются в тени как у отечественных, так и у зарубежных авторов.

---

¹ *Oakeshott M.* Experience and its Modes. Cambridge, 1933; *Oakeshott M.* On Human Conduct. Oxford, 1975; *Oakeshott M.* The Politics of Faith and the Politics of Scepticism. New Haven, 1996.

² *Оукшотт М.* Рационализм в политике и другие статьи. М., 2002; *Оукшотт М.* Массы в представительной демократии // Антология мировой политической мысли в 5-ти тт. Т.2. М., 1997.

³ *Алексеева Т.* Майкл Оукшотт против рационализма. (<http://ru-contra.nm.ru/pi/9.html>); *Николаев Б.* Майкл Оукшотт: «Мертвое прошлое историка» // «Юридический вестник». Вып. 5, 2000. С. 63–72; *Николаев Б.* Проблемы методологии в трудах Майкла Оукшотта. Канд. дисс. Пенза, 1996; *Николаев Б.* Теория права М. Оукшотта: Понятие «философской юриспруденции» // Юридический вестник. Выпуск 12. Пенза, 2003; *Никоненко С.* Концепция рационализма в политике М. Оукшотта. Пересмотр моральных и религиозных ценностей М. Оукшоттом // Никоненко С. Английская философия XX века. СПб., 2003; *Сулимов К.* Майкл Оукшотт как критик рационализма // «Политическое исследование», № 5, 2003; *Чамаева Н.* Ассоциация предпринимателей и гражданская ассоциация в политической теории Майкла Оукшотта // SCHOLA-2009: Сборник научных статей философского факультета МГУ. М., 2009; *Чамаева Н.* Исследование политической реальности: методология Майкла Оукшотта // Актуальные проблемы современной политологии: взгляд молодых учёных. М., 2010; *Чамаева Н.* Консерватизм в политической философии Майкла Оукшотта // Вестник Московского университета Серия 12. Политические науки., №5, 2005; *Чамаева Н.* Майкл Оукшотт об исследовании политической реальности // Вестник Московского университета Серия 12. Политические науки, №5, 2009; *Чамаева Н.* Методология моделирования политической реальности у Майкла Оукшотта (тезисы) // Материалы XVI Международной конференции студентов, аспирантов и молодых ученых «Ломоносов». Том III. М., 2009; *Чамаева Н.* Политика как объект анализа в политической философии Майкла Оукшотта // SCHOLA-2006: Сборник научных статей философского факультета МГУ. М., 2006; *Чамаева Н.* Смысл свободы и ее место в политической теории Майкла Оукшотта (тезисы) // Материалы XVII Международной конференции студентов, аспирантов и молодых ученых «Ломоносов». М., 2010; *Чамаева Н.* Спор о рациональности: Оукшотт versus Поппер // Гуманитарные науки: в поиске нового (Межвуз. сборник научных трудов). Вып. IV. Саранск, 2005.

Одно из таких направлений — анализ понятия игры в политической теории Оукшотта. Понятие игры является сквозным для всего творческого пути мыслителя. Само это слово — игра (play) используется им очень широко, представляя собой метафору некоторой структуры и одновременно процесса, не преследующих какой-либо иной цели, за исключением единственной: поддержания существования самой игры, доставляющей удовольствие участникам и объединяющей их вокруг общего интереса. Понятие игры очень удобно для Оукшотта, поскольку объединяет в себе нормативную и процессуальную стороны жизнедеятельности, имеет локальный и подчеркнуто добровольный характер. Другими словами, участники игры — это индивиды, объединенные общим желанием взаимодействовать и принявшие «правила игры», то есть совокупность норм (прописанных в явном виде или признанных негласно, но в любом случае признанных легитимными в данном сообществе), которые представляют собой «тело игры» и делают данную локальную игру отличной от прочих.

Метафора игры используется Оукшоттом в тех случаях, когда ему нужно обосновать легитимность тех или иных нормативных практик, будь то повседневная деятельность людей, объединяющихся для достижения каких-то бытовых целей, работа правительства, становление и развитие идеологических систем и дискурсов о политике.

Понятие игры у Оукшотта часто стоит рядом с такими близкими для него образами, как множественность точек зрения, беседа традиций, толерантность, плюрализм, модальность, диалектика. Очень часто комплексу этих близких, почти синонимичных для Оукшотта понятий он противопоставляет группу таких понятий, как метафизика, редукционизм, инструментальный рационализм, идеологическая война. Анализ понятия игры позволяет глубже проникнуть в суть данного противопоставления и чётче определить, что именно в современной ему политической философии и практической политике Оукшотт отвергает, а что приветствует и поддерживает.

В практически неизученной в отечественной политологической традиции статье Оукшотта «Работа и игра» хорошо выделены признаки игры. В отличие от «работы», «игра» не носит принудительный характер, её целью не является производство какого-либо потребляемого блага, за исключением удовольствия от самого процесса игры, для участия в игре не требуется ничего, кроме принятия свода «правил игры», которые определяются до начала игры, признаются всеми участниками игры в качестве легитимных и могут корректироваться в процессе игры, но никогда не имеют «обратной силы». Чтобы понять, какое значение имеет данная трактовка понятия игры для политической теории Оукшотта, следует обратиться к другим его работам¹, в которых понятие игры становится основой для рассуждения об особой форме социально-политического устройства, названного мыслителем «граж-

---

¹ *Oakeshott M. Hobbes On Civil Association. Indianapolis, 2000; Oakeshott M. On Human Conduct. — Oxford, 1975.*

данской ассоциацией» (“societas”, “civil association”). По сути, в использованной Оукшоттом бинарной конструкции, полюсами которой являются «гражданская ассоциация» и «ассоциация предпринимателей», прослеживается то же противопоставление «игры» «работе».

В гражданской ассоциации законы, как и правила в игре, не носят инструментальный характер. Они не устремлены к какой-либо конечной цели, по достижении которой игра (или деятельность общества) завершилась бы. Гражданская ассоциация зиждется на толковании норм в логике игры; ее единственной явной целью является предоставление гражданам возможности действовать свободно, т.е. постоянно осуществлять выбор из имеющихся альтернатив в долгосрочной перспективе при условии неопределенности (бесконечности) будущего. Очевидно, что в данной «игровой» модели социально-политического устройства роль государства здесь ограничена, а законодательные ограничения направлены на обеспечения максимума свободы индивидам и группам.

Интересно, что такие понятия, как игра, норма, мораль и закон, с самого начала творческого пути Оукшотта оказываются для него глубоко связанными, что видно уже из ранних работ мыслителя, в которых он углубляется в анализ наследия Томаса Гоббса. Процедура установления правил игры, о которой говорит Оукшотт во многих своих трудах, посвященных великому британскому философу, сходна с гоббсовской идеей моральной природы общественного договора. По Гоббсу (в интерпретации Оукшотта), индивиды санкционируют нормативные практики — закон и мораль, — которые не являются инструментом достижения каких-либо конкретных, явно сформулированных всеобщих целей; напротив, они предоставляют возможность каждому действовать в свою собственную пользу, выполняя самостоятельно и по собственной инициативе необходимые для достижения своих целей действия. «Моральная жизнь возникает только тогда, когда поведение человека освобождено от естественной нужды, то есть тогда, когда существуют альтернативные способы поведения... Она требует наличия возможности выбирать», — пишет Оукшотт, анализируя гоббсовского «Левифана»¹. Власть закона — здесь Оукшотт поддерживает и развивает точку зрения Гоббса — заключается в определении «процедурных условий» выбора.

Анализ понятия морали у Гоббса помогает Оукшотту четче сформировать собственное представление о морали, в основу которого положен всё тот же образ «игры». Мораль для Оукшотта — это не система общих правил или кодекс законов, а общеупотребительный «язык», совокупность норм, из которых граждане (развивая метафору Оукшотта, их можно назвать «игроками») могут извлечь принципы поведения, «если им так угодно», но сам язык их им не навязывает. Таким образом, ассоциация граждан формируется совокупностью процедур, представляющих собой правила игры в данном

---

¹ *Oakeshott M. The Moral Life in the Writings of Thomas Hobbes (1960) // Oakeshott M. Rationalism in Politics and Other Essays. — L.; N.-Y., 1962. — P. 80.*

сообществе, но не предписывающих результаты игры, не предопределяющие, кто выиграет, а кому суждено быть побежденным. Напротив, по мысли Оукшотта, *правильно* устроенное общество (т.е. общество, установившее, признавшее и соблюдающее свои *правила*) будет существовать до тех пор, пока все действующие лица признают легитимность данных правил и согласны поддерживать их функционирование. Интересно, что хорошо продуманные «правила» (законы, нормы) в представлении Оукшотта обладают очень большой гибкостью. Ими можно руководствоваться, но в равной степени можно и пренебречь. Правило никогда не предопределяет, как именно следует поступить; оно лишь очерчивает круг возможных действий и последствий соблюдения или несоблюдения нормы. Игровой язык норм не налагает на индивидов требования думать, чувствовать, вести себя или высказываться определенным образом; как подчеркивает Оукшотт, он приходит к ним в виде множества приглашений понимать, выбирать и отвечать. Язык состоит из условностей и правил речи, словаря и синтаксиса; его непрерывно изобретают те, кто говорят на нем, и использование обогащает его. «Это инструмент, на котором можно играть, а не мотив, который должен быть сыгран. Учиться говорить на нем значит учиться наслаждаться им и вступать в отношения с другими индивидами», — подчеркивает мыслитель¹. В терминах политологии, данная Оукшоттом интерпретация закона не предписывает содержания деятельности, но дает критерий разграничения действий по степени легитимности, причем как формальной, так и неформальной, а также устанавливает систему общеизвестных ограничений и санкций за нарушение правил игры.

У гражданской ассоциации, как крайней точки предложенной Оукшоттом бинарной модели социального устройства, нет и не может быть централизованного представления об общей цели, будь то «победа», «справедливость» или «мир во всем мире», — вокруг которого выстроилась бы некоторая замкнутая, конечная и противопоставленная прочим идеологическая система. Гражданская ассоциация не устремлена ни к какому конечному «общему благу», в отличие от ассоциации предпринимателей, функционирующей в режиме постоянного ожидания «конца света», финальной ревизии, подсчета итогов игры и оценки, каких результатов достиг тот или иной «игрок». При таком способе организации никто не имеет преимущественного права навязать другим свое видение ситуации; в этом смысле гражданская ассоциация бесцельна, как и всякая хорошая игра, доставляющая удовольствие самим процессом игры, длящимся вечно, «пока не надоест».

По мысли Оукшотта, гражданская ассоциация по определению бесцельна, но отнюдь не бессмысленна. Смысл ее существования — в создании условий для сосуществования множества целей, разнообразия локальных ассоциаций предпринимательского типа, для сохранения различных точек зрения и модальных миров. Единственной высшей ценностью подобного образа

---

¹ *Oakeshott M. On Human Conduct. — Oxford, 1975. II, 5.*

политики (Оукшотт часто называет его достоянием консервативного мировоззрения¹) является признание разнообразия убеждений и видов деятельности, а также поддержание мира, — но не путем наложения запрета на свободу выбора и уничтожения спектра альтернатив в результате выбора чего-то определенного. Свобода в гражданской ассоциации — это состояние, наступающее тогда, когда правила игры, поведения, построения дискурса представляются действующему лицу продуктом его собственного выбора, и вся ситуация оказывается санкционирована его согласием на ее разворачивание, что предполагает возможность деятеля действовать так, как вздумается, в рамках принятых им и подверженных пересмотру по его желанию правил.

По Оукшотту, смысл существования гражданской ассоциации представляет собой совокупность смыслов, которые в нее вкладывают граждане, причём смыслы эти у каждого свои, они не могут быть редуцированы ни к чему другому, не могут быть сведены к более узким понятиям, поскольку такая процедура привела бы к подмене наличной множественности человеческих практик идеологической конструкцией, пренебрегающей уникальностью каждого индивида и ценностью его жизненного мира. Соответственно, единственной общей целью гражданской ассоциации можно считать поддержание status quo, то есть состояния свободы (в оукшоттианском смысле слова «свобода»), когда граждане вольны участвовать в локальных «ассоциациях предпринимателей» и достигать любых целей, за исключением тех, которые претендуют на разрушение всей социальной макроконструкции.

Подводя итог данного анализа, отметим, что выработанное Оукшоттом понятие «игры» оказалось очень близким ряду понятий, выработанных политической философией XX века, в том числе французской аналитической традицией и, в частности, Мишелем Фуко. Близость методологических позиций, ценностных установок и суждений этих двух мыслителей по ряду эпистемологических, политико-философских, логических и историко-философских вопросов заслуживает отдельного фундаментального исследования. Однако уже сейчас можно сделать вывод о сходстве их интерпретаций понятия свободы, связанном с выявлением игровой природы данного понятия.

Как было показано выше, «игра» для Оукшотта (будь то игра в «общество», «политические партии», «идеологии», «правительство», «государство», «народ») будет продолжаться до тех пор, пока образующие её правила остаются легитимными и в игре соблюдается баланс интересов участников, каждому из которых выгодно и привычно оставаться внутри игрового пространства, реализовывать свои интересы и наслаждаться предоставленной свободой. И для Фуко², и для Оукшотта ключевым в интерпретации свободы

---

¹ Оукшотт М. Что значит быть консерватором // Оукшотт М. Рационализм в политике. — М., 2002.

² См., например: Фуко М. Порядок дискурса // Фуко М. Воля к истине: по ту сторону знания, власти и сексуальности. Работы разных лет. М., 1996; Фуко М.

является понимание того, что свобода всегда локально определена и представляет собой «игровое» пространство, выделенное благодаря некоторым ограничениям, пределам, условиям, нормам или, проще говоря, «правилам игры».

Александр Андреевич Шириняц

Доктор политических наук, профессор, заведующий кафедрой истории социально-политических учений факультета политологии Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова

С. П. Шевырев в истории социально-политической мысли России

Аннотация

Место Шевырева в истории социально-политической мысли России определяет огромный научный и патриотический вклад как в литературоведение и педагогику, так и в теорию и практику русского политического консерватизма, сутью которого является не утверждение узконационального эгоизма, а стремление к синтезу в российской национальной культуре и политике всего лучшего, накопленного человечеством.

Ключевые слова: С. П. Шевырев, социально-политическая мысль, XIX век

При оценке консервативного, «хранительного» варианта социально-политической мысли возникают специфические трудности, связанные с тем, что, в отличие от универсальных и интернациональных идеологий социализма или либерализма, консерватизм всегда представляет собой сугубо национальное явление. На проблему разнообразия конкретно-исторических типов консерватизма накладывается не менее сложная проблема его «трансляции» на инациональный язык. Об этом хорошо сказал К. Н. Леонтьев: «...охранение у всякой нации свое, у турка — турецкое, у англичанина — английское, у русского — русское; а либерализм у всех один»¹.

К этому нужно добавить, что русская консервативная традиция не вырабатала сколько-нибудь «устоявшегося», единого философско-политического основания, в рамках которого она могла бы рассматриваться как консолидированное идейно-политическое течение. Видимо поэтому состав пред-

---

Субъект и власть // Фуко М. Интеллектуалы и власть: Избранные политические статьи, выступления и интервью. Ч. 3. М., 2006.; Фуко М. Этика заботы о себе как практика свободы // Фуко М. Интеллектуалы и власть: Избранные политические статьи, выступления и интервью. Ч. 3. М., 2006.

¹ Леонтьев К. Н. Чем и как либерализм нам вреден // Леонтьев К. Н. Избранное. М., 1993. — С. 171.

ставителей консервативного направления формируется в научной литературе довольно противоречивым образом и часто определяется скорее авторскими предпочтениями, чем конкретными теоретическими или историографическими основаниями.

В начале XIX века европейские устремления мыслящей части русского общества сменились на осознание того, что любые попытки приблизить Россию к европейской цивилизации не должны вести к утрате ее собственных национальных начал и духовных ценностей. «Консервативный разворот» в России ознаменовался переменой европейских приоритетов, источников политической мысли, в которых русские теоретики находили вдохновение для своих консервативных воззрений. От просветительских учителей — Руссо, Гельвеция, Локка, Монтескье, Гердера произошла переориентация на идеи Берка, де Местра, де Бональда, немецких романтиков, Шеллинга и Гегеля. Новым источником становится православная святоотеческая традиция, в которой многие русские консерваторы находили главное вдохновение.

Инициатором «консервативного разворота» русской социально-политической мысли стал историк и мыслитель Н. М. Карамзин.

Карамзинский вариант консерватизма — это не просто прагматически-политическая доктрина, выражавшая интересы лишь узко-корпоративного придворного круга, «официальную догму» и больше ничего (как утверждали многие советские историки), это — начало консервативного направления социально-политической мысли, имевшее огромное влияние в России.

Великое значение Карамзина состояло в том, что основанная им консервативная линия русской социально-политической мысли связывалась, главным образом, с выражением особым образом понятых «народных интересов», «народности», соотносимых, прежде всего, с ценностями национальными — духовными, государственными и религиозными, а не классовыми, сословно-иерархическими, кастовыми.

В этом принципиальное отличие русского консерватизма как от восточного (китайской иерархии «тысячи церемоний»), так и от западного консерватизма, особенно английского торизма, отражавшего парламентарно-представительную систему.

Как историк Карамзин всегда обращается к патриоту и никогда — к космополиту, ибо считал, что: «истинный Космополит есть существо метафизическое, или столь необыкновенное явление, что нет нужды говорить об нем, ни хвалить, ни осуждать его»¹.

Однако нужно особо подчеркнуть, что отстаивая самобытность государственно-политического устройства России, Карамзин ни в коем случае не выступал в качестве «ненавистника Запада».

Усилиями ряда ученых и, прежде всего Ю. М. Лотмана и Ю. С. Пивоварова, в современной версии истории социально-политических учений Ка-

---

¹ Карамзин Н. М. История Государства Российского. Т. 1. — Калуга: 1993. — С. 6.

рамзин по праву возглавил перечень отцов-основателей русского политического консерватизма.

Однако консервативное творчество ряда других отечественных мыслителей почему-то до сих пор остается за рамками предметного поля историко-политологической науки. При этом в основе такого отторжения обычно лежат или известные идеологические стереотипы или недобросовестное исследование корпуса трудов мыслителя.

Конкретизируем сказанное на частном примере. В свое время с подачи В. Г. Белинского и его последователей всем вдруг стало понятно, что «погодинский клевет» Степан Петрович Шевырев — педант «Шевырка», один из «холопов знаменитого села Поречья» и апологет уваровской формулы «Православие, Самодержавие, Народность» — ничего полезного не сделал ни для русского общества, ни для мировой науки.

Характерным проявлением живучести подобных идеологических штампов явилась статья Е. Евтушенко, в которой наш современник, посвятивший «не раз нещадно измолоченному собратьями по перу за его политические, официально охранительные взгляды» С. П. Шевыреву разухабистое, в корявом стиле известного «Служил Гаврила почтальоном...», стихотворение «Поучатель» («Был Степа Шевырев пиит способистый /... Он лекции читал, ворча и фыркая, / всех уставал, сам от себя устав, / и стал из Шевырева он Шевыркою/ у студиозусов на каверзных устах...»), проводит прямые исторические аналогии между серединой XIX века и сталинской эпохой, клеймит почем зря Шевырева — «яростного охранителя устоев империи», заматеревшего «в своем искреннем, а на самом деле недобросовестно разрушительном охранительстве»¹.

Более того, стараниями людей очень невнимательно — (или напротив, очень внимательно, но под определенным, заданным внешними обстоятельствами, углом зрения) — читавших статью Шевырева 1841 г. «Взгляд русского на современное образование Европы»², ему в истории русской социально-политической мысли определили не совсем приличное место кликуши «гниения Запада».

Действительно, в статье аргументация Шевырева разворачивается вокруг доказательств тезиса о духовном кризисе западного мира, об умирании европейской культуры и логически вытекающего отсюда утверждения о самобытности России и ее великой миссии в мире.

Но выражения «гнилой Запад» у Шевырева мы не найдем. А найдем мы фразу о прежде «веселом, забавном, простодушном французском водевиле», теперь «смеющемся сквозь слезы и плачущем сквозь смех», изменение характера которого, по мнению Шевырева, стало яркой иллюстрацией «сокру-

---

¹ Евгений Евтушенко. Степан Шевырев. Поэт одной мысли // Новая газета. — № 2. — 2005. — 13 января. URL: <http://www.novayagazeta.ru/data/2005/02/24.html>

² Шевырев С. Взгляд русского на современное образование Европы // Москвитянин. 1841. — Ч. 1. — № 1. — С. 219–296.

шения» внутреннего бытия французской нации, пораженной недугом старости, нации, в которой коренное, природное чувство веселья оказалось «заедено злым червем, растущим из болезненного гниения жизни»¹.

Именно эту фразу и обширную выписку из работы французского литературоведа Филарета Шаля, которую привел в своей статье Шевырев, его противники-западники во главе с Белинским, а вслед за ними некоторые ученые-исследователи² развернули во всеобъемлющую формулу «гнилой Запад», которую якобы изобрел и пропагандировал Шевырев. О таких интерпретаторах, в 1873 г. хорошо сказал М. П. Погодин: «Запад гниет — это выражение, употребленное в какой то статье «Москвитянина» Шевыревым, попало на зубы западникам, и вот уже лет тридцать, как оно переворачивается ими на все стороны, треплется по всем газетам и журналам и подвергается всяким площадным насмешкам и ругательствам. Нет ни одного пошляка, который бы с самодовольством не прокричал: запад гниет, ха-ха-ха!»³. В ряде случаев, по воле таких интерпретаторов, Шевырев удостоивался упоминания в истории русской общественной мысли именно и только лишь как автор «теории-афоризма» о гниющем Западе⁴.

Подобное отношение к Шевыреву, мягко говоря, несправедливо.

Во-первых, потому, что об исторических ощущениях «гниения», навязанных западной жизнью и литературой, высказывались многие другие мыслители, и в своих рассуждениях о нравственном кризисе Европы, о тяжелой болезни западного мира Шевырев не был оригинальным. «Идея эта, — отмечал П. Б. Струве, — как достояние русской мысли, конечно, не принадлежит никакому отдельному лицу. Но... она и не есть вовсе, как идея, достояние только русской мысли»⁵.

---

¹ См.: *Шевырев С. П.* Взгляд русского на современное образование Европы // *Москвитянин*. — 1841. — Ч. 1. — № 1. — С 266-267.

² См.: *Славянофильство и западничество: консервативная и либеральная утопия в работах Анджея Валицкого* // *Реферат. сб.* / Сост. Душенко К. В. — М., 1991. — Вып. 1. — С. 30.

³ *Погодин М. П.* К вопросу о славянофилах // *Погодин М. П.* Избранные труды / *Погодин М. П.*; [сост., авторы вступ. ст. и коммент. А. А. Ширинянец, К. В. Рясенцев; подготовка текстов А. А. Ширинянец, К. В. Рясенцев, Е. П. Харченко]. — М.: Российская политическая энциклопедия, 2010. (Библиотека отечественной общественной мысли с древнейших времен до начала XX века). — С. 492-493.

⁴ См., напр.: *Бердяев Н. А.* Русская идея. Основные проблемы русской мысли XIX века и начала XX века // *О России и русской философской культуре. Философы русского послеоктябрьского зарубежья*. — М., 1990. — С. 77.

⁵ *Струве П. Б.* С. П. Шевырев и западные внушения и источники теории-афоризма о «гнилом», или «гниющем» Западе. Изыскания, сопоставления и материалы // *Записки русского научного института в Белграде*. — Вып. 16-17. — Белград, 1941. — С. 247.

Во-вторых, предложенное Шевыревым решение проблемы соотношения европейского, общечеловеческого и русского, национального, а именно об этом идет речь в его работах, много сложнее вульгарных сравнений Запада со «смердящим трупом».

Тем не менее, образ чинопоклонника и педанта, консерватора-реакционера, одиозного представителя «официальной народности», «ненавистника Запада» — на долгие годы заслонил реального Шевырева (одаренного поэта, талантливого литературного критика и политического публициста, серьезного педагога и ученого, открывшего современникам целый пласт памятников древнерусской письменности, одного из основателей новой для своего времени науки — истории российской словесности).

На самом деле, в своих работах Шевырев предстает перед нами как энциклопедически образованный человек, вдумчивый исследователь, блестящий знаток не только культуры и истории Италии, но и всего Запада (включая античный период). Об этом свидетельствует, в частности, хотя бы то, что его труд о «Божественной комедии» Данте — «Дант и его век. Исследование о Божественной Комедии», напечатанный в «Ученых записках императорского Московского университета» в 1833-1834 гг. — до сих пор не утратил своего научного значения¹. И не только в силу затейливости примененных Шевыревым герменевтических приемов или блестящего анализа дантовской политической мифологии, но и в силу продемонстрированного тонкого стилистического сочетания формально-логического и эмоционального способа выражения мысли. Высказывания Шевырева подчас удивляют глубиной проникновения в суть вещей и экспрессией².

Нужно подчеркнуть, что с точки зрения социально-политической — Шевырев всегда и везде добросовестно работал на благо России, твердо и резко защищая все русское и московское от нападков недоброжелателей.

При этом он пропагандировал не гибель «гниющего Запада», а *синтез общечеловеческих ценностей и русской духовной культуры*.

Подобное отношение Шевырева к проблеме «национального» и «общечеловеческого» хорошо демонстрируют многие его работы, которые были включены в самостоятельный том замечательной «Библиотеки отечественной общественной мысли с древнейших времен до начала XX века»³.

---

¹ См.: Асоян А. А. «Почтите высочайшего поэта...» Судьба «Божественной комедии» Данте в России. — М.: Книга, 1990. — С. 192.

² Чего стоит, например, его экспрессивный образ дрожащей руки природы-художницы: «Так как материя мешает совершенству; то природа никогда уже не выдает произведения в том идеале, какой сначала печатлеет Бог; природа действует, подобно художнику, опытному в искусстве, но у которого рука дрожит». (Дант и его век. Исследование о Божественной Комедии. Адъюнкт-Профессора С. Шевырева // Ученые записки императорского Московского университета. — М.: Университетская типография, 1834. — № 7. — С. 159–160).

³ Шевырев С. П. Избранные труды / С. П. Шевырев; [сост. К. В. Рясенцев, А. А. Ширинянец; автор вступ. ст. А. А. Ширинянец; авторы коммент. М. К. Кирюш-

Эти работы показывают, что, будучи русским патриотом и европейски образованным человеком, Шевырев вслед за Карамзиным выступает против крайностей и русофильства, и чужелюбия за соединённую любовь к человечеству и отечеству. В этой связи можно процитировать его слова: «одно без другого не может быть полно. Любовь к человечеству, не применённая к нашим ближним, олицетворяемым для нас в отечестве, перерождается в отвлечённый и праздный космополитизм. Любовь к отечеству, не озарённая светом любви к человечеству, переходит в узкий или квасной патриотизм»¹.

На наш взгляд, место Шевырева в истории социально-политической мысли России определяет не теория-афоризм о «гниющем Западе», а огромный научный и патриотический вклад как в литературоведение и педагогику, так и в теорию и практику русского политического консерватизма, сутью которого является не утверждение узконационального эгоизма, а стремление к синтезу в российской национальной культуре и политике всего лучшего, накопленного человечеством.

Иван Владимирович Якубов

Студент кафедры истории социально-политических учений факультета политологии Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова²

Чартизм: пролетарская партия или народный фронт?

Аннотация

Массовое народное движение в Англии, приковавшее внимание всей страны, развернулось с середины 30ых годов XIX в и продолжалось более двух десятилетий. В историю оно вошло под названием чартизма в честь хартии, за которую они боролись. Чартисты стали самым крупным народным движением первой половины XIX в. В некоторые периоды под знаменем чартизма выступали миллионы людей по всей Англии.

Ключевые слова: чартизм, народный фронт, Уильям Ловетт.

ина, К. В. Рясенцев, А. А. Ширинянц]. — М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2009. (Библиотека отечественной общественной мысли с древнейших времен до начала XX века). — 680 с.

¹ Лекции о русской литературе, читанные в Париже в 1862 году С. П. Шевыревым / Сборник отделения русского языка и словесности императорской академии наук. Том XXXIII, № 5. / Санктпетербург. Типография императорской академии наук. 1884. — С. 258-259.

² Научный руководитель: кандидат исторических наук, доцент кафедры истории социально-политических учений факультета политологии МГУ **Кирилл Михайлович Андерсон**.

Массовое народное движение в Англии, приковавшее внимание всей страны, развернулось с середины 30ых годов XIX в. и продолжалось более двух десятилетий. В историю оно вошло под названием чартизма в честь хартии, за которую они боролись.

Чартизм стал самым крупным народным движением первой половины XIX в. В некоторые периоды под знаменем чартистов выступали миллионы людей по всей стран, они проводили митинги и демонстрации. Чартизм сочетал в себе «с одной стороны, возмущение и протест, вызванных ухудшением социальной экономической положения»¹, с другой «веру в законодательный орган государства и силу всеобщего избирательного права»². Чартисты рассчитывали, что парламент, на новой избирательной основе, начнет учитывать и защищать интересы трудящихся.

Особый интерес представляют причины возникновения столь яркого народного движения. К 1830-м в Британии политическими правами обладали лишь крупная буржуазия и землевладельцы, народ был отстранен от политической жизни посредством высокого имущественного ценза. С 1832 и до 1836 года вопросы трудящихся пытались решить с помощью профессиональных союзов — тред-юнионов. Однако начало кризиса, разочарование в результатах реформы 1832 года (реформа парламента, при которой крупная буржуазия получила возможность влиять на политическую жизнь), осуществлении на практике закона о бедных, стали причиной развития, наряду со старыми формами борьбы (луддизм, забастовки, движение за 10-часовой рабочий день и т.д.), политического движения за реформу парламента — чартизма. Прежде всего, на путь борьбы рабочих толкали жесткие условия работы и жизни, а именно использование женского и детского труда, 15–17 часовой рабочий день, никаких социальных гарантий. Результаты забастовок, на которых выдвигались экономические требования, в большинстве были неутешительные. Буржуазию, получившую политическую власть, не волновали проблемы трудящихся. В таких условиях в рядах рабочих крепла мысль, что лишь предоставление политических прав и избрание нового парламента на их основе, приведет к улучшению их положения.

Для этих целей в 1836 году была создана Лондонская Ассоциация рабочих. Значимую роль в создании функционировании Ассоциации сыграли Уильям Ловетт, Генри Гетерингтон, Джон Клив. Уильям Ловетт родился в Ньюлине в 1800 г., юношей переехал в Лондон, работал столяром-краснодеревщиком. Там он занимался самообразованием, сначала примкнув к оунистам-кооператорам, а затем к сторонникам радикальной политической реформы. Г. Гетерингтон Также был последователем Р. Оуэна, издавал чартистскую газету.

---

¹ *Айзенштат М. П.* Власть и общество Британии 1750–1850 гг. — М., 2009. — С. 312

² *Там же.* — С.312

Чартисты сформировали свои требования в виде Народной Хартии, которая включала шесть пунктов: равное представительство, всеобщее голосование, годичные парламенты, отмена имущественного ценза, равные избирательные округа, тайное голосование и оплата работы членам парламента. Чартисты надеялись, что под давлением общественного мнения парламента удовлетворит требования Хартии и проведет соответствующие реформы. «Веру в действительность общественного мнения, которую питали победы аболиционистов, эмансипация католиков, парламентская реформа, осуществленные под давлением массовых общественных движений»¹.

Разосланная по все стране Хартия очень быстро стала популярной. За короткий период численность чартистов резко возросла, создавались союзы трудящихся и началось издание чартистских газет, в которых критиковали правительство, демонстрировали общественности тяжесть положения трудящихся, а главное знакомили с Хартией новые массы рабочих. В 4 февраля 1839 году появилась необходимость в создании центра всего движения, который бы начал координировать разрозненные силы чартистов. Так был создан Национальный конвент, состоящий из 43 членов, представителей всех союзов. Конвент создал первую петицию, в которую входили требования хартии. Петицию подписали более миллиона человек. Такой бурный рост популярности чартистов обратил на себя внимание правительства, и оно начало принимать репрессивные меры, Конвент был вынужден переехать в Бирмингем. На Конвенте было решено представить парламента Петицию. Бурную дискуссию вызвал вопрос, что делать, в случае отказа парламента рассмотреть Петицию? Данная проблема привела к идеологическому расколу в движении, которое и так было неоднородно, на представителей «моральной силы», возглавляемых Уильямом Ловеттом и представителей «физической силы», группировавшихся вокруг О'Коннора, небогатого ирландского землевладельца, которого выбрали в парламента, как представителя сторонников отмены Унии с Британией и участника ирландского движения. Последние выступали за объявления «Священного месяца», то есть всеобщей длительной забастовки, в случае отказа парламента рассмотреть Хартию. Целью «Священного месяца» была остановка всех производств по всей стране, такое положение заставило бы пойти буржуазию на уступки. Чартисты представили парламента Народную Хартию, но члены парламента отказались рассматривать её. Как и было запланировано, при условии отказа 5 февраля 1839 года был объявлен «Священный месяц». Задачи, поставленные перед всеобщей забастовкой, не были выполнены, производство было остановлено лишь в некоторых частях страны. Правительство, опасаясь усиления движения, арестовало более 300 видных чартистов. После этих событий в течение двух лет чартисты не принимали решительных действий. Освобождение О'Коннора в 1841 году из тюрьмы привело к оживлению движения. И

---

¹ *Айзенштат М. П.* Власть и общество Британии 1750–1850 гг. — М., 2009. — С. 312

к 1842 году парламенту была представлена вторая петиция, подписанная 3 миллионами человек, но палата общин вновь отказалась рассматривать народную петицию.

Далее стоит отметить реформы принятые Парламентом, а именно послабления в отношении Хлебного закона (снижение пошлин на импорт хлеба) и провозглашение свободной торговли. Эти меры привели к расцвету британского капитализма, что в целом отразилось на кармане буржуазии, но улучшения в жизни рабочих тоже были заметны. Среди трудящихся появились надежды о постепенном улучшении своего положения, но в феврале во Франции 1848 прогремела революция. Такое событие оживило деятельность чартистов и О'Коннор заявил, что необходимо представить парламенту третью петицию, но представить парламенту её должна была многотысячная демонстрация. Правительство серьезно опасалась возмущений и беспорядков в случае отказа парламента. К 10 апреля Лондон был превращен в крепость, в город были стянуты все полицейские и военные силы округа, вооружилась буржуазия. Военным приготвления руководил герцог Веллингтон, опытный военный специалист. К десяти утра собрались около 150тыс-170тыс человек. Петиция была зачитана в парламенте, но вновь чартисты получили отказ. О'Коннор не решился призвать массы к восстанию и попросил всех разойтись. День закончился мирно. После этого поражения чартисты уже не смогли оправиться, движение пошло на спад.

Существующие неоднозначные оценки движения. Ряд исследователей утверждает, что чартисты стремились лишь к улучшению материальных условий жизни, и не представляли серьезной угрозы для власти. Но на это можно сказать, что в Хартии были лишь политические требования, а насчет значимости можно сказать лишь, что, опасаясь восстания, в 1848 Лондон был превращен в крепость. Социал-демократический лагерь рассматривает чартизм как первую пролетарскую партию, но и здесь возникают вопросы. Партия в целом имеет единую идеологическую направленность, чего не скажешь о чартистах (в составе были самые разные идеологические изыски). По словам проф. А. Бриггса, «чартизм был подобен движению снежного кома, который собрал воедино все местное недовольство и пытался выразить его в общенационально агитации»¹. Чартистом называли человека, который был солидарен с Хартией, но при этом мог состоять в двух трех других организациях, что никак не согласуется с принципами партии. Ну и о пролетарском характере движения тоже сложно говорить, когда в составе чартистов были и ремесленники, и надомные рабочие, и мелкие лавочники.

Но что же такое Чартизм? По сути, чартисты это движение, прообраз будущих народных фронтов, развернувшихся в 30ых годах двадцатого века.

Народный фронт — форма организации народных масс, сложившаяся в ряде стран в целях сплочения масс на борьбу против фашизма, за демократию, социальный прогресс и национальную независимость, а также защиту

---

¹ Briggs A. The Local background of Chartism / *Chartist Studies*. — L., 1959.

насущных экономических интересов трудящихся. А как мы видим в идеях Хартии просматривается народный характер, её требования удовлетворяли самые разные социальные слои, у которых по другим вопросам противоречащие точки зрения. Это отражает разнообразие социального состава. Чартисты надеялись, что парламентская реформа откроет путь во власть народу и правительство услышит проблемы народа и начнется конструктивный диалог не через митинги и демонстрации. После выполнения целей необходимости в чартистах уже бы не было, потому что оно бы добилось нового уровня взаимоотношений народа и государства и расколосось бы на несколько движения, которые боролись за свои идеалы уже на новом правовом поле.

Говоря о народном характере, стоит отметить массовость движения на демонстрациях собирались тысячи людей, подписывались под петицией миллионы, а солидарен с хартией был весь народ.

В заключении, стоит отметить, что чартисты открыли для всех угнетенных народов мира новый путь борьбы. Своей деятельностью они выработали новый путь борьбы, наряду с эволюционным и революционным. Руководствоваться реформистским путем они не могли, потому что не имели политических прав, а революционным путь был вне закона. Они выбрали путь принуждения и давление, через петиции и митинги, угрозы восстания, а главное они первыми выдвинули идею всеобщей политической стачки.

В целом чартистский народный фронт потерпел поражения, требования Хартии не были удовлетворены, но движение оказало мощное влияние на британское общество. Правительство, увидев размах движения, пошло экономические уступки, в парламенте появились идеи социальной политики, начался конструктивный диалог между трудящимся и властью через тредюнионы.

Российская политика

Руслан Фаритович Айнутдинов

Выпускник факультета политологии Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова¹

Эволюция Совета Федерации Федерального Собрания Российской Федерации

Аннотация

В статье затрагиваются проблемы российского бикамерализма, приводится его краткая история, выявляются положительные и отрицательные черты данного института, а также приводится предыстория верхней палаты российского парламента. Дан сравнительный анализ всех порядков комплектования Совета Федерации, приведены их преимущества и недостатки, а также кратко раскрыты основные полномочия этой палаты в связи с отношениями верхней палаты с другими политическими институтами.

Ключевые слова: Совет Федерации, парламентаризм и парламенты, бикамерализм, федерализм, баланс сил, порядок формирования верхней палаты, парламентский контроль, кадровые полномочия парламента, политическая конъюнктура, региональное корпоративное лобби.

Совет Федерации — один из самых трансформирующихся органов российской государственности. Нынешний порядок формирования — четвертый за 15 лет. В Совете Федерации сфокусированы самые острые и самые существенные проблемы федерализации. Во-первых, это противоречие между представительством населения в нижней палате и регионов в верхней. Для России характерна очень существенная разница между субъектами Федерации по размерам населения и по его структуре, поэтому верхняя палата, где все субъекты имеют равное число «сенаторов», представляет структуру страны в крайне искаженном виде. Во-вторых, в России субъекты Федерации не обладали «первородством», они сложились на базе административно-территориального деления уже существовавшего государства, поэтому суверенность прав субъектов на регулирование своей жизни с самого начала выглядела как некий дар федерального центра и не порождала в субъектах желанья отстаивать ее изо всех сил. И, наконец, весьма остро выглядит в России противоречие между интересами регионов и Федерации, потому что стремление к общенациональному оптимуму, как правило, ведет к ущербу для отдельных регионов. От того, как именно разрешаются эти противоречия, во многом зависит судьба федерализации страны и характер ее государственного устройства. Главным рыча-

---

¹ Научный руководитель: доктор исторических наук, декан факультета политологии Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова, профессор **Андрей Юрьевич Шутов**.

гом этого разрешения оказывается именно верхняя палата, созданная как раз для улаживания подобных противоречий, связанных с взаимоотношениями между субъектами — как друг с другом, так и с Федерацией в целом.

Очень важным является также вопрос о степени ответственности члена Совета Федерации перед регионом: — и перед властью, и перед населением. Российский «сенатор» имеет весьма зависимое, неустойчивое положение. Интерес здесь, таким образом, представляет «смещение» свободного и императивного мандатов члена Совета Федерации, а также анализ нового порядка формирования верхней палаты, связанный с внесением изменений в Федеральный закон «О порядке формирования Совета Федерации Федерального Собрания Российской Федерации».

Традиционно наличие двухпалатного парламента связывают с федеративным устройством государства. Двухпалатная структура парламента получила распространение в мире благодаря следующим своим преимуществам. Во-первых, бикамеральная структура парламента призвана обезопасить политическую систему общества от узурпации власти парламентом. «Само существование верхней палаты парламента, — считает А. Д. Керимов, — несомненно, способствует утверждению стабильности, сбалансированности преемственности власти в государственной системе страны... Верхняя палата нередко удерживает большинство нижней палаты парламента от принятия поспешных, недостаточно продуманных и подготовленных, зачастую откровенно популистских решений, выступает мощным политическим противовесом радикализму, а иногда и «диктатуре» этого большинства».

Во-вторых, такая структура парламента позволяет, точнее, побуждает организовать внутрипарламентский процесс согласования различных политических интересов, представленных в парламенте. В-третьих, результаты труда парламентариев двухпалатного парламента — принимаемые ими законодательные акты и другие решения — отличаются большей взвешенностью, детальной проработкой и, в итоге, качеством. В-четвертых, благодаря разным принципам и способам формирования палат парламента он становится более представительным, чем при отсутствии деления на палаты. Но у бикамерализма имеются и определенные недостатки. Я полагаю, что они суть следующие: а) двухпалатная структура парламента более громоздка по численности членов парламента и сотрудников его аппарата, а, следовательно, отличается большими финансовыми затратами; б) наличие второй палаты усложняет процедуры осуществления законодательных функций, поскольку важнейшие его решения проходят через обе его палаты, а для достижения согласования часто требуются серьезные политические и организационные усилия.

Несмотря на то, что Российская Федерация была объявлена федеративным государством ещё в 1918 г., её высший представительный орган власти до самого последнего времени оставался однопалатным, а функции палаты, отражающей многонациональный состав государства, включая и специфику РСФСР, были сконцентрированы только на уровне СССР. Лишь при конституционной реформе 1989 г. для Верховного Совета РСФСР, формируемого Съездом народных

депутатов РСФСР, была предусмотрена двухпалатная структура — он состоял из Совета Республики и Совета Национальностей. Постановлением Президиума Верховного Совета РСФСР от 30.01.91 г. было утверждено Положение о Совете Федерации РСФСР в качестве консультативно-координационного органа в составе Председателя Верховного Совета РСФСР. Совет Федерации РСФСР дважды собирался на свои заседания (22.11.90 г. и 23.01.91 г.) и внес определенный вклад в подготовку Федеративного договора.

Начало нового этапа в развитии парламентаризма в России (и бикамерализма, в частности) стало принятие Конституции Российской Федерации 1993 года, с которым сформировался принципиально иной двухпалатный представительный и законодательный орган — Федеральное Собрание Российской Федерации⁷. Изменение природы российского парламентаризма явилось результатом политического развития России, прежде всего эволюции федеративных отношений и результатом реформирования основ самого парламентаризма. Впервые за всю историю Российского государства была создана структура представительной власти, обеспечивающая для каждого субъекта Российской Федерации независимо от его статуса, равное представительство и равные права на участие в принятии решения по любому вопросу компетенции. Полагаю, что в этом и заключается суть федеративной составляющей природы Совета Федерации, которая раскрывает палату как орган, формируемый органами государственной власти субъектов России.

Представительная природа российского парламента имеет разные формы проявления. Государственная Дума олицетворяет прямое представительство населения, Совет Федерации — особую форму представительства — территориальную. Если Государственную Думу можно признать символом прямого народовластия, то за Советом Федерации справедливо сохранить роль выразителя интересов населения, выявляемых, опосредуемых органами государственной власти регионов. В данной статье я не стану останавливаться на такой важной функции Совета Федерации как законодательная. Однако следует отметить, что в настоящее время растет количество законов, принятых Думой и одобренных Советом Федерации и Президентом. Причиной всех отмеченных положительных тенденций стали изменения, произошедшие в общественно-политической жизни страны. Существенное, если не решающее влияние на изменения в законодательном процессе оказала смена политического состава депутатского корпуса Государственной Думы, который сейчас практически впервые за всю ее историю в целом не является оппозиционным Президенту и Правительству России.

Контрольные функции Совета Федерации почти не получили отражения в Конституции. Суммируя конституционные положения ч. 5 ст. 101, ст. 102, можно определить основные направления контрольной деятельности Совета Федерации. Это: бюджетно-финансовый контроль, осуществляемый обеими палатами Федерального Собрания с помощью Счетной палаты, образуемой в порядке ч. 5 ст. 101 Конституции; контроль за деятельностью исполнительной власти, к которому можно отнести установления, содержащиеся в п. п. «б», «в», «д», «е» п. 1 ст. 102 Конституции; контроль за сферой государственного управления, связанный с осу-

шествованием Советом Федерации кадровых назначений (п. п. «ж», «з», «и» п.1 ст. 102 Конституции); контроль в области внешней политики, позволяющий Совету Федерации решать вопрос о возможности использования Вооруженных Сил России за пределами территории нашей страны (п. п. «г» п. 1 ст. 102 Конституции).

Формы парламентского контроля Совета Федерации следующие: парламентский запрос; обращение, запрос члена Совета Федерации; получение и распространение информации; ответы членов Правительства на вопросы членов Совета Федерации; парламентские слушания; проведение «правительственного часа» на заседании палаты. Таким образом, в практике Совета Федерации применяются как коллегиальные, так и индивидуальные формы парламентского контроля. В таких контрольных функциях Совета Федерации как «правительственный час» и парламентский запрос отражаются важнейшие вехи взаимодействия Совета Федерации с исполнительными органами государственной власти. Совет Федерации вправе направить парламентский запрос Председателю Правительства, министрам, Генеральному прокурору, Председателю Центрального банка, Председателю ЦИК РФ, председателям других избирательных комиссий, председателям комиссии референдума, Председателю Счетной палаты, руководителям федеральных органов государственной власти и органов государственной власти субъектов, органов местного самоуправления, Пенсионного фонда и Фонда социального страхования. Федерального фонда обязательного медицинского страхования по вопросам, входящим в компетенцию указанных органов и должностных лиц.

Говоря о политических функциях Сената, необходимо отметить, что важнейшим полномочием Совета Федерации в рамках контрольной функции является контроль за сферой государственного управления, связанный с осуществлением Советом Федерации кадровых назначений. Данная функция очень полно дает представление о месте и роли Совета Федерации в системе российских политических органов. В целом сосредоточение основного массива кадровых функций в ведении верхней палаты вытекает из традиционного представления о ней как об органе, обеспечивающем стабильность и целостность системы государственной власти. К ведению Совета Федерации отнесены вопросы назначения на должность судей Конституционного Суда, Верховного Суда, Высшего Арбитражного Суда, Генерального прокурора, заместителя председателя и половины состава аудиторов Счетной палаты. Кадровые полномочия верхней палаты не могут исчерпываться лишь установленными на уровне Конституции; рядом полномочий Совет Федерации был наделен в соответствии с федеральными законами. К ним, в частности, относятся назначение на должность и освобождение от должности заместителей Генерального прокурора, назначение представителей России на должности судей Экономического суда СНГ и 5 из 15 членов ЦИК РФ. В соответствии с ФЗ «Об органах судейского сообщества в РФ» Совет Федерации назначает также десять членов Высшей квалификационной коллегии судей из числа представителей общественности.

Чтобы подчеркнуть политический вес Совета Федерации в свете его широких кадровых полномочий, считаю необходимым отметить, что их приращение осуществлялось с середины 90-х годов и было обусловлено наличием в конструкции системы федеральных органов государственной власти ряда «белых пятен»; при их восполнении Совету Федерации были приданы дополнительные права по решению важнейших кадровых вопросов. В основе такого законодательного закрепления лежала либо аналогия с действующими нормами (назначение судей Экономического суда СНГ), либо целесообразность обеспечения баланса полномочий различных ветвей власти (формирование ЦИК).

Регламент Совета Федерации предусматривает, что рассмотрение кандидатур на высшие судебные должности подлежит включению в повестку дня заседания палаты в качестве отдельного вопроса, правомочны представлять кандидатуры на должности судей глава государства и его полномочный представитель в Совете Федерации. Считаю необходимым отметить, что весьма исчерпывающее представление о взаимоотношениях между Президентом РФ и Советом Федерации дает картина утверждения судей Конституционного Суда. С формальной стороны процедура представления кандидатов на высшие судебные должности и голосования не имеет значительных различий, однако на практике обсуждение кандидатур, представляемых на должность судей Конституционного Суда, и кандидатов на должности в иные судебные органы проводится с явными и существенными различиями. Так, за все время существования верхней палаты зафиксировано несколько случаев отклонения кандидатур на должность судьи Верховного Суда и не было ни одного в отношении кандидатов на должности судей Высшего Арбитражного Суда, Экономического суда СНГ, то в отношении кандидатур на должность судей Конституционного Суда статистика прямо противоположная: что касается первого и второго созывов Совета Федерации, то отклонялась каждая вторая из предложенных Президентом кандидатур. Причины столь разного восприятия кадровых назначений в Конституционный Суд Российской Федерации и в иные судебные органы, думается, обусловлены рядом важнейших обстоятельств политического характера. Конституционный Суд занимает особое место, связанное с его полномочиями по решению вопросов, имеющих огромное политическое значение. Это в том числе вопросы о соответствии Конституции федеральных законов, нормативных актов Президента, Совета Федерации, Государственной Думы, Правительства. Назначение в состав органа, выступающего арбитром в спорах между различными ветвями власти, центром и субъектами Российской Федерации, непосредственно затрагивает интересы Совета Федерации как коллективного субъекта российской политики, его членов, являющихся одновременно политиками федерального и регионального уровня, а также региональных органов государственной власти, интересы которых сенаторы представляют. Формирование и обновление Конституционного Суда в 90-х годах проходило в условиях противостояния Президента и оппозиционно настроенной части регионального политического истеблишмента, представленного в верх-

ней палате. Как отмечает А. Парамонов, «в этих условиях отклонение представляемых главой государства кандидатур было типичным проявлением «фронды», демонстрируемой частью сенаторов первого и второго созывов». И, если процесс назначения на должности судей Верховного и Высшего Арбитражного Судов воспринимается сенаторами как «повышение в должности» кадровых представителей судейского корпуса, то согласование кандидатуры судьи Конституционного Суда, напротив, расценивается именно как серьезное политическое назначение. Так, в годы президентства Ельцина было представлено 18 кандидатов на должность судей Конституционного Суда, по итогам рассмотрения Совет Федерации назначил 8 кандидатов судьями, а 10 кандидатур отклонил. После прихода к власти В. Путина, а затем Д. Медведева подобная практика не существовала более, и все кандидатуры, предлагаемые Совету Федерации Президентом без особых сложностей были поддержаны палатой. Однако делать на этом основании заключение, что формирование Конституционного Суда перестало таить в себе опасность потенциального конфликта между Президентом и Советом Федерации, преждевременно, можно лишь сделать промежуточный вывод о стабилизации отношений между высшими политическими субъектами и лояльности конкретного органа высшему должностному лицу, во многом связанное с изменением порядка формирования Совета Федерации.

Также значимым кадровым полномочием является назначение на должность и освобождение от должности Генерального прокурора, осуществляемое по представлению Президента. Важно также, что Генеральный прокурор — единственное лицо в системе прокуратуры, которое является политическим назначенцем, то есть необязательно должен быть работником органов прокуратуры. В связи с этим данное полномочие Совета Федерации проливает свет на отношения между верхней палатой и Президентом. Фигуру Генерального прокурора при втором порядке формирования Совета Федерации, когда в него по должности входили избираемые главы субъектов, трудно переоценить, равно как и роль его назначения и освобождения от должности. Таким образом, сенаторы, принимавшие решения по назначению Генерального прокурора, одновременно были главами регионов и легислатур, то есть теми должностными лицами, нормотворческая и распорядительная деятельность которых является предметом прокурорского надзора.

От того, как складывались взаимоотношения региональных властей с прокурорами субъектов России (назначаемых Генеральным прокурором), зависело решение конкретных вопросов и социально-политическая атмосфера в субъектах. История знает несколько примеров политического противостояния Совета Федерации и Президента по поводу кандидатуры Генерального прокурора с разным разрешением конфликтных ситуаций. Самое серьезное противостояние произошло в 1999 г. между Советом Федерации и Президентом возник спор о компетенции относительно принадлежности полномочия по изданию акта о временном отстранении Генерального прокурора от должности в связи с возбуждением в отношении него уголовного дела. Указом Президента

от 02.04.99 г. №415 «О Скуратове Ю. И.», Генеральный прокурор был отстранен от должности на период расследования возбужденного в отношении него уголовного дела. В связи с этим Совет Федерации обратился в Конституционный Суд с ходатайством. Совет Федерации полагал, что издание Президентом указа по данному вопросу нарушает установленное Конституцией Российской Федерации разграничение компетенции между Советом Федерации и Президентом. Конституционный Суд постановил, что «в соответствии с Конституцией Российской Федерации к компетенции Совета Федерации не относится полномочие по изданию акта об отстранении Генерального прокурора Российской Федерации от должности на время расследования возбужденного в отношении него уголовного дела». Таким образом, в данном противостоянии правым был признан Президент. Данный инцидент позволяет говорить о наличии реальных оппозиционных сил в конце 1990-х г.г. и значимой политической роли Совета Федерации не только как выразителя интересов регионов, но и властного общегосударственного института, способного составить конкуренцию высшему должностному лицу страны.

Полномочия Совета Федерации в принятии решений по вопросам обеспечения национальной безопасности и изменения границ между субъектами Российской Федерации в полной мере демонстрируют особое место Совета Федерации в системе политических институтов современной России. Таким образом, данное полномочие позволяет оценивать баланс сил на основании существования механизма контроля Совета Федерации за инициативами Президента, реализация которых может повлечь за собой ограничение прав граждан, риск для жизни и здоровья российских военнослужащих.

К ведению Совета Федерации также отнесено решение вопроса о возможности использования Вооруженных Сил за пределами Российской Федерации, об изменении границ между субъектами. В случае необходимости использования вооруженных сил России за ее пределами, Президент официально обращается к верхней палате с обоснованиями своего обращения. В случае с изменением границ между субъектами федеральный центр в лице Совета Федерации наделен правом принятия положительного либо отрицательного решения по существу вопроса, и в этом плане реализация данного полномочия палаты по своей природе имеет разрешительный, а не регистрационный характер, и верхняя палата не может выступать арбитром в споре двух субъектов относительно принадлежности части территории. Данными полномочиями палата неоднократно пользовалась.

Итак, резюмируя изложенное, можно сказать, что полномочия Совета Федерации означают, что эта палата Федерального Собрания действительно разделяет с Президентом ответственность за политический курс в важнейших областях жизнедеятельности страны, в том числе за надлежащее обеспечение государственного суверенитета и территориальной целостности, режима законности и правопорядка, стабильности федеративных и межнациональных отношений, политико-территориального устройства страны. А если также учесть полномочия Совета Федерации, вытекающие из п. п. «л» и «е» ст. 102

Конституции по принятию решения об отрешении Президента от должности и назначению выборов главы государства, то можно заключить, что Совет Федерации является непосредственным гарантом стабильности президентской власти, а, следовательно, и всей системы политической власти в России²¹. Также хочу отметить, что одной из востребованных форм взаимодействия Совета Федерации и Президента России является участие членов Совета Федерации в комиссиях, образуемых Президентом.

Так, например, Совет Федерации участвовал в Комиссии при Президенте по подготовке договоров о разграничении предметов ведения и полномочий между федеральными органами государственной власти и органами государственной власти субъектов в 1996 г. Также на основании ежегодных посланий Президента России Совет Федерации разрабатывает собственные планы для реализации поставленных Президентом задач. Совет Федерации проводил тщательный анализ многих актуальных проблем на парламентских слушаниях, научно-практических конференциях, заседаниях «круглых столов», на Петербургском и Байкальском экономических форумах, в работе которых всегда участвовали депутаты Государственной Думы, представители Президента и Правительства. Большое влияние на взаимоотношения Совета Федерации с Президентом и Правительством оказывают созданные последними институты их полномочных представителей.

Говоря об эволюции верхней палаты, нельзя не затронуть такой важный вопрос как порядок формирования Совета Федерации. Выборность для первого состава Совета Федерации была оптимальным вариантом. Новая Конституция России только еще принималась, и она по-новому решала ряд вопросов федерализма в России, что требовало внесения поправок в конституции республик или принятия новых республиканских конституций и уставов других субъектов, ведь именно конституции республик и уставы иных субъектов РФ определяют структуру, порядок формирования и функционирования собственных органов государственной власти.

Полагаю также, что имелась серьезная именно политическая причина избрания первого состава Совета Федерации: в 1993 г. от региональных лидеров нельзя было ожидать однозначного одобрения действий Президента, особенно с учетом противостояния Президента и Верховного Совета, приведшего к трагическим последствиям, поэтому глава государства отказался от формирования Совета Федерации по должностному принципу и назначил его выборы, чего изначально не предполагалось. Депутаты Совета Федерации были избраны на основе мажоритарной системы по двухмандатным избирательным округам, образуемым в рамках административных границ субъектов. Хочу заметить, что Совет Федерации первого созыва являлся довольно весомым и политически авторитетным в силу того, что в его состав вошли 6 президентов, 10 Председателей Советов Министров, 3 представителя республиканских правительственных структур, 7 руководителей Верховных Советов, 5 глав администрации края и 31 глава администрации области, несколько федеральных министров.

Закон 1995 года наделил субъекты правом определения процедуры и принципов назначения депутата в Совет Федерации, которые должны быть зафиксированы в конституции устава или законе субъекта. Также только на уровне субъектов решалось, будет ли это руководитель органа власти или его представитель. Приступив к работе в январе 1996 г., Совет Федерации приобрел более или менее завершенный облик только через два года, после того, как в субъектах улеглась первая волна губернаторских и парламентских выборов. Говоря о достоинствах данного порядка формирования, следует отметить следующие основные положения. С приходом в Совет Федерации первых лиц регионов, избранных населением субъектов, хорошо знающих нужды субъектов и его населения, повышался политический вес Совета Федерации.

Регулярные собрания высших лиц субъектов Федерации — людей опытных в государственных делах, знающих как сочетать интересы субъектов Федерации с общефедеральными, с целью решения наиболее важных государственных дел, консолидации региональных и федеральных интересов, нахождения консенсуса и оптимального решения той или иной проблемы сокращали «дистанцию» между регионами и центром. Однако упреки вызывал характер представительства Совета Федерации нового состава, как не обеспечивающий представительство интересов населения. Вопрос о том, представляют ли члены Совета Федерации население субъекта, был актуален на тот момент. Совет Федерации первого созыва формировался путем выборов, и между ними, безусловно, проводились параллели. Указывалось, что глава исполнительной власти, избранный всеобщим голосованием, может утверждать, что представляет население субъекта в целом, в силу получения мандата от граждан. Но глава законодательного органа избирается в одном из округов как депутат и лишь решением парламента получает пост его председателя. Справедливо в этой связи говорить, что он представляет законодательный орган, в конце концов, субъект федерации, но не население субъекта.

Таким образом, новый порядок формирования радикальным образом изменил политический профиль Совета Федерации, а также его роль и место в политической системе страны. Верхняя палата превратился в государственный орган, формулирующий, представляющий и отстаивающий интересы правящих региональных элит. Анализируя отношения Совета Федерации с Государственной Думой и Президентом в эту пору, надо отметить следующее: в 1995–1999 годах палата отклоняла примерно каждый шестой закон, принятый Думой, где тон задавали левые фракции. С изменением состава Думы и формированием в ней центристского большинства процент отклонений понизился вдвое. В свою очередь Президент в 1995–1999 годах отклонял 15–20% законов, принятых Думой и одобренных Советом Федерации. В 2000 году, первом году Президента В. Путина, этот показатель сократился сразу более чем в два раза. Итак, статистика законодательной деятельности свидетельствует о том, что палата регионов достаточно последовательно выполняла свои политические функции, являясь, с одной стороны, фильтром законодательного популизма левой Думы, а с другой — оппонентом законодательного радикализма первого Президента

Российской Федерации и его не слишком удачных правительств, являясь, в итоге, важным политическим «посредником» между Думой и Президентом. Но, делая промежуточные выводы о роли Совета Федерации в политической жизни России того времени, я полагаю, отметить и следующее: принцип подлинного народного представительства при таком способе формирования был ущемлен; данный порядок формирования верхней палаты сузил сферу действия принципа народовластия, что не способствовало развитию демократических начал в обществе. Во-вторых, был косвенно нарушен принцип разделения властей путем вхождения в состав законодательного органа глав исполнительных органов власти субъектов. Кроме того, Совет Федерации не мог быть и полноценным законодательным органом. Он имел ограниченные возможности для систематической парламентской работы в связи с тем, что работа в Совете Федерации для глав регионов была «работой по совместительству». Поэтому приоритетом для членов Совета Федерации была не систематическая и скрупулезная законодательная работа, а использование места в верхней палате для прямого лоббирования региональных интересов и личной политической рекламы.

В мае 2000 г. Президент В. Путин внес в Государственную Думу пакет законопроектов, который содержал, в том числе, и поправки к закону «О порядке формирования Совета Федерации Федерального Собрания Российской Федерации», устанавливавший постоянный характер работы палаты и четырехлетний срок полномочий членов Совета Федерации, в течение которого они не могут быть депутатами законодательного органа государственной власти субъекта либо представительного органа местного самоуправления, занимать иные государственные должности, а также выборные муниципальные должности, находиться на государственной или муниципальной службе. Законопроект устанавливал порядок избрания членов Совета Федерации от каждого субъекта; в соответствии с ним представители от законодательного и исполнительного органов государственной власти субъекта избираются в состав Совета Федерации законодательным органом государственной власти субъекта.

Кандидатуры представителя от законодательного органа власти субъекта в Совете Федерации должны вноситься на рассмотрение этого органа председателем законодательного органа власти субъекта с учетом мнения имеющихся в нем групп депутатов, представитель же от исполнительного органа власти субъекта назначается высшим должностным лицом субъекта и обсуждается в законодательном органе субъекта. Ротация состава Совета Федерации высветила различные позиции и стратегию политических акторов, проявивших интерес к реформированию палаты. Федеральный центр, реформируя Совет Федерации, имел целью ликвидацию палаты как регионального корпоративного лобби, способного препятствовать на федеральном уровне проведению федеративной реформы. Он рассчитывал осуществить контролируемый вариант ротации палаты и провести в палату максимальное число новых членов палаты, изначально ему лояльных. Различные участники ставили перед собой различные цели. Финансово-промышленные группы хотели получить дополнительные лоббистские возможности, открывшиеся с ротацией палаты, которые заключа-

ются не только в дополнительном контроле над принимаемыми в парламенте решениями, но и в самом статусе члена Совета Федерации, позволяющем на легальных основаниях и на высоком уровне решать интересующие вопросы, да и просто открывающем доступ ко многим кабинетам власти. Различные цели ключевых игроков процесса ротации Совета Федерации предусматривали и различные технологии их реализации.

Например, Кремль, продвигая своих представителей, делал упор на «слабых», то есть более подконтрольных федеральной власти, губернаторов, а также на демонстративно лояльных федеральному центру «сильных» губернаторов, максимально контролирующих политический процесс в подопечных им регионах.

В последнем случае Кремль рассчитывал провести «своих» представителей в Совет Федерации на оба места от региона. Финансово-промышленные группы предпочитали продвигать своих представителей в Совет Федерации преимущественно при поддержке губернаторов, что обусловлено двумя обстоятельствами:

- 1) группы экономических интересов, работающие в регионах, изначально ориентированы на налаживание соответствующих связей с исполнительной властью соответствующего субъекта Федерации;
- 2) пролоббировать свои интересы для ФПП значительно легче во взаимодействии с одним лицом — главой исполнительной власти региона, чем с коллективным законодательным органом.

Региональные лидеры — главы исполнительной власти субъектов Федерации активно использовали процесс ротации Совета Федерации и для решения региональных кадровых проблем. Фактически вакантные места в палате, образовавшиеся с уходом оттуда региональных лидеров, оказались новым ресурсом разрешения внутриэлитных противоречий и конфликтов: отправляя своего представителя в Совет Федерации, они зачастую освобождали тем самым региональное поле от соперника или просто от неудобной фигуры. Еще одним участником ротации палаты стали сами ее новые члены из числа активных политических фигур. Реформа Совета Федерации открыла новые политические возможности: для одних — выйти на федеральный политический уровень с регионального; для других — возобновить прерванную федеральную политическую карьеру; для третьих — сохранить место на федеральном политическом олимпе. Следует также упомянуть и о горизонтальном перемещении политических фигур из одного региона в другой посредством Совета Федерации, а также об использовании палаты как своего рода транзитной площадки для «политического возвращения» в свой регион. Подобные возможности открылись только в пореформенном Совете Федерации, поскольку в прежнем составе палаты по определению каждый субъект был представлен его элитными группами. В лице пореформенного Совета Федерации региональные контрэлитные группы получили уникальный институт: в него стало можно попасть в качестве представителя иного, «неродного» региона, однако впоследствии именно из Совета Федерации можно начать свой поход за завоевание

политической власти уже в родном регионе. Таким образом, оппозиционный губернатору политический деятель может стать членом Совета Федерации от органа власти иного субъекта Федерации, а впоследствии атаковать данного губернатора с федеральной политической площадки — уже как член палаты. Статус члена Совета Федерации дал оппозиционеру одновременно и гарантию неприкосновенности, и публичную площадку для критики губернатора, и возможность формирования в глазах избирателей позитивного образа борца за региональные интересы.

Результатом изменения порядка формирования Совета Федерации с 2000 года, несмотря на корректировку законодательства и отход от представительства в верхней палате («по должности»), стал, по выражению спикера палаты, С. Миронова, беспрецедентный рост числа членов-варягов, будь то из бизнес-структур или из представителей региональных элит других субъектов. Совет Федерации стал также, по мнению Миронова, своего рода «почетной пенсией» для отдельных федеральных, да и региональных политиков. Во многом в связи с этим, а также с выстраиванием «вертикали власти» связано падение авторитета Совета Федерации именно как важнейшего политического института в стране. Данная проблема стала волновать политиков и ученых-политологов и конституционалистов сразу же после завершения ротации Совета Федерации по закону 2000 г. Верхняя палата парламента, принимающая важнейшие политические решения, превратилась в некий «буфер обмена» между бизнесом и властью. Безусловно, сложившаяся ситуация могла быть решена только при совместной работе высших властных органов.

5 ноября 2008 года Президент Д. Медведев в своем послании Федеральному Собранию обозначил, что Совет Федерации должен формироваться только из числа лиц, избранных в представительные органы власти и депутатов местного самоуправления соответствующего субъекта Федерации, <...> в результате в Совете Федерации будут работать граждане, прошедшие процедуру публичного избрания, имеющие опыт работы с избирателями и представляющие не только органы власти субъекта Федерации, но и, самое главное, непосредственно его население.

В феврале 2009 года Совет Федерации одобрил ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в связи с изменением порядка формирования Совета Федерации ФС РФ», устанавливавший новый порядок формирования Совета Федерации, предложенный Президентом. В соответствии с ним, кандидатом для избрания (назначения) в качестве представителя в Совете Федерации может быть гражданин Российской Федерации, являющийся депутатом законодательного органа субъекта или депутатом представительного органа муниципального образования, расположенного на территории данного субъекта. Этот порядок комплектования палаты станет действовать с 2011 г. и уже в будущем потребует внимательного анализа, исследования.

Мария Игоревна Вершинина

Кандидат политических наук, старший преподаватель факультета военно-социальной работы Военного университета Министерства обороны РФ

Теоретические аспекты функционирования гражданского общества в России

Аннотация

Рассматриваются основные теоретические подходы к определению гражданского общества сквозь призму их актуальности в российских реалиях. Исследуются особенности построения гражданского общества в России и причины неэффективности попыток Запада по его материальному стимулированию.

Ключевые слова: гражданское общество, Майкл Эдвардс, Диана Шмидт, Сара Хендерсон.

Руководитель международной программы Фонда Форда «Правительство и гражданское общество» Майкл Эдвардс выделяет три дополняющих друг друга подхода¹ к определению гражданского общества. Сторонники **первого подхода** — нормативистского — полагают, что для функционирования гражданского общества важна не столько численность НПО, сколько утверждение таких общественных норм как коллективизм, доверие, толерантность, отказ от насилия, уважение прав личности. В итоге оно определяется не по формальным (рост численности НПО), а по ценностным, нормативным признакам. Нормативисты рассматривают существующие в России НПО в значительной степени как «мертвые души», которые, даже будучи «живыми», совсем не обязательно оказывают существенное влияние на социально-политическое развитие региона, оставаясь зачастую «вещью в себе».

Сторонники **второго подхода** — институционального — говорят об успехах гражданского общества в России, указывая на огромное количество зарегистрированных в стране общественных организаций. Однако, на наш взгляд (как и по мнению сторонников предыдущего подхода — нормативистов), такая корреляция между эффективностью гражданского общества и ростом числа НПО является весьма спорной. Ведь если НПО не способны защищать индивида в силу ограничений, которые накладываются со стороны государства, то получается всего лишь декорация гражданского общества.

Для российских реалий свойственно строгое противопоставление государства и гражданского общества. Не быть частью государственных структур считается признаком гражданского общества в России. В свою очередь, в англосаксонском мире гражданское общество и государство обычно считались взаимодополняющими, а не враждебными друг другу силами. Более того, в США — стране, где исторически гражданское общество формировалось

¹ Edwards M. Civil Society. — Cambridge: Polity Press, 2004. — 138 P.

«снизу» — произошло полное огосударствление гражданского общества, потому что все его институты финансируются федеральным или региональными бюджетами.

Так, в январе 2010 г. в Вашингтоне прошло первое заседание рабочей группы по гражданскому обществу и российско-американской президентской комиссии, в ходе которого российская сторона поставила вопрос о схемах финансирования некоммерческих организаций в США и об их независимости с учетом того, что многие организации получают дотации непосредственно в госдепартаменте. Россию давно критикуют за попытки создать управляемое, лояльное гражданское общество, в котором действуют «ручные» НПО, получающие гранты со стороны власти. Теперь Россия в том же самом пытается упрекать и США.

Действительно, несмотря на господствующую в России идею автономности «третьего сектора» по отношению к государству, в условиях современной российской действительности этот сектор формируется «сверху», т. е. государственная власть играет ведущую роль в этом процессе. Одной из ключевых мер по огосударствлению российского гражданского общества было принятие закона о регулировании неправительственного и некоммерческого сектора в 2006 г.

Несмотря на закономерно негативную реакцию стран «образцовой демократии» на подобные инициативы, в Европе сформировались «группы поддержки» принятого закона из весьма авторитетных исследователей. В частности, научный сотрудник

Исследовательского центра по изучению Европы (Германия) Д. Шмидт и британская исследовательница С. Хендерсон в своих публикациях отстаивают следующий тезис: российские НПО не стали результатом формирования гражданского общества «снизу» или активности «низов», пользующихся устойчивой «низовой» же легитимацией, а возникли благодаря западной поддержке демократизации и принципов гражданского общества, а также западной финансовой помощи.¹

Третий подход, предложенный Майклом Эдвардсом, рассматривает гражданское общество как арену деятельности на благо общества, арену рационального диалога и проявления активной гражданской позиции во имя общественных интересов — того, что можно назвать публичной сферой. Гражданское общество в этом подходе не ограничивается сферой политического волеизъявления, а включает в себя всю полезную гражданскую активность — участие в НПО, в гражданских инициативах, социальных движениях, благотворительности. С этой точки зрения гражданское общество в России практически отсутствует. Россияне привыкли уповать либо на батюшку-царя, либо

---

¹ *Henderson S. L.* Building Democracy in Contemporary Russia: Western Support for Grassroots Organisations. — Ithaca; London: Cornell Univ. Press, 2003; *Шмидт Д.* Какое гражданское общество существует в России? // Pro et Contra. 2006. — № 1.

на вождей пролетариата, либо на другую авторитарную власть: «пусть будет царь, он жесткой рукой наведет порядок, мы ни в чем участвовать не будем».

Именно этот третий подход объясняет тщетность попыток Запада по материальному стимулированию развития гражданского общества в России. Многие иностранные доноры недовольны и разочарованы весьма скромными результатами своей работы. Даже, несмотря на колоссальный объем западной помощи, наличие просветительских программ по исследуемой тематике и на фоне роста количества НПО, россияне не ощущают себя гражданами.

Гражданское общество относится к числу явлений, в понимании которых еще не достигнута теоретическая и практическая ясность. Как следствие отсутствует устоявшееся определение гражданского общества. До сих пор нет единой научной позиции относительно его структуры, происхождения и исторических границ. Тем не менее, это понятие широко используется в современной общественно-политической практике.

Актуальность его использования обусловлена, в частности, следующим обстоятельством. Широко распространено мнение о том, что изначальной целью российских реформ должно стать гражданское общество как тип социальной организации, а не демократия как внешняя форма управления. Демократия может быть «суверенной» или «гибридной», т.е. иметь любые формы, но именно гражданское общество, являющееся значимым актором в политическом пространстве, способно придать демократии цивилизованные формы, отвечающие вызовам времени. Очевидно, что цель создания эффективного гражданского общества в России пока еще не достигнута.

Андрей Владимирович Завьялов

Студент кафедры регионоведения и социальной экономики Института социальных наук Иркутского государственного университета¹

Национальная политика как инструмент решения межнациональных конфликтов

Аннотация

В статье рассматривается роль национальной политики в решении межнациональных конфликтов, ее суть и содержание, использование межнациональной политики как инструмента мирного урегулирования спорных вопросов.

Ключевые слова: межнациональные отношения, нация, национализм, национальная политика, межнациональный конфликт.

---

¹ Научный руководитель: кандидат философских наук, доцент кафедры регионоведения и социальной экономики Института социальных наук Иркутского государственного университета **Оксана Александровна Полюшкевич**.

Сегодня вопрос межнациональных отношений приобрёл особо острый статус. В мире существует множество межнациональных конфликтов, что связано с национальными обидами, переделами собственности и стремлением удержать власть в своих руках. Многие государства стремятся к урегулированию внутри националистических настроений, так как в будущем это червато как минимум дестабилизацией обстановки внутри страны (Босния и Герцеговина, Македония), а как максимум её развалом (ЧССР, Югославия). Однако есть и такие государства, власти которых наоборот подогревают националистические настроения с целью получения определенных дивидендов, завоевания авторитета среди определенных слоев населения и этнических групп (Судан, Индонезия). Таким образом, мы имеем возможность наблюдать различные варианты проведения национальной политики по отношению к этносам, проживающим на определенной территории.

Термин «национальная политика» тесно связан с понятиями «нация» и «национализм». Нация — это социально-экономическая, культурно-политическая и духовная общность людей, сложившаяся в результате становления государства, одна из фаз развития этноса. Национализм — это идеология и направление политики, базовым принципом которых является тезис о ценности нации как высшей формы общественного единства и её первичности в государствообразующем процессе. Таким образом, национальная политика — это политика государства по отношению к различным национальностям внутри страны. В разное время и в разных странах может менять характер от национального террора (погромы, этнические чистки и т. п.), искусственной ассимиляции до предоставления полной культурной и частично политической автономии различным народам в рамках единого государства. Попробуем раскрыть причины возникновения национальных конфликтов и проанализировать пути их решения на примерах нескольких государств.

В СССР в трактовках официальной доктрины национализм рассматривался как буржуазная идеология и политика в национальном вопросе, как историческое орудие создания и завоевания общенационального рынка, установления классового господства в национальных рамках и расширения впоследствии этого господства путём порабощения других народов. В этом своём качестве он интерпретировался как безусловный идеологический противник «пролетарского, социалистического интернационализма», политики «дружбы народов» в целом. Определённое позитивное значение признавалось лишь за национализмом в развивающихся странах, так как под его знаменем в основном и осуществлялась борьба против колониализма.

В настоящее же время на постсоветском пространстве наблюдается тенденция к противоположному, абсолютно иному видению. Национализм часто начинает трактоваться как принцип, заключающий в себе требования того, чтобы политические и этнические единицы совпадали, а также, чтобы управляющие и управляемые принадлежали к одному этносу (Туркменистан, Азербайджан, Эстония, Латвия). При таком подходе национализм может изображаться как поле своеобразного самораскрытия нации, как средство очи-

щения и саморазвития народа. Более того, национализм проявляет себя не только как идеологический феномен, но часто становится и движущей пружиной национальной политики. Стоит отметить, что в этом качестве он выступает не только в бывших союзных республиках, но и в национальных регионах России, и даже на этнически русских территориях («русский национализм», апеллирующий к «праву крови» или «праву почвы»).

Однако подобные построения характерны не только для постсоветских государств. Как действующий принцип национализм по-прежнему влиятелен в политической практике целого ряда стран «третьего мира»; определённые позиции он сохраняет в Европе, США, Канаде и других странах с устойчивыми демократическими традициями. Не случайно некоторые западные аналитики ещё в 50-е годы XX века сформулировали тезис о наступлении «века национализма» в мире.

Во многих странах национальный сепаратизм стал реальной угрозой их целостности (Северная Ирландия, Страна Басков). В Стране Басков из-за безрезультатности остальных методов воздействия на центральные органы власти началось формирование террористических организаций. Самая известная из них — ЭТА — и поныне продолжает совершение терактов (среди последних — теракты в Пальма-де-Мальорка, Бургосе и Мадриде). Кроме террористических групп, существует в Испании и множество других (Каталонский Генералитет, Галисийское движение), требования которых весьма разнообразны: от национальной или культурной и языковой автономии до предоставления независимости. В период правления Франко все попытки национального или языкового обособления подавлялись. Опыт национальной политики Испании негативен, ибо если страна многоязычна, то это всегда необходимо учитывать. А в современной Испании это учтено только к политически лояльным официальному Мадриду народам.

В Канаде же дела обстоят абсолютно по-другому. Правительство пошло на многочисленные уступки франкоязычной провинции Квебек, когда там начались требования о предоставлении ему суверенитета. В результате Квебек остался в составе Канады, и сейчас эту проблему практически удалось решить: большинство жителей провинции высказываются за единство страны. Опыт Канады безусловно позитивен: национальный и языковой вопросы решены, территориальная целостность сохранена.

В США, начиная с 1950–60-х годов, шла напряжённая борьба за расовое равноправие. Сегодня удалось снять открытое противостояние между белыми и «цветными» американцами, беспорядки на этой почве прекратились, ушли в прошлое группировки типа «Чёрных пантер». Не произошло, правда, ассимиляции национальных диаспор, живущих довольно обособленно, поэтому до сих пор неверно было бы говорить о том, что «американец» — это национальность. Коренные американцы — индейские племена — до сих пор живут в резервациях, а условия жизни там отнюдь не лучшие. Этот вопрос, скорее всего, требует несколько иного решения, чем культурная и языковая ассимиляция. На наш взгляд, идеальным для США вариантом было бы по-

строение американской нации (общности) с политической точки зрения, а не с этнической. Наличие огромного количества гетто, резерваций и национальных кварталов не дает нам возможности судить от США как о государстве, в котором идет построение политической нации, так как сегодня в США уровень социального благополучия напрямую зависит от социального положения определенных этнических групп в обществе, таким образом, наблюдается социальное расслоение с этническим оттенком.

Абсолютно другую картину мы наблюдаем в странах бывшего социалистического лагеря. В результате его распада все ранее подавляемые межнациональные противоречия активировались с новой силой, что привело к распаду СССР, Югославии, Чехословакии.

Но если в ЧССР «развод» произошёл мирно, то в СФРЮ началась гражданская война. Не обошли межнациональные вооружённые конфликты и бывшие республики Советского Союза. В войну были ввергнуты Южная Осетия, Абхазия, Ингушетия, Чеченская Республика, Нагорный Карабах, Приднестровье, Ферганская долина.

Наиболее кровопролитным конфликтом на постсоветском пространстве стал чеченский. Для его решения российским властям пришлось задействовать вооружённые силы, включая танки, тяжёлую артиллерию и авиацию. Проигрыш сепаратистов в открытой войне привёл к началу терактов. Российская система внутренней безопасности оказалась настолько слаба и не готова к данному повороту событий, что боевики были в силах захватывать целые города (Кизляр, Будённовск) и различные учреждения в столице. Не прекратились диверсии и сейчас.

Власти постсоветских государств предпочитали силовые методы подавления всяческим попыткам проведения переговоров. Это было связано со стремлением к обеспечению территориальной целостности своих государств, недопущению из распада и дальнейшего разделения на небольшие моноэтнические государства антидемократического толка с национализмом как главенствующей идеологией.

И только в крайнем случае, когда применение силы уже не решало проблемы, начинались поиски мирных способов её решения. Крайне редко национальная политика ведётся на основе диалога обеих сторон. Конечно, трудно провести грань между стремлением к сохранению целостности государства и стремлением к сохранению мира. Но именно этому и должна служить национальная политика любого государства — вести мирный диалог и находить взаимное согласие.

Исходя из вышесказанного можно сделать вывод о том, что сутью национальной политики является отказ от государственного шовинизма, стремление к равноправию во всех сферах жизнедеятельности общества вне зависимости от их национальной принадлежности, ибо развитие наднационального единства должно осуществляться на основе духовного развития общества и началах равноправия, а не запрещения чего-либо одним и вседозволенности другим.

Анастасия Александровна Иванова

Студентка гуманитарного факультета Тульского государственного университета¹

Формула национальной идеи в политическом дискурсе парламентских партий современной России

Аннотация

Общенациональная государственная консолидация является одним из направлений оптимизации политического дискурса парламентских партий. Единое ценностно-нормативное пространство в государстве формируется национальной идеей, которая в настоящее время еще не имеет четкой формулировки и заменяется аксиологизированным конструктом.

Ключевые слова: национальная идея, аксиологизированная идея, политический дискурс, ценностно-нормативное пространство, идеологический спектр.

Теории демократии трактуют свободу выражения мнений не только как основное право человека, но и как фундаментальное условие демократии. Конкурирующие политические программы формируют спектр альтернатив, в рамках которого граждане могут сделать свой выбор.

Исторически механизмом, с помощью которого государство выполняло функцию доминирующего социального интегратора, задающего обществу единое ценностно-нормативное пространство, была идеократия. Воплощенная в национально-государственной идее (варьирующейся в зависимости от исторического этапа развития) идеократия скрепляла государство и общество.

В современном российском политическом процессе направления оптимизации политического дискурса парламентских партий находят свое воплощение в создании национальной идеи, которая была бы актуальной и способствовала интеграции большей части российского общества.

Нравственное измерение российских политических реалий делает возможным объединение различных социальных слоев.

За последнее десятилетие были разработаны «аксиологизированные идеи» — логические интеллектуальные образования, полученные в результате конвертации теоретических идей (основанных на политических нормах и ценностях) в коммуникативный продукт, имеющий прикладной характер — которые для национальной идеи представляются недостаточно полными.

Поиск национальной идей в России в начале 2000-х годов внешне выглядит как строительство новой государственной идеологии. Построением государственной идеологии занимаются представители центральной политиче-

---

¹ Научный руководитель: доктор политических наук, доцент кафедры социологии и политологии Тульского государственного университета **Елена Викторовна Бродовская**.

ской власти. Основным направлением оптимизации политического дискурса выступает общенациональная государственная консолидация. Поиск национальной идеи — это продуктивная конвертация теоретических идей в пропагандистский, коммуникативный продукт. Однако то, что представляется в российском обществе как поиск государственной идеологии, скорее представляет собой опыт конструирования информационной сетевой идеи в целях упрочнения политической власти. Аксиологизированные идеи отличает проектно-технологический, прикладной характер.

Современная политическая идеология не обеспечивает устойчивое и динамическое развитие социума. Обеспечить это развитие может и должна прежде всего политическая власть, которая сама организует управление обществом и одновременно формирует определенные идеологические установки для граждан.

Общероссийская национальная идеология призвана с одной стороны — выражать те взгляды, которые доминируют в обществе, а с другой, через идеологическую деятельность национальной элиты оказывать существенное влияние на государство, на общество и граждан. Сведение проблемы национального развития к идее обеспечения национальной безопасности является слишком зауженным.

Для поступательного развития России политическому классу и всей системе государственного управления, прежде всего, необходимо сформулировать национальную идею¹.

Социализация личности происходит под влиянием свободной и открытой дискуссии в обществе, для которой характерен конфликт между идеями и мнениями². Формула национальной идеи заключается в достижении качественного изменения жизни, качественного изменения страны, её экономики и социальной сферы³.

Согласно проведенному мною экспертному опросу, большинство экспертов считают, что национальная идея, прежде всего, должна способствовать сильной политической власти (4 эксперта из 16), объединять представителей одной нации (5 экспертов), быть основанной на историческом наследии (1 эксперт) и обладать этноконсолидирующим потенциалом на основе религии (1 эксперт). В ряде случаев национальная идея должна способствовать консолидации граждан РФ независимо от конфессиональных и этнических признаков и быть способной объединить общество и элиты на основе общих

---

¹ См. Андреев А. П. Русская традиция. — М.: Алгоритм, 2004. — 277 с.

² Тимофеева Л. Н. Власть и оппозиция в России: проблемы политического дискурса // Власть. — 2007. — № 4. — С. 3–9.

³ Расширенное заседание Государственного совета «О стратегии развития России до 2020 года»: [сайт]. URL: http://kremlin.ru/appears/2008/02/08/1542_type63374type63378type82634_159528.shtml (дата обращения: 15.10.2010).

ценностей¹. 11 представителей государственных структур из 16 высказались, что национальную идею необходимо использовать при ведении политического дискурса парламентскими партиями.

Политический дискурс стереотипизирован и насыщен символами, которые интегрируют население. Электорат принимает на веру модель поведения, заложенную в речевых практиках.

Предполагается, что целевая группа в некоторой степени заранее предрасположена положительно воспринимать определенное явление. Тем самым, узел дискурсивности составляют нормы и ценности данной целевой группы. Демократизация современного политического процесса обуславливает преобладание соответствующих ценностных ориентиров: морально-нравственных и политических².

Первая группа установок и ожиданий, соответственно, формируют такие понятия, как благосостояние людей, ответственность, гражданская активность, законопослушание, патриотизм, равенство, добровольность, народность, духовность, соборность, гармоническое развитие личности, народосбережение, духовное единение, сплоченность и т.д.

Вторую группу ценностных ориентиров образуют следующие ключевые слова: демократия, политико-правовое единство, мировое сообщество, государственные институты, доверие населения к власти, национальная безопасность, социальные гарантии, выражение мнения граждан, самоуправление, либерализм, многопартийность.

В зависимости от места, занимаемого партией в идеологическом спектре, правое либо левое крыло, в речевой практике политиков, представляющую ту или иную парламентскую партию, преобладают определенные ассоциативные словосочетания и слова-лозунги. Так, для КПРФ в политическом дискурсе характерно использовать преимущественно ценности коллективизма и общинности.

Таким образом, использование в речевых практиках ключевых слов-стереотипов позволяет сделать дискурс направленным на соответствующую аудиторию, что формирует идеологические направления в среде электорального выбора.

Ассоциативные ярлыки, в основе которых лежит прошлый опыт, вызывающий определенные образы, воздействуют на политическое сознание, тем самым изменяя мотивацию действий и электоральный выбор.

---

¹ «Формула национальной идеи в политическом дискурсе парламентских партий (на примере Тульского региона)» (январь 2010 г.). Экспертный опрос. Объем выборки: 16 экспертов. Руководитель: док. полит. наук, проф. Е. В. Бродовская.

² «Влияние политического дискурса парламентских партий на политическую культуру современного российского общества» (апрель 2009). Качественно-количественный контент-анализ программных выступлений лидеров парламентских партий. Количество проанализированных материалов: 300. Руководитель: док. полит. наук, проф. Е. В. Бродовская.

Интенциональная направленность политического дискурса рассматривается как один из основных механизмов интегрирования ценностных ориентаций гражданского общества в социально-политическую практику.

Определено основное направление качественного обновления политического дискурса, в соответствии с которыми идеальная формула национальной идеи базируется на четырех ключевых ценностях: патриотизм, сильная политическая власть, надэтнический устойчивый прагматизм, социальная ориентированность государства.

Изучение особенностей политико-культурного пространства: гетерогенность (существование множества субкультур), фрагментарность (неопределенность, неструктурированность, противоречивость установок и ориентаций), конфликтность (отсутствие базового консенсуса) и использование ценностно-нормативной базы в рамках национальной идеи в ходе конструирования политического дискурса позволит влиять на электоральные установки, предугадать выбор избирателя и консолидировать тем самым общество.

Юлия Викторовна Игнатенко

Студентка кафедры российской политики факультета политологии Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова¹

Некоторые черты политической культуры России

Аннотация

В статье показано влияние природно-географического, религиозного и исторического факторов на политическую культуру России. Автор предполагает воспитывать политическую культуру гражданственности, начиная с более ранних этапов социализации, принимая во внимание и иные конкурентоспособные модели политической культуры.

Ключевые слова: патернализм, долготерпимость, имперская государственная идея, персонализм власти, авторитарная политико-культурная матрица.

Изучение феномена политической культуры, некогда популярного в США, начиная с периода введения самого термина в политическую науку в 1960-е, а затем сформировавшего особую научную область в рамках политологии и в России (в 90-е), вновь становится актуальным в связи с необходимостью объяснения многочисленных структурных изменений в этих странах, а также и в мире в целом.

---

¹ Научный руководитель: доктор философских наук, заведующий кафедрой российской политики факультета политологии МГУ, профессор **Валерий Иванович Коваленко**.

Феномен политической культуры связывает прошлое с настоящим и будущим, тем самым составляя основу национального и государственного развития, обеспечивая стабильность и сохранение идентичности. *Факторы политической культуры в историческом процессе, черты политической культуры* современности (и их эволюция на протяжении всего исторического пути), а также *стратегии будущего развития* представляют собой многогранный, сложный объект изучения, но при этом чрезвычайно важный в рамках национальных интересов. Именно с этих трех точек зрения мы и обратимся к политической культуре России.

Говоря о факторах политической культуры России, можно отметить, что базовыми являются *природно-географический* и *религиозный*, а также *исторический*, на которые напластовываются национально-этнический и демографический (в свою очередь сформированные под влиянием географической среды, *биологического* и исторического факторов) — т.е. со стороны индивидов и общностей как носителей политической культуры; а также со стороны сложившейся обстановки в форме господствующей в обществе системе мировоззренческих позиций и ценностно-нормативных установок, особенностей политической системы и конъюнктуры. Факторы глобального характера предопределили одну из основных черт политической культуры России — *патернализм* во взаимоотношениях, обуславливающийся *традиционностью семейности*, нормой *уважения к старшим*.

Другой предпосылкой этого стали природные условия и исторический путь, суровость которых вынуждала постоянно напрягать силы в борьбе за выживание, ограничивать личную свободу членов общества, подчиняя индивидуальные интересы государственным, а все функционирование общества — достижению общих целей [3; 315]. *Необходимость «оформления огромной, необъятной русской равнины»* [1; 8] в итоге выливалась в *деспотический характер русского государства*. В подавляющем большинстве случаев именно оно было (и является сейчас) инициатором преобразований.

В результате этого население снимало с себя ответственность, было недостаточно активным даже в общественной жизни, так как все силы уходило на домашний труд в тяжелых условиях.

Жизненные обстоятельства формировали такую черту, как *долготерпимость*, которая получала также подкрепление со стороны религиозных ценностей (смирение, покорность). Подобное «послушание» прослеживается на всех уровнях иерархии, но особенно в низовой ее части, наиболее удаленной от руководящих «рычагов». Определенное влияние оказал и «туранский элемент» с его *принципом беспрекословного подчинения* [4; 71–72].

Немалое влияние на предрасположенность к сильному государству в дополнение к пассивности населения оказал *факт преемственности византийской традиции* с ее специфической *имперской государственной идеей* на основе «староримского абсолютизма, неизбежно рождающего централизацию и бюрократию» [3; 316].

При этом от Восточной Римской империи были унаследованы своеобразный космополитизм, экуменизм, наднациональный характер власти и государственности, интернационалистский подход к формированию политической и интеллектуальной элиты [3; 316–317].

Проявление сильной власти можно увидеть также в персонализме власти, вследствие чего она носит авторитарный характер, определяется многими исследователями как пример «стихийного монархизма», «вождизма» (Д. В. Гудименко). Удивительно отметить, как эту черту комментирует исследователь И. В. Кондаков: «Крещение Руси, во многом изменившее культурно-историческую парадигму страны и народной духовности, не поколебало общей тяги к авторитаризму», в связи с чем «чрезвычайно хрупкое» церковное единство в условиях «соборности» и «коллегиальности» при принятии церковных решений компенсировалось «светским организационным единством — сильной императорской властью» [2; 71–72]. Безусловно, помимо сильного бюрократического аппарата на такой огромной территории всегда требовалось наличие сильной руки, способной возглавлять все инициативы и действия.

В результате в истории страны *многое зависело от личностного фактора* (например, выбор православия князем Владимиром в 988 году). При этом монархические принципы распространяются как на глобальный уровень, так и на локальный, и даже микроуровень в структуре общества.

В рамках такой тенденции можно выделить две постоянные угрозы — тирания и анархия. В целом в истории страны *«авторитарная политико-культурная матрица»* [3; 318] сформировала «догоняющий», «мобилизационный» тип развития, который обрекал страну на блуждание в диапазоне между катастрофической эффективностью и катастрофической неэффективностью (так как постоянное напряжение невозможно, но все-таки периодически необходимо) с соблазнительным, но опасным застоєм в середине.

В итоге все достаточно масштабные события происходили под эгидой государства.

Так, даже перестройка представляет собой трансформацию общественного устройства, предпринятую руководящей элитой (Д. В. Гудименко). Этой руководящей ролью государства (во главе с лидером, партией и т.д.) обусловлена слабость гражданского общества, которое не само себя «выковывало», а формировалось под жестким патронажем государства в его же интересах.

И те немногие народные волеизъявления в истории, которые при этом не всегда реализовывались, в итоге вновь возвращали власть государству (так, диктатура пролетариата обернулась диктатом партии и ее лидера, а в 1613 году население участвовало в выборах царя, так как в его отсутствии разыгралась Смута).

В значительной мере современными проявлениями этатизма, неравноправия в отношениях между государством и обществом являются следующие:

1) значительная политическая *власть* принадлежит *бюрократии*, которая без участия и влияния гражданского общества перестает быть эффективной, зачастую не отражая интересов общества в целом;

2) *патернализм* и *клиентелизм* (как стремление быть под патронажем, ориентация на неформальные связи при излишнем формализме институтов, не дающих зачастую ход делу и вынуждающих к поиску обходных путей); роль иерархии и положения в структуре;

3) аполитичность населения, ограниченность сферы публичной политики, *массовая инертность* и *иммобилизм*; высокий уровень ожиданий от государства, от которого требуют не столько четких законов и правил игры для самостоятельных акторов, сколько зримых действий, непосредственно затрагивающих жизнь;

4) *правовой нигилизм*, примеры которого часты как со стороны граждан, так и со стороны государства; диалектика верноподданничества и революционности в сознании населения. В отношении граждан также заметны такие черты, как внушаемость, эластичность сознания, иррациональность и поверхностность при принятии решений, политическая доверчивость [3; 320, 339]. Все это особенно явно прослеживается в современном состоянии российского общества и государственных структур.

Ко всему этому политико-культурному «наследию» надо относиться бережно, но не без самокритики. Комплексное осмысление черт российской политической культуры является необходимым условием выхода из кризисного состояния и успешного преодоления испытаний будущего.

Умелое использование исконных политико-культурных особенностей адекватно ситуациям в данном случае не исключает возможности и необходимости *учиться на других конкурентоспособных моделях политической культуры*. Современное воспитание политической культуры у молодежи должно быть распространено и на более ранние этапы социализации, что призвано обеспечить *формирование культуры гражданственности*.

Это важно как для внутренней жизни в государстве, так и на международной арене. Ведь даже с падением роли государства как актора политики национально-культурные основы сохраняются и приобретают еще большую значимость, так как воспитывают ответственных граждан мира в целом.

Библиография

1. Бердяев Н. А. Истоки и смысл русского коммунизма. Репринтное воспроизведение издания YMCA-PRESS, 1955. — М.: Наука, 1990. — 224 с.
2. Кондаков И. В. Введение в историю русской культуры (теоретический очерк): Учебник. — М.: Наука, 1994. — 378 с.
3. Политическая культура: теории и национальные модели. /Гаджиев К. С., Гудименко Д. В., Каменская Г. В. и др. — М.: — Интерпракс, 1994. — 352 с.
4. Трубецкой С. Н. О туранском элементе в русской культуре // Россия между Европой и Азией: Евразийский соблазн. Антология. Наука, 1993. — 368 с.

Гасанбек Залбекович Магомедбеков

Студент кафедры российской политики факультета политологии
Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова¹

Особенности формирования института власти в Республике Дагестан

Аннотация

В этой статье рассматриваются особенности формирования институтов власти в Республике Дагестан. Формирование систем политических институтов Дагестана происходит в начале 90-х гг. Можно сказать, что в условиях сильнейших катаклизмов на Кавказе Дагестан самостоятельно выстрадал систему политических институтов, обеспечивавших ему устойчивый баланс сил и сохранение демократических принципов.

Ключевые слова: Институты власти, Республика Дагестан, Северный Кавказ, Госсовет, Народное собрание РД, Конституция РД, вертикаль власти, ваххабизм, федеральный центр.

Республика Дагестан — одна из уникальных и пограничных республик Российской Федерации, одно из замечательных своеобразных мест Кавказа, район древнейшего поселения человека. Это самая крупная из всех республик Северного Кавказа — площадь ее составляет 50,3 тысячи кв. км, население на 1 января 2009 года — 2,7 млн. человек.

Дагестан — многонациональная республика. На ее территории проживают представители более 102 национальностей, в том числе около 40 коренных народностей с самобытной культурой и богатыми традициями.

Дагестан является одним из самых сложных в этническом отношении регионов. Нигде в мире нет столь маленькой территории, на которой проживает такое количество народностей. Результаты переписи 1996 г. позволяют утверждать, что в Дагестане наблюдалась долговременная тенденция увеличения численности почти всех народностей.

В конфессиональном (религиозном) отношении Дагестан — сложная республика; представлены ислам, христианство, иудаизм. Более того, сам ислам существует и развивается в разнообразных формах: суфийские тарикаты, сунниты, шииты, относительно новое течение — «ваххабизм».

Дагестан — единственная на Северном Кавказе территория, где так называемый «ваххабизм» законодательно запрещен. В то же время именно Дагестан сегодня является очагом его наибольшего распространения.

---

¹ Научный руководитель: кандидат политических наук, преподаватель кафедры российской политики факультета политологии МГУ **Галина Станиславовна Александрова**.

Дагестан относится к депрессивным регионам с традиционно избыточными трудовыми ресурсами. Уровень безработицы здесь самый высокий в РФ — до 32%, а среднедушевой доход — самый низкий и примерно в 2,7 раза ниже среднего показателя по России.

Система политических институтов Дагестана существенно отличается от общеизвестных. Она сложилась в ходе автономного процесса, когда федеральный центр не оказывал на него никакого административного воздействия, в жесткой борьбе внутривластных сил.

Политические институты в этой самой большой и самой многонациональной северокавказской республике России образовались как ответ на угрозы развала федерации.

Формирование системы политических институтов в Дагестане в начале 90-х гг. начинается с утраты федеральным центром центра управляемости на местах и появления угрозы активного распада страны. Здесь стало ясно, что Москва уже не управляет республикой, как это было в течение многих десятилетий коммунистического режима.

Все эти новшества из центра были столь же малопонятны для местного руководства, сколь и губительны для него. Общественные проблемы вырывались на свободу в виде массовых движений протеста и требовали своего решения. Открывающиеся возможности быстрого обогащения и молниеносной карьеры порождали конфликтность в среде старого руководства.

Наконец, искушение обрушить полностью старый режим и захватить политическую власть в республике породило радикальные политические силы — главным образом двух самых крайних полюсов: либерально-демократического толка и исламистского.

«Государственная власть, разбившись вдребезги, рассыпалась по всему социальному пространству, заявляя о себе теперь везде открыто и безапелляционно, сталкиваясь друг с другом и творя везде свой суд и расправу. В этих условиях дагестанское общество, развиваясь в автономном режиме, начинает структурироваться по новому типу, проявляя в этом процессе свои глубинные социо- и этнокультурные качества. Тогда все решалось на месте, здесь и сейчас и на свой страх и риск»¹. Именно в тот период в ходе стихийного развития постепенно стала формироваться оригинальная конструкция политических институтов. Политическая система, которая сложилась в Дагестане после развала коммунистического режима и воплотилась в республиканской Конституции 1994 г., в избирательных законах, а также в ряде неписанных правил и процедур политического поведения, явилась продуктом внутреннего, естественного и весьма своеобразного развития и в значительной степени отвечает особенностям социально-политической структуры дагестанского общества. Тогда и утвердился приоритет республиканского законодательства над федеральным — статья 65 Конституции Республики Дагестан (далее — РД) 1994 г. гласила: «Действие федеральных законов и других пра-

---

¹ Цит. по: <http://federalcart.ksu.ru/publications/index.ttm>.

вовых актов РФ, противоречащих суверенным правам и интересам Республики Дагестан, может быть приостановлено Республикой Дагестан на своей территории»¹.

«Она не была создана одним человеком и для одного человека, она явилась результатом жестких противостояний и сложных компромиссов множественных политических сил, быстро сложившихся здесь на месте, единой системы партийной иерархии»². Самое важное, что в результате этого республика смогла сформировать легитимные институты власти, успешно решившие ряд важнейших политических задач, а именно:

- 1) удалось избежать массовых национальных столкновений;
- 2) удалось не ввязаться в приграничные конфликты с соседями;
- 3) удалось преодолеть распад республики.

Процесс подготовки Конституции РД 1994 г. отражал политические реалии, складывающиеся здесь в ходе решения постоянно возникающих проблем. На всем протяжении процесса подготовки проектов Конституции РД ключевой идеей, которая определяла направление всех поисков и вызывала основные споры и разногласия, была идея соблюдения «прав национальности».

В 1990-е гг. эта система получила официальное закрепление. Широкие слои общественности и политические деятели, специалисты — члены рабочей группы по составлению новой Конституции бились над проблемой создания такой организации власти в республике, которая могла бы предоставить гарантии прав для всех народов Дагестана на «свою землю и свои природные ресурсы», обеспечить справедливое представительство каждой национальности в органах высшей государственной власти и в организациях, занимающихся материальным производством, а также образованием, наукой и культурой. Однако общественного согласия в решении таких вопросов найти было невозможно.

С другой стороны, высшие политические лидеры, которые формировали Конституцию РД, были заинтересованы в такой организации власти, которая исключала бы возможность ее концентрации в руках одной личности.

Все эти устремления, в конечном счете, привели к созданию такой системы политического устройства в Дагестане, в соответствии с правилами которой (согласно Конституции РД 1994 г.) в Государственный Совет, состоящий из 14 человек, «не может входить более одного представителя одной и той же национальности» (ст. 88)³. Таким образом, Госсовет, который стал высшим исполнительным органом государственной власти в республике, од-

---

¹ Конституция РД. Принята 26 июля 1994 г. // Конституции республик в составе РФ. — М.: «Манускрипт», 1995. — С. 114.

² Цит. по: <http://federalcart.ksu.ru/publications/index.htm>.

³ Конституция РД. Принята 26 июля 1994 г. // Конституции республик в составе РФ. — М.: «Манускрипт», 1995.

новременно оказался и представительным органом 14 основных национальностей, проживающих здесь.

К числу дагестанских «титульных» относят 14 национальностей, имеющих в Дагестане свои «корни», т. е. традиционное сельское население: Это: *аварцы* (около 28% населения республики), *даргинцы* (немногим более 16%), *кумыки* (13%), *лезгины* (около 13%), *русские* (7%), *лакцы* (более 5%), *табасаранцы* (5%), *чеченцы* (около 4%), *азербайджанцы* (4%), *ногайцы* (1,5%), *рутульцы* (около 1%), *агулы* (около 1%), *цахуры* (около 0,5%) и *таты* (менее 0,5%).

Выборы членов Госсовета осуществлялись не всенародным голосованием, а специальным институтом — Конституционным Собранием, которое созывается исключительно по таким случаям, а также для изменения положений самой Конституции. Оно образуется из полного состава парламента и такого же числа делегатов, специально для этого избираемых на представительных Собраниях районных и городских органов местного самоуправления.

Члены Госсовета не могут быть депутатами парламента, членами правительства или судьями, но могут совмещать функции высшей исполнительной власти с работой прокурора, преподавателя, руководителя или работника акционерных или бюджетных организаций и предприятий.

Первоначально на Конституционном Собрании (КС) путем тайного голосования был избран Председатель Госсовета. Он в соответствии со статьей Конституции РД 1994 г. является «главой государства» (ст. 92)¹. Другой член Государственного Совета — это Председатель Правительства, который занимает свой пост по предложению Председателя Госсовета, но без процедуры голосования и после утверждения парламентом. Премьер, таким образом, автоматически становится членом Госсовета и, более того, первым заместителем его Председателя.

Далее, когда национальная принадлежность двух указанных членов Госсовета уже известна, на КС начинается процедура выдвижения кандидатур на оставшиеся 12 мест. Право на выдвижение кандидатуры в состав Госсовета представителя любой национальности (из числа 12-ти еще не занятых) имеет любой член КС вне зависимости от его собственной национальности.

После составления списков предложенных кандидатов, сгруппированных по отдельным национальностям, мягким рейтинговым (тайным) голосованием определяются по две кандидатуры от каждой национальности, набравшие наибольшее число голосов. Затем тайным голосованием из оставшихся двух кандидатов от каждой национальности выбирались остальные члены Госсовета. Вместе с тем, изменения в федеральном законодательстве затронули и порядок формирования органов власти национальных республик, который ранее определялся республиканскими конституциями и законами.

---

¹ Конституция РД. Принята 26 июля 1994 г. // Конституции республик в составе РФ. — М.: «Манускрипт», 1995.

Это было связано с тем, что Президент Б. Ельцин подписал Федеральный закон «Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов власти субъектов РФ»¹, где устанавливались единые для всех субъектов РФ принципы формирования органов государственной власти.

Парламент республики — Народное Собрание РД — состоял из 121 депутата, избираемых всенародным, прямым и тайным голосованием по территориальным избирательным округам. При этом Конституция РД провозглашает, что в парламенте «гарантируется представительство всех народов Дагестана» (ст. 72)². Согласно этому закону механизм обеспечения национальных пропорций состоит в следующем.

Территория республики подразделяется на этнически однородную — это, главным образом, горные районы Дагестана, которые населяют сплошными массивами аварцы, даргинцы, лезгины, лакцы, табасаранцы и др. национальности республики — и этнически смешанную — это города республики и сельские районы на равнине. В этнически однородных регионах в избирательных округах нет никаких ограничений для выдвижения кандидатов в депутаты по признаку национальности.

В этнически смешанных регионах и городах республики Закон РД «О выборах...» давал право Республиканской избирательной комиссии устанавливать специальные «национальные территориальные избирательные округа», в которых разрешается выдвигаться лишь представителям одной определенной национальности.

При этом электорат этих многонациональных округов никак не подразделяется по национальному признаку — все население избирательного округа голосует за кандидатов в депутаты одной определенной национальности.

Таким образом, предвыборная борьба в «национальных территориальных избирательных округах» между кандидатами не выходит за рамки каждой отдельной национальности, а для многонационального электората такого избирательного округа национальность претендентов теряет всякую значимость и не оказывает никакого воздействия на выбор. Таким образом, формальное признание важности национальности обеспечивает ситуацию, когда в реальном политическом процессе национальность утрачивает всякое значение.

Многие правила, регулирующие национальный баланс, хотя и не закреплены в статьях Конституции, законах или вообще как-либо документально установлены, строго исполняются на практике.

---

¹ Федеральный закон № 184 от 6 октября 1999 г. «Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов власти субъектов Российской Федерации // Собрание законодательства Российской Федерации.—1999 г. № 42.—ст. 5005.

² Конституция РД (принята 26 июля 1994 г.).

Так, первые лица высших институтов власти (Председатель Госсовета, Председатель парламента и Председатель правительства) по неписаному ни где правилу должны быть представителями различных национальностей. Состав заместителей Председателя правительства подбирается так, чтобы в нем были представители разных национальностей и, желательно, не больше одного от каждой. Также обстояли дела с заместителями Председателя Народного Собрания, руководителями парламентских комитетов, управлений Госсовета и т.д. Учет национального представительства велся и в отношении руководителей высших учебных, научных учреждений и т.д.

С начала 2000 г. центр приступил к воссозданию прямых административных рычагов управления периферией и политическим преобразованиям.

Избранный в 2000 г. всенародным голосованием президент В. В. Путин в целях сохранения единой правовой системы пошел по пути сужения полномочий региональных властей и расширения компетенции центра.

Так, 29 июля 2000 г. был принят Федеральный Закон № 106, нормы которого позволили Президенту Российской Федерации отрешать президентов республик в составе РФ от должности, а также распускать региональные парламенты в случае нарушения Конституции РФ и федеральных законов¹. А 8 февраля 2001 г. был принят еще один Федеральный закон, внесший дополнения в порядок организации исполнительных органов власти субъектов Федерации, позволив президентам республик в составе РФ избираться на третий, а затем и четвертый сроки².

Во время выборов в Дагестане центр поддерживал переизбрание на очередной — четвертый по счету срок — Председателя Государственного Совета республики М. Магомедова, который бессменно руководил республикой с советских времен. Считалось, что именно благодаря его усилиям взрывоопасный в национальном отношении Дагестан сохранил межэтническое равновесие и лояльность к России.

Кроме того, в Дагестане сложилась на тот момент такая система власти, при которой смена лидера неизбежно должна была привести к радикальному изменению национального кадрового состава правящей элиты. По неписаному правилу ключевые должности в Дагестане распределяли между собой наиболее многочисленные народы. Поэтому политическая элита республики была заинтересована в переизбрании М. Магомедова на новый срок.

---

¹ См. Федеральный закон от 29 июля 2000 г. № 106 «О внесении дополнений в Федеральный закон «Об общих принципах организации законодательных (представительных) органов государственной власти субъектов РФ» // Собрание законодательства Российской Федерации. — 2000 г. № 31. — Ст. 3205.

² См. Федеральный закон от 8 февраля 2001 г. № 3 «О внесении дополнений в Федеральный закон «Об общих принципах организации законодательных (представительных) органов государственной власти субъектов РФ» // Российская газета. — 2001. — 10 февраля.

Однако избрание на протяжении нескольких кампаний одного человека уже само по себе являлось достаточно серьезным конфликтогенным фактором, поэтому ситуация в Республике обострялась с каждым днем — учащались случаи террористических актов. Против власти Магомедова в основном открыто выступали территории, населенные аварцами.

Изменение федерального законодательства потребовало от руководства РД пересмотра ее основного закона. 10 июля 2003 г. была принята новая Конституция РД. В ней был упразднен Государственный Совет и в соответствии с изменениями в Конституции введен пост Президента.

Главой государства и высшим должностным лицом РД является Президент. Он возглавляет систему исполнительных органов государственной власти в республике и руководит деятельностью Правительства Республики Дагестан — исполнительного и распорядительного органа государственной власти. Правительство Республики Дагестан ответственно перед Президентом. Кандидатура Председателя Правительства утверждается Народным Собранием Республики Дагестан по предложению Президента¹.

Был также изменен порядок формирования Народного Собрания Республики Дагестан, который раньше избирался по системе многомандатных округов: вместо 121 депутата — 72 от территориальных округов и 36 по партийным спискам. То есть в новой Конституции республики были устранены отличия структуры исполнительных и законодательных органов власти Дагестана от государственных органов других субъектов РФ².

Расширение партийного участия и отмена выборов по многомандатной системе, а также требование федерального законодательства, запрещающее формировать политическую партию по профессиональному или национальному признаку, поставили в повестку дня очень важный вопрос: как быть с устоявшейся и принятой населением республики практикой формирования властных структур Дагестана по принципу этнического квотирования?

В многонациональных округах было определено 12 аварских округов, 12 кумыкских, 10 русских, 7 даргинских, 5 табасаранских, 5 азербайджанских, 4 лезгинских, 4 чеченских, 3 лакских, 2 татских, 1 цахурский. Еще один округ предназначался для выдвижения представителя любой национальности³.

---

¹ Конституция РД (принята 10 июля 2003 г.).

² Республика Дагестан до 2003 г. была единственным субъектом в составе РФ, где согласно республиканской конституции глава не избирался в ходе прямых всенародных выборов. Председателя и членов Госсовета выбирало Конституционное собрание, наполовину (121 человек) состоящее из депутатов республиканского парламента, а наполовину — из «выборщиков», избранных собраниями представителей от каждого избирательного округа. Уникальной была и система выборов в Народное Собрание Республики Дагестан — для соблюдения этнического квотирования в республике была принята особенная система голосования по многомандатным округам.

³ Османов Г. Нужно ли учитывать национальный фактор при формировании парламента Дагестана? // Дагестанская правда. — 2007. — 7 февраля.

Поправки, внесенные в закон «Об общих принципах организации законодательных (представительных) органов государственной власти субъектов Российской Федерации», установили новые «правила игры» для региональной власти. Была предусмотрена ответственность руководителей республик за неисполнение федеральных законов, возможность их отрешения от должности Президентом РФ или отзыва голосованием граждан республики. В декабре 2004 г. были отменены прямые выборы высших должностных лиц всех субъектов РФ, в том числе национальных республик. Принципы формирования органов государственного управления республик теперь определяются только федеральной Конституцией и федеральными законами, которые закрепили новую институциональную среду и стали универсальными для всех субъектов РФ. Важным процедурным фактором того периода стало то, что в ходе федеративной и избирательной реформ произошло смещение позиций дагестанской элиты в сторону лояльности центру.

Безусловно, Дагестан — субъект Российской Федерации и поэтому он не может выходить за рамки правового поля, установленного федеральным законодательством. Вопрос о взаимодействии федеральной и региональной властей имеет огромное значение для сохранения единства и целостности России, это понимали высшие эшелоны власти. Кроме того, парламент, сформированный по национальному признаку, а не по партийной принадлежности, не соответствует принципу демократии. Однако народ Дагестана привык голосовать за персоны, а не за партии, поэтому вполне вероятно, что устоявшиеся «неформальные правила» могут и должны быть естественным образом встроены в новые институциональные ограничения.

Сама элита Дагестана позаботилась об этом. Председатель Госсовета Дагестана М. Магомедов во время своего выступления на Конституционном собрании республики отметил, что «учитывая некоторые особенности нашей республики, мы смогли бы найти понимание руководства Южного федерального округа, федерального центра и добиться сохранения нынешней системы органов власти, в том числе и через принятие специального федерального закона. Но пришли к твердому убеждению, что просить о каких-то исключениях из общих правил для Дагестана на нынешнем этапе нет необходимости. Сохранять и далее положение, выделяющее Дагестан среди других субъектов Российской Федерации, было бы политически некорректным, не соответствовало бы, в некотором смысле, твердой воле дагестанцев жить и развиваться по единым для всех россиян законам»¹.

В целях дальнейшего укрепления вертикали власти и развития многопартийности 11 июля 2001 г. в первом чтении был принят закон «О политических партиях», который запретил дублировать названия партий и их симво-

---

¹ Республика Дагестан до 2003 г. была единственным субъектом в составе РФ, где согласно республиканской конституции глава не избирался в ходе прямых всеобщих выборов.

лику, называть их именем конкретных лиц, а также формировать их по этническому и по религиозному признакам¹.

Народное Собрание Республики Дагестан четвертого созыва сформировали пять партий: «Единая Россия» — 47 мест, «Справедливая Россия» — 8 мест, «Аграрная партия России» — 7 мест, КПРФ и «Патриоты России» получили по 5 мест. Для прохождения партии в парламент был установлен 7-ми процентный барьер, а из бюллетеней была исключена графа «Против всех списков кандидатов». В некоторых районах «Единая Россия» получила более 95% голосов, а явка на избирательные участки превысила 90%. Партия большинства активно поддерживалась исполнительной властью республики. Об этом говорит тот факт, что в Хунзахском районе, откуда родом был бывший президент Дагестана М. Алиев, за партию «Единая Россия» проголосовали более 99% избирателей².

В Народном Собрании четвертого созыва представлены все 14 «конституционных» национальностей Дагестана, которые прежде формировали Госсовет РД. При этом, несмотря на отмену многомандатных округов, паритет численности основных этнических групп претерпел самые незначительные изменения. Иначе говоря, усиление роли общероссийских партий в региональных выборах пока не привело к замене ключевых каналов пополнения представительной власти республики, которыми остаются «директорат» и органы государственного управления. Изменения в законодательстве не отразились и на соблюдении принципа этнического паритета в многонациональных республиках, что мы видим на примере Дагестана. Таким образом, новые институциональные ограничения практически не повлияли на сложившиеся неформальные политические практики. На наш взгляд присутствует даже опасность снижения эффективности законодательной власти.

Во-первых, это связано с той ролью, которую играет «Единая Россия» на региональном уровне. Не умаляя значения этой партии для укрепления вертикали власти и единства страны, мы склонны видеть в ней бюрократическую структуру, вхождение в которую обеспечивает региональной элите доступ к власти и ресурсам. Во-вторых, депутаты, избираемые по партийным спискам, не имеют связи с конкретными избирателями. Наконец, в-третьих, следует вновь упомянуть о том, какой незначительной была роль партий в избирательных процессах на Северном Кавказе в 1990-е гг. В многонациональных республиках люди до сих пор склонны голосовать не за политические блоки, а за конкретные персоны. Единственным исключением была и остается КПРФ — партия с уже выработанной идеологией, за которую голосовали традиционно.

---

¹ Федеральный закон РФ № 95 от 11 июля 2001 г. «О политических партиях».

² Мусаев М. Три семерки карандашом или правильные итоги выборов в Дагестане // Северный Кавказ.- 2007.. 27 марта .№12

Подводя итоги можно сказать, что в первый период в условиях развала всей страны, сильнейших катаклизмов на Кавказе Дагестан самостоятельно выстрадал систему политических институтов, обеспечивавших ему устойчивый баланс сил и сохранение демократических принципов, что послужило важным фактором сохранения стабильности и государственности дагестанского общества в динамично меняющейся этнополитической ситуации в регионе.

В результате новой, установленной центром, «перестройки» политических институтов (отказы от регулирования пропорций национального представительства в Народном Собрании республики и Собраниях местного самоуправления, от выбора Президента РД) в Дагестане произошли серьезные перемены в структуре политических сил.

В этих условиях республика может утратить свою саморегулирующую устойчивость, которую приобрела в ходе предшествующего периода исторического развития.

Библиография

1. Федеральный закон № 184 от 6 октября 1999 г. «Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов власти субъектов Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации.—1999 г. № 42.— Ст. 5005.
2. Федеральный закон от 29 июля 2000 г. № 106 «О внесении дополнений в Федеральный закон «Об общих принципах организации законодательных (представительных) органов государственной власти субъектов Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации. — 2000. № 31. — Ст. 3205.
3. Федеральный закон от 8 февраля 2001 г. № 3 «О внесении дополнений в Федеральный закон «Об общих принципах организации законодательных (представительных) органов государственной власти субъектов Российской Федерации» // Российская газета. — 2001. — 10 февраля.
4. Федеральный закон РФ № 95 от 11 июля 2001 г. «О политических партиях».
5. Конституция Республики Дагестан. Принята 26 июля 1994 г. // Конституции республик в составе РФ. — М.: «Манускрипт», 1995.
6. Конституция Республики Дагестан. Принята 10 июля 2003 г.
7. *Османов Г.* Нужно ли учитывать национальный фактор при формировании парламента Дагестана? // Дагестанская правда. — 2007. — 7 февраля.
8. *Мусаев М.* Три семерки карандашом или правильные итоги выборов в Дагестане // Северный Кавказ.- 2007. — 27 марта (№12).
9. *Литвинова Т. Н.* Институты власти на Северном Кавказе: опыт и уроки политической трансформации (1989–2008 гг.) . — Краснодар. 2009.

Майя Андреевна Незина

Студентка кафедры российской политики факультета политологии
Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова¹

Приграничное сотрудничество России и Китая: сложности и перспективы развития

Аннотация

Статья посвящена проблеме приграничного сотрудничества России и Китайской Народной Республики. Обозначены основные направления взаимодействия, а также объективные проблемы, существующие в отношениях между двумя государствами.

Ключевые слова: Россия, Китай, приграничное сотрудничество, регион, национальный интерес, глобализация.

Происходящие в современном мире политические процессы глобализации, с одной стороны, и регионализации с другой, значительно актуализировали важность построения конструктивных взаимоотношений России с пограничными государствами. Особую значимость приобрели те регионы Российской Федерации, которые находятся непосредственно на границе с сопредельными странами. Приграничное сотрудничество российских регионов с соседними государствами в настоящее время не только является серьезным механизмом влияния на международное положение России, но и стало действенным инструментом регионального социально-экономического развития, что особенно актуально, учитывая процессы глобализации и региональной интеграции. Затрагивая интересы личности, общества и государства, приграничное сотрудничество способствует позитивной интеграции Российской Федерации в мировую экономическую систему, создает благоприятные внешние условия для поддержания национальной безопасности страны, формирования вокруг России «пояса добрососедства». Актуальность настоящей проблемы определяется необходимостью реализации комплексной стратегической линии и согласованной политики приграничного сотрудничества на всей территории Российской Федерации, что позволит в полном объеме реализовывать национальные интересы российского государства.

По мере дальнейшего развития федеративных отношений в России отмечается объективная тенденция перемещения центра тяжести управления социально-экономическими процессами с федерального на региональный уровень. Проявившаяся в последние годы негативная склонность к увеличению разрыва между внутренними и приграничными регионами России, а также

---

¹ Научный руководитель: доктор политических наук, профессор кафедры российской политики факультета политологии МГУ **Ростислав Феликсович Туровский**.

определенная «периферийность» приграничного пояса, в свою очередь, стимулируют поиск эффективной модели политики приграничного сотрудничества¹. Наиболее существенным фактором является также прямая взаимосвязь между обеспечением национальной и региональной безопасности и проведением приграничного сотрудничества. Прилегающие к границе регионы являются важными субъектами безопасности в экономической, пограничной, политической, социальной, ресурсной, экологической и других сферах. Пограничное сотрудничество, в свою очередь, определенными аспектами также затрагивает данные сферы. В этой связи, реализация интересов государства, общества и личности посредством проведения политики приграничного сотрудничества представляется чрезвычайно актуальной как с теоретической, так и с практической стороны.

Приграничные отношения — сфера взаимодействия государств, значение которой особенно велико в условиях глобализации. Именно в данной области происходит непосредственное столкновение национальных интересов граничащих между собой государств, и от выбранного способа разрешения конфликта во многом зависят взаимоотношения стран и их политика по другим направлениям. Трансграничные отношения России и Китая на современном этапе в значительной мере испытывают влияние общей направленности взаимоотношений двух государств. Кроме того, в регулирование пограничных взаимодействий активно вмешивается региональная политика каждой из стран.

В целом, динамику российско-китайских приграничных отношений можно назвать перспективной. Традиционные представления стран по отношению друг к другу, определенная общность проблем, а также взаимная заинтересованность дают о себе знать. Однако следует выделить ряд спорных моментов, которые могут закончиться конфликтами, если не предпринять соответствующих мер по их разрешению и предупреждению.

Прежде всего, существуют трудности в виду отсутствия единой нормативно-правовой базы, регулирующей данные отношения, как с китайской, так и с российской стороны.

Прежде чем предпринимать конкретные шаги в той или иной сфере и задумываться о результатах, необходимо привести в порядок соответствующие законы. Проблемы, касающиеся российского Дальнего Востока, во многом коренятся в недостаточности усилий различных уровней власти по выработке эффективной региональной политики². Это связано как с максимальной по отношению к другим регионам удаленностью от центра, так и с особым геополитическим статусом, основанным, прежде всего, на пограничном положе-

---

¹ *Титаренко М. Л.* Россия: безопасность через сотрудничество. Восточноазиатский вектор / М. Л. Титаренко. — М.: Памятники исторической мысли, 2003. — С. 152

² *Международные отношения: теории, конфликты, организации.* / Под ред. П. А. Цыганкова. — М.: Альфа-М, 2004. — С. 234.

нии Дальнего Востока. Далее следует выделить существенные проблемы, касающиеся незаконной миграции, что актуально и для России, и для КНР. Возможно, подобные тенденции основаны на маоистском лозунге «Переселяться туда, где лучше», однако, как было отмечено в работе, миграция, которая существует сегодня, не представляет угрозы национальным интересам России в дальневосточном регионе, особенно, при условии выработки грамотного политического курса по его развитию. По заявлению заведующего отделом российской экономики Института России, Восточной Европы и Центральной Азии АОН КНР Чэня Ицзюня, "Россиян, посетивших Китай в 4 раза больше, чем китайцев, посетивших Россию. Но в Китае ни пресса, ни власти никогда не называют прибытие россиян угрозой».

И наконец, еще один спорный момент заключается в трактовке позиции Китая по отношению к приграничной области отношений. В связи с этим возникает вопрос о перспективах пограничных взаимодействий и об истинных, в отличие от широко декларируемых в прессе и в рамках международных встреч, устремлениях КНР. Рассуждая в терминах общей теории национальных интересов, можно сказать, что главное, что по-настоящему должно заботить Россию в сфере пограничных отношений с Китаем, это будущее собственного Дальнего Востока¹.

Однако представляется, что такой подход является неосторожным и недальновидным для государства, имеющего такого сильного и стремительно развивающегося соседа, как Китай. Поэтому, объективно оценивая ситуацию, сложившуюся в области пограничных российско-китайских отношений, можно сделать следующий вывод.

Безусловно, пограничные отношения— сфера крайне важная для реализации национальных интересов любого современного государства. России, в рамках осуществления российско-китайской приграничной политики, следует на практике придерживаться принципов, закрепленных в Договоре о добрососедстве, дружбе и сотрудничестве между Российской Федерацией и Китайской Народной Республикой, а также выработать собственную независимую, но грамотно скоординированную дальневосточную модель приграничного сотрудничества.

Библиография

1. *Вардомский Л., Самбунова Е.* Приграничное сотрудничество России и Китая // Внешняя торговля. — 1993. — № 12.
2. Концепция приграничного сотрудничества в Российской Федерации
3. Международные отношения: теории, конфликты, организации. / Под ред. П. А. Цыганкова. — М.: Альфа-М, 2004.
4. *Титаренко М. Л.* Россия: безопасность через сотрудничество. Восточно-азиатский вектор / М. Л. Титаренко — М.: Памятники исторической мысли, 2003. — С. 152

---

¹ Концепция приграничного сотрудничества в Российской Федерации

Дарья Вячеславовна Скрипниченко

Студентка кафедры российской политики факультета политологии
Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова¹

Республики Северного Кавказа в системе российского федерализма в 2000-ые гг. (на материалах Республики Ингушетия и Чеченской Республики)

Аннотация

Республики Северного Кавказа проходят сложный процесс вхождения в единое политико-правовое пространство Российской Федерации. На общем фоне выделяются Республика Ингушетия и Чеченская Республика. Республики имеют одно культурно-историческое и частично политическое прошлое, но в 2000-е гг. федеративные отношения для каждой складывались по-своему особенно.

Ключевые слова: национальные республики, отношения с федеральным Центром, терроризм, территориальная целостность, асимметрия.

Северный Кавказ — один из самых напряженных регионов Российской Федерации в социальном, экономическом и политическом плане, где вследствие этих проблем обостряется и проблема терроризма, что, в свою очередь, создает угрозу для национальной безопасности Российской Федерации. Также в силу асимметричности российского федерализма республики выстраивают специфические взаимоотношения с федеральным Центром.

Ход этих взаимоотношений влияет целый комплекс региональных особенностей, которые включают в себя, главным образом, национально-конфессиональный состав и социально-экономические проблемы в республиках. Особое значение здесь имеет учет этих нюансов в политике федерального Центра по отношению к республикам.

В результате систематизации подходов, существующих в научной среде, обратим внимание на некоторые из основных особенностей российского федерализма: этническим принципом образования республик в Российской Федерации²; правом нации на культурную, языковую и даже политическую автономию; проблемой суверенитета наций в условиях федеративного государства; сложностью разграничения полномочий между федеральным Центром и республиками; а также с тенденцией асимметричного развития Рос-

---

¹ Научный руководитель: кандидат политических наук, преподаватель кафедры российской политики факультета политологии МГУ **Галина Станиславовна Александрова**.

² См.: *Абдулатипов П. Г.* Национальный вопрос и государственное устройство России. — М., 2000. — С. 10.

сийской Федерации¹, которая сохраняется уже на протяжении 20 лет. В течение последних 10 лет федеральный Центр противопоставляет ей тенденцию централизации.

При всей специфичности своего положения Республика Ингушетия и Чеченская Республика, отражая основные тенденции российского федерализма — асимметрию и централизацию, тем самым поддерживают территориальную целостность Российской Федерации и единство федеративной системы².

Исходя из анализа политико-правовых аспектов становления и развития федерализма в России, можно выделить общие и специфические особенности для обеих республик. Так, Совместное политическое прошлое, стремление республик получить особые полномочия в составе Российской Федерации по сравнению с другими субъектами, сложный процесс налаживания взаимоотношений между руководством республики и федеральным Центром, — все это относится к общим особенностям.

Для Республики Ингушетия к специфическим особенностям относятся наличие нерешенных территориальных проблем и активная политика республиканского руководства Республики Ингушетия по расширению региональных полномочий. Для Чеченской Республики в роли частных, специфических особенностей выступают желание республиканского руководства самостоятельно управлять вопросами внешней и внутренней политики республики, а на отдельных этапах — даже выход из состава Российской Федерации³, а также распространение терроризма как следствие отсутствия должного федерального контроля в республике.

Нельзя оставлять без внимания этнокультурные и социально-экономические аспекты при анализе отношений с федеральным Центром. У народов республик много общего: в целом одно культурно-историческое прошлое, население обеих республик исповедует ислам суннитского толка, чем воспользовались пропагандисты радикального ислама. Однако, если в Чечне удалось подавить распространение ваххабизма еще в конце 90-ых гг., то в Ингушетии в 2000-ые он только начал набирать силу, в том числе и из-за сложной социально-экономической ситуации.

Кроме того, в обеих республиках низкие социально-экономические показатели — высокий уровень безработицы, нет развитой самодостаточной рес-

---

¹ См.; Смирнягин Л. В. Российский федерализм парадоксы, противоречия, предрассудки. Московский общественный научный фонд, 1998. Первая глава «Парадоксы».

² См.: Станских С., Фогельклу А. Проблемы реформирования федеративных отношений в современной России // Государственная власть и местное самоуправление. — М.: Юрист, 2005. — № 11. — С. 3.

³ Кинтерая А. Г. Методы разграничения предметов ведения и полномочий в современных федеративных государствах: сравнительный анализ и основные тенденции // Право и политика. — М.: Nota Bene, 2006. — № 11. — С. 56.

публиканской экономики. Прибавляя к этому высокие показатели демографического роста, мы получаем идеальную почву для распространения радикальных течений ислама, которые, в свою очередь, являются основой для распространения терроризма. В таких условиях республики не могут самостоятельно справиться с проблемами. Федеральным Центром предпринимаются усилия для преодоления сложившейся ситуации. Так, через реализацию Федеральных Целевых Программ происходит поддержание и стабилизация депрессивных экономик обеих республик. Отказаться от дальнейшей реализации ФЦП федеральному Центру нельзя, так как такое проявление бюджетного федерализма является основой для стабильных федеративных отношений.

Республики Северного Кавказа занимают особое место по сравнению с республиками, находящимися в других частях России. Такое положение является следствием уникального национального и конфессионального многообразия, геополитического положения, что накладывает определенные отпечатки на российскую модель федерализма в целом. Республика Ингушетия и Чеченская Республика заняли особые места в общероссийских федеративных отношениях по нескольким причинам. Политические причины связаны с продолжительным урегулированием различных аспектов политико-правового характера республик, которые позволяли претендовать республикам на более широкий перечень полномочий и автономию.

Если в Ингушетии удалось справиться с подобными настроениями после смены президента, то в Чеченской Республике даже при смене элит сохранялась особенная модель взаимодействия с федеральным Центром. Но такая самостоятельная политика дает и свои положительные результаты: в республике проблема терроризма и распространение радикального ислама находится под контролем руководства республики и по сравнению с другими субъектами Северного Кавказа ситуация там контролируется. Тем самым решаются очень важные вопросы, связанные с территориальной целостностью Российской Федерации и единством федеративной системы. В Республике Ингушетия остается сложной проблема распространения радикального ислама и терроризма.

Республика Ингушетия и Чеченская Республика — это примеры того, как за непродолжительный период (2000-ые гг.) главным образом политическими методами, постепенно, хотя и не всегда успешно, решаются острые федеративные проблемы, связанные с созданием единого политико-правового пространства, совместной борьбой с внешними угрозами, поддержанием баланса между интересами федерального Центра и республиканскими интересами.

Библиография:

1. Абдулатипов Р. Г. Национальный вопрос и государственное устройство России. — М., 2000. — С. 10.

2. *Болтенкова Л. Ф.* Суверенитет в истории российской государственности. Лекция. — М.: РАГС, 2007.
3. *Кинтерая А. Г.* Методы разграничения предметов ведения и полномочий в современных федеративных государствах: сравнительный анализ и основные тенденции // *Право и политика*. — М.: Nota Bene, 2006. — № 11. — С. 56.
4. *Смирнягин Л. В.* Российский федерализм парадоксы, противоречия, предрассудки. — М.: Московский общественный научный фонд, 1998. Глава 1 «Парадоксы».
5. *Станских С., Фогельклу А.* Проблемы реформирования федеративных отношений в современной России // *Государственная власть и местное самоуправление*. — М.: Юрист, 2005. — № 11. — С. 3.
6. *Туровский Р. Ф.* Баланс политических отношений между Центром и регионами в процессах государственного строительства. Автореферат диссертации на соискание ученой степени доктора политических наук. М., 2007.

**Мировая политика
и международные отношения**

Антон Викторович Бредихин

Студент кафедры теоретической и прикладной политологии
Южного Федерального университета¹

Геополитический аспект проекта «Великой Украины»

Аннотация

Автор в данной статье ставит задачу рассмотреть идеологический проект создания «Великой Украины». Для этого приводится краткий анализ наиболее значимых теорий, предложенных украинскими мыслителями. В конце статьи делаются обобщающие выводы общих положений рассмотренных теорий и возможность их реализации на практике.

Ключевые слова: «Великая Украина», проект, геополитика, мыслители, империя.

Проекты «великих держав» наиболее характерны для молодых государств Восточной Европы.

Их актуальность во многом обозначается сменой социалистических режимов и реставрацией национальных идеологий, формировавшихся в первой половине XX века. «Великая Албания», «Великая Румыния», «Великая Польша», «Великая Венгрия», «Великая Украина» — все они имели свои исторические предпосылки.

Поэтому нами и будет предпринята попытка рассмотреть процесс становления идеологии «великой державы» в контексте ее геополитического положения на примере Украины.

Население нынешней Украины соответствует понятию «прибрежной нации», чем и определяется влиянием естественных факторов на само государство.

Как формулирует понятие «прибрежной нации» Альфред Т. Мэхэн: «история прибрежных наций определялась не столько ловкостью и предусмотрительностью правительств, сколько условиями положения, протяженности и очертания береговой линии, численностью и характером народа, т. е. вообще тем, что называется естественными условиями».

Украина может служить как центр, который будет поддерживаться извне, либо как консолидирующий центр для территорий Восточной Европы.

Основываясь на данных положениях и постараемся проанализировать концепции о геополитической роли Украины, выдвигающихся ведущими мыслителями и политологами.

---

¹ Научный руководитель: кандидат политических наук, доцент кафедры политических институтов и процессов Южного федерального университета **Ринат Фаикович Патеев**.

Збигнев Бжезинский в своей работе «Великая шахматная доска» характеризует Украину следующим образом: «Украина, новое и важное пространство на евразийской шахматной доске, является геополитическим центром, потому что само ее существование как независимого государства помогает трансформировать Россию» [1. — С. 64].

Развитие идеи «Великой Украины» позволит более укрепить нынешнюю Украину и не дать ей распасться на части.

Наоборот, она может получить роль центра, вокруг которого могут начать объединение как республики, возникшие на территории бывшего социалистического лагеря, так и некоторые территории Российской Федерации.

Как отмечает В. Л. Кагальский в своей работе «Украина: география и судьба страны (Теоретико-географические этюды. III)»: «Украина может стать ядром российско-русских, восточно-европейских земель... Украина станет ядром для Белоруссии, Черноземья и Юга России до Волги и Казахстана; особенно важна Кубань, некогда заселенная запорожцами.

Тогда же следует ожидать восстановления исторических связей с землями Смоленска, Новгорода и его «преемника» Санкт-Петербурга» [2. — С.73].

Во многом подобные идеи имели своих предшественников.

Попробуем и мы в данной работе рассмотреть теории о геополитическом положении Украины, рассматривающиеся как в украинской политической мысли.

Черноморский фактор для жителей Украины, как «прибрежной нации» стал весьма значимым направлением в работах Михаила Грушевского. В ее основу положены, в первую очередь, интересы украинского государства, сохранение и укрепление ее независимости.

Ученый указывает, что «исторические условия жизни ориентировали Украину на Запад», а «географические ориентировали и ориентируют на Юг, на Черное море». Он понимал объективную цивилизационную принадлежность Украины к Западу, вместе с тем подчеркивал, что ориентироваться нужно на украинскую культуру и находиться в сфере черноморской ориентации.

Известный украинский политический мыслитель Юрий Липа в своей книге «Предназначение Украины» стремится определить дальнейшие наиболее подходящие для Украины стратегии развития. Он считает, что «только ось Юг — Север является осью украинских земель» и повторяет «Путь из варяг в греки».

Выделяет Юрий Липа и сферу интересов будущей «Великой Украины». Он утверждал, что для территориальной силы Украине требуется Беларусь, а для морской независимости Таврида. По его же мнению в интересах всех черноморских держав лежит единство Кавказа и Украина должна играть определенную роль в налаживании сотрудничества между кавказскими народами.

Известный украинский географ и картограф Степан Рудницкий видел своеобразность геополитического положения Украины в ее «украинности».

По мнению С. Рудницкого, в течение долгих столетий — с XV по XVIII — Украина стояла на границе трех миров: западноевропейского, ориентально-мусульманского и кочевого азиатского. Вот это «страшное пограничье» так или иначе и обусловило украинскую безгосударственность.

В результате исследований Рудницкий включает в состав Украины: Закарпатье, Галичину, Буковину, Холмщину, Бессарабию, Курщину, Воронежчину, Дон, Прикавказье и прикаспийские земли.

С. Рудницкий осознавал значимость для Украины выхода к Черному морю за счет Тавриды: «Без Крыма нет самостоятельной Украины — он разбивает ее главную основу и опору — черноморский берег» [5. — С. 294].

Рассматривая возможных политических союзников, Рудницкий рассматривает возможность создания балтийско-понтийской федерации в составе Финляндии, Эстонии, Латвии, Литвы, Белоруссии и Украины [6. — С. 138].

Концепция «Великой Украины» в работах украинской эмиграции рассматривалась и в качестве проекта империи. Подобное воззрение на вопрос «Великой Украины» принадлежит Осипу Губчаку, отмечавшему, что Украина как государство может состояться лишь тогда, когда будет сильной: «либо стать Большой империей, либо пропасть. Маленькая Украина может некоторое время быть буфером, а дальше падет жертвой раздела» [3].

В качестве задачи минимум Губчак видит Украину, где восточные границы проходят по Кавказу и побережью Каспийского моря, западные — по рекам Сян и Западный Буг, на юге — надежный контроль над Черным морем, на севере — постепенный выход на побережье Балтийского моря через создание украино-белорусско-литовского союзного комплекса

На первом этапе геополитического развития империи Осип Губчак большое внимание уделяет созданию на территории прежних Донского и Кубанского казачьих войск независимого государства Казакия, которое «довести до какой-то формы государственной связи с Украиной».

Многочисленные проекты «Великой Украины», разрабатываемые украинской диаспорой, безусловно, не могли реализоваться в период вхождения Украины в состав СССР.

Однако, с обретением независимости, многие из них были взяты в качестве идеологических основ, рядом украинских политиков.

Согласно идеологии, возникшей в начале 90-х гг. XX в. Украинской Национальной Ассамблеи (УНА), Украина должна стать новым центром панславянизма. Киев должен выступить в качестве Центра православия и славян, объединив под своей эгидой Болгарию, Сербию, Словакию, Приднестровье, Грузию и Армению. В состав этого нового «панславянского» движения должны были войти и казаки, донские и кубанские [4. — С. 102].

Ряд предложенных выше проектов «Великой Украины» позволяют сформулировать единый каркас геополитических интересов Украины.

В первую очередь это претензии на земли Слобожанщины. Советское руководство де-факто разделили единый исторический регион с близкородст-

венным населением между двумя союзными республиками, а ныне двумя независимыми государствами.

Во-вторых — это земли казаков: Дона, Кубани и Терека. Здесь поддерживается концепция единства казаков России с Запорожскими казаками. При этом подчеркивается, что казаки Предкавказья являются «русифицированными украинцами».

В-третьих, подчеркивается роль Украины в качестве морской державы. Украинцы же выступают «прибрежным народом». Актуализируется важность наличия в составе Украины Крыма как региона, вводящего Украину в число черноморских держав и позволяющего поддерживать межкультурные связи со странами черноморского региона.

В-четвертых, в качестве основного вектора украинской внешней политики выводится взаимодействие с западными культурами и отход от российской цивилизации.

В-пятых, обуславливается важность большей интеграции и консолидации Украины с Беларусью и Прибалтикой. В результате чего Украина становится центром буферного образования между странами Европы и Россией.

Однако реализация проекта «Великой Украины» будет весьма проблематичной.

Как подчеркивает В. Л. Кагальский: Украина — это страна, которая меньше территории одноименного государства. Таким образом, получается отсутствие единства самого государства Украина с его пестрой мозаикой регионов, имеющих свою историю и культуру. Потому и вопрос «Великой Украины» не может подниматься до тех пор, пока не будет сформирована единая украинская нация и не будет заложена основа единства украинских регионов.

Библиография

1. *Бжезинский З.* Великая шахматная доска. — М.: Международные отношения, 1998. — С. 64.
2. *Кагальский В. Л.* Украина: география и судьба страны // Неприкосновенный запас. — 2000. — № 1 (9). — С. 75–94.
3. *Колесник Д.* Вперед — к украинской империи? [Электронный ресурс] // Экспедиция XXI : [сайт]. [2000]. URL: <http://www.exp21.com.ua> (дата обращения: 10.10.2010).
4. *Колосов В. А.* «Примордиализм» и современное национально-государственное строительство. // Полис. — 1998. — № 3. — С. 95–106.
5. *Рудницький С.* Чому ми хочемо самостійної України. — Львів, 1994. — С. 294.
6. *Рудницький С.* Українська справа зі становища політичної географії. — Берлін, 1923. — С. 138

Людмила Валерьевна Комарова

Студентка кафедры сравнительной политологии факультета политологии Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова¹

Выбор столицы Олимпийских игр: политические и экономические аспекты

Аннотация

Борьба за право называться олимпийской столицей происходит на политическом и экономических уровнях, а не на спортивном. И если в начале олимпийского движения город — хозяин главного события четырехлетия выбирался по спортивным заслугам и исходя из конкретной и важной идеи, то в современном мире главенствующую роль играют политическая и экономическая составляющая выбора в пользу того или иного кандидата.

Ключевые слова: выбор олимпийской столицы, политические и экономические мотивы, подэтапы выбора, статусы «город-претендент» и «город-кандидат».

Спорт — это воплощение национальной гордости, источник объединения и, в тоже время, средство, которое используется политическими элитами для внушения определенных политических идей, как гражданам своего государства, так и жителям других стран. Олимпийские игры как самое значимое социально-спортивное событие современного мира, имеет действительно огромное влияние не только на спортивную сферу, но и на политику и экономику задействованных стран. Участники спортивных состязаний демонстрируют преданность своему государству. Ритуалы, сопровождающие соревнование, в свою очередь, символизируют верность государству, его идеалам.

Главное событие четырехлетия используются в следующих целях:

- государством — для укрепления международного престижа, консолидации общества и развития инфраструктуры региона проведения Игр с целью повышения народного благосостояния.
- представителями бизнеса — для привлечения внимания к их продукции, а также извлечения прибыли.
- общественностью — для выражения культурно-этнической самобытности.

Борьба за право проведения Олимпийских игр давно вышла за рамки спорта. С проведением Игр связывают свои интересы национальная экономи-

---

¹ Научный руководитель: кандидат политических наук, доцент кафедры сравнительной политологии факультета политологии МГУ Артур Леонович Демчук.

ка, бизнес, политика. Права человека на фоне столь важных интересов чаще всего становятся досадной помехой.

Первоначально при выборе олимпийской столицы члены МОК¹ старались исходить из какой-то важной идеи. Так, например, Игры I Олимпиады прошли в Греции: возвращение к истокам и продолжение славных традиций. Игры II Олимпиады решено было провести в Париже, на родине Пьера де Кубертена — в знак глубочайшего уважения к этому человеку. Игры III Олимпиады проходили в Сент-Луисе (США), потому что американские спортсмены на предыдущих двух Олимпийских играх выступали стабильнее и успешнее всех. Игры IV Олимпиады состоялись в Лондоне, так как Англия всегда славилась своими спортивными традициями. Игры V Олимпиады принимал Стокгольм: МОК хотел отдать дань уважения удивительным успехам этой небольшой страны в деле олимпизма и спорта вообще. Игры VI Олимпиады в 1916 году не состоялись: впервые властные амбиции стали выше олимпийских принципов — государства участвовали в I мировой войне.

Как мы видим, на заре зарождения олимпийского движения политические мотивы в выборе олимпийской столицы играли не особо важную роль, скорее право проведения международных соревнований отдавалось по принципу больших спортивных заслуг. Но уже в первые десятилетия XX века политика внесла свой вклад в результаты определения столицы. В последнее время процедура выбора МОК города-хозяина и страны проведения очередных Олимпийских игр усложнилась и включает в себя три подэтапа.

Первый подэтап содержит следующие виды издержек: затраты на подготовку документов для подачи заявки, членский взнос за рассмотрение заявки, подготовка и организация мероприятий по популяризации идеи проведения Олимпийских игр. Данные издержки несёт государство как инициатор идеи проведения Игр. *Второй подэтап* начинается с того, что города получают статус претендентов (applicant city), включает расходы Заявочного комитета на подготовку Заявочной книги, на основе которой МОК строит Матрицу оценки городов — претендентов² и выбирает несколько городов, которым присваивается статус кандидатов. Матрица заполняется на основе различных критериев (опыт проведения крупных спортивных мероприятий, транспорт, гостиничный фонд, политическая стабильность в государстве, система национальной безопасности), характеризующих города — претенденты. *Третий подэтап* (города имеют статус кандидатов) несет с собой расходы на рекламу города — кандидата, популяризацию идеи проведения Игр среди населения и за границей, развитие инфраструктуры и подготовку к визиту Оценочной комиссии МОК. Размер затрат на последнее сильно зависит от готовности города к приёму Игр уже в текущий момент. Если говорить о доходах и выгодах

---

¹ Международный Олимпийский комитет

² Report by the IOC Candidature Acceptance Working group // XXII Olympic Winter Games in 2014 // Экономический вестник Ростовского государственного университета. — № 3. — 2008. — С. 11.

(в том числе нематериальных), то рекламная кампания и участие в борьбе на этом подэтапе повышает статус города в глазах мирового бизнеса, а статус страны — на мировой политической арене. Города, по сути, доказывают, что именно они достойны и способны провести Олимпийские игры на должном уровне.

После оглашения итогов голосования по выбору новой столицы Олимпийских игр значительно активизируется фондовый рынок, что благоприятно сказывается на инвестиционной привлекательности страны и увеличивает приток как внутренних, так и внешних инвестиций в экономику, растет и политический рейтинг власти в глазах населения страны — победительницы. В последнее время МОК всё более внимательно и строго подходит к этапу выбора столицы очередных Олимпийских игр: за последние 15 лет статус города — кандидата получали менее 50% участников¹.

Следует отметить, что в борьбе за право принятия Олимпийских игр участвуют города — представители как стран с развитой экономикой, так и развивающихся стран, для которых проведение Олимпийских игр кроме престижа, ещё и возможность дать дополнительный импульс для развития экономики. За период выборов столиц Олимпийских игр с 1994 по 2014 гг. статус «города претендента» получали 80 городов. Доля городов, представлявших развивающиеся страны, составила 1/5 (21,2%)².

До финального голосования дошли лишь 7 городов-представителей развивающихся стран или 8% от общего числа городов-претендентов (с учётом введённого в последние года отбора с присвоением статуса «города-кандидата»). Среди них Буэнос-Айрес и Рио-де-Жанейро — города, представляющие страны с более чем 200 млн. населением³ и не раз претендовавшие на организацию Игр, а также Стамбул и София. Но ни один из них не стал столицей очередных Олимпийских игр. Наибольшее представительство претендентов на проведение олимпийских игр обеспечивают Италия, Франция, США и Швеция с их развитой инфраструктурой и большими финансовыми возможностями. Но для получения наибольшего положительного внешнего эффекта Олимпийские игры необходимо проводить в городах, не являющихся крупными деловыми или туристическими центрами, так как при подготовке к проведению Олимпийских игр, инфраструктура таких городов, их политическая и экономическая сфера развиваются ускоренными темпами и могут преодолевать 25-летний этап своего обычного развития за 6–7 лет. Интенсивность преобразований в таких городах будет значительно ощутимее.

Политическая составляющая выбора олимпийской столицы ярко проявилась во время выступления перед членами МОК президента Бразилии Луис

---

¹ Нуреев Р. М., Маркин Е. В. Эти разные олимпийские игры // TERRA ECONOMICUS. — № 3. — 2009. — С. 6.

² Там же. — С. 7.

³ Суммарно: население Аргентины на 2007 год составило 38,4 млн. человека, а Бразилии на тот же период — 190 млн. чел.

Инасиу Лула да Силва, который заявил, что Южная Америка мечтает о проведении летних Олимпийских игр 2016 года. Президент Бразилии подчеркивал, что кандидатура Рио-де-Жанейро — «это кандидатура не только Бразилии, но всей Южной Америки, 400 миллионов человек, в том числе 180 миллионов молодых людей». Стоит отметить, что президент Бразилии несколько месяцев прилагал грандиозные усилия для того, чтобы обеспечить победу Рио-де-Жанейро: заручился поддержкой президента Франции Николя Саркози, а также ряда африканских стран. Лула да Силва находился в Копенгагене уже за два дня до голосования и проводил переговоры с членами МОК, пропагандируя в пользу Рио-де-Жанейро. И экономическая, и политическая составляющая выбора принесли победу столице Бразилии и всей Латинской Америке в целом.

На примере определения летней олимпийской столицы — 2016 года мы видим, что в победе города — кандидата важную роль играют политические, экономические аспекты, а также уровень поддержки населения идеи о проведении олимпиады в стране. Именно эти факторы в совокупности позволяют какому — либо кандидату принять у себя главное спортивное событие четырехлетия.

Артём Андреевич Косоруков

Аспирант кафедры сравнительной политологии факультета политологии Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова¹

Анализ внешней политики: актуальные проблемы

Аннотация

Анализ индивида и его влияния на внешнюю политику в рамках разработок Foreign Policy Analysis (анализа внешней политики) призван осуществить синтез различных подходов к исследованию внешней политики с целью совершенствования ее объяснения через анализ большего числа переменных международного, государственного и индивидуального уровней, установления прочных связей между различными факторами внешнеполитического процесса на всех уровнях его протекания, выделения типов внешнеполитического поведения государства и увеличения прогностической способности теории внешней политики.

Ключевые слова: анализ внешней политики, индивид, внешняя политика, международная система, неоклассический реализм.

---

¹ Научный руководитель: кандидат политических наук, доцент кафедры сравнительной политологии факультета политологии МГУ **Иван Александрович Чихарев**.

Проблематика анализа внешней политики в западной политической науке разрабатывается уже давно и насчитывает не менее полувека своей истории. Она представлена такими теоретиками и практиками международных отношений как: В. Хадсон, Р. Патнем, Р. Меррит, Дж. Хаган, Д. Пайпер, Р. Свифт и др. По своей сути она междисциплинарна, сфокусирована на процессе принятия решений индивидами во внешней политике. Сам анализ внешней политики во многом является связующим звеном между международными отношениями и другими полями исследования, такими как сравнительная политология, государственная политика, политическая психология. Со сравнительной политологией его роднит исследование внутриполитических институтов и процессов, с государственной политикой — анализ процесса принятия решений, с политической психологией — исследование перцептуальных и когнитивных особенностей политических лидеров.

Анализ внешней политики происходит на различных уровнях исследования. Концепция уровней исследования заимствована из теории международных отношений, которая еще с конца 50-х гг. XX века выделяла следующие основные уровни исследования международной проблематики:

- 1) индивидуальный,
- 2) государственный,
- 3) международный.

Каждый уровень анализа имеет свою предметную область, несводимую к другим, что связано с выделением на каждом из них своих специфических переменных, влияющих на внешнеполитическое поведение государства.

Индивидуальный уровень анализа включает в себя исследование психологии индивида, его убеждений, особенностей процессов восприятия (Янг, Шафер), политических предпочтений, феномена политического лидерства, стиля лидерства (Питерс), лиц принимающих решения и их особенностей (Пост).

Государственный уровень анализа связан с изучением внутренней политики государства, его характеристик (экономических, политических, социокультурных), феноменом бюрократии, организации процесса принятия решения, национальных особенностей внешней политики (Хадсон), коалиционной динамики (Хаган, Каарбо), мобилизационные возможности государства (Кристенсен).

На международном уровне исследуются различные виды упорядочивания международной анархии — международная структура, международные институты, международное право, которые влияют на внешнюю политику государства.

Анализ внешней политики, согласно представлению одной из его основных теоретиков — Валери Хадсон, пытается интегрировать в себе различные субполя в исследовании международных отношений. Призыв интегрировать различные переменные в единую систематическую теорию, анализирующую внешнюю политику, изначально выступал движущей силой данного теоретического подхода, начиная с первых работ в рамках данной об-

ласти знания. Например, работы 50-х гг. Гарольда и Маргарет Спраут в области психологического окружения лиц принимающих внешнеполитические решения; в 60-е гг. усилия Джеймса Розенау по созданию основ теории внешней политики — все они признавали необходимость ее анализа на многоуровневой и многофакторной основе.

До конца 80-х гг. фокус исследований внешней политики находился на международном уровне, предпринимались попытки перенести достижения теории международных отношений (исследования международной структуры) в область анализа внешней политики.

Например, в этом качестве выступил неореализм, объясняющий влияние международной структуры на государство в условиях существования биполярной международной структуры.

Но действительный сдвиг в анализе внешней политике к индивидуальному уровню начал происходить в конце 80-х гг., что было связано как с появлением новых теоретических подходов в теории международных отношений — конструктивизма, постмодернизма, занимающихся изучением субъективных, волюнтаристских аспектов внешнеполитического процесса — моделей восприятия, символических полей международных отношений, построенных на них внешнеполитических конструктах (образы врага, представления о балансе сил), так и с возросшим количеством информационных потоков, увеличением их вклада в процесс принятия внешнеполитического решения.

Повышение роли информации, необходимости ее обработки уменьшило внимание к ее секретности, сокрытию со стороны политических деятелей. Теперь уже недопустимо игнорирование во внешней политике критики, предположений и восприятий различных индивидов, так как это уменьшит организационный ресурс политических лидеров, ограничит вовлечение экспертов и породит конфликт внутри самой внешнеполитической бюрократии.

Распад биполярной международной структуры способствовал значительному ослаблению воздействия переменных международного уровня на государственный и индивидуальный уровни. Действия одной оставшейся в мире сверхдержавы не были в состоянии восполнить утрату прежней степени упорядоченности и управляемости международным уровнем внешней политики.

Набирающие в постбиполярную эпоху силу процессы глобализации, транснационализации международных отношений усилили тенденцию сближения и взаимопереплетения в ней методологии сравнительной политологии и наработок анализа внешней политики. Так, по мнению А. Ю. Мельвиля, хотя политическое развитие каждой страны и вытекающая из него внешняя политика уникальны, все они являются результатом действия сквозных тенденций развития мирополитии: глобализации, такого расширения самого пространства политического как увеличение роли и веса индивида в политике и др. Эти сквозные тенденции, проявляющиеся в национальном и локальном, являются объективной основой для сравнения

развития стран по всему миру, в том числе, их внешних политик, на международном уровне анализа.

Примером новых теоретических подходов в условиях ослабления международных ограничений внешнеполитического действия государства в 80-90-х гг. XX века стал неоклассический реализм. Данный подход стремится преодолеть недостатки предшествующих версий реалистской теории — изучать внутрисударственный, в том числе, индивидуальный уровень переменных для большей прогностической возможности в анализе различных внешнеполитических траекторий.

Изучение индивида становится важным в том смысле, что восприятие политических лидеров, влиятельных индивидуальных акторов помогает объяснить девиантные с точки зрения рационалистических подходов линии внешнеполитического поведения. Например, ошибки в восприятии Саддамом Хусейном баланса сил на международной арене, сложившегося в начале 90-х гг., привели к недалёковидной агрессивной внешней политике. Неверие в достижение международного консенсуса по поводу оценки его внешнеполитических авантюр привели к таким действиям, которые в сложившихся объективных политических и военных условиях обрекали его на поражение.

Библиография

1. *Hudson V. M.* Decision Making, in: Alexander DeConde, Richard Dean Burns and Fredrik Logevall (eds.): *Encyclopedia of American Foreign Policy*. Volume 1. — New York: Charles Scribner's Sons, 2002.
2. *Waltz K.* Man, the State, and War. Columbia University Press. — New York: 1959.
3. *Swift R. N.* Morality and foreign policy, in: Merritt R.L. *Foreign policy analysis*. — Lexington, Mass.: D.C. Heath and Company, Lexington Books, 1975.

Руслан Салихович Мухаметов

Кандидат политических наук, ассистент кафедры теории и истории политической науки факультета политологии и социологии Уральского государственного университета им. А. М. Горького

Имидж России за рубежом и пути его продвижения

Аннотация

В работе содержатся описание основных путей и механизмов формирования позитивного международного имиджа страны, излагаются возможные программы продвижения благоприятного образа России за рубежом.

Ключевые слова: имидж России, публичная дипломатия, СМИ.

Тема имиджа России, ее восприятия за рубежом относится к числу актуальных проблем. Она широко обсуждается на всех уровнях — от высших органов государственной власти до студенческих семинаров и общественно-политических дискуссионных клубов. Попытки приблизиться к ее решению и выработать конкретную программу мер по улучшению имиджа России в мире предпринимаются на самом высоком государственном уровне.

Наличие серьезных проблем с международной репутацией государства являются данностью. Россия имеет репутацию недемократической, коррумпированной страны, где происходят злоупотребления в сфере прав человека со стороны государства, преследования и убийства журналистов. В сфере внешней политики Россия представляет собой страну с имперскими амбициями. В качестве примеров агрессивности во внешней политике приводятся использование непропорциональной силы в отношении к Грузии в ходе грузино-югоосетинского конфликта, запугивание Россией ее соседей, использование энергоресурсов в качестве политического оружия. Во многих странах ЕС существует мнение, что авторитарная Россия использует свой контроль над значительной долей европейского импорта энергоносителей в качестве рычага давления и шантажа. Украина — главный тому пример, поскольку считается, что Россия не раз прибегала к сокращению поставок энергоносителей, чтобы подавить и ограничить политическую и экономическую самостоятельность своих соседей, а также, чтобы изменить их прозападную ориентацию.

Таким образом, имидж Российской Федерации в США и странах Западной Европы в настоящее время является негативным. В частности, об этом свидетельствуют результаты ежегодного опроса, проведенного по заказу Биби-си международным центром изучения общественного мнения GlobeScan со штаб-квартирой в Торонто и Программой по изучению отношения к международной политике (PIPA) университета штата Мэриленд. Исследование проводилось с 21 ноября 2008 г. по 1 февраля 2009 г. путем телефонного опроса 13575 респондентов в 21 стране. Число тех, кто считает, что Россия играет в мире отрицательную роль, составляет 42%. Лишь 30% считают наоборот. Хуже всего к России относятся Германия — 70%, Франция — 66%, США — 64%, Турция — 64%, Великобритания — 55%, Испания — 55% и Канада — 54%.

Необходимость построения благоприятного международного имиджа государства является одной из наиболее актуальных и важных задач. Объективный имидж страны позволит сформировать устойчивую морально-психологическую среду, благоприятную для интеграции государства в мировое пространство, обеспечения ей достойного места в структуре мировых экономических отношений и адекватной имеющемуся потенциалу роли в мировой политике. Международный имидж государства помогает закреплять политические успехи на мировой арене, выстраивает нужный ассоциативный ряд практически любому внешнеполитическому действию государства. Направленное использование международного имиджа влечет за собой форми-

рование выгодных общественных мнений, обеспечивающих достижение национальных интересов.

Формирование у зарубежной аудитории положительных взглядов на проводимую государством внешнюю и внутреннюю политику относится к сфере публичной дипломатии. Это доведение до международной общественности и разъяснение зарубежной аудитории достоверной информации об основных направлениях государственной политики государства, его официальной позиции по значимым событиям внутриполитической и международной жизни. Целью публичной дипломатии является создание благоприятных условий и обеспечение поддержки общественного мнения зарубежных стран конкретным акциям данного государства на международной арене.

Термин «публичная дипломатия» был введен в научный оборот деканом Школы права и дипломатии Университета Тафта Эдмунтом Галлионом (Edmund Gullion) в 1965 г. Классическое определение публичной дипломатии включает программы, финансируемые правительством, направленные на формирование и оказание воздействия на общественное мнение в других странах.

Публичная дипломатия включает в себя подготовку информационных материалов, в том числе печатной (журналы, книги), аудио- (радиоголоса) и видеопродукции о стране, и их распространение за рубежом по дипломатическим каналам и в глобальной сети Интернет.

Имиджем страны за рубежом до недавних пор в России никто всерьез не занимался. Отправной точкой для активизации деятельности по улучшению имиджа России можно условно считать выступление В. В. Путина на пленарном заседании совещания послов и постоянных представителей России 12 июля 2004 г. Он заявил, что представления о России в мире далеки от реальности, что нередки случаи «спланированных кампаний по дискредитации нашей страны», и поставил перед российскими дипломатами задачу по формированию благоприятного образа нашей страны за рубежом.

В течение последних нескольких лет при участии или под патронажем государства разрабатывается и реализуется большое количество проектов в рамках программы по формированию положительного имиджа России за рубежом. Так, в декабре 2005 г. начал работать первый российский информационный телеканал Russia Today, ведущий круглосуточное вещание на английском языке. 4 мая 2007 г. был запущен российский новостной телеканал Русия аль-Яум (с араб. — Россия сегодня), вещающий на арабском языке. Он транслируется на страны Ближнего Востока и Северной Африки.

Важную роль в информировании зарубежной общественности о ситуации в России и в мире выполняет англоязычный журнал Russia Profile, который информирует о политических, экономических и культурных процессах, происходящих в современной России.

Российским имиджем за рубежом занимаются и Trendline`s Russia («Российские тренды») — приложения, которые размещаются в ведущих иностранных газетах с целью информирования о позитивных изменениях, имею-

щих место в России, и создания у зарубежного читателя таким образом позитивного образа России. Первый выпуск состоялся 15 ноября 2006 г. в американской газете *Washington Post*, а 16 ноября — британской *Daily Telegraph*.

В настоящее время в мире работает множество радиостанций, вещающих с целью оказания воздействия на страны, находящиеся за границей того государства, которому принадлежит та или иная радиостанция. «Голос России» — государственная радиостанция, осуществляющая вещание на зарубежные страны из России. Она транслирует программы на 38 языках.

На протяжении всего постсоветского периода не прекращались попытки выработать и предложить миру позитивный имидж России. На данный момент основным содержанием информационного обеспечения внешней и внутренней политики России за рубежом является содействие объективному восприятию Российской Федерации в мире как цивилизованного государства с рыночной экономикой, последовательно осуществляющего демократические преобразования и поддерживающего общечеловеческие ценности, но заявляющего о своем праве иметь собственное слово в вопросах международной безопасности и умеющего отстаивать национальные интересы.

Несмотря на определенные успехи в сфере информационного обеспечения внешнеполитического и внешнеэкономического курса России, в этом направлении предстоит сделать еще немало. В рамках публичной дипломатии Россия должна развивать собственные средства информационного влияния на общественное мнение за рубежом, расширять их возможности по своевременному доведению достоверной информации до иностранных граждан, обеспечивать усиление позиций российских СМИ в мировом информационном пространстве, поддерживать деятельность российских информационных агентств по продвижению их продукции на зарубежный информационный рынок.

Таким образом, создание эффективно действующей системы публичной дипломатии позволит России должным образом обеспечить свои национальные интересы, прочные и авторитетные позиции в мире.

Библиография

1. Беседа Дмитрий Медведева с ведущим «Итоговой программы НТВ» Кириллом Поздняковым от 26 июля 2009 г. [Электронный ресурс] // Президент России [сайт]. URL: <http://www.kremlin.ru/transcripts/4922> (дата обращения: 28.06.2010).
2. Выступление Путина В. В. на пленарном заседании совещания послов и постоянных представителей России от 12 июля 2004 г. [Электронный ресурс] // Президент России [сайт]. URL: <http://archive.kremlin.ru/text/appears/2004/07/74399.shtml> (дата обращения: 28.06.2010).
3. *Гаджиев К. С.* Имидж как инструмент культурной гегемонии // *Мировая экономика и международные отношения.* — 2007. — № 12. — С. 3–14.

4. Кононенко В. А. Создать образ России? [Электронный ресурс] // Россия в глобальной политике. — 2006. — Т. 4. — № 2. URL: <http://globalaffairs.ru/numbers/19/5549.html> (дата обращения: 28.06.2010).
  5. Концепция внешней политики России от 28 июня 2000 г. [Электронный ресурс] // СБ РФ [сайт]. URL: <http://www.scrf.gov.ru/documents/25.html> (дата обращения: 28.06.2010).
  6. Концепция внешней политики России от 12 июля 2008 г. [Электронный ресурс] // МИД РФ [сайт]. URL: <http://www.mid.ru/ns-osndoc.nsf/0e9272befa34209743256c630042d1aa/d48737161a0bc944c32574870048d8f7?OpenDocument> (дата обращения: 28.06.2010).
  7. Россия упала в глазах других стран [Электронный ресурс] // Би-би-си [сайт]. URL: http://news.bbc.co.uk/1/hi/russian/international/newsid_7873000/7873561.stm (дата обращения: 1.03.2010).
-

Константин Игоревич Пахоруков

Студент кафедры европейских исследований факультета международных отношений Санкт-Петербургского государственного университета¹

Европейская иммиграционная политика: проблемы и перспективы

Аннотация

В статье анализируются основные проблемы и мероприятия Евросоюза в сфере взаимодействия с нелегальными иммигрантами как части иммиграционной политики, а также национальные позиции государств — членов ЕС. Единая иммиграционная политика ЕС является одновременно и продолжением интеграционной логики ЕС, и ответом сообщества на трансграничный характер иммиграции. Однако формирование единой политики проходит сложно.

Ключевые слова: европейская иммиграционная политика, нелегальные иммигранты, депортация, легализация, реадмиссия, национальная практика.

Различные районы нашей планеты тесно взаимосвязаны в экономическом, политическом и других планах. Такое явление как миграция, перемещение людей в пространстве, охватывает все население мира. Значительный процент среди мигрантов составляют те, кто въезжает в государство без законных оснований и устраивается на нелегальную работу, не платя налоги.

---

¹ Научный руководитель: кандидат исторических наук, доцент кафедры европейских исследований факультета международных отношений Санкт-Петербургского государственного университета **Игорь Владимирович Иванников**.

По этой причине одной из основных задач иммиграционной политики, в том числе в странах Европы, стала борьба с нелегальной иммиграцией.

С развитием европейской интеграции появляется общая иммиграционная политика, вначале на межгосударственном, а затем и на наднациональном уровне.

В 2006 году Европейской Комиссией были обозначены приоритетные области в противодействии нелегальной иммиграции: взаимодействие с государствами не-членами ЕС, охрана границ, борьба с нелегальным трудоустройством, построение реадмиссионного пространства и др. Есть и более детальные планы. Так, в соответствии с директивой Совета ЕС 2002 г. по определению факта содействия нелегальному въезду в страну государства-члены ЕС обязаны внедрить в национальный уголовный кодекс наказание за совершение данного преступления.

В 2004 г. Советом ЕС каждому государству было предписано создать систему офицеров связи для отслеживания миграционных потоков при консульских учреждениях в странах не-членах ЕС.

В директиве Европарламента и Совета ЕС 2009 г. определяются санкции в отношении работодателей, нанимающих нелегалов. Между ЕС и западно-балканскими странами, Россией, странами Восточной Европы, Шри-Ланкой подписаны договоры о реадмиссии.

В то же время стоит отметить, что содержание директив носит расширенный характер, то есть предполагается их конкретизация непосредственно государствами-членами.

В связи с этим в 2008 году Франция на основе опыта различных стран выдвинула инициативу создания «европейского иммиграционного пакта» — обязательного для всех стран ЕС, определяющего принципы и действия в рамках иммиграционной политики Евросоюза. Мы видим, что ЕС рассчитывает противостоять нелегальной иммиграции за счет детально разработанного законодательства.

Надо сделать так, чтобы повышался уровень жизни в странах эмиграции. Предполагается, что денежные средства должны передаваться не только правительствами, но и посылаться на родину легальными мигрантами. Безусловно, есть и определенные трудности в применении данного подхода. Возьмем базу биометрических данных людей, ищущих убежища, EURODAC. Данная система позволяет отследить такие моменты как: въезд просителей в ЕС без необходимых документов, а подачу прошения на убежище в другой стране-члене ЕС. Однако она эффективна только в случае «цивилизованного» пересечения границы.

А если иммигрант добирается на лодке? Как осуществлять процесс реадмиссии, если нелегал уничтожил документы и определить путь его эмиграции невозможно? Следует бороться с преступными группировками, осуществляющими перевозку мигрантов. Здесь можно применить опыт Франции: нелегальный иммигрант, который расскажет о том, кто и как «сделал его жертвой нелегальной иммиграции», получает временный вид на жительство и да-

же работу. Страны с низким уровнем нелегальной иммиграции не заинтересованы в проведении общей политики, так как это требует отчислений средств из их бюджетов.

Есть и другие проблемы. На Францию, Великобританию, Германию, Италию, Испанию приходится 80% миграционных потоков внутри Европейского Союза. У каждой страны существует своя модель взаимоотношений с нелегалами. Для Франции и Испании характерна смена политики в отношении нелегальных иммигрантов в связи с приходом к власти правых или левых сил, Правые — депортируют, левые — амнистируют.

Даже в современной правоцентристской Франции в 2009 году было выдворено из страны 29 тыс. чел, одновременно легализовано было 20000 человек (по гуманитарным причинам и по просьбам работодателей). В Испании в 2000 году при правом правительстве Аснара был принят закон, по которому иммиграция рассматривается как положительный фактор экономического развития. После прихода к власти в 2004 году левого правительства Сапатеро упор был сделан на превентивные меры по проникновению нелегалов в Испанию.

Оказавшись в Испании, нелегалы могут быть спокойны, они будут амнистированы, и их будут интегрировать в общество. Если иммигрант прожил больше года на легальном основании, ему разрешается воссоединение с семьей, что, на наш взгляд, является законным путем для нелегальной иммиграции. Италия, традиционно использовала дешевую рабочую силу в лице нелегальных иммигрантов.

Лишь в 2009 году был принят ряд законов («пакет национальной безопасности»), была введена строгая система наказаний за использование и укрытие нелегалов, введена упрощенная система депортации. Великобритания предпочитает превентивные меры, например, совместно с Францией.

На территории последней ликвидируются лагеря беженцев, собирающихся перебраться через Ла-Манш. Однако депортации осуществляются с определенными трудностями в связи с высокой стоимостью данной процедуры.

Наиболее эффективная система законодательства существует в Германии. Приведем пример. В 1993 г. году была одобрена поправка к закону об иностранцах, согласно которой выходцам из государств, где соблюдается Конвенция о защите прав человека и основных свобод и нет политических преследований, убежище не предоставляется. Именно за счет этого резко было сокращено количество иммигрантов из Турции, основного экспортера мигрантов.

Мы видим, что, несмотря на развитие общей иммиграционной политике в Европе, остается ряд нерешенных вопросов по общей политике и ее корреляции с национальными действиями. Государства предпочитают проводить меры постфактум: депортацию и легализацию.

Хотя страны в основном склоняются к строгим мерам в отношении нелегалов, но, после легализации в Испании иммигрант может спокойно переме-

щаться по Европейскому Союзу! Таким образом говорить о создании единой европейской иммиграционной политики еще рано, предстоит прийти к соглашению по многим вопросам, прежде чем она будет эффективно работать.

Библиография

1. *Мохова И.* Евросоюз ужесточает иммиграционную политику [Электронный ресурс] // Институт Ближнего Востока : [сайт]. URL: <http://iimes.ru/rus/stat/2008/17-06-08a.htm> (дата обращения: 26.04.2010).
2. *Понеделько Г.* Сдвиги на рынке труда в Испании // *Мировая экономика и международные отношения.* — 2008. — №2.
3. *Потемкина О.* Европейский Союз в борьбе с нелегальной иммиграцией: новые тенденции [Электронный ресурс] // *Вся Европа.ru.* — 2009. — № 5.
4. *Синельщикова И.* Иммиграция и иммиграционная политика в Испании: пути решения проблемы [Электронный ресурс] // ИЛА РАН : [сайт]. URL: <http://www.ilaran.ru/?n=500> (дата обращения: 25.04.10).
5. *Соболев В.* Мусульманские общины в государствах Европейского союза: проблемы и перспективы. — СПб: СПбГУ, 2003. — 152 с.
6. *Besson E.* 1 an au service du pact républicain 2010, 18 janvier. Le dossier de presse. [электронный ресурс] // Ministère de l'Immigration, de l'Intégration, de l'Identité nationale et du Développement solidaire : [сайт]. URL: <http://www.immigration.gouv.fr/IMG/pdf/DPVoeux2010.pdf> (дата обращения: 25.04.10)
7. *Boulin J.* Immigration : des papiers pour ceux qui dénoncent les passeurs // *Le Figaro.* — 2009. — 5 février
8. Council Directive 2002/90/EC of 28 November 2002 defining the facilitation of unauthorised entry, transit and residence. // OJ. — L 328. — 5.12.2002
9. Council Regulation (EC) No 377/2004 of 19 February 2004 on the creation of an immigration liaison officers network. // OJ. — L 64. — 02.03.2004
10. Directive 2009/52/EC of the European Parliament and of the Council of 18 June 2009 providing for minimum standards on sanctions and measures against employers of illegally staying third-country nationals. // OJ. — L 168. — 30.06.2009
11. EURODAC. Information and communication" unit, Directorate-General Justice, Freedom and Security, B-1049 Brussels — August, 2004 [Электронный ресурс] // European Commission: [сайт]. — URL: http://ec.europa.eu/justice_home/key_issues/eurodac/eurodac_20_09_04_en.pdf (дата обращения: 26.04.10)
12. *Sarkozy N.* Conférence de presse sur l'immigration [Электронный ресурс] // Ministère de l'Intérieur : [сайт]. URL: http://www.interieur.gouv.fr/sections/le_ministre/interventions/archives-sarkozy-2005-2007/conference-presse-immigration/view (дата обращения: 25.04.10)
13. *Toomey Ch.* Little Hitlers // *The Sunday Times.* — 2009. — 13 september.
14. *Van Eeckhout L.* Plus de 20 000 sans-papiers régularisés en 2009 // *Le Monde.* — 2009. — 21 décembre

Анна Александровна Петрухина

Лаборант кафедры истории и теории политики факультета политологии Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова¹

Идеология и социально-политическая практика исламизма

Аннотация

Статья посвящена анализу политического ислама, который в настоящее время большую известность приобрел как исламизм; дается краткая характеристика теоретическому наследию исламского экстремизма, в частности, понятию «джихад» как политическому лозунгу и военно-политической практике, широко используемой исламскими экстремистскими организациями в зоне распространения ислама. Проанализированы три волны исламизма: причины их появления, движущие силы и методы достижения целей. Рассмотрен феномен исламизма как практическая деятельность, осуществляемая на локальном, национальном, региональном, глобальном уровнях.

Ключевые слова: ислам, исламизм, джихад, политический ислам, исламский экстремизм, исламистские организации.

В течение последних десятилетий в разных районах мира формируются зоны возрастающей многоуровневой нестабильности — социально-политической, этнополитической, военно-политической — с активной вовлеченностью в дестабилизационные процессы и акции радикальных исламских организаций, движений, группировок и режимов, образующих в своей совокупности радикальное исламское движение, охватившее в настоящее время практически все мусульманские страны. Постоянная напряженность и конфликтность как внутри мусульманских государств, так и в мире, обусловлена разрывами в уровнях экономического развития и огромными качественными и стадийными различиями между мусульманскими государствами и государствами развитыми, постоянными противоречиями, соперничеством, нерешенностью различного рода проблем. Особую роль здесь играют глобализационные процессы, с которыми мусульмане связывают падение нравов, насаждение чуждых для Востока культурных моделей и стандартов поведения; снижение уровня религиозного воспитания, уважения к мусульманской культуре и её ценностям; упадок чувств общности и социальной взаимопомощи; изменение основанной на религиозных началах древней правовой системы, распространение алкоголизма, аморальности, экономический застой, продажность первых лиц в государствах и коррупцию. Сегодня это приводит к тому,

---

¹ Научный руководитель: доктор философских наук, профессор кафедры истории и теории политики факультета политологии МГУ **Маргарита Стефановна Кудряшова**.

что в мусульманском мире происходит «исламизация политики» и «политизация ислама», т.е. любое политическое действие подкрепляется догмами религии, превращаясь тем самым в политическую идеологию — исламизм.

Все более активное влияние радикального исламского движения на мировую политическую ситуацию и международные процессы делает необходимым и актуальным её осмысление в политологическом ракурсе.

В последнее время российские и западные политологи, востоковеды всё чаще обращаются к теме исламизма и исламского экстремизма, как к одним из самых сложных проблем современной действительности. В изучении этих проблем можно выделить два этапа. Первый этап: конец 60-х — начало 80-х гг. XX в. — национально-освободительные движения в ряде мусульманских стран, «исламский бум» и революции в Афганистане, Иране обусловили повышенный интерес к проблемам модернизации ислама, проявлений политического ислама, соотношения исламизма и экстремизма. Исследователями непростых отношений Запада и мусульманского мира стали: С. Хантингтон, Ж. Кепель, Б. Льюис, Ф. Бюрга. Второй этап: интерес к изучению проблем мусульманского радикализма относится к рубежу XX–XXI вв. Проблемы исламизма и исламского радикализма однозначно были переведены в плоскость исследования ислама в контексте международного экстремизма и терроризма. Исследователями современных процессов являются О. Руа, М. Крамер, Д. Эспозито, Р. Жаккар и др.

В отечественной науке проделана значительная работа по исследованию идейных течений в современном исламе. Изучен их доктринальный аспект, связи с традициями исламской социальной мысли, периодизация эволюции исламских концепций в XX веке, исследованы основные социально-экономические и политические причины исламского радикализма (Е. М. Примаков, Р. Г. Ланда, Г. И. Мирский, Н. В. Жданов); постоянно изучаются разработки концепции джихада в исламе (З. С. Арухов, Х. В. Дельмаев); анализируется исламский радикализм через идейное течение в исламе — фундаментализм (А. В. Малашенко, А. А. Игнатенко, А. И. Ионова); изучение исламизма как политической религии (С. А. Семедов).

Но, в целом, анализ степени разработанности тем исламизма и исламского экстремизма позволяет сделать вывод, что, несмотря на количественный рост публикаций, посвященных данной проблематике, до сих пор в отечественной политологии не исследована концептуальная природа исламизма, не проанализированы политико-идеологические проекты исламского радикального движения а соответственно, нет комплексных исследований политики преодоления угроз экстремизма и терроризма.

В настоящее время под исламизмом принято понимать «теорию и практику политических движений, ставящих перед собой цели приведения общественного и государственного устройства в тех странах, где живут мусульмане, в соответствии с установлениями Ислама» [З. — С. 67]. Исламизм включает в себя следующие основные идейные положения:

- призывает к реставрации первоначальных, недеформированных или утраченных на дорогах истории исламских ценностей;
- предлагает идеальный вариант устройства общества, а значит, и государства, основанного на законах шариата, социальной справедливости, с сильным правителем. Этот правитель совмещает в себе и светскую, и духовную власть. Глава государства гарантирует социальную справедливость общине, которая, в свою очередь, всецело поддерживает сильную справедливую власть;
- не отторгает полностью современные политические институты, включая демократию и права человека, предлагая их в собственной, порой гибкой до двусмысленности трактовке;
- исламисты, как никто другой, культивируют у своих приверженцев идею джихада, а их экстремистское крыло оправдывает террор как одно из его средств (см: [5. — С. 48]).

В ислализме центральным является понятие «джихада» как некоторое всеобъемлющее боевое мировоззрение, потому как не может мусульманин в век идеологической борьбы обходиться без защитного или оборонного мировоззрения. В настоящее время лидеры исламистских организаций активно обращаются к теоретическому наследию идеологов-основателей и бывших лидеров исламистской организации «Братья-мусульмане». Речь идет об индийском мусульманине Абу Ала Маудуди (1903–1979) и египтянине Сейиде Кутбе (1906–1966).

Первая книга А. Маудуди называлась «Джихад в исламе». По его мнению, «джихад является такой же обязанностью мусульманина, как и ежедневная молитва и пост. Тот, кто уклоняется от этого, является грешником» [6. — С. 101]. Маудуди разделял джихад на оборонительный и наступательный, в зависимости от создавшихся условий. Причем он считал, что мусульмане имеют право первыми начать войну против мира джахилии (богословское понятие, обозначающее неверие, отступничество), чтобы предупредить неизбежное нападение противника (см: [8. — С. 118]).

Нужно отметить, что ислализм представляет собой многозначное явление. В нем имеются много различных течений, организаций, групп с разными целями и средствами, но имеющие одно общее — все они руководствуются только Кораном и Сунной и не разделяют мирское и священное. Политика для них — сакральное понятие. Но в последние годы в ислализме ученые выделяют два основных направления — умеренное и радикальное.

Умеренные — это модернисты в исламе, они пытаются приспособиться к изменяющемуся миру, принять в свой образ жизни то новое, что привносит сегодняшняя жизнь.

А. Маудуди является основателем этого умеренного направления в ислализме. Он был политическим идеологом, взявшим на вооружение западные методы борьбы — организацию партий и партийной пропаганды через прессу и другие СМИ, участие в выборах, агитацию в массах, и считавшим, что осо-

бое значение нужно придавать образованию в духе Корана и сунны, пропаганде исламской доктрины, т.е. исключая насильственные средства.

Главным теоретиком радикального направления исламизма и фундаменталистской концепции джихада является С. Кутб. Он призывает к чистоте ислама и борьбе против джахилийи.

И Маудуди, и Кутб основывали свои взгляды на идее джихада. Но если Маудуди джихад объявляет как мирное средство борьбы с джахилией, то Кутб призывал объявить джихад против современности, т.к. все что наполняет наш мир — ощущения, верования, культура, искусство, литература, законы и пр. — все это джахилийя. Потому и нужно вернуться к основам ислама (см: [8. — С. 112]), его чистоте периода пророка Мухаммеда. Именно Кутб призывал к созданию массового движения, своеобразного «авангарда», который будет способствовать свержению джахилийи.

С. Кутб ссылается на Коран и говорит о разных ступенях джихада. Согласно взглядам Кутба, эволюция концепции «джихад» прошла четыре стадии: удержание мусульманина от «джихада» → дозволение «джихада» → «джихад» как обязанность всех верующих бороться с противниками ислама → «джихад» против всех неверных независимо от их отношения к исламу.

Первые три стадии были всего лишь временными, подготовительными по своему характеру, тогда как итогом четвертого этапа стало обретение концепцией окончательной формы, и именно ей надлежит руководствоваться истинным мусульманам. Определяющими чертами «джихада» С. Кутб объявил его вневременной и наднациональный характер (он не может быть ограничен как рамками какого-либо конкретно-исторического периода, так и национальными или географическими границами), а также активность и наступательность вследствие универсальности ислама как религии Аллаха, предназначенной для всего мира (см: [2. — С. 78]).

Последователи Кутба (в том числе ещё больше радикализировавший его взгляды египтянин Абд ас-Салам Фараг, объявивший джихад шестым столпом ислама и казненный в 1982 г.) старательно реализовывали его предписания. Только в арабских странах от Марокко до Саудовской Аравии в 70–80-е гг. действовали, устраивая взрывы, покушения, захваты 145 исламских неправительственных религиозно-политических организаций, в основном придерживающихся фундаменталистской ориентации. К таковым можно отнести основное течение «Братьев-мусульман», тунисскую организацию «Ан-Нахда», пакистанскую «Джамаат-и ислами», афганскую «Джамиат-и ислами», Исламскую партию возрождения в СССР и др [5].

И сегодня их труды, как основа радикальной исламской мысли, составляют исламистскую идеологию, которую разделяют многие религиозно-политические партии и группировки. За них голосуют в среднем от 15 до 50 и более процентов избирателей в мусульманских странах. Исламисты заседают в парламентах, занимают посты в правительствах, выходят на улицы, устраивают демонстрации. Тактика исламистов внутри мусульманского мира разнообразна и охватывает все стороны жизни. В Египте, Иордании, Марокко, Па-

кистане, Турции исламисты участвуют в работе профсоюзов, принимают активное участие в студенческой общественной жизни, порой даже выступают на сцене самодельных театров. В Пакистане они контролируют всю систему образования — от начального до высшего. Большинство лечебных заведений на окраинах Каира в Египте гласно или негласно патронируется исламскими организациями (см: [5. — С. 88–89]). Идеология исламизма распространена во всех слоях и группах общества. Последователи исламизма, конечно же, составляют меньшинство. Но это меньшинство постепенно растёт. Да «и один процент радикалов от миллиарда — уже много» [9].

Исламизм как идеология и практика непосредственно привязан к конкретным, социокультурным, политическим и иным реалиям того или иного мусульманского общества. Практика исламизма в мире делится на три волны.

Первая волна представлена в форме так называемого панисламизма (середина XIX в.). Основными идейными положениями панисламизма были:

- объединение усилий всех мусульман в борьбе с колониальной экспансией европейских государств;
- ответ на культурно-идеологический вызов западных стран;
- преодоление идейных различий среди мусульман, т. к. в исламе большое количество различных течений, имеющих как незначительные, так и значительные отличия. Цель — создание такой идеологии, которая позволит выработать единую политическую культуру мусульман.

Вторая волна исламизма была связана с попыткой мусульманских национальных правительств осуществить модернизацию по западному образцу после Второй мировой войны. Но неспособность национальных лидеров решить социальные и экономические проблемы своих государств, ликвидировать низкий уровень жизни и нищету (при огромном демографическом скачке), не имея значительных капиталов, кадров и технологий, повлекло за собой недовольство и озлобленность радикально настроенного населения мусульманских стран. Конечно, заслугой национальных правительств следует считать массовую урбанизацию, рост грамотности и, в целом, качественный скачок в культурной сфере. Характерным для 50–60-х гг. XX в. было: рост численности маргиналов; поток трудовой миграции, что способствовало разорению в городе крестьян и городских мелких собственников; изменение быта, нравов и обычаев, т.к. очень быстро проникли западные ценности в жизнь мусульман, образ жизни и мысли которых формирует религия. Это привело к резкому росту исламистских организаций, которые довольно быстро сменили националистическую идеологию правящих режимов на исламистскую систему взглядов. Конечно, некоторые светские правители не приняли позиции и методы исламистов, потому борьба исламистов с правительствами таких государств как Алжир, Египет, Тунис и Сирия продолжается и сегодня.

Третья волна исламизма напрямую связана с «неолиберальной глобализацией» [8, С. 172] как следствие нового социально-экономического, политического и идейного кризиса глобального характера. Ряд специалистов определяет глобализацию как процесс растворения национальных экономик в

единой глобальной капиталистической экономике. Этот процесс, как показывает практика, не только обеспечивает лучшее взаимодействие транснациональных корпораций, более свободное перемещение капиталов, но и как процесс, имеющий разрушительные социальные и политические последствия: распространение нищеты, голода и преступности; размывание роли суверенного государства; в мире остаются лишь богатые регионы, которые не собираются поддерживать своими инвестициями бедные регионы; стремительное распространение западных культурных кодов и ценностей и пр.

Итак, главной целью исламистских организаций является реисламизация исламских обществ, впавших в джахилию, т.е. вернуть к вере мусульманские общества, испорченные Западом. По мнению А. Малашенко, исламизм как практическая деятельность существует на четырех уровнях — локальном, национальном, региональном, глобальном. В собственно религиозном смысле такая стратификация условна, ибо, во-первых, на каждом уровне ставится одна и та же задача — установление исламского государства (исламского пространства, если создать государство невозможно) и формирование исламского общества; во-вторых, везде присутствуют одни и те же идеологические стереотипы. В умеренном исламизме эти стереотипы формируются не столь жестко: например, исламское государство следует строить не к завтрашнему утру, но очень постепенно и обязательно мирными средствами.

Первый, локальный уровень. Здесь речь идёт об «исламизации» местности — деревни, сельского района, небольшого городка, отдельного района мегаполиса — территории, жизнь на которой и так уже регулируется освященными исламом нормативами. **Второй, национальный уровень.** Здесь исламисты заявляют о претензиях на власть в масштабах государства. Этот проект также присутствует практически во всех мусульманских странах, а также там, где имеет место компактное проживание мусульманского меньшинства. Наиболее ожесточенно борьба за национальное исламское государство велась и ведется в Алжире, Афганистане, Судане, Иране, Пакистане, Узбекистане, Турции, Йемене, Малайзии и многих арабских странах. **Третий, региональный уровень,** где государства объединяются по регионально-континентальному признаку, если не удастся выстроить халифат во всем мусульманском мире. В 1990–2000 гг. он ассоциировался преимущественно с деятельностью «Хизб ат-Тахрир аль-исламий», руководители которой призывают к созданию в Ферганской долине трансграничного халифата. В целом же исламизм как проект на региональном уровне не слишком заметен в мировой политике и проявляется спорадически, когда, например, исламистские группировки граничащих друг с другом государств принимают решение неконституционными и насильственными способами установить исламскую форму правления. **Четвертый, глобальный уровень.** Само собой разумеется, создание общемусульманского, тем более всемирного исламского государства невозможно. Исламисты «попытались сформировать конфедерацию своих единомышленников во многих мусульманских странах и обществах», за счёт того, что во многих европейских странах и США значительной частью насе-

ления являются крупные мусульманские диаспоры [10. — Р. 78]. В силу этого, предложенный американским ученым Вартаном Грегорианом термин «конфедерация» при всей своей неожиданности продуктивен. В самом деле, в результате действий исламистов образовалось идейное братство, конфедерация, т.е., с одной стороны, нечто аморфное, зато с другой — пространство взаимодействующих друг с другом единомышленников (см: [5. — С. 67–72]).

Особо следует отметить роль мусульманских общин в Европе, ведущих обособленный образ жизни, игнорирующие и неприемлющие европейские нравы и образ жизни, постоянно вступающие в религиозно-идеологические конфликты с коренным населением той или иной западной страны. Мусульманские диаспоры представляют большой интерес для исламистов. Идеологическая обработка молодежи ведется в легальных и нелегальных культурных центрах, мечетях, издательствах и благотворительных организациях, которые входят в институциональные структуры исламистов (см: [7. — С. 78]).

Наиболее распространенными методами достижения исламистами своих целей являются: использование слабости государства, т.е. создаются параллельно государственным социальные (которые становятся центрами политической агитации и подготовки кадрового состава), экономические и политические институты, способные поддерживать мусульманские общества и позволяющие распространять своё влияние практически повсюду.

На политическом пространстве мусульманских стран действуют огромное количество небольших исламистских группировок и огромных по числу своих последователей и сочувствующих экстремистские организации. К ряду наиболее радикальных относятся Аль-Каида, Хамас, Исламский джихад, Хизболла (Ливан), Аль-Гамаа аль исламийя (Египет). Первые три являются международными террористическими организациями, действующие на основании собственных политико-идеологических проектов и являются сетевыми экстремистскими структурами. Последние являются постоянно действующими акторами в мировом политическом процессе, хоть и имеют четкую территориальную принадлежность к какой-либо стране. Основными целями этих организаций являются постоянная дестабилизация мусульманских государств; террор, запугивающий гражданское население всего мира; разжигание локальных конфликтов, вовлечение в них как можно большего числа людей, группировок и движений; постоянное стремление к обретению оружия массового поражения. Но при всем при этом, «большинство организаций, входящих в списки «террористических», занимаются также мирной социальной деятельностью» [8. — С. 188].

Итак, в настоящее время, идеологией, пронизывающий ислам как религию, и эффективно действующий в политической сфере, является исламизм. Данная идеология — есть политический ислам, являющийся попыткой поиска альтернативной западному глобализму стратегии выживания исламского общества, которую радикальные мусульмане считают, что могут реализовать посредством экстремистских методов. В современном мире исламизм и, как следствие — сокрушительный терроризм являются одним из определяющих

векторов в международной политике. Сегодня исламизм является целостной доктриной, имеющей теоретические и исторические основания, адекватные для мусульманского общества цели и задачи, разветвленную институциональную структуру, значительно число последователей, а это позволяет называть исламизм — «активной и глобальной идеологией» [1. — С. 232].

Библиография

1. *Джемель Г.* Освобождение ислама. — М: УММА, 2004. — 411 с.
2. *Жданов Н. В.* Исламская концепция миропорядка. — М.: Международные отношения, 2003. — 568 с.
3. *Игнатенко А. А.* Ислам и политика. — М.: ИРП, 2004. — 254 с.
4. *Ланда Р. Г.* Политический ислам: предварительные итоги. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.i-r-p.ru/page/stream-library/index-2109.html>
5. *Малашенко А. В.* Исламская альтернатива и исламский проект. — М.: Весь мир, 2006. — 220 с.
6. *Маудуди А.* Основы ислама. — М.: ПК «Сатланда», 1993. — 128 с.
7. *Почта Ю. М.* Ислам и политика. — М.: РУДН, 2008. — 135 с.
8. *Семедов С. А.* Ислам в политике. — М.: Экон-Информ, 2009. — 272 с.
9. *Borsbgrave A.* Radical Islam Rising. One percent of the billion is a lot // Israel.Forum.com.
10. *Gregorian V.* Islam. A mosaic, not a Monolith / Brooking Inst. Press. — Washington, D.C., 2004. — 164 p.

Никита Юрьевич Пичугин

Студент кафедры сравнительной политологии факультета политологии Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова¹

Геоинформационное моделирование в исследовании мировых политических процессов

Аннотация

Географические информационные модели используют потенциал географического (пространственного) метода анализа информации о мировой политической системе и позволяют визуализировать полученные данные в рамках многомерных электронных карт.

Ключевые слова: геоинформационная модель, мировой политический процесс, картографический метод, визуальный метод, пространственная локализация, электоральный цикл.

---

¹ Научный руководитель: кандидат политических наук, доцент кафедры сравнительной политологии факультета политологии МГУ **Иван Александрович Чихарев**.

Действия политических акторов, динамика трендов и процессов мировой политики, вся система международных отношений в целом не мыслима вне пространственных координат. В особенности этот тезис актуален для мирополитических процессов и структур, действующих в глобальном политическом пространстве — стран и институтов, обеспечивающих стабильное развитие мира, а так же иных акторов, вмешивающихся в систему межгосударственных и международных отношений, создавая, таким образом, среду мировой политики¹. Однако геопространственный характер политических процессов под влиянием развития информационных технологий обретает новый потенциал для исследования.

Многогранность и неоднородность мировой политической системы, а так же постоянное наращивание массивов данных о динамике ее процессов и взаимодействии акторов, требует от исследователей мировой политики совершенствовать методы анализа пространственных характеристик субъектов. Возникает необходимость в генерализации и грамотной интерпретации информационных сообщений и уже имеющихся наработок в данной сфере, вследствие чего точность прогноза и эффективность модели напрямую зависят от учета разного рода информации.

Важным становится не просто проанализировать направления и ход развития мировой системы: полученные результаты необходимо соотносить с реальным положением объектов для получения наиболее полной картины происходящих событий.

Здесь на помощь исследователям приходит традиционная картография, наиболее эффективный инструмент для визуализации пространственно-локализованных процессов, позволяющий отразить алгоритм и тренды развития системы, а так же сделать некий качественный срез имеющихся данных по конкретной проблеме.

Однако естественным пробелом картографического метода являлось то, что карта была одномерной, то есть представляла собой характеристику пространственно-локализованных объектов по отдельному конкретному параметру и не позволяла увидеть процессы в динамике.

Развитие информационных технологий позволило решить эти проблемы и обрести новые возможности картографическому методу.

Интеграция пространственных данных, количественной и качественной информации об объекте или процессе стала возможной в рамках геоинформационных систем, компьютерных моделей, по сути представляющих собой электронные карты. Данная система позволяет не только обобщить и обработать широкий спектр информации (в том числе, в динамике), но и репрезентовать проанализированный материал в рамках многомерной карты, которая обретает формат модели. Эта технология, активно развивающаяся в послед-

---

¹ См.: Цыганков П. А. Мировая политика и ее содержание. // Международные процессы. — Том 3. — №1 (7); Лебедева М. М. Предметное поле и предметные поля мировой политики // Международные процессы. — Том 2. — № 2 (5).

ние годы в рамках естественных наук (геологии, минералогии, сельского хозяйства и экологии) может обрести новый импульс в сфере социально-гуманитарного знания.

Геоинформационные системы и модели имеют значение и применение значительно более широкое, чем только в указанных дисциплинах. Приставка «гео» означает использование «географического», то есть пространственного принципа организации информации, использования картографического метода и определяет функциональное предназначение геоинформатики как работу с пространственно-ориентированной информацией.

Заметим, что географический детерминизм и использование картографического метода присуще не только геополитическим концепциям, но и целому спектру направлений в русле политической науки, получивших активное развитие в последние годы.

Здесь стоит отметить исследования в сфере политической географии, регионалистики, этнополитологии, международных отношений и безопасности, политического управления и коммуникативистики, анализа и прогнозирования политических процессов.

В этой связи на первый план выходит осмысление новых возможностей использования локализации акторов, систем и процессов в рамках пространственных координат, а так же визуализации результатов проведенного анализа.

Однако совмещение рассмотрения информационной и геополитической составляющих политической теории в целом является новаторством для отечественной политической традиции и представляет серьезное направление для аналитической работы.

Традиционная политическая карта мира, как продукт геополитического моделирования, с применением геоинформационной компоненты позволяет исследователю совместить географический, сценарно-логический, системный и визуальный методы анализа.

Данное сочетание позволяет оптимизировать работу в условиях неопределенности, которая является одной из ключевых научных и практических проблем при анализе политических процессов.

В этом отношении целесообразно применять потенциал геоинформационного моделирования при анализе процессов интеграции (например, в случае Европейского Союза), развития наднациональных организаций, систем глобальной безопасности и террористических угроз, динамики конфликтов и приграничного сотрудничества государств, электоральных циклов, исследовании имиджа стран и регионов.

Первой и фактически единственной попыткой применения геоинформационной методики при анализе политических процессов является электоральная география — отображение результатов голосования населения в пространстве той территории, на которой оно проходило.

Электоральные карты являются не только удобным методом визуализации полученных данных, позволяя увидеть предпочтения населения опреде-

ленного региона относительно конкретного предмета голосования, будь то кандидат, партия или тезис в референдуме.

Подборка карт за несколько электоральных периодов дает возможность увидеть распределение поддержки кандидата или партии по регионам и отдельным округам в динамике, что, при относительно стабильной политической и партийной системе страны, служит основой для прогнозов на очередной выборный цикл.

Кроме того, идеологическое своеобразие платформ партий и кандидатов ставит перед исследователем вопрос: почему именно в данном регионе население поддерживает того или иного кандидата, что подразумевает более глубокий анализ социально-экономических, политических, этноконфессиональных и иных особенностей территории.

Ответ на этот вопрос в объяснении того, насколько разнообразным является электоральное пространство страны и поиске причин этого разнообразия.

Технология геоинформационных систем — это современная компьютерная технология для моделирования и анализа объектов реального мира, а также происходящих событий.

Под моделью понимается самостоятельный визуальный объект (концепт), формируемый на базе анализа и преобразования информации об объектах и процессах, локализованных в пространстве и описывающий структуру и свойства исследуемых объектов (процессов).

Визуализация модели в рамках картографической проекции подразумевает отражение не только количественных данных, но и направленности и интенсивности проявления тех или иных признаков у объекта или процесса.

В этом отношении в первую очередь необходимо установить акценты, выделить общие пункты, структуру геоинформационного моделирования, потенциальные сферы применения данной методики. Дальнейшие исследования подобных вопросов на стыке парадигм могут стать существенным направлением в развитии отечественной политической науки.

Библиография

1. Геоинформатика. — М.: Академия, 2005.
2. Красовская О., Скатерщиков С., Тясто С., Хмелефа Д. ГИС в системе территориального планирования и управления территорией // ArcReview, 2006. — №3 (38)
3. Лебедева М. М. Предметное поле и предметные поля мировой политики // Международные процессы. — Том 2. — №2 (5). — май-август 2004 г.
4. Лукьянович Н. В. Прогнозирование геополитических процессов и вероятные сценарии геополитики России // Геополитика: Учебник / Под общ. ред. В. А. Михайлова; Отв. ред. Л. О. Терновая, С. В. Фокин. — М.: Изд-во РАГС, 2007. — С. 348–367.
5. Цыганков П. А. Мировая политика и ее содержание. // Международные процессы. — Том 3. — № 1 (7). — январь-апрель 2005 г.

Никита Александрович Слепцов

Студент факультета гуманитарных наук и социальных технологий
Ульяновского государственного университета¹

Сотрудничество и безопасность в Восточной Азии: институциональный аспект

Аннотация

Статья посвящена изучению современного состояния проблемы коллективной безопасности в Восточной Азии с позиций институционального подхода. Автор заостряет внимание на причинах, осложняющих институционализацию коллективной безопасности, показывает роль основных участников — США, КНР и Японии в данном процессе.

Ключевые слова: Восточная Азия, коллективная безопасность, США, КНР, Япония, гегемонизм.

Новый виток международных отношений в Восточной Азии актуализировал интерес к проблемам коллективной безопасности в этом регионе.

Под международным сотрудничеством по безопасности мы будем понимать совместные усилия, предпринимаемые рядом государств, направленные на защиту члена международного сообщества, оказавшегося в опасности извне, вследствие чего возможна потеря им государственного суверенитета и территориальной целостности. Следует подчеркнуть, что международное сотрудничество — это коллективная деятельность по сохранению существующего порядка в системе международных отношений как на региональном, так и на глобальном уровнях.

Один из теоретиков школы политического реализма К. Уолтс констатирует, что международное сотрудничество по безопасности крайне трудно осуществимо на практике, так как государство, не уверенное в истинных намерениях других членов мирового сообщества по отношению к себе, само вооружается «на всякий случай» для обеспечения собственной безопасности. Поступая таким образом, государство создает угрозу для своих соседей, а система международных отношений подвергается опасности возможной дестабилизации².

В современных условиях однополярного мира, когда в системе международных отношений фактически нет соперничающих государств, но есть доминирование одной сверхдержавы — Соединенных Штатов Америки, кото-

---

¹ Научный руководитель: доктор политических наук, заведующая кафедрой социологии и политологии факультета гуманитарных наук и социальных технологий Ульяновского государственного университета, профессор **Нина Владимировна Дергунова**.

² *Waltz K. Theory of International Politics. — N.-Y., 1979. — P. 186–187.*

рая диктует (порой, применяя силу или угрозу применения силы) всем свои правила игры, организовывать международное сотрудничество по безопасности весьма не просто, поскольку оно предполагает накопление силового потенциала всеми другими участниками международных отношений для того, что бы уравновесить единственную сверхдержаву. Понимая угрозу своему гегемонизму, сверхдержава пытается минимизировать попытки сотрудничества в вопросах коллективной безопасности.

На современном этапе международных отношений может быть выявлено как минимум три фактора, обуславливающих стремление государств Восточной Азии к скорейшей институционализации коллективной безопасности:

1. Заинтересованность всех без исключения государств региона в укреплении коллективной безопасности в условиях нарушения стратегического баланса сил, возникшего в результате крушения мощного в военном отношении СССР и уничтожения биполярной системы международных отношений, а так же появления нового амбициозного соперника Соединенных Штатов в лице Китая;
2. Потребность восточноазиатских стран совместно сдерживать развернувшуюся гонку вооружений на региональном уровне;
3. Необходимость региональных держав сдерживать в целом осторожно-агрессивную политику США;

Однако, как мы можем наблюдать, при достаточно существенных, обозначенных выше причинах, «азиаты» не пошли по пути Западной и Восточной Европы в вопросе создание системы коллективной безопасности (типа НАТО), что обусловлено рядом причин¹.

1. Тревога стран региона, обусловленная тем, что укрепление сотрудничества в вопросах безопасности может вызвать дестабилизацию международных отношений.
2. Наличие множества нерешенных проблем территориального характера.
3. Наличие глубоких культурных и цивилизационных различий между странами. Население данных государств крайне не однородно, и с экономико-социальной, и с религиозной, и с исторической точек зрения.
4. В данном регионе пока не сложились зачатки системы коллективной безопасности, такие как отдельные кооперативные институты, по типу Европарламента, который бы действовал постоянно, и решения которого носили бы на первом этапе рекомендательный характер. Нельзя не отметить, что в Восточной Азии существуют международные межправительственные институты, но эффект их функционирования менее существенный, чем в Европе. Так, региональный Форум АСЕАН² в основном зани-

---

¹ *Betts R. Wealth, Power and Instability: East Asia and the United States after the Cold War // International Security. — Winter 1993/1994. — Vol. 18. — P. 1303–1304*

² Региональный Форум АСЕАН (ASEAN Regional Forum) как международная организация по вопросам безопасности был создан в июле 1994 года. Совместно с членами АСЕАН в его работе принимают участия Австралия, Канада, ЕС, Япония,

мается вопросами экономического взаимодействия, привлекая страны Европы и США, но оставляет без внимания проблему коллективного сотрудничества в области безопасности.

Все это никак не способствует координированным действиям в области военного сотрудничества. Ни одно государство не хочет нарушать статус-кво, занимаясь укреплением национальных позиций, осуществляя свой вклад в и без того быструю гонку вооружений.

Кроме объективных причин существуют и субъективные: заинтересованность ведущих региональных игроков — США и Китая. Но пока ни Вашингтон, ни Пекин не выражают желания инициировать создание института по обеспечению коллективной безопасности.

Основная причина пассивности Соединенных Штатов в вопросе формирования в Восточной Азии коллективных институтов по поддержанию мира и стабильности кроется в нежелании правящих кругов видеть Пекин в качестве лидера данных организаций, а в перспективе и регионального лидера. Вашингтон намерен сохранить за собой статус единоличного гаранта безопасности в восточноазиатском регионе¹.

Позиции Пекина по формированию системы коллективной безопасности отличаются непоследовательностью, а так же высоким уровнем недоверия. С одной стороны, Пекин стремится к тому, что политика его соседей, а в первую очередь Японии, была как можно более прозрачной, но с другой — сторонится «открытого» взаимодействия с ними в уже существующих форумах по проблемам безопасности, поскольку считает, что данные форумы, созданные под эгидой США, в первую очередь имеют целью сдерживание КНР как державы регионального масштаба. Руководство Китая активно участвует в экономическом сотрудничестве, но сторонится всего, что связано с областью безопасности. Однако КНР на современном этапе международных отношений не против участия США в создании институтов, обеспечивающих безопасность в Восточной Азии. На практике это нашло отражения в их совместных выступлениях по «корейскому вопросу».

Что же касается роли Японии в международном сотрудничестве по безопасности, то деятельность этой державы по разработке мер доверия не востребована другими участниками региональной системы отношений по причине зависимой и несамостоятельной внешней политики Токио. Современная Япония пока не стала в полном смысле частью азиатской цивилизации, оставаясь военным и политическим аванпостом Соединенных Штатов, о чем свидетельствует так же и отставка премьер-министра Юкио Хатоямы (Yukio

---

Новая Зеландия, Южная Корея, США, Россия, КН, Индия и др. Заседания проходят ежегодно поочередно в столицах стран-членов.

¹ *Van Ness P. Globalization and Security Affairs, U.S. Department Of Defense. The United States Security Strategy for the East Asia-Pacific Region. — Wash., November 1998. — P. 8.*

Hatoiyama) из-за его невозможности вывести американскую военную базу с о. Окинава.

Внешняя политика Токио характеризуется противоречивостью. С одной стороны, японские лидеры заинтересованы в обеспечении стабильности и безопасности в регионе, а с другой — как стратегический союзник США, Токио обязан сотрудничать с Вашингтоном в реализации гегемонистской внешней политики Соединенных Штатов, нацеленной на сдерживание Китая и обеспечение лидирующей роли Северной Америки в Восточной Азии.

В заключении можно отметить, что система региона объективно нуждается в более тесном сотрудничестве ее участников в области безопасности, но сложившийся порядок мешает нахождению компромисса, а ведущий игрок — США — делает все для поддержания своего статуса, мешая своей гегемонистской политикой развитию внутрирегионального сотрудничества, снижению конфронтации и диверсификации международных отношений.

Библиография

1. *Waltz K.* Theory of International Politics. — N.Y., 1979. — P. 186–187;
2. *Betts R.* Wealth, Power and Instability: East Asia and the United States after the Cold War // International Security. — Winter 1993/1994. — Vol. 18. — p 1303–1304;
3. *Van Ness P.* Globalization and Security Affairs, U.S. Department Of Defense. The United States Security Strategy for the East Asia-Pacific Region. — Wash., November 1998. — P. 8.

Олег Владимирович Столетов

Студент кафедры сравнительной политологии факультета политологии Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова¹

Университет как субъект мировой политики

Аннотация

В статье рассматривается феномен университета как самостоятельного участника и активного актора мирового политического процесса. Анализируются основные возможности университетов оказывать влияние на мировую политику и на принятие политических решений.

Ключевые слова: университет, мировая политика, «фабрика мысли» (“think tank”), “smart power”, МГУ им. М. В. Ломоносова.

---

¹ Научный руководитель: кандидат политических наук, доцент кафедры сравнительной политологии факультета политологии МГУ **Иван Александрович Чихарев**.

Университет представляет собой достаточно древний феномен. На Востоке первые университеты стали появляться еще в 8 веке, в Европе — начиная с 11 века. Именно в Европе формирование университетов происходило наиболее динамично. В России идея университетского образования в полной мере реализовалась в 1755 г. с основанием Московского государственного университета. В США, Канаде, Индии, Японии и Китае первые университеты появились лишь в 19 веке. Исторически сложившаяся традиция автономности университетов от протогосударственных и государственных структур сегодня приобретает новые формы в контексте происходящих процессов глобализации, в том числе глобализации образования. Университеты получают больше экономической самостоятельности, что позволяет им диверсифицировать свои финансовые источники. Интеллектуально-инновационный потенциал становится важнейшим ресурсом международно-политической конкуренции, как между государствами, так и самими вузами по всему миру. В этих условиях университеты становятся активными субъектами не только внутригосударственной, но и мировой политики. Наука о МП и МО переосмысляет не только традиционно реализуемых университетами функций, но и изучение качественно новых университетских мирополитических возможностей.

Сегодня передовые университеты обладают эксклюзивными способностями решения целого ряда задач, имеющих непосредственное отношение к МП. В соответствии с тезисом американского политолога Дж. Ная, университеты являются важными акторами «soft power». Высшие учебные заведения, характеризующиеся глубокой историей, фундаментальным уровнем подготовки, а также предоставляющие гарантии успешного трудоустройства, играют важную презентационную роль и выступают как брэнды, повышающие привлекательность государства.

Реализуя студенческие, аспирантские и академические обмены, университеты осуществляют публичную дипломатию. В 20 веке в развитых странах высшее образование стало массовым и возможности университетов на этом направлении значительно возросли. Сейчас университеты по всему миру активизируют сотрудничество с вузами других государств, международными организациями и ТНК. Межуниверситетская кооперация приводит к созданию сетевых университетов. Мегауниверситеты обеспечивают получение дистанционного образования. В результате университеты не только активизируют гуманитарные связи, но и транслируют определенные образовательные стандарты, идеологические подходы к обучению и социальным транзакциям. Важным аспектом деятельности университетов разных государств на современном этапе становится все более обостряющаяся борьба за «мозги» (skilled migration approach). Смысл данного направления университетской работы состоит в привлечении талантливых иностранных студентов для последующего использования их знаний в стране, которая предоставила образование.

Университет способен выступать актором информационно-интеллектуального влияния, прямо и косвенно оказываемого на элитные группировки и

общественность. Непосредственное влияние происходит при прямом общении политической элиты своего государства (других государств) с представителями университетского сообщества, а также в ходе принятия политиками решений на основе специально подготовленного университетскими кругами интеллектуального продукта. Косвенный механизм ИИВ реализуется в ходе встреч университетских кругов с коллегами из других государств в ходе международных межвузовских конференций, посредством выступлений представителей университетского сообщества в СМИ, публикации ими экспертных статей и комментариев в Интернете.

Университеты и научно-исследовательские институты при вузах представляют собой одну из форм «фабрик мысли». Ее обозначают как «гражданская фабрика мысли» («civilian think tanks»). Тем самым подчеркивается негосударственный и неформальный статус университетов как «мозговых трестов» — разработчиков экспертного знания, служащего важнейшим ресурсом «smart power» современных государств. Являясь «интеллектуальными корпорациями», университеты ориентируются на создание «полезного» коммерциализируемого знания. Политологическое знание также превращается в «useful knowledge». Университеты получают все более широкий набор возможностей реализации этого знания: осуществление проектных политологических исследований, подготовка аналитических докладов, разработка альтернативных стратегий развития, политконсалтинг.

Сегодня главные национальные университеты выступают «кузницей кадров» высшей политической элиты своих стран. Большинство из ныне действующих президентов и премьер-министров ключевых стран мира получили высшее образование в наиболее престижных вузах своих государств.

МГУ является самостоятельным актором международно-политического влияния. Представляя собой важнейший национальный брэнд, МГУ традиционно активно реализует функцию публичной дипломатии: с 1946 г. МГУ выпустил более 11 тыс. высококвалифицированных специалистов — представителей 150-ти стран. МГУ является членом Международной Ассоциации Университетов, имеет связи примерно с 60-ю образовательными учреждениями и научными центрами Европы, США, Японии, Китая, некоторых других азиатских странах, Австралии, Латинской Америки, арабских стран. В последнее время он активно включается в процессы по использованию системы высшего дистанционного образования (в университете принята Концепция развития системы дистанционного обучения). Московский университет расширяет возможности по выполнению функций «think tank», в частности, за счет создания и развития перспективных подразделений (факультет политологии, факультет государственного управления, факультет мировой политики, факультет глобальных процессов, социологический факультет). Прикладные исследования являются важной составляющей научной работы на каждом из названных факультетов. Тем самым университет не только формирует будущие кадры для российских аналитических структур, но и внутри себя активизирует практические политические исследования.

Библиография

1. Бирюков А. В., Зиновьева Е. С., Крутских А. В. Инновационные направления современных международных отношений. — М.: Аспект Пресс, 2010. — 295 .
2. Волосникова Л. М. О принципе академической автономии // Университетское управление. — 2005. — № 5(38). — С. 4–49.
3. Дрантусова Н. В., Князев Е. А. Многоканальность и диверсификация финансирования научных исследований // Университетское управление. — 2005. — № 4(37). — С. 8–77.
4. Зуева Д. С., Карпенко О. М., Крутий И. А. Специфика мегауниверситетов как современной образовательной инфраструктуры // Социологические исследования. — 2007. — №10. — С. 0–85.
5. Купцов В. И. Образование, наука, мировоззрение и глобальные вызовы 21 века. — СПб.: Алетейя, 2009. — 428 .
6. Nye S. J. Soft power and higher education [Электронный ресурс] // Educause: [сайт]. [2004]. URL: <http://net.educause.edu/ir/library/pdf/ffp0502s.pdf> (дата обращения: 02.06.2010).
7. Whitley R. Constructing Universities as Strategic Actors: Limitations and Variations // Manchester Business School Working Paper. — № 557. — 2008. — June. — P. 23–37
8. Zhu Xufeng The Influence of Think Tanks in the Chinese Policy Process: Different Ways and Mechanisms // Asian Survey. — Vol. 4. — № 2. — 2009. — March/April. — P. 33–357

Никита Сергеевич Урсулenco

Студент кафедры мировой истории и международных отношений исторического факультета Иркутского государственного университета¹

Реформирование Организации Объединённых Наций: история и современность

Аннотация

В статье обосновывается необходимость реформирования Организации Объединённых Наций. Предлагаются наиболее перспективные пути данного процесса, выделяются возможные проблемы и противоречия.

Ключевые слова: ООН, Генеральная Ассамблея ООН, Совет безопасности ООН, Секретариат ООН, реформирование.

---

¹ Научный руководитель: кандидат философских наук, доцент кафедры регионоведения и социальной экономики Института социальных наук Иркутского государственного университета **Оксана Александровна Полюшкевич**.

Одно из основных направлений внешней политики Украины — вступление в Евросоюз, как полноправного члена. Это — наилучший способ реализации национальных интересов построения экономического и демократического государства, усиления позиции в мировой системе международных отношений. Для Украины европейская интеграция — это путь модернизации экономики, преодоления технологического упадка, получения иностранных инвестиций и новых технологии, создания новых рабочих мест, повышения конкурентно способности отечественного товаропроизводителя, выход на рынок ЕС, а также на мировой рынок.

Можно привести следующие аргументы в пользу развития отношений между Украиной и ЕС.

Во-первых, сотрудничество Украины с ЕС необходимо для технического обновления украинского производства. Производственные технологии украинских предприятий отстают от европейских стран, которые используют передовые технологии. В Украине нет капитала, необходимого для модернизации и создания новых современных предприятий, соответствующих европейскому уровню. Без модернизации производственных структур Украина не сможет выйти на устойчивое экономическое развитие и преодолеть возрастающее отставание от европейских стран. Таким образом, надо создать устойчивый производственно-технологический цикл, который будет конкурировать с европейским.

Во-вторых, выход на европейский рынок позволит конкурировать с другими странами. Европейский рынок послужит толчком для повышения качества и уровня производимой продукции, что в свою очередь позволит выйти на международный рынок, и составить достойную конкуренцию странам мира.

В-третьих, возрастет количество рабочих мест, что послужит толчком к развитию образования и улучшению его качества.

Помимо модернизации технически-производственной базы необходимо также модернизировать украинское законодательство.

То есть должна произойти адаптация законодательства Украины к законодательству ЕС, которая заключается в сближении с современной европейской системой права. Адаптация законодательства Украины предусматривает реформирование ее правовой системы и постепенное приведение в соответствие с европейскими стандартами и охватывает частное, таможенное, трудовое, финансовое, налоговое законодательство, законодательство об интеллектуальной собственности, охрану труда, охрану жизни и здоровья, окружающую среды, защиту прав потребителей, технические правила и стандарты, транспорт. Для того чтобы это осуществить необходимо четкое выполнения всеми ветвями власти намеченных реформ, а также проведения консультаций, конференций с ЕС, возможно, даже создать в Верховной Раде специальный Комитет по вопросам европейской интеграции.

Реализация европейского выбора требует не только политической воли, но и соответствующим образом подготовки кадров государственных слу-

жащих. Общая программа переподготовки и учебы должна обеспечить необходимые знания и навыки относительно целей и хода интеграции в Европейский Союз, его основных институций и процесса принятия решений, умения вести переговоры, использовать европейские информационные ресурсы, улучшение владения одним из основных европейских языков. Правительство должно поддерживать постоянный диалог с обществом относительно реализации своей европейской политики. Также стоит не только спрашивать, что Европейский Союз может дать Украине, но и искать убедительные аргументы того, что Украина может дать Европейскому Союзу. Например, в Украине очень развиты и конкурентоспособны легкая и тяжелая промышленность, текстиль, сельскохозяйственная продукция, что может быть интересно ЕС.

Европейская интеграция и членство в ЕС — наилучший способ реализации национальных интересов, построения экономически развитого и демократического государства, укрепления позиций в мировой системе международных отношений. Для Украины данный процесс — это путь модернизации экономики, преодоления технологической отсталости, привлечения иностранных инвестиций и новейших технологий, создания новых рабочих мест, повышения конкурентной способности отечественного товаропроизводителя, выход на мировые рынки, и рынок ЕС.

Препятствиями в этом процессе являются следующие причины: корпоративная закрытость системы государственного управления, высокий уровень коррупции, слабость демократических институтов и неразвитость гражданского общества, притеснения свободы прессы, политические проблемы, что вызывает критику Совета Европы. Также отсутствие стабильного национального консенсуса по ключевым вопросам внутреннего развития и внешней политики образуют крайне негативный фон для отношений Украины с ЕС и угрожают превратить Украину в страну-аутсайдера. Подобные угрозы и неуверенности есть и в сфере экономики. Правовое поле не создает достаточной безопасности для инвесторов и кредиторов, кроме того, способствуют возникновению торговых споров, и ограничивает потенциал регионального экономического сотрудничества. Причины этого разнообразны. Среди них можно выделить несколько:

- 1) в Украине только формируется внешнеторговый профиль;
- 2) экономический кризис тормозит выход на мировой и европейский рынок;
- 3) интеграция Украины в европейскую экономику также тормозится структурой производства, унаследованной от СССР;
- 4) в Украине нет высоко технологического производства на основных предприятиях страны и поэтому ее товары неконкурентоспособны;
- 5) Европейский рынок достаточно насыщен товарами с низкой степенью обработки, промышленными товарами потребительского назначения и сельскохозяйственной продукцией.

Украинским экспортерам еще явно недостает опыта деятельности на

внешних рынках. Для устранения этих ограничений и интегрирования в европейское экономическое пространство можно сформулировать основные направления внешнеэкономической политики Украины в отношениях со странами ЕС нужно следующее.

а) Более полно реализовать торгово-экономические отношения со странами ЕС.

б) Своевременное и комплексное осуществление экономических и политических мероприятий, которые являются необходимыми для начала переговоров со странами Западной Европы относительно создания в перспективе зоны свободной торговли.

в) Решение вопросов, связанных с возможностью присоединения Украины к отдельным европейским программам интеграционного характера, в первую очередь в сферах энергетики, транспорта, науки и техники, информатики, сельского хозяйства, отдельных отраслей промышленности, охраны окружающей среды, образования.

г) Необходимо получить стабильную финансовую поддержку и техническую помощь для успешного рыночного преобразования в экономике Украины, что будет способствовать формированию конкурентно способности.

Нужно в первую очередь создать рыночную среду для сотрудничества с ЕС. Укреплять экономические связи со странами ЕС, развивать финансово-промышленные группы, интернациональные фирмы, научно-технические производства. Не исключена возможность свободной торговли между Украиной и странами ЕС. Также необходимо приближать правовую и законодательную базу Украины к Европейской, чтобы не было недоразумений. Конечным результатом будет нахождение новых рынков продажи украинских товаров, увеличение товарооборота.

Однако, очевидно, что на нынешнем этапе политического и экономического развития Украина еще не готова войти в состав ЕС.

Библиография

1. Монне Ж. Реальность и политика. Мемуары. — М.: Московская школа политических исследований, 2009. — С. 139
2. Наринский М. М. Европейские страны СНГ. Место в «Большой Европе». — М.: Международные отношения, 2009.
3. Коломиец Ю. В. Анализ интеграции Украины в Европейский Союз на современном этапе [Электронный ресурс]. URL: http://www.nbuu.gov.ua/portal/soc_gum/prvs/2007_1/0280.pdf (дата обращения 8.12.2010).
4. Украина — ЕС [Электронный ресурс] // Ежедневная газета «День» : [сайт]. URL: <http://www.day.kiev.ua/289255/> (дата обращения 8.12.2010).
5. Центр Европейских политических исследований [Электронный ресурс] // Официальный сайт Центра : [сайт]. URL: <http://www.ceps.be/> (дата обращения 8.12.2010).

Иван Александрович Чихарев

Кандидат политических наук, доцент кафедры сравнительной политологии факультета политологии Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова

Мировая политика и международные отношения в предметном поле политической теории

Аннотация

Направление «мировая политика и международные отношения» ныне оказалось в насыщенной творческой, и в то же время — конкурентной среде. Поэтому в его развитии столь важным является определение собственной ниши, поиск традиции и перспективных приоритетов в научных и образовательных разработках. Рассматривается специфика политического аспекта мировой политики и обосновывается возможность её определения как борьбы субъектов за власть и влияние в мировом политическом пространстве (подразумевается проникновение власти и влияния внутрь границ отдельных политий, размыкание границ), легитимацию и институционализацию власти и влияния, конкуренцию стратегий решения общемировых проблем, организацию глобального управления.

Ключевые слова: предметное поле мировой политики и международных отношений, системность мировой политики, процесс развития мировой политики, субъекты мировой политики, власть и влияние в мировой политике, стратегии субъектов мировой политики, лидерство в мировой политике, мирополитические институты и организации, мирополитические коммуникации, мироправление и мирорегулирование.

Изучение и преподавание мировой политики и международных отношений на факультете политологии с самого начала его самостоятельного развития стало одной из приоритетных учебных и научных задач. В 2009 г. было конституировано межкафедральное направление исследований и учебно-методических разработок по проблемам мировой политики и международных отношений (учебно-научное направление «Мировая политика и международные отношения»), на котором удалось сосредоточить усилия как факультетских, так и перешедших на факультет после его основания ученых и преподавателей. Так были созданы исходные организационные и интеллектуальные предпосылки для развития соответствующей области политической науки на факультете. С другой стороны, к концу первой декады 2000-х и в Московском университете, и в других академических и университетских структурах, уже сложились признанные научные школы и образовательные программы в международно-политической сфере. Несколько таких центров сформировалось в МГИМО, в профильных институтах РАН, а также на ряде

факультетов МГУ — факультете мировой политики, историческом факультете, факультете глобальных процессов. Таким образом, направление «мировая политика и международные отношения» оказалось в насыщенной творческой, и в то же время — конкурентной среде. Поэтому одними из первых задач в его развитии стали определение собственной ниши, поиск традиции и перспективных приоритетов в научных и образовательных разработках¹.

На самом общем уровне понимание приоритетов виделось достаточно явственным. Во-первых, на факультете политологии международная проблематика должна исследоваться и преподаваться в политическом аспекте. Практически во всех других упомянутых институтах, за исключением, быть может, факультета политологии МГИМО, преобладает историческое прочтение международно-политической проблематики или аналитико-прикладной угол зрения на нее. Несмотря на то, что исторический подход и прикладной анализ кажутся диаметрально различными познавательными установками, у них генетически и логически много общего. Оба опираются на подробное, «плотное» описание конкретных ситуаций и индуктивные обобщения «в толще» международно-политической фактуры. Второй подход отличается от первого вниманием не столько к прошлому, сколько к актуальным и перспективным проблемам, а также склонностью к экономическому анализу. По сути, именно владение этими двумя исследовательскими техниками определяет компетенции современного международника — выпускника и практикующего профессионала (дипломата, знающего исторические нюансы взаимоотношений государств и народов, публициста, умеющего истории рассказывать и создавать, эксперта-аналитика, готовящего материал для принятия решений в сфере внешней политики или транснационального бизнеса). Особняком стоят такие школы исследования международных отношений, как социологическая, психологическая, культурно-цивилизационная, юридически-нормативная.

Каждый из этих подходов по-своему смыкается с политологическим, однако, по видимому, наиболее близким к нему является социологический. «Исследование эффективнее вести в направлении не от государства к обществу, а от общества к государству, т.е. с позиций не столько политологии, сколько политической социологии» — считают представители этого подхода. Однако в данном случае мы видим дистанцирование не от политологического подхода вообще, но лишь от институционально-государствоведческой его версии, которая является далеко не единственной — как в истории политической науки, так и, тем более, в современном плюрализме концепций полити-

---

¹ Подробнее см.: Чихарев И. А. Школа изучения мировой политики и международных отношений в Московском университете: традиции и инновации — SCHOLA-2009: Сборник научных статей факультета политологии Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова / Под общ. ред. А. Ю. Шутова и А. А. Ширинянца; сост. А. И. Волошин, Э. А. Козьменко. — М.: Издательство «Социально-политическая МЫСЛЬ», 2009.

ческого. Социологический подход в данном случае означает рассмотрение международно-политических трансформаций в более широком контексте, выходящем за пределы «вестфальского» понимания государственности и международной системы: «глобализация делает все более очевидной... неделимость границ между государствами... Рост взаимозависимости обязывает государства к сотрудничеству и солидарности, к выработке общих правил мировой политики, к совершенствованию существующих и созданию новых политических институтов». Таким образом, социологический подход отражает социальный процесс становления мировой политики, раскрывает ее социокультурную, социально-экономическую природу. Однако собственно политическая логика остается не раскрытой. Властные, организационные, управленческие основы мировой политики оказываются зависимой переменной.

Если говорить о прошлом опыте сообщества политологов-международников факультета политологии, в силу того, что политология в МГУ развивалась прежде всего в рамках философского факультета, чаще преобладал историко-философский или науковедческий стиль исследования. «На выходе» это определило и слабые, и некоторые сильные стороны нашего сообщества. «Слабость» может усматриваться даже не столько в излишнем теоретизировании со стороны философов-международников, сколько в «каталогизаторстве», склонности подменить саму мысль историей мысли, ее «кодификацией» — что становилось предметом иронии со стороны и историков, предпочитающих историю людей истории идей, и прикладников, озабоченных поиском утилитарного знания. С точки же зрения политолога, основной недостаток этой традиционной установки — второстепенность собственно политического аспекта создаваемой с ее помощью системы знаний. Сильная же сторона потенциально в том, что науковедческий опыт позволяет факультетскому сообществу международников во всеоружии приступить к определению предмета, демаркации его аспектов, настройке методологического инструментария и целенаправленному поиску как теоретических, так и прикладных результатов.

В плане определения предмета и его различных проекций «дефицита представлений» в отечественной международно-политической науке нет. В последние годы велась достаточно оживленная дискуссия о соотношении предметных областей мировой политики и международных отношений. Не вдаваясь здесь в ее подробности, можно заметить, что спор шел в гораздо большей степени о значении прилагательных «мировой» и «международный», но не субстантивов «политика» и «отношения». С опорой на классическую традицию политической теории можно утверждать, что общественные отношения становятся политическими и могут рассматриваться в целом как «политика» в нескольких основных случаях:

1. Когда имеет место высокий уровень организации отдельных субъектов общественных отношений, обеспечивающий результативное целедостижение в системе общественных отношений для данных отдельных субъектов.

2. Когда имеет место высокий уровень организации отдельных субъектов общественных отношений, обеспечивающий управление всей системой общественных отношений.

3. Когда имеет место высокий уровень организации отдельных субъектов общественных отношений, обеспечивающий управление всей системой общественных отношений и целеполагание, воспринимаемое всеми основными участниками общественных отношений как коллективное (общее).

4. Когда имеет место высокий уровень самоорганизации общественных отношений, обеспечивающий коллективное (общее) целеполагание.

Эти «случаи» являются этапами, или «поколениями» в развитии мировой политики, в целом повторяющими этапы в развитии локальных политик (например, политики государства). Принципиальной теоретической и практической проблемой является то, что участниками международных отношений являются не аморфные социальные общности, а политии, то есть политически организованные внутри себя социальные группы, отличающиеся в разной степени ресурсной и смысловой (ценностной) самодостаточностью. Наиболее целостными и самодостаточными из них являются на сегодня нацигосударства. Эти особенности современных политий, в отличие от слабо структурированных и несамодостаточных дополитических сообществ локального уровня, создают сложные противоречия в развитии мировой политики, которые постепенно, в историческом масштабе — крайне медленно, снимаются в процессе развития мировой экономики, глобальной коммуникации, и наконец — самого научного знания о мировой политике. Собственно поэтому основной «нерв» дискуссии о предметах мировой политики и международных отношений — роль государств в современном мире. Транснациональный уклон в трактовке предмета мировой политики (мировая политика как взаимодействие государств и негосударственных акторов) совершенно не случаен, так как транснационализация знаменует собой диссоциацию классических политий, которая является необходимым условием становления политики более высокого уровня — интегрума (например, Европолитии), или глобальной политики. Тем не менее, как транснациональный уклон, так и противостоящий ему неозататизм (мировая политика как эффективное целедостижение великих держав, адаптировавшихся к транснациональному контексту и научившихся управлять им, а также внутренней политикой невеликих держав) кажутся несколько ограниченными, так фиксируют лишь один из срезов эволюционирующего объекта. Эти срезы соответствуют, по видимому, переходным моментам между первым и вторым поколениями в развитии мировой политики. Безусловно, транснационализация онтологически формирует или намечает мировое политическое пространство, неразделенное государственными и иными границами общее поле осуществления мировой политики. Интереснее и актуальнее, однако, моменты вызревания второго поколения и перехода к третьему поколению, то есть организация мирового политического пространства властными стратегиями и его институциональная «разметка». Размышления о том, что мировая политика дви-

жется к более высокому уровню организации и управляемости, лишены, однако, идеализма. Вызревание второго поколения и тем более переход к третьему отнюдь не означают «нового прекрасного мира», но лишь оформление более стабильной среды для реализации целей самых организованных акторов, то есть логическим продолжением исходного, унаследованного от первого поколения и исконно политического (человеческого) стремления к обеспечению собственных интересов.

Исходя из этого мировую политику можно определить как борьбу субъектов за власть и влияние в мировом политическом пространстве (подразумевается проникновение власти и влияния внутрь границ отдельных политических, размыкание границ), легитимацию и институционализацию власти и влияния, конкуренцию стратегий решения общемировых проблем, организацию глобального управления.

Соответственно, в предметное поле мировой политики включаются:

- Системность мировой политики и процесс ее развития (влияние на мировую политику средовых факторов — экономических, социальных, культурных, экологических).
- Субъекты мировой политики.
- Власть и влияние в мировой политике.
- Стратегии субъектов мировой политики.
- Лидерство в мировой политике.
- Мирополитические институты и организации.
- Мирополитические коммуникации.
- Мируправление и мирорегулирование.

В теоретическом аспекте наиболее важным моментом является общеисторическая эволюция и конкретно-историческая динамика предмета — этапы развития мировой политики в нелинейной логике их взаимного наложения, особенности мирополитической ситуации в каждый конкретный исторический момент, субъективные и объективные факторы, системные и средовые факторы, влияющие на развитие мирополитической ситуации. В прикладном — знание особенностей конкретных субъектов мировой политики, логики формирования и основных направлений их стратегий, организационно-институциональных возможностей и ограничений, коммуникативной мирополитической среды.

Внутренняя и внешняя политика зарубежных стран

Мария Александровна Авилова

Студентка кафедры российской политики факультета политологии
Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова¹

Теоретические направления интеграции ЕС: дискуссии о роли национального государства

Аннотация

В статье рассматриваются наиболее известные модели интеграции Европейского Союза второй половины XX века (федерализм, функционализм, плюрализм и неофункционализм), их преимущества и недостатки. Определяется место национального государства и его роль в политических процессах интеграции Евросоюза.

Ключевые слова: Евросоюз, интеграция, национальное государство, федерализм, функционализм, плюрализм, неофункционализм.

Важнейшей темой дискуссий о сути современных процессов интеграции Европы является вопрос о статусе национального государства. Фундаментальные изменения мировой политики конца XX в. непосредственным образом связаны с ее главным актором — государством. Этот политический институт, самый значимый по меньшей мере с середины XVII в., в настоящее время переживает радикальную трансформацию. Неопределенность путей развития мировой системы «от собрания отдельных, территориально-целостных, суверенных, юридически равных государств к иным, более иерархичным и во многих отношениях более сложным структурам»² закономерно порождает активные споры о переосмыслении роли и значимости национального государства.

Развитие современного мира характеризуется глубокими переменами в структуре мирового сообщества и изменением геополитической карты, что способствует поиску утерянной сбалансированности в новых формах коллективной безопасности и экономического сотрудничества — в интеграционных организациях. Их колыбелью стала Западная Европа, в которой интеграционные процессы достигли наиболее высокого уровня развития. Остановимся на четырех наиболее известных теоретических направлениях, по-разному определяющих место национального государства в процессах интеграции и сыгравших заметную роль в становлении интеграционной теоретической мысли.

Первое из них — федерализм, который объединяет сторонников создания в Западной Европе федеративного союза государств и в наибольшей сте-

---

¹ Научный руководитель: доктор философских наук, профессор кафедры российской политики факультета политологии МГУ **Юрий Ивлонвич Шелистов**.

² *Кревельд М.* Расцвет и упадок государства. Пер. с англ. под ред. Ю. Кузнецова и А. Макеева. — М.: ИРИСЭН, 2006. — С. 11.

пени является политическим подходом к исследованию и анализу европейского интеграционного процесса. Представители концепции (А. Этциони, А. Спинелли, К. Фридрих, Дж. Элезэр) в своей идее единства Европы воплотили принцип, который определяется как «метод разделения властей таким образом, чтобы общие (центральные) и региональные (местные) правительства в каждой отдельной сфере являлись скоординированными и независимыми»¹. Территориальные единицы должны передать центральным властям часть властных полномочий, сохраняя целостность и определенную автономию. Вследствие этого, Э. Уистрич считал, что «сущность федерализма заключается в децентрализации власти везде, где это необходимо»². Такая децентрализация, по сути, представляет собой содержание одного из основополагающих принципов Маастрихтского договора о Европейском Союзе — принципа субсидиарности.

Сторонники направления признавали необходимость эволюционного развития. Ж. Монне отметил, что «политический союз Европы должен строиться шаг за шагом, так же как и осуществление экономической интеграции. В один прекрасный день этот процесс приведет нас к Европейской федерации»³. А. Этциони решающую роль в процессе интеграции отводил политическим институтам, считал, что без политической составляющей интеграция невозможна в принципе. Возникшее в результате политическое сообщество должно соответствовать трем признакам: обеспечивать эффективный контроль центра над использованием средств насилия, обладать возможностями эффективно распределять ресурсы и вознаграждения внутри сообщества, правительство должно быть центром сосредоточения политической идентификации для значительного большинства граждан⁴.

Федералистские проекты остались не более чем проектами, поскольку федерализм не учитывал такие политически значимые категории, как интересы, цели государства и его внешнеполитическую стратегию. Несмотря на преимущества идеи наднационального федеративного государства, практически оказалось, что каждое участвующее в интеграционном объединении государство последовательно отстаивает собственный интерес, не желая поступаться им в пользу абстрактных общих идей. Отрыв федералистских положений от реальной жизни привел к тому, что стали появляться новые концепции интеграции.

Вторым направлением стала теория функционализма, представленная в классическом виде в работах Д. Митрани, который считал, что следует осуществить трансформацию и обновление сложившихся за многие десятилетия

---

¹ Барановский В. Г. Политическая интеграция в Западной Европе. Некоторые вопросы теории и практики. — М.: Наука, 1983. — С. 81.

² *Wistrich E. The United States of Europe.* — London: Routledge, 1994. — P. 2.

³ *Monnet J. A ferment of change // Journal of common market studies.* — 1962. — №1. — P. 211.

⁴ *Etzioni A. Political Unification.* N.Y.: Holt, Rinehart and Winston, 1965. P. 329.

представлений о системе международных отношений, предлагал проект всеобъемлющего мирового единства, и убеждал в необходимости способствовать сотрудничеству между государствами в решении задач, представляющих совместный интерес.

Одно из основополагающих положений функционализма заключается в том, что интеграция между нациями должна быть максимально деполитизирована. Соответственно, абсолютный приоритет отдавался человеку, его нуждам и интересам, которые стоят выше любого государства. Д. Митрани был убежден, что интернациональные организации способны лучше удовлетворить человеческие потребности, чем национальные государства, из чего следует, что люди должны рационально определить свои желания и творчески подойти к созданию институтов, способных выполнить вверенные им функции.

Вопросы эффективного сотрудничества и избежания конфликтов, по мнению функционалистов, должны решаться путем общего согласования усилий. Развитие интеграционных процессов приводит к появлению функциональных организаций, располагающих определенными полномочиями, добровольно переданными наверх национальными государствами. Международная интеграция представляет собой процесс постепенного перехода от традиционной системы межгосударственного сотрудничества к некоему функциональному сообществу, передачу властных полномочий суверенных государств создаваемой надгосударственной структуре. Целью интеграции становится образование «функциональной системы, элементы которой могут начать работать и без общей политической надстройки»¹.

Теория нашла свое отражение в практическом воплощении и имела результатом реальное сближение европейских государств. Некоторые идеи функционализма легли в основу создания одной из наиболее влиятельных теорий интеграции, неофункционализма.

Широкое развитие в науке получило третье направление интеграционной мысли — плюралистический или коммуникационный подход, выдвинутый американским политологом К. Дойчем. Представители школы исходили из тезиса о том, что углубление интеграционных процессов не приводит к вытеснению приверженности национальным ценностям². Данная концепция рассматривается с позиций теории коммуникации и подчеркивает, что социальные коммуникации являются своеобразными кирпичиками, из которых строятся местные общины, эволюционирующие в процессе общественного развития в национальное государство. К. Дойч проводит параллель между взаимоотношениями внутри государства и сотрудничеством в международной сфере, когда государства создают «сообщество безопасности», представ-

---

¹ *Mitraný D. A Working Peace System.* — Chicago: Quadrangle Books, 1966. — P. 97.

² *Deutsch K. Political Community and the North Atlantic Area.* — Princeton, 1957. — P. 38

ляющее собой «группу государств, достигших значительного уровня интеграции друг с другом и осознавших необходимость определенной общности (единства)»¹. В рамках такого сообщества государства стараются свести к нулю риск возникновения войны, обеспечивая мирное сосуществование членов сообщества.

Межгосударственная интеграция, по мнению представителей коммуникационной школы, — это многоаспектный процесс, представляющий достаточную сложность в изучении. Источником интеграционной эволюции Дойч считал прагматическую детерминированность индивидуального поведения: «Люди рано или поздно обнаруживают, что в конкурентной игре экономики и политики они могут лучше отстоять свои интересы, если образуют коалиции... В политике и экономике такие коалиции будут в значительной степени зависеть от социальной коммуникации и культуры, структуры личности, коммуникационных привычек участников»².

Наконец, четвертое направление — неофункционализм, который по праву считается одним из ведущих течений в изучении политической интеграции. Многие предполагают, что нынешнее развитие европейской интеграции проходит в соответствии с разработанной именно неофункционалистами стратегией, а сам Европейский Союз является опытной лабораторией для проверки основных положений концепции. Создателем и наиболее выдающимся представителем неофункционализма был Э. Хаас, который, используя некоторые ключевые положения функционализма, попытался создать собственную концепцию применительно к региональному, а не глобальному уровню.

Неофункционалисты основываются на изучении проблем перехода власти к более крупным структурам. Политическая интеграция ими рассматривается как процесс, ведущий к формированию политического сообщества, превосходящего своими размерами национальное государство. Качественной характеристикой является двойственность лояльности по отношению к наднациональной организации и к национально-государственным центрам³.

Развитие интеграционных процессов идет благодаря наличию практической заинтересованности элитарных социально-политических групп, соответственно, признается значимость роли экономики в процессе интеграции. Одно из центральных понятий неофункционализма — «перелив» (*spill-over*), которое, согласно Л. Линдбергу, имеет место тогда, когда «данное действие, осуществляемое для достижения определенной цели, ведет к созданию ситуации, в которой достижение первоначально поставленной цели может быть

---

¹ *Deutsch K.* Political Community at the International Level: Problems of Definition and Measurement. — Princeton, New Jersey: Princeton University, 1953. — P. 31.

² Цит. по: *Барановский В. Г.* Политическая интеграция в Западной Европе. Некоторые вопросы теории и практики. — М.: Наука, 1983. — С. 94.

³ *Haas E.* The Uniting Europe: Political, Social and Economical Forces. 1950–1957. — L., 1958. — P. 16.

обеспечено лишь принятием новых действий, которые, в свою очередь, создают новые условия и необходимость в более активной деятельности и т.д.»¹. Отсюда интеграционные процессы характеризуются расширением и распространением на новые области, стремлением проникнуть в более широкие сферы общественного устройства. Концепция перелива была использована в целях теоретического объяснения экономической цепочки интеграции ЕС: переход зоны свободной торговли в таможенный союз, затем в общий рынок и в экономический и валютный союз. Поступательное развитие интеграции в экономической сфере приводит к институциональным изменениям и поднимает на новый уровень политическую интеграцию. Суть процесса заключается в том, чтобы доказать органическое единство экономической и политической интеграции, показать, что экономический союз переходит в политический.

Подводя итог анализу теоретических моделей интеграции, в общем, и сущностной роли национального государства в этом процессе, в частности, можно сделать вывод, что каждое новое направление возникало как ответ на появлявшуюся критику старого и пытались преодолеть узость и недостатки предыдущей школы. Перечисленные течения на практике занимались поиском определенного подхода, ведущего к синтезу теоретических направлений и оптимальному соотношению баланса сил в регионе. Подобная научная плюралистичность во многом сыграла положительную роль при воплощении идеи в жизнь, ведь на данный момент в качестве удачного примера интеграции обычно приводят именно Европейский Союз.

То, что в Европе стало реальностью, в других частях света остается труднодостижимой целью. Существование Ассоциации государств Юго-Восточной Азии (АСЕАН), Североамериканского соглашения о свободной торговле (НАФТА), общего рынка стран Южной Америки (МЕРКОСУР), Организации Африканского Единства (ОАЕ) свидетельствует, по меньшей мере, о наличии стремления к созданию интеграционных объединений. Важную роль здесь может сыграть эффект копирования уже существующей и успешно функционирующей модели, поскольку перенести имеющийся опыт гораздо проще, чем изобретать что-то новое.

Библиография

1. *Барановский В. Г.* Политическая интеграция в Западной Европе. Некоторые вопросы теории и практики. — М.: Наука, 1983. — С. 11–94.
2. *Кревельд М.* Расцвет и упадок государства. Пер. с англ. под ред. Ю. Кузнецова и А. Макеева. — М.: ИРИСЭН, 2006. 544 с.
3. *Deutsch K.* Political Community at the International Level: Problems of Definition and Measurement. — Princeton, New Jersey: Princeton University, 1953. — P. 31.

---

¹ *Lindberg L.* The Political Dynamics of European Economic Integration. — Stanford, 1963. — P. 10.

4. *Deutsch K.* Political Community and the North Atlantic Area. — Princeton, 1957. — P. 38.
  5. *Etzioni A.* Political Unification. N.Y.: Holt, Rinehart and Winston, 1965. — P. 329.
  6. *Haas E.* The Uniting Europe: Political, Social and Economical Forces. 1950–1957. — L., 1958. — P. 16.
  7. *Lindberg L.* The Political Dynamics of European Economic Integration. — Stanford, 1963. — P. 10.
  8. *Mitrany D.* A Working Peace System. — Chicago: Quadrangle Books, 1966. — P. 97.
  9. *Monnet J.* A ferment of change // Journal of common market studies. — 1962. — №1. — P. 211.
  10. *Wistrich E.* The United States of Europe. — London: Routledge, 1994. — P. 2.
-

Дарья Олеговна Кислицына

Студентка кафедры российской политики факультета политологии
Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова¹

Теоретико-методологические проблемы изучения труднодоступных и удаленных регионов

Аннотация

Статья посвящена анализу теоретико-методологических проблем, влияющих на развития труднодоступных и удаленных регионов различных стран мира. Статья основана на предыдущих исследованиях автора, анализе политик различных государств.

Ключевые слова: труднодоступные и удаленные регионы, методологические проблемы, терминологическая путаница.

Проблематика труднодоступных и удаленных регионов в рамках политической науки является относительно молодой и слабо изученной. Актуальность изучения данного феномена связана с современным этапом. Это накладывает определенные ограничения на исследования теоретико-методологического характера.

Во-первых, на сегодняшний день можно говорить о том, что в политологии не сложилось четкого методологического аппарата, на основе которого могло бы осуществляться комплексное изучение труднодоступных и удаленных регионов.

---

¹ Научный руководитель: кандидат политических наук, преподаватель кафедры российской политики факультета политологии МГУ **Галина Станиславовна Александрова**.

ных регионов. Об удаленности и труднодоступности можно говорить в различных аспектах (см. работы автора)¹.

Во-вторых, непосредственно связанной с проблемой методологической путаницы является терминологическая путаница, то есть, авторы, использующие термины удаленности и труднодоступности, зачастую понимают их по-разному, придают им разное значение, наделяют неэквивалентным смыслом. Проиллюстрировать данный тезис можно путем сравнительного анализа определений, встречающихся в литературе.

Прежде всего, обратимся к классическим определениям, содержащимся в словарях. Согласно толковому словарю Ушакова «труднодоступным» является то место, куда сложно проникнуть². Аналогично данный термин концептуализируется и в современном толковом словаре Ефремовой³, и в словаре Ожегова. Показателен вариант трактовки понятия, согласно словарям синонимов. Согласно словарю Тришина, труднодоступный означает малодоступный, редкостный⁴. Тогда как альтернативный словарь синонимов, кроме уже озвученных, приводит понятие «гиблый»⁵.

Параллельно в английском языке существует несколько выражений, под которыми мы понимаем труднодоступность: *arduous, difficult of access, out-of-the way, hard to come by, hard to reach area, hard to get*. Обращает на себя внимание тот факт, что в английском языке труднодоступность понимается буквально: измеряется физической возможностью преодолевать расстояния. По этой причине чаще всего понятие труднодоступности мы найдем в специальных технических словарях⁶.

Удаленность определяется более однозначно, нежели труднодоступность. Как правило, ее определяют как количественный параметр дальности. Эквивалентом данного термина в английском языке служит термин «*remoteness*». Синонимами слова «удаленный» являются *distant, far, remote, removed, apart, infinite*.

---

¹ См. *Кислицына Д. О.* Северная региональная политика России: между государственной политикой и экономической либерализацией. Проблемы и перспективы // Новый политический цикл: повестка дня для России. Международная научная конференция. Москва, 5–6 декабря 2008 г. — С. 134–136; *Кислицына Д. О.* Зарубежный опыт управления северными территориями и российские реалии // Сборник научных статей «SCHOLA-2009». Под ред. А. А. Ширинянца и А. Ю. Шутова. М.: 2009. — С. 417–420 и др.

² Толковый словарь русского языка: В 4 т. / Под ред. Д. Н. Ушакова. — М., 2000. Т. 3. — С. 203.

³ *Ефремова Т. Ф.* Современный толковый словарь русского языка. В 3 томах. Том 3. — М.: 2006. — С. 59.

⁴ *Тришин В. Н.* Словарь синонимов ASIS. М.: 2009

⁵ *Абрамов Н.* Словарь русских синонимов и сходных по смыслу выражений. М.: 1999.

⁶ См. Англо-русский словарь технических терминов, Русско-английский словарь математических терминов и пр.

Следующей методологической проблемой является недостаточность для изучения труднодоступных регионов подходов и методов, существующих в рамках исключительно политической науки. Политическая наука способна внести серьезный вклад развитие данных междисциплинарных исследований, на наш взгляд, определяющий, но далеко не окончательный. С нашей точки зрения, очень важно проанализировать методы политической науки в плане их применимости к концептуальным основам исследования, но также расширить его сущностную сторону путем использования междисциплинарного синтеза.

Использование политологических субдисциплин будет способствовать решению таких задач изучения труднодоступных и удаленных территорий, как оформление рамок предметного поля, выработка более четкого понятийно-категориального аппарата, разработка фундаментальной теоретико-методологической базы и инструментария исследования, выработка конкретных моделей, способов, механизмов, технологий освоения и развития ТДР и УР. В первую очередь, мы имеем в виду эвристический потенциал таких политологических субдисциплин, как политическая регионалистика, политическая география, сравнительная политология, международное регионоведение и т.д.

Еще одной очевидной проблемой, накладывающей ограничения на исследование, наряду с отсутствием методологического единства, терминологической путаницей и слабой разработанностью проблемы в науке, является неоднозначное понимание на практике. Для многих ученых и практикующих политиков она вовсе отсутствует, зачастую нет понимания важности проблемы и на бытовом уровне. Поэтому необходимо так называемое переформатирование сознания, более внимательное отношение к пространственному императиву. Последнее возможно, на наш взгляд, только на основе широкой информационной, просветительской, культурно-образовательной кампании. Сама реальность диктует данную необходимость: как бы ни стирались границы в условиях глобализации, территория и границы остаются образующим признаком государства¹.

Таким образом, краткий обзор ситуации с определением методологических рамок предметного поля концепта труднодоступных и удаленных территорий свидетельствует о наличии следующих проблем: терминологическая разобщенность, отсутствие единого методологического аппарата, недостаточность подходов, существующих в политической науке, и неоднозначное понимание проблемы на практике.

С другой стороны, выявление и анализ описанных проблем способствуют изучению труднодоступных и удаленных регионов, в частности, позволяют выявить наиболее характерные параметры удаленности и труднодоступности. К числу таковых, на наш взгляд, относятся: расстояния, на которые отдалены конкретные места, и сложности, связанные с их преодолением,

---

¹ Бабурин С. Н. Территория государства. М.: 1997. С. 18.

трудности достижения и транспортировки, не очевидная на первый взгляд привлекательности и рентабельность освоения, необходимость напряжения сил и ресурсов, концентрации энергии в процессе развития соответствующих территорий, подведение и поиск под это материально-технической базы и пр.

Библиография

1. *Бабурин С. Н.* Территория государства. — М.: 1997.
2. *Ефремова Т. Ф.* Современный толковый словарь русского языка. В 3 томах. Том 3. — М.: 2006.
3. *Тришин В. Н.* Словарь синонимов ASIS. — М.: 2009
4. *Абрамов Н.* Словарь русских синонимов и сходных по смыслу выражений. — М.: 1999.

Екатерина Юрьевна Небольсина

Выпускница факультета политологии Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова¹

Особенности формирования политики урегулирования этнополитических конфликтов в Европейском союзе на примере Испании

Аннотация

Статья посвящена проблеме формирования политики урегулирования этнополитических конфликтов в ЕС на примере Испании. Указываются причины возникновения конфликта, а также эволюция действий правительства по урегулированию этнополитических споров. В ходе анализа политического курса приведены реальные примеры попыток государства урегулирования конфликта.

Ключевые слова: этнополитический конфликт, политика урегулирования, Европейский союз, Испания.

Европейский союз — на сегодняшний день уникальное объединение, состоящее из 27 государств на политической и экономической основе. Уже более полувека под «крышей» ЕС уживаются различные народы и этносы, традиции и религии. На благодатной почве интеграции рождается единая денежная единица, флаг и символика союза, смываются государственные границы, появляются различные политические институты. Все это превращает ЕС в изумительно созданную систему, не имеющую недостатков и не дающую сбоев. И, казалось бы, безоблачное мирное небо, принесенное европейцам

---

¹ Научный руководитель: доктор философских наук, профессор кафедры российской политики факультета политологии МГУ **Юрий Ивлонвич Шелистов**.

интеграцией, вечно, но и именно в этом «мирном доме» имеют место затяжные этнополитические конфликты.

Этнополитические конфликты являются камнем преткновения для многих стран ЕС. Это не зависит от благополучия, экономической развитости страны или ее политической стабильности. В качестве примера Испания взята неслучайно. Это государство одно из первых вошло в ЕС, экономически развито, политически стабильно и имеет хорошую репутацию на международной арене, но, несмотря на это, королевство занимает первое место в «черном списке» ЕС по конфликтным и чрезвычайным ситуациям.

Каталония и Страна Басков с незапамятных времен являются «проблемными» регионами. Причин можно назвать множество: это и особенности развития регионализма, и высокая сила этнического национализма, и кардинальное различие между экономическим развитием регионов.

Несомненно, идея о превосходстве басков над испанцами, а также уникальность их языка, провозглашенная Сабино Арано, еще более укрепила недостижимый статус превосходства басков над титульной нацией.

Формирование политики урегулирования этнополитических конфликтов зависит от множества факторов протекания самого конфликта. Различные государства, политические союзы и международные организации вкладывают в их урегулирование и предотвращение различные усилия и средства.

В Испании политический курс управления этнической ситуацией менялся достаточно часто. В ходе одной Гражданской войны (1931–1939гг.) положение басков менялось несколько раз. В 1931г. «Эускади» получила право широкого самоуправления: был создан парламент, правительство, выпуск региональных денег и даже паспортов.

В период существования республики произошла еще более значительная либерализация курса центрального правительства по отношению к этническим меньшинствам. В 1936 г. Страна Басков получила статус автономного района. Одним из главных пунктов расширения полномочий автономии было признание баскского языка единственным в своем роде и разрешения не только его изучения в учебных заведениях, но и преподавание в школах Басконии на родном языке. Страна Басков окончательно получила статус автономного района, во главе которой встала Баскская Националистическая партия.

Но набравшая обороты Гражданская война спутала все карты. Захвативший власть Франко, осознав к чему, может привести такого рода сепаратизм, лишил басков всех привилегий. Вместе с окончанием войны разрушились и надежды басков на получение независимости в ближайшее время.

Одной из главных ошибок Франко стало запрещение баскского языка и «испанизация» традиционного уклада жизни басков. Именно этот политический шаг стал основой для создания террористической организации ETA (Euzkadi Ta Azkatasuna — «Страна Басков и свобода»).

В эпоху диктатуры Ф. Франко к культурно-историческим и экономическим причинам добавились факторы политического характера¹. Сверхцентрализация власти, насильственное подавление культурно-исторических особенностей регионов, а также пренебрежение к основным гражданским свободам человека привели к тому, федеральный центр стал символом авторитаризма, а для всех национальных движений страны стало характерно сочетание национальных требований с общими задачами борьбы против режима.

Но, несмотря на долгие неудачи, за последнее десятилетие произошло подлинное возрождение баскской культуры и языка, Страна Басков получила достаточную автономию: к ней вернулись все права, теперь она сама устанавливает и собирает налоги, лишь небольшая их часть уходит в Мадрид².

На данный момент такой широкой автономии нет ни у одного народа в Европейском союзе из тех, что не имеют собственной государственности. Но даже при этих обстоятельствах для значительной части сепаратистов статус автономии, восстановленный демократическим правительством, оказался недостаточным, а борьба незаконченной.

Хотя в целом, данная форма автономии была одобрена большинством местного населения в ходе проведенного в 1979 г. референдума³. Несмотря на то, что за последние 20 лет под крылом ЭТА было создано более 13 политических партий, общественных и молодежных движений, на сегодняшний день, благодаря действиям правительства Испании, ЭТА теряет поддержку населения, считающего, что умеренные националисты добились политическими методами гораздо большего, чем боевики. В 2002г. власти запретили деятельность всех баскских партий, которые являлись политическим крылом ЭТА, что сильно подорвало финансовое благополучие ЭТА, которое в значительной степени базируется на рэкет с политической окраской⁴.

Недавно баскский парламент поддержал президента Страны Басков Хуана Хосе Ибарретче и проголосовал за наделение нынешней автономии статусом «свободно присоединившегося» к Испании государства.

Несмотря на негативную реакцию испанских властей, Ибарретче заявил, что референдум о новом статусе скоро пройдет вне зависимости от воли центрального правительства. Хотя план и не предусматривает выхода Страны басков из состава Испании, его реализация приближает испанскую автономию к независимости.

---

¹ *Хенкин С. М.* Метаморфозы политического развития Испании // Латинская Америка, 2005. — № 2.

² *Там же*

³ *Хенкин С. М.* Испания после диктатуры (социально-политические проблемы к демократии). М., 1993.

⁴ *Волкова Г. И.* Истоки и современные реальности баскского терроризма / Терроризм в современном мире: истоки, сущность, направления и угрозы. — М., 2003.

Представители умеренных политических кругов Страны Басков разработали ряд ненасильственных вариантов решения баскской проблемы, которые также способны привести к осложнению ситуации в регионе и дальнейшей эскалации конфликта между басками и официальным Мадридом¹. Одним из таких проектов является создание баскской автономии в рамках Евросоюза, подразумевающая расширение полномочий руководства Страны Басков в международно-политической сфере и интенсификацию трансграничных связей между испанской и французской частями Басконии, что самым серьезным образом воздействует на территориальную целостность Испании².

В этих условиях для сохранения территориальной целостности государства руководство Испании разработало и реализовало ряд мер, которые, несмотря на кажущуюся конструктивность, еще более подчеркивают глубину кризиса. Для устранения конфликтности в межэтнических отношениях испанская элита наращивает процессы децентрализации государства и предоставляет автономный статус национальным территориям. Такое государственное устройство не противоречит идее общегосударственной идентичности в условиях, когда государство обеспечивает (в том числе на законодательном уровне) свободное развитие специфических и этнокультурных характеристик, выступая гарантом автономного статуса национальных территорий в рамках единого политического пространства.

Ослабление партикуляристских настроений испанских басков и укрепление их гражданской идентичности обеспечиваются не только на правовом, но и на институциональном уровне. В Испании отсутствует механизм ведения многосторонних переговоров между центром и регионами по поводу разграничения полномочий.

Вместо него в этой стране разработан механизм двустороннего взаимодействия, где ведущими участниками переговоров выступают со стороны региона — представители правительства автономии, а со стороны Мадрида — министерство по делам общественных администраций, что позволяет в ходе диалога обсуждать конкретные вопросы экономического, политического или культурного развития, а также минимизировать воздействие националистических деклараций на общественное мнение, как в рамках национальных территорий, так и в Испании в целом. Поддержание гражданской идентичности басков осуществляется и на уровне ведущих политических партий страны.

На сегодняшний день возможность получения Страной Басков независимости уже не кажется столь призрачной, а действительно становится реальной в рамках нынешней объединенной Европы. Создание ЕС поставило под сомнение прежний суверенитет многонациональных государств над своей территорией. Поэтому национальные меньшинства Европы все более настойчиво требуют создания собственных государств в составе единого ЕС.

---

¹ *Альтерматт У.* Этнонационализм в Европе. М. 2004

² *Там же.*

Юрий Ивлонович Шелистов

Доктор философских наук, профессор кафедры российской политики факультета политологии Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова

Интеграционные процессы в Европе

Аннотация

Рассматривается история интеграционных процессов в Европе во второй половине XX века.

Ключевые слова: Европа, европейская интеграция, Европейский Союз, международные отношения.

Одним из первых практические шаги в направлении воплощения идеи европейской интеграции сделал после второй мировой войны У. Черчилль. В 1946 г. он предложил образовать федерацию Соединенных Штатов Европы, основу которой составлял бы союз Франции и Германии. В Лондоне Черчиллем была создана ассоциация «Объединенная Европа». В июле 1947 г. аналогичная ассоциация была учреждена во Франции, а в декабре 1947 г. упомянутые ассоциации объединились с бельгийской лигой «Европейского сотрудничества», Союзом европейских федералистов и Социалистическим движением за создание Соединенных Штатов Европы. Был организован международный координационный комитет сторонников движения «Объединенная Европа» во главе с Д. Сэндисом.

В мае 1948 г. в Гааге был созван Первый Европейский Конгресс, на котором были представлены многочисленные организации, выступавшие за объединение стран Западной Европы. В конце 1948 г. оформилось «Европейское движение».

Идею объединения Европы активно поддерживали Франция и Бельгия, в частности, такие политические лидеры, как генерал де Голль и бельгийский министр иностранных дел П.-А. Спаак. Однако большинство западно-европейских политиков считали, что дальнейшей политической интеграции должны предшествовать экономическое объединение, подъем уровня жизни европейцев.

Р. Шуман, министр иностранных дел Франции, еще в день капитуляции фашистской Германии обнародовал декларацию, в которой предложил учредить франко-германское объединение угля и стали, открытое для присоединения других европейских стран. В 1951 г. Договор о Европейском объединении угля и стали (ЕОУС) был подписан в Париже шестью государствами Германия, Франция, Италия, Бельгия, Нидерланды, Люксембург, подписав соглашение о создании ЕОУС, заложили основы Общего рынка.

ЕОУС объединил каменноугольную, железорудную и металлургическую промышленность Франции, ФРГ, Италии, Бельгии, Нидерландов и Люксембурга. Объединение провозгласило целью содействовать экономиче-

скому развитию стран-членов путём образования общего рынка для продукции угольной и металлургической промышленности.

В задачи ЕОУС входило обеспечение рационального распределения производства, высокой производительности труда в угольно-металлургической промышленности Западной Европы; содействие постоянному расширению производства и его модернизации; поддержание условий свободной и нормальной конкуренции в Общем рынке и др.

Создание общего рынка угля и стали осуществлялось постепенно в течение подготовительного и переходного периодов (1952–1957 гг.). В феврале 1953 г. введены в действие положения об общем рынке угля, железной руды, железного лома и отменены все пошлины и количественные ограничения в торговле этой продукцией. В мае 1953 г. открыт общий рынок для чугуна и стали, в августе 1954 — для специальных сталей. В мае 1956 г. начали действовать единые транспортные тарифы для перевозок угля и руды, а в мае 1957 г. — для перевозок железного лома и продукции металлургической промышленности. ЕОУС контролировал около 2/3 выплавки стали, 1/2 добычи каменного угля и железной руды в Западной Европе. Руководящие органы ЕОУС составляли Верховный орган и Консультативный комитет, Специальный совет министров, Ассамблея и Суд.

Нужно отметить, что определенную роль в инициации интеграционных процессов в Европе сыграли США, заинтересованные в закреплении своего влияния в Старом Свете в условиях стабильного политического порядка. Усилия США в значительной степени способствовали установлению евроатлантических институтов.

Был предложен план Маршалла, программа восстановления и развития Европы после 2-й мировой войны путём предоставления ей экономической помощи со стороны США. План был выдвинут государственным секретарём США Дж.К.Маршаллом 5 июня 1947 г. в выступлении в Гарвардском университете, поддержан Великобританией и Францией, предложившими на Парижском совещании министров иностранных дел США, Великобритании, Франции и СССР (июнь — июль 1947 г.) создать в Европе организацию или «руководящий комитет», который занимался бы выяснением ресурсов и нужд европейских стран и определял развитие главных отраслей промышленности. Согласие на участие в плане Маршалла дали 16 государств — Великобритания, Франция, Италия, Бельгия, Нидерланды, Люксембург, Швеция, Норвегия, Дания, Ирландия, Исландия, Португалия, Австрия, Швейцария, Греция, Турция. Эти страны заключили конвенцию о создании Организации (первоначально комитет) европейского экономического сотрудничества, которая должна была разработать совместную «программу восстановления Европы». План начал осуществляться с апреля 1948 г., когда в США вошёл в силу закон о четырехлетней программе «помощи иностранным государствам», предусматривавший предоставление помощи западноевропейским странам на основе двусторонних соглашений; соглашения были подписаны в 1948 г. со всеми вышеназванными странами (исключая Швейцарию).

По этим соглашениям страны-участницы плана Маршалла обязывались способствовать развитию свободного предпринимательства, поощрять частные американские инвестиции, сотрудничать в снижении таможенных тарифов, обеспечить финансовую стабильность, представлять регулярные отчёты об использовании получаемых средств. С апреля 1948 по декабрь 1951 г. из федерального бюджета США в виде безвозмездных субсидий и займов израсходовано около 17 млрд. долларов, основную долю (около 60%) получили Великобритания, Франция, Италия и ФРГ (двустороннее соглашение между США и ФРГ подписано в декабре 1949 г.).

Одна из целей усилий США и европейских стран после войны — вовлечение Германии в евро-атлантическую орбиту, интеграция германского потенциала в единое геополитическое, экономическое, военное и культурное консолидированное целое. Идеи единой Европы и постепенное превращение Европы в интегрированное целое с наднациональными институтами управления были составной частью новой глобальной стратегии США, чье политическое сознание стало отождествлять себя с Западом в целом.

Ю. Д. Ильин отмечает, что политическая интеграция Европы, несмотря на декларации, была начата на откровенно проамериканских позициях. Так, канцлер ФРГ Г. Шмидт в связи с требованием голлистов Франции добиться большей независимости Европы от США в международных делах сказал: «Моя страна всегда отдаст приоритет сотрудничеству с США, даже за счет европейского единства». Другие видные государственные деятели, особенно в Великобритании и Италии, занимали близкие позиции.

Успешная деятельность ЕОУС и логика экономической интеграции привели в 1957 г. к подписанию Римского договора (25 марта 1957 г.) об образовании Европейского экономического сообщества — ЕЭС. Первыми участниками ЕЭС стали Бельгия, Нидерланды, Люксембург, Италия, Франция, ФРГ.

Подписанные в 1957 г. два Римских договора — о создании ЕЭС и Европейского сообщества по атомной энергии (Евратом) — дали новый мощный импульс объединению Европы.

Продвижение к интеграции трех независимых европейских сообществ шло через образование высоко интегрированных рынков товаров, капиталов, рабочей силы, через сращивание их воспроизводственных процессов.

Встав на путь интеграции, европейские государства целенаправленно воплощали планы не только экономического, но и политического объединения. Определенную роль в последнем сыграл Совет Европы.

Совет Европы — старейшая политическая организация на континенте, действующая с 1949 г. Совет Европы включает практически все страны Европы и занимается преимущественно контролем за соблюдением прав человека и основными направлениями гуманитарного развития.

В 1949 г. принят Устав Совета Европы, в 1950 г. — Конвенция о защите прав человека и основных свобод. Названные два важнейших документа Совета Европы послужили базой для дальнейшей интеграции европейских го-

сударств. В статье 1 Устава Совета Европы определена цель этой региональной организации: «...осуществление более тесного союза между его членами для защиты и продвижения идеалов и принципов, являющихся их общим наследием».

Совет Европы также принял ряд конвенций, подтверждающих заложенные в Уставе Совета Европы цели интеграции народов Европы: в 1957 г. Европейское соглашение о режиме передвижения людей между государствами-членами Совета Европы, в 1959 г. Европейское соглашение об отмене виз для беженцев и в 1961 г. — Европейское соглашение о передвижении молодежи по коллективному паспорту.

За все время работы Совет Европы разработал и принял более 170 конвенций, что эквивалентно более чем 100 тыс. двусторонних договоров. Сегодня бюрократический аппарат СЕ составляют 1200 сотрудников, бюджет СЕ — 153 млн. евро.

Заслугой СЕ является отмена смертной казни, поддержание в политико-правовой сфере высоких идеалов европейского гуманизма, лежащих в основе идеи европейской интеграции.

К середине 1960 г. экономическая интеграция первоначальной европейской «шестерки» показала свою эффективность, принесла ощутимую пользу участникам.

С 1958 г. ЕЭС укрепляло свои позиции в Европе и в целом в мировом хозяйстве. После завершения формирования таможенного союза к 1 июля 1968 г. Сообщество стало для других стран Западной Европы пространством притяжения, несколько стран выразили желание присоединиться.

Первый этап (начало 1950-х — середина 1970 г.) функционирования ЕЭС связан преимущественно с экономической интеграцией, созданием соответствующих институтов, обеспечением места ЕЭС в международных экономических отношениях. На этом этапе ЕЭС не сразу получило признание в рамках самой Европы. Хотя страны-участницы делегировали свои полномочия в экономической сфере институтам ЕЭС, для адаптации к этому механизму требовалось время.

Неоднозначную позицию по отношению к Сообществу заняла Великобритания, которая отказалась стать одной из стран-учредителей Сообщества, посчитав, что сохранение полного экономического и политического суверенитета даст большие выгоды, чем членство в ЕЭС. Великобритания первоначально рассматривала ЕЭС как конкурента и создала под своей эгидой в 1961 г. во многом в противовес Сообществу Европейскую ассоциацию свободной Торговли (ЕАСТ), в которую помимо Великобритании вошли Австрия, Финляндия, Ирландия, Дания, Норвегия, Португалия, Швеция, Швейцария, Исландия, Мальта.

ЕАСТ была менее сильна экономически и более территориально разобщена, поэтому в ее рамках возникла лишь зона свободной торговли. Для всех стран-членов ЕАСТ торговля с другими партнерами по Ассоциации играла меньшую роль, чем со странами-членами ЕЭС.

Тенденция к взаимодействию ЕЭС с ЕАСТ наметилась в 1970 г. В 1977 г. была образована зона свободной торговли стран, входящих в ЕЭС и ЕАСТ. В 1991 г. было заключено соглашение о создании единого европейского экономического пространства (ЕЭП), в соответствии с которым члены ЕАСТ с 1993 г. включили в свои законодательные акты правовые аспекты ЕС в отношении свободного движения товаров, капитала, рабочей силы, услуг и политики в области конкуренции. Создание ЕЭП предусматривало создание общего рынка товаров, услуг, капиталов и рабочей силы, значительно расширило рамки действовавшего с 1977 г. соглашения между ЕЭС и ЕАСТ о свободной торговле промышленными товарами. Вследствие вступления в ЕС с 1 января 1995 г. трех стран-членов ЕАСТ (Австрии, Финляндии, Швеции) значение соглашения о ЕЭП несколько снизилось. Однако для оставшихся в ЕАСТ стран (Швейцарии, Норвегии, Исландии, Мальты) ЕЭП оставалось формой участия в западноевропейской интеграции.

Второй этап европейской интеграции охватывает период с конца 1970-х до начала 1990 гг.

В 1973 г. «шестерка» членов ЕЭС превратилась в «девятку» (Великобритания, Дания, Ирландия), в 1981 г. число их достигло десяти (Греция), в 1986 г. — двенадцати (Испания, Португалия), с 1995 г. — пятнадцати (Австрия, Швеция, Финляндия).

Государства вступали в ЕЭС на различных условиях. Лишь первое объединение шести государств (ФРГ, Франция, Италия, Бельгия, Нидерланды и Люксембург) в 1957 г. было равноправным. Вторая группа членов — Великобритания, Ирландия, Дания, Испания, Греция, Португалия — приняты в ЕЭС при определенных льготах, уступках со стороны стран ЕЭС.

Позднее практика льгот была продолжена. Швеции на начальном этапе присоединения к ЕС было разрешено не платить в течение двух лет взносы в бюджет ЕЭС, хотя из этого бюджета ей выделялись средства «на сбыт аграрной продукции». Финляндия добилась включения в зону неблагоприятного климата 85 % своей территории, что дает право на дотации ее сельскому хозяйству. Австрия добилась разрешения до 2001 г. не пропускать по своим альпийским дорогам грузовой транспорт других стран ЕС по экологическим причинам.

Норвегия в 1972 г. подписала договор о вступлении в ЕЭС, который в ходе народного референдума был отвергнут. На возобновившихся переговорах страной выдвигалось условие, чтобы в норвежской морской экономической зоне суда других государств ЕС не занимались рыбным промыслом при том, что Норвегия хотела оставить за собой право свободного доступа рыбопродуктов на рынки стран ЕС и рассчитывала на признание большей части своей территории «климатически неблагоприятной зоной».

Переговоры о присоединении кандидатов к ЕЭС (ЕС) были весьма сложными, продолжительными (в среднем шесть лет) и трудоемкими. В том случае, если кандидатами выступали высокоразвитые страны, близкие по уровню развития и хозяйственной структуре странам «шестерки», перегово-

ры проходили более легко. Сложными они были при вступлении менее развитых стран (Греция, Португалия, Испания). Данная проблема еще более остро встала на этапе расширения ЕС в 1990-е гг.

Рост числа государств-членов ЕЭС до 1990 гг. не менял экономическую систему сообщества. На повестке дня стоял лишь вопрос о политической интеграции, политико-правовых преобразованиях институтов ЕЭС в направлении создания определенной наднациональной западноевропейской организации.

Стремление лидеров государств Западной Европы к интеграции связано со стремлением объединить производительные силы отдельных государств, создать крупные региональные хозяйства. Однако эффективная экономическая интеграция состоялась уже на первом этапе, форсирование политического объединения в Европе объясняется экономической и политической конкуренцией со стороны США и Японии, политическим и военным давлением со стороны СССР. Имел место и фактор нарастания выступлений левых сил, объединенных идеей «еврокоммунизма». В таких условиях конечной целью экономического сотрудничества стран Западной Европы стало укрепление социальной структуры Европы и стабильности ее социальных и политических институтов.

Основная тенденция второго этапа западноевропейской интеграции состояла в стремлении расширить полномочия ЕЭС и параллельно, частично независимо от воли предводителей, в усилении роли и влияния Европейского Суда. Постепенное превращение Европейского Суда в суперарбитра в конфликтах между национальными правовыми порядками и правовым порядком ЕЭС было неизбежным в силу необходимости разрешать многочисленные правовые коллизии по согласованию международного и национальных правовых порядков.

По мнению Ю. Д. Ильина, правовой процесс создания государства, с которым возник и продолжает укрепляться ЕЭС — ЕС — явление уникальное, поскольку в политической истории государства возникали в основном силовым путем. Основу нового государственного образования составляют примерно двести правовых норм (в основном Римский договор 1957 г.), выступающие конституционными актами. Их разработка, ратификация в национальных парламентах, работоспособность и правоприменение требуют глубокой правовой культуры. Так, нормы Римского договора, обязательства их выполнения практически ничем не гарантированы, нет механизма принуждения. ЕС как субъект международных отношений и права невозможно привлечь к судебной ответственности. ЕС держится «на совместном интересе и воле к интеграции, на понимании того, что нужно именно так, а не иначе».

Таким образом, правовая культура западноевропейских стран — сложившаяся традиция, благодаря которой интеграция в рамках ЕЭС — ЕС стала возможной и исторически перспективной.

В декабре 1991 г. в Маастрихте лидеры двенадцати стран договорились перейти к новому этапу интеграции ЕЭС.

Если на предыдущих этапах расширения в Сообщество вступали страны с сложившимися рыночными экономикками, интегрированные в мировое хозяйство, имеющие опыт участия в западноевропейских институтах (членство в ЕАСТ), опыт игры по жестким законам открытой экономики, то «посткоммунистические» кандидаты на полное членство в ЕЭС принадлежали к категории стран с переходной экономикой, только формировали рыночные хозяйства. Значительным был разрыв по уровню экономического развития стран-членов ЕЭС и стран-кандидатов на вступление.

Если ранее от расширения Сообщества экономически выигрывали как члены ЕЭС, так и вступающие в него страны, то в 1990-е гг. сложилась принципиально иная ситуация. Среди главных факторов стали преобладать политические, на экономический выигрыш от расширения ЕЭС в ближайшем будущем могут рассчитывать лишь страны-новички.

До 1990 гг. расширение ЕЭС не вызывало необходимости коренного реформирования Сообщества (Союза): структуры ЕЭС относительно легко инкорпорировали новых членов. Кардинальные реформы были обусловлены необходимостью обеспечить постепенную сбалансированную интеграцию новых национальных хозяйств с более низкой конкурентоспособностью. Это диктовал и опыт предшествующих этапов расширения ЕЭС, на которых в Союз вступали менее развитые страны. Так, Испания стала полностью применять единый таможенный тариф ЕС (ЕЭС стало называться Европейским союзом (ЕС) 27 февраля 1992 г.) по промышленным товарам с 1993 г. — через семь лет после вступления в Союз.

Серьезные трудности и противоречия вызывала и вызывает проблема согласования бюджетной политики стран-членов ЕС. Так, в аграрной сфере необходимость постепенного уменьшения субсидирования производителей очевидна. Весной 1998 г. ЕС выступила с проектом реформирования аграрной политики, предусматривающим резкое уменьшение субсидирования, что значительно облегчило бы проблему включения новых членов Союза к аграрному режиму ЕС. Однако реформа была поддержана лишь Великобританией, Данией, Швецией и Нидерландами; Германия заняла двойственную позицию, остальные страны-члены ЕС выступили против.

Большие трудности сопряжены с регулированием рынка труда ЕС. Во многих странах ЕС доля безработных составляет 10–12%, что создает проблемы в финансировании фондов страхования по безработице.

Страны-кандидаты располагали большим резервом сравнительно низкооплачиваемой (средняя реальная заработная плата в 10–20 раз ниже, чем в ЕС) и при этом достаточно квалифицированной рабочей силы. Поэтому было предусмотрено установление ЕС с каждой из стран-претенденток договорных квот на допуск их рабочей силы на рынок ЕС. В случае вступления стран-кандидатов в ЕС их граждане получали равные права при найме на ра-

боту на всем пространстве ЕС с гражданами стран, ранее входивших в Союз. В связи с этим неизбежно возникали острые проблемы.

В 1990 г. расширение ЕС несло странам-членам больше проблем, чем выгод. Однако политически расширение ЕС вело к укреплению молодых демократий (аналогичная ситуация имела место с Грецией, Испанией, Португалией при их переходе от диктатуры к демократии), общей стабилизации положения на континенте. Страны-члены ЕС были заинтересованы в том, чтобы иметь вблизи своих границ страны со стабильными демократическими режимами, что делало особенно закономерной позицию Германии и Австрии, выступавших за расширение.

Таким образом, в начале 1990 г. решение ЕС об официальном признании 11 государств кандидатами первой (Венгрия, Польша, Чехия, Словения, Эстония, Кипр) и второй (Латвия, Литва, Словакия, Румыния и Болгария) очереди было принято преимущественно по политическим причинам, хотя и учитывало далекие экономические и геоэкономические перспективы создания единой Европы.

В июне 1993 г. Еврокомиссия выработала и приняла жесткие требования к кандидатам, которые можно сгруппировать в три основные категории:

Политические критерии: институциональная стабильность, гарантирующая существование демократического и правового государственного строя при соблюдении фундаментальных прав человека и защиты национальных меньшинств.

Экономические критерии: нормально функционирующая рыночная экономика, способность страны выдерживать жесткую конкуренцию внутри Европейского союза.

Имущественные критерии: способность национального правительства брать на себя обязательства, вытекающие из членства в Евросоюзе и усвоить цели политического, экономического и валютного объединения, требующего значительных материально-финансовых затрат.

В начале 1990 г. страны ЕЭС достигли впечатляющих результатов в социально-экономическом и политическом развитии и вплотную подошли к той черте, за которой уже отчетливо вырисовывались контуры единой Европы без границ, с единой валютно-финансовой системой, единым парламентом и единым правительством. В конце 1990 г. на долю ЕС приходилось примерно 20% мирового ВВП и более 40% мировой торговли, бюджет ЕС превысил 100 млрд. долл. и имеет устойчивую тенденцию к росту.

Параллельно совершенствовалась система налогообложения, уточнялись таможенные правила и тарифы, формировалось единое валютное пространство ЕЭС. К началу 1990 г. в Европе была в целом создана единая валютная единица (ЭКЮ с 1975 г.), единая валютная система расчетов (с 1979 г.), единые таможенные правила (с середины 1980 г.).

Возникла необходимая база для перехода к третьему этапу интеграции — экономическому и валютному союзу. Официально его создание началось 1 июля 1990 г., когда вступил в силу Единый европейский акт (принят в

1987 г.), который регламентировал упразднение границ, таможенного контроля, устанавливал свободное перемещение рабочей силы, капиталов, услуг, унифицировал национальные стандарты, налоговые системы, национальное законодательство.

С этого момента европейская интеграция прошла три основные стадии развития.

Первая стадия (1 июля 1990 г. — 31 декабря 1993 г.). Интенсивная подготовка Договора о Европейском союзе, который одобрен в декабре 1991 г. и подписан в Маастрихте 27 февраля 1992 г. ЕЭС стало называться Европейским союзом, внутри сообщества окончательно устранены ограничения на свободное передвижение финансовых ресурсов. Установлены серьезные барьеры на границах стран ЕС с другими государствами. Специальными программами унифицированы основные показатели социально-экономического развития стран ЕС (бюджеты, торговые дефициты, уровень инфляции, государственные долги и т.д.).

Вторая стадия (1 января 1994 г. — 31 декабря 1998 г.). Учрежден Европейский валютный институт (ЕВИ), занявшийся проработкой правовых, организационных и материально-технических мер для создания на его основе Европейского центрального банка (ЕЦБ). ЕВИ координировал денежно-кредитную политику участников союза. Одновременно принимались радикальные меры по стабилизации экономического курса всех стран. Так, например, национальным центральным банкам запрещалось финансировать госсектор, приобретать долги государства, был отменен привилегированный доступ госсектора к финансовым ресурсам своей страны и т.д.

Третья стадия (с 1 января 1999 г.). Ввод единой валюты, начало действия Европейской системы центральных банков, с помощью которой с 1 января 2002 г. осуществляется выпуск наличных банкнот и монет евро и их распространение в странах ЕС в качестве единственного платежного средства. Резко ужесточен контроль за исполнением национальных бюджетов, гарантируется независимость центральных банков от своего правительства. Происходит окончательное формирование центральных управленческих структур ЕС, которые призваны управлять организацией как единым супергосударством.

С 1979 г. в рамках ЕС работает Европарламент, состоящий из 626 депутатов, которые избираются странами-членами прямым тайным голосованием. Европарламент контролирует Европейскую комиссию (правительство), принимает законодательные решения по его функционированию. С начала 1970 гг. существует Европейский совет, куда входят главы государств и правительств ЕС. Они собираются два раза в год, не имеют в ЕС юридических полномочий и вырабатывают общие рекомендации по развитию сообщества.

Кроме вышеназванных органов власти в ЕС существует Совет министров (с 1965 г.), формирующийся из ключевых министров стран-участниц и вырабатывающий конкретные планы социально-экономического и общественно-политического развития. В паре с ним работает Комитет постоянных

представителей, возглавляемый поочередно представителем одной из стран-участниц.

Самым важным рабочим органом ЕС является Европейская комиссия (ЕК) (1965 г.), называемая также европейским правительством. Обладая независимым статусом, ЕК формируется по определенным квотам для каждого государства на четыре года и несет основную ответственность за текущую социально-экономическую деятельность ЕС.

Высшей судебной инстанцией Евросоюза является Европейский суд, который рассматривает ходатайства стран-участниц по всем делам, которые так или иначе касаются юрисдикции ЕС. Все вердикты Евросуда окончательны и обжалованию не подлежат. Национальные власти ЕС исполняют их в обязательном порядке.

В ЕС действуют также другие органы власти, компетенция которых ограничена соответствующими сферами деятельности (Контрольно-ревизионная (аудиторская) палата, Экономический и социальный совет, Евратом, Консультативный совет Европейского объединения угля и стали, Европейский инвестиционный банк, Европейский социальный фонд, Европейский фонд ориентации и гарантирования сельского хозяйства, Европейский региональный фонд, множество других экономических, торговых и финансовых организаций, включающих свыше 10 тыс. сотрудников).

Основные принципы политической и экономической жизни стран Евросоюза заложены в Парижской хартии для новой Европы, принятой главами государств и правительств ЕС 21 ноября 1990 г. В документе зафиксированы основные направления экономического и гуманитарного развития Европы в последнем десятилетии XX века, в том числе укрепление прав человека, верховенство закона, экономическая свобода и ответственность, дружественные отношения между странами-участницами, проблемы иммиграции и окружающей среды и человеческое измерение национальной политики. Особая роль при этом отводится Совещанию по безопасности и сотрудничеству в Европе (СБСЕ) как главному органу, занимающемуся проблемами европейской безопасности.

С 1 января 1995 г. СБСЕ, образованное в 1975 г. в рамках Заключительного акта в Хельсинки, преобразовано в Организацию по безопасности и сотрудничеству в Европе (ОБСЕ). Главы государств и правительств ОБСЕ собираются каждые два года для выработки важнейших решений по проблемам безопасности, в перерывах между встречами работой организации руководит Совет министров ОБСЕ и Парламентская ассамблея ОБСЕ.

Первая встреча ОБСЕ на высшем уровне была проведена в ноябре 1990 г. в Париже, где была принята Парижская хартия для новой Европы. На пятом саммите в Стамбуле в ноябре 1999 г. участники ОБСЕ приняли «Хартию европейской безопасности», подписали Договор об обычных вооруженных силах в Европе, одобрили Стамбульскую декларацию.

Образование новых органов власти в Евросоюзе повышало эффективность принимаемых им решений и ускорило процесс интеграции стран ЕС в

единое сообщество. Одновременно повышалась степень воздействия управленческих импульсов ЕС на принятие государственных решений в отдельно взятых странах.

Логика экономической интеграции подчинялась задаче создания Единого внутреннего рынка.

Основные направления работы по созданию Единого внутреннего рынка включали следующие меры.

1. Устранение таможенных барьеров. После отмены таможенных сборов на границах между государствами-членами ЕС единственным препятствием на пути движения товаров осталась необходимость заполнения таможенных документов. Этот трудоемкий процесс был облегчен 1 января 1988 г., когда ввели так называемый Единый административный документ, заменивший существовавшие до этого 150 различных национальных формуляров. Начиная с 1 января 1993 г. и эта процедура была отменена. После этого не осталось препятствий, которые заставляли бы делать остановки на границах между государствами-членами ЕС при перевозке грузов, что дало возможность окончательно упразднить внутренние таможенные границы на всей территории ЕС.

2. Устранение технических барьеров. Одним из главных препятствий на пути сбыта товаров и услуг в условиях таможенного союза было существование различных национальных технических стандартов. Они вынуждали производителей вносить модификации в свою продукцию для их сбыта в других странах ЕС, что, естественно, заметно увеличивало издержки производства. Учитывая, что стандарты существенно расходились между собой, их одновременная замена на единообразные нормы, которые действовали бы на всей территории ЕС, была невозможна. Поэтому Европейское сообщество приступило к решению проблемы двумя путями: 1) путем взаимного признания стандартов при условии соблюдения некоторых основополагающих норм; 2) путем прогрессирующего сближения национальных стандартов на базе одобренных Сообществом единых требований в области безопасности и охраны здоровья. Был введен знак «СЕ», наличие которого на товарах означало, что они отвечают основным стандартам и могут свободно продаваться на всей территории ЕС.

3. Устранение фискальных барьеров. Различия уровней косвенного налогообложения, в первую очередь НДС, были существенным препятствием в свободном передвижении товаров через границы внутри ЕС. В этой области в связи со значительными различиями национальных режимов в качестве основного метода решения проблемы было избрано сближение, а не замена существующих национальных налогов единообразным европейским налогом. Особенно трудным оказалось сближение уровней НДС — процесс затянулся вплоть до настоящего времени. Несколько легче оказалось гармонизировать уровни акцизных сборов: в рамках Единого внутреннего рынка они взимаются на последнем этапе реализации товара, на уровне розничной торговли, когда товар поступает к конечному потребителю. Унификация акциз-

ных сборов сделала бессмысленным существование так называемой беспошлинной торговли при перемещении граждан из одной страны ЕС в другую. Поэтому эта система была упразднена в 1999 г., возможность приобретения беспошлинных товаров сохранилась лишь при перемещении пассажиров между странами ЕС и третьими странами.

4. Право работать в других государствах-членах ЕС. Граждане государств-членов ЕС получили право искать и устраиваться на работу по найму в любом другом государстве-члене ЕС и пользоваться теми же правами в области оплаты труда, условий работы и профсоюзных прав, что и граждане принимающего государства.

5. Право обосновываться в других государствах-членах ЕС. Лица свободных профессий получили право свободно обосновываться в любом другом государстве-члене ЕС. Документы об образовании и профессиональной квалификации, полученные в одной стране ЕС, должны были автоматически признаваться в любой другой стране ЕС.

6. Открытие финансовых рынков и обеспечение свободного движения капиталов.

7. Открытие рынков государственных закупок.

В ходе осуществления «Проекта 92» по предложению Европейской комиссии были приняты программы гармонизации национального законодательства в таких областях, как социальное обеспечение, порядок выдачи видов на жительство, взаимного признания дипломов об образовании, условий труда, требований к охране здоровья и безопасности труда. Огромное значение имело принятие Социальной хартии, а позднее — включение основных ее положений в текст основополагающих договоров.

Создание Единого внутреннего рынка должно было дать ощутимые экономические выгоды. В так называемом докладе Чеккини, подготовленном по заказу Европейской комиссии и опубликованном в 1988 г., прогнозировались следующие результаты:

- Рост ВВП на 4,5% (порядка 200 млрд. экю).
- Увеличение числа рабочих мест в пределах от 1,8 до 5 млн. (согласно подсчетам экспертов, неизбежное исчезновение рабочих мест должно быть с лихвой перекрыто возникновением новых).
- Снижение цен (в пределах от 4,5 до 6,1%).
- Улучшение торгового баланса на 1%.
- Предоставление потребителям возможности более широкого выбора товаров по более низким ценам.

Доклад не учитывал вероятного эффекта глобализации и усиления конкуренции на мировых рынках, циклических колебаний и неравномерного распределения выгод от введения ЕВР между отдельными государствами, регионами и отраслями. Тем не менее, оценивая непосредственный выигрыш от «Проекта 92», Европейская комиссия приводила в 1993 г. следующие факты: упразднено 70 млн. таможенных документов; издержки международных перевозок снизились на 3%; число слияний и поглощений внутри ЕС за

период с 1986 по 1992 г. утроилось; число европейских фирм, участвовавших в слияниях и поглощениях за пределами ЕС, выросло в два раза; торговля в секторах, ранее защищенных от конкуренции, увеличилась вдвое; инвестиции выросли на одну треть в период с 1985 по 1990 г.; в 1986–1990 гг. создано 9 млн. новых рабочих мест; темпы экономического роста увеличились на 0,5 процентного пункта в год.

Тем не менее преимущества от создания Единого внутреннего рынка оказались недостаточными для того, чтобы преодолеть негативное воздействие внешних экономических факторов. 1990-е гг. стали периодом продолжительного экономического спада и снижения конкурентоспособности ЕС на мировых рынках. Однако количественные экономические показатели не отражают исторического значения создания Единого внутреннего рынка.

Был завершён переход от таможенного союза, подкреплённого общим законодательством, общими институтами и общей политикой, к общему рынку. Тем самым были полностью достигнуты цели, поставленные Римским договором в 1957 г. Создан самый крупный рынок в мире, на 40 % превышающий величину американского рынка и втрое — величину японского рынка. Пока он остается еще недостаточно однородным, но перелом уже достигнут, и последующее развитие будет идти в одном направлении — консолидации и укрепления Единого внутреннего рынка.

Начало третьей стадии последнего этапа расширения ЕС совпало с приходом нового европейского правительства в апреле 1999 г. во главе с Р. Проди. Смена власти происходила в условиях громких скандалов по поводу расточительства и коррупции предыдущего правительства Ж. Сантера. С целью предотвращения подобных случаев в будущем руководство ЕС расширило полномочия европравительства по решению стоящих перед Евросоюзом задач и одновременно усилило контроль над расходованием бюджетных средств.

О характере стоявших перед странами Евросоюза в 2000 г. проблем можно судить по итогам Лиссабонского чрезвычайного саммита (март 2000 г.), на котором 15 представителей ЕС во главе с председателем «европейского правительства» Проди обсуждали вопросы занятости, экономического и социального развития, технологического прогресса и др. Была поставлена задача в кратчайшие сроки преодолеть технологическое и информационное отставание ЕС от США, решить проблему безработицы (более 20 млн. человек) и бедности (30% населения ЕС) («Лиссабонская стратегия»).

Саммит глав государств и правительств в Ницце (Франция) 7–11 декабря 2000 г. стал самым продолжительным и самым напряженным за всю историю ЕС. По предложению Франции, которая председательствовала в ЕС последние полгода, участники обсудили план реформирования органов управления ЕС и ограничения права вето при принятии важнейших решений в рамках ЕС. До этого президент Франции Ж. Ширак совершил турне по всем странам ЕС, где пытался убедить их в целесообразности предлагаемых им реформ. Однако полного согласия от них так и не добился. Его предло-

жения были связаны прежде всего с тем, что после вступления в ЕС новых членов принятие решений могло стать серьезной проблемой, подрывающей преимущества старых членов ЕС. Руководители ЕС подтвердили свое прежнее решение принять в организацию десять государств Восточной Европы в два этапа, но о конкретных сроках расширения Евросоюза предпочли не высказываться.

Дискуссия вокруг институциональных реформ в ЕС как предпосылки его расширения вновь обострила внимание к вопросу о конечной цели развития Союза и его будущей конституции. Неизбежный переход к принципу принятия решений большинством голосов предполагает безусловное принятие всеми членами Хартии основных прав и внедрение более строгого контроля за деятельностью ЕС со стороны Европарламента, представляющего интересы всех граждан ЕС на основе всеобщих, тайных и равных выборов.

Принятая по итогам саммита Хартия основополагающих прав гражданина Европы декларирует помимо традиционных прав человека гарантии социальной обеспеченности и равных возможностей для всех жителей европейского континента.

В 1990-е гг. страны Евросоюза продолжали развивать многосторонние связи со своими традиционными партнерами в регионах Балтии, Средиземноморья, Ближнего Востока и Северной Африки. Однако появились и новые тенденции во внешнеэкономической деятельности ЕС. Создана новая региональная организация под названием АСЕМ («Азиатско-европейская встреча») для координации регулярных торгово-экономических связей между странами ЕС и быстро развивающимся регионом Восточной Азии.

В октябре 2000 г. в Сеуле под лозунгом «Партнерство Азии и Европы для процветания и стабильности в новом тысячелетии» прошла третья встреча глав государств и правительств АСЕМ. Одобрены 16 новых инициатив в сфере торгово-экономических отношений, включая отмену таможенных барьеров между двумя регионами к 2025 г. Во всех названных встречах не принимала участия Россия, которая является связующим географическим звеном между Востоком и Западом и может извлечь огромные преимущества из своего географического и геополитического положения. На рубеже веков Россия получала от транзитных перевозок с Дальнего Востока в Европу лишь 1 млрд. долл., тогда как в советский период доходы от них превышали 15 млрд. долл.

Полувековая история европейской интеграции привела к формированию единого экономического и политического пространства, управляемого демократически формируемыми институтами, которые, в свою очередь, руководствуются высокими идеалами социального развития, заданными европейскими гуманистами. Процесс европейской интеграции обладает значительной позитивной исторической инерцией, которую формируют постоянные совокупные интеллектуальные, организационные, политические усилия европейцев, воплощающих европейскую идею и преследующих вместе с тем очевидные выгоды от формирования единого внутреннего рынка.

Единый внутренний рынок — фундамент всего здания западноевропейской интеграции, итог последовательного восхождения ЕС от простых к более сложным формам экономической интеграции на протяжении последних 50 лет.

ЕВР представляет собой экономическое пространство, внутри которого не существует внутренних границ и в полной мере действуют «четыре свободы» — свобода движения товаров, свобода движения услуг, свобода движения капиталов и свобода движения физических лиц (рабочей силы).

Единый внутренний рынок — экономическая, юридическая, социальная и политическая конструкция, которая поддерживается всей мощью общего законодательства, общих институтов и общей политики ЕС. Европейские государства, желающие присоединиться к Единому внутреннему рынку, должны в первую очередь в полном объеме освоить *acquis communautaire* (совокупность законодательных норм и административных правил Сообщества).

Создание Единого внутреннего рынка началось с отмены национальных внешнеторговых и валютных ограничений, создававших препятствия для обмена товарами и услугами между государствами-членами. Наиболее существенное значение имела отмена таможенных пошлин и соответствовавших им импортных и экспортных пошлин; сборов, имеющих эквивалентный эффект; количественных ограничений. В дальнейшем шел последовательный процесс отмены нетарифных ограничений, связанных с уровнем и структурой косвенного налогообложения, техническими стандартами, международно-правовыми обязательствами вновь присоединившихся государств, порядком государственных закупок, национальными административными правилами. Целый комплекс мер был принят и принимается в рамках торговой, сельскохозяйственной политик, политики в области конкуренции, денежно-кредитной и валютной политик.

Важнейшей в этом ряду является транспортная политика ЕС, наиболее зримо воплощающая идею создания единого европейского пространства.

Социология и психология политики

Анджей Димитр де Лазари (Andrzej Dymitr de Lazari)

Доктор наук (doktor habilitowany), профессор (profesor), заведующий кафедрой Центральной и Восточной Европы Института международных исследований Лодзинского университета (kierownik Katedry Europy Środkowej i Wschodniej Instytutu Stosunków Międzynarodowych Uniwersytetu Łódzkiego), Лодзь (Łódź), Республика Польша (Rzeczpospolita Polska).

Польская и русская душа — взаимное восприятие

Я не понимаю, но не понимать не значит отрицать.

А. П. Чехов. *Попрыгунья*

Понимать друг друга?

Как это сложно, хорошо знают все супруги, родители и дети. И, несмотря на то, что они часто друг друга не понимают, это не мешает им воспринимать друг друга положительно (это ведь *мой* сын; это ведь *моя* мама).

Если так сложно понимать друг друга в семье, еще сложнее в пространстве вне семьи, вне культуры, в которой «Я» и «Ты», вступающие в диалог, выросли. Каждое «Я» «программируется» генетикой, но также культурой — сначала семейной, потом школьной, «общественной» среды, в которой вращается, книг, которые читает (или не читает), телевидения, которое смотрит (или не смотрит) и т. д. По-разному «запрограммированы» сибирский мужик, московский жулик, «новый русский» и профессор X, присутствующий здесь на конференции; еще по-другому — польский мужик, варшавский жулик, краковский бизнесмен и лично я. И если мы сядем все вместе за одним столом, диалога все равно не получится. Но я уверен, что получится диалог польского и русского мужиков, московского и варшавского жуликов, «нового русского» и краковского бизнесмена, а также профессора X со мной. Доказательство последнему — наша конференция. Поэтому я не могу согласиться с Виктором Ерофеевым (*Будь я поляком*, 1995), что между нами (поляками и русскими) «нет общего дискурса», хотя одновременно соглашаюсь с ним, что наша «система понятийности разнится кардинально».

Ерофеев пишет: «Возьмем идеальную пару. Поляк ведет диалог на картезианском уровне логических категорий, чувствительно относясь к проблеме противоречия, с отчетливым представлением о своих интересах. Русский рассуждает на основе общей витальности, интегрирующей противоречие как элемент «живой жизни», снимающей вообще вопрос об интересах во имя надмирного смысла. Польская точка зрения русскому кажется узкой и неприятно прагматичной. Соответственно русская точка зрения оказывается для польского сознания неряшливо-расплывчатой и подозрительно «тотальной». Речь идет о двух разных типах культуры и цивилизации, которые тем более взаимоотноучужденны, что находятся по соседству».

Это действительно так, но из этого ни в коем случае не следует: «Будь я поляком, я бы все русское ненавидел и презирал до бесконечности», — как издевается Виктор Ерофеев. Мы, присутствующие здесь, доказательство, что не получается (а я то ведь, вдобавок, играю на балалайке). Разница в культурной «запрограммированности», разница культур/цивилизаций сегодня все чаще ведет к заинтересованности друг другом, а не к ненависти. Можно даже не понимать, но положительно воспринимать. Это дань либерализму. Пример — проходивший неделю назад в Лодзи *Фестиваль диалога четырех культур*, благодаря которым Лодзь выросла в XIX веке: немецкой, еврейской, русской и польской.

Ерофеев повторяет по-своему слова из *Рокового вопроса* (1863) Николая Страхова: «Понятно, что поляки должны смотреть на нас с высокомерием; понятно, что под влиянием враждебных отношений их высокомерие должно усилиться тысячекратно, дойти до последней возможной границы». В XIX веке это было «понятно», но не сегодня.

Доказали ведь поляки на лодзинском *Фестивале диалога четырех культур*, что Страхов с Ерофеевым не правы. Из России на фестиваль не пригласили, к сожалению, ни одного балалаечника, но пригласили Виктора Луферова с концертом "Баллады и окрестности", Балет Бориса Эйфмана («Русский Гамлет»), Малый драматический театр из Петербурга («Клаустрофобия» по мотивам творчества Владимира Сорокина, Венедикта Ерофеева, Людмилы Улицкой, Марка Харитонов), Хор Московского Патриархата, джазовые группы Романа Сталяра, «Второе приближение» Андрея Разина, квартет Олега Киреева и группу ТАТУ. Выступил, конечно, и Алеша Авдеев со своим *Кабаре*, но он уже русский поляк, русскость которого полякам давно нравится. И я уверен, что никто из этих артистов не почувствовал не только ненависти и высокомерия слушателей и зрителей — они восприняли друг друга положительно, даже если вдруг друг друга не поняли. Балету Бориса Эйфмана зрители аплодировали стоя 20 минут.

И все-таки я разделяю мнение Виктора Ерофеева, что наша «система понятийности разнится кардинально». Попробую это доказать на примере двух понятий — «русский» и «российский», с которыми даже такой поляк-балалаечник, как я, не справляется. И даже рад этому, а то скучно ведь все понимать.

Российский — русский

Поляки более или менее успешно отличали советское от русского, теперь же у нас трудности с правильным употреблением определений «русский» и «российский» на польском языке. Впрочем, трудности возникли и у самих россиян.

Некогда существовало себе советское государство, а в нем среди прочих жили русские — с русской культурой, языком и т. п. (не было у них разве что собственной русской компартии). Были советские конституции и институты, был даже советский народ и советский человек. Правда, появлялись неперево-димые на другой язык обороты типа «многонациональное общенародное

государство советского народа», были у нас сложности с переводом почетного звания «народный артист Советского Союза» («narodowy» пах нацизмом/коммунизмом, «ludowy» — фольклором; Шостакович — «ludowy артист» звучало абсурдно), однако отличать советское от русского не доставляло серьезных языковых неприятностей. Теперь мы растерялись и не в состоянии найти польские эквиваленты, которые различали бы понятия «русский» и «российский».

На первый взгляд, все как будто просто: Россия — многонациональное государство, и слово «российский» определяет эту многонациональную государственность (россиянин — это любой гражданин Российской Федерации, независимо от его национальности). Слово же «русский» определяет принадлежность к культуре собственно русской. Русский вместе с чукчей, евреем и поляком, если они граждане Российской Федерации, суть россияне. Государство — российское, язык, разумеется, — русский.

Наверняка мы бы справились с этой сложностью и на польском языке, возродив для современности и подняв в их стилистическом статусе слова «Русь», «ruski», а может быть, и «rusek». Государство по-польски было бы «rosyjskie», язык «ruski» (украинский и белорусский по соображениям политкорректности не были бы «ruskimi» языками), вареникам, которые по-польски называются «pierogi ruskie», имя можно было бы не менять. Это было бы возможно — если бы россияне (то есть — граждане Российской Федерации) сами справлялись с нарицанием имен.

Размытая русскость

Церковь — русская, однако епископы — российские; общество — российское; российские также католики и инженеры, но мафия и эмиграция — русская; российские — Академия искусств, Фонд культуры, энциклопедия. Даже основанная в Китае 18 июня 1700 г. православная Миссия оказывается российской, хотя Александр Солженицын, выступая в защиту русскости против размытой российскости, пишет, что русско-российская проблема возникла еще в 1909 г. среди либеральной интеллигенции, теряющей русскую самобытность во имя российской многонациональности («Россия в обвале»).

Однако поистине неразрешимая сложность возникает тогда, когда русские-россияне начинают говорить о народе. Так, Александр Зиновьев (автор известного «Гомо советикуса») в одном из интервью сказал, что народы, как и люди, рождаются, созревают, деградируют и умирают, что это аксиома и что «российский народ» находится ныне в стадии деградации, близкой к смерти. У логика Зиновьева мышление несомненно точное, однако он не уточняет, когда же возник российский народ. До сих пор мы много знали о народе русском и кое-что о советском. Российский народ фактически возник на месте народа советского. Значит, он находится в весьма юном возрасте — и уже успел выродиться? Это невозможно: ведь только в 1990 г. создан первый симфонический Российский национальный оркестр. Он пользуется небывалым успехом в мире и даже не думает умирать. Другое дело — в каком смысле он национальный, если российский, а не русский? Государственный,

национализированный? Конечно, так. Но с другой стороны, многие университеты — российские и государственные: значит, «российский» и «государственный» — не одно и то же.

Еще более запутанным примером может быть заголовок на страницах www.polit.ru: «Российский народ — не дикое племя: советские художники спасают Святую Русь от католиков». Заголовок издевательский: редакция пошлась над группой художников, которые выступили с протестом против «вторжения католицизма» в Россию. Довод протестующих: если «российский народ — не дикое племя», то уже само присутствие католиков в России унижает ее культуру. Выше я легкомысленно написал, что россиянином является любой гражданин России, а тут оказывается, что любой — но при условии, что он православный. Ибо что же это за народ, если он не объединяется религией?

Граждане с разных сторон

Чем же является российский народ?

Конституция Российской Федерации начинается словами: «Мы — многонациональный народ Российской Федерации»; по-английски: «We, the multinational people of the Russian Federation»; по-немецки: «Wir, das multinationale Volk der Rußländischen Föderation»; по-французски: «Nous, peuple multinational de la Fédération de Russie». А как же сказать это по-польски? «Мы — wielonarodowy lud/naród»?

В конституции Польской Республики дело выглядит прозрачнее: «Мы, польский народ, — все граждане Речи Посполитой». То же самое подразумевается в конституции многонациональных Соединенных Штатов: «We the People of the United States»; в индийской конституции: «We, the People of India»; в японской: «We, the Japanese people» и т. д. Зачем россиянам «multinational people»? Народ — важнейшая для россиян категория: чтобы государство не разлетелось, в нем должен существовать единый народ — российский. Я это понимаю, но перевести на польский не умею.

Вернемся, однако, к музыке. Кроме Российского национального оркестра (напомню, что он симфонический), в России играют, среди прочих, русские народные оркестры: Русский государственный концертный народный оркестр «Виртуозы Кубани» и мой любимый Национальный академический оркестр народных инструментов России им. Н. П. Осипова. Еще недавно этот оркестр именовался «Государственный академический русский народный оркестр». В «Стране Советов» создавалось единое государство = единый народ, что отразилось, среди прочего, в единстве государственности, академичности, русскости и народности. После распада СССР кто-то заметил неловкость в названии известнейшего балалаечно-домрового оркестра и название изменил — на не менее странное (на Западе оркестр этот выступает просто как Osipov Orchestra, чтобы кто-нибудь не увяз во всех этих прилагательных).

Надменные великороссы

Гораздо удачнее сменил название Алтайский государственный оркестр русских народных инструментов «Сибирь» — на «Алтайский государственный великорусский оркестр». И так держать! Василий Андреев, создавая в конце XIX века первый балалаечно-домровый оркестр, назвал его Великорусским оркестром — и в голову ему не пришла какая бы то ни было «народность»: он думал только о русскости, точнее — великорусскости (есть ведь еще малороссийскость и белорусскость).

Чтобы исчерпать музыкальную тему, вспомню еще, что в Курске с 1989 г. играет Христианский оркестр русских народных инструментов «Гармония», — не могу, однако, сказать, в чем состоит его христианскость (может быть, туда не берут атеистов, а вместе с православными играют там католики и протестанты, ибо в названии содержится экуменическая аллюзия?).

Как же нам, полякам, справиться в политике и в жизни с понятиями «русский» и «российский»? Оставляю эту проблему польским языковедам, поскольку сам только играю на балалайке.

«Видение» Виктора Ерофеева:

«Я шел по дороге. Иногда меня охватывало отчаяние. Васильки. По большому счету, я сам — это мы. „Мы” и есть русская душа. Я тоже склонен к бесчестию. Встреча с Серым. Наконец мы с ним встретились. Я — и Серый». (*Энциклопедия русской души. Роман с энциклопедией*, 2000)

Итак, возвращаемся к нашим баранам — к нашим душам.

Есть ли у меня душа — не знаю. Есть ли душа у Виктора Ерофеева — тем более не знаю. Зато я убежден, что нет ни польской, ни русской, ни души всякого другого народа, так как «народ», как я попробовал опосредованно доказать выше, лишь очень условное понятие, а у понятия не может быть души. Те, кто верит в существование народных/национальных душ, до сих пор не выросли из романтизма. Вместо души существует культура, в которой мы вырастаем и которая «программирует» наши суждения и наше поведение. Вырастая в культуре либеральной, мы имеем гораздо больше шансов стать либералом, в националистической — националистом, в верующей среде — верующим, а в атеистической — атеистом.

Люди из разных культур не обязательно должны друг друга понимать, лишь бы они дружелюбно друг друга воспринимали. Ведь так, например, большинство поляков воспринимает японцев. Не понимаешь, но интересно и красиво. Так же все чаще поляки воспринимают русских (как культуру). Не напрасно ведь они решили во время социологического опроса, что самым выдающимся шедевром мировой литературы является «*Мастер и Маргарита*» Булгакова; не случайно всегда толпы на концертах русских православных хоров и на выставках русских икон.

Поэтому в заключение я повторю слова Дымова из Чеховской «*Попрыгуньи*»: «*Я не понимаю, но не понимать не значит отрицать*». Это хороший эпиграф к методологии исследований чуждых друг другу культур, исследований, которые должны же ведь вести нас к пониманию.

Алёна Владимировна Затонских

Студентка кафедры социологии и психологии политики факультета политологии Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова¹

Образы прошлого и настоящего России в массовом сознании

Аннотация

Сегодня изучение образа страны в рамках массового сознания является крайне интересной научно-исследовательской задачей. Образ России, складывающийся у граждан, представляет собой, как и любой психологический образ, «отражение реальных характеристик объекта восприятия», т. е. самой России. Рассмотрение темпорального аспекта образа позволяет понять, каким образом сосуществуют образы прошлого и настоящего России в сознании её граждан. Изучение взаимного соотношения различных темпоральных слоёв образа так же позволяет более целостно и системно проанализировать существующий сейчас в массовом сознании образ России и понять, каково влияние прошлого, воспринимаемого тем или иным образом, на современную картину мира наших граждан.

Ключевые слова: восприятие, образ страны, массовое сознание, темпоральность.

Сегодня изучение образа страны в рамках массового сознания является крайне интересной научно-исследовательской задачей. Образ России, складывающийся у граждан, представляет собой, как и любой психологический образ, «отражение реальных характеристик объекта восприятия», т.е. самой России. А так же «проекцию ожиданий субъекта восприятия — т.е. граждан»². Растущая неопределённость в информационной сфере, неоднозначность политики, проводимой первыми лицами государства, различные и порой крайне противоречивые изменения социально — политической ситуации в современной России во многом затрудняют возможность адекватной оценки родной страны гражданами. Это приводит к тому, что образ получается крайне расплывчатым и неясным.

Поскольку нам необходимо получить наиболее полное представление об образе России, существующем в массовом сознании, в своём исследовании

---

¹ Научный руководитель: кандидат политических наук, доцент кафедры социологии и психологии политики факультета политологии МГУ **Татьяна Николаевна Пищева**.

² *Цой С. П.* Психологические особенности восприятия власти регионального уровня в современной России// Психология политической власти: Научный доклад. Саратов: Издательство Саратовского университета, 2004.

мы будем исходить из того, что «структура образа имеет двухуровневое строение: рациональный уровень (выражен вербальными характеристиками, получаемые в результате массовых опросов и интервью) и иррациональный уровень (исследуется с помощью проективных методик, в нашем случае — рисуночный тест)»¹.

Темпоральные характеристики образа страны позволят выделить нам следующие его составляющие:

- Образ России прошлого, характеризующий то, как граждане видят прошлое страны, здесь исторические события и личности будут выступать призмой, через которую респонденты оценивают не только прошлое страны, но и определяют своё отношение к настоящей России.
- Образ России настоящего, обозначающий видение гражданами современной России.

Рассмотрение образа страны с позиций прошлого и настоящего позволяет рассмотреть структуру образа современной России и даёт возможность понять, какие события в прошлом России играют для наших граждан весьма значимую роль, и чего по их мнению чего не хватает России сегодня, для того, чтобы достичь лидирующих позиций.

Целью данной работы являлось изучение взаимосвязи между основными темпоральными характеристиками образа России, а также выявление дополнительных параметров, для дальнейшего, более полного и концептуального анализа их взаимосвязи.

В данной работе представлены результаты анализа данных 6 фокус-групп, проведенных на протяжении 2009 года в Костроме, Саратове и Москве. В группах принимали участие граждане РФ, проживающие на данной территории в возрасте от 19 до 62 лет.

Поскольку фокус-групповое исследование включало так же и проективные методики, дополнительную исследовательскую базу составили рисунки образа России. В дальнейшем они привлекались для рассмотрения иррациональной составляющей образа страны.

Образ России настоящего.

Больше всего нашим респондентам хотелось бы, чтобы Россия была великой страной (70%), встала с колен на ноги, была процветающей и сильной державой. Одна из самых желаемых характеристик — это действие. Россия должна действовать, целеустремлённо и стремительно. Мы видим, что здесь больше присутствуют некие силовые характеристики, не раз употребляемое выражение «великая держава» заставляет задуматься об имперских амбициях наших респондентов. Россия должна быть великой и сильной, но потенциала для достижения всех этих характеристик наши респонденты зачастую не упоминают. Интересно, что говоря о великодержавной России, респонденты отмечают, что сейчас существуют коренные проблемы, которые делают Россию

---

¹ Шестопал Е. Б. Восприятие образов власти: политико-психологический анализ // Полис, 1995, №4.

слабой и пассивной. Кроме того, некоторые респонденты не только хотят, чтобы Россия стала великой державой, но и гордятся тем, что она как таковая уже и есть «великая», но осознание этого величия происходит за счёт обращения именно к прошлому, основная мощь и величие черпается там, в «справедливых войнах», «победе над фашизмом», «едином и сильным, сплочённом народе».

Среди сильных сторон России отмечают природные ресурсы, в частности огромную территорию, леса, топливо. Человеческий потенциал, его многонациональный состав, также отмечается в 70% случаев. «Терпеливые, талантливые, изобретательные люди», «многонациональность и сплочённость всех жителей России», «сильный, разумный народ». Одной из сильных сторон России так же является ВПК. 44% респондентов отмечают среди сильных сторон России богатейшее духовное наследие, «особое состояние души», «духовный внутренний архетип»: «вера, дух — вот наше богатство!».

Таким образом, мы видим, что все сильные стороны всегда были присущи нашей стране, как некий имманентный потенциал, который дан нам от природы и истории, и относить их к достижениям только современной России довольно таки сложно, учитывая, что этот потенциал был всегда.

Но одни и те же стороны современной России в сознании респондентов одновременно выступают в качестве слабых и сильных сторон. К ним относятся: природный, ресурсный потенциал страны, её география (громаднейший минус, делает страну уязвимой, «лакомым кусочком для НАТО и прочих»), великий и сплочённый народ — вымирающим, спивающимся, ленивым, потерявшим свою гордость. Наиболее ёмко характеризуются наши недостатки фразой «пьянство и грязь непролазная по всей стране». Среди недостатков также остро встаёт социальная проблематика, здравоохранение, технологическая отсталость. Но пожалуй самая широко обсуждаемая тема — это сильное социальное расслоение, вследствие которого народ всё больше разобьётся, и как итог — гибнет.

Из этого можно сделать вывод, что ситуацию в современной России наши респонденты видят крайне удручающей, несмотря на установившуюся стабильность, и огромный человеческий и ресурсный потенциал, страна не может продолжать развиваться на достойном уровне, потому что нерационально используются не только природные ресурсы, но и людские. На иррациональном уровне отрицательное отношение к современной России проявляется в отсутствии субъектов на рисунках и использовании респондентами серых и тёмных тонов для рисунка.

В своих ответах респонденты выделяют как сильные, так и слабые нашего государства. Многие из них гордятся своей страной, даже говоря о слабой и убогой России.

Поводы для гордости касаются большей частью «великого исторического наследия». Так, 86% респондентов фокус-групп гордятся «великой державой», которая обладает мощнейшим духовным наследием, культурным потенциалом и одарённым народом, рождающим из своих недр великие умы.

Принадлежность к русским также выступает для наших респондентов предметом для гордости. «Я горжусь тем, что мы — русские!» «Россия она такая одна! Она великая и многонациональная!» Интересно, что предметом гордости «я —русский» выступает тот факт, что «Русские- это великий народ, не проигравший ,в принципе, не одну войну». Воинские победы России, в особенности победа над фашизмом, являются особым предметом гордости для наших респондентов. «Справедливые войны», которые вела наша страна, служат предметом уважения и восхищения. «Россия — это страна, которая всю историю свою боролась за свободу, за освобождение».

Наши респонденты гордятся в основном событиями несовременной России, в то время, как стыдно людям именно за то, что произошло в ближайшие 10–15 лет. Возможно, это происходит потому что в условиях новой волны кризиса в сознании наших респондентов вновь стала актуальной тема 90-х, когда экономический кризис, а также дестабилизация политической обстановки привели к полнейшей анархии. Стабильность — слово так часто употребляемое нашими респондентами среди главных достижений России за последние 10–15 лет стала действительно важным фактором, неотъемлемой частью нашей жизни.

Угроза нового экономического кризиса катализировала воспоминания о дефолте, чеченской кампании и проч. Но при этом, *событий*, которые были бы по масштабу общенациональными и вызывали чувство всеобщей гордости и приобщения не произошло.

В сознании наших респондентов провалами в истории России, в первую очередь выступают события 90-х годов. Это чеченские кампании (47%), дефолт(54%), уничтожение сельского хозяйства. Все провалы России связаны большей частью с экономической сферой, так Россия «распродает свои ресурсы задарма», «подсадили народ на лёгкие деньги-кредиты и проч.», « не может сделать свои товары конкурентноспособными».

Всё это горит о том, что восприятия негативных тенденций среди граждан, гораздо более широко распространено. Особо больших успехов за последние годы Россия не делала, достраивала разрушенной и пыталась сохранить оставшееся.

Все победы в России — в прошлом, все беды — в настоящем. Именно поэтому интересно сравнение современной России и СССР.

Образ России прошлого.

По сравнению с СССР Россия стала слабее в социальной и экономической сферах, и перестала быть «великой державой» — 70% респондентов считают именно так.

Основные направления, по которым Россия явно проигрывает Советскому союзу, это:

— Разобщенность людей, «мы больше не одна большая семья». Люди стали менее терпимы к людям других национальностей». Не хватает коллективности и духовности. Отсутствие равенства возможностей, «равенство в нищете», в СССР была возможность роста.

- Потеря позиций на международной арене: «всё отдаёт и то-то и это-то»
- Стагнация развития в экономической сфере
- Отсутствие общей единой идеи «мы верили в коммунизм, хоть и не было религии. Индивидуализм ничего не дал», «мы закрылись, сидим в железной коробке, потеряли духовность»
- Уменьшение территории, отсутствие налаженной связи между регионами, что была в СССР.

25,7% респондентов говорят о том, что по сравнению с СССР Россия стала более свободной и открытой, стала «увереннее», «появилась свобода слова», простым людям стало «проще двигаться». Но несмотря на общие плюсы, минусов несомненно больше. Сейчас Россия, если сравнивать с СССР как сверхдержавой:

- Либо стала страной третьего мира (особенно ярко об этом говорят респонденты московских фокус — групп), «авторитарная и продажная», развалилась;
- Либо «где-то в середнячках», страна «нереализованных возможностей», «псевдодемократическое государство».

В целом если сравнивать Россию и СССР, получается, что в 80% случаев наши респонденты считают, что Россия отнюдь не сверхдержава, а всего лишь «имперский обломок». Приобретение свобод и прав реализоваться в разнообразнейших сферах, пришло за счёт разобщённости разделения «некогда большой семьи» на отдельные непересекающиеся части, тема сплочённости и тоски по «былым временам, когда все вместе мобилизовались и на врага шли» звучит лейтмотивом во всех характеристиках современной России.

Вывод

Таким образом, обладая огромнейшим человеческим потенциалом, современная Россия не может его использовать, поскольку народ, уникальный и неповторимый, самый лучший в мире, просто не чувствует своего единства, наблюдается сильнейшая дезинтеграция по всем основным показателям и нет никакого фактора, который мог бы объединить людей. Возможно, роль этого фактора сыграет религия. Тема православия и духовности также весьма часто затрагивается респондентами, более того, одним из главных потенциалов России является именно духовный потенциал, люди гордятся «великим духом» и «великой православной державой». Учитывая, что предметом гордости выступает чаще прошлое, чем современность, можно предположить, что в своих оценках и видении идеальной России люди опираются больше на историческую память, нежели привязку к современности. Гордятся люди Россией как великой державой, но Россией прошлого, все сильные стороны России также наследие культурное и историческое. Так один из респондентов пишет о России: «она все-таки будет великой державой, она выйдет из этого положения. А стыжусь я своей страны».

Весь негатив сосредоточен в оценке настоящего, в то время как прошлое воспринимается если не идеализированно, то хотя бы с уважением, и желанием вернуть те особенности, которые были свойственны русскому народу на

всём протяжении его исторического развития. В частности, широко обсуждаемая тема «справедливых войн» и православия, говорит о том, что люди, в поисках единства и желании найти хоть какую-то опору, за неимением её в современной России возвращаются к «делам давно минувших дней» и черпают свои ценностные ориентиры именно оттуда.

Андрей Леонидович Зверев

Кандидат политических наук, доцент кафедры социологии и психологии политики факультета политологии Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова

Теоретические подходы к исследованию политической социализации в условиях трансформации политических систем

Аннотация

Рассматриваются основные теоретические подходы к исследованию политической социализации в условиях трансформации политических систем

Ключевые слова: политическая социализация, трансформация политических систем, социально-политические исследования.

В последнее время все более очевидным становится тот факт, что многие из моделей, существующих в теории политической социализации, перестают быть адекватными в изменившихся как на геополитическом, так и на национальном уровнях политических условиях.

Ясно, что и сама политическая система, и те ценности, которые она передает гражданам, в мире, только что пережившем Вторую мировую войну и фашизм, и в мире, стоящем на пороге глобализации, будут различаться; ясно, также, что механизмы усвоения политических установок и ориентаций личностью, живущей в условиях стабильной или, напротив, изменяющейся социально-политической и даже технологической структур мира, тоже будут различаться.

Соответственно, те вопросы, которые вставали перед теоретиками политической социализации в 1950–1960-е годы, и те вопросы, с которыми им приходится сталкиваться уже в новом XXI в., требуют иных подходов и решений. Основные направления развития теории политической социализации в этот период можно определить следующим образом: во-первых, анализ *процесса* политической социализации, во-вторых, изучение *«агентов»*, влияющих на процесс политической социализации, и, в-третьих, исследование *продукта*, который получается на «выходе» процесса политической социализации, когда происходит становление политической картины мира личности.

Иными словами, это все, что помогает личности понимать мир политики: политическое сознание, политические представления, ориентации, установки — то, что, по мнению Л. Пая и С. Вербы, составляет, по сути, политическую культуру восприятия обществом тех политических процессов, в которые оно вовлечено¹.

Процесс политической социализации, в рамках бихевиористской парадигмы, преобладавшей в политической науке в тот период, интерпретировался как воздействие политической среды на личность путем передачи определенных моделей поведения через систему организованных общественных институтов и ценностей.

При этом социализируемые индивиды или группы являются пассивными объектами политической социализации, а сам процесс социализации предполагает «вертикальные» отношения между социализирующими и социализируемыми.

Процесс политической социализации рассматривался как стадийный, в частности в нем выделялась *латентная*² стадия (т. е. процесс неполитического научения, впоследствии влияющий на политическое поведение индивида) и стадия *прямой* политической социализации (процесс ретрансляции собственно политических ценностей и информации).

Главными теоретическими положениями на этом этапе были, во-первых, предположение о том, что представления о политике, усвоенные в детский период, со временем остаются неизменными, и, во-вторых, гипотеза о более существенном влиянии представлений, усвоенных в детском возрасте, по сравнению с более поздними ориентациями и установками³.

Именно эти положения впоследствии подвергались наиболее серьезной критике.

Среди *агентов* процесса политической социализации на начальном этапе развития теории, объясняющей специфику осуществления данного процесса, наибольшее внимание исследователей было уделено двум — семье и группе сверстников.

Многие ученые, занимавшиеся в 1960–1970-е годы проблемой политической социализации, придерживались тезиса о том, что *семья* индивида является главным социализирующим агентом на этапе латентной политической социализации⁴.

При этом важными факторами, оказывающими влияние на этот процесс, ученые называли ценностные ориентации родителей (М. Л. Кон), структуру

---

¹ См.: Political Culture and Political Development / Ed. by L. Pye, S. Verba. Princeton, 1965.

² См.: Almond G. The Civic Culture: Political Attitudes and Democracy in Five Nations. Princeton, 1963.

³ См.: Easton D., Dennis J. Children in the Political System. New York, 1969.

⁴ См.: Hyman H. Political Socialization: a Study in the Psychology of Political Behavior. Glencoe, 1959.

власти в семье (Т. Парсонс, Б. Сезар¹), воспитательные стратегии, складывающиеся в семье (Т. Адорно, С. Томкинс, Д. Баумринд, Э. Миллер²).

Тезис о значительном, если не решающем влиянии семьи как социализирующего агента на последующие политические представления личности, оказался одним из самых спорных (и до сих пор самыми «не оспоренным») в теории политической социализации. Так, уже в конце 1970-х годов гипотеза о детерминирующей роли семьи была подвергнута критике и переосмыслению. В частности Р. Найеми и Б. Собешек³ в 1977 г. в сравнительном исследовании влияния на социализацию семьи, школы, сверстников, медиа- и политических событий выяснили, что влияние семьи не столь решающее, а корреляции между политическими ориентациями родителей и детей весьма низкие. Вместе с тем ряд исследований, проведенных уже в 1990-е годы, частично «реабilitировали» гипотезу о решающем влиянии семьи на формирование последующих политических установок⁴. Ученые обнаружили, что жесткая дисциплина в детстве позитивно коррелирует с последующей агрессивностью во взрослом возрасте и искажениями в процессах восприятия социальной информации⁵; а высокий уровень наказаний в детстве связан с некоторыми политическими установками, в частности с поддержкой смертной казни, милитаризмом и политическим консерватизмом⁶.

Ряд авторов противопоставили гипотезе о решающем влиянии семьи на процесс политической социализации предположение о воздействии *группы сверстников*: по их мнению, влияние внесемейного ближайшего окружения, персонифицированного в друзьях, группе сверстников, в определенных си-

---

¹ См.: *Parsons T. The Incest Taboo in Relation to Social Structure and the Socialization of the Child // Parsons T. Social Structure and Personality. N.Y., 1965; Caesar B. Autoritat in der Familie. Reinbek, 1972.*

² См.: *Adorno T.W., Frenkel-Brunswik E., Levinson D.J., Sanford R.N. The Authoritarian Personality. N.Y., 1950; Tomkins S.S. Left and Right: A Basic Dimension of Ideology and Personality // Study of lives: Essays on Personality in Honor of Henry A. Murray. New York, 1964; Tomkins S.S. Script Theory // Ed. by J. Arnoff, A.I. Rabin, R.A. Zucker The Emergence of Personality. N.Y., 1987; Baumrind D. Current Patterns of Parental Authority // Development Psychology. 1971. Vol. 4. P. 1–103; Baumrind D. Authoritarian vs. Authoritative Parental Control // Adolescence. 1968. Vol. 3. P. 255–272; Miller A. For Your Own Good: Hidden Cruelty in Child-Rearing and the Roots of Violence. N.Y., 1983.*

³ См.: *Niemi R.G., Sobieszek B.I. Political Socialization // Annual Review of Sociology. 1977. Vol. 3. P. 209–233.*

⁴ См.: *Quiggle N.L., Garber J., Panak W.F., Dodge K.A. Social Information Processing in Aggressive and Depressed Children // Child Development. 1992. Vol. 63.*

⁵ См.: *Weiss B., Dodge K.A., Bates J.E., Pettit G.S. Some Consequences of Early Harsh Discipline: Child Aggression and Maladaptive Social Information Processing Style // Ibid. P. 1321–1335.*

⁶ См.: *Milburn M.A., Conrad S.D., Sala F., Carberry S. Childhood Punishment, Denial and Political Attitudes // Political Psychology. 1995. Vol. 16. № 3. P. 447–478.*

туациях может быть даже сильнее, чем влияние семьи¹. Между тем современные исследования показывают, что влияние сверстников на формирование установок и ценностей различается: иногда они усиливают общепринятые установки, а иногда предлагают иные, явно противоречащие официальной и устоявшейся модели политического восприятия событий, происходящих в мире политики².

Семья и группа сверстников оказались наиболее изученными агентами политической социализации. Влиянию других, «социетальных» агентов социализации — например школы, СМИ, политических партий, общественных движений, церкви, деловых кругов и т. д. — было уделено гораздо меньше внимания. В лучшем случае воздействие каждого из таких агентов изучалось как отдельная и независимая переменная, что отнюдь не добавляло единства в общую картину видения мейнстрима современного процесса политической социализации.

В целом же в 1970-е — начале 1980-х годы в теории политической социализации окончательно оформилась парадигма, суть которой сводится к следующему: процесс политической социализации рассматривается как «вертикальная» передача системы ценностей и моделей восприятия политической реальности от политического режима к личности; агенты социализации интерпретируются как иерархически организованная система социальных и политических объектов, каждый из них оказывает определенное влияние на процесс социализации, в результате которого у личности формируются политические представления, установки и механизмы восприятия политической реальности, практически не поддающиеся изменению со временем.

Тем не менее, изменение политической реальности в нашей стране в середине 1980–1990-х годов и сопутствующие ему изменения политического сознания и поведения подвергли сомнению многие из вышеописанные основания теории политической социализации.

В рамках разработанной в послевоенные годы теории политической социализации интерпретировалась как «вертикальный» процесс, отношения в котором между социализирующими агентами и социализируемыми индивидами отчасти подобны отношениям между лидерами и его последователями, и именно это положение в изменившихся социально-политических условиях перестает быть адекватным. Так, в последние десятилетия XX в., политическая социализация теряет свой «вертикальный» характер в связи с тем, что в

---

¹ См.: *Verba S.* Small Groups and Political Behavior // A Study of Leadership. Princeton, 1961; *Eisenstadt S.N.* Ven Generation zu Generation. Munchen, 1966; *Ritchie O.W., Koller M.R.* Sociology of Childhood. N.Y., 1964. P. 173; *Gottlieb D., Ramsey C.* The American Adolescent. Homewood, 1964; *Bossard J.H., Boll E.S.* The Sociology of Child Development. N.Y., 1966.

² См.: *Nathan J.A., Remy R.C.* Comparative Political Socialization: A Theoretical Perspective // Ed. by S.A. Renshon. Handbook of Political Socialization. N.Y. — L., 1977.

традиционных обществах появляются черты модернизации. Одной из таких черт, является снижение роли авторитета возраста, т.е. более старший возраст родителей, учителей не становится основанием для молодого поколения уважать и подражать передаваемому ими социализирующему опыту; то же происходит и в отношении родства — роль кровных связей в социализирующемся опыте молодых людей снижается. Кроме того, социализационный процесс направлен не только в «одну сторону» — от социализирующих к социализируемым, от старшего поколения к младшему — но и наоборот. Сегодня уже есть данные о том, что молодежь ретранслирует свои политические ориентации родителям.¹

Теоретическим ответом на запросы изменившейся социальной и политической реальности стала предложенная в 1986 г. Ричардом Мерелманом принципиально новая модель механизма усвоения и ретрансляции политических ценностей и установок². Согласно его идее «горизонтальной» (lateral) политической социализации этот процесс представляет собой непрерывный выбор из широкого числа возможных и конкурирующих между собой образов мира и моделей поведения, количество которых постоянно увеличивается в результате взаимоотношений между «равными» участниками процесса социализации на «горизонтальном» уровне. В «горизонтальной» политической социализации отношения между объектом и агентами социализации добровольные, равные и временные. Личность социализируемого объекта становится центром модели в отличие от модели «вертикальной» политической социализации, где личность оказывалась своеобразным «концом» цепочки влияний. В фокусе исследования, по мнению Р. Мерелмана, оказывается вопрос о том, каким образом в процессе политической социализации формируются те правила, которые позволяют индивиду ориентироваться и выбирать между множеством конкурирующих образов социальной и политической реальности. Исследования того, что и как индивид усвоил в ходе процесса политической социализации, а также того, каким образом он может применить полученные знания на практике, как реализует сформировавшиеся установки в своем политическом поведении, могут помочь найти объяснение наметившемуся изменению в политическом сознании и моделях политического поведения современных граждан.

Другое основание теории политической социализации, которое в изменившихся социальных и политических условиях не всегда оказывается адекватным, — тезис о неизменности и более существенном влиянии представлений, усвоенных на раннем этапе социализации. Некоторые авторы подвергают сомнению теоретическую состоятельность этого положения. Так, по мнению

---

¹ См.: *Hepburn M.A.* Evidence of Remarkable Change in the Political Socialization Process // Paper presented at 28th annual meeting of the IPSA Research Committee on Political Socialization and Education. Budapest. May, 1999.

² См.: *Merelman R.M.* Revitalizing Political Socialization // Ed. by M. Hermann. Political Psychology. San-Francisco, 1986. P. 279–319.

Роберта Сигела политическую социализацию следует интерпретировать как процесс, протекающий в течение всей жизни личности, в ходе которого те или иные ценности и установки могут изменяться¹.

Концепции «устойчивости» детских и юношеских представлений о политике (*persistence perspective*) противопоставляется концепция «открытости к изменениям в течение жизни» (*life-time openness to change perspective*)². Согласно этой концепции политические диспозиции могут с равной долей вероятности изменяться в течение всей жизни, и политические ориентации людей отражают тот период политической социализации, который переживает человек в данный момент, занимая определенную позицию в социуме и политической системе, членом которой он является.

Филипп Васбурн считает, что эти модели политической социализации следует рассматривать не как отдельные и противостоящие друг другу концепции, а как взаимодополняющие подходы к рассмотрению процесса политической социализации³.

Он предлагает следующую модель процесса политической социализации: стадии жизненного цикла, на которой находится индивид (детство, подростковый возраст, юношество, зрелость и старость), и агенты политической социализации (семья, в которой воспитывался индивид, школа, церковь, СМИ, семья самого индивида, его работа и политический опыт) представляют собой интерактивные системы. Между агентами политической социализации существуют комплексные взаимоотношения на всех стадиях жизненного цикла, и относительная значимость каждого из агентов политической социализации может варьироваться от одного периода жизненного цикла до другого. Политические ориентации индивида в любой точке жизненного цикла определяются личными природными особенностями, периодом жизненного цикла, который переживает человек, его предыдущим опытом политической социализации, а также тем положением, которое он занимает в социальной структуре. Модель Ф. Васбурна, таким образом, с одной стороны, позволяет учитывать и использовать ранее разработанные теории политической социализации, а с другой — открывает перспективы для новых исследований.

Пожалуй, самым весомым аргументом, который заставляет теоретиков политической социализации как минимум пересматривать тезис о неизменности и устойчивости детских и юношеских представлений о политике, стали процессы политико-экономической и социокультурной трансформации в странах бывшего социалистического лагеря, жители которых с середины

---

¹ См.: *Sigel R.S.* New Directions for Political Socialization Research. Thought and Suggestions // *Perspective on Political Science*. 1995. Vol. 21. № 1. P.17–22.

² См.: *Sears D.* Implications of the Life-Span Approach for Research on Attitudes and Social Cognition // *Abeles R.P.* Life-Span Perspectives and Social Psychology. Hillsdale, 1987.

³ См.: *Wasburn Ph.* A Life Course Model of Political Socialization // *Politics and Individual*. 1994. Vol. 4. № 2. P. 1–26.

1980-х годов с той или иной степенью успешности пытаются интериоризировать выработанные еще на этапе их личностного становления политические представления в совершенно новую для них, либерально-демократическую систему ценностей. Вместе с тем адекватного теоретического ответа на «вызов» политической реальности в теории политической социализации пока, увы, не представлено.

Сегодня имеются два основных подхода, на которых специалисты в области политической социализации основывают свои исследования перехода к демократической системе политических ценностей в постсоветских обществах.

Согласно первому из них, опирающемуся на концепцию К. Мангейма¹, быстрые социальные изменения способствуют поиску молодым поколением ответов, адекватных требованиям новой ситуации, что, в свою очередь, препятствует повторению и усвоению ими моделей поведения старших поколений. Чем быстрее происходят социальные изменения, тем быстрее среди молодого поколения появятся социальные группы, чья культура и модели взаимодействия будут явно отличаться от культуры старших поколений². Однако этот подход скорее объясняет межпоколенческие ценностные различия, нежели механизм изменения уже существующей системы ценностей и представлений поколений.

Второй подход представлен в работах Р. Инглхарта, посвященных анализу культурного сдвига — от модернистского к постмодернистскому³. По мнению Р. Инглхарта, обстоятельства, в которых социализировалось то или иное поколение, оказывают решающее влияние на систему ценностей этого поколения, которая заменяется в обществе только тогда, когда на смену этим поколениям приходят новые, воспитанные в других условиях и являющиеся носителями другой системы ценностей. Именно таким медленным, но систематическим способом происходит, по мнению Р. Инглхарта, процесс изменения ценностей в обществе. Впрочем, этот подход также не дает ответа на вопрос, как и почему меняются уже сложившиеся ориентации и установки, поскольку в большей степени сконцентрирован на изучении механизма смены ценностей всего общества.

Стоит отметить, что в изучении процессов политической ресоциализации эмпирические исследования пока явно преобладают над теоретическими изысканиями, поэтому ряд немаловажных аспектов проблемы политической социализации и ресоциализации в условиях системных трансформаций оказываются пока вне фокуса внимания ученых. Важно изучать, например, каким

---

¹ См.: *Mannheim K. A Man in Society in the Period of Reconstruction*. N.Y., 1967.

² См.: *Abma R. Jengd en generatie: De generatie socjologische lenadering 1991 // Jengd als social fenomeen: Identiteit, socialisatie en Jengdcultuur in theore en onderzoek*. C. Klaassen. Acco. Amersfoort. Leuren, 1991.

³ См.: *Inglehart R. Culture Shift in Advanced Society*. Princeton, 1990; *Idem Modernization and Postmodernization*. Princeton, 1997.

образом происходит процесс политической социализации у представителей молодого поколения в эпоху институциональных и ценностных изменений, как происходит смена системы ценностей на массовом и на индивидуальном уровнях, какие институциональные факторы способствуют, а какие — препятствуют процессу политической ресоциализации, и т. п.

Трансформационные и модернизационные процессы в современной политической реальности продемонстрировали, что механизмы влияния и роль различных *агентов социализации* также существенно изменяются.

В последние десятилетия серьезные изменения претерпевает один из важнейших социализирующих агентов — *семья*, а точнее, ее структура и роль в обществе, что, в свою очередь, влечет и изменение ее влияния на механизм и результат политической социализации.

Изменение статуса женщины, появление у нее возможности работать существенно изменяют ее роль в процессе социализации детей, «уравнивая» ее в этом смысле в правах с мужчиной. Исследователи отмечают, что структура семьи в последнее время становится более открытой и менее жесткой, однако отсутствие твердого лидерства кого-либо из взрослых, равно как и отсутствие позитивных ролевых моделей в семье, ведут к отсутствию автономного и демократического поведения выросших в такой обстановке детей¹, в отличие от более ранних научных представлений, предполагавших, что демократический опыт в семье способствует адаптации демократических ценностей в среде молодого поколения граждан.

В 1990-е годы существенно изменяются роль медиа и весь характер коммуникационных структур общества.

Электронные СМИ, и в особенности телевидение, играют все более существенную роль в процессе ретрансляции системы политических ценностей от политического режима к отдельной личности. По мнению М. Хэпберна, сейчас следует принимать во внимание как прямое, все возрастающее влияние телевидения на молодежь, так и косвенное его воздействие на тех, с кем молодежь взаимодействует².

В последнее время в среде ученых изменяется не только представление о роли «традиционных», уже достаточно изученных агентов политической социализации, но и о количестве возможных агентов политической социализации.

Так, в современных обществах высокий уровень социальной и географической мобильности ведет к расширению числа социализирующих агентов, поэтому исследователи обращают внимание на таких агентов и такие фак-

---

¹ См.: *Hepburn M.A.* Evidence of Remarkable Change in the Political Socialization Process // Paper presented at 28th annual meeting of the IPSA Research Committee on Political Socialization and Education. Budapest. May, 1999.

² См.: *Hepburn M.A.*, Electronic Media and Political Socialization in the USA // Paper presented at 27th annual meeting of the IPSA Research Committee on Political Socialization and Education. Brussels. May, 1998.

торы политической социализации, которые ранее не включались в модель этого процесса, как, например, принадлежность к различным субкультурам и меньшинствам¹ и т. п., и которые в изменившихся социокультурных и политических условиях оказывают серьезное влияние на результат этого процесса.

К примеру, принадлежность к той или иной субкультуре становится существенным фактором, обеспечивающим политические установки. Однако этот фактор оказывается более значимым для гетерогенных (с точки зрения политической культуры) обществ, в то время как в относительно гомогенных обществах большую роль по-прежнему играет образование².

Вместе с тем вопрос о взаимодействии и взаимовлиянии различных агентов политической социализации пока остается вне поля зрения ученых.

Так, например, Р. Сигел отмечает, что в более ранних исследованиях процесса политической социализации крайне мало внимания было уделено изучению того, как и почему в одном случае социализирующие агенты оказывают влияние на личность, а в другом — нет³.

Соответственно, в фокус внимания исследователей должны попасть факторы, обуславливающие принятие или отвержение личностью тех «сообщений», которые индивид получает от агентов политической социализации, причины отсутствия реакции людей на этих агентов, а также анализ того, как в этом смысле различаются отдельные индивиды и группы.

Следует отметить, что и сама политическая система, воздействующая посредством агентов социализации на личность, в последние годы, особенно в условиях глобализации, чрезвычайно усложнилась.

Сегодня речь идет не только о формировании поддержки и принятии политического режима на уровне *отдельной страны*, но о формировании представлений относительно *интернационального* и *глобального* уровня политики.

В то же время усиливается роль различных внутригосударственных уровней политической системы, например региональных властей или местного самоуправления, что также актуализирует вопрос о том, как формируются и из чего состоят политические представления населения об этих уровнях системы.

Впрочем, эти два направления на сегодняшний день скорее пока остаются заманчивой перспективой для дальнейшего развития теории политической социализации, нежели чем реально разработанной областью исследований в политических науках.

---

¹ См.: Jones-Correa M. Different Paths: Gender, Immigration and Political Participation // International Migration Review. 1998. Vol. 32. № 2. P. 326–349.

² См.: Turney-Purta J. From Attitudes and Knowledge to Schemata: Expanding the Outcomes of Political Socialization Research // Ed. by O. Ichilov. Political Socialization, Citizenship Education and Democracy. N.Y., 1990; Turney-Purta J. Studies of Political Socialization Cross-Nationally: Reliability and Issues Across Time. // Paper presented at Vancouver ISPP Meeting, 1996.

³ См.: Sigel R.S. Op. cit.

Наконец, перемены, происходящие в политическом сознании и политическом поведении в последние годы, изменяют и представления ученых о том, что является *продуктом* политической социализации. Среди результатов процесса социализации особое внимание уделяется процессу формирования гражданской идентичности личности¹, причем изменяется само понимание дефиниции *гражданства*.

Если предыдущие определения понятия гражданства интерпретировали его в рамках существующих социальных ролей и статусов, то сейчас гражданство понимается как политическая грамотность (*civic literacy*), участие (*participation*) и гражданская ответственность (*civic responsibility*)².

Исследования в этом направлении должны включать в себя изучение того, что люди знают о политике и как они используют эти знания в политическом поведении, анализ влияния традиционных и нетрадиционных форм участия, а также поиск причин, почему иногда люди проявляют, а потом не проявляют лояльность по отношению к тем или иным политическим объектам.

Таким образом, вслед за переменами в социальной и политической реальности в последние десятилетия XX в. в теории политической социализации также произошли изменения и пересмотр многих положений, касающихся объяснения механизмов, агентов и результатов процесса политической социализации.

Вместе с тем построению новых теоретических схем объяснения взаимодействия существующей политической реальности и личности, а также динамики этого взаимодействия серьезно препятствует отсутствие в теории единого концептуального взгляда на политическую социализацию.

Современное развитие теории политической социализации идет преимущественно *эмпирическим* путем изучения *отдельных аспектов* этого процесса, в результате чего теоретическая картина политической социализации в своем нынешнем состоянии весьма *фрагментарна*.

Общим итогом проведенного теоретического анализа в данной статье может стать вывод о том, что одно из важных направлений развития современной политической науки в области политической социализации, рассматривающего влияние быстро изменяющегося мира политика на индивида, нуждается в построении *единой* концепции, которое позволит создать наиболее адекватные объяснительные схемы наблюдаемых ныне трансформаций в политическом поведении и сознании граждан разных стран.

---

¹ См.: *Riedel E.* Community Service and Citizenship // *The Political Psychologist*. 1998. Vol. 3. № 2. P. 15–19; *Smith E.* Political Socialization Research, Social Capital and the Making of Citizens // *Ibid.* P. 19–23.

² См.: *Evenson K.L.* Prospective from a Retrospective: Political Socialization Research for the 21st Century // Paper, presented at XYIII IPSA World Congress. Quebec. August 2000.

Эдуард Борисович Ищенко

Преподаватель кафедры регионоведения и социальной экономики
Института социальных наук Иркутского государственного университета

Динамика социально-политических идеалов «свободы» и «справедливости» в сознании россиян

Аннотация

В статье рассматривается система формирования и развития социально-политических идеалов «свободы» и «справедливости» в сознании современных россиян. Выявляются ключевые закономерности и противоречия, определяются и объясняются точки изменения этих понятий.

Ключевые слова: социально-политические идеалы, свобода, справедливость, сознание россиян, трансимволический анализ.

Социально-политические идеалы формируются постепенно, включая в себя и социально-культурные предпосылки и лично-индивидуальные особенности. Эти направления тесно переплетаются между собой. Рассматривая условия формирования политических идеалов Макс Вебер называет силу, экономический интерес и авторитет¹. Ю. Хабермас пишет: «Легитимность политического порядка измеряется верой в нее тех, кто подчинен его господству»². Социально-политические идеалы стабильны и устойчивы тогда, когда общественное сознание воспринимает их как необходимое, *должное* равновесие сил, когда политика власти совпадает с ожиданиями, отражающимися в идеалах.

В России, за последние 25 лет, происходило множество социально-политических изменений, особенно ярко это прослеживается при анализе категорий «свободы»³ и «справедливости»⁴ (по нашему мнению, эти категории наиболее наглядно могут показать трансформацию социально-политических идеалов). Чтобы выяснить особенности этих изменений, их направленность и динамику, мы изучили соответствующий тематический дискурс, отраженный на страницах СМИ за 1984 и 2009 годы.

Мы анализировали массив газеты «Аргументы и Факты» с 1984 по 2009 годы, всего изучено 1346 номеров. Выбор материалов этого издания обуслов-

---

¹ Weber M. *Economie et societe*. Pion: Paris, 1971. Т. 1. — Р. 101.

² Москвичи С. *Машина, творящая богов*. М.: «КСП+», 1998. — С. 285

³ Свобода — это наличие возможности выбора варианта и реализации (обеспечение) исхода события.

⁴ Справедливость — понятие о должном (например, соответствия прав и обязанностей, труда и вознаграждения, заслуг и их признания, преступления и наказания, соответствия роли различных социальных слоев, групп и индивидов в жизни общества и их социального положения в нём и т.д.)

лен его распространенностью и охватом различных социально-демографических групп (читательская аудитория газеты — около 8 миллионов человек). При этом использовалась методика контент-анализа. Контент-анализ основан на единообразных стандартизированных правилах поиска, учёта и подсчёта количественных показателей, отражающих существенные смысловые блоки категорий «свободы» и «справедливости». Исследуемые параметры: частота упоминания (вычислялась относительно общего массива исследуемых групп), объем внимания (вычислялся как производное от количества строк и печатных знаков данного сообщения, суммированное и выраженное в % к общему массиву), общий оценочный контекст (+/-). Категория «+» формировалась за счет информации позитивного, нейтрального и проблематично-сочувствующего характера, категория «-» за счет проблематично-осуждающей и негативной информации.

В исследовании мы также применяли методику трансимволического анализа (ТСА)¹. ТСА направлен на выявление символических характеристик изучаемых категорий через когнитивные, аффективные и деятельностные символы. Трансимволический анализ, применяемый на продолжительном временном отрезке, позволяет через символические триады обозначить качественные характеристики идеалов, смысловые подтексты и объяснить эти изменения в связи с социально-политическими событиями в стране.

Объем и частота внимания за весь период изучения не одинаковы и зависят от активных изменений в социально-политическом пространстве страны. Нами выделено несколько пиков: 1985, 1990–1991, 1996, 2000, 2004, 2008. В 1985 год — начало перестройки, 1990–1991 — переломные моменты в жизни страны, связанные со сменой режима, остальные же годы — это выборы президентов (Fm — 13%, Va — 15% — стабильно во все указанные года). На основании этого, мы можем сделать вывод о том, что «свобода» и «справедливость» в сознании россиян ассоциируются с политикой конкретного человека-лидера, способного что-то изменить, а не общими правами, свободами и институтами действующими в стране.

В 1984 году социально-политические идеалы соответствовали пропаганде социалистического режима и линии развития коммунистической партии. Социально-политические смыслы категории «свобода» весьма показательно выражалась в таких символических триадах как: «*равенство (64%) — братское (62%) — соединяет (60%)*», «*власть (63%) — коммунистическая (60%) — дает (58%)*» и т.д. Не менее красноречиво на страницах СМИ отражалось и понятие «справедливость»: «*счастье (54%) — классовое (58%) — достигнуто (52%)*», «*равенство (57%) — братское (55%) — развивается*

---

¹ Более подробно См.: Кармадонов О. А. «Символ» в эмпирических исследованиях: опыт зарубежных социологов // Социологические исследования. — 2004. — № 6; Кармадонов О. А. Престиж и пафос как жизненные стратегии социально-экономической группы (анализ СМИ) // Социологические исследования. — 2001. — № 1.

(51%)». Транссимволический анализ дает возможность количественно и качественно показать срез социально-политических идеалов советского общества того времени. Если анализировать качественные изменения социально-политических идеалов, то можно заметить следующие закономерности.

С 1985 по 1989 годы народ единодушно делал выбор, которого, по сути, у него не было. Свобода и справедливость определялась установками власти, а не формировалась народом. В СМИ это нашло отражение, через декламацию должного поведения: категория «свобода»: *«участие (50%) — единое (51%) — показывает (52%)», «избиратели (36%) — единодушно (46%) — выбирают (37%)»* и пр. Категория «справедливость»: *«народ (56%) — повсеместно (52%) — голосует (51%), «власть (54%) — активно (52%) — изменяется (57%)»*. Свобода и справедливость в этот период выступают лозунгом власти. Положительное освещение в данные годы идет от 55% до 90%, негативные моменты встречаются только в связи с освещением зарубежных событий, касаемых свободы и прав людей.

В 1990–1991 годы в прессе иллюстрируется совсем иное понимание изучаемых категорий: они становятся лозунгами борьбы — того ради чего стоит что-то изменять в стране. Например, категория «свобода»: *«народ (51%) — свободный (46%) — выбирает (42%)», «власть (52%) — свободно (51%) — реформирует (53%)»*. Категория «справедливость»: *«право (36%) — политическое (46%) — обрели (37%)», «люди (56%) — честные (55%) — заслужили (49%)»*. Происходит принятие этих идеалов как ценностей, которыми необходимо обладать всем. Положительное освещение в данные годы идет от 42% до 45%.

Следующий этап приходится на 1992–1999 годы. Политические реформы М. Горбачева и Б. Ельцина, закончившиеся принятием Конституции 1993 года, впервые за 70 с лишним лет российской истории привели к созданию ряда демократических институтов и процедур и как следствие — изменился контекст и смысл категорий «свобода» и «справедливость». Эти категории стали иллюстрировать то, что у людей уже было, что они завоевали (изменяя политический режим), но при этом, произошло разделение «свободы» и «справедливости». Свобода стала «правом и залогом» существующего режима — это *«власть (52%) — правильная (57%) — заработает (54%)», «человек (48%) — уверенный (53%) — работает (56%)»*. А «справедливость» — стала выражаться в надежде на сильного лидера, способного изменить что-то в стране, придти и решить все проблемы — это *«избранник (38%) — мощный (28%) — возглавит (35%)», «лидер (58%) — сильный (62%) — изменит (59%)»*, т.е. справедливость стала ассоциироваться сильным лидером.

При Б. Ельцине, а затем и при В. Путине все больше утверждался авторитарный режим, включающий жесткую иерархию в разных структурах власти (в т.ч. и выборных). Причем такое не совсем демократическое распределение властных полномочий и обязанностей, вполне согласуется с политическим менталитетом россиян. Среди населения не было активистов способных самостоятельно отстаивать свои идеи, независимо от власти. Горбачевские

реформы смогли подтолкнуть людей выступить против коммунистической партократии и разрушению советского социалистического режима, но альтернатива так и не была найдена (т.е. формально в стране установился демократический режим, но реальные формы и структура его были далеки от демократического). Категория «справедливость» как раз иллюстрирует эту ситуацию. Положительное освещение в данные годы идет от 37% до 53%.

Политика В. Путина базировалась а двух принципах: 1) высшая ценность — сильное государство, способное обеспечить России статус мировой державы; 2) сильное государство невозможно без сильной, эффективной экономики, а такая экономика может быть только рыночной. Для Путина важны скорее великодержавные цели и ценности, нежели чем ценности демократии и авторитаризма. Авторитарные и демократические институты и методы — это средства для решения конкретных задач, не более того. Электорат именно с этих позиций его и воспринимал: оценивал конкретные проекты, идеи, поступки, а не те идеалы и философию, что за ним стояла. Поэтому, «свобода» и «справедливость» приобрели новые конкретные формы и черты.

Начиная с 2000 года происходит очередная трансформация восприятия рассматриваемых категорий. «Свобода» становится также более зависима от власти и интерпретируется соответственно: «*власть (55%) — надежная (56%) — заботится (55%)*», «*возможности (48%) — равные (57%) — имеют (58%)*» и т.д. «Справедливость» еще более глубоко и персонифицировано иллюстрирует смещение символического содержания данной категории со стороны общечеловеческих ценностей, в сторону — сугубо политических: «*правительство (58%) — верно (53%) — ведет (58%)*», «*президент (41%) — поддерживающий (34%) — укрепляет (37%)*» и пр. Заметим, что, в социально-политических представлениях россиян свобода и справедливость в меньшей степени обозначаются как личный выбор, и в гораздо большей как политическая воля.

Таким образом, последние десять лет, категории «свобода» и «справедливость» в общественном дискурсе сливаются в единый смысловой контекст, который отражается через «стабильность», «политическую волю» и «безопасность», все дальше уходя от личного восприятия и все ближе и глубже приближаясь к политико-идеологическому (кстати, именно от такого восприятия мы уходили на волне перестройки в середине 80-х гг. XX века). Это та смысловая нагрузка, которая отражает социально-политические установки современного населения и в которой будут формироваться наши идеалы и убеждения в дальнейшем.

Библиография

1. *Weber, M.* Economie et societee. Pion: Paris, 1971. — Т. 1. — 220 P.
2. *Кармадонов О. А.* «Символ» в эмпирических исследованиях: опыт зарубежных социологов // Социологические исследования. — 2004. — № 6. — С. 130–138.

3. Кармадонов О. А. Престиж и пафос как жизненные стратегии социоэкономической группы (анализ СМИ) // Социологические исследования. — 2001. — № 1. — С. 66–72.
4. Московици С. Машина, творящая богов. / Пер. с фр. Т. П. Емельяновой, Г. Г. Дилигенского. — М.: «КСП+»; СПб.: Ювента, 1998. — 345 с.

Томаш Матленгевич (Tomasz Matłęgiewicz)

Старший преподаватель кафедры истории русского языка и диалектологии факультета филологии и журналистики Поморского государственного университета им. М. В. Ломоносова (Архангельск), магистр юридического и исторического факультетов Университета им. Адама Мицкевича (Uniwersytet im. Adama Mickiewicza), Познань (Poznań), Республика Польша (Rzeczpospolita Polska)

Отражение процесса формирования буржуазного общества в музыке. Оперы Вольфганга Амадея Моцарта на основе либретто Лоренцо да Понте

Аннотация

Искусство часто отражает политические идеи своего времени. В XVIII веке такую роль играла опера, особенно жанр опера buffa. В этой области особенно выделяются три оперы В. А. Моцарта написанные к либретто Лоренцо да Понте. В них отразились этапы создания нового, буржуазного мира — от оптимистического начала и союза всех слоев общества через угрозу злоупотребления свободой и до рефлексии над человеческой природой.

Ключевые слова: буржуазное общество, формирование, просвещение, опера, Моцарт.

Политические идеи неоднократно отражались в искусстве. В XVIII и XIX веках самой удобной для таких целей отраслью культуры являлась именно опера, достигнувшая апогеи своего развития. Если творчество Вагнера отражало мир вполне уже буржуазный и могло выступить в качестве мифа объединявшего тогдашнее общество, то оперы Моцарта показывают возникновение нового мира.

Среди них выделяются три опера buffa: «Свадьба Фигаро», «Дон Жуан» и «Так поступают все», которые создают своего рода триаду. Эти оперы были созданы в течение 5 лет к либретто Лоренцо да Понте, в переломном периоде 80–90 годов XVIII века. Именно опера buffa являлась во время Просвещения главным оперным жанром, в котором проявлялись часто демократические концепции эпохи. Они демонстрировали возможность преодоления сословного разделения и уверенность в универсальности человечества. Opera buffa вы-

ражала тенденции и идеи рождающейся в это время буржуазии, стирая словесные различия и концентрируя внимание на том, что объединяет всех людей.

В музыке проявлением этого нового общества являются ансамбли. Эта идея Моцарта даёт каждому персонажу возможность сохранить свой индивидуальный характер, а заодно создаёт гармоничную целостность, составленную из автономных, равных друг другу, субъектов, которые не сливаются в однородную массу наподобие хора. Ансамбли, как музыкальное выражение возникшего нового общества, особое значение они имеют в финале, выражая единство всех персонажей, составленное из разных классов.

«Свадьба Фигаро» показывает мир, в котором ещё выступает сословное разделение на господ и слуг. В течение оперы очевидной становится устарелость этого принципа. В итоге мы видим, как пустым становится сословное разделение, которое опирается уже не на чертах характера, а всего лишь на costume. Перед нашими глазами постепенно создаётся новое общество персонажей оперы, которые раньше находились друг с другом в конфликте. Этапы этого процесса подчёркнуты рядом ансамблей. Финал оперы — это противопоставление, а затем принятие Графа Альмавиву в общество остальных персонажей.

Все его интриги оказались безуспешными, он сам вынужден умолять остальных героев о прощении. Вставая на колена перед Графиней, он встает на колена перед целым обществом.

Граф должен окончательно отказаться от феодализма, только тогда он может быть принят другими героями. Аристократия символически просит прощения у остальных слоёв общества. Это конец *ancienne regime*, революция не добавит уже к этому ничего нового. Прощение, решая проблему аристократии, действует, как гильотина в якобинской Франции. Персонажи из разных классов и слоёв общества объединяются в радостном финале «Все теперь будем счастливыми», в духе идеалов свободы, равенства и братства. Опера завершается полным оптимизма, почти утопичным ансамблем.

Год спустя (в 1787) появилась другая опера — «Дон Жуан», версия Моцарта старой легенды. Для Дон Жуана женщина является номером в каталоге, скрупулёзно составленным его слугой. Это Альмавива, который уже не вынужден скрывать своих пристрастий за маской благородства, он открыто пренебрегает всеми моральными и законными правилами, нуждаясь в участии в обществе, мнение которого ему безразлично. В лице главного персонажа исполняется за то другая мечта Просвещения — освобождённый от предрассудков, суеверий и ограничений субъект, который способен сам устанавливать для себя правила.

Это соединение традиционного аристократа и просвещённого желания безграничной личной свободы. Его бунт против правил и законов намного более радикален и смел, чем эмансипационные стремления буржуазии в XVIII веке. Это вызов всему миру и его принципам, брошенный во имя реа-

лизации собственных желаний. Его гибель наступает по причине сверхъестественных сил.

Причиной является выход за рамки традиционных правил — приглашение статуи на ужин. Самое общество не в состоянии справиться с личностью, которая откровенно пренебрегает нормами морали. Финальный ансамбль это скорее всего лишь собрание людей, которые празднуют, но сразу потом возвращаются к своим делам. Злоупотребление свободой не только привело к гибели, но и помешало созданию общества в духе «Свадьбы Фигаро».

Последняя из опер («Так поступают все»), написанная Моцартом уже после революции во Франции, показывает мир вполне современный тогдашнему зрителю, мир после революционных перемен. В этой опере уже нет феодальных или сословных разделений, все герои имеют похожий правовой статус, действие происходит в буржуазном мире. Ключевая интрига происходит в парах. Наступает своего рода обмен, напоминающий торг — герои обмениваются своими возлюбленными. Это приводит к утверждению, что немного нужно, чтобы разбить связи между людьми, а любой объект чувства можно заменить другим. Дон Жуан менял женщин, тут легко обменивают и мужчин.

По ходу действий разрушается и любовь, и связи, соединяющие людей, и самолюбие, и уверенность в своей исключительности. Финальный ансамбль, хоть и воссоздаёт общество персонажей, далёк от оптимизма, в нём звучит покорность судьбе. Универсальные, казалось бы, ценности оказались условными. Это касается тоже почитаемых общественных ролей — слуга переодевается врачом и юристом, чем обнаруживает их внутреннюю пустоту покрытую умными и патетическими словами. Новый, буржуазный и лишённый иерархии мир, привёл к полной условности моральных правил и общественного порядка. Рассмотрение триады опера buffa Моцарта как целостности ведёт к интересным сопоставлениям и выводам. Они показывают сложный путь создания нового мира — от оптимизма и утопичной веры в решение всех конфликтов благодаря союзу всех слоев общества, через угрозу злоупотребления свободой и до рефлексии над человеческой природой.

Оказывается, что разрушение старого порядка, где каждый занимал положенное ему место в иерархии, ведёт к ситуации, в которой всё переворачивается и становится условным.

Библиография

1. *Hegel G. W. F. Fenomenologia ducha.* — Warszawa, 2002.
2. *Hildesheimer W. Mozart.* — Frankfurt am Main, 1977.
3. *Kierkegaard S. Albo-albo.* — Warszawa, 1982.
4. *Kunze S. Mozarts Opern.* — Stuttgart, 1984.
5. *Metzger H-K., Riehn R. Mozart — Die Da Ponte-Opern.* — Muenchen, 1991.
6. *Druga śmierć opery / Žižek S., Dolar M.* — Warszawa, 2008.

Полюшкевич Оксана Александровна

Кандидат философских наук, доцент кафедры регионоведения и социальной экономики Института социальных наук Иркутского государственного университета

Пути формирования социальной сплоченности в России

Аннотация

В статье дается анализ социальных изменений через формы социальной сплоченности общества. Приводятся результаты исследования, в которых выделяются ключевые факторы формирования солидарности и определяются векторы развития социальной сплоченности в России.

Ключевые слова: солидарность, сплоченность, социальные изменения, факторы консолидации.

Социальные изменения — ключевая характеристика трансформации общества. Такие формы социального развития — как социальная солидарность и мобилизация, социальная консолидация и общественный договор выявляют ключевые характеристики изменения не только целых социальных структур, но и жизненного мира отдельных личностей. Это проявляется в изменении повседневных практик и ускорении динамики социальных процессов всего общества, формировании новых средств и способов социализации и адаптации.

Социальная солидарность — это тот инструмент, который создает и поддерживает функционирование социальной системы на всех уровнях (от личных отношений до государственных и цивилизационных). Степень социальной солидарности является своеобразным показателем уровня благополучия общества. Чем более она выражена и затрагивает большее число социальных институтов и сфер применения, тем более благополучно и устойчиво общество. И, соответственно, наоборот — редукция социальной солидарности порождает нестабильность, хаос, разрушение основ функционирования социума. Следствием этого, является то, что проблематика социальной солидарности интересует представителей различных институтов и социальных структур: представителей органов власти и образования, правоохранительных органов и органов здравоохранения, представителей бизнеса, НКО и проч.

Описание и понимание символических изменений социальных реалий, выраженных в изменении различных форм социальной солидарности, позволяет понять и проанализировать причины и следствия современных событий. Тем более, что символические системы не имеют однозначного смысла, этот смысл «разлит» в конкретном времени и пространстве, поэтому, важно рассматривать не абстрактные символические структуры, а конкретные формы и значения, которые они приобретают в различные временные отрезки. Благодаря этим системам, формируются новые модели социальных действий и от-

ношений — отражающих новые конфигурации социальной солидарности общества.

Чтобы исследовать социальные представления россиян о социальной солидарности мы провели контент-анализ¹ и транссимволический анализ² отечественной прессы за последние 25 лет. Объектом анализа выступила газета «Аргументы и факты»³. В ходе исследования, мы выявили несколько ключевых факторов влияющих и определяющих восприятие социальной солидарности в обществе.

Фактор 1. Связь личности или группы с социальными институтами. Связь личности или группы с социальными институтами формирует нормы и механизмы, регулирующие различные сферы общественных отношений (семья, производство, государство, образование, религия, медицина и пр.). Данный фактор позволяет выявить базовые элементы, на которых строится общество, и установить взаимосвязь (между личностью или группой и определенным институтом), характерную для данного исторического периода.

В него вошли такие категории, которые отражают связь или влияние социальных институтов на личность или на группу (например, «армия и молодежь», «религия и личность», «образование и человек», «семья и ребенок», «государство и население» и пр.). С увеличением или уменьшением значимости того или иного института в жизни общества или личности идет прямое изменение его роли в жизни целых категорий населения.

Фактор 2. Социальная сплоченность. Социальная сплоченность — интеграция и степень интеграции, проявляемые обществом или группой. Социальная сплоченность может быть вызвана различными мотивами (страхом, ненавистью, гордостью, любовью), но всегда направлена на совместное действие, выражение совместного мнения и пр.

Ключевыми составляющими данного фактора стали такие показатели как «забастовки», «митинги», «демонстрации», «съезды», «форумы», «общественные акции», и прочие формы выражения протеста или согласия с действиями властей, бизнеса и пр. Также мы отнесли к данному фактору различные

---

¹ Контент-анализ (от англ.: *contens* — содержимое, содержание) — это содержательный анализ текстов. Он основан на принципе подсчета грамматических и формализованных категорий. Были использованы стандартизированные процедуры поиска, учёта и подсчёта количественных показателей, отражающих существенные смысловые стороны изучаемой категории «народ». Исследуемые параметры: частота упоминания, объем внимания, общий оценочный контекст (+/-).

² TSA исходит из предположения о том, что социальная реальность структурируется и описывается в троичной системе — когнитивного символа (существительное), аффективного символа (прилагательное), и деятельностного символа (глагол). Подробнее см.: Кармадонов О. А.

³ Мы остановились на этом издании потому что оно охватывает различные социально-демографические группы (читательская аудитория газеты — около 8 миллионов человек). Кроме России распространяется ещё в 57 странах мира. Всего нами проанализировано 1346 номеров.

формы «сочувствия» (в связи с войнами, терактами, природными катаклизмами (наводнениями, землетрясениями) и авариями), формы «единства народа» (на выборах, референдумах) и пр. Чем большее количество народа включено в вышеперечисленные формы проявления социального единства, тем более выражена социальная сплоченность населения, являющаяся одним из элементов социальной солидарности.

Фактор 3. Социальная идентичность. Социальная идентичность формируется на основе различных аспектов индивидуального самосознания, происходящих от принадлежности к социальным категориям и идентификации с ними (например, жизненный путь, гендер, религия, образование, профессия), становящихся заметными в контекстах, где эти категории принимают важное значение, и позволяют проявиться личной и/или социальной солидарности.

В данный фактор мы включили такие показатели как «граждане», «россияне», «советский человек», «вор», «патриот», «спасатель», «вдохновитель», «чиновник», «политик» и пр. Данный фактор отражает «социальные настроения» самоидентификации населения, показывает, какую роль в обобщенном восприятии играет личность, группа людей или целый народ, а также указывает на противоборство «МЫ — ОНИ». Чем более выражена социальная идентичность и чем на большее количество населения она распространяется, тем более выражена социальная солидарность в обществе. На основе анализа выделенных факторов мы выявили три ключевых вектора формирования социальной солидарности в современной России.

1. *Идеологический.* В рамках данного вектора формируется социально солидарное общественное сознание через ценностные категории личности и группы.
2. *Социально-легитимный.* Этот вектор включает в себя официальные программы, резолюции и манифесты — отражающие дальнейшее развитие страны в целом и способы, цели, задачи солидарности населения.
3. *Социально-приспособительный.* Данный вектор отражает формы и способы адаптации к условиям меняющегося общества, различных социальных групп (от социально одобряемых и поддерживаемых, до маргинальных и социально осуждаемых).

Таким образом, приведенные выше результаты выяснения взаимозависимостей переменных позволяют нам понять внутреннюю структуру изучаемого явления социальной солидарности. Выводы о социальной солидарности общества и личности можно делать исходя из анализа имеющихся у них ресурсов — материальных, социальных, индивидуальных, отражающихся в социальной идентичности, социальной сплоченности и связи с социальными институтами.

Библиография

1. Кармадонов О. А. «Символ» в эмпирических исследованиях: опыт зарубежных социологов // Социологические исследования. — 2004. — № 6. — С. 130–138.
2. Кармадонов О. А. Престиж и пафос как жизненные стратегии социально-экономической группы (анализ СМИ) // Социологические исследования. — 2001. — № 1. — С. 66–72.

Пётр Андреевич Трескин

Студент кафедры регионоведения и социальной экономики Института социальных наук Иркутского государственного университета¹

Пути формирования социальной сплоченности в России

Аннотация

В статье дается анализ социальных изменений через формы социальной сплоченности общества. Приводятся результаты исследования, в которых выделяются ключевые факторы формирования солидарности и определяются векторы развития социальной сплоченности в России.

Ключевые слова: солидарность, сплоченность, социальные изменения, факторы консолидации.

Понимание особенностей возникновения и развития социальной солидарности в современном российском обществе может стать основой устойчивого развития. Осознание механизмов функционирования социальной солидарности позволит представителям власти, бизнеса, НКО, научных кругов, интеллигенции выстроить модель интеграции российского социума.

Солидарность (франц. *solidarite*) — общность интересов, единомыслие, единопутье, взаимозависимость, взаимосвязанность, круговая порука, совместная ответственность. Солидарность можно определить как принцип социального существования, предполагающий объединение ресурсов и возможностей субъектов отношений для достижения общих целей, при этом интересы каждого из субъектов находятся в равновесии с интересами общности.

Солидарность следует рассматривать как механизм социальной саморегуляции, самосохранения и саморазвития коллективного организма, который позволяет максимально использовать возможности всех членов общества для индивидуального и всеобщего блага.

---

¹ Научный руководитель: кандидат философских наук, доцент кафедры регионоведения и социальной экономики Института социальных наук Иркутского государственного университета **Оксана Александровна Полюшкевич**.

В обществе конца XX и начала XXI веков сложно формировать единство и солидарность на основании формальных признаков принадлежности к одной социально-профессиональной группе или классу. Т.к., жизненный мир, жизненный опыт отдельных индивидов и целых социальных групп не носит локального, узконаправленного характера, он плюралистичен в своей основе. Люди и группы идентифицируют себя не с одной, а с множеством социальных групп. Критерии идентичности и самоидентичности существенно расширяются.

Если до конца XX века, человек рождался уже принадлежащим к определенному классу и это определяло его судьбу, то сейчас — эти законы не действуют. Социальная мобильность позволяет многим изменить свой статус, положение, возможности и пр. Но при этом, как отмечает Ульрих Бек, сейчас возникают новые риски — нет ничего, что могло бы дать какую-то гарантию о будущем. «... Ситуации риска, напротив, несут в себе другую опасность. В них нет ничего само собой разумеющегося... Такого рода подверженность опасности не вызывает социальной сплоченности, которая ощущалась бы как пострадавшими, так и другими людьми. Не появляется ничего, что могло бы сплотить их в социальный слой, группу или класс... в классовом обществе бытие определяет сознание, а в обществе риска сознание... определяет бытие»¹.

В основе социальной солидарности лежат коллективные идентичности. Современное общество их теряет. Процессы размывания четких идентификационных характеристик влекут за собой уменьшение солидаризации общесоциальных процессов и увеличение процессов солидаризации в индивидуализации. «Неопределенность наших дней, — говорит Зигмунд Бауман, — является могущественной индивидуализирующей силой. Она разделяет, вместо того чтобы объединять, и поскольку невозможно сказать, кто может выйти вперед в этой ситуации, идея «общности интересов» оказывается все более туманной, а, в конце концов — даже непостижимой. Сегодняшние страхи, беспокойства и печали устроены так, что страдать приходится в одиночку. Они не добавляются к другим, не аккумулируются в «общее дело», не имеют «естественного адреса». Это лишает позицию солидарности ее прежнего статуса рациональной тактики и предполагает жизненную стратегию, совершенно отличную от той, что вела к созданию организаций, воинственно защищавших права рабочего класса»².

Таким образом, социальную солидарность можно рассматривать как моральную ценность общества, как систему особого социального порядка, как систему взаимоотношений индивидов, но в любом случае, особенностью Рос-

---

¹ Бек У. Общество риска. На пути к другому модерну. — М: Прогресс-Традиция, 2000. — С. 44.

² Бауман З. Возвышение и упадок труда. — Социологические исследования. — 2004. — № 5. — С. 82.

сии является то, что власть всегда выступает инициатором и проводником идей социальной солидарности.

Современные социальные практики являются отражением социальной реальности. Изучая их ключевые характеристики, стоит учитывать не только экономические, политические, но и личностные, общественные факторы, которые в своем единстве формируют изменяющееся поле социальной реальности и все вместе формируют новые механизмы проявления и регулирования социальной солидарности.

Библиография

1. Бек У. Общество риска. На пути к другому модерну. — М: Прогресс — Традиция, 2000. — 384 с.
2. Бауман З. Возвышение и упадок труда // СИ. — 2004. — № 5. — С. 77–86.

Вера Владимировна Трофимова

Аспирант кафедры социологии и психологии политики факультета политологии Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова¹

Модели рекрутирования современной российской политической элиты

Аннотация

Статья посвящена проблемам изучения процесса рекрутирования политических элит. Обоснована актуальность использования политико-психологического подхода при изучении данного процесса, а также описаны основные модели рекрутирования современной российской политической элиты на основе исследования биографий ее представителей.

Ключевые слова: политическая элита, рекрутирование, политическая социализация, биографический метод.

Изучение политических элит занимает очень важное место в политической науке, как отечественной, так и зарубежной. Многие работы по данной тематике посвящены исследованию различных характеристик элит, их персонального состава, проблемам их институализации. Также, несомненно, значимой является проблема рекрутирования и смены политических элит. Однако в политологической литературе уделено недостаточное внимание психологическим аспектам данного процесса нередко остается за рамками исследова-

---

¹ Научный руководитель: доктор философских наук, заведующая кафедрой социологии и психологии политики факультета политологии МГУ, профессор Елена Борисовна Шестопап.

ний. В то же время, именно такого рода анализ позволяет определить соотношение объективного и субъективного факторов в процессе политического рекрутирования. Характер, личностные качества и психологические установки индивида определяют его жизненный путь и карьерные траектории, и благодаря всем этим особенностям нынешние члены элиты в нее попали. С другой стороны, некоторые биографические особенности, в свою очередь, оказали непосредственное влияние на личностное и профессиональное становление представителей элиты. Время и место рождения, взаимоотношения в семье, уровень и характер образования — все эти и другие факторы социализации нельзя недооценивать, если мы хотим понять, как и почему человек стремился попасть во власть и в этом преуспел. Биографические и психологические особенности политиков неразрывно связаны между собой, и их изучение в совокупности сможет дать представление о том, как они стали членами политической элиты, как были рекрутированы в нее.

Процесс рекрутирования элиты не проходит абсолютно хаотично, он имеет свою логику и принципы. Если рассматривать современную российскую элиту, то можно предположить, что существуют определенные модели ее рекрутирования. Во всяком случае, представляется возможным проследить то, как нынешние представители политической элиты вошли во властные структуры и заняли свои должности. Именно поэтому при выявлении различных моделей рекрутирования политической элиты основной акцент был сделан на изучении биографических особенностей ее членов. Важно понять не только как данный человек попал в политическую элиту, но и откуда он в нее попал.

Наша гипотеза заключалась в том, что для процесса рекрутирования политической элиты нашей страны в целом существуют некоторые общие закономерности. Вместе с тем, политическая элита не является монолитной, поэтому можно предположить, что у рекрутирования в различные ветви и эшелоны власти существуют свои особенности.

Чтобы выявить основные модели рекрутирования современной российской политической элиты, мы рассмотрели жизненные пути и биографические особенности действующих депутатов Государственной Думы, глав субъектов Российской Федерации, а также членов кабинета министров В. В. Путина. Нас, прежде всего, интересовал профессиональный опыт членов элиты, предшествующий их парламентской, министерской или губернаторской деятельности, а именно профессия, которая стала определяющей в их жизни, способствовала тому, что они, в конце концов, заняли нынешние должности. Мы пришли к следующим выводам.

Большинство депутатов пришло во власть из бизнеса. Число выходцев из бизнес-среды в губернаторском корпусе минимально, а в Правительстве их вовсе нет. Карьерные пути бывших бизнесменов различны: кто-то ушел в бизнес после достаточно длительной трудовой деятельности в других областях, кто-то — сразу после окончания вуза, не имея почти никакой практики

работы. Часть бывших бизнесменов до прихода на нынешние места уже имела опыт работы на государственных постах.

Некоторые депутаты попали в политику не из бизнеса, а с высших должностей на крупных государственных предприятиях (заводы, фабрики и т.д.). Они начинали свой профессиональный путь с низших должностей (рабочий, инженер) и за годы работы смогли пройти всю карьерную лестницу и встать во главе предприятия. От бывших бизнесменов их отличает то, что они не меняли область деятельности, а всё время продвигались по службе в одной отрасли. Их высокая руководящая позиция — результат долгой и упорной трудовой деятельности, а вовсе не везения и предприимчивости, как это могло быть у бизнесменов.

Среди действующих министров и губернаторов много тех, чьим основным видом деятельности ранее являлась государственная служба. До прихода на нее они могли заниматься различными профессиями, но не бизнесом. Также немало таких людей и в депутатском корпусе.

Весьма распространены и в депутатском, и в министерском, и в губернаторском корпусе бывшие представители силовых структур. Они проходили службу в армии, органах внутренней безопасности, внутренних дел, прокуратуры, налоговой полиции и других силовых структурах, после чего занялись общественной деятельностью и построением карьеры в государственных органах власти.

Большую группу занимают в Государственной Думе, Правительстве и среди глав субъектов Федерации государственные деятели, большую часть жизни проработавшие по определенной специальности (юриспруденция, медицина, журналистика и т.д.), никогда не занимавшиеся бизнесом, зато успешно совмещавшие свою основную работу с политикой и общественной деятельностью.

Для членов Государственной Думы характерны еще несколько моделей рекрутирования, которые, в основном, не встречаются в губернаторском и министерском корпусе. Во-первых, партия «Единая Россия» активно включала в свой предвыборный список публичных, узнаваемых людей, которые для многих являются авторитетами и лидерами мнений, хотя они могли быть далеки от политики. Поэтому в Государственной Думе пятого созыва достаточное количество бывших спортсменов и артистов.

Во-вторых, во фракции КПрФ есть депутаты, которые при советской власти занимали высокие посты в государственных структурах и КПСС, а после запрета КПСС и распада Советского Союза остались верны прежней идеологии и стали активистами КПрФ. Несколько человек с похожими биографиями есть и среди действующих губернаторов.

Наконец, партии «Справедливая Россия» и «Единая Россия» охотно рекрутируют в свои ряды людей, чья карьера строилась по профсоюзной линии, а также глав различных общественных организаций и благотворительных фондов.

Итак, можно сделать вывод, что для современной российской политической элиты, действительно, характерны определенные общие модели рекрутирования новых членов. Но при этом существуют различия в рекрутировании в разные ветви и эшелоны власти. Депутатский корпус отличается большим числом моделей рекрутирования по сравнению с Правительством и губернаторским корпусом. Такое неравное соотношение можно объяснить неравенством численности общего состава Государственной Думы, Правительства и губернаторского корпуса. Однако это не основная причина. Очевидно, для назначения на пост министра или выдвижения кандидатуры губернатора предшествующий опыт работы в государственных структурах является ключевым. Поэтому в Правительстве и среди губернаторов бывших чиновников подавляющее большинство. Бывших бизнесменов политические партии охотно включают в предвыборные списки потому, что они могут оказать финансовую поддержку в ходе предвыборной кампании, а также обладают обширными связями. Активное включение силовиков в различные органы власти является вполне объективной закономерностью последних лет. Профессионалы в различных областях могут быть полезны для профильных министерств и комитетов Государственной Думы. Бывшие партийцы представлены в основном в Государственной Думе, во фракции КПРФ, что является вполне привычным. Для «Единой России» привлечение публичных персон и общественных деятелей является новым нестандартным ходом, который позволяет расширить электорат партии, а также обеспечить представительство в Государственной Думе самых разных типов депутатов.

Изучение основных принципов и моделей рекрутирования представителей современной российской политической элиты является актуальной задачей, ведь в результате можно получить представление о качестве элиты, ее способностях выполнять свои функции. Поэтому нашей целью является более детальное продолжение данного исследования.

Библиография

1. *Ашин Г. К.* Формы рекрутирования политических элит // *Общественные науки и современность*. — 1998. — № 3. — С. 85–96.
2. *Ашин Г. К.* Элитология. — М.: МГИМО-Университет, 2005. — 544 с.
3. *Биографический метод в социологии: история, методология, практика / Мещеркина Е. Ю., Семенова В. В.* — М.: Институт социологии РАН, 1994. — 147 с.
4. *Гаман-Голутвина О. В.* Политические элиты России. Вехи исторической эволюции. — М.: Инетеллект, 1998. — 416 с.
5. *Киселёв И. Ю.* Политический истеблишмент: психологические аспекты практики властвования. — М.: ИП РАН, 2000. — 298 с.
6. *Крыштановская О. В., Хуторянский Ю. В.* Элита и возраст: путь наверх // *Социологические исследования*. — 2002. — № 4. — С. 49–60.
7. *Миллс Р.* Властвующая элита. — М.: Иностранная литература, 1959. — 543 с.

8. *Шестопал Е. Б.* Политическая психология: Учебник для студентов вузов. — 2-е изд., перераб. и доп. — М.: Аспект-Пресс, 2007. — 427 с.

Марина Витальевна Цветкова

Студентка кафедры социологии и психологии политики факультета политологии Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова¹

Формирование элиты как средство управления имиджем государства

Аннотация

Залогом развития нации является ее интеллектуальный капитал. Вектор развития государства проектируется элитой общества, т. к. она создает условия для возникновения интеллектуального капитала, что и определяет имидж страны. Следовательно, первоочередной задачей настоящего времени является формирование элиты, адекватной базовым ценностям самого общества.

Ключевые слова: элита, имидж, гражданские институты, развитие, политика, государство.

Проблема

Одним из основных факторов формирования образа государства в мире, является имидж его национальной элиты. Образы элиты являются одним из символов общественной идентичности, как фактора единства всей нации. Поэтому роль имиджа в мировом сообществе становится инструментом в международных отношениях².

Существующие имидж-технологии направлены в основном на формирование имиджа личности политика. Анализ показал, что еще нет четких представлений функционирования имиджа элиты, отражающих национальную идею и влияющих на геополитику страны.

Между тем, это весомый ресурс создания имиджа государства, как значимого субъекта мирового экономического и социально-политического процесса.

Роль и условия существования элит

Основная функция элит заключается в распределении материальных продуктов, производимым всем обществом. По мере развития общества неко-

---

¹ Научный руководитель: кандидат исторических наук, доцент кафедры социологии и психологии политики МГУ **Татьяна Васильевна Евгеньева**.

² *Шестопал Е. Б.* Образы власти в постсоветской России. М., 2004.

торые технологические достижения становятся достоянием достаточно широких слоёв населения отдельных стран. Элиты, таким образом, обеспечивают технологическое развитие при недостаточном уровне материального обеспечения социума. В это время наличие элит является абсолютно необходимым условием материального развития общества.

Как показал К. Маркс, прибавочный продукт превращается в товар и создаёт прибавочную стоимость через механизм купли-продажи¹. Прибавочная стоимость присваивается элитой общества, и только часть этой стоимости элита направляет на социальное и технологическое развитие.

На всех этапах развития необходимо увеличивать интеллектуальную массу, из которой производятся выборки для извлечения новых идей. Такие идеи можно получить из материально обеспеченной части населения. Поэтому необходимо содержать элиту, чтобы гарантированно иметь интеллектуальную группу², поскольку для нормального обеспечения всех членов общества ресурсов ещё не достаточно.

Таким образом, внесударственный имидж национальных элит достаточно полно определяет полезность модели общества.

Реорганизация института формирования элит

Для формирования имиджа государства через имидж национальных элит необходимо чтобы базовые ценности общества (принципы распределения ресурсов жизнеобеспечения и мотивация развития миропознания) и базовые ценности элиты были адекватны.

Если принять за постулат, что базовые ценности развития общества инвариантны и общеприняты положительными, то базовые ценности элиты индивидуальны и не адекватны системным принципам управления.

До сих пор потребности роста материального уровня жизни людей, с одной стороны, и элитарные ограничения на увеличение интеллектуальной части общества, чьи интересы направлены на поиск новых идей развития, с другой стороны, приводили к созданию более широкой элиты. Такой сценарий осуществлялся в обществе на протяжении всей истории развития человечества. Это стохастическая процедура формирования элит не изменяла базовых ценностей новой элиты.

Необходимо изменение мотивов и процедуры формирования элит.

Для решения задачи элитного формирования имиджа государства необходимо изменение условий деятельности самой элиты. Реорганизация института элит как средство формирования имиджа государства априори не может быть реализована существующей элитой. Следовательно, необходимо создавать иные гражданские институты, расширяющие круг участников данного

---

¹ См.: К. Маркс, Ф. Энгельс. Сочинения. Изд. 2-е. Т. 26, — М.: Политиздат, 1964. — 674 с.

² См.: Бердяев Н. Смысл истории. М.: Мысль, 1990.

общественного процесса. Главная задача здесь — создание институтов, которые позволят обеспечить условия для иного, наднационального имиджа элит.

Выводы

Основная проблема — поиск процедур формирования элит, имидж которых являлся национальным достоянием и важнейшим социальным и политическим ресурсом общества и государства.

Новая элита должна иметь некие базовые ценности, отвечающие вектору развития государства (базовые ценности самой элиты и ценности общества должны быть адекватны, т.е. элита не должна замыкаться на самой себе).

Необходимо начать формировать элиты не по принципу стохастической выборки «управляющих» прибавочной стоимостью общества, а по принципу детерминированного производства «эдисонов».

Библиография:

1. *Бердяев Н.* Смысл истории. М.: Мысль, 1990.
2. *К. Маркс, Ф. Энгельс.* Сочинения. Изд. 2-е. Т. 26, — М.: Политиздат, 1964. — 674 с.
3. *Пищева Т. Н.* Образ идеального политического лидера в массовом сознании / Т. Н. Пищева, Н. П. Шелекасова // Вестник Моск. Университет. — 2006. — №2.
4. *Смирнова И. С.* Национальный и международный имидж британской политической элиты и ее лидеров: особенности функционирования и влияние на современный политический процесс: диссертация доктора политических наук: 23.00.02 / С.-Петербург. гос. ун-т.- Санкт-Петербург, 2006.- 409 с.
5. *Шестопал Е. Б.* Образы власти в постсоветской России. М., 2004.

**Политическая
коммуникативистика**

Олеся Викторовна Латышева

Магистрант гуманитарного факультета кафедры социологии и политологии
Тульского государственного факультета¹

Влияние информационных ресурсов сети Интернет на формирование электорального поведения граждан России

Аннотация

В статье рассматривается проблематика влияния информационных ресурсов сети Интернет на формирование электорального поведения граждан России. Выявлена специфика функционирования основных типов интернет-технологий, относящихся к информационным сетевым ресурсам: сайты, блоги, форумы, интернет-конференции, социальные сети, форумы. Автором определены особенности политической рекламы, представленной в медийном секторе русскоязычного Интернета, описана роль политической элиты в оптимизации интернет-технологий как инструмента влияния на формирование электорального поведения. Представлена специфика информационного ожидания в отношении политического сегмента веб-пространства как со стороны политических акторов, так и со стороны электората.

Ключевые слова: информатизация, киберсоциализация личности, политический Интернет, интернет-аудитория, интернет-представительства, блог, сетевые ресурсы, медийные ресурсы, виртуальная политическая активность, сетевой PR-потенциал.

Феномен влияния информационных ресурсов сети Интернет на формирование электорального поведения российских граждан связано, прежде всего, с процессом информатизации современных обществ.

Информатизация представляет собой политику и процессы, направленные на построение и развитие телекоммуникационной инфраструктуры, объединяющей территориально распределенные информационные ресурсы. При этом данное явление это не столько технологический, сколько социальный и даже культурологический процесс, связанный со значительными изменениями в образе жизни населения, включая политическую сферу.

Стоит отметить, что Интернет — это глобальная телекоммуникационная сеть информационных и вычислительных ресурсов, при этом пользователи имеют дело с первой составляющей.

---

¹ Научный руководитель: доктор политических наук, профессор кафедры политологии и политического управления Российской академии государственной службы при Президенте РФ **Михаил Григорьевич Анохин**.

Увеличение интернет-аудитории обусловило привлечение к глобальной сети внимания со стороны государственной власти, политических партий и лидеров, что позволило Интернету стать атрибутом политической жизни. В настоящее время имеют место такие явления как киберсоциализация личности, политический Интернет.

При этом политический Интернет на сегодня представляет собой часть современного информационного пространства, важную составляющую глобальных электронных сетей.

Сущностью политического Интернета является удовлетворение политико-информационных и политико-коммуникационных потребностей участников политического процесса вследствие их взаимодействия посредством особых современных компьютерных ресурсов, программных продуктов и технологий. Естественно, что Интернет приобретает особое значение в избирательных кампаниях, когда информационные технологии превращаются в прямой инструмент влияния на электорат.

Сеть Интернет позволяет расширить масштабы и формы взаимодействия субъектов политики в виртуальном пространстве. Арсенал политических возможностей сети весьма разнообразен: от проведения информационно-политических акций, агитации до организации официальных голосований на выборах в органы власти. Использование Интернета в избирательных кампаниях, в отличие от применения традиционных СМИ, обладает рядом преимуществ.

Интернет доступен круглосуточно, открыт для передачи любой информации, сочетает возможности прямой и косвенной политической рекламы. Важно, что в веб-пространстве инициатором взаимодействия выступает население. Интернет-представительства органов государственной власти, политических партий, общественных организаций, традиционных средств массовой коммуникации и электронных информационных ресурсов, не имеющих печатных аналогов, персональные сайты политиков, их блоги, блоги сторонников, а также серверы, предоставляющие услуги по размещению форумов, конференций — представляют собой совокупность ресурсов, образующих политический сегмент Рунета.

Что же касается функциональной нагрузки веб-пространства в политической коммуникации, то это, прежде всего, осуществление мобилизации сторонников политической партии или политического лидера, коммуникация между элитами. В избирательных кампаниях глобальная сеть выполняет информационную, коммуникационную, функцию формирования общественного мнения, мобилизационную, рекламную, а также манипулятивную функции.

В процессе предвыборной борьбы используются такие сетевые ресурсы как официальные и неофициальные интернет-представительства политических партий или отдельных политиков, блоги, интернет-конференции, городские веб-форумы, что позволяет существенно расширить формы взаимодействия между политическими акторами и электоратом. Выделяют следующие

типы интернет-представительств: открытые, полуоткрытые, закрытые, так же данный тип веб-ресурсов разделяют на тематические сайты и тематические порталы. Сайты российских политических партий относятся к открытым, внешним по доступу, тематическим, при этом они совмещают в себе характеристики представительского и корпоративного типа сайтов. Коммуникационные возможности интернет-представительств позволяют размещать помимо информационного материалов агитационные ролики и листовки, тем самым реализуется главное назначение сайта политического лидера — реклама, круглосуточная трансляция активной деятельности кандидата. Отдельным направлением при реализации PR-потенциала сайтов в избирательной кампании является размещение компромата на специализированных интернет-представительствах. Характерной особенностью блогов является создание ощущения непосредственного диалога с политическим деятелем, а интернет-конференция в ходе избирательной кампании, в свою очередь, выполняет функции фокус-группы.

К традиционным типам политической коммуникации реализуемых посредством глобальной паутины на современном этапе относят также социальные сети, что явилось следствием популяризации данного ресурса среди населения, и городские веб-форумы. В российском сегменте Интернета медийные ресурсы представлены электронными версиями традиционных СМИ и собственно сетевыми изданиями, не имеющими печатных аналогов. К основным преимуществам сетевых средств массовой информации можно отнести оперативность, способ хранения архива, удобство просмотра содержания, интерактивность. В избирательных кампаниях сетевые СМИ используются в русле легитимизации информации на интерактивных сайтах, имитации мнения субъекта, обсуждение тем, затронутых традиционными СМИ, «реанимирования» информации. Носителями внешней рекламы выступают баннеры (графическое изображение), контекстная реклама (ознакомление потенциальных избирателей с программными положениями) и текстовые блоги (гиперссылкой на веб-страницу с расширенным описанием продукта).

В целом, веб-среда в политическом процессе является тем редким исключением в рамках российской действительности, когда инициатором взаимодействия выступают граждане и именно увеличение доли пользователей в сети, роста интереса и доверия к ее политическому сегменту, обусловило вовлечение политических акторов в виртуальное пространство. Свыше ¼ россиян являются представителями недельной аудитории, по региональным показателям к таковой относится 66% .¹ В Интернете имеет место так

---

¹ Опрос «Интернет как инструмент влияния на электоральное поведение населения г. Тулы» (2010 г.). Массовый опрос. Руководитель: доктор политических наук, профессор М. Г. Анохин, лаборатория социально-политических исследований Тульского государственного университета. Выборочная совокупность невероятная (неслучайная). Ошибка выборки — не превышает 3%.

называемая «сетевая демократия», населению, в особенности молодежи важно ощущать причастность к происходящим в стране событиям, иметь возможности донести свою точку зрения, участвовать в диалоге с государственной властью. В то время как, веб-технологии демократизируют и упрощают взаимодействие политических акторов и электората. К тому же внимание современного избирателя уже довольно сложно удерживать традиционными типами политической коммуникации, что подтверждает сохраняющийся уровень вовлеченности граждан в избирательный процесс.

Имеет место и расхождение в информационном ожидании со стороны граждан и политических акторов. Наиболее популярными Интернет-ресурсами политического характера среди населения являются сайты информационно-аналитических центров. Избиратель стремится формировать свою оценку происходящих событий на основе экспертной информации.

В то время как политические лидеры считают наиболее эффективным формальное сетевое присутствие посредством официальных интернет-представительств, что обуславливает неполную реализацию сетевого PR-потенциала.

Естественно, что на сегодняшний день существует ряд проблем, среди которых неравносность зон покрытия, а соответственно и доступа граждан к сети. Что и явилось причиной неоднозначной оценки профессиональным сообществом глобальной паутины в качестве площадки взаимодействия с электоратом.

Тем не менее, комплекс мер, осуществляемый государством, по инициативе президента Д. А. Медведева, направленный на компьютеризацию страны повлечет за собой дальнейшее расширение числа пользователей Рунета, и его политического сегмента в том числе.

Политическим акторам необходимо расширение форм включенности в виртуальную среду, а так же обеспечение в ней качественного присутствия, поскольку только в этом случае будет возможно оказание влияния на процесс формирования электорального поведения. В противном случае, мы или потеряем электорат, или получим проблему виртуальной политической активности, не имеющей реального выхода.

Библиография

1. *Плющ А. Н.* Об информационном влиянии политических субъектов на электорат// Социс. — 2010. — № 1. — С. 77–86.
2. *Тихонова С. В.* Коммуникационная революция сегодня: информация и сеть// Полис. — 2007. — № 3. — С. 53–63.
3. *Шевченко А. В.* Человек политический против человека информационного// Полис. — 2009. — №5. — С. 68–84.

Светлана Александровна Новикова

Выпускница историко-политологического факультета Пермского государственного университета

Блогосфера и социальные сети как коммуникативные и имиджевые инструменты органов власти (на примере предвыборных кампаний в США)

Аннотация

В данной статье рассматривается опыт использования новых интернет-технологий (ов частности, блогов и социальных сетей) в предвыборных кампаниях 2004 и 2008 года в США. Автор делает выводы о преимуществах использования данных инструментов коммуникации в политической и общественной деятельности.

Ключевые слова: коммуникация, интернет, блоги, социальные сети, предвыборная кампания.

Новые возможности блогов и социальных сетей как инструментов прямого и доверительно общения с гражданами, а также интеграции разных типов контента — текстового, графического, интерактивного, постепенно поняли и попытались использовать представители элиты: подразделения по связям с общественностью политиков и органов власти, а также предвыборные штабы политиков и партий.

Среди первых, можно даже сказать «примитивных» форм обратной связи с избирателями, были электронные письма и форумы. Например, в 1998 году Том Кэмпбелл, конгрессмен от пятого округа Калифорнии (Силиконовая долина) открыл городской сайт, где переписывался с избирателями, делился с ними своими намерениями и мыслями, отвечал на вопросы и собирал просьбы и проблемы. Можно сказать, сайт использовался как блог-платформа, поскольку содержал не только новости, но и возможность общения и обратной связи, кроме того — Кэмпбелл осуществлял общение лично, что, без сомнений, повышало доверие избирателя. Еще одним локальным примером была избирательная кампания Кристины Тодд Уитмен, которая баллотировалась в губернаторы штата Нью-Джерси, она привлекла активистов в кампанию через Интернет. Этот механизм, который получил название *cyber-volunteering*, позднее в полной мере использует Барак Обама.

Первопроходцами, «пионерами» в части применения блогов в предвыборном процессе стали демократы в ходе кампании 2004 года и, в частности, кандидат в президенты Говард Дин. Даже о своем решении баллотироваться на пост он объявил через интернет (через 4 года его примеру последует и Хилари Клинтон).

Дин, будучи на тот момент фаворитом избирательной гонки от демократов, создал блог «Dean Call To Action», где давал развернутые комментарии

событий, критиковал республиканцев, призывал сторонников к консолидации. Он же стал первым, кто применил блоги для фандрайзинга — сбора пожертвований в фонд избирательной кампании. Через Интернет он получил 7,4 млн. долларов, то есть почти половину от всей суммы, полученной на избирательную кампанию.

Исследователь Томас Хилд отмечает, что «члены команды Дина твердо верили, что они на практике осуществляли идею «демократии участия», о чем во многом свидетельствуют децентрализованные и функциональные аспекты кампании»¹.

Президентская кампания 2004 года стала первым шагом к осознанию и активизации использования блогов и личных страниц как инструментов ведения кампании. По данным компании Pew Internet & American Life Project, на момент старта кампании 2004 года примерно 32 миллиона американцев постоянно или периодически читали блоги (население составляло примерно 290 млн.)²

Уже в 2008 году Хиллари Клинтон и Барак Обама стали пользоваться этими техническими средствами сполна. По ходу кампании кандидаты в президенты США Барак Обама, Хиллари Клинтон, Джон Эдвардс завели себе личные страницы на MySpace — самой популярной социальной сети и, по совместительству, блог-платформе Америки³. Более того, на видеохостинге YouTube был создан специальный канал, посвященный предвыборной кампании, для просмотра были доступны видеоролики с выступлений кандидатов.

Рассмотрим более подробно опыт использования блогов в предвыборной кампании 44-го Президента США Барака Хусейна Обамы.

В течение 2007-2008 годов организаторы кампании Обамы работали над изучением и применением новых интернет-технологий, которые на выборах 2004 года обеспечили интерес к кандидатуре Говарда Дина, придавая им вид традиционной агитации «от двери к двери», с которой кандидат был знаком не понаслышке, работая активистом демократов в родном городе, и которую считал очень эффективной. В предвыборной кампании Обамы были применены и форма личного дневника-исповеди, и видео-блогинг, и онлайн пожертвования, и социальные сети, и специальные, в том числе игровые сер-

---

¹ Хилд Т. Космополитический проект: имеет ли Интернет глобальное публичное значение? // Интернет в общественной жизни. The internet in public life. — М.: Идея-пресс, 2006. — С. 141.

² Survey: 53 Million Americans Help Create the Online World. 2004. — Mar 3. [Электронный ресурс] Pew Internet&American Life Project. [2004]. URL: <http://www.pewinternet.org/Media-Mentions/2004/Survey-53-Million-Americans-Help-Create-the-Online-World--Survey-Show-Almost-Half-of-Amer.aspx>. (дата обращения: 10.02.09).

³ Прим. <http://www.myspace.com/hillaryclinton>; <http://www.myspace.com/barack-obama>

висы. К примеру, технологами Обамы было создано специальное онлайн приложение для iPhone — «Позвони друзьям», которое позволяло владельцам данного смартфона получать самые свежие новости о ходе предвыборной кампании, видео, фотографии и заявления кандидата, призванные помочь пользователям убедить своих друзей голосовать за Обаму¹.

Как мы уже отмечали выше, Обама пользовался популярными в США социальными сетями и блог-платформами, в частности, My Space. На январь 2009 года блог уже избранного президента США насчитывал более полутора миллионов постоянных читателей, а комментарии только за 5 ноября 2008 года (день объявления итогов выборов) превышают 100 тысяч.

Помимо страницы на MySpace, командой Обамы была создана собственная независимая платформа <http://my.barackobama.com>, где располагается не только личный блог кандидата, но существует возможность регистрации и ведения собственного дневника, где можно узнавать о событиях и новостях кампании, получать приглашения на митинги и встречи в твоём городе, общаться с единомышленниками. Данный портал активно использовался для привлечения сторонников и организации их участие в кампании, под девизом «Organizing for America». Наиболее активные участики сайта получали своеобразные очки за каждое действие, например за посещение мероприятий, за агитацию своих соседей и друзей (door knocking), за написание поста в блоге, за присоединение к сообществу по интересам, за пожертвование денег и т.д. На MyBarackObama также существовала возможность интеграции твоего блога с личными страницами на любом другом блог-сайте или социальной сети (сервис ObamaEverywhere).

Интересно также то, что Обама очень активно использовал интернет для сбора средств в избирательный фонд на его личной странице и в блоге были расположены сервисы под названием «Donate», с помощью которых можно было перевести денежные средства, в том числе и электронные, на его счет. К сожалению, данных о том, какую долю средств, таким образом, удалось выручить нет, но судя по популярности его интернет-дневника среди, особенно, молодых людей сумма была набрана приличная.

Каковы же, исходя из вышерассмотренных примеров, преимущества блога в ходе ведения избирательной кампании? На наш взгляд, их несколько, вот основные:

Во-первых, интернет-блоги имеют преимущество перед телевидением и печатными СМИ, поскольку последние не всегда дают возможность кандидату сполна высказать свои взгляды по той или иной проблеме, зачастую ограничивая речь кандидата короткими фразами или цитатами.

В то время как в Интернете контроль над содержанием выступления и его продолжительностью, полностью принадлежит кандидату.

---

¹ Новый PR-ход Барака Обамы — программа для iPhone. [Электронный ресурс] Admarket.ru [2008] URL: http://www.admarket.ru/news/news_9776.html. (дата обращения: 03.05.09).

Во-вторых, интернет дает больше возможностей для получения обратной связи — комментарии, электронные письма, добавления в читаемые блоги, он-лайн пожертвования — это «живое» выражение популярности кандидата.

Политик получает возможность отслеживать общественное мнение, возможно, корректировать свои действия.

В-третьих, блогосфера дает всем политикам, включая тех, кто не обладает огромными возможностями и ресурсами для рекламной и PR-компаний, возможность донести свои идеи, взгляды, принципы до аудитории, она выступает своеобразным рупором. Обратная сторона — это использование блогов оппозиционными, зачастую маргинальными движениями и политическими силами, для которых официальные каналы коммуникации являются закрытыми.

Барак Обама и его штаб стремились перенести в жизнь традиционные образцы предвыборных кампаний на низших этажах политической системы — общения кандидата и избирателя, так называемого “door-knocking” — хождения от двери к двери. Огромным подспорьем для них стали социальные сети, в частности Facebook и MySpace.

Накануне выборов сайт techpresident.com опубликовал статистику поддержки кандидатов среди пользователей социальных сетей. Среди пользователей Facebook на 9 октября 2008 года Обама имел 2 037 315 «друзей», а Маккейн всего 564 954. Аналогичная картина наблюдалась и в социальной сети MySpace. 31 октября 2008 года Обама «дружил» с 812 536 пользователями, а Маккейн — с 211 592. В обоих случаях количество поддерживающих Барака Обаму превышало аналогичный показатель у Джона Маккейна почти в 4 раза.

Эта статистика значила довольно много. Социальные сети позволили в конечном итоге получить немалую поддержку, причем сами же «друзья» кандидата работали как агитаторы.

В социальных сетях они приглашали своих знакомых на встречи, в группы, сообщества, агитировали колеблющихся, обменивались фото- и видеоматериалами.

Исследователь И. А. Быков также отметил, что «Обаме удалось повысить явку избирателей, подключив к голосованию тех людей, которые ранее считались закоренелыми абсентеистами, т.е. пользователей глобальной сети Интернет»¹.

Таким образом, поддержка пользователей социальных сетей и использования блогосферы стало одним из немаловажных факторов успеха Обамы на президентских выборах 2008 года.

---

¹ *Быков И. А.* Социальные сети в избирательной кампании Барака Обамы // Материалы Пятого конгресса Российской ассоциации политической науки (РАПН), (Москва, 20 — 22 нояб. 2009 г.). — М., 2009.

Анастасия Евгеньевна Чурикова

Соискатель кафедры российской политики факультета политологии Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова¹

Личностный стиль как фактор политических переговоров

Аннотация

В статье рассматривается роль личностного стиля в процессе политических переговоров, анализируются различные типы переговорных стилей и их эффективность. В качестве примера рассматриваются переговорные стили ведущих российских и зарубежных политических лидеров: Д. А. Медведева, В. В. Путина, Б. Обамы и др.

Ключевые слова: политические переговоры, личность, коммуникации, личностный стиль ведения переговоров.

В основе любой переговорной ситуации лежит процесс межличностной коммуникации, предполагающей использование различных психологических уловок, аргументов, определенной риторики. Поэтому индивидуальные особенности переговорщиков, их профессиональные и психологические качества оказывают значительное влияние на ход переговоров и их результаты.

При построении переговорной стратегии необходимо учесть личностные особенности участников как со своей стороны, так и со стороны партнеров. Личностный стиль ведения переговоров — это совокупность профессиональных качеств, индивидуальных черт характера, образцов поведения и особенностей коммуникации, определяющих формы и методы взаимодействия личности с партнерами по переговорам. На формирование переговорных стилей влияют как субъективные факторы: индивидуальные психологические и коммуникативные качества, профессиональная компетенция участников, — так и объективные составляющие: конкретные переговорные ситуации, цели и задачи сторон, соотношение сил и др.

В переговорной практике исследователи выделяют несколько личностных стилей ведения переговоров. Так, К. Селлих и С. Джейн условно разделяют переговорщиков на пять категорий: «перестраховщик», «мечтатель», «спорщик», «противник» и «решатель задач».²

Обобщая собственный опыт участия в переговорах, голландский специалист В. Мاستенбрук выделил четыре основных переговорных стиля: аналитико-агрессивный, гибко агрессивный, этичный, общительный.³ Аналитико-

---

¹ Научный руководитель: доктор политических наук, профессор кафедры российской политики факультета политологии МГУ **Ирина Алексеевна Василенко**.

² *Селлих К., Джейн С. С.* Переговоры в международном бизнесе. — М., 2004. — С. 86.

³ *Мастенбрук В.* Переговоры. — Калуга, 1993. — С. 105-106.

агрессивный стиль характеризуется тем, что политический лидер, переговорщик отдает предпочтение тщательному анализу, фактам и цифрам. Такой человек может требовать безупречной логики рассуждений, он заранее просчитывает все возможные альтернативы. Выделяются также такие черты, как надежда на процедурную обоснованность, склонность к предсказуемости, жесткое следование целям.

Аналитический стиль, без проявлений агрессивности, на переговорах демонстрирует российский президент Д. А. Медведев. Будучи юристом по образованию, он ценит логическую аргументацию и точные факты, досконально вникает в дела, стремится последовательно доводить начатое до конца, в профессиональной деятельности всегда опирается на конкретную проверенную информацию и отличное знание законодательства. На переговорах Медведев обычно стремится к объективности оценок и всестороннему рассмотрению самых сложных проблем.

Например, во время переговоров в рамках саммита G8 на о.Хоккайдо (2008 г.) эксперты отмечали хорошую подготовку российского лидера, его уверенную ориентацию в сложной материи современной внешней политики — от проблем стратегической ПРО до международных финансов и от продовольствия до глобального потепления. Они также отмечали сообразительность и эрудированность Медведева, его спокойный стиль ведения переговоров.¹ Экс-министр обороны США Роберт Гейтс, описывая свои впечатления после своей первой встречи с Д.Медведевым, подчеркнул: «Медведев показался мне довольно рассудительным, он четко выражает свои мысли. Он довольно хорошо ориентируется в теме — иностранная политика и вопросы иностранной безопасности не были его прерогативой в прошлом — но он говорил о них весьма, весьма осведомленно. Я был впечатлен».²

Итак, для «аналитика» на переговорах характерна тщательная подготовка, глубокое изучение рассматриваемой проблемы, стремление к взвешенности и объективности. Согласно классификации личностных стилей К. Селлиха и С. Джейна, он близок манере переговорщика как «решателя задач».

К проблемным сторонам переговорщика, придерживающегося аналитико-агрессивного стиля, исследователи относят такие качества, как склонность к дотошному исследованию деталей, отсутствие импровизации в случае необходимости. Такой человек может быть недостаточно чувствителен к атмосфере при обсуждениях того или иного вопроса. В конфликтной ситуа-

---

¹ Тренин Д. Внешняя политика Медведева: пора ставить задачи [Электронный ресурс] // Ежедневный Журнал : [сайт]. [2008]. URL: <http://www.ej.ru/?a=note&id=8216> (дата обращения: 23.09.2010)

² Огай Н. Министра обороны США очень удивил тон встречи с Медведевым [Электронный ресурс] // Российский бизнес : [сайт]. [2008]. URL: <http://rb.ru/topstory/politics/2008/03/18/134737.html> (дата обращения: 22.09.2010)

ции такой переговорщик неподатлив, он скорее будет искать подтверждения своей правоты, бывает нетерпим к другим точкам зрения.

Более гибкая и динамичная манера общения присуща другому переговорному стилю, названному Мастенбруком «гибко агрессивным». Этот переговорный стиль выбирает тот переговорщик, который любит завершенность, стремиться к последовательному завершению всех дел. Он любит организовывать, заводить других. Такой переговорщик, как правило, извлекает выгоду из всего. Он действует быстро, любит вызов и риск, что повышает уровень напряженности в атмосфере переговоров. Тот, кто следует гибко агрессивному переговорному стилю, все держит в движении, подает новые идеи. Однако, в силу того, что такой человек берет на себя всю инициативу, для других шансов практически не остается. Кроме того, он достаточно нетерпелив и импульсивен.¹

Подобный переговорный стиль во многом характерен для украинского политика Юлии Тимошенко. В частности, на переговорах в ситуации «газового конфликта» с Россией в 2009 г. Ю. Тимошенко продемонстрировала гибкость, динамичность и креативность, способность быстро реагировать на изменения конъюнктуры. Кроме того, украинский премьер проявила также политическую волю, инициативу и способность брать на себя ответственность. «Правительство берет на себя всю полноту ответственности за преодоление не нами инициированного кризиса в газовых отношениях с Россией... Для того, чтобы действовать эффективно и ответственно, в газовой дипломатии будет только одна правительственная линия, которая и будет неуклонно воплощаться в жизнь», — подчеркнула Тимошенко². Таким образом, инициативность, прагматичность, гибкость и компромиссный подход Ю.Тимошенко (характеризующие ее как переговорщика в гибко агрессивном стиле) позволили украинской стороне «спасти лицо» на переговорах и способствовали достаточно быстрому разрешению конфликта. Согласно классификации личностных стилей К.Селлиха и С.Джейна, она на переговорах является «спорщиком».

Что касается *этичного стиля*, то его сторонники на переговорах свято верят в общие нормы и устанавливают высокие стандарты для всех участников переговорного процесса. Для такого переговорщика характерно независимое мышление, он придерживается принципов. Вносимые с его стороны предложения, как правило, в общих интересах. В рамках этичного стиля проявляется деликатность, готовность помочь, предупредительность. Такой человек во время политических переговоров может играть роль «моста» между двумя сторонами. Что касается отрицательных черт, то представитель этичного переговорного стиля склонен к поучениям и «проповедям». Он может

---

¹ Мастенбрук В. Указ.соч. — С. 105.

² Путин признал, газовый кризис нанес России политический ущерб [Электронный ресурс] // NEWSru.com : [сайт]. [2009] URL: <http://www.newsru.com/russia/17jan2009/putinu.html> (дата обращения: 22.09.2010).

постоянно указывать на идеалы и общие ценности, в чем иногда доходит до абсурда. Непродуктивные аспекты, в случае их чрезмерного использования — быть в позе «просителя», отступать и не откликаться на свежие идеи, отдавать чуть большее предпочтение, чем требуется, идеалам и общепринятым ценностям, что превращает человека в «мечтателя». Такой переговорщик будет защищать свою точку зрения, поскольку он считает себя правым. Однако если все же приходится уступить, то это отражается на его эмоциональном состоянии. При разочаровании такой человек уклоняется, что может усугубить сложившуюся ситуацию. Согласно классификации личностных стилей К.Селлиха и С.Джейна, он близок манере переговорщика — «мечтателя». Такая манера вести переговоры была характерна для М.С.Горбачева.

Четвертый личный переговорный стиль — *общительный*. Люди, склонные к нему, как правило, очень общительны, обладают личным обаянием, гибки. Для переговорщика, придерживающегося этого стиля, характерно позитивное воздействие на атмосферу переговоров. Он готов к экспериментам, откликается на интегративные решения. Однако оказывает минимум сопротивления в случае столкновения интересов. Он вынужден выбирать позицию, амбивалентен. Для того, чтобы сохранить согласие и добрые отношения приверженец этого стиля может уступить в результате переоценки компромисса.¹

Некоторые черты общительного стиля на переговорах — гибкость, умение слушать собеседника, риторический стиль, коммуникабельность — демонстрирует президент США Барак Обама. Ораторские способности и красноречие американского президента производят впечатление на коллег и партнеров по переговорам. По словам американских журналистов и политологов, во время своих выступлений Обама «всегда выглядит как человек, полный самообладания — он очень спокоен, в его выступлениях есть какая-то внутренняя умиротворенность»².

В рамках сложного переговорного процесса между РФ и США о мерах по дальнейшему сокращению и ограничению стратегических наступательных вооружений американскому президенту удалось продемонстрировать конструктивные качества переговорщика. Вот как характеризует Обаму как партнера по переговорам его коллега — президент РФ Дмитрий Медведев: «Он комфортный партнёр, с ним интересно... Он старается слышать партнёра. Это для политика важное качество, потому что каждый политик в меру ментор, он провозглашает что-то. ... Он неплохо погружен в материал. У меня никогда не было случая, когда бы я общался с Президентом Обамой, и он

---

¹ *Мастенбрук В.* Указ. соч. — С.108.

² *Холмс С.* Обама и искусство красноречия [Электронный ресурс] // BBC Russian.com : [сайт]. [2010]. URL: <http://news.bbc.co.uk/hi/russian/international/newsid7737000/7737249.stm> (дата обращения: 22.09.2010).

оказался неготовым к какому-то вопросу. ... И, наконец, он просто симпатичный человек, с которым приятно иметь дело»¹.

Таким образом, личный переговорный стиль — один из основных элементов в переговорной игре. Каждый из описанных стилей имеет свои преимущества и недостатки, и в зависимости от целей конкретных переговоров эффективным может оказаться использование любого из них. Например, при слабой позиции возможно использование стиля «перестраховщика», а в условиях конкуренции и острого соперничества больше подходят стили «спорщика» или «конкурента». По мнению экспертов, наиболее эффективным в большинстве переговорных ситуаций (при слабой и сильной позиции) является «решатель задач», который ведет себя творчески и стремится найти решения, которые устраивают обе стороны. Сторонники данного переговорного стиля открыто делятся информацией, хорошо умеют слушать, задают много вопросов, чтобы понять позицию другой стороны, и ориентированы на компромиссный подход «выиграть-выиграть».²

Премьер-министр Владимир Путин на переговорах придерживается именно такого стиля. Политические психологи полагают, что личность В. Путина в наибольшей степени соответствует типу «администратор»³. Главными характеристиками этого типа являются решительность, ответственность, выраженные управленческие качества, умение общаться с людьми, развитое чувство реальности, настойчивость в достижении цели, способность находить компромисс. Еще одной характеристикой личности Путина эксперты называют альтернативность мышления. Например, в кризисной ситуации такой лидер способен четко определить множество вариантов выхода из кризиса. Каждый из таких вариантов досконально просчитывается. Что касается межличностного общения, то, по мнению психологов, Путин готов ответить на инициативу сближения с людьми, а также проявить благодарность за нее. В целом, он стремится к формированию доброжелательной атмосферы.⁴

Такие свойства личности Путина, как творческий подход к работе, умение слушать собеседника, способность находить компромиссные решения, отстаивать свою позицию и вести конструктивный диалог вписываются именно в стиль «решателя задач». В деловой активности вообще и на перегово-

---

¹ Интервью Дмитрия Медведева американскому телеканалу «Эй-Би-Си ньюс» 12.04.10. [Электронный ресурс] // Президент России : [сайт]. [2010]. URL: <http://special.kremlin.ru/news/7435> (дата обращения: 22.09.2010).

² Селлих К., Джейн С. Указ.соч. — С. 92.

³ Зорин В.А. Роль личностного фактора в становлении президентства в России, Украине и Белоруссии: политико-психологический анализ личностей В. В. Путина, Л. Д. Кучмы и А. Г. Лукашенко : Дис. ... канд. полит. наук : 19.00.12 : М., 2003. — С. 45.

⁴ Гольдберг И., Денисенков Н. Психологический портрет Путина [Электронный ресурс] // ПСИ-ФАКТОР: [сайт]. URL: <http://psyfactor.org/lib/putin3.htm> (дата обращения: 20.09.2010).

ворах в частности Путин обычно избегает догматизированных схем, указаний и предписаний, способен в равной мере конкурировать, сотрудничать, заключать компромиссные сделки — в зависимости от обстоятельств.

Вспомним, например, как он вел себя на переговорах с украинской стороной во время «газового конфликта» 2009 г. С одной стороны, проявление личной симпатии к премьеру Юлии Тимошенко способствовало развитию конструктивных переговоров, направленных на достижение компромисса, а не на демонстрацию позиций. В то же время, решительность и твердость Путина в плане отстаивания собственных позиций на переговорах сочеталась с внешней открытостью и готовностью к сотрудничеству и взаимовыгодным решениям. Здравомыслие, ответственность, умение держать себя в руках и владеть своими эмоциями, наряду с решительностью и настойчивостью, позволили В.Путину и Ю.Тимошенко достойно завершить очередной этап переговоров и способствовали развитию конструктивного диалога между российской и украинской стороной. Лидерские и коммуникативные качества российского и украинского премьер-министров сыграли позитивную роль в процессе переговоров, что способствовало четкому распределению акцентов в рассматриваемом вопросе, определению компромиссного подхода к решению проблемы и, так или иначе, выходу из кризиса зимы 2009 г.

Подводя итог, можно сделать вывод, что личностный стиль является важным элементом переговорного процесса. В стиле ведения переговоров находят отражение психологические и коммуникативные свойства личности, а также профессиональная компетенция, лидерские и управленческие качества переговорщика. Наиболее эффективным в процессе политических переговоров является личностный стиль, сочетающий в себе высокие профессиональные качества, гибкость и альтернативность мышления, творческий подход к делу, умение слушать и уважительное отношение к партнерам. Итак, богатство личностных и профессиональных характеристик успешного переговорщика говорит о том, что умение вести переговоры в большой степени относится к области таланта, искусства, профессионального мастерства и природного дара. Именно поэтому переговорщикам необходимо терпеливо формировать профессиональные навыки и шлифовать собственное мастерство на практике.

Политический менеджмент и связи с общественностью

Анна Владимировна Анисимова

Аспирант кафедры истории и теории политики факультета политологии Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова¹

Особенности современных политических коммуникаций в США и странах Западной Европы

Аннотация

. Целью изучения являются современные политические коммуникации в развитых государствах, как правило, с либерально-демократической политической системой. Под политической коммуникацией подразумеваются коммуникационные процессы, касающиеся вопросов получения, распределения и осуществления властных полномочий, на различных уровнях взаимодействия индивидов.

Ключевые слова: современные политические коммуникации, медиа, СМИ.

Коммуникация всегда была ключевой составляющей политического процесса, будь то взаимодействие лидера и общества, конкуренция кандидатов за голоса избирателей на выборах, борьба политических сил за внимание и расположение международного сообщества или выступления граждан по политическим вопросам.

Развитие коммуникационных технологий неизбежно оказывает существенное влияние во всех этих сферах.

Необходимо отметить, что политическая коммуникация как явление существовала на всех этапах развития человеческого общества и возникла вместе с появлением политических отношений, однако современные политические коммуникации серьезно отличаются от существовавших ранее.

Это объясняется не только эволюцией политических систем и политических отношений в обществе, но технологическим прогрессом, повлиявшим на способ передачи информации.

В свою очередь политические коммуникации также могут воздействовать на политические отношения и политическую систему в обществе вследствие наличия обратной связи между отправителями и получателями сообщений.

На сегодняшний день в политической науке не существует единого определения понятия «политической коммуникации»². В самом широком

---

¹ Научный руководитель: кандидат политических наук, доцент кафедры истории и теории политики факультета политологии МГУ **Сергей Владимирович Володенков**.

² См. *Blumer J. G. and Gurevitch M. The Crisis of Public Communication.* — London: Routledge, 1995; или *Wolton D. Political Communications: The Construction of a Model // European Journal of Communication.* — № 5 (1). — P. 9-28.

смысле под этим понятием подразумевают все межличностные и опосредованные коммуникации между социальными акторами, касающиеся сферы политического.

Так, по мнению М. Н. Грачева, «политическая коммуникация представляет собой совокупность процессов информационного обмена, передачи политической информации, структурирующих политическую деятельность и придающих ей новое значение»¹.

Американский политолог Л. Пай считает, что «политическая коммуникация подразумевает не одностороннюю направленность сигналов от элит к массе, а весь диапазон неформальных процессов обмена информацией в обществе, который оказывает самое разное влияние на политику»².

В нашей работе под политической коммуникацией мы понимаем коммуникационные процессы, касающиеся вопросов получения, распределения и осуществления властных полномочий, на различных уровнях взаимодействия индивидов (локальном, региональном, международном, глобальном).

В данной работе целью изучения являются современные политические коммуникации в развитых государствах, как правило, с либерально-демократической политической системой.

Таким образом, отличительными чертами современной политической коммуникации являются:

- использование развитых современных технологий передачи информации (телевидение, Интернет, мобильная связь и т.п.);
- массовое распространение информации;
- мгновенный доступ к информации из практически любой точки земного шара;
- индивидуализация процесса получения информации (например, выбор информации или каналов коммуникации в зависимости от интересов);
- коммуникация в условиях избыточного количества информации;
- возможность каждого индивида формировать и воздействовать на общественную повестку дня;
- появление глобального уровня политической коммуникации, помимо межнационального и межгосударственного.

Ричард Перлофф понимает современную политическую коммуникацию как «процесс, посредством которого национальные лидеры, медиа и граждане выражают свое мнение и обсуждают смысл и значение сообщений (messages), касающихся проведения государственной политики (public policy)»³.

---

¹ Грачев М.Н. Политическая коммуникация // Вестник Российского университета дружбы народов. — Серия: Политология. — 1999. — № 1. — С. 24–39.

² Pye L. Political Communication / The Blackwell Encyclopedia of Political Institutions. — Oxford — New York, 1987. — P. 442.

³ Perloff Richard M. Political communication: politics, press, and public in America. — NJ: Lawrence Erlbaum Associates, 1998. — P. 8.

Выделяют 4 ключевые характеристики современной политической коммуникации.

Во-первых, политическая коммуникация — это процесс. Она не происходит автоматически.

Политическая коммуникация — сложная, динамическая деятельность. Государственные деятели влияют на СМИ, инициируя различные информационные поводы, в свою очередь медиа воздействуют на политиков, определяя ценность и актуальность новостей. СМИ также влияют на граждан, организуя не только трансляцию фактов и новостей, но точек зрения, мнений, позиций по тому или иному вопросу.

Однако и граждане, в свою очередь, оказывают воздействие на СМИ, указывая в опросах общественного мнения наиболее важные с их точки зрения проблемы.

Несмотря на то, что политические лидеры могут общаться с гражданами непосредственно, без помощи СМИ, это на сегодняшний день скорее исключение из правил. Большая часть коммуникаций происходит через СМИ, при этом СМИ играют важную роль во влиянии на форму и содержание этих коммуникаций.

Во-вторых, в публичном информационном пространстве, как правило, действуют три группы акторов: политические лидеры, СМИ и общество. «Политико-медийная система — это постоянно изменяющиеся отношения между институтами медиа и государственными и политическими институтами в сфере их взаимодействия с обществом»¹.

Эта трехсторонняя модель используется как отправная точка исследований, но не всегда включает в себя сложные видоизменяющиеся взаимоотношения между группами акторов и динамику общественно-политической ситуации. Важно отметить, что три основные группы акторов включают собой множество более мелких групп.

В-третьих, политическая коммуникация подразумевает обмен сообщениями и их интерпретацию.

Политические лидеры, СМИ и граждане часто интерпретируют сообщения по-разному в зависимости от их социальных позиций и ролей, которые они играют в политической системе.

С этой точки зрения возникает один из наиболее интересных вопросов, касающихся политической коммуникации: в какой степени политические лидеры могут повлиять на восприятие прессой и гражданами происходящих событий, т.е. в какой степени политические лидеры могут убедить отдельных индивидов и СМИ увидеть происходящее (от экономического положения страны до войн в других государствах) в том свете, в каком представляют эти события сами политические лидеры.

---

¹ Swanson D. The Political-Media Complex at 50: Putting the 1996 Presidential Campaign in Context // American Behavioural Scientist. — № 40 (8). — P. 1264–1282.

На содержание и форму политических коммуникаций сегодня значительно влияет их опосредованность СМИ. Политические лидеры теперь редко встречаются лично со своими избирателями.

Чаще мы видим их по телевизору, их речи подготовлены пресс-службами, а о политических решениях мы узнаем, например, из газет, где сообщения преподносятся в той или иной журналисткой интерпретации.

И, наконец, в-четвертых, современная политическая коммуникация связана не только с избирательными кампаниями, но охватывает широкий круг вопросов, касающихся политического управления и проведения государственной политики.

К политике, в самом широком смысле, относятся все процессы, посредством которых общество достигает консенсуса по вопросам о власти.

Таким образом, политическая коммуникация возникает только тогда, когда политические лидеры, СМИ и граждане вступают в «диалог» по поводу вопросов, представляющих большое значение для политических элит или общественности.

Спектр вопросов может колебаться от решения правительства направить куда-либо войска до решений об увеличении зарплаты чиновникам или выдвижения кандидатов на выборах.

Политические лидеры, СМИ и граждане, как правило, борются за влияние на общественную повестку дня.

Несмотря на то, что политические лидеры обладают большими возможностями влияния на повестку дня, чем СМИ или граждане, поскольку обладают большей ресурсной базой, они не всегда в состоянии сформировать повестку дня или воздействовать на темы, обсуждаемые в обществе, в том ключе, который отвечает их интересам.

Все это делает политическую коммуникацию изменчивой и динамичной.

Библиография

1. *Грачев М. Н.* Политическая коммуникация // Вестник Российского университета дружбы народов. — Серия: Политология. — 1999. — № 1.
2. *Blumer J. G., Gurevitch M.* The Crisis of Public Communication. — London: Routledge, 1995.
3. *Blumer Jay G., Kavanagh D.* The Third Age of Political Communication: Influences and Features // Political Communication. — № 16 (3).
4. *Perloff Richard M.* Political communication: politics, press, and public in America. — NJ: Lawrence Erlbaum Associates, 1998.
5. *Pye L.* Political Communication / The Blackwell Encyclopedia of Political Institutions. — Oxford — New York, 1987.
6. *Swanson D.* The Political-Media Complex at 50: Putting the 1996 Presidential Campaign in Context // American Behavioural Scientist. — № 40 (8).
7. *Wolton D.* Political Communications: The Construction of a Model // European Journal of Communication. — № 5 (1).

Сергей Владимирович Володенков

Кандидат политических наук, доцент кафедры истории и теории политики факультета политологии Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова

«Твиттер» как площадка для общественно-политических коммуникаций в России: возможности и перспективы использования

Недавно Президент России Дмитрий Медведев, находясь с визитом в США, завел себе аккаунт в популярной системе микроблоггинга «Твиттер¹», и на момент написания данного материала у главы России уже более 60 000 фолловеров². Это событие, безусловно, в очередной раз привлекло внимание к новым медиа, их роли в современной политической коммуникации, в том числе и в России. Но в какой степени государственные служащие, политики и партийные деятели всех мастей и рангов владеют технологиями работы в онлайн-пространстве, способны использовать его возможности для достижения своих целей и в какой степени и как они при этом учитывают общественные интересы? Ответ на этот вопрос мы попытаемся дать в данной статье.

«I have never used Twitter. My thumbs are too clumsy. But I'm a big believer in technology»

Барак Обама, Президент США (aka @BarackObama)

«Twitter — это оружие, которое тоже должно использоваться во время революции»

Уго Чавес, Президент Венесуэлы (aka @chavezcandanga)

«Всем привет! Я в Твиттере и это мое первое сообщение!»

Дмитрий Медведев, Президент России (aka @KremlinRussia)

«...из принципа...Вот и я туда же»

Никита Белых, губернатор Кировской области (aka @nikitabelyh)

«Не боюсь открытости, я уже и так в плавках».

Юрий Лужков, экс-мэр Москвы

---

¹ Twitter (от англ. Tweet «щебетать», «болтать») интернет-сайт, представляющий собой систему микроблогов, позволяющий пользователям отправлять короткие текстовые заметки (до 140 символов), используя веб-интерфейс, SMS, службы мгновенных сообщений или сторонние программы-клиенты. По состоянию на 15 апреля 2010 года сервис насчитывает более 105 млн пользователей. Ежемесячная посещаемость ресурса составляет около 190 млн уникальных пользователей.

² От английского follower последователь; приверженец; адепт, поборник, сторонник; поклонник; подражатель, человек, который подписывается на ленту рассылки новостей, коротких цитат и прочей информации определенного автора в «Твиттере».

В последнее время в России становится все более популярной идея внедрения инновационных технологий в различные сферы жизни государства и общества. Президент РФ Дмитрий Медведев считает, что в нашей стране необходима глобальная модернизация как экономики, так и самого функционирования государства, общества и власти.

И не только считает, но и совершает определенные шаги для внедрения в политическую практику новых технологических возможностей. Одним из таких шагов стала регистрация аккаунта президента в системе микроблоггинга Твиттер. Данный шаг главы нашего государства, безусловно, в очередной раз привлек внимание к теме использования технологий новых медиа в современной политике, актуализировав при этом вполне очевидный вопрос о том, насколько реальны шансы реального внедрения в российскую политическую практику, и в первую очередь — практику государственных служащих, политиков и партийных деятелей высокого и не очень ранга, представителей ветвей власти, других людей, наделенных властными полномочиями, технологий работы с онлайн-площадками, на основе которых могла бы осуществляться полноценная политическая коммуникация между властью и представителями гражданского общества.

В связи с этим приобретает особую актуальность проблема внедрения и использования современных инструментов и технологий коммуникации, как внутри общества, так и между обществом и властью. Поэтому попытка ответа на вопрос, чем же могут стать современные системы онлайн-коммуникации и какая роль уготована им в ближайшем будущем на современном политическом пространстве России, представляется вполне актуальным и уместным.

Тема эта представляется важной и потому, что практику использования онлайн-площадок, в том числе и сервисов микроблоггинга, в политической практике других государств все с большим основанием можно назвать успешной. При этом речь не только о США, хотя именно там встречаются наиболее яркие примеры подобного рода, особенно в ходе последней президентской кампании нынешнего главы Соединенных Штатов Барака Обамы³.

Его команде силу многих причин и особенностей американского менталитета удалось масштабно и эффективно использовать онлайн-инструменты в достижении политических целей⁴, и сегодня, на момент написания статьи,

---

³ В т. ч. «Современная коммуникация как основа эффективной политической кампании» <http://g3-group.ru/projects/politcom.php>.

⁴ Справедливости ради, стоит отметить, что еще за несколько лет до Обамы попытки активно использовать онлайн-инструменты предпринимали и другие кандидаты в президенты США, например Джон Керри в 2004 г. В целом же, по оценкам специалистов, суммарные бюджеты последних предвыборных кампаний кандидатов в Президенты США на онлайн-ресурсы уже составили \$1 млрд и в дальнейшем будут только расти.

у президента США уже 4,384,160 фолловеров в «Твиттере». Вполне популярна и официальная страница Белого дома, у которой 1,777,572 фолловеров.

Если внимательно проанализировать американское онлайн-пространство, можно заметить, что практически все политические силы страны используют его весьма активно, и любой политик любого уровня, желающий выстроить эффективную массовую коммуникацию со своими целевыми аудиториями не пренебрегает его возможностями.

Насколько такое положение дел является заслугой самих политиков, судить сложно, учитывая вообще высокую степень пользования Интернетом гражданами США, однако понятно, что они охотно принимают здесь политические коммуникации, что во многом и определяет успех тех политиков и чиновников, которые ищут контакт с целевыми аудиториями не только в ходе избирательных кампаний, но также и в повседневной работе.

В качестве примера можно привести страничку в Интернете штата Калифорния, губернатор которого Арнольд Шварценеггер также активно использует Интернет, где размещены основные «Твиттер»-ресурсы штата, в том числе и официальных структур: http://ca.gov/Multimedia/multimedia_blogs_twitter.html

В блоге Андрея Замулы, автора интернет-проекта «Губернаторы 2.0» (<http://a-zamula.livejournal.com>) можно найти ссылки и на другие примеры того, как различные штаты США используют «Твиттер» в своей ежедневной, в том числе и политической деятельности.

Еще один из ярких примеров здесь — проект администрации Президента США «TweetYouSenator», созданный для поддержки реформы системы здравоохранения, где любой пользователь может отправить сообщение⁵ своему сенатору в «Твиттер» (<http://www.barackobama.com/twitter/tweetyoursenator/>). Очевидно, что в России о такой связи с членами Совета Федерации пока и мечтать не приходится хотя бы потому, что практически никто из них (за исключением Сергея Миронова) своих учетных записей в «Твиттере» не имеет и вряд ли планирует в ближайшее время их создавать.

Различного рода онлайн-проекты, инициируемые властями США, исчисляются сотнями и тысячами. Это свидетельствует о тесной интеграции интернет-технологий в коммуникацию общества и власти, существовании эффективной оперативной обратной связи последней со своими целевыми аудиториями, что непосредственно влияет и на эффективность ее работы, оперативность корректировки программ и действий. И «Твиттер» играет здесь весьма достойную роль, несмотря на всю свою «молодость».

Онлайн-технологии как инструмент эффективной коммуникации успешно используются в политической практике и других стран. И «Твиттер» там опять же является одной из наиболее популярных площадок в этом

---

⁵ «Please make sure health insurance reform passes this year».

смысле. Сервис вполне успешно пользуются и президент Венесуэлы Уго Чавес (@chavezscandanga), и лидер Кубы Фидель Кастро (reflexionfidel), и премьер-министр Великобритании Дэвид Кэмерон (Number10gov).

Читателям наверняка известны и другие яркие примеры использования «Твиттера». Там, например, обосновалось движение за свободный Тибет, а также хештег⁶ #IranElections, который стал одним из самых упоминаемых политических хештегов в прошлом году. При этом многие эксперты отмечают, что именно «Твиттер» помог иранской оппозиции скоординировать свои действия и организовать многотысячные митинги протеста против действующей власти⁷ и привлечь внимание мировой общественности к происходящему в стране.

Вполне успешно использовались ресурсы «Твиттера» и во время последних выборов в Украине, под которые специально был создан хештег #elect_ua. Можно привести массу других примеров того, как с помощью «Твиттера» избирательный процесс становится прозрачнее, доступнее, что весьма важно для действительно демократических процедур.

Из последних популярных политических хештегов можно привести #President Noynou Aquino, который на момент написания данной статьи находился в списке мировых трендов «Твиттера» на одной из самых высоких позиций в связи с инаугурацией нового Президента Филиппин.

Достаточно важную роль сыграл «Твиттер» и во время недавних событий в Кыргызстане, в том числе и как инструмент прорыва информационной блокады, поскольку традиционные СМИ находились под контролем администрации Бакиева.

Онлайн-площадки стали местом организации добровольных народных дружин для борьбы с мародерством⁸.

Не обошлось без «Твиттера» в последних апрельских событиях в Молдавии. Хотя, по мнению многих экспертов, роль онлайн-площадок здесь крайне завышена⁹. Но обращает на себя внимание любопытный факт: на сайте одной из молдавских антиправительственных организаций Hyde Park Organisation содержалась информация о том, что он «размещен в сети бес-

---

⁶ В «Твиттере» слово, начинающееся с символа "решетка" (#) и служащее для пометки твита принадлежностью к какой-либо теме, обсуждению или событию. По сути, является полным аналогом обычного тега.

⁷ Помимо хештега #IranElections также была сделана сеть мобилизационных аккаунтов иранской оппозиции, например @StopAhmadi для сторонников его оппонента Мусави, оппозиционную Ахмадинежаду.

⁸ По оценкам экспертов, информацию в «Твиттере» о происходящих в Киргизии событиях публиковали примерно 150 активных блогеров

⁹ Одним из примеров, подтверждающих данную гипотезу, может быть запись, сделанная лично лидером молдавской оппозиции Натальей Морарь относительно того, что она так и не разобралась с тем, как работать в «Твиттере»: «@natmorag ///но как им пользоваться, я так и не поняла!!!».

платно в рамках программы "Обучение и доступ в Интернет" (Internet Access and Training Program, IATP) управления культурных и образовательных программ (Bureau of Educational & Cultural Affairs, ECA) Госдепартамента США, созданной при поддержке кампании "Акт в защиту свободы" (Freedom Support Act, FSA)». Иными словами, США активно стремятся внедрить новейшие онлайн-технологии в свою практику внешнеполитического влияния, экспортируя своего рода «онлайн-революции». И это обстоятельство уже требует пристального внимания российских властей, которые, как представляется, еще не могут составить США полноценную конкуренцию в Сети.

Завершая разговор о том, как Твиттер и другие онлайн-площадки используются для общественно-политической коммуникации за рубежом, подчеркнем, что этот процесс особенно в странах с развитой демократической системой¹⁰ набирает обороты и приобретает масштабный характер.

И в этой связи встает вопрос о том, как в этом смысле обстоит дело в нашей стране? Именно попытка найти ответ на него и отражена в заголовке данной статьи.

Итак, сможет ли «Твиттер» стать реальной площадкой для организации и осуществления общественно-политической коммуникации в России?

Понятно, что по пути Китая Россия вряд ли пойдет. Тем не менее, какие потенциальные возможности (и, соответственно, угрозы и вызовы со стороны активной оппозиции) несут в себе онлайн-площадки при их использовании в политических процессах, понимать необходимо.

Безусловно, попытки организовать политическую коммуникацию в «Твиттере» были и до того, как в нем зарегистрировал свой аккаунт Президент России.

Но именно что попытки — единичные и несистемные.

Ведь нельзя всерьез относиться к тому проценту политиков, представителей различных ветвей, а также уровней власти, партий, мэров городов, губернаторов и других, «облеченных доверием», персон, которые обозначили на сегодняшний день свое присутствие в «Твиттере», или даже активно его используют в своей публичной деятельности. Это лишь единицы из сотен тысяч чиновников и политиков.

В качестве яркого примера можно привести следующий: если свои блоги, по данным автора проекта «Губернаторы 2.0» Андрея Замулы, на сегодняшний день завели уже 44 губернатора, то микроблоги в Твиттере создали лишь 8(!): губернатор Тверской области Дмитрий Зеленин (@DZelenin), руководитель Пермского края Олег Чиркунов (@chirkunov), глава Кировской области Никита Белых (@NikitaBelyh), губернатор Хабаровского Края Вячеслав Шпорт (@VShport), губернатор Вологодской области Вячеслав Позгалев (@v_rozgaliev), глава Челябинского региона Михаил Юревич (@yurevich_m), первое лицо Ульяновской области Сергей Морозов

---

¹⁰ В этой связи нам представляется вполне закономерным запрет на использование «Твиттера» в Китае.

(@morgozov_si), а также губернатор Ивановской области Михаил Мень (@mikhail_menn). При этом Никита Белых честно написал в своем блоге, что завел аккаунт в «Твиттере» из принципа. Всего 8 губернаторов из 83. *И это при том, что сетевая активность с недавних пор стала одним из критериев оценки деятельности региональных руководителей Кремлем.*

Не лучше дело обстоит и у депутатов Государственной Думы (определенное число их присутствует в «Твиттере», но оно весьма незначительно), а также у членов в Совета Федерации (нам удалось найти в «Твиттере» лишь аккаунт его председателя Сергея Миронова @mironov_ru), мэров городов¹¹, представителей партий, руководителей министерств...

Вывод очевиден — на сегодняшний день коммуникация между обществом и властью на базе «Твиттера» находится в зачаточном состоянии.

Этому, безусловно, есть и объективные причины.

Одна из них — традиционная технологическая отсталость, в том числе и в информационной сфере. Мировые тренды доходят до России с определенным лагом.

Другая, не менее важная причина — уровень доступа к Интернету. До сих пор основную его аудиторию составляют жители крупных городов. И я с трудом представляю себе, скажем, жительницу тамбовской глубинки, задающую в «Твиттере» вопрос своему губернатору.

Еще одна причина, на мой взгляд, это опять-таки традиционная тяга к закрытости, непубличности большинства чиновников и политиков, которые не рассматривают свои должностные функции как, в том числе и обязанность общаться с гражданами, отчитываться перед теми, ради кого и на чьи деньги они, по сути, и работают. И, несмотря на все инициативы Дмитрия Медведева, представители власти с большой неохотой пересматривают свои позиции в этом вопросе.

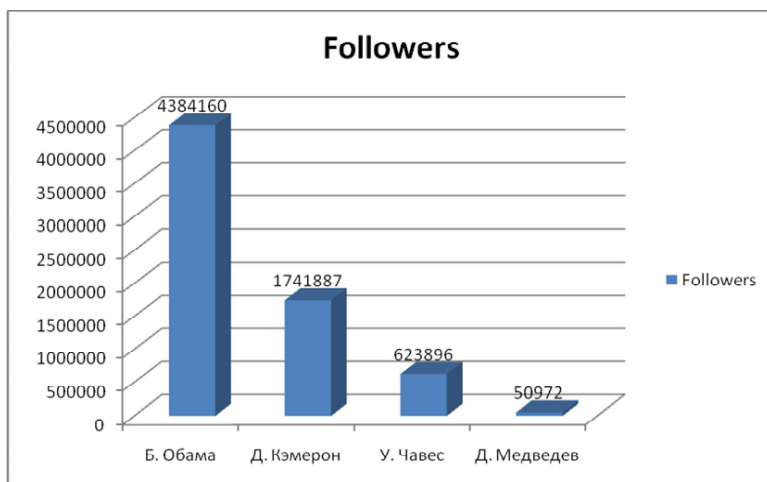
Немаловажным фактором, судя по всему, является и общая культура взаимоотношений власти и общества. Та невидимая стена между небожителями и простыми людьми, которая существовала долгие столетия в нашем государстве, до сих пор существует в сознании большинства россиян, не верящих в результативность какого-либо общения с властью, а иногда и боящихся такого общения.

Возможно, совокупность перечисленных выше причин и привела к тому, что на сегодняшний день российская аудитория «Твиттера» оценивается всего в 183 000 человек, что в сравнении с мировой является настолько мизерным, что всерьез рассуждать о массовой общественно-политической коммуникации в «Твиттере» просто не имеет смысла.

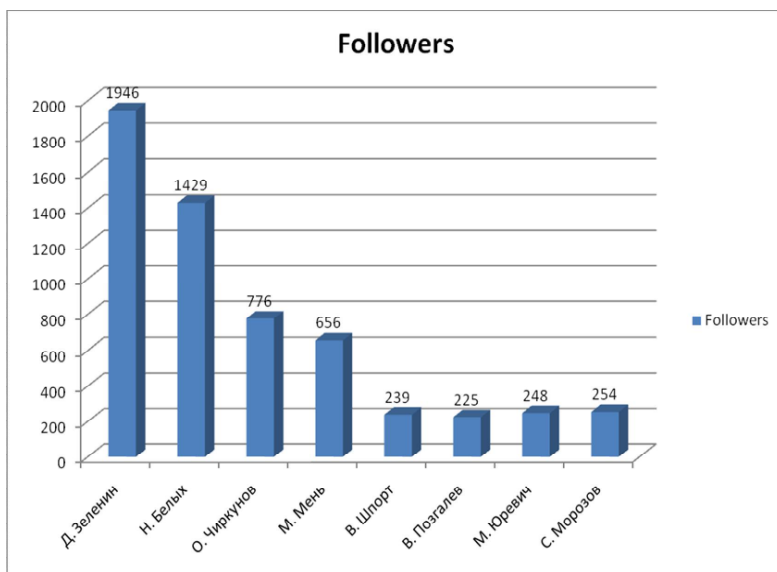
---

¹¹ В качестве наглядного примера можно привести Твиттер-аккаунт главы г. Орла Сергея Сафьянова @victor_safjanov, в котором сделана только 1 запись «Всем привет! Это мой первый твит».

Для наглядности мы построили гистограмму, на которой приведено число фолловеров у лидеров нескольких государств:

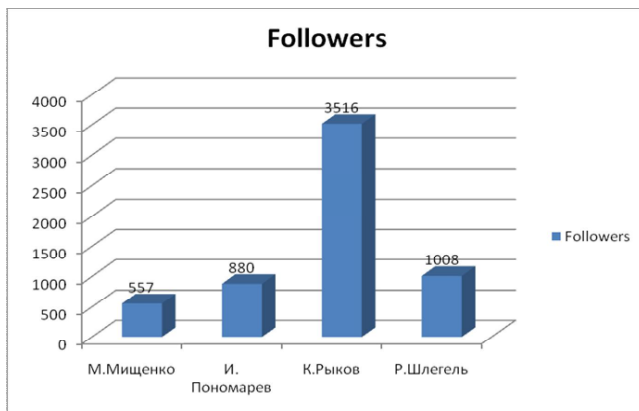

Популярность «Твиттер»-аккаунтов российских губернаторов также крайне невелика:

(Для сравнения: у губернатора Калифорнии А. Шварценеггера 1,720,056 последователей в Twitter).

Неутешительна ситуация и с микроблами депутатов Госдумы.

Что касается политических партий, то они только начинают осваивать новые онлайн-сервисы и площадки, пытаясь таким образом установить контакт с целевыми аудиториями. Так, совсем недавно Президиум Генсовета «Единой России» принял решение о создании общественного совета по работе с блогосферой, после чего в Твиттере также был заведен партийный аккаунт @ eg_2011. Однако на сегодняшний день он имеет лишь 467 фолловеров.

Тем не менее, анализируя твит-активность единороссов, можно привести и примеры того, как партия использует возможности микроблоггинга в своей деятельности. Например, во время последней встречи представителей партии с Президентом России Дмитрием Медведевым на сайте партии была организована прямая онлайн-трансляция встречи, а некоторые депутаты вели трансляцию в Твиттере. Практика работы с Твиттером внедряется и на региональном уровне. Проходившие 8-10 июня внутрипартийные праймериз кандидатов в депутаты Городской Думы Оренбурга транслировались в Твиттере (@v_neformate).

Существуют и другие примеры использования партийными структурами ресурсов Твиттера, но, тем не менее, по нашему мнению они носят пока что разрозненный характер и являются скорее исключениями, которые на сегодняшний день не породили явную тенденцию использования онлайн-ресурсов, в т. ч. и Твиттера в качестве инструмента прямой демократии, а также инструмента получения обратной связи с избирателями, работа с которыми и является, по нашему мнению, приоритетом любой партии.

Исходя из приведенных выше данных, мы можем констатировать, что по состоянию на сегодняшний день использование онлайн-ресурсов, в т.ч. и Твиттера, в аспекте организации и осуществления общественно-политической коммуникации находится на весьма низком уровне. Общественно-политические силы, политики и чиновники делают попытки встраивания онлайн-инструментов в свою повседневную работу, однако удельный вес перечис-

ленных выше субъектов общественно-политической коммуникации весьма невелик, даже несмотря на то, что Президент России Дмитрий Медведев на собственном примере предпринимает попытки мотивировать своих подчиненных к большей публичности и доступности.

При этом основная масса потенциальных субъектов общественно-политической коммуникации предпочитает использовать уже получившие статус традиционных онлайн-инструменты, такие как Живой Журнал, хотя даже в ЖЖ представительство губернаторов, депутатов, сенаторов, руководителей министерств и ведомств, лидеров партий и т. д. представляется нам недостаточным и в большинстве случаев неэффективным. Однако вопросы эффективности использования онлайн-ресурсов представителями власти выходят за рамки настоящей статьи.

Стоит обратить внимание и на оборотную сторону описанной нами ситуации. Численность заинтересованных в осуществлении общественно-политических коммуникаций с властью граждан по разным причинам представляется нам также весьма далекой от критической массы, которая могла бы стать той движущей силой, которая предъявляла бы четкий и массовый запрос на коммуникацию общества с властью. И эта проблема представляется нам даже более важной, чем недостаточно высокая активность органов власти в интернете. Исходя из этого, мы могли бы предложить высшему руководству страны не только стимулировать выход в сеть представителей различных властных структур, но и обратить внимание на такую задачу, как формирование устойчивого и массового спроса на онлайн-коммуникации с властью со стороны максимально широких слоев населения России.

Алексей Евгеньевич Щегловитов

Аспирант кафедры истории и теории политики факультета политологии Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова¹²

Основные подходы к управлению общественным мнением в рамках политического менеджмента

Аннотация

Рассматриваются маркетинговый, коммуникационный, манипуляционный и управленческий подходы в рамках исследования особенностей воздействия на общественное мнение в политическом менеджменте.

Ключевые слова: политический менеджмент, политическая коммуникация.

---

¹² Научный руководитель: кандидат политических наук, доцент кафедры истории и теории политики факультета политологии МГУ **Сергей Владимирович Володенков**.

Политический менеджмент предполагает различные формы субъектно-объектного воздействия. В связи с этим, в отечественной политической науке существует множество вариантов систематизации видов и методов воздействия управляющего компонента на управляемый в структуре политического менеджмента.

Поскольку основной целью субъекта политического менеджмента является приведение объекта в желаемое для субъекта состояние, то последний добивается своей цели путем воздействия на мотивацию объекта, изменения его поведения, отношения к тем или иным событиям или явлениям общественной жизни. В условиях отсутствия административных и других принудительных ресурсов, воздействие на объект перестает быть директивным, поэтому возникает острая необходимость использования всевозможных средств информационного влияния. Таким образом, важнейшая задача политического менеджмента заключается в налаживании эффективного управления общественным мнением.

В силу многоаспектности содержания понятия «политический менеджмент», мы выделим технологическую составляющую управленческого воздействия на общественное мнение в качестве критерия его эффективности. В виду этого нам представляется целесообразным осветить ряд подходов к управлению общественным мнением.

В последнее время в научной литературе наиболее распространенным является маркетинговый подход. Маркетинговые технологии предполагают использование в политическом менеджменте тех методов воздействия, которые направлены на выявление и удовлетворение потребностей, нужд, интересов объекта при продвижении «политического товара» (бренда, кандидата-политика, его имиджа и др.) в жестких конкурентных, «рыночных» условиях. Специалисты выделяют такую форму воздействия в отдельный вид политического менеджмента – «политический маркетинг».

Состоятельность данного подхода обосновывается тем, что в процессе управления общественным мнением маркетинг имеет важное и приоритетное в методологическом плане значение, т.к. описание разработки управленческой стратегии продвижения политического «товара» на рынке становится невозможной вне технологического инструментария, характерного для маркетинга. Технологии политического маркетинга активно используются и при продвижении имиджа политического «продукта», и в политическом инжиниринге, помогая создавать новые политические организации, проводить референдумы, продвигать и популяризировать многие социально значимые решения власти и оппозиции.

Следующим подходом следует выделить коммуникационный подход. При этом подходе весь процесс управленческого воздействия предстает как единый коммуникационный цикл, в котором осуществляется формирование необходимого общественного мнения, что, в конечном счете, и определяет поддержку политического актора его целевой аудиторией.

Коммуникационный подход значительно уже маркетингового, так как сводится преимущественно к информационным технологиям воздействия на индивидов, к смысловому и содержательному звучанию лозунгов, текстов программ, заявлений, выступлений и т.п. Кроме того, и это существенно, коммуникационный подход предполагает осуществление обратной связи от объекта к субъекту управления.

В структуру коммуникационных политических технологий, входят PR, пропаганда и агитация. Всем этим способам коммуникации присущ рекламный компонент, поскольку информационное воздействие предполагает также использование технологий политической рекламы.

Как явление, политическая реклама представляет собой любую оплачиваемую форму неличностного продвижения политического субъекта и его образа на «политическом рынке», но коммерческими методами. Особенно продуктивной является косвенная политическая реклама, которая предполагает использование скрытых, психологических приемов. Прямая реклама используется в основном в период избирательных кампаний. В целом, как полагают некоторые специалисты, посредством рекламы реализуются две цели: с одной стороны подается информация о политическом лидере и политических субъектах, с другой – формируются политические установки граждан.

PR определяется как специализированная деятельность по формированию необходимого общественного мнения. Такая задача достигается при условии установления взаимопонимания между субъектом и объектом политического менеджмента с использованием методов и средств информационного воздействия. В итоге у людей формируется устойчивая ценностная ориентация на политические события, что, в свою очередь, побуждает их к сознательным действиям.

Политическая пропаганда и политическая агитация являются средствами идейно-политического воздействия на общественное сознание. При этом пропаганда направлена на теоретический уровень общественного сознания, а агитация на обыденный и апеллирует к эмоциям и чувствам. Главной функцией пропаганды является управление общественным мнением посредством предоставления массовой аудитории хорошо обдуманых прямых односторонних определений о политической действительности, упрощая процесс мышления до примитивной модели. Приоритетными функциями агитации являются мобилизационная и побудительная.

Технологиям PR обычно противопоставляются манипулятивные технологии. В литературе по политической коммуникативистике выделяется такой вид политического менеджмента как «политическое манипулирование».

С этой точки зрения интересен манипуляционный подход. Он получил распространение в связи с тем, что, по мнению ряда специалистов, в основе современных технологий управления общественным мнением лежат такие методы организации информации, которые влияют на настроение и эмоции людей. Феномен «манипулирование» понимается как вид управления, ду-

ховное (психическое) воздействие, регламентирующее отношения человека с другими людьми; вид косвенного воздействия; ненасильственный способ влияния; разновидность контроля за поведением, состоянием и внутренним миром человека; навязывание сознанию людей определенного содержания; представление действительности в нужном субъекту ракурсе; метод психологического контроля.

В целом, политическое манипулирование представлено как деятельность по управлению особым рода информационно-психологическими технологиями воздействия и успешно реализуется в управлении общественным мнением.

Весьма распространенным в рамках политического менеджмента является подход, определяющий воздействие на поведение и установки объекта, главным образом и в первую очередь, как систему управленческих мер, направленных на достижение поставленной управленческой цели. Здесь можно говорить о, собственно, управленческом подходе при осуществлении воздействия на общественное мнение.

На наш взгляд, данный подход представляется наиболее значимым и интересным, поскольку деятельность по управлению общественным мнением должна заключаться не только в моделировании технологий воздействия. Управленческое воздействие, как правило, осуществляется организованной группой единомышленников, выступающей в роли субъекта управленческого процесса, поэтому на первый план выходит управление данной организацией, осуществление ключевых управленческих функций для обеспечения эффективного взаимодействия внутри нее. В рамках управленческого подхода, таким образом, особое внимание уделяется административному руководству в процессе управления общественным мнением.

В целом, применение разнообразных видов технологий в процессе управления общественным мнением, умелое их сочетание, безусловно, является критичным с точки зрения эффективности политического менеджмента, поскольку успех во многом будет зависеть от выбора тех информационных стимулов, к которым объект воздействия окажется наиболее восприимчив. Поэтому, на наш взгляд, в общем исследовании управления общественным мнением как важнейшей задачи политического менеджмента критичным и важным является учет всех наработанных подходов.

Экологическая политика

Андрей Владимирович Башков

Студент кафедры социологии и психологии политики факультета политологии Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова¹

Экологические аспекты лоббистской деятельности финансово-промышленных групп в современной России (влияние экологического фактора на осуществление политических процессов)

Аннотация

В рамках публикации рассматривается кейс, связанный с Байкальским целлюлозно-бумажным комбинатом (БЦБК) в Иркутской области на примере которого показывается специфика использования экологического фактора в лоббистской деятельности финансово-промышленных групп (ФПГ) по принятию необходимого им властного решения. Анализируемая ситуация дает понимание того, каким образом была преподнесена экологическая проблематика во взаимодействии ФПГ «Базовый Элемент» (Базэл) в лице её структурного подразделения лесопромышленной компании «Континеталь-Менеджмент» (КМ) с органами государственной власти.

Ключевые слова: БЦБК, «Базовый Элемент», стратегия управления, замкнутый цикл водооборота, экологический фактор, GR-деятельность ФПГ.

Влияние экологического фактора на осуществление современных политических процессов, как в нашей стране, так и в мире в последнее время все более усиливается. В нынешних политических реалиях экологический фактор становится существенным ресурсом, оказывающим воздействие на принятие важных политических решений. Особенно это касается региональных политических процессов, в которых фактор экологии все чаще используется отдельными акторами для лоббирования собственных интересов в политике отдельных регионов страны, одновременно оказывая влияние на принятие властных решений на федеральном уровне, касающихся жизнедеятельности этих регионов. В рамках данной публикации рассматривается кейс по обозначенной тематике, связанный с Байкальским целлюлозно-бумажным комбинатом (БЦБК) в Иркутской области на примере которого показывается специфика использования экологического фактора в лоббистской деятельности финансово-промышленных групп (ФПГ) по принятию необходимого им властного решения. Анализируемая ситуация дает понимание того, каким образом была преподнесена экологическая проблематика во взаимодействии ФПГ «Базовый Элемент» (Базэл) в лице её структурного подразделения ле-

---

¹ Научный руководитель: кандидат политических наук, доцент кафедры социологии и психологии политики факультета политологии МГУ **Андрей Леонидович Зверев**.

сопромышленной компании «Континеталь-Менеджмент» (КМ) с органами государственной власти в лице заместителя министра промышленности и торговли Андрея Дементьева и Правительства РФ. Заместитель министра промышленности и торговли, являясь председателем совета директоров БЦБК, продавливает интересы предприятия и, следовательно, интересы Баззла и его владельца в органах власти.

История с запуском БЦБК, и, по сути, его вторым рождением началась 15 июля 2009 г., когда Пресс-служба правительства Иркутской области распространила информацию о том, что губернатор Дмитрий Мезенцев в ходе консультаций о судьбе предприятия в Москве безоговорочно поддержал идею временного запуска БЦБК¹. В августе этого же года премьер-министр В.В. Путин посетил с визитом Иркутскую область, погрузился на дно Байкала и высказал своё мнение по поводу БЦБК о том, что предприятие является единственной надеждой жителей Байкальска².

16 декабря 2009 г. экологический обозреватель Восточно-Сибирской правды Георгий Кузнецов написал статью, в которой сообщал, что по сведениям его московского источника, имеющего отношение к Байкалу, была подписана бумага, которая разрешала собственникам БЦБК разомкнуть водооборот и возобновить варку целлюлозы, со сбросом сточных вод в озеро³. В связи с активно циркулирующими слухами о готовящемся официальном разрешении на возобновление сброса стоков Байкальского ЦБК в озеро Байкал в интересах олигархической структуры, которой принадлежит данный комбинат. Научное сообщество отреагировало незамедлительно. Председатель Научного совета СО РАН по проблемам озера Байкал академик Михаил Кузьмин и учёный секретарь совет Ирина Максимова были вынуждены обратиться с письмом к Председателю Правительства РФ В.В. Путину⁴. В данном письме учёные указывают на тот факт, что постановление Минпромторгом России вопроса о внесении изменений в нормативный акт Правительства РФ, указывает на то, что оно продавливается заместителем министра промышленности и торговли РФ А. Дементьевым, который является председателем совета директоров ОАО «Байкальский ЦБК». Учёные также указывают в письме на то, что планы о возобновлении производства белёной целлюлозы со сброса-

---

¹ *Неустроев М.* Байкал — разменная монета «Единой России» [Электронный ресурс]. Информационный центр «БАБР.RU»: [сайт]. [2010] URL: <http://news.babr.ru/?IDE=83871>.

² *Тарасов А.* Путина окружил планктон [Электронный ресурс]. Новая газета: [сайт]. [2010]. URL: <http://www.novayagazeta.ru/data/2010/005/22.html>.

³ *Кузнецов Г.* Прибайкальская спираль запрет на сбросы целлюлозных стоков «пока» не снят [Электронный ресурс]. Восточно-Сибирская Правда: [сайт]. URL: <http://www.vsp.ru/ecology/2009/12/466304>.

⁴ К вопросу о планах возобновления сбросов сточных Байкальского ЦБК в озеро Байкал. Открытое письмо Председателю Правительства Российской Федерации В. В. Путину. [Электронный ресурс]. Наука в Сибири: [сайт]. URL: <http://www-sbras.nsc.ru/HBC/article.phtml?nid=528&id=9>.

ми сточных вод подтверждаются информацией директора БЦБК и руководства управляющей компании комбината КМ. «Такие планы противоречат Вашему решению, принятому в Иркутске 1 августа т.г. о возобновлении производства целлюлозы на замкнутом водообороте и об исключении сброса сточных вод в озеро Байкал». В письме приводились доводы об экономической убыточности комбината и экологических последствиях его деятельности. Письмо учёных осталось без ответа.

Ответом стало постановление правительства № 1¹, подписанное В. В. Путиным 13 января 2010 «О внесении изменений в перечень видов деятельности, запрещённых в центральной экологической зоне Байкальской природной территории». Данное постановление исключает из списка видов деятельности, запрещённых в центральной экологической зоне озера Байкал, производства целлюлозы без замкнутого водооборота, даёт юридические основания для запуска производства белой целлюлозы на БЦБК со сбросом промышленных стоков в Байкал. Постановление, по сути, означает, что никаких законодательных препятствий для запуска БЦБК не существует. Оно также разрешает сжигать отходы, что было запрещено раньше. Теперь запрещено «обезвреживание отходов производства и потребления путём сжигания без очистки выбросов до нормативного качества»². Постановление Правительства РФ № 1 вызвало незамедлительную реакцию со стороны научного сообщества и широкой общественности. Председатель научного совета Сибирского отделения РАН по проблемам озера Байкал академик Михаил Кузьмин заявил, что постановление правительства РФ не отвечает интересам страны и Байкала³. Однозначным было заявление директора Лимнологического института СО РАН академика Михаила Грачёва, который до последнего времени не разделял радикальной позиции экологов, постоянно подчёркивал, что БЦБК не приносит Байкалу большого вреда, так как слишком мал для такого колоссального объёма воды. «Озеро Байкал включено в список всемирного наследия ЮНЕСКО на условиях, что БЦБК будет перепрофилирован, заявил агентству Федерал Пресс Михаил Грачёв. — А этот шаг может привести к конфронтации с мировым сообществом». Учёный обратил внимание на непрозрачность механизма принятия решения — до сих пор все государственные инстанции заявляли о том, что БЦБК будет запущен временно, на условиях замкнутого водопользования и только для того, чтобы

---

¹ Постановление Правительства Российской Федерации от 13 января 2010 года № 1 «О внесении изменений в перечень видов деятельности, запрещённых в центральной экологической зоне Байкальской территории.

² Постановление Правительства Российской Федерации от 13 января 2010 года № 1 «О внесении изменений в перечень видов деятельности, запрещённых в центральной экологической зоне Байкальской территории.

³ *Савина И.* Байкальский ЦБК на грани нервного срыва. [Электронный ресурс]. Федерал Пресс : [сайт]. URL: http://www.amurpolit.ru/federal/polit/vlast/id_169687.html.

ликвидироваться с соблюдением необходимых технических и технологических требований (например, о временном открытии БЦБК в одном из своих интервью говорил заместитель председателя правительства Иркутской области Владимир Пашков¹). «Ничего никому не сказав, Правительство РФ снимает запрет на производство целлюлозы, бумаги и картона в разомкнутом цикле»².

Своё мнение относительно постановления правительства высказал балотирующийся на пост мэра Иркутска депутат Законодательного Собрания Иркутской области Антон Романов, который выступил с заявлением, что документ принят «в интересах одной финансово-промышленной группы, а не жителей Байкальска». Он также выступил с инициативой проверить постановление «на коррупционность»³.

Попытка Правительства пролоббировать интересы отечественного олигарха вызвала большой резонанс, как в России, так и за её пределами. По стране прокатилась волна экологических митингов в защиту Байкала так называемый день гнева в Иркутске, Владивостоке, Санкт-Петербурге и других городах России⁴.

Премьер сделал попытку обоснования причин побудивших Правительство РФ разрешить запуск БЦБК с разомкнутым циклом водооборота на заседании Попечительского совета Русского географического общества (РГО). На данном заседании он привёл следующие цифры: «Вот сброс сточных вод. В 2008 г. БЦБК -27400 тт. А город Улан Удэ — 34000т. Водоканал города Иркутска -106000 т. Гусиноозёрский промузел 442000. Водоканал город Гусиноозёрска -348000 т. Загрязнение воздуха. ЦБК — 4,3 т выбросов в атмосферу, ТЭЦ Улан-Удэ -213 т, Северобайкальск -28.5т, Ангарск -221 тысяча»⁵.

Приведённая цитата из выступления премьер-министра является ярким свидетельством качества подготовки документов для принятия решений руководством страны и, соответственно наличие возможности манипуляции их позиций имеющими «доступ к телу» владельцами крупного бизнеса. С 6 октября 2008 г. БЦБК остановился и немного ранее перестал производить белёную целлюлозу в связи с переходом на замкнутый цикл водооборота. Со-

---

¹ Кузнецов Г. Владимир Пашков: «Запуск БЦБК — это, к сожалению, неотвратимая необходимость» [Электронный ресурс]. Восточно-Сибирская Правда : [сайт]. URL: <http://www.vsp.ru/economic/2009/11/25/465977>.

² Савина И. Байкальский ЦБК на грани нервного срыва. [Электронный ресурс]. Федерал Пресс : [сайт]. URL: http://www.amurpolit.ru/federal/polit/vlast/id_169687.html.

³ Там же.

⁴ Кузнецов А. День народного гнева: хроника событий [Электронный ресурс]. Радио Свобода : [сайт]. URL: <http://news.babr.ru/?IDE=84636>

⁵ Выступление Премьер-министра В. В. Путина 15 марта 2010 г. [Электронный ресурс]. URL: <http://premier.gov.ru/events/news/9743/>

гласно данным, приведённым в государственном докладе «О состоянии озера Байкал и мерах по его охране в 2008 г.», сбросы байкальского ЦБК составляли 27.53 млн. т¹. — т. е. в тысячу раз больше цифры, которую озвучил премьер в своём докладе Русому географическому обществу, но это составляет 66.6% от сбросов БЦБК в 2007 г. когда предприятие работало на полную мощность. Получается, что премьеру в доклад предоставили данные уменьшенные в тысячу раз (что является скорее всего следствием грубой технической ошибки и следствием спешки), но и за период, когда комбинат уже прекратил свою работу (с 1999 по 2007 г. сбросы БЦБК были в пределах 36.8-48.2 млн. т²). В докладе глава правительства приводит цифры, говорит о источниках загрязнения, которые практически не имеют никакого отношения к загрязнению озера Байкал. Водоканал города Иркутска сбрасывает свои сточные воды не в Байкал, а на 70 км ниже по течению вытекающей из озера реки Ангары. Стоки Улан-Удэ до попадания в Байкал около 200 км фильтруются не раз в реке Селенге и потом проходят через многочисленные протоки её дельты. Воды Гусиноозёрска в основном остаются в самом Гусином озере и практически не доходят даже до Селенги (примерно 300 км от Байкала).

Приведение цифр по объёму стоков это бесосновательная попытка приуменьшить роль байкальского комбината, на долю которого (до закрытия БЦБК) приходилось 86 % сбросов в поверхностные водные объекты центральной экологической зоны Байкальской природной территории³. То же относится к данным по воздушному загрязнению — вместо 5560 т. в 2007 г.⁴ приводится цифра 4.3 т. в 2008 г. (расхождение в цифрах в 1000 раз).

Надо сказать, что в докладе главы правительства подобные махинации проводятся с данными по снижению безработицы в Байкальске в связи с запуском комбината — значительная часть принятых работников была завезена извне. Одновременно замалчиваются данные о росте занятости и экономическом значении экотуризма, горнолыжного спорта, производства бутилированной воды в регионе.

Некоторые связанные с БЦБК журналисты пишут о том, что комбинат является стратегическим объектом, выпускающим сырьё, необходимое для производства ракет класса «Тополь-М» и «Булава»⁵. В сознании простого российского обывателя военно-промышленный комплекс (ВПК), который

---

¹ Доклад МПР России «О состоянии озера Байкал и мерах по его охране в 2008 г.

² Шварц Е. Байкал: Управление цифрами. [Электронный ресурс]. Ведомости : [сайт]. URL: <http://www.vedomosti.ru/newspaper/article/2010/03/25/229158>

³ Доклад МПР России «О состоянии озера Байкал и мерах по его охране в 2008 г.

⁴ Там же.

⁵ Винков А. Почти библейская история [Электронный ресурс]. Эксперт : [сайт]. URL: <http://expert.ru/articles/2010/01/28/>

работает на благо страны, на протяжении многих десятилетий был и остаётся некой «священной коровой». И загрязнение которое осуществляет предприятие в целях обороноспособности страны не вызывает ярого протеста у обывателя. Таким образом, власть при помощи ангажированных журналистов, внедряющих в общественное сознание необходимость работы БЦБК, стремится легитимизировать свои решения и действия по открытию байкальского комбината. После закрытия БЦБК выясняется, что ВПК с 2009 по 2014 г. необходимо для своих нужд 400 т вискозной целлюлозы, что составляет около 0.3-0.4 % годового выпуска белёной целлюлозы на БЦБК¹. Журналисты же начали распространять слухи о том, что предприятие должно работать, так как без его вискозной целлюлозы прекратится выпуск ракет «Тополь-М», «Булава». Вопрос о том, почему в течение семи лет нельзя было за одну неделю работы сделать запас впрок, или заказать другим выпускавшим такую же продукцию пяти ЦБК или, в крайнем случае, закупить материал за границей остаётся без ответа», говорит Ирина Максимова, учёный секретарь научного совета по Байкалу Сибирского отделения РАН.²

Таким образом, власть, в лице главы правительства, оправдывая своё решение по открытию комбината, апеллирует к двум аргументам: снятию социальной напряжённости в Байкальске, т.е. сохранению в городе рабочих мест и нуждам ВПК. Аргумент о социальной напряжённости в городе Байкальске, мягко говоря, не соответствует действительности. На момент принятия работников на комбинат на бирже стояло около 700 человек, и их число заметно снижалось за последний год, пока комбинат простаивал³. После остановки предприятия стала быстро развиваться сфера услуг — гостиницы, кафе, турбазы, горнолыжный курорт «Гора Соболиная» с созданием сотен новых рабочих мест. Байкальск является привлекательным местом для развития туризма, при условии, что комбинат не будет работать.

Власть приводит доводы в пользу открытия БЦБК, ссылаясь на то, что не существует альтернативных проектов развития города Байкальска. Надо заметить, что данный довод не выдерживает никакой критики. В Байкальске прошёл конкурс социального предпринимательства, результаты которого демонстрируют убедительные перспективы развития города. Существует около ста реализуемых проектов, которые могут стать основой независимого от БЦБК экономического развития территории. Эти проекты связаны с байкальским туризмом, экологичным производством (например, бутилирован-

---

¹ Шварц Е. Байкал: Управление цифрами. [Электронный ресурс]. Ведомости : [сайт]. URL: <http://www.vedomosti.ru/newspaper/article/2010/03/25/229158/>

² Шварц Е. Байкал: Управление цифрами. [Электронный ресурс]. Ведомости : [сайт]. URL: <http://www.vedomosti.ru/newspaper/article/2010/03/25/229158/>

³ Рыжков В. Путин и Байкал [Электронный ресурс]. Эхо Москвы : [сайт]. URL: <http://baikaliya.info/node/2097/>

ной воды), переработкой сырья и т.д.¹. Появился Байкальский инвестиционный клуб бизнесменов, готовых вложить средства в развитие Байкальска. Однако как только было объявлено о планах возобновления производства на БЦБК, значительная часть инвесторов отказалась от своих планов².

Возможности альтернативного развития Байкальска исследовали специалисты Сибирского отделения РАН, которые пришли к выводу, что будущее города — в развитии туризма и альтернативных производств. Руководитель Байкальской программы Гринпис России Роман Важенков отметил: «сторонники открытия БЦБК пытаются сослаться на то, что он является единственным и безальтернативным поставщиком сырья для жаропрочных материалов военного назначения. Однако, производителей сырья для таких покрытий немало, равно как и пригодных для их изготовления материалов. Учитывая закрытость этой проблемы, остаётся немало нерешённых вопросов, но анализ общедоступных данных позволяет сделать вывод о существовании реальных альтернатив БЦБК»³.

Надо обратить внимание на то, что возобновление работы БЦБК входит в противоречие с действующим законодательством РФ и международными обязательствами России по сохранению всемирного природного и культурного наследия⁴.

На наш взгляд открытие БЦБК сопряжено с определёнными трудностями. Во-первых, предприятие испытывает нужду в высококвалифицированных специалистах, которые уехали из Байкальска работать на другие ЦБК (большая часть рабочих уехала на Котласский ЦБК сразу после того, как БЦБК остановили, они получили там жильё, высокую зарплату и гарантии стабильной работы⁵), соответственно специалистов нужно будет привлекать извне⁶. Во-вторых, комбинат имеет проблемы с поставками сырья, которое доставляется за 1500 км, к тому же предприятие является должником компании ОАО «Сибстройлес», которая поставляет сырьё на комбинат и выступает одним из инициаторов банкротства БЦБК. В-третьих, предприятие не работало больше года, износ оборудования составляет около 70 %, к тому же во время простоя предприятия произошло 7-ми бальное землетрясение, которое могло привести к деформации и так устаревшего оборудования.

---

¹ Пресс-конференция «Народ за Байкальск без ЦБК!» [Электронный ресурс]. Информационный центр «БАБР.RU» : [сайт]. URL: [http://news.babr.ru/? IDE=84111/](http://news.babr.ru/?IDE=84111/)

² *Тарасов А.* БайкалРусалГрупп [Электронный ресурс]. Новая Газета : [сайт]. URL: <http://www.novayagazeta.ru/data/2010/010/01.html>.

³ Пресс-конференция «Народ за Байкальск без ЦБК!» [Электронный ресурс]. Информационный центр «БАБР.RU» : [сайт]. URL: [http://news.babr.ru/? IDE=84111/](http://news.babr.ru/?IDE=84111/)

⁴ Там же.

⁵ *Таевский Д.* Загадочная история с акциями БЦБК [Электронный ресурс]. Информационный центр «БАБР. RU» : [сайт]. URL: <http://news.babr.ru/?IDE=84008/>

⁶ *Машерова А.* Байкальский менеджмент. Технология лжи [Электронный ресурс]. Информационный центр «БАБР. RU» : [сайт]. URL: <http://news.babr.ru/?IDE=83926/>

Рассмотрев ситуацию с Байкальским ЦБК, попытаемся ответить на вопрос почему правительство открывает столь убыточное предприятие, вопреки здравому смыслу, вопреки общественному мнению, вступая в противоречие с отечественным экологическим законодательством и международным правом, рискуя тем, что авторитет России на международной арене может пошатнуться (существует большая вероятность того, что Байкал исключат из перечня объектов Всемирного наследия Юнеско из-за невыполнения Россией взятых на себя обязательств).

Проанализировав ситуацию можно сделать вывод о том, что постановление Правительства РФ № 1 от 13 января 2010 г. принято в интересах конкретного олигарха Олега Дерипаски, владельца Базового Элемента, в структуру которого входит лесопромышленная компания Континенталь Менеджмент, являющаяся владельцем Байкальского ЦБК (51% акций комбината). Остальные 49 % находятся в собственности Росимущества, т.е. принадлежит государству. По мнению автора данной работы две причины побудили олигарха к продавливанию постановления правительства № 1. Первая причина заключается в том, что цены на белённую вискозную целлюлозу начали расти, мировая цена на такую целлюлозу колеблется в пределах тысячи долларов за тонну, и продолжает расти. Вторая причина заключается в том, что финансовый кризис больно ударил по империи Дерипаски, олигарх имеет серьёзные финансовые проблемы. Государство (являясь акционером БЦБК) в лице главы правительства пытается по мере возможности помогать, но всех вопросов не решает. Рано или поздно олигарх придётся расплачиваться со своими кредиторами, сейчас он занят распродажей своих активов. В данный момент Дерипаска не заботится о том, как работают его предприятия, какого качества продукция, выпускаемая ими. Главное, чтобы акции этих предприятий стоили что-нибудь. Совсем недавно олигарх разместил акции Русского Алюминия на рынке IPO в Гонконге. Ему важно чтобы акции его предприятий что-нибудь стоили. Акции же простаивающего комбината не стоят ничего. Работающий комбинат имеет пусть невысокую, но всё же цену. И в этом свете, различные акции протеста против запуска, а также ажиотаж в СМИ по поводу открытия БЦБК играют на руку олигарху, потому как биржа, является своего рода индикатором, она как лакмусовая бумажка реагирует на малейшие изменения. Когда независимые от олигархических структур организации, такие как Гринпис, Байкальская Экологическая Волна начинают трубить во всю, что БЦБК откроется — биржа реагирует, акции начинают расти в цене.

Возникает закономерный вопрос, почему Дерипаска избавился от акций БЦБК, если было пролоббировано нужное постановление, сняты экологические ограничения на деятельность предприятия, руководство страны оказывает всяческую поддержку? Одна из возможных причин такого решения заключается в том, что олигарх боится отпугнуть потенциальных инвесторов после того, как частный швейцарский банк Clariden Leu AG, который является одним из менеджеров IPO Rusal, призвал инвесторов воздержаться

от покупки акций «Русала». Также Clariden Leu AG вычеркнул Rusal из инвестиционного списка и отказался от планов покупки акций крупнейшего производителя алюминия в мире. Возмущение главы Clariden Leu AG вызвало решение главы Правительства РФ в отношении БЦБК, согласно которому предприятие может сбрасывать отходы прямо в Байкал. Менеджеры компании разослали своим клиентам письма, в которых просили обратить внимание на «не очень удачную» бизнес-практику основного владельца компании «Русал» Олега Дерипаски, которому в то же время принадлежит контрольный пакет акций Байкальского ЦБК. «Вопрос о сохранности 20 % мировых запасов пресной воды не только российское, но и международное дело», сказано в обращении¹. Через несколько дней, в ходе первых после IPO торгов в Гонконге акции «Русала» упали на 10.6 %, а на парижской бирже — на 11 %.

Плюс к этому, постановление Правительства РФ № 1 вызвало большой общественный резонанс, породило движение в защиту Байкала. Данное постановление вызвало резкую негативную реакцию в научном сообществе. Имя Дерипаски стало нарицательным. Видны также политические последствия взаимодействия государственной власти и олигарха. Кандидат от Единой России на пост мэра Иркутска, поддерживаемый губернатором и Олегом Дерипаской потерпел сокрушительное поражение на выборах, не смотря на наличие мощного административного ресурса, давления, оказываемого на других претендентов. Административный ресурс на выборах использовался очень грубо. Главным оппонентом единорога Сергея Серебрянникова был Антон Романов, который через суд был снят с выборов, что возмутило жителей Иркутска. А так как Серебрянникова поддерживал ненавистный всем Дерипаска плюс то, что партия власти способствовала снятию Антонова и откровенно навязывала своего кандидата, всё это привело к тому, что победу одержал выдвигающийся по линии КПРФ Виктор Кондрашов, победу которого даже не прогнозировали².

25 % акций БЦБК Дерипаска передал своему партнёру Николаю Макарову в обмен на долю в холдинге «Континенталь Менеджмент». Макаров целлюлозой не занимается, он инвестор, и существует большая вероятность, что акции, в конечном счёте, растворятся на фондовом рынке, либо будут перепроданы оптом. Оставшуюся часть акций олигарх собирается передать городу Байкальску. Это говорит не о щедрости, а о трезвом расчёте данного предпринимателя. Главным акционером БЦБК становится государство с его 49 %, и автоматически оно становится наследником всех долгов, которые надела «Континенталь Менеджмент», превратив комбинат в банкрота, другими словами с долгами КМ будет рассчитываться государство бюджетными

---

¹ Швейцарцы отказались от акций «Русала» из-за запуска БЦБК [Электронный ресурс]. Новости Иркутска : [сайт]. URL: <http://news.e-irkutsk.ru/gzt/view/7927/>

² Комарова В. Пальцем в мэра 18 марта [Электронный ресурс]. Конкурент : [сайт]. URL: <http://www.vsp.ru/politic/2010/03/18/467990>

деньгами, т.е. нашими налогами. Надо сказать что за сорок с небольшим лет работы БЦБК оставил после себя большое количество твёрдых отходов, которые расположены в шламонакопителях по побережью Байкала, не считая жидких отходов, которые под давлением были закачены в геологические пустоты. Задача по рекультивации автоматически ложится на плечи государства.

Таким образом, рассмотрев деятельность компании «Континенталь Менеджмент», являющуюся подразделением ФПГ «Базовый элемент» и её владельца Олега Дерипаски, автор данной работы на конкретном случае рассмотрел, какими способами осуществляется лоббирование крупными ФПГ своих корпоративных интересов. Для продавливания своих интересов ФПГ срывается с властью (интересы комбината продавливает Председатель Совета директоров БЦБК Андрей Дементьев, являющийся заместителем министра промышленности и торговли. Именно Минпромторг инициировало внесение поправок, что обусловило появление постановления правительства № 1). Зачастую реализация интересов крупных ФПГ идёт с перекраиванием или изменением законодательства, внесением различного рода поправок и т.д. Отстаивание интересов корпораций зачастую противоречит государственным интересам и интересам большинства населения страны (случай Байкальского ЦБК наглядно иллюстрирует, что ради интересов одной из отечественной ФПГ и её владельца вносятся поправки, которые по своей сути являются преступлением против всего населения страны). Эти поправки грозят России исключением Байкала из перечня объектов всемирного наследия ЮНЕСКО, что безусловно, ударит по авторитету нашего государства.

На основании рассмотренного нами case-study, мы можем сделать ряд важных выводов о том, что, во-первых, для реализации своих целей и интересов крупные ФПГ используют различного рода средства, задействуют мощный административный и политический ресурс, используемый при достижении собственного интереса. Немаловажным также фактором является GR-деятельность ФПГ по формированию лояльности к себе различных политических и властных сил, как на региональном, так и на федеральном уровнях. Таким образом, мы можем утверждать, что экологический фактор влияет на политический процесс, приводя в движение определённые политические круги, связанные с отечественными ФПГ, побуждая политические элиты принимать решения в интересах тех или иных лоббистских групп.

Одним из них является широко использующийся сегодня экологический фактор. Под этот фактор создана специальная управленческая стратегия, с проведением широкомасштабной экологической PR-кампании, с использованием региональных и федеральных СМИ, нагнетающих негативную обстановку вокруг деятельности комбината и формирующих необходимое заказчику общественное мнение по данной проблематике. Во-вторых, в своей борьбе ФПГ задействуют мощный административный и политический ресурс, используемый при достижении собственного интереса. Немаловажным также фактором является GR-деятельность ФПГ по формированию ло-

ьяльности к себе различных политических и властных сил, как на региональном, так и на федеральном уровнях. Таким образом, мы можем утверждать, что экологический фактор влияет на политический процесс, приводя в движение определённые политические круги, связанные с противоборствующими ФПП, побуждая политические элиты принимать решения в интересах тех или иных лоббистских групп.

Кети Стоянова Карачолова

Магистр отделений «Физическая география и ландшафтная экология» и «Культурный туризм» факультета Геологии и географии Софийского университета Св. Климента Охридского

Проблема «Вромоса»

В Болгарии при социализме в селах Росен, Черноморец и других поселениях местное население активно использовало в строительстве домов и дорог песок и щебень, который брали в районе пляжа около мыса Атия западнее Черноморца (залив Вромос). Песок и щебень эти оказались... радиоактивными.

Относительно недавно стало известно, что вплоть до 1990 г. в районе залива Вромос происходил промышленный выброс радиоактивных отходов из хвостохранилища (хранилища «хвостов» — т.е. пустой породы) находящегося рядом рудника «Росен». Наравне с медной рудой в рудниковых горизонтах оказались запасы урана, часть которого после его отделения в результате флотации¹, поступала в хвостохранилище, откуда выливалась напрямую в воды залива, расположенного южнее мыса Атия. До этого, в 1970 г. во время замеров, производимых на предприятиях горно-обогатительного комбината «Бургасские медные рудники» доцент физического факультета Софийского университета „Св. Климент Охридски“ Иван Узунов обнаружил загрязнение радием. Содержащийся в бургасской руде радий также попадал после обработки в район пляжной полосы залива Вромос. В результате этих исследований Комитет по охране окружающей среды вынес рекомендации по строительству нового хвостохранилища, чтобы остановить попадание радиоактивных отходов в район пляжной полосы. Однако на протяжении десятилетий (рудник «Росен» работал в период с 1945 г по 1995 г, когда его закрыли из-за неэффективности и в связи с исчерпанием запасов меди) в результате выброса радиоактивных отходов образовался толстый слой радиоактивной тины вблизи от берега. Тогда же было установлено, что в Атии, Росене, Черноморце и Созополе, местное население использовало песок загрязнённых пляжей и радиоактивный щебень при постройке своих домов, а также при ук-

---

¹ Флотация — процесс разделения мелких твёрдых частиц, основанный на различии их в смачиваемости водой.

ладке улиц и тротуаров. Однако администрация не спешила признавать факт радиоактивного загрязнения в виду вероятного снижения доходов от туризма. Лишь после того как вмешалась европейская общественность, зона радиоактивного загрязнения была ограждена и отмечена предупредительными знаками.

В 1998 году ЕС по программе PHARE¹ выделило 800 000 экю для построения нового хранилища радиоактивных отходов в районе залива Вромос, а также для чистки существующих флотационных радиоактивных отходов и возрождения загрязненных участков. Но не смотря на это, лишь после ряда общественных дебатов состоялись конкретные решения местной власти и министерства охраны окружающей среды, в результате которых часть песка из залива Вромос была действительно убрана, а берег пляжа засыпан чистым песком. Созданный заново пляж был открыт лично тогдашним министром охраны окружающей среды и водных ресурсов Евдокией Маневой, а старые предупреждающие знаки были заменены новыми, в которых новая пляжная полоса объявлялась экологически чистой и пригодной для использования, в частности и для туризма.

Следующим этапом административного решения экологических проблем района стала попытка реализация идеи о том, что залив Вромос станет хранилищем материалов, полученных в результате дноуглубительных работ при расширении порта Бургас. Было предложено вывезти с места расширения порта 8 млн. м³ тины и мягкой глины, которые могли послужить своего рода колпаком, который закроет находящиеся на дне залива радиоактивные вещества. Общественный Комитет по защите залива инициировал протестные действия, результатом чего стало изменение проекта и залив удалось спасти от новых загрязнений.

На протяжении последних двадцати лет неоднократно проводились исследования радиационного фона залива. Так, согласно показаниям 1998 г. полученными инженером Боневым, радиационный фон был в промежутке от 0.22 $\mu\text{Sv/h}$ (микросиверта на час) до 0.35 $\mu\text{Sv/h}$. Однако эти данные ничего не значат, так как согласно Агентству по охране окружающей среды норма находится в границах от 0,06 до 0,60 $\mu\text{Sv/h}$, а Гражданская оборона предлагает свои показатели от 0,08 до 0,40 $\mu\text{Sv/h}$. В этот период были взяты и проанализированы 244 образца песка побережья и акватории залива, в половине из них установлен высокая активность урана-238 и радия-226. Проанализированы также образцы вновь привезенного песка, в котором была установлена активность урана-238—508 Bq/kg и радия-226—436 Bq/kg. Как показали замеры участков в непосредственной близости к заливу, там показатели были в 10 раз выше.

---

¹ PHARE — Poland and Hungary Assistance for the Restructuring of the Economy — Программа помощи реструктуризации экономики Венгрии и Польши — изначально предназначенная для этих двух восточноевропейских государств, но позже распространенная и на другие страны.

В 2004 г. в Софийском университете был опубликован отчет «Разработка полезных ископаемых Болгарии» в котором отмечается: «Проблемы возникли из-за хвостохранилища рудника Росен, часть отходов которого была сброшена в воды залива Вромос, где сейчас можно отметить повышенную концентрацию урана, магнетита, сульфидия». В период с июля по сентябрь 2004 г. исследование проб, взятых из нового песочного покрытия пляжа, показало активность урана-238–389 Bq/kg, радия-226–385 Bq/kg и олова-210–212 Bq/kg.

«Характерное загрязнение» продолжает отмечаться и при периодическом контроле, который был проведен в период с октября по декабрь 2007 г. Тогда были зафиксированы данные активности урана-238–432 Bq/kg, радия-226–415 Bq/kg и олова-210–371 Bq/kg.

Высокие показатели активности естественных радионуклидов также были выявлены в отходах рудника «Черноморец». На протяжении нескольких лет результаты указывали на то, что как и в 2004 г. «периодический контроль за радиоактивной обстановкой в заливе Вромос обнаруживает характерное загрязнение флотационными отходами»¹.

Проведенные в октябре — декабре 2008 г. замеры песка показали активность урана-238–480 Bq/kg, радия-226–445 Bq/kg, олова-210–354 Bq/kg. Данные недавних замеров радиационного гамма-фона пляжной полосы залива Вромос, представленные Агентством по защите окружающей среды, показывают размер гама-фона в этой зоне 0,26 $\mu\text{Sv/h}$, однако есть участки, где показатели достигают до 0,31 $\mu\text{Sv/h}$.

Эти показатели равны полученным по окончанию восстановительных работ пляжной полосы и свидетельствуют о том, что либо работы не были проведены в соответствии со всеми требованиями, либо они не дали ожидаемого результата.

Нужно отметить что, если в новом городском плане общины Созопол не предполагается застройка территорий, непосредственно прилегающих к заливу Вромос и карьере в Черноморце, и главный архитектор района объясняет это радиоактивным загрязнением, то несмотря ни на какие данные объективных исследований, в «Стратегической программе развития общины Созопол в период 2007–2013 г.» заложено «возобновление работ по построению причала для яхт в районе залива Вромос около Черноморца». А местная администрация предполагает разместить на берегу информационные таблички, которые будут предупреждать о риске, который несет продолжительное пребывание на пляже.

---

¹ Выпуск бюллетеня за три месяца. апрель — июнь 2004 г. Агентство по защите окружающей среды — http://nfp-bg.eionet.eu.int/eea/bg/publicat/threemonthbulletin14/radiatn/ra_dsoil.htm

Эвелина Алексеевна Козьменко

Студентка кафедры истории социально-политических учений факультета политологии Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова

Общие принципы международного экологического права и их реализация в российском законодательстве

Аннотация

В работе рассматриваются основные принципы международного экологического права, основания их функционирования, а также практическая реализация в рамках российского законодательства

Ключевые слова: экологическая политика, экологического право, международное экологическое право, экологическая политика в России.

К числу общих принципов международного экологического права обычно относят:

- 1) Принцип экологической безопасности при осуществлении любой деятельности.
- 2) Принцип сохранения благоприятной окружающей среды как неотъемлемого гражданского права человека.
- 3) Принцип предварительной оценки и превентивной борьбы с экологически неблагоприятными факторами.

Задача минимизации возможных загрязнений антропогенного свойства, а также реализации рационального использования ресурсов, не ведущего к их истощению, может быть названа в качестве основной цели обеспечения экологической безопасности в международном праве. За несколько десятилетий развития экологической политики в западных странах был разработан комплекс мер и методик снижения антропогенного воздействия на окружающую природную среду.

Общий перечень основных принципов, на которых строится международное экологическое право, экологическая политика современных государств мира, включая экологическое право Российской Федерации выглядит включает в себя: (1) административные запреты и надзор за их исполнением, (2) принцип «загрязнитель платит» и его вариации, выливающиеся в юридическую и экономическую презумпцию экологической виновности промышленных предприятий и иных субъектов хозяйственной деятельности, (3) экологическая экспертиза, (4) аудит, (5) оценка воздействия на окружающую среду, (6) экологическое нормирование и (7) контроль за соблюдением установленных предельно допустимых концентраций веществ в различных средах, (8) а также назначение экономических и административных санкций за их неисполнение.

Обобщая сказанное легко заметить, что все эти методики можно разделить на две группы. К первой относятся ограничения административно-правового характера. Вторую же группу составляют редистрибутивные (или перераспределительные) экономические технологии.

Административный и экономический механизм охраны природы органически связаны друг с другом. Однако если в 70-е и 80-е годы в западных странах преобладали идеи простого государственного ограничения экономической деятельности ради экологии без учета мнения субъектов хозяйственной деятельности, то начиная с 90-х годов развитые и развивающиеся страны, включая Россию, начинают все больше обращаться именно к экономическому механизму охраны природы. Административные меры становятся не самоцелью, а лишь средством обеспечения гармонизации экономической и экологической политик путем создания единого институционального поля и юридического механизмов их взаимодействия. Федеральный Закон от 10.02.2002 № 7-ФЗ «Об охране окружающей среды», а также ещё несколько десятков федеральных законов экологической направленности и связанных с ними правовых актов в конечном счете призваны обеспечить должное функционирование экономического механизма охраны природы.

Причиной повышенного внимания к экономической группе механизмов является тот факт, что они представляют собой естественный способ реализации экологической политики в условиях рыночной экономики. Ограничение и административный запрет – действенная мера, но лишь только в течении ограниченного промежутка времени; поэтому именно экономические механизмы становятся ядром долгосрочной экологической политики. Экономический базис экологической политики постулирует её главный приоритет, лежащий в основе перехода к устойчивому развитию человечества и природы.

Сформулировать эту приоритетную цель можно следующим образом: результативная экологическая политика требует придания природным ресурсам и качеству окружающей человека среды постоянно возрастающей экономической ценности. Простого декларативного заявления о ценности природы для человека недостаточно: ценность эта должна носить именно экономический характер, иметь количественное или стоимостное выражение. Только в этом случае реализация экологической политики будет иметь реальные благотворные следствия для человека и биосферы. Материально-экономические рычаги воздействия в гораздо большей степени позволяют поощрять экологически безопасные начинания и в то же самое время ограничивать начинания опасные, чем простая ценностная апелляция к сознанию людей или же система жестких санкций и штрафных мер.

В теории реализация экономического механизма экологической политики обеспечивает одновременный экономико-финансовый и природный выигрыш, заключающийся в повышении производительности хозяйственной сферы и сокращении нагрузки на природу. Любую экономику можно представить в виде пирамиды. В её основании лежат природоэксплуатирующие отрасли. В свою очередь, её вершина – отрасли перерабатывающие, обрабаты-

вающие и высокотехнологичные. Интенсивное развитие экономики предполагает сокращение удельного веса природоэксплуатирующих отраслей – то есть сужения основания пирамиды и как следствие – воздействия на природу. В случае же экстенсивного роста экономики, когда рост обеспечивается не развитием технологии, а лишь только обращением к новым источникам природных ресурсов по мере исчерпания и деградации старых, основание пирамиды увеличивается. Это ведет к повышенной нагрузке на природную среду и снижению её экономической эффективности.

Основой экономического механизма охраны природы и его базовым постулатом является идея платности природопользования, которая, в том числе, прописана в 3 статье российского закона «Об охране окружающей среды». Эта идея сформировалась в рамках международного экологического права как принцип «загрязнитель платит». Впервые он был описан в 1972 году, в соответствии с рекомендацией Организации экономического сотрудничества и развития. В те времена он означал, что «загрязнитель должен нести расходы на проведение мер экологического оздоровления по решению властей».

Принцип «загрязнитель платит» подразумевает, что за причинение вреда окружающей среде должны отвечать не все налогоплательщики, не простые граждане, а в первую очередь тот, кто за загрязнение ответственен. В этом случае, принцип содержит в себе очень важное экономическое содержание. Действительно, ведь в случае перенесения расходов по борьбе с загрязнениями и прочими неблагоприятными воздействиями на окружающую среду не на граждан, а на непосредственных виновников, у последних возникнет мотивация уменьшить эти расходы. В условиях рыночной экономики, свободной экономической системы, свободного ценообразования и конкуренции, они будут искать пути, способствующие снижению загрязнений. Это, соответственно, заставит их применять такие техники и методы хозяйственной деятельности, которые приемлемы с экологической точки зрения. Помимо этого, у ответственных за загрязнения окружающей среды появится стимул принимать более активные меры по рациональному использованию природных ресурсов. Особенно эффективно принцип «загрязнитель платит» должен работать в случае его совмещения с системой предоставления льгот тем экономическим агентам, которые в большей степени готовы заботиться об окружающей среде.

В теоретическом аспекте принцип безупречен. Действительно, очевиден тот факт, что если использование энергосберегающих технологий будет вести к снижению налогового бремени на субъектов хозяйственной деятельности, а экстенсивное природопользование – карается со стороны государства повышением налогов и иных взысканий денежных средств, то производитель будет стремиться в большей степени думать о природе. Помимо этого, отказ от старых технологий в пользу новых ресурсосберегающих альтернатив в долгосрочной перспективе сулит предпринимателю дополнительные прибыли: ведь на единицу ресурса он будет получить большее количество продукта и тем самым значительно сэкономит.

Экономическая политика

Полина Игоревна Васильева

Выпускница факультета глобальных процессов факультета
Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова¹

Социальная и экономическая деятельность Русской православной церкви в России и за рубежом

Аннотация

Статья посвящена раскрытию потенциала Русской православной церкви для стимулирования и осуществления модернизации российской экономики и формирования нового подхода к экономической деятельности среди части населения России, разделяющего ценности Православия.

Ключевые слова: Русская православная церковь, институт гражданского общества, негосударственная некоммерческая организация, институт «третьего сектора» экономики, социальное служение, Русская православная церковь за рубежом, Украинская православная церковь Московского патриархата.

Едва ли можно усомниться в значимости той роли, которую в ходе истории сыграла Русская Православная Церковь для развития национальной культуры, образования, здравоохранения. Однако каково ее значение в современной России, актуальна ли ее деятельность в данный момент?

Сегодня Россия находится на важной стадии модернизации, от успеха которой зависит ее судьба — станет ли страна вновь сильной, влиятельной державой или превратится в аутсайдера мировой политики с деградирующей культурой, отсталой моделью экономики и прогнившей коррумпированной политической системой.

Однако, для реализации модернизации необходимо не только проведение экономических реформ и трансформация политической системы, чрезвычайно важно изменение отношения людей к экономической деятельности.

Проведение столь крупномасштабных изменений практически не под силу государству в одиночку, зато Церковь, и в нашем случае Русская Православная Церковь, способна оказать ему в этом серьезную поддержку. Роль ее на сегодняшний день полностью недооценена, она не рассматривается как важный экономический субъект в рамках национальной системы экономики, а восприятие в обществе церковных инициатив зачастую искажено в связи с субъективным изложением церковной деятельности светскими средствами массовой информации.

Проведенный анализ социальной и экономической деятельности РПЦ, как в России, так и за ее пределами, показывает, что Русская Православная

---

¹ Научный руководитель: доктор политических наук, доцент кафедры социологии и политологии ИППК МГУ **Ольга Георгиевна Леонова**.

Церковь, являясь институтом гражданского общества и организацией так называемого «третьего сектора» экономики, не ставит перед собой цели ни получения прибыли от своей деятельности, ни овладения политической властью. Ее миссия носит альтруистическую природу. Однако РПЦ может вести очень эффективную экономическую и социальную активность.

Так, будучи негосударственной некоммерческой организацией, РПЦ способна привлекать спрос, по разным причинам не удовлетворяемый ни участниками экономической деятельности на рынке, ни в рамках непосредственной активности государства. Это можно объяснить так называемыми провалами рынка и провалами государства — ситуациями, когда рыночные механизмы не обеспечивают оптимального использования ресурсов, а максимум эффективности не достигается при рациональном поведении тех, кто вырабатывает и осуществляет политику государства.

Следовательно, в рамках своей деятельности Церковь берет на себя функцию перераспределения финансовых средств в пользу слабозащищенных слоев населения, государственная социальная политика в отношении которых является недостаточно эффективной и результативной.

В целом, социальное служение является одним из приоритетов деятельности РПЦ и представляет собой широкий спектр направлений, начиная от опеки больниц, детских домов и домов престарелых и заканчивая миротворческой деятельностью в горячих точках по всему миру.

Если же рассматривать Церковь как экономический субъект и анализировать источники формирования церковных средств и реальные примеры ее социального служения, можно сказать, что серьезной препоной для расширения социально-экономической деятельности Церкви является неразвитость правового законодательства в отношении церковных инициатив и неэффективная и устаревшая система распределения церковных средств в рамках самой организации. Так, крупные и богатые храмы и монастыри, расположенные в экономически развитых регионах, осуществляют разнообразное социальное служение и создают при себе промышленные и сельскохозяйственные предприятия, а маленькие приходы в депрессивных регионах страны не имеют такой возможности, хотя именно они могли бы стимулировать экономическую и социальную активность местного населения и создавать дополнительные рабочие места.

Для исправления сложившейся ситуации необходимо изменение восприятия церковной деятельности в глазах общественности, которое возможно при принятии концепции построения государственно-церковных отношений на принципах социального партнерства, когда государство занимается созданием правовых рамок для деятельности религиозных организаций, а церковь способствует реализации и диверсификации социальной деятельности государства, не выходя за пределы духовной сферы и социального служения.

Важной особенностью деятельности Русской Православной Церкви является тот факт, что она призывает **всех христиан** к участию в общественной жизни, которое должно основываться на принципах христианской нравст-

венности. При этом Церковь **не ставит прямой задачи обращения всех в Православие** в качестве условия сотрудничества.

Значимо, что Русская Православная Церковь осуществляет свою деятельность не только на территории России, но и за ее пределами. За границей ее деятельность реализуется через такие организации, как Русская Православная Церковь Зарубежом и Украинская Православная Церковь Московского Патриархата.

Если говорить про Украину, то сам факт, что Украинская Православная Церковь находится в епархиальном ведении Московского Патриархата, уже чрезвычайно важен не только с духовной точки зрения, ведь Киев — сердце русского Православия, но и с точки зрения политики и культуры. Русская Православная Церковь является на сегодняшний день единственной практически на всем пространстве СНГ нерасчлененной структурой с центром в Москве, "последней крепостью" Исторической России и разделенного русского народа, русского в значении не этническом, а культурном. Поэтому приходы и монастыри УПЦ МП выполняют не только тот широкий круг социальных и экономических функций, которые несут церковные учреждения в России, но и отвечает за сохранение русского языка в Украине, культурную и духовную близость народов — русского и украинского. Большинство украинских печатных изданий пророссийской направленности выходит именно под редакцией Украинской Православной Церкви, поэтому сохранение единства Русской Православной Церкви, недопущение церковного раскола на Украине и недопущение чрезмерного вмешательства со стороны украинского правительства в церковные дела является ключевой задачей не только самого Московского Патриархата, но и российского внешнеполитического ведомства.

Важнейшей социальной функцией Русской Православной Церкви Зарубежом является сохранение духовного и культурного единства русской эмиграции. За почти 90 лет своего существования благодаря созданию русских православных храмов и монастырей далеко за пределами страны выходцы из России смогли сохранить в своей среде знание русского языка, привить любовь и преданность русским традициям новым поколениям. И сегодня основной упор в своей деятельности приходы РПЦЗ делают на развитие работы с детьми и молодежью, а также остаются проводниками русской культуры за рубежом.

На основе проведенного анализа можно сделать вывод, что роль Русской Православной Церкви в современном российском обществе как экономического и социального субъекта остается крайне недооцененной, и при грамотном изменении системы церковного финансирования и разработке необходимой правовой базы РПЦ имеет серьезный потенциал для решения сложных социально-экономических проблем, стоящих перед государством. Деятельность Церкви выходит далеко за рамки исключительно духовной сферы, пересекает границы государства и связывает своих приверженцев в единый русский православный мир.

Артем Сергеевич Кохась

Выпускник факультета глобальных процессов факультета
Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова¹

Оптимизация кредитной политики государств в условиях финансового кризиса

Аннотация

Статья посвящена анализу воздействия кредитного рынка на экономическое развитие государств и выявлению закономерностей между основными макроэкономическими показателями с целью оптимизации государственной кредитной политики.

Ключевые слова: кредитный рынок, глобальный экономический кризис, кредитование частного сектора, денежная масса M2, оптимизация кредитной политики.

Надежная финансовая система является стержнем развития и успешного функционирования рыночной экономики и необходимой предпосылкой роста и стабильности экономики в целом.

Мировой экономический кризис показал, что ключевым фактором дестабилизации современной экономической системы является непредсказуемость развития финансового сектора и системы кредитования в частности. Перегрев на рынке ипотечного кредитования в США привел к глобальному коллапсу в сфере кредитования в целом и, тем самым, поставил перед правительством различных государств мира естественный вопрос о необходимости регулирования кредитной политики во избежание повторения подобных кризисов в будущем.

В настоящее время предпринимается множество попыток разработки оптимальной кредитной политики. Однако моделирование используется в основном для корректировки экономической деятельности банков, тогда как проблемам оптимизации государственной кредитной политики уделяется значительно меньше внимания.

В связи с этим для исследования особенностей функционирования кредитного рынка государств мира была произведена классификация национальных моделей кредитных рынков. Для этого был проведен кластерный анализ 67 стран².

---

¹ Научный руководитель: доктор технических наук, профессор, действительный член Академии военных наук **Сергей Юрьевич Малков**.

² Страны были отобраны по следующим критериям: объем ВВП больше 2×10^{10} ; население превышает 10 млн. человек; наличие достаточной информации о показателях, характеризующих экономическую деятельность страны.

Кластерный анализ был проведен на основании следующих показателей¹: ВВП на душу населения, объем кредитов частному сектору в отношении к денежной массе M2, распространенность кредита², жесткость регулирования кредитной политики, глубина экономики³.

В результате иерархического кластерного анализа страны были разделены на четыре группы. Дальнейший анализ показал, что содержательно они могут быть определены как: страны с развитой кредитной системой; исламские страны; страны с жесткой кредитной политикой; страны с неразвитой кредитной системой.

В ходе дальнейшего исследования, которое охватило период с 1999 года по 2008 год, был проведен количественный анализ статистических данных на предмет выявления устойчивых закономерностей (при этом ряд данных-выбросов был исключен из анализа, поскольку их характер определялся не экономическими, а политическими факторами в конкретных странах). Было показано, что наиболее представительным показателем для анализа влияния кредитной сферы на экономический рост является показатель темпов роста кредитов частному сектору в процентах от M2 — своего рода индикатор кредитной накачки экономики. Оказалось, что влияние этого показателя на экономический рост различно для различных групп стран:

1. В **странах с неразвитой кредитной системой** доля кредитов находится на достаточно низком уровне, поэтому потенциал роста кредитного сектора велик. Рост кредитов частному сектору на 1 процент ведет к росту ВВП на 0,17 процента. Это означает, что разумное расширение кредитного рынка этих государств благоприятно влияет на экономику в целом.

Последствия кризиса для этих стран оказались не такими серьезными, так как экономика этих стран сосредоточена в основном в реальном секторе. Тем не менее, некоторые нескоординированные действия правительств, а также то, что эти страны находятся в зависимости от экономической ситуации в развитых государствах, усугубило в них кризисные явления.

2. В **странах с жесткой кредитной политикой** экономический рост носит стабильный характер. Экономика в целом не чувствительна к изменениям

---

¹ Экономические показатели, на основе которых был проведен кластерный анализ, по мнению Всемирного Банка, позволяют дать наиболее полную характеристику кредитной системы страны.

² Данное понятие измеряет кредиты, выданные частному сектору, в процентах от общего количества кредитов, выданных в стране. Источник: International Monetary Fund, International Financial Statistics.

³ Данное понятие используется для того, чтобы отразить связь между насыщенностью экономики денежными ресурсами, сложностью и разветвленностью финансовой и денежно-кредитной системы, с одной стороны, и темпами экономического роста, с другой. Ключевым показателем «глубины экономики» считается монетизация хозяйственного оборота, степень его насыщенности деньгами, обычно измеряемая коэффициентом «M2 / Валовой внутренний продукт», рассчитываемым по «International Financial Statistics» (публикуется МВФ).

на кредитном рынке, корреляция между темпами роста ВВП и темпами роста кредитов частному сектору в процентах от денежной массы М2 незначительна. Экономический рост стран данного кластера основан в первую очередь на росте реального сектора экономики.

Страны с жесткой кредитной политикой практически не пострадали от кризиса, что можно связать со слабым развитием кредитной системы в большинстве из них. Однако пример Китая (кредиты частному сектору в Китае в среднем за период 1999-2008 гг. составляют 114% от ВВП) наглядно показывает, что применение жесткой кредитной политики в стране с развитой кредитной системой приводит к стабильному экономическому росту (9,6% в год). За период глобального экономического кризиса Китай превратился в одного из основных мировых кредиторов и стал главным внешним кредитором США.

3. В странах с Исламской банковской системой Доля кредитов в экономике находится на достаточно низком уровне, рост кредитов частному сектору на 1 процент ведет к росту ВВП в среднем на 0,18 процента. Это означает, что разумное расширение кредитного рынка этих государств благоприятно влияет на экономику в целом. Однако экономические меры, используемые в развитых странах для стимулирования экономического роста, зачастую противоречат основным законам исламского банкинга.

Менее всего кризис затронул исламские страны. Объясняется это тем, что они представляют собой своего рода замкнутую систему. А кредитная система данных государств по своей сути минимизирует риски возникновения кризисных явлений, благодаря участию вкладчика в прибылях и убытках банка.

4. Для стран с развитой кредитной системой высокий уровень монетизации и развитый рынок кредитования являются отличительными особенностями. По существу, кредитный рынок находится в состоянии насыщения. На это указывает то, что при увеличении роста кредитов частному сектору на 1 процент, рост ВВП сокращается в среднем на 0,07 процента (коэффициент аппроксимации 0,42).

Таким образом, экономики данных стран перенасыщены кредитами. В государствах этого кластера остро стоит проблема опасного превышения рациональной кредитной экспансии. При превышении темпов кредитной экспансии в 10% от М2 меняется характер зависимости: повышение темпов роста кредитов частному сектору на 1% ведет к снижению темпов роста ВВП на 0,23 процента (коэффициент аппроксимации 0,5).

Чрезмерное расширение кредитной экспансии банковской системы усиливает напряженность в финансовой системе и в конечном итоге приводит к финансовому кризису, макроэкономической дестабилизации, падению темпов экономического роста. Почти все кризисы в перечисленных странах вызваны проведением в течение ряда лет не жесткой, а исключительно мягкой, экспансионистской кредитной политики.

Доказательством существования выявленного и экономически обоснованного предела кредитной экспансии (около 10 процентов) служит средняя прямая зависимость темпов роста инфляции от темпов роста кредитов частному сектору в процентах от М2 (коэффициент детерминации 0,64). Превышение установленной границы среднегодовых темпов роста кредита от М2 (10 процентов) ведет к возникновению трудноуправляемой инфляции. Повышение темпов роста кредитов свыше этого порога на один процент от М2 ведет к увеличению темпов роста инфляции примерно на 3 процента (коэффициент аппроксимации 0,64).

Таким образом, выявленные зависимости кредита и макроэкономической динамики подтверждают, что кредит, эффективные кредитные отношения являются факторами экономического роста, а объемы кредитования и темпы роста кредитов влияют на уровень и темпы роста ВВП. На основе корреляционно-регрессионного анализа определены связи кредита и макроэкономической динамики.

Следовательно, наращивание объемов кредитов частному сектору до определенного уровня благоприятно влияет на экономический рост. Однако количественная граница стимулирования темпов экономического роста с помощью увеличения кредитов не должна превышать 10 процентов от М2, поскольку при превышении этой границы экономика несет издержки, связанные с инфляцией и замедлением/падением темпов экономического роста.

Дмитрий Владимирович Смоляк

Аспирант кафедры российской политики факультета политологии Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова¹

Финансовая политика: понятие, направления и место в системе политической науки

Аннотация

В статье проводится анализ места финансовой политики в предметном поле политической науки и в системе государственной политики через призму устоявшихся подходов, а также через раскрытие содержания такого понятия как «государственная экономическая политика».

Ключевые слова: предметное поле политической науки, система государственной политики, долгосрочное бюджетирование, государственная программа, бюджетный процесс, государственная экономическая политика, программно-целевой подход.

---

¹ Научный руководитель: доктор философских наук, заведующий кафедрой российской политики факультета политологии МГУ, профессор **Валерий Иванович Коваленко**.

Ход исторического развития, фундаментальные свойства политики, а также особенности процесса познания в этой сфере придают политической науке целый ряд специфических черт. Прежде всего, политическая наука представляет собой открытую систему знаний, развивающуюся на основе постоянного уточнения и обновления теоретических образов политики, расширения исследований ее социального пространства. Процесс политических изменений непрерывно дополняется появлением новых частных и общих определений, интерпретаций явлений политики в русле новых теоретических координат. Именно поэтому в современной науке нет единого теоретического направления, которое сформировало бы однозначные подходы и общепризнанные оценки мира политики. В настоящее время ни в одной другой отрасли научного знания не привлекаются на постоянной основе методы познания из других — в том числе естественных — дисциплин, как в политологии.

Политическую науку характеризует многоуровневый характер организации ее знаний. Она включает в себя: общую (фундаментальную) политологию, изучающую глубинные сущностные связи и отношения в мире политики, механизмы формирования и развития данной сферы во взаимосвязи с общей картиной мира; теории среднего уровня, формулирующие принципы и установки, рассчитанные на ограниченную сферу применения и исследование отдельных областей политики; а также прикладные теории, которые формируются в связи с необходимостью решения типовых проблем, обеспечивающих практические изменения в текущем политическом процессе.

Данные обстоятельства, в свою очередь свидетельствуют о расширении предметного поля политической науки. Сегодня наряду с такими направлениями политической науки как политическая регионалистика, экополитология, глобалистика, этнополология, политическая социология и политическая психология в поле политического знания входят такие научные направления как политический менеджмент, политическая коммуникативистика, экологическая политика, а также одним из активно разрабатываемых направлений является экономическая политика.

Объясняется это прежде всего тем, что политика, представляя собой определенную область соответствующих явлений, вместе с тем обладает способностью «проникновения» в иные сферы социальной жизни, включения в свои границы разнообразных фрагментов различных сфер общественной жизни — экономической, правовой и др. Таким образом, в содержание политической науки всегда включаются и те явления, которые лишь эпизодически приобретают политическое значение. Поэтому качество ее предмета могут рассматриваться как разнообразные внутренние грани (отношения, механизмы, компоненты и т.д.) политики, так и ее внешние связи с другими сферами общества и мира.

Касаясь непосредственно темы данной статьи, следует отметить, что современный этап развития мировой политической системы обусловлен появлением значительного числа акторов, таких, как бизнес-структуры мирового масштаба, различные политические движения, международные организации,

теневые структуры, оказывающие существенное влияние на выработку политического курса того или иного государства. Всё большее значение в этой связи приобретает финансовая сфера, на что указывает мировое движение капитала, развитие рынков ценных бумаг, формирование таких международных финансовых институтов, как Всемирный банк, Европейский банк реконструкции и развития, Международный валютный фонд, предоставляющие финансовую помощь государствам с наиболее слабо развитой экономикой и тем самым оказывающие влияние на выработку курса государственной политики.

Дальнейшее развитие процесса глобализации приводит к возникновению взаимосвязи экономик различных стран, и изменение экономической ситуации в одной из них влечет за собой соответствующие изменения в другой и затем в виде цепной реакции переносится на другие государства. В этой ситуации возникает вопрос о роли национальных государств в процессе политической стратегии, особенно в регулировании финансовой сферы. Ситуация мирового финансового кризиса наглядно показала, что негативные тенденции, возникающие в финансовой сфере распространяются на всю экономическую сферу в целом и, в конечном итоге, находят свое проявление в сфере политической. В этих условиях обеспечение стабильного развития государства требует от власти тщательно продуманной выработки грамотных политических решений в области государственного регулирования финансовой сферы, успешная реализация которых зависит прежде всего от правильного понимания места финансовой политики в системе государственной политики.

Вопрос о месте финансовой политики в системе государственной политики, а также вопрос о сферах её реализации является достаточно актуальным. Довольно часто можно встретить определения финансовой политики, трактующие её как отдельное направление государственной политики. Есть и такие определения, согласно которым, финансовая политика является направлением экономической политики государства.

Так, например, в современных представлениях финансовая политика трактуется как политика государства, правительства в отношении использования государственных финансовых ресурсов, регулирования доходов и расходов, формирования и исполнения государственного бюджета, налогового регулирования, управления денежным обращением, воздействия на курс национальной валюты. В данном определении, несмотря на то, что области реализации финансовой политики указаны достаточно верно, её место в системе государственной политики четко не определено.

В политической науке можно выделить ряд подходов относительно места финансовой политики в системе государственной политики. Так, в соответствии с концепцией *governance* финансовая политика является самостоятельным видом государственной политики, суть которой заключается в направлении и перераспределении финансовых средств на развитие и реализацию определенных государственных программ. Основу данного вида политики составляет долгосрочное бюджетирование, смысл которого заключается

в том, что правительство, исходя из получаемой информации, которая содержит тенденцию развития определенных событий на краткосрочную перспективу, составляет проект бюджета на один год. Предусматривается также составление бюджета на 10 лет. Данная мера, в соответствии с указанной концепцией, позволяет заблаговременно принять необходимые меры по изменению политического курса, прежде чем наступит волна кризиса.

Финансовая политика, согласно данной концепции, имеет ряд направлений, одним из которых является межсекторное бюджетирование. Суть данного направления заключается в следующем: исходя из прогнозных сценариев развития экономики принимается решение об увеличении или сокращении объемов финансирования в том или ином секторе экономики с целью увеличения или уменьшения финансирования в другом¹.

Другим направлением финансовой политики является создание резервных источников финансирования путем перечисления от 3 до 5 процентов всех доходов в фонд «непредвиденных обстоятельств» на случай преодоления или пресечения развития кризисных тенденций. Кроме того, для более успешной реализации государственных программ предполагается создание «предпринимательских фондов» для государственных служащих высокого ранга. Считается, что госслужащие будут вкладывать деньги из указанных фондов в развитие и реализацию тех или иных проектов, вследствие чего будет обеспечиваться поступление средств в бюджет, успешная реализация проекта, а также получение прибыли².

Противоположным данной концепции является подход Дж. Ю. Стиглица, который рассматривает финансовую политику как одно из направлений экономической политики государства, при этом сам смысл финансовой политики имеет более широкую трактовку. Суть финансовой политики заключается в распределении капитала, обслуживании институтов, благодаря которым сбережения отдельных лиц на практике превращаются в инвестиции. Финансовая сфера при этом включает в себя также банковскую страховую сферы, фондовый рынок. Государственное регулирование финансового сектора осуществляется с помощью соответствующих служб, кроме того, в процессе регулирования государство субсидирует определенную частную кредитную деятельность и создает государственные органы для осуществления кредитной и страховой деятельности.

---

¹ Так, например, в 1992 году в штате Массачусетс в результате бюджетного дефицита были сокращены государственные расходы на социальное обеспечение ребенка и дотации на аренду помещений, вместо этого расходы на благотворительность и на строительство приютов для бездомных были увеличены.

² Osborne D., Gaebler T. Reinventing government. — New York, 1992. — P. 195–249.

В сфере кредитной деятельности государство осуществляет политику по субсидированию кредита или по обеспечению гарантий займа¹. В области страхования выделяются две группы государственных программ: социальное страхование, которое включает социальное обеспечение, бесплатное медицинское облуживание, страхование по безработице и др. Второй вид государственных страховых программ сосредоточивает внимание на коммерческом риске — страхование депозитов в коммерческих банках, гарантия пенсионных пособий, страхование сбережений и займов и т.д.²

Среди других подходов, определяющих место финансовой политики в системе государственной политики, следует отметить и программно-целевой подход В. Г. Афанасьева. Здесь финансовая политика играет роль вспомогательного инструмента экономической политики в реализации её приоритетов по развитию национального производства. Главная её цель заключается в снижении себестоимости продукции.

В процессе реализации финансовой политики предусматривается получение общей суммы прибыли путем установления в соответствующих отраслях общего норматива распределения прибыли, а также посредством платежей в государственный бюджет и выделения ассигнований из него. В отраслях, где предусматривается задание по снижению себестоимости продукции, общая сумма прибыли определяется расчетно. За счет прибыли предполагается формирование фонда материального поощрения в зависимости от роста производительности труда и производства продукции высшей категории качества (или другого показателя качества продукции, установленного для данной отрасли) и выполнения плана поставок продукции потребителям в соответствии с заключенными договорами и заказами³.

Несмотря на то, что указанные подходы отражают многие важные аспекты финансовой политики, при рассмотрении областей ее применения они все же не раскрывают ее сущности во всей полноте. Так, в первом случае финансовая политика рассматривается только как бюджетный процесс, осуществляемый либо на общегосударственном, либо на региональном уровнях; во втором случае наибольший упор делается на банковскую сферу и фондовый

---

¹ Так, если государство продлевает кредит по ставке процента ниже рыночной, оно субсидирует кредит, исходя из того, что высокая рыночная ставка процента, касающаяся некоторых групп заемщиков, точно отражает рыночные оценки риска их кредитования. В некоторых случаях государство не предоставляет кредита, но обеспечивает гарантию займа, которая позволяет заемщику получить кредит по гораздо более низкой ставке.

² *Стиглиц Дж. Ю.* Экономика государственного сектора. — М., 1997. — С. 38–40.

³ С учетом особенностей отдельных отраслей фонд материального поощрения может образовываться в зависимости от экономии материальных ресурсов, повышения фондоотдачи, коэффициента сменности и других качественных показателей [См.: Афанасьев В. Г. Общество: системность, познание и управление. — М., 1984. — С. 381–394].

рынок; в третьем финансовая политика, по сути, сводится к формированию источников финансовых средств государства. При этом в рассмотренных концепциях вопросы эффективного использования государственных финансовых ресурсов, регулирования денежного обращения, доходов и расходов населения, а также вопросы регулирования курса валюты подробно не освещены. Однако, именно они составляют основу финансовой политики.

Для более четкого представления о том, что такое финансовая политика и каково её место в политике государства необходимо, в свою очередь, рассмотреть, что представляет собой государственная экономическая политика. Само понятие экономической политики в большей степени связано со стратегической линией поведения государства в экономике. Это принципы, на основе которых строится его поведение в отношении экономики. Понятие государственного регулирования связывается с конкретными мерами по регулированию экономических процессов в соответствии с главными целями экономической политики, хотя понятия экономическая политика и государственное регулирование иногда рассматривают как синонимы.

К категории «экономическая политика» сегодня обращаются очень многие социальные науки. Каждая из них в зависимости от того, какую сферу общественной жизни она описывает и изучает, вносит в содержание этой категории свою специфику, ибо все области общественной жизни, так или иначе, связаны с экономической сферой и той экономической политикой, которую проводит государство на каждом этапе развития общества.

В экономической науке часто высказывается точка зрения, согласно которой экономическую политику необходимо рассматривать как прикладную экономическую науку или теорию, т. е. как применение на практике принципов экономической науки.

С позиций такого подхода одна из важнейших задач экономической науки состоит в том, чтобы определять, как максимально использовать ограниченные ресурсы общества.

По словам известного экономиста А. Маршалла, экономическая наука — это наука о «нормальной жизнедеятельности общества». Она создает научную основу для проведения экономической политики. Экономическая теория как наука включает в себя несколько важнейших разделов, в первую очередь — макроэкономику. Это наука о совокупном поведении людей и целостной экономической системе. Макроэкономические исследования становятся основой принятия государственных решений, в них государственная экономическая политика находит свои истоки.

Рассматривая экономическую политику как прикладную сферу экономической науки, следует обратить внимание на то, что она не свободна от идеологии, государственной идеи, зависит от характера государственной политики. В таком контексте экономическая политика всегда имеет и политические цели. Поэтому часто экономическая политика рассматривается как инструмент реализации политических целей.

Для достижения указанных целей государство выбирает такие методы и формы воздействия на экономику, которые являются наиболее эффективными. Важно различать две основные формы: прямое вмешательство через расширение государственной собственности на материальные ресурсы, законодотворчество и управление производственными предприятиями и косвенное вмешательство с помощью различных мер экономической политики.

Прямое вмешательство государства заключается в принятии законодательных актов, призванных упорядочивать и развивать отношения между всеми элементами рыночной системы. Кроме того, государство предоставляет кредиты, принимает долевое участие, является собственником предприятий, что делает его владельцем части общественного капитала¹.

Что касается косвенного вмешательства государства, то следует отметить то, что в зависимости от цели вмешательства меры экономической политики могут быть направлены на:

- стимулирование капиталовложений и восстановление равновесия между сбережениями и инвестициями;
- обеспечение полной занятости;
- стимулирование экспорта и импорта товаров, капиталов и рабочей силы;
- воздействие на общий уровень цен в целях его стабилизации и цены на некоторые специфические товары;
- поддержку устойчивого экономического роста;
- перераспределение доходов и некоторые другие цели.

Для достижения поставленных целей государство использует в той или иной степени инструменты как экономического, так и административного характера:

- прямые ограничения и запреты;
- налоги, налоговые льготы, процентные ставки, таможенные сборы;
- финансовые средства государства (бюджетные инвестиции, различные субсидии, государственные дотации, которые стимулируют определенную структуру национальной экономики);
- законодательно установленные ограничения материально-вещественных потоков (государственные заказы и лицензии);
- элементы планирования и прогнозирования.

Иначе говоря, государство прибегает к таким видам политики, как политика в области управления главным образом государственными доходами и расходами, а также системой налогообложения, как политика в области регулирования финансовых потоков, курсов валют, системы предоставлений кредитов и займов, денежного обращения, рынков ценных бумаг и т.д. При этом все эти виды государственной экономической политики существуют в нераз-

---

¹ Необходимо отметить, что в государственном секторе западных стран занята довольно большая группа людей: от 11% общей численности лиц наемного труда во Франции и Италии, до 8-9% в ФРГ, Бельгии и Голландии.

рывной связи друг с другом и, по сути, представляют собой целостную систему, именуемую финансовой политикой государства.

В сфере управления денежным обращением, а также в области воздействия на курс национальной валюты государство в лице такого института как Центральный банк прибегает к следующему набору инструментов:

- процентные ставки по операциям Центрального банка;
- нормы обязательных резервов, депонируемых в Центральном банке;
- операции на открытом рынке (или купля-продажа Центральным банком казначейских векселей, государственных облигаций и прочих государственных ценных бумаг, краткосрочные операции с ценными бумагами с совершением позднее обратной сделки);
- рефинансирование банков (или кредитование Центральным банком банков, в том числе учет и переучет векселей);
- валютное регулирование (или купля-продажа Центральным банком иностранной валюты на валютном рынке для воздействия на курс рубля и на суммарный спрос и предложение денег);
- установление ориентиров роста денежной массы;
- прямые количественные ограничения (установление лимитов на рефинансирование банков и проведение кредитными организациями отдельных банковских операций).

Представленный перечень инструментов представляет собой целостную систему мер регулирования финансовой сферой, представляющую собой одно из направлений государственной финансовой политики, которое носит название денежно-кредитной политики, в которой, как уже видно из указанного перечня, процентная ставка (или ставка рефинансирования) является одним из основных инструментов. Регулирование процентной ставки, осуществляемое Центральным банком носит название процентной политики государства.

В целом процентная политика может быть определена как один из элементов экономической политики государства и представляет собой, совокупность мероприятий, направленных на изменение уровня процентных ставок в целях развития и регулирования денежно-кредитной сферы.

Эффективность использования ставки рефинансирования в качестве основного инструмента регулирования финансовой сферы является сомнительной. Наиболее отчетливо данная ситуация проявилась в условиях мирового финансового кризиса, когда Федеральная резервная система США в ответ на расширение денежной массы вследствие выдачи рискованных ипотечных кредитов стала проводить политику повышения учетной ставки, которая в конечном итоге привела сначала к внутригосударственному а затем и к мировому кризису. Данное обстоятельство еще раз свидетельствует о необходимости проведения грамотных политических решений в области регулирования финансовой сферы, в частности — в области реформирования такого инструмента регулирования денежно-кредитной сферы как процентная ставка.

Обобщая всё вышесказанное, можно утверждать, что финансовая политика это государственная экономическая политика, проявляющаяся в исполь-

зовании государственных финансовых ресурсов, регулировании доходов и расходов, формировании и исполнении государственного бюджета, в налоговом регулировании, в управлении денежным обращением, в воздействии на курс национальной валюты.

Эффективность данного вида государственной политики зависит от выработки и реализации грамотных политических решений в области функционирования финансовой сферы государства. Подобные выводы свидетельствуют от значительном расширении сферы политики, что вызывает тенденцию к неуклонному увеличению объема научных знаний. Причем в расширяющемся потоке политических знаний кроется не только увеличение числа смежных дисциплин, познающих тайны политики, но и сближение многих субдисциплин по методам познания. Это не ведет к превращению политологии в основу всех наук и прежде всего потому, что в обществе существуют механизмы, предотвращающие поглощение политикой общества. Однако интенсивное развитие политических наук уже сегодня, буквально на глазах изменяет структуру и форму общественной науки.

Библиография

1. *Афанасьев В. Г.* Актуальные проблемы научного управления обществом. — М., 1975.
2. *Афанасьев В. Г.* Программно-целевое планирование и управление. — М., 1980.
3. *Афанасьев В. Г.* Общество: системность, познание и управление. — М., 1984.
4. *Ганнел Дж. Г.* Политическая теория: эволюция отрасли//Вестник МГУ. — Серия 12. — 1993. — № 1. — С. 66.
5. *Дегтярев А. А.* Принятие политических решений. — М., 2004.
6. *Иванов В. Н.* Технология политической власти. Зарубежный опыт. — Киев, 1994.
7. *Ларичев О. И.* Теория и методы принятия решений. — М., 2000.
8. *Мишелетти М.* Государственное управление в демократическом обществе. — СПб., 1998.
9. *Саймон Г., Смитбург Д., Томпсон В.* Менеджмент в организациях. — М., 1995.
10. *Сморгунов Л. В.* Государственная политика и управление. — М., 2006.
11. *Соловьев А. И.* Принятие государственных решений. — М., 2004.
12. *Стиглиц Дж. Ю.* Экономика государственного сектора. — М., 1997.
13. *Цыгичко В. В.* Руководитель о принятии решений. — М., 1992.
14. *Якунин В. И.* Формирование государственной политики в современной России: проблемы теории и практики. — М., 2006.
15. *Lane J.-E.* The Public Sector. Concepts, Models and Approaches. — London: Newbury Park, 1999.
16. *Lipset S. M.* The Social Requisites of Democracy Revisited//American Sociological Review. — 1994. — Vol. 59. — P. 12.

17. *Lynn N., Wildawsky A.* (eds.). *Public Administration: The State of the Discipline*. — New York, 1990.
18. *Osborne D., Gaebler T.* *Reinventing government*. — New York, 1992.
19. *Presthus R.* *Public Administration*. — New York, 1975.
20. *Sharkansky I.* *Public Administration. Policy-making in Government Agencies*. — Chicago: Markham Publishing Company, 1982.

Избирательные системы и избирательный процесс

Наталья Игоревна Голубкова

Выпускница факультета политологии Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова

Избирательные споры в рамках политического процесса

Аннотация

Избирательные споры в научных исследованиях рассматриваются преимущественно в качестве правового явления, которое связано исключительно с нарушением избирательных прав граждан. Однако такой подход не дает полного объяснения исследуемому феномену, поскольку, возникая в рамках электорального процесса, подобные столкновения являются отражением политических интересов акторов, претендующих на доступ к властным ресурсам. В работе феномен избирательных споров рассматривается как неотъемлемая часть политического процесса, а именно как разновидность политического конфликта, а также как специфическая политтехнология. Количество и характер возникающих избирательных споров в рамках избирательного процесса может служить индикатором политической напряженности.

Ключевые слова: избирательные споры, избирательный процесс, кандидат, жалобы, политический конфликт, политтехнологии.

Процесс выборов представляет собой средство разрешения спора между политическими акторами, претендующими на доступ к властным ресурсам, в котором коллективным арбитром выступает избирательный корпус (совокупность граждан обладающих активным избирательным правом). Выборы представляют собой разновидность институционализированного политического конфликта, целенаправленно противопоставляющего политических субъектов, их программы и взгляды.

Соперничество на выборах объективно порождает спорные ситуации, которые на различных стадиях избирательного конфликта имеют различные механизмы разрешения. Опасность политических конфликтов, возникающих в рамках избирательного процесса, объясняется тем, что при наличии ряда негативных факторов и дезорганизующих действий его отдельных участников они могут превратиться в неинституционализированные противостояния, способные приводить к самым непредсказуемым и нежелательным последствиям для политической системы.

Особую остроту избирательные споры получают в связи с тем, что в ходе предвыборной кампании участники электорального процесса приобретают сторонников среди населения. Своими обещаниями и призывами, они способствуют осознанию избирателями своих политических целей и интересов.

Избиратели начинают соотносить себя с теми или иными политическими силами, что в свою очередь может привести к чрезмерной политической активности, чреватой народными столкновениями и другими опасными последствиями. Поэтому избирательные споры должны рассматриваться не только как правовое отношение между субъектами избирательного процесса, но и как разновидность сложносоставного политического конфликта.

Избирательные споры можно считать многоуровневыми политическими конфликтами, поскольку они могут являться как самостоятельными конфликтами, так и противоборствами, являющимися продолжением предшествующего предвыборной гонке политического конфликта, а также способны порождать новые неинституционализованные противостояния. Исследуемое явление соответствует признакам политического конфликта: наличию противоречия между политическими субъектами, осознанию этого противоречия, наличию эмоционально-психологической готовности отстаивать свою позицию, а также публичному и открытому характеру, всеобщей значимости и т.д.

Однако, в рамках избирательного процесса инициирование избирательных споров может рассматриваться не только как разновидность политического конфликта, но также как средство получения преимуществ в данном конфликте, другими словами, выполнять роль политтехнологии. Под применением избирательных споров в качестве политической технологии понимается сознательное их инициирование с целью создания собственного преимущества в ходе предвыборной гонки.

Использование в качестве политтехнологии формально-правовых избирательных споров, называемое поточными жалобами или юридическими войнами, призвано решить ряд задач.

В числе которых — подавление конкурента, лишение его веры в себя, в компетенцию людей, которые работают в его штабе, создание собственного положительного образа «борца за справедливые и честные выборы», создание образа конкурента как человека, пренебрегающего нормами законодательства, создание образа нечестных выборов, чтобы в случае собственного поражения выглядеть достойно в глазах избирателей и другие.

Использование неформализованных в правовом отношении избирательных споров в качестве политической технологии подразумевает развязывание всевозможных конфликтов, выражающихся во взаимных упреках, обвинениях, потоках компроматов и т.д.

Использование подобной технологии в случае ведения кампании, основанной на стратегии создания положительного образа кандидата, позволяет создать образ честного человека, борца за справедливость и т.д.

В случае если избирательная кампания основана «на контрходе», ее основной целью является не создание положительного образа самого кандидата, а конструирование отрицательного образа конкурентов. В таком случае развязывание электоральных споров может играть важную роль. Кроме всего прочего, использование избирательных споров в качестве политтехнологии

способно решить проблему узнаваемости и популярности для кандидата, а в ряде случаев данный способ будет являться менее дорогой, но более эффективной политической рекламой.

Методы противодействия правовым избирательным спорам основываются в первую очередь на соблюдении избирательного законодательства на всех стадиях электорального процесса. В качестве дополнительного метода можно использовать психологические тренинги, позволяющие избежать психологического давления на конкурента.

Методы противодействия неформализованным избирательным спорам, которые сознательно инициируются электоральными менеджерами, сводятся к тому, что лучший способ защиты — нападение, а лучший способ оправдание — косвенная аргументация, подразумевающая более активное конструирование тех черт образа кандидата, наличие которых оспаривается конкурентами.

Значение применения избирательных споров в качестве политической технологии следует рассматривать не с точки зрения какого-либо кандидата или партии, а с точки зрения их влияния на избирательный процесс в целом. В числе негативных последствий применения избирательных споров в качестве политтехнологии можно назвать осложнение работы избирательных комиссий, создание образа нечестных и нелегитимных выборов и др.

В числе позитивных последствий можно отметить выявление и устранение реальных нарушений избирательного законодательства, стремление кандидатов или партий соблюдать правовые нормы, дабы обезопасить себя, а также устранение правовыми методами тех кандидатов, кандидатов, которые используют незаконные способы борьбы за власть в рамках избирательного процесса.

Кроме того, количество политических споров можно рассматривать в качестве своеобразного индикатора уровня политической напряженности. В условиях острой борьбы политических сил и высокой степени неопределенности за доступ к властным ресурсам количество избирательных споров является очень высоким. Широкое распространение получают неформализованные в правовом отношении избирательные споры.

При наличии явно доминирующих политических сил и консенсуса с остальными участниками политического процесса, избирательных споров значительно меньше, а те, которые имеют место, ведутся преимущественно между акторами, стремящимися стать первыми среди проигравших. Поскольку интенсивность и острота избирательных споров характеризуют степень политической конкуренции, в рамках последнего электорального цикла сознательно конструировались избирательные споры, которые можно назвать мнимыми.

По мере развития правового обеспечения электоральных процессов соотношение между спорами, не получившими правового воплощения, и формально-правовыми избирательными спорами меняется в сторону последних.

Георгий Карасимеонов

Доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой политологии Софийского университета имени К. Охридского (Болгария)

Новая трансформация партийной системы Болгарии после парламентских выборов 2009 года

Аннотация

Вторая по счету после 1989 года партийная система в Болгарии была подвергнута новым испытаниям после выборов в Народное собрание в 2009 году. Множество объективных (экономическая нестабильность, все еще выстраивающаяся социальная структура, не утвердившаяся политическая элита) и субъективных причин (слабые административные возможности, нехватка качественных политиков и слабая демократическая политическая культура населения) будут влиять на ход эволюции партийной системы в ближайшие годы.

Ключевые слова: Болгария, выборы, партийная система.

Вторая по счету после 1989 года партийная система в Болгарии была подвергнута новым испытаниям после выборов в Народное собрание в 2009 году.

Проявилась ее нестабильность и продолжающаяся трансформация. Основные политические партии, за исключением ДПС, которой удалось максимально мобилизовать голоса этнических турков, не смогли за последние двадцать лет, прошедших с начала перехода к демократии, установить стабильную связь с гражданским обществом. Главная причина продолжающегося кризиса их легитимности заключается, прежде всего, в их неэффективности в качестве правящих партий, в особенности что касается вопроса реализации основных интересов болгарских граждан.

Помимо объективных причин, связанных с существующим наследием при переходе от тоталитарной социалистической государственной системы к демократии и рыночной экономики, важной причиной кризиса доверия, приводящей к недовольству болгарских граждан деятельностью политических партий, является клиентелизм и коррупция, которые серьезно поразили политическую систему, в том числе и партийную. Данные явления вышли на первый план в общественном сознании как фактор, подтачивающий демократическое развитие и экономический рост, стали причиной возникновения новых политических партий, основой политических программ которых является борьба с коррупцией.

На борьбу с коррупцией подталкивает и ЕС, членом которого Болгария стала в 2007 году. Членство Болгарии в ЕС явилось новым внешним фактором, оказывающим сильное влияние на внешнюю политику страны и на деятельность политических партий, большинство которых являются частью ев-

ропейской политической системы. В ряде докладов ЕС, опубликованных после вступления в него Болгарии, присутствовала острая критика, направленная преимущественно на существующую коррупцию и не эффективность судебной системы, которая утрачивает не только доверие граждан к политическим институтам, но и препятствует эффективному использованию европейских фондов в интересах социально-экономического развития страны. Согласно проведенному в 2009 году агентством «Маркет линкс» исследованию, для болгарских граждан наиболее значимыми проблемами являются коррупция — 42%, безработица — 33,6%, преступность -22%. Таким образом, проблема коррупции вытеснила ряд других проблем в политической повестке дня, чем воспользовались новые политические партии, добившись с помощью этого больших политических успехов. Главной среди них является партия «Граждане за Европейское развитие Болгарии» сокращенно ГЕРБ, созданная в 2007 году, и возглавляемая пользующимся популярностью бывший главным секретарем МВД, мэром Софии, Бойко Борисовым. Партия возникла изначально как популистская, но довольно быстро сблизилась с Европейской народной партией, став ее членом в 2008 году, намереваясь занять правоцентристское пространство в партийной системе Болгарии.

В ходе местных выборов 2007 года партии ГЕРБ удалось занять хорошие позиции в институтах местного самоуправления и создать хорошие предпосылки для участия в парламентских выборах 2009 года. Фактический лидер ГЕРБ Бойко Борисов был повторно избран мэром Софии, чем укрепил свое влияние у населения.

В парламентских выборах 2009 года, партия ГЕРБ добилась больших успехов получив около 40% голосов населения и 114 мест в Народном собрании, партии не хватило всего 5 мест до абсолютного большинства. В результате партия ГЕРБ заняла доминирующую позицию а правоцентристском политическом пространстве, вытеснив тем самым «старые» правые партии — СДС и ДСБ, которые объединившись и создав «Синюю коалицию» получили около 7 % голосов избирателей и превратились в небольшое парламентское объединение с ограниченным общественным влиянием. Другими словами, в результате выборов 2009 года «старые» партии, возникшие после распада СДС, окончательно стали маргинальными.

Некоторые из них, такие как Союз свободных демократий, а также пытающиеся занять свое место в правом пространстве партии «Гергьовден» и ВМРО, не смогли обеспечить себе представительство в парламенте, и оказались таким образом с минимальными шансами на самостоятельное существование и без возможности играть значительную политическую роль. Единственным вариантом для их выживания является возможное присоединение к какой либо коалиции. Еще одна партия, входящая в число «старых» партий, БЗНС-Народный союз потерпела политический крах, несмотря на то, что являлась частью «Синей» коалиции. Аграрные партии продолжили терять свое влияние и заняли маргинальные позиции в политической системе. Когда премьер министром был избран лидер ГЕРБ Б. Борисов к партии перешло управ-

ление страной. Если сравнивать Б.Борисова с его предшественниками начиная с 1989 года, можно говорить о том, что в его руках сосредоточена наиболее значима реальная власть, даже не смотря на то, что ГЕРБ в парламенте в меньшинстве.

Но поддержка, оказываемая ему тремя парламентскими группами («Синий коалицией», «Порядок, закон и справедливость» и «Атака») гарантирует некоторый период спокойного и стабильного управления страной. Отношения между этими тремя партиями не предполагают в ближайшем и дальнейшем будущем с их стороны совместных действий, что означает, что правительство партии ГЕРБ может рассчитывать на поддержку как минимум со стороны одной из них, чтобы «спокойно» управлять, не ожидая вотум недоверия.

Б.Борисов представляет собой уникальное явление на политической арене за время после 1989 года. Ему удалось сформировать среди населения образ решительного политика действий, человека «из народа», что очень сильно отличает его от предшественников на этом посту. Такое представление о нем обеспечило ему с самого начала его работы в должности премьер-министра большую популярность, но и породило большие ожидания у народа, который рассчитывает на то, что ему удастся выполнить обещания, данные им в ходе предвыборной кампании, особенно косательно борьбы с коррупцией. В то же время вновь избранное правительство столкнулось со множеством проблем, связанных со сложившейся экономической ситуацией явившейся следствием международного финансового кризиса.

Это ограничивает ресурс доверия и возможности правительства при реализации новых проектов и реформ. Не имея опыта управления страной, правительство, возглавляемое партией ГЕРБ выходит на новую территорию со многими подводными камнями и препятствиями. Опыт предыдущих правительств, которые обладали большинством в парламенте (БСП-1994-1996, СДС- 1997-2001, НДСВ, 2001-2005 и последний мандат Тройственной коалиции 2005-2009 гг.) говорит о колебаниях общественного настроения от полного доверия к полному разочарованию. Даже если правительству, которое возглавила партия ГЕРБ удастся оправдать большие ожидания возложенные на него избирателями, остается вопросом удастся ли партии на долго изменить существующее направление развития страны и стать проводником новых тенденций в политическом процессе. Нестабильность общественного настроения и политической элиты препятствуют ее стабилизации и консолидации. Результатом этого стало возникновение за последние несколько лет партий Атака, РЗС и ГЕРБ и распад либерального центра, сформированного около партий НДСВ и ДПС. В период с 2001 года по 2009 год до очередных выборов в парламент оформилось создание своеобразного центра в партийной системе, который был основан на позициях партий НДСВ и ДПС. Обе партии состояли в коалиции в первом правительстве с 2001 года и во втором с 2005 года и в то же время являлись членами Европейской либеральной партийной семьи.

В период после 1989 года предпринимались ряд попыток с целью создания такого партийного центра, который бы был способен играть балансирующую роль в политическом процессе и выполнять роль «моста» для малых и больших коалиций, как правого, так и левого толка. НДСВ взяла на себя роль партии правоцентристского толка, ДПС левоцентристского. Более того неоднократно обе партии обсуждали идею создания либерального Альянса, в качестве коалиции на время выборов с целью обеспечения более длительного взаимодействия. Но эта идея и в целом очередная попытка создания «центристского партийного поля» потерпела крах после двух мандатов в руководстве НДСВ и ДПС. Но если ДПС удалось сохранить свои позиции, благодаря голосам этнических турков, то НДСВ постепенно растеряла свои позиции среди избирателя и не смогла набрать более 4% голосов в ходе парламентских выборов 2009 года. Такой результат стал следствием потери доверия избирателей после двух мандатов партии в исполнительной власти, но в большей степени из-за присутствия в тройственной коалиции, в которой НДСВ затерялась, среди доминирующих в ней БСП и ДПС. Другой причиной стал внутренний раскол в НДСВ который привел в 2007 году к отделению от партии значительного числа депутатов и активистов. В результате была создана новая партия «Болгарская Новая Демократия», которая однако осталась на маргинальных позициях после выборов 2009 года. Довольно спорные имущественные приобретения Симеона Саксбурготского, лидера НДСВ, породили дополнительный негатив к партии, которая воспринимается населением, как проект бывшего царя. К этому добавилось и напряжение между НДСВ и ДПС, которое окончательно подорвало возможное взаимодействие и более продолжительное присутствие на политической арене обеих партий в качестве союзниц. ДПС дистанцировалась от НДСВ, в то же время нацеливаясь на более тесное взаимодействие с БСП. Ситуация в левом центре тоже довольно проблематична. Основная партия в нем — БСП пережила тяжелое поражение на выборах получив самый низкий результат с 1989 года. Это спровоцировало глубокий кризис в партии и внутрипартийные столкновения. Позиция ее лидера Станишева была серьезно подорвана и, несмотря на, то что ему удалось выстоять перед своими оппонентами в руководстве, в следующие годы ему едва ли удастся эффективно руководить партией.

Впервые после 1989 года БСП столкнулось с перспективой потерять своего влияние и позиций, в особенности после того как новая партия власти ГЕРБ представила общественности ряд слабостей и неурядиц, и в особенности коррупционную практику тройной коалиции. И так как коррупция стала основным вопросом, волнующим общество, вытеснив другие проблемы, БСП будучи ведущей партией в бывшей тройственной коалиции пострадала в наибольшей степени от общественного недовольства.

Серьезным проблемом становится и партийная идентичность БСП, которая во время пребывания у власти сделала ставку на ряд мер характерных для неолиберальных и правоцентристских партий. К примеру, введение 10% уравнивающего налога, проведения ряда монетаристских мер, направленных

на укрепление финансовой стабильности и др. Многие из этих мер были осуществлены под влиянием партнеров БСП по коалиции, особенно НДСВ. От этого пострадала репутация БСП, как левой и социальной партии, которая несмотря на все усилия в этом направлении в конце своего мандата спровоцировала недовольство у части своих избирателей БСП. Это стало одной из причин формирования нового объединения левого толка из политических деятелей, покинувших БСП.

Несмотря на то, что на сегодня у них нет особенного влияния, в ближайшие годы не исключено что это объединение или другая новая партия левого толка, сможет оспорить «правый курс» БСП и увеличить свое влияние, перетянув голоса избирателей от БСП. После того как либеральный центр в партийной системе потерпел провал, вновь открылось пространство для создания в новых условиях двухблоковой конфигурации состоящей из левоцентристских и правоцентристских партий. Левоцентристский блок после выборов состоит из ДПС и БСП, которые хотя и с трудом все же продолжают проводить общую позицию в оппозиции. Правоцентристский блок представлен партиями ГЕРБ, ДСБ и СДС, которые являются членами ЕНП. К ним в зависимости от ситуации могут примкнуть право-популистская партия «Порядок, законность и справедливость» и националистическая «Атака», которые поддержали кабинет Борисова в начале его мандата. Время покажет, какой вид отношений сложится между двумя блоками — будет ли это диалог с элементами полемики или конфронтация, что в конечном счете и определит какова будет вторая партийная система в ее современном состоянии.

В ближайшие годы в партийной системе намечается доминирование право-центристских партий и в особенности партии ГЕРБ, к которой в определенный период времени присоединятся по ряду причин довольно разнородные объединения — такие как партии Атака и РЗС, и в особенности остатки старых правых — ДСБ и СДС. «Старые правые» будут предпринимать попытки расширения своего влияния в политическом пространстве, в том числе и увеличивая дистанцию от партии ГЕРБ, в особенности когда руководящая партия начнет терять свое первоначальное доверие у избирателей. У право-центристского блока существует значительный перевес особенно из-за кризиса в левоцентристском блоке, в первую очередь в партии БСП. ДСП тоже находится в изоляции от других партий. Это значительно ослабляет оппозиционный потенциал лево-центристского блока и дает возможность партиям правого толка проводить свою политику в законодательной и исполнительной власти.

Не исключено, что продолжится трансформация партийной системы, что связано с неизвестностью относительно будущих результатов нахождения партии ГЕРБ у власти, партии довольно молодой и имеющей минимальный опыт работы в органах центральной исполнительной власти и непредсказуемую управленческую и парламентскую элиту. Еще рано делать прогнозы относительно того будет ли трансформация после окончания мандата партии ГЕРБ значимой или нет, но то что изменения будут остается фактом, так как

Болгария является молодой и утверждающейся демократической политической системой, основы которой до сих пор закладываются. Другим словами, новая двухблоковая конфигурация пока находится в состоянии ожидания очередного перехода к большей стабильности партийной системы. Стабильность второй партийной системы после 1989 года, начало которой условно было положено в 2001 году и будущие ее трансформации будут зависеть от двух основных факторов. Во-первых от эффективности управления правящей партией ГЕРБ, и ее способности сохранять поддержку населения по окончании первого года пребывания у власти учитывая существующие тяжелые экономические условия. Во-вторых от последствий кризисных процессов, происходящих в БСП, и левоцентристском пространстве в целом.

Эти процессы определяют будет ли гегемония правоцентристского блока длительным явлением, или установится определенный баланс между левоцентристским и правоцентристским партийным пространством, что приведет к утверждению двухблоковой партийной системы, состоящей из относительно равных членов в двух блоках — левоцентристский блок, состоящий из БСП и ДПС и др, и правоцентристский блок представленный партиями ГЕРБ, ДСБ, СДС и др.

Таким образом до очередных выборов в парламент 2013 года и президентский выборов после 2011 года будут наблюдаться динамические процессы в еще не консолидированной партийной системе Болгарии, в которой происходят частые изменения соотношения политических сил. Множество объективных (экономическая нестабильность, все еще выстраивающаяся социальная структура, не утвердившаяся политическая элита) и субъективных причин (слабые административные возможности, нехватка качественных политиков и слабая демократическая политическая культура населения) будут влиять на ход эволюции партийной системы в ближайшие годы.

**Математические методы
политического анализа
и прогнозирования**

Андрей Сергеевич Ахременко

Доктор политических наук, доцент, заведующий лабораторией математических методов политического анализа и прогнозирования факультета политологии МГУ имени М. В. Ломоносова

Качество жизни в регионах России: некоторые результаты количественной оценки

Аннотация

В данной статье будут кратко освещены некоторые результаты проекта лаборатории математических методов политического анализа и прогнозирования «Качество жизни в регионах России».

Ключевые слова: качество жизни, количественная оценка.

В данной статье будут кратко освещены некоторые результаты проекта лаборатории математических методов политического анализа и прогнозирования «Качество жизни в регионах России»¹. Проект предполагает ежегодную численную оценку качества жизни по всем субъектам Российской Федерации (кроме Чеченской Республики) с 2003 г. на основе авторской методологии и методики, а также количественный анализ полученных данных. В своей аналитической части проект фокусируется на выявлении особенностей распределения качества жизни «в пространстве» (сравнительная характеристика российских регионов) и фиксации тенденций изменения данного показателя во времени.

Одна из ключевых методологических установок проекта состоит в рассмотрении социального развития в качестве результата работы политической системы. Уровень качества жизни населения показывает, насколько эффективно современное государство выполняет одну из своих центральных функций — функцию властного распределения ограниченных ресурсов для общества².

Ежегодный индекс качества жизни формируется на основе данных Росстата РФ по следующим показателям.

---

¹ Осуществляется при информационной поддержке Института региональной информации <http://www.inreginfo.ru/>

² Детальное освещение методологии и методики проекта см. Ахременко А. С., Евтушенко С. А. Качество жизни регионов России: политологический аспект, методология и методика измерения // Вестник Московского университета. Серия 12 Политические науки. — 2010. — № 1; Ахременко А. С. Стабильность политического и социального развития российских регионов: взгляд через призму проблемы качества жизни. Доклад на XII Международной научной конференции по проблемам развития экономики и общества (апрель 2010, Москва) http://www.hse.ru/data/2010/04/02/12182441_73/dakhremenko%20R-10.pdf

Качество жилищных условий населения (Н). Компонентный подиндекс, образующийся путем усреднения трех величин:

- **Наличие коммуникаций (А).** В качестве операциональной переменной взят удельный вес общей жилой площади, оборудованной водопроводом.
- **Состояние жилищного фонда (D),** измеряемое через удельный вес ветхого и аварийного жилищного фонда в общей площади жилищного фонда. При этом показатель состояния жилищного фонда обратно пропорционален доле ветхого и аварийного жилья.
- **Обеспеченность населения жильем (R),** мерой которой выступает общая площадь жилых помещений, приходящаяся в среднем на одного жителя.

Величина и распределение доходов (I). Это также компонентный подиндекс, образуемый усреднением нескольких величин:

- **Размер индивидуальных доходов (W),** взятый как отношение среднедушевых денежных доходов к прожиточному минимуму, установленному в регионе.
- **Равенство в распределении доходов (G),** — величина, обратная индексу концентрации доходов Джини.
- **Отсутствие бедности (P).** Величина, обратная доле населения с денежными доходами ниже прожиточного минимума («за чертой бедности»).

Миграционная привлекательность региона (M). В основе данного показателя — стандартные коэффициенты миграционного прироста, представляющие собой разность между числом прибывших и убывших на 10 000 человек населения территории.

Уровень выживаемости детей в возрасте до одного года (обратный смертности в возрасте до одного года) (C).

Безопасность личности (B). Данный показатель обратно пропорционален такому традиционному индикатору, как уровень преступности — число зарегистрированных преступлений на 100 000 человек населения.

Развитость рынков услуг (S), измеренная посредством переменной «объем платных услуг на душу населения».

Продолжительность жизни (L, средняя ожидаемая продолжительность жизни при рождении)

Доступность рабочих мест (J). Данный показатель является обратным по отношению к уровню безработицы, рассчитываемому как отношение численности безработных к численности экономически активного населения.

Данные приводятся к сопоставимому (безразмерному) виду с помощью операции линейного масштабирования. Итоговый индекс качества жизни (QL) представляет собой линейную безвесовую функцию указанных выше переменных:

$$QL = \frac{H + I + M + C + B + S + L + J}{8} \times 100,$$

где $H = \frac{A + D + R}{3}$ (подиндекс жилищных условий),

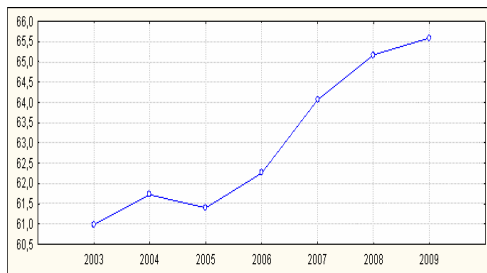
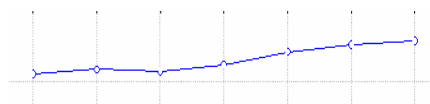
$I = \frac{W + G + P}{3}$ (подиндекс распределения доходов)

Индекс принимает значения от 0 до 100.

Среди тенденций, выделенных в результате анализа показателей качества жизни за последние семь лет (2003 — 2009), отметим следующие.

Индекс качества жизни в целом по России в указанный период имеет тенденцию к плавному росту с небольшим спадом в 2005 году, ускорением на временном отрезке 2006 — 2007 г. и некоторым замедлением в 2008 — 2009 году (рис. 1).

В реальном масштабе:

Рис. 1 Динамика качества жизни в России с 2003 по 2009 г.

Снижение темпов роста в последние два года связано, очевидно, с мировым экономическим кризисом. При этом мы ожидаем, что восстановление прежних темпов роста займет несколько лет, так как большинство показателей качества жизни обладает значительной «инерцией», — меняется во времени с определенным запозданием. Соответственно, в некоторых сферах последствия кризиса будут сказываться и после его окончания.

Различной динамикой в 2003 — 2009 гг. обладают составляющие индекса качества жизни. «Лидерами роста» являются показатели среднедушевых доходов населения, объема рынков услуг, продолжительности жизни; неплотными темпами снижается детская смертность и доля людей, живущих за чертой бедности. В то же время, продолжается усиление социального расслоения.

ния, не вполне благополучна ситуация с преступностью и качеством жилищного фонда (таблица 1).

Таблица 1. Динамика изменения качества жизни по отдельным показателям. В качестве оценки использована производная подогнанной к ряду динамики линейной функции.

Показатель	Линейный рост
размер доходов	2,36
продолжительность жизни	1,92
выживаемость детей	1,79
рынки услуг	1,33
отсутствие бедности	1,25
обеспеченность жильем	1,18
наличие коммуникаций	0,64
миграционная привлекательность	0,46
жилищный фонд	0,00
равенство доходов	-0,35
безопасность	-0,68

Первая и последняя десятки регионов по уровню качества жизни в 2009 году представлены в таблице 2. Следует отметить, что их «персональный состав» изменился на протяжении последних лет незначительно: по своей природе показатели качества жизни не подвержены резким изменениям.

Таблица 2. Первая и последняя десятки регионов по уровню качества жизни в 2009 г.

Лучшие показатели качества жизни	Индекс 2009	Рейтинг 2009	Худшие показатели качества жизни	Индекс 2009	Рейтинг 2009
Москва	79,08	1	Курганская область	57,70	73
Санкт-Петербург	74,60	2	Иркутская область	57,42	74
Московская область	71,06	3	Республика Ингушетия	57,37	75
Белгородская область	70,61	4	Забайкальский край	57,25	76
Ханты-Мансийский авт. округ	70,49	5	Амурская область	57,22	77

Лучшие показатели качества жизни	Индекс 2009	Рейтинг 2009	Худшие показатели качества жизни	Индекс 2009	Рейтинг 2009
Краснодарский край	69,41	6	Еврейская автономная область	56,67	78
Тюменская область	68,78	7	Республика Бурятия	55,63	79
Республика Татарстан	68,73	8	Республика Калмыкия	55,52	80
Ямало-Ненецкий авт. округ	68,55	9	Республика Алтай	53,83	81
Липецкая область	67,14	10	Республика Тыва	47,55	82

Вызывает тревогу тот факт, что семь из десяти субъектов федерации с худшими показателями расположены в Сибири и на Дальнем Востоке. Кроме того, неблагоприятной тенденцией является отсутствие сближения между регионами по уровню качества жизни: дисперсия индекса практически не меняется во времени.

По всем регионам была также произведена динамическая оценка: рассчитаны производные линейных функций, подогнанных к соответствующим динамическим рядам. Однако наибольший интерес представляет совмещение динамической и статической картины развития российских территорий. Были определены четыре типа регионов (таблица 3):

Таблица 3. Распределение регионов по статико-динамическим типам

№	Тип региона	Число
1	Динамика и уровень качества жизни ниже общероссийских («группа риска»)	23
2	Уровень качества жизни ниже, динамика лучше общероссийской	36
3	Уровень качества жизни выше, динамика хуже общероссийской	6
4	Динамика и уровень качества жизни выше общероссийских («группа успеха»)	17

Прежде всего, обращает на себя внимание значительное число регионов в «группе риска», существенно превышающее количество успешных территорий. Следует отметить, что в «группе риска» присутствуют не только «традиционно депрессивные» регионы, но и регионы со значительным ресурсным потенциалом и развитой промышленностью (например, Иркутская, Кемеровская, Нижегородская, Ленинградская области, Красноярский край). Таким

образом, качество жизни не является функцией «стартовых ресурсных преимуществ» территории.

Также следует отметить, что регионы, сумевшие обеспечить уровень качества жизни выше общероссийского, как правило, сохраняют возможность поддерживать опережающий характер развития: в группе 4 в несколько раз больше территорий, чем в группе 3. Здесь работает положительная петля обратной связи: накопленные ресурсы и механизмы улучшения качества жизни воспроизводятся и наращиваются.

В дальнейшем особое внимание в рамках проекта будет сосредоточено на динамике распределения регионов по статико-динамическим типам. Увеличение «группы риска» при одновременном сокращении территорий «догоняющего развития» (группа 2) будет свидетельствовать о крайне опасной тенденции к укреплению положительной обратной связи другого типа — самоподдерживающегося ухудшения качества жизни.

Антон Алексеевич Камаев

Соискатель кафедры истории и теории политики факультета политологии Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова¹

Моделирование распределения ресурсов в политической системе с помощью теории графов

Аннотация

Предлагается подход к созданию модели количественной оценки эффективности действий власти при формировании институтов, регулирующих распределение ресурсов в обществе.

Ключевые слова: теория графов, распределение ресурсов, математическое моделирование политических процессов.

В данной статье мы предложим подход к созданию модели количественной оценки эффективности действий власти при формировании институтов, регулирующих распределение ресурсов в обществе.

Прежде всего, определимся с некоторыми базовыми понятиями. Наша модель напрямую связана с понятием власти как механизма формирования норм и правил, регулирующих социальное поведение через механизм социальной нормы. Социальные нормы представляют собой важнейшие средства регуляции социального поведения, с помощью которых, в соответствии с определением М. И. Бобневой «общество в целом и различные социальные группы, предъявляют своим членам требования, которым должно удовлетво-

---

¹ Научный руководитель: доктор политических наук, заведующий лабораторией математических методов политического анализа и прогнозирования факультета политологии МГУ **Андрей Сергеевич Ахременко**.

рять их поведение, направляют, регулируют, контролируют и оценивают это поведение (1). Другое важнейшее понятие в данном контексте — понятие института, рассматривается нами как совокупность, состоящая из правил и внешнего механизма принуждения индивидов к выполнению этих правил. Есть еще ряд полезных определений, которые мы можем здесь упомянуть, например: «институты — это «правила игры» в обществе, или, выражаясь более формально, созданные человеком ограничительные рамки, которые организуют взаимоотношения между людьми» (2). Обобщая эти определения, А. Е. Шаститко трактует институт как «ряд правил, которые выполняют функцию ограничений поведения экономических агентов и упорядочивают взаимодействие между ними, а также соответствующие механизмы контроля за соблюдением этих правил» (3). И раз уж в предыдущем определении мы упомянули понятие «экономического агента», то расширяя и дополняя эти определения, мы рассматриваем институты как механизмы позволяющие распределять ресурсы в обществе: физические (товары), экономические (деньги), нематериальные (знания).

Ведь по сути, политическая система сама по себе ничего не создает — она осуществляет перераспределение ограниченных, по определению, ресурсов оптимальным, с ее точки зрения, образом. Отдельный и очень нетривиальный вопрос, который требует дальнейшего осмысления — «Что такое оптимальное перераспределение ресурсов в системе, и по каким критериям мы будем определять эту оптимальность?», к ответу на который мы будем подходить в процессе нашего размышления.

Итак, рассмотрим множество субъектов (для наглядности нашей модели положим, что это экономические агенты) взаимодействующих между собой. Каждый агент в процессе своего взаимодействия с другим агентом передает или получает от него некоторый объем ресурсов R — деньги, товары, знания и так далее. Таким образом, процесс социального взаимодействия наших агентов мы можем представить в виде ориентированного графа (рис. 1):

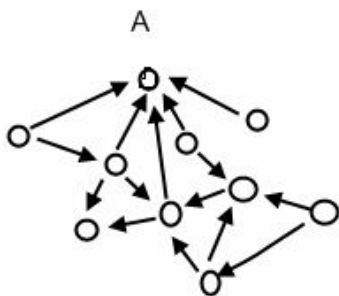

Рис. 1.

А именно мы получаем граф, упорядоченную пару множеств $P=(A,R)$, где:

1. A — множество узлов графа, экономических агентов, рассматриваемых в нашей системе;
2. $\vec{R}$ — множество дуг — упорядоченных пар узлов графа, векторов ресурса, определяющих направление от одного узла-агента к другому;
3. В каждом случае вектор $\vec{R}$ имеет свое собственное значение $|\vec{R}_i| = R_i$;

Рассмотрим, как будет характеризоваться тот или иной институт в рамках этой модели.

Так как мы условились понимать под институтом некоторый механизм перераспределения ресурсов в системе, то в самом общем виде различные институты будут отличаться друг от друга:

1. Количеством узлов A ;
2. Количеством векторов ресурса $\vec{R}$;
3. «Весом» векторов ресурса, а именно их собственными значениями;

При этом, как комплексный показатель «ресурсонасыщенности» системы, в общем виде можно выделить сумму всех собственных значений дуг ресурса — GRV (Gross Resource Value) = $\sum R_i$.

В экономическом смысле, если под ресурсом мы будем подразумевать денежное выражение товаров и услуг в системе, то есть $\sum R_i =$ ВВП, внутреннему валовому продукту системы.

Такой подход к построению модели оценки действий власти позволяет нам ввести качественный и приблизиться к количественному методу оценки изменений, вызванных этими действиями.

Представим ситуацию с олигархическим уклоном, а именно, ситуацию, в которой некоторый экономический агент имеет возможность влиять на принятия решения по формированию некоего нового института-правила (к примеру, лоббирование нового закона), позволяющего ему постоянно иметь некоторую прибавку к его текущему ресурсу в размере $R1$ (ренту).

При этом, изменение института может затрагивать гораздо больший объем ресурсов, и суммарный эффект от такого изменения может быть несоизмерим с размером «выигрыша» агента. Что происходит в системе с точки зрения нашего подхода?

В ходе изменения института меняется состояние распределения нашей системы и из состояния на рис.1. система переходит в состояние на рис. 2.

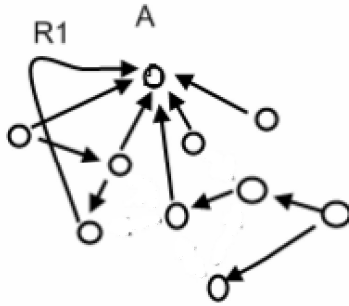

Рис. 2.

Здесь мы видим, что часть связей между узлами-агентами была разрушена (новый закон не позволил остаться на рынке мелким игрокам) — изменилось количество дуг в графе, собственные значения векторов ресурсов между другими узлами-агентами могли тоже измениться (упал объем продаж). Таким образом, разница в GRV систем будет отражать реальное изменение в системе, а именно если суммарный эффект от изменения мы обозначим как E (Effect), то мы запишем следующее выражение:

$$E = \text{GRV}(2) - \text{GRV}(1), \text{ или}$$

$$E = \sum_1^{N2} R_i - \sum_1^{N1} R_i ;$$

Суммирование собственных значений векторов ресурсов подразумевается по количеству дуг в графе (N2- во втором случае, N1 — в первом). Если мы считаем деньгами, то показатель E будет комплексным показателем изменения ВВП системы в случае изменения института.

Конечно же, в общем случае картина такого распределения динамическая, и в данном случае мы рассмотрели упрощенную статическую модель, которая описывает среднее перемещение ресурсов между агентами за некоторый промежуток времени.

Библиография

1. Бобнева М. И. Социальные нормы и регуляции поведения. — М.: Наука, 1978. — С. 3.
2. Норт Д. Институты, институциональные изменения и функционирование экономики. — М.: Начала, 1997. — С. 17.
3. Шастинко А. Е. Новая институциональная экономическая теория. — М.: ТЕИС, 2002. — С. 554.

Марина Игоревна Шкапина

Студентка кафедры истории и теории политики факультета политологии Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова¹

Принципы моделирования задержек обратных связей в системе «власть — общество»

Аннотация

В качестве методологической основы применяются системно-динамический подход и неоинституционализм, адаптированные к исследованию политического процесса. Рассмотрены механизмы обратной связи применительно к «власти» и «обществу» как подсистемам внутри сложной динамической системы. На основании анализа неэффективных обратных связей вводится гипотеза о возможных последствиях задержек внутри системы, сопряженных с «системной памятью».

Ключевые слова: системно-динамический подход, неоинституционализм, обратные связи, сложная динамическая система, задержки системы.

Политической системе, как и любой социальной, присущ характер комплексности, многофакторности протекания процессов, а также наличие большого количества причинно-следственных связей внутри неё. Например, очень непросто отследить и проанализировать причины принятия того или иного политического решения, не учитывая общий институциональный контекст, полный комплекс внешних и внутренних обстоятельств, так или иначе повлиявших на условия, в которых сложились требования среды, повлекшие за собой необходимость данных изменений.

Функция управления в сложных динамических системах, к коим относятся и политическая система, во многом принадлежит *обратным связям*, создающим путь передачи воздействий от «выхода» системы на «вход», образуя, таким образом, законченный цикл «жизнедеятельности» системы в определённый промежуток времени. Соответственно, роль обратных связей крайне важна для эффективного функционирования системы в целом, ведь без точной и своевременно полученной информации о результате какого-либо процесса невозможно достоверно оценить его последствия и сделать адекватные выводы о его влиянии на дальнейшее развитие системы. Исключительная роль обратной связи обусловлена еще и тем, что она создаёт условия для поддержания самоорганизации системы, то есть автоматического установления и поддержания на определённом, относительно постоянном уровне своих основных показателей. Обратная связь позволяет контролиро-

---

¹ Научный руководитель: доктор политических наук, заведующий лабораторией математических методов политического анализа и прогнозирования факультета политологии МГУ **Андрей Сергеевич Ахременко**.

вать и учитывать действительное состояние управляемой системы и вносить корректировки в алгоритм управления. Малейшие отклонения в передаче информации по каналам обратной связи могут коренным образом отразиться на поведении системы.

Проблема искажений особенно актуальна для политической системы и социальных систем в целом, поскольку в политической реальности передача сигналов не представляет собой автоматический процесс. Изменение состояний происходит не непосредственно под влиянием одного или нескольких процессов, а с некоторой *задержкой* и только в том случае, когда целый ряд воздействий на протяжении значительного интервала времени как бы накопится в системе. Теоретически, при выявлении всех факторов, провоцирующих задержки, появляется возможность регулировать интервалы задержек, подстраивая их под оптимальную величину.

Чрезмерные задержки могут спровоцировать переизбыток, либо, напротив, недостаток ресурсных запасов, что, в свою очередь, ведёт к кризису, а при неустранении причин и к скорому коллапсу всей системы.

Рассмотрим некий принципиальный механизм распределения ресурсов в системе «власть-общество». Итак, имеется система, где «власть» (x) обладает исключительным правом распределения всех ресурсов, поступающих из внешней среды. При этом, властные структуры распределяют ресурсы не только для «общества» как подсистемы, но для *всей системы в целом*, включая и себя. Распределяемые ресурсы не являются одинаковыми, изменяется и различается их «вес», то есть полезность для любой группы внутри данного общества. Существует изначальный реальный «вес» ресурсов (c_n) – их реальная полезность и оцениваемый распределяющей группой «вес» (c_x), причем зачастую эти переменные отличаются, поэтому, чтобы получить номинальный «вес», фигурирующий в модели, производим вычитание $c_n^{t+\Delta t} - c_x^t$ – характеристика изменения «веса» через определённые промежутки времени. Неправильно рассчитанный и неправильно понятый «вес» ресурса создаёт искажение в системе. Стремление представителей власти к максимизации своих выгод учитывается в модели путём введения переменной V – выгоды властной коалиции от распределения ресурсов, которые рассчитываются по формуле $V_x^{t+\Delta t} = g_x \times (c_n^{t+\Delta t} - c_x^t)$, где g_x – коэффициент «восприятости» властью своих выгод, то есть связывающий реальные ресурсы и отражение их значимости. Сумма издержек от распределения ресурсов описывается следующим уравнением (в динамике):

$$E_x^{t+\Delta t} = E_{e_1}^{t+\Delta t} + E_{e_2}^{t+\Delta t}$$

, где e_1 и e_2 – издержки, соответственно, на входе и выходе системы. Тогда общая величина эффективности совершения операции распределения для «власти» будет характеризоваться отношением получаемых выгод к приобретаемым издержкам.

Отразим в конечной модели, каким образом все перечисленные факторы влияют на характер задержек в системе. Учитывается, что система обладает памятью (T – параметр запаздывания) и моделируется разницей между «спо-

койным» состоянием системы и результатом транзакций во времени. В итоге получаем:

$$y(t) = \frac{k \times V_x^{t+\Delta t}}{E_x^{t+\Delta t}} - T \frac{dy}{dt}$$

Исследуя полученную модель, делаем вывод, что величина издержек от неравномерно распределённых ресурсов, не порождая задержки напрямую, всё же положительно влияют на их общее увеличение в системе. То есть, накапливаясь и отражаясь на совокупном «весе» перераспределённых ресурсов, издержки откладываются в «памяти» системы. Таким образом, в следующий момент времени, на последующем витке распределения оказывается, что принесенные ранее выгоды для распределяющей группы могут практически нивелироваться общими издержками системы, которые проявятся, если не в следующий момент времени, то через несколько временных этапов, так как отрицательный потенциал накапливается в памяти и рано или поздно выразится посредством создания серьезных колебаний системы.

Для уменьшения подобного эффекта, очевидно, необходимо выработать дополнительный институциональный механизм, корректирующий общее правило распределения ресурсов.

Библиография

1. *Норт Д.* Институты, институциональные изменения и функционирование экономики. — М.: Начала, 1997.
2. *Пыжжев И. С., Изаков И. А.* Использование неоинституционального подхода к моделированию распределения прав собственности в акционерном обществе [Электронный ресурс]. URL: http://library.krasu.ru/ft/ft_articles/0114680.pdf
3. *Forrester J.* Counterintuitive behavior of social systems// Technology Review published by the Alumni Association of the MIT, 1971.
4. *Lenoble J., Maesschalck M.* Toward a theory of governance: the action of norms. Published by Kluwer law international. — The Netherlands, 2003.

Информационные технологии в политических науках

Андрей Игоревич Волошин

Студент кафедры истории социально-политических учений
факультета политологии Московского государственного университета
им. М. В. Ломоносова

Знак как элементарная единица семиотического анализа

Аннотация

В статье рассматривается категория знака в качестве элементарной единицы семиотического анализа. Определяется соотношение понятий «знак» и «информация», а также рассматриваются особенности материальных и нематериальных знаков.

Ключевые слова: семиотика, знак, информация, материальные знаки, нематериальные знаки.

Семиотика (от греческого слова „seméion“ — «знак») — наука о *свойствах и значениях* отдельных знаков и составных знаковых систем.

Объектом изучения семиотики выступает знаковая система в предельно широком значении этого слова.

С точки зрения семиотического анализа в качестве *знака* может выступать любое материальное (предмет, системная совокупность предметов, протекающие в системной совокупности предметов процессы) или нематериальное (абстрактное) явление, несущее в себе некоторую порцию *информации*.

Понятие *информации*, в свою очередь, априори содержит в себе понятие *наблюдателя* (или, точнее, *наблюдающей системы*). Действительно, информация по своей сути направлена на снижение уровня неопределенности в рамках некоторой системы (естественной или искусственной), когда по факту её получения внутри системы происходит сокращение множества потенциально реализуемых событий. Вне рамок системы, которая могла бы потребить эту информацию, последняя теряет всякий смысл, поскольку не уменьшает и не увеличивает уровни неопределенности.

Таким образом, информация подразумевает наблюдателя, а знак в этом смысле выступает *носителем информации*: то есть тем релизерным сигналом, который снижает уровень неопределенности в наблюдающей его системе. Тем самым, множество знаков оказывается возможно расширить на всё множество наблюдаемых явлений внешнего мира, которые могут рассматриваться в качестве информационно значимых для наблюдателя. При этом следует четко осознавать, что знаком выступает не любой видимый (или, что будет более точно, потенциально доступный для наблюдения объект), а лишь тот, который представляется для наблюдателя информационно значимым. *Видеть объект* не значит его *наблюдать*: лишь только в тот момент, как этот объект снижает неопределенность в рамках наблюдающей системы он становится знаком — и после выполнения этой миссии утрачивает свои свойства

до тех пор, пока вновь не станет объектом наблюдения как *процесса усваивания информации*.

Семиотика как наука о знаках направлена на выявление фундаментальных законов функционирования знака, представляющих его свойства, а также выявление контекстуально зависимых значений знака, которые могут варьировать и изменяться в зависимости от ситуации.

Как видно из представленного определения знака, предметное поле семиотики как науки о знаках предельно обширно: до определенной степени сближаясь с общей теорией информации, семиотика, тем не менее, отличается от неё большей ориентацией на системные эффекты влияния знака. Если классическая теория информации скорее ориентирована на установление структурных особенностей прохождения информационного сигнала в синхронном аспекте рассмотрения, то семиотика, стремясь проникнуть в суть значения информации, акцентирует своё внимание на диахронных особенностях знака. В результате целью семиотики становится установление обратной связи между посылаемым и принимаемым сигналами, различиях между знаком и обозначаемым и степенью значимости последнего для наблюдающей системы в целом.

Как следствие, для семиотического анализа характерен междисциплинарный подход, предполагающий использование методов формальной логики для объяснения фундаментальных закономерностей становления, развития и функционирования знаков и знаковых систем, а также методов специальных областей научного знания в зависимости от типа изучаемой знаковой системы (таких, как общая теория систем и кибернетика для искусственных знаковых системы, или же лингвистика и психология для знаковых систем естественного типа).

Знак представляет материальное или нематериальное явление, несущее для наблюдателя некоторую порцию информации. Однако это определение нуждается в дополнительном уточнении и конкретизации, поскольку фиксирует *форму* знака — то есть то, чем он является, однако не его *материю* — основу происхождения.

Понятие знака включает в себя не только факт наблюдателя, для которого информация знака представляет некоторое знание. Знак также оказывается вторичен по отношению к тому, что он означает, то есть предмету своего обозначения: и тем самым, включает факт бытия *объекта обозначения* в своё понятие.

Иными словами, наблюдателя могут окружать сколь угодно много потенциальных объектов обозначения (начиная с конкретных предметов материального мира и заканчивая абстрактными категориями, способного существовать только лишь в представлении наблюдателя). И в тот момент, когда наблюдатель обращает своё внимание на объект обозначения и считывает из него некоторую значимую для себя информацию, он постигает не сам объект, а его знак: релизер, который побудил наблюдателя выделить данный объект обозначения из множества других. Тем самым знак можно рассматривать как

функциональную зависимость между наблюдателем и потенциально важным для наблюдателя объектом наблюдения, который предоставляет наблюдателю некоторую порцию информации. Система ввода информации наблюдателя представлена его органами чувств (для естественного наблюдателя) или же их возможными альтернативами (для систем искусственного типа). Считывая реальность, наблюдатель де-факто конвертирует её объекты в понятный для его системы ввода код: и, тем самым, в своем представлении (в широком смысле слова) оперирует уже не объектами реальности, но понятиями о них, то есть виртуальными сущностями. *Образ* объекта наблюдения — финальный результат осмысления *информации* о нём, то есть преобразованной для системы ввода наблюдателя общей картины объекта. А знак в этом контексте является тем спусковым механизмом, который инициализирует систему ввода наблюдателя для поступления в неё информации о обозначаемом знаком объекте.

Потенциальный объект наблюдения кроме своей формы, которая составляет саму суть этого объекта, имеет вокруг себя виртуальное информационное поле — совокупность потенциально значимой информации о его форме, которая может быть воспринята посредством наблюдения. Это справедливо для любого *материального объекта*; в случае же *абстрактного объекта*, объект и информация о нем являются тождественны друг другу в информационном плане.

В отношении *материального объекта и его знака* справедливы следующие закономерности.

Информационное поле объекта может быть потенциально считано наблюдателем, который может обратить своё внимание на данный объект. Однако, чтобы процесс считывания информационного поля объекта был запущен и система ввода наблюдателя была активизирована для начала наблюдения за объектом, необходим некоторый сигнал. Любой такой сигнал является минимально значимой порцией информации об объекте, которая вызывает у наблюдателя проникнуть в информационное поля объекта наблюдения с целью его восприятия.

Именно этот сигнал релизерного типа, импульс от которого вызывает у наблюдателя потребность в начале акта наблюдения за информационным полем объекта, и выступает знаком объекта наблюдения.

Акт наблюдения за объектом может ограничиться простым считыванием знака как минимальной значимой порции информации об объекте, а может привести наблюдателя к потребности более детального изучения информационного поля. В любой случае знак выступает порождением информационного поля объекта и в конечном счете ведет к тому, что видимый объект преобразуется в объект наблюдаемый.

По завершении акта считывания информации из информационного поля объекта, наблюдатель формирует об объекте определенный образ, который являет собой виртуальное представление об объекте наблюдения, которое прошло через призму системы ввода информации познающего субъекта (в

случае человека речь идет об органах чувств и координирующих их работу сознании). Достаточно очевидно, что сформированный системой ввода информации наблюдателя образ объекта (если речь идет о наблюдателе естественного, а не искусственного типа) априори не может соответствовать самому объекту наблюдения: максимальным эффективным результатом может считаться считывание всей полноты информационного поля вокруг объекта, однако не объекта наблюдения как материальной формы, однако подобное полное копирование информационного поля объекта достижимо только лишь в случае совершенства системы ввода (то есть органов чувств), добиться чего де-факто не представляется возможным.

Таким образом, образы объектов наблюдения, особенно если они формируются относительно неких ранее неизвестного, оказываются не подлинным отражением их сути, но слепком их информационного поля, дополненной доопытной моделью самого наблюдателя, которая имманентно присуща любой системе ввода информации естественного наблюдателя (живого существа).

А поскольку подобные упрощенные модели объекта наблюдения зачастую складываются только лишь из одного первого наблюдения знака, поскольку проникновение внутрь сущности информационного поля объекта требует специфически подготовленного наблюдателя, то роль знака как в большинстве случаев как единственного проявления информационного поля объекта наблюдения существенно возрастает.

Если конкретизировать понятие наблюдателя и понимать в качестве такового лишь только человека, то упрощенный образ реальности на основе знака формируется в сознании людей из-за дефицита знания о тех явлениях, с которыми они сталкиваются в своём повседневном опыте. Достаточно очевидно, что индивидуальный опыт человека ограничен: нельзя одинаково хорошо разбираться во всех тонкостях различных сфер жизни. Когда человек соприкасается с некоторой новой малоизвестной социальной практикой, знаниями о которой он ещё не обладает или даже не может обладать (как часто бывает в политической сфере), то вполне очевидно, что в этой ситуации остается лишь только прибегнуть к совокупному массовому «познавательному капиталу» или же когнитивной базе: индивид может просто взять из неё некоторый образ действительности и соединив его со знаком сформировать образ объекта наблюдения. Образ этот практически всегда весьма грубо и приблизительно описывает реальность, выделяя лишь только предельно общие черты рассматриваемого явления, но для человека он выступает как нечто крайне привлекательное, позволяющее снизить неопределенность и обрести некоторую уверенность (хотя, в некоторых случаях, иллюзорную).

Таким образом, знак служит первичным индикатором объекта наблюдения, преломляет реальность объекта и дает наблюдающему индивиду искаженное или даже полностью некорректное представление относительно подлинной сущности наблюдаемого.

Благодаря своей простоте, знак усваивается человеком фактически в готовом виде: и когда речь о социальной коммуникации, по своим функциям он приближается к категории стереотипа.

Очевидно, что человек будет больше всего знать о тех явлениях, с которыми он сталкивается регулярно и которые он может познать досконально при помощи лишь только своего собственного индивидуального опыта. Напротив, едва ли человек сможет познать какие-то явления, к которым он не имеет прямого отношения и с которыми у него нет постоянного взаимодействия. Большинство явлений окружающего человека мира принадлежат второй области. Действительно, первостепенным для среднестатистического индивида является его личная жизнь и жизнь ряда людей, с которыми он постоянно коммуницирует; внешний же мир оказывается важен лишь постольку, поскольку он связан с личной жизнью человека. Отсюда знание же о внешнем мире формируется чаще не на основе личного опыта, а на основе тех данных, которые индивид получает в готовом виде, посредством знаков, неизбежно ограниченных и достаточно приблизительных, порождающих стереотипность восприятия и феномен массового сознания.

Что же касается *нематериального объекта и его знака*, то здесь картина выглядит несколько иным образом.

Информационное поле нематериального объекта тождественно его знаку, а последний может быть соотнесен с реальностью лишь опосредованно, через приблизительное выражение его через знаки материальных объектов. К нематериальным объектам относятся понятия числа, цвета, буквы алфавита, пространства, времени и другие смежные им понятия. Достаточно очевидно, что ни число, ни цвет, ни буква не существуют в мире сами по себе: они абстрактны, а факт их графического отображения на бумаге не придает им свойств объективно существующих явлений. Тем не менее, будучи приложены к явлениям материального мира, нематериальные абстрактные объекты могут быть выражены и восприняты. Посредством простого набора однотипных материальных объектов можно выразить абстрактный объект «число» (так, совместно взятые понятия «спичка», «спичка» и «спичка» приводят к пониманию абстрактного понятия «три»). Гомогенность восприятия качественных характеристик потока излучения в видимой части спектра для некоторого множества материальных объектов дает смысловое наполнение нематериальному объекту «цвет». В свою очередь, сходства волновых колебаний воздуха, соотносимых с графическим отображением, порождают абстрактное понятие «буква алфавита».

В результате могут появляться абстрактное понятие числа «четыре», графически выражаемого через знак «4», а произносимый вслух звук [йа] приобретает графическую форму в виде знака «я». Графически выражаемые знаки «4» и «я» однозначно не соотносимыми ни с одним объектом мира, ибо не может быть эталона числа «четыре» или же звука [йа]. Однако через их использование оказывается возможным выражать информацию относительно объектов, обладающих реальным существованием.

Как следствие, знаки нематериальных объектов содержательно наполняют информационные поля материальных объектов наблюдения, а знаки последних, в свою очередь, могут выражать не только самих себя, но и в ряде случаев выступать комбинацией абстрактных знаков.

Это непосредственно подводит к пониманию *знаковой системы* — основной категории семиотического анализа, с которой наблюдатель взаимодействует в подавляющем числе случаев.

Игорь Юрьевич Демин

Кандидат политических наук, заведующий лабораторией коммуникационных систем и информационных технологий факультета политологии Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова

Формы построения политических коммуникаций в Интернете

Аннотация

В данной статье предполагается рассмотрение основных вариантов виртуального обмена посредством интернета и их влияние на построение коммуникативного пространства.

Ключевые слова: коммуникация, информация, политическая коммуникация, интернет.

Коммуникация (от лат. связывать, объединять, сообщать) — тип взаимодействия между людьми, предполагающий информационный обмен. Соответственно — *информация* — (от лат. разъяснение, изложение) — востребованные знания или сведения, передаваемые людьми устным, письменным или другим способом. *Политическая коммуникация* — это взаимодействие путем обмена информацией субъектов политики в процессе борьбы за власть или ее осуществление.

В данной статье предполагается рассмотреть основные варианты виртуального обмена посредством интернета и их влияние на построение коммуникативного пространства. *Политическая коммуникация в интернете* — процесс обмена информацией в глобальной компьютерной сети, посредством которой востребованные или навязываемые знания циркулируют между различными элементами политической системы.

Отличие виртуальной информации от устной, напечатанной, радишной, телевизионной кажется очевидным по способу передачи. Виртуальная информация передает, как и напечатанная, возможность ознакомиться с текстовым вариантом изложения события, одновременно как радио или телевидение, способна дать аудиовизуальное подтверждение или дополнение к прочитанному. При этом как при устном изложении почти всегда есть возможность, как задать дополнительные вопросы с долей вероятностью получения ответа и уж во всяком случае, уже традиционным правом обсуждения изло-

женного. Причем, аналогично и ситуации с бумажным носителем, есть неограниченные возможности многократного возвращения к одному и тому же сообщению.

Существует точка зрения, что «интернет» является особым средством массовой информации. И, следовательно, должен регулироваться законом о СМИ. Однако при более пристальном изучении вопроса становится очевидным невозможность подобного подхода к виртуальному пространству.

В интернете есть сайты, зарегистрированные как СМИ (на сайте gazeta.ru написано «Газета.Ru» Свидетельство о регистрации СМИ Эл № ФС77-28061 от 27.04.2007 г.). Но это не значит, что все, что можно прочесть в сети является разновидностью СМИ. Здесь можно найти целые порталы с книгами, написанными более века назад (например, www.runivers.ru). Разве это собрание сочинений в электронном виде можно отнести к СМИ? Есть и просто большие массивы аудиофайлов, в том числе электронной и симфонической музыки (так как на большинство из них обращены претензии из области охраны авторских прав не будем приводить примеров). Это также не имеет к СМИ непосредственного отношения. Проще было бы назвать (и называют) такие сайты и порталы библиотеками... На таких порталах и выстраиваются коммуникации.

Из подобных рассуждений напрямую следует, что интернет — это объект информационного воздействия, а коммуникативные связи выстраиваются в нем субъектами, среди которых не последнее место занимают и СМИ. Очень грубо можно провести аналогию с газетой и типографией. Газета — СМИ. Это почти всем очевидно. В то же время в типографии, наряду с газетой могут печататься и книги, и листовки, и постеры... Это для 18 и 19 веков были характерны регламенты о работе типографий, выпущенными цензурными инстанциями. В 20 веке уже не стали принимать законы для радиопередающих устройств — вышек, спутников и т.п. с точки зрения контента передаваемой информации. Субъектом регулирования в этом случае стали радио и телепрограммы, а объектом такого воздействия — теле и радио аудитории.

В чем же привлекательность виртуальных способов доведения информации до возможных получателей?

1. Административными требованиями;
2. Сравнительно небольшой стоимостью;
3. Потенциально полной доступностью любого пользователя сетью;
4. Быстротой реализации от возникновения идеи до ее конечного коммуникативного воплощения;
5. Современным «модным» имиджем;
6. Информационной безответственностью и анонимностью.

Из указанных пунктов последний рисковал превратить политическое виртуальное пространство в своеобразное собрание непроверенных или придуманных слухов с негативным уклоном на каждого фигуранта политического процесса. Особенно в период предвыборных баталий (об этом еще чуть

позже). Однако, саморегулирование интернета вместе с административными (правда, не всегда адекватными) мерами воздействия, сумели вывести виртуальную политическую информацию на тот же уровень презентабельности, что и в печати. Например, редакция сайта www.compromat.ru, специализирующаяся на размещении подобного рода информации на коммерческой основе, в обязательном порядке требует предварительной публикации на любом другом ресурсе в сети. Такое цитирование позволяет сайту уйти от судебных разбирательств и штрафных санкций за недостоверность информации.

Какие же обычно формы используются при ведении политических компаний в интернете?

А. Создание собственного контента.

1. Это официальные сайты политических партий. На них, наряду с программными документами и политическими резолюциями размещается информационная лента и официальные сообщения (сообщения пресслужбы). Кроме того, обычно делается обзор прессы с публикациями, как посвященными как данной партии, так и коррелирующимися с ее политической программой, и самостоятельные выступления членов партии или сочувствующих. В последнее время стал активно использоваться виртуальный диалог с посетителями сайтов. Часто его идентифицируют как блоги. Крупные политические структуры располагают на своих порталах видеoinформацию. Как показывает практика, здесь стоит не столько вопрос в стоимости подготовки данной информации, сколько в ее информационном наполнении и соответственно обновлении. Один из старейших сайтов КПРФ (krfg.ru) может являться образцом построения и ведения. При внешнем пуританстве исполнения на нем присутствуют все возможные элементы от форума и комиксов до информационной ленты и полит-лозунгов на ближайшую демонстрацию. О сайте Единой России (edinros.ru) можно сказать «дорогого стоит» — красивый дизайн, хороший трафик... Но попытка «всеохватности» сделала его структуру столь запутанной, что найти на нем что-либо конкретное достаточно сложно. Интересно и то, что в настоящий момент «Единая Россия» весь свой материальный ресурс по выпуску СМИ направила только на собственный сайт.
2. Создание блогов «политперсон» — фигурантов политического процесса. Для этого используются либо близкие по духу порталы, либо, что чаще, социальные сети. Наиболее популярно создание блогов в «ЖЖ» — живом журнале. Уже появились объявления, предлагающие политикам создание и ведение блогов. Главное в этом действии — ежедневное обновление информации и участие в предлагаемых дискуссиях. В последнее время обозначилась тенденция создания блогов на собственных сайтах. С учетом посещаемости — это может быть до 50 тыс. ежедневно — речь идет о вполне конкурентных СМИ. Очевидно, что провозглашение блога от одного имени, особенно если речь идет о публичной фигуре, является

своеобразным правилом игры, но не может соответствовать реальности. Ведением блогов занимаются не только политики начиная от президента страны, но даже так называемые «медиа магнаты». Александр Лебедев, владеющий несколькими печатными СМИ был один из пионеров создания собственного акаунта в живом журнале.

3. Создание клонов сайтов своих политконкурентов. Это уже из области «черных» технологий. Сайт-двойник обычно в названии и оформлении напоминает своего оппонента, но заполняется исключительно негативом. Иногда фигурант сам на себя делает «компрометирующий» сайт, но заполняет его в гротесковой так, что представителю электората с ходу становится ясным, что незаслуженно обижают хорошего человека... В целом возможны различные варианты... Создание подобных сайтов не является прямым нарушением закона. Претензии предъявляются в основном с точки зрения охраны авторских прав от копируемого сайта. Наиболее известным был клон сайта Лужкова на парламентских выборах 99 года. Эффект от этого может быть только в выведении из «душевного равновесия» потенциального политического противника. В таком состоянии оппонент может чаще совершать неадекватные действия.

4. Рассылка рекламной информации — спама — собственного изготовления. В целом считается, что спам однозначно негативно воспринимается интернет-пользователями. Соответственно, необходимо просчитать возможный эффект от принудительной рассылки информации. Для распространения «слухов» вообще лучше пользоваться социальными сетями, но это уже использование чужого контента. .

Б. Использование чужого контента.

1. Использование существующих в интернете СМИ для ведения информационной компании. Речь идет как об информагентствах, так и сайтах, занимающихся анализом информации. При тех же тиражах, что и с печатными СМИ (в данном случае тираж-количество оригинальных посещений за сутки), стоимость компании будет в 5-8 раз меньше.

2. Использование порталов официальных структур — от министерств и ведомств до местного самоуправления и сайтов различных коммерческих структур. Здесь кроме подбора информации, часто используется работа на форумах наиболее посещаемых пользователями сети ресурсов. Чаще всего тенденциозность обсуждения легко вычисляется модератором и удаляется. Но время до удаления может быть от нескольких часов до нескольких дней (особенно если речь идет о порталах госструктур в праздничные дни). Например, таким образом, был использован сайт www.mvd.ru. В пятницу была на форуме начата дискуссия от имени сотрудников органов о коррумпированности системы. Позже было установлено, что большая часть информации под разными именами ставилась с одних и тех же ip-адресов — т.е.с большой долей вероятности с одного компьютера. К вечеру воскресенья форум был скопирован некоторыми интернет СМИ, и дальнейшее раскрытие ситуации шло без

прямой ссылки на сайте МВД (но с указанием о дискуссии на официальном сайте министерства), т.к. в понедельник утром все негативные надписи были удалены пришедшим на работу администратором сайта. Дальнейшая политизация выстроенных коммуникаций происходила вне системы МВД.

3. Широко применяется использование ресурсов, в том числе виртуальных, декларирующих политический нейтралитет общественных и правозащитных структур. Особую популярность приобрели компании на сайтах экологических организаций. В силу специфики функционирования, т.е. выявления негативных тенденций, эти ресурсы обычно используются оппозицией в борьбе за власть.
4. Достаточно часто используется работа на сайтах оппонентов. Причем это может быть как навязываемая от имени «общества» дискуссия, так прямой взлом сайта с появлением дискредитирующей противника информацией. Впрочем, в последнее время взлом чужого сайта стал считаться преступлением и соответственно «черной технологией». А вот удачная дискуссия всегда приносит дивиденды хотя бы тем, что выводит из душевного равновесия политического противника, подталкивая к неадекватным действиям.
5. Использование блогеров, имеющих более 1000 посещений за сутки. Фактически это уже идет речь о массовом информировании через «лидера общественного мнения» в определенном сегменте интернета. В данном случае речь идет не обязательно о прямой покупке данного ресурса — передаче денег за прямое размещение на контролируемом ресурсе. Правильно предложить определенную актуальную тему дискуссии. Главное — умело направлять ее под определенным углом.
6. Отдельно от блогеров имеет смысл упомянуть социальные сети. Это идеальный способ распространения яркой и короткой информации, когда целое сообщество, объединенное в одну мега сеть, насчитывающую десятки, а то и сотни тысяч пользователей, подхватывает и разносит один слух или факт... Но информация для такой «разноски» должна быть тщательно спланирована как по содержанию, так и по обстоятельствам «вброса».

Конечно, нельзя перечислить все способы ведения политической кампании в интернете. Несомненно, многие из них будут придумываться уже в ближайшие месяцы. В связи с этим позволю себе еще одно небольшое замечание. Начинающим политикам наиболее присуще использование методов «черного пиара», «слива» различного «компромата» на своих конкурентов. Многим кажется, что они, таким образом, «открывают глаза народу» на правду. Увлечение этими методиками обычно не прибавляет голосов, а отрицательно влияет на явку, понижает ее за счет политически активного избирателя. А именно на такого обычно пытаются ориентироваться «молодые» политики. Т. е. запущенный «компромат» в конечном итоге превращается в «политический» бумеранг. Кроме того, в связи с падением явки, можно про-

гнозировать интерес к борьбе с подобного рода явлениями избирательных комиссий и административной структуры в целом.

И последнее. Ведение кампании в виртуальном пространстве должно быть жестко увязано со всей избирательной работой. В интернете логично дублировать все размещаемое на ТВ, радио и печатных СМИ.

От редакторов.....	3
История и теория политики	5
Богданов Артём Владимирович. Рене Генон — классик традиционализма.....	6
Бутаков Павел Владимирович. Юрий Крижанич как первый мыслитель на Руси, осознавший необходимость применения промышленной политики	10
Карипов Балташ Нурмухамбетович. Политико-идеологические процессы России во второй половине XIX — начале XX веков.....	13
Линде Андрей Николаевич. Политические аспекты национального становления Шотландии.....	19
Рой Дмитрий Алексеевич. Революционна ли «О революции» Х. Арендт?	26
Сетов Никита Романович. «Прагматический аргумент» Джона Райдера (рецензия на будущую книгу «Вещи на небесах и на земле: эссе о прагматическом натурализме»).....	31
Телин Кирилл Олегович. Политический средний класс.....	34
Чанышев Александр Арсеньевич. «История» и «современность»	37
Чкоидзе Екатерина Давидовна. Феномен русофобии: исторический генезис, типы, виды, структура и функции.....	41
История социально-политических учений.....	45
Агаев Бекхан Вахаевич. Генезис концепции «правового социализма» С.И.Гессена	46
Акулова Дарья Алексеевна. Политическая мифология Данте Алигьери	50
Алексеев Давид Евгеньевич. Неоконченный спор между Платоном и Аристотелем	54
Архипова Мария Николаевна. Туманный Альбион, коварный Альбион (политическая жизнь Великобритании конца XVIII века глазами русского путешественника)	56
Вархотова Вера Александровна. Историко-политологический подход к изучению идеи вечного мира в политической мысли Европы XVI–XIX веков	
Горохов Андрей Анатольевич. Славянофилы о сущности консерватизма	62
Дец Иоахим Ежи. О некоторых базовых аспектах предметного поля истории общественно-политических учений.....	65
Захватова Лидия Эдуардовна. Идеино-политические аспекты кубинской революции (1953–1959 гг.).....	73

Зеленин Юрий Александрович. Ценностный подход к политической идеологии народничества.....	77
Зоткин Алексей Александрович. Карл фон Клаузевиц о проблеме войны и мира.....	82
Ибраев Марат Умербаевич. Н. Н. Алексеев об особенностях российской политико-правовой культуры.....	85
Кирюшина Марина Константиновна. Геополитические идеи И. И. Дусинского (1879–1919).....	91
Козиков Иван Андреевич. Идеи М. В. Ломоносова как теоретические основы формирования ноосферных представлений.....	98
Кононова Ольга Алексеевна. От «социального государства» к «полицейскому социализму»: о влиянии В. А. Гольцева на политическое мировоззрение С. В. Зубатова.....	102
Кудрявцев Виктор Кузьмич. Молодежь, интеллигенция и власть в пореформенной России XIX века.....	106
Кулясова Алина Фёдоровна. В поисках утраченной души: литературная утопия индустриальной эпохи.....	109
Лукиенко Екатерина Леонидовна. П. И. Новгородцев как представитель «нового либерализма» в России.....	113
Мартыненко Николай Петрович. Социальная функция знаков.....	116
Матленгевич Томаш. Славянская идея в Царстве Польском. Политическая мысль Станислава Сташица.....	119
Мырикова Анна Валериевна. Печать и власть: Тютчев о свободе слова.....	122
Пертель Оксана Олеговна. Концепция совещательной республики Ханны Арендт.....	125
Прокудин Борис Александрович. К вопросу об органичности исторического развития в историософской концепции К. Д. Кавелина.....	128
Репьёва Анастасия Михайловна. Образ «нового человека» в русской социально-политической мысли 1860-х гг.....	131
Сетов Никита Романович. Понятие государства в политической теории Б. Бьюзена.....	133
Сорокопудова Ольга Евгеньевна. Политическая публицистика как источник истории социально-политических учений.....	136
Исмаилов Алексей Станиславович. Вопрос идеологии в творчестве Г. П. Федотова.....	144
Хворов Дмитрий Андреевич. Идеология этноконфессионального противостояния: движение объединенных ирландцев.....	149

Чамаева Наталья Александровна. Понятие игры в политической теории Майкла Оукшотта	156
Ширинянц Александр Андреевич. С. П. Шевырев в истории социально-политической мысли России	162
Якубов Иван Владимирович. Чартизм: пролетарская партия или народный фронт?	167
Российская политика.....	173
Айнутдинов Руслан Фаритович. Эволюция Совета Федерации Федерального Собрания Российской Федерации	174
Вершинина Мария Игоревна. Теоретические аспекты функционирования гражданского общества в России	186
Завьялов Андрей Владимирович. Национальная политика как инструмент решения межнациональных конфликтов	188
Иванова Анастасия Александровна. Формула национальной идеи в политическом дискурсе парламентских партий современной России.....	192
Игнатенко Юлия Викторовна. Некоторые черты политической культуры России	195
Магомедбеков Гасанбек Залбекович. Особенности формирования института власти в Республике Дагестан.....	199
Незина Майя Андреевна. Приграничное сотрудничество России и Китая: сложности и перспективы развития.....	209
Скрипниченко Дарья Вячеславовна. Республики Северного Кавказа в системе российского федерализма в 2000-ые гг. (на материалах Республики Ингушетия и Чеченской Республики).....	212
Мировая политика и международные отношения.....	217
Бредихин Антон Викторович. Геополитический аспект проекта «Великой Украины».....	218
Комарова Людмила Валерьевна. Выбор столицы Олимпийских игр: политические и экономические аспекты	222
Косоруков Артём Андреевич. Анализ внешней политики: актуальные проблемы	225
Мухаметов Руслан Салихович. Имидж России за рубежом и пути его продвижения.....	228
Пахоруков Константин Игоревич. Европейская иммиграционная политика: проблемы и перспективы.....	232
Петрухина Анна Александровна. Идеология и социально-политическая практика исламизма	236

Никита Юрьевич Пичугин. Геоинформационное моделирование в исследовании мировых политических процессов	243
Слепцов Никита Александрович. Сотрудничество и безопасность в Восточной Азии: институциональный аспект	247
Столетов Олег Владимирович. Университет как субъект мировой политики	250
Урсуленко Никита Сергеевич. Реформирование Организации Объединённых Наций: история и современность	253
Чихарев Иван Александрович. Мировая политика и международные отношения в предметном поле политической теории	257
Внутренняя и внешняя политика зарубежных стран	263
Авилова Мария Александровна. Теоретические направления интеграции ЕС: дискуссии о роли национального государства	264
Кислицына Дарья Олеговна. Теоретико-методологические проблемы изучения труднодоступных и удаленных регионов	269
Небольсина Екатерина Юрьевна. Особенности формирования политики урегулирования этнополитических конфликтов в Европейском союзе на примере Испании	272
Шелистов Юрий Ивлонович. Интеграционные процессы в Европе	276
Социология и психология политики.....	291
де Лазари Анджей Димитр (de Lazari Andrzej Dymitr). Польская и русская душа — взаимное восприятие	292
Затонских Алёна Владимировна. Образы прошлого и настоящего России в массовом сознании	297
Зверев Андрей Леонидович. Теоретические подходы к исследованию политической социализации в условиях трансформации политических систем	302
Ищенко Эдуард Борисович. Динамика социально-политических идеалов «свободы» и «справедливости» в сознании россиян	312
Матленгевич Томаш. Отражение процесса формирования буржуазного общества в музыке. Оперы Вольфганга Амадея Моцарта на основе либретто Лоренцо да Понте.....	316
Трескин Пётр Андреевич. Пути формирования социальной сплоченности в России	319
Трофимова Вера Владимировна. Модели рекрутирования современной российской политической элиты.....	324

Цветкова Марина Витальевна. Формирование элиты как средство управления имиджем государства.....	328
Политическая коммуникативистика.....	331
Латышева Олеся Викторовна. Влияние информационных ресурсов сети Интернет на формирование электорального поведения граждан России.....	332
Новикова Светлана Александровна. Блогосфера и социальные сети как коммуникативные и имиджевые инструменты органов власти (на примере предвыборных кампаний в США).....	336
Чурикова Анастасия Евгеньевна. Личностный стиль как фактор политических переговоров	340
Политический менеджмент и связи с общественностью	347
Анисимова Анна Владимировна. Особенности современных политических коммуникаций в США и странах Западной Европы.....	348
Володенков Сергей Владимирович. «Твиттер» как площадка для общественно-политических коммуникаций в России: возможности и перспективы использования	352
Щегловитов Алексей Евгеньевич. Основные подходы к управлению общественным мнением в рамках политического менеджмента	360
Экологическая политика	365
Башков Андрей Владимирович. Экологические аспекты лоббистской деятельности финансово-промышленных групп в современной России (влияние экологического фактора на осуществление политических процессов)	366
Карачолова Кети Стоянова. Проблема «Вромоса»	376
Козьменко Эвелина Алексеевна. Общие принципы международного экологического права и их реализация в российском законодательстве.....	379
Экономическая политика	383
Васильева Полина Игоревна. Социальная и экономическая деятельность Русской православной церкви в России и за рубежом	384
Кохась Артем Сергеевич. Оптимизация кредитной политики государств в условиях финансового кризиса	387
Смоляк Дмитрий Владимирович. Финансовая политика: понятие, направления и место в системе политической науки	390
Избирательные системы и избирательный процесс.....	401
Голубкова Наталья Игоревна. Избирательные споры в рамках политического процесса.....	402

Карасимеонов Георгий. Новая трансформация партийной системы Болгарии после парламентских выборов 2009 года	405
Математические методы политического анализа и прогнозирования .	411
Ахременко Андрей Сергеевич. Качество жизни в регионах России: некоторые результаты количественной оценки	412
Камаев Антон Алексеевич. Моделирование распределения ресурсов в политической системе с помощью теории графов.....	417
Шкапина Марина Игоревна. Принципы моделирования задержек обратных связей в системе «власть — общество»	421
Информационные технологии в политических науках	425
Волошин Андрей Игоревич. Знак как элементарная единица семиотического анализа	426
Демин Игорь Юрьевич. Формы построения политических коммуникаций в Интернете	431

Научное издание

SCHOLA-2010

Сборник научных статей

Ответственный редактор *А. И. Волошин*

Корректор *Э. А. Козьменко*

Компьютерная верстка *А. И. Волошин*

<http://www.schola.su>

Подписано к печати 10.12.2010.

Формат 60×90 1/16 .

Гарнитура Таймс. Печать офсетная.

Усл. печ. л. 27,69.

Общество с ограниченной ответственностью

«Издательский дом Политическая мысль»

127055, Москва, пер. Перуновский, д. 4/10.

E-mail: idpmmsk@mail.ru

Тел. +7 495 972-17-19